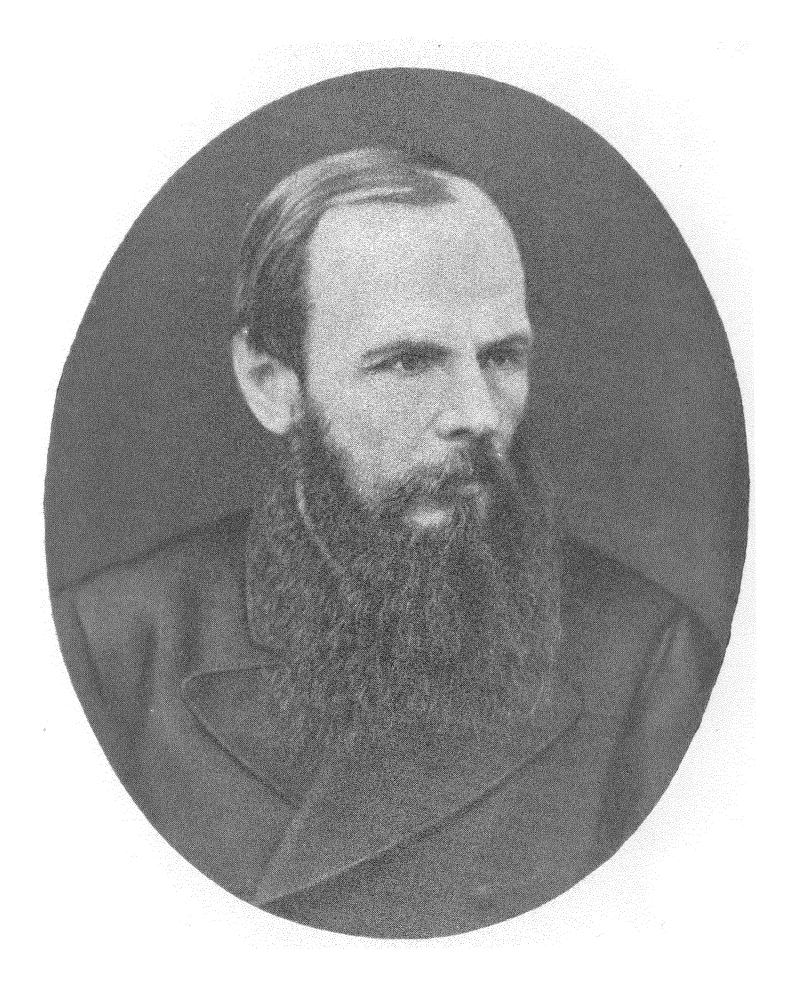
Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

22

Ф. М. Достоевский
Фотография Н. Лоренковича. 1878

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1981

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 ГОД

ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1981

Д $\frac{70301\text{-}524}{042\,(02)\text{-}81}$ Подписное. 4702010100.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное издание

1876

ЯНВАРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
О БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ МЕДВЕДИЦАХ, О МОЛИТВЕ ВЕЛИКОГО ГЕТЕ И ВООБЩЕ О ДУРНЫХ ПРИВЫЧКАХ

...Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городничего, но всё же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием.

Нынче все с полным спокойствием. Спокойны и, может быть, даже счастливы. Вряд ли кто дает себе отчет, всякий действует «просто», а это уже полное счастье. Нынче, как и прежде, все проедены самолюбием, но прежнее самолюбие входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось в физиономии: «Так ли я вошел? Так ли я сказал?» Нынче же всякий и прежде всего уверен, входя куда-нибудь, что всё принадлежит ему одному. Если же не ему, то он даже и не сердится, а мигом решает дело; не слыхали ли вы про такие записочки:

«Милый папаша, мне двадцать три года, а я еще ничего не сделал; убежденный, что из меня ничего не выйдет, я решился покончить с жизнью...»

И застреливается. Но тут хоть что-нибудь да понятно: «Для чего-де и жить, как не для гордости?» А другой посмотрит, походит и застрелится молча, единственно из-за того, что у него нет денег, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство.

Уверяют печатно, что это у них от того, что они много думают. «Думает-думает про себя, да вдруг где-нибудь и вынырнет, и именно там, где наметил». Я убежден, напротив, что он вовсе ничего не думает, что он решительно не в силах составить понятие, до дикости неразвит, и если чего захочет, то утробно, а не

сознательно; просто полное свинство, и вовсе тут нет ничего либерального.

И при этом ни одного гамлетовского вопроса:

Но страх, что будет там...

И в этом ужасно много странного. Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю безмыслие, а не бессмыслие. Ну, не верь, но хоть помысли. В нашем самоубийце даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется *я* и есть существо бессмертное. Он даже как будто никогда не слыхал о том ровно ничего. И, однако, он вовсе и не атеист. Вспомните прежних атеистов: утратив веру в одно, они тотчас же начинали страстно веровать в другое. Вспомните страстную веру Дидро, Вольтера... У наших — полное tabula rasa,[1] да и какой тут Вольтер: просто нет денег, чтобы нанять любовницу, и больше ничего.

Самоубийца Вертер, кончая с жизнью, в последних строках, им оставленных, жалеет, что не увидит более «прекрасного созвездия Большой Медведицы», и прощается с ним. О, как сказался в этой черточке только что начинавшийся тогда Гете! Чем же так дороги были молодому Вертеру эти созвездия? Тем, что он сознавал, каждый раз созерцая их, что он вовсе не атом и не ничто перед ними, что вся эта бездна таинственных чудес божиих вовсе не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия... и что за всё счастие чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? — он обязан лишь *своему лику человеческому*.

«Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне».

Вот какова должна была быть молитва великого Гете во всю жизнь его. У нас разбивают этот данный человеку лик совершенно просто и без всяких этих немецких фокусов, а с Медведицами, не только с Большой, да и с Малой-то, никто не вздумает попрощаться, а и вздумает, так не станет: очень уж это ему стыдно будет.

— О чем это вы заговорили? — спросит меня удивленный читатель.

— Я хотел было написать предисловие, потому что нельзя же совсем без предисловия.

— В таком случае лучше объясните ваше направление, ваши убеждения, объясните: что вы за человек и как осмелились объявить «Дневник писателя»?

Но это очень трудно, и я вижу, что я не мастер писать предисловия. Предисловие, может быть, так же трудно написать, как и письмо. Что же до либерализма (вместо слова «направление»

[1] пустота; *букв.* — чистая доска (*лат.*).

я уже прямо буду употреблять слово: «либерализм»), что до либерализма, то всем известный Незнакомец, в одном из недавних фельетонов своих, говоря о том, как встретила пресса наша новый 1876 год, упоминает, между прочим, не без едкости, что всё обошлось достаточно либерально. Я рад, что он проявил тут едкость. Действительно, либерализм наш обратился в последнее время повсеместно — или в ремесло или в дурную привычку. То есть сама по себе это была бы вовсе не дурная привычка, но у нас всё это как-то так устроилось. И даже странно: либерализм наш, казалось бы, принадлежит к разряду успокоенных либерализмов; успокоенных и успокоившихся, что, по-моему, очень уж скверно, ибо квиетизм всего бы меньше, кажется, мог ладить с либерализмом. И что же, несмотря на такой покой, повсеместно являются несомненные признаки, что в обществе нашем мало-помалу совершенно исчезает понимание о том, что либерально, а что вовсе нет, и в этом смысле начинают сильно сбиваться; есть примеры даже чрезвычайных случаев сбивчивости. Короче, либералы наши, вместо того чтоб стать свободнее, связали себя либерализмом как веревками, а потому и я, пользуясь сим любопытным случаем, о подробностях либерализма моего умолчу. Но вообще скажу, что считаю себя всех либеральнее, хотя бы по тому одному, что совсем не желаю успокоиваться. Ну вот и довольно об этом. Что же касается до того, какой я человек, то я бы так о себе выразился: «Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content», то есть по-русски: «Я человек счастливый, но — кое-чем недовольный»...

На этом и кончаю предисловие. Да и написал-то его лишь для формы.

II. БУДУЩИЙ РОМАН. ОПЯТЬ «СЛУЧАЙНОЕ СЕМЕЙСТВО»

В клубе художников была елка и детский бал, и я отправился посмотреть на детей. Я и прежде всегда смотрел на детей, но теперь присматриваюсь особенно. Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их самого первого детства.

Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для «Отечественных записок», я чуть было не начал тогда моих «Отцов и детей», но удержался, и слава богу: я был не готов. А пока я написал лишь «Подростка» — эту первую пробу моей мысли. Но тут дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком, робко и

дерзко желающим поскорее ступить свой первый шаг в жизни. Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и «случайность» свою и тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет его в сердце своем, любуется им еще в стыдливых, но уже дерзких и бурных мечтах своих, — всё это оставленное единственно на свои силы и на свое разумение, да еще, правда, на бога. Всё это выкидыши общества, «случайные» члены «случайных» семей.

В газетах все недавно прочли об убийстве мещанки Перовой и об самоубийстве ее убийцы. Она с ним жила, он был работником в типографии, но потерял место, она же снимала квартиру и пускала жильцов. Началось несогласие. Перова просила его ее оставить. Характер убийцы был из новейших: «Не мне, так никому». Он дал ей слово, что «оставит ее», и варварски зарезал ее ночью, обдуманно и преднамеренно, а затем зарезался сам. Перова оставила двух детей, мальчиков 12 и 9 лет, прижитых ею незаконно, но не от убийцы, а еще прежде знакомства с ним. Она их любила. Оба они были свидетелями, как с вечера он, в страшной сцене, измучил их мать попреками и довел до обморока, и просили ее не ходить к нему в комнату, но она пошла.

Газета «Голос» взывает к публике о помощи «несчастным сиротам», из коих один, старший, воспитывался в 5-й гимназии, а другой пока жил дома. Вот опять «случайное семейство», опять дети с мрачным впечатлением в юной душе. Мрачная картина останется в их душах навеки и может болезненно надорвать юную гордость еще с тех дней,

...когда нам новы
Все впечатленья бытия,

а из того не по силам задачи, раннее страдание самолюбия, краска ложного стыда за прошлое и глухая, замкнувшаяся в себе ненависть к людям, и это, может быть, во весь век. Да благословит господь будущее этих неповинных детей, и пусть не перестают они любить во всю жизнь свою их бедную мать, без упрека и без стыда за любовь свою. А помочь им надо непременно. На этот счет общество наше отзывчиво и благородно. Неужели им оставить гимназию, если уж они начали с гимназии? Старший, говорят, не оставит, и его судьба будто уж устроена, а младший? Неужто соберут рублей семьдесят или сто, а там и забудут про них? Спасибо и «Голосу», что напоминает нам о несчастных.

III. ЕЛКА В КЛУБЕ ХУДОЖНИКОВ. ДЕТИ МЫСЛЯЩИЕ И ДЕТИ ОБЛЕГЧАЕМЫЕ. «ОБЖОРЛИВАЯ МЛАДОСТЬ». ВУЙКИ. ТОЛКАЮЩИЕСЯ ПОДРОСТКИ. ПОТОРОПИВШИЙСЯ МОСКОВСКИЙ КАПИТАН

Елку и танцы в клубе художников я, конечно, не стану подробно описывать; всё это было уже давно и в свое время описано, так что я сам прочел с большим удовольствием в других фельетонах. Скажу лишь, что слишком давно перед тем нигде не был, ни в одном собрании, и долго жил уединенно.

Сначала танцевали дети, все в прелестных костюмах. Любопытно проследить, как самые сложные понятия прививаются к ребенку совсем незаметно, и он, еще не умея связать двух мыслей, великолепно иногда понимает самые глубокие жизненные вещи. Один ученый немец сказал, что всякий ребенок, достигая первых трех лет своей жизни, уже приобретает целую треть тех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу. Тут были даже шестилетние дети, но я наверно знаю, что они уже в совершенстве понимали: почему и зачем они приехали сюда, разряженные в такие дорогие платьица, а дома ходят замарашками (при теперешних средствах среднего общества — непременно замарашками). Мало того, они наверно уже понимают, что так именно и надо, что это вовсе не уклонение, а нормальный закон природы. Конечно, на словах не выразят; но внутренно знают, а это, однако же, чрезвычайно сложная мысль.

Из детей мне больше понравились самые маленькие; очень были милы и развязны. Постарше уже развязны с некоторою дерзостью. Разумеется, всех развязнее и веселее была будущая средина и бездарность, это уже общий закон: средина всегда развязна, как в детях, так и в родителях. Более даровитые и обособленные из детей всегда сдержаннее, или если уж веселы, то с непременной повадкой вести за собою других и командовать. Жаль еще тоже, что детям теперь так всё облегчают — не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенок станет лепетать первые слова, и уже тотчас же начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное.

Что устрицы, пришли? О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать...

Вот эта-то «обжорливая младость» (единственный дрянной стих у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой) — вот эта-то обжорливая младость из чего-нибудь да делается же? Скверная младость и нежелательная, и я уверен, что слишком облегченное воспитание чрезвычайно способствует ее выделке; а у нас уж как этого добра много!

Девочки все-таки понятнее мальчиков. Почему это девочки, и почти вплоть до совершеннолетия (но не далее), всегда развитее или кажутся развитее однолетних с ними мальчиков? Девочки особенно понятны в танцах: так и прозреваешь в иной будущую «Вуйку», которая ни за что не сумеет выйти замуж, несмотря на всё желание. Вуйками я называю тех девиц, которые до тридцати почти лет отвечают вам: вуй да нон. Зато есть и такие, которые, о сю пору видно, весьма скоро выйдут замуж, тотчас как пожелают.

Но еще циничнее, по-моему, одевать на танцы чуть не взрослую девочку всё еще в детский костюм; право нехорошо. Иные из этих девочек так и остались танцевать с большими, в коротеньких платьицах и с открытыми ножками, когда в полночь кончился детский бал и пустились в пляс родители.

Но мне всё чрезвычайно нравилось, и если бы только не толкались подростки, то всё обошлось бы к полному удовольствию. В самом деле, взрослые все празднично и изящно вежливы, а подростки (не дети, а подростки, будущие молодые люди, в разных мундирчиках, и которых была тьма) — толкаются нестерпимо, не извиняясь и проходя мимо с полным правом. Меня толкнули раз пятьдесят; может быть, их так тому и учат для развития в них развязности. Тем не менее мне всё нравилось, с долгой отвычки, несмотря даже на страшную духоту, на электрические солнца и на неистовые командные крики балетного распорядителя танцев.

Я взял на днях один номер «Петербургской газеты» и в нем прочел корреспонденцию из Москвы о скандалах на праздниках в дворянском собрании, в артистическом кружке, в театре, в маскараде и проч. Если только верить корреспонденту (ибо корреспондент, возвещая о пороке, мог с намерением умолчать о добродетели), то общество наше никогда еще не было ближе к скандалу, как теперь. И странно: отчего это, еще с самого моего детства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадал в большое праздничное собрание русских людей, тотчас всегда мне начинало казаться, что это они только так, а вдруг возьмут, встанут и сделают дебош, совсем как у себя дома. Мысль нелепая и фантастическая, — и как я стыдился и упрекал себя за эту мысль еще в детстве! Мысль, не выдерживающая ни малейшей критики. О, конечно, купцы и капитаны, о которых рассказывает правдивый корреспондент (я ему вполне верю), и прежде были и всегда были, это тип неумирающий; но всё же они более боялись и скрывали чувства, а теперь, нет-нет, и вдруг прорвется, на самую середину, такой господин, который считает себя совсем уже в но-

вом праве. И бесспорно, что в последние двадцать лет даже ужасно много русских людей вдруг вообразили себе почему-то, что они получили полное право на бесчестье, и что это теперь уже хорошо, и что их за это теперь уже похвалят, а не выведут. С другой стороны, я понимаю и то, что чрезвычайно приятно (о, многим, многим!) встать посреди собрания, где всё кругом, дамы, кавалеры и даже начальство так сладки в речах, так учтивы и равны со всеми, что как будто и в самом деле в Европе, — встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии, — свиснуть кому-нибудь оплеуху, отмочить пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить: «Вот, дескать, вам за двухсотлетний европеизм, а мы вот они, все как были, никуда не исчезли!» Это приятно. Но всё же дикарь ошибется: его не признают и выведут. Кто выведет? Полицейская сила? Нет-с, совсем не полицейская сила, а вот именно такие же самые дикари, как и этот дикарь! Вот она где сила. Объяснюсь.

Знаете ли, кому, может быть, всех приятнее и драгоценнее этот европейский и праздничный вид собирающегося по-европейски русского общества? А вот именно Сквозникам-Дмухановским, Чичиковым и даже, может быть, Держиморде, то есть именно таким лицам, которые у себя дома, в частной жизни своей — в высшей степени национальны. О, у них есть и свои собрания и танцы, там, у себя дома, но они их не ценят и не уважают, а ценят бал губернаторский, бал высшего общества, об котором слыхали от Хлестакова, а почему? А именно потому, что сами не похожи на хорошее общество. Вот почему ему и дороги европейские формы, хотя он твердо знает, что сам, лично, он не раскается и вернется с европейского бала домой всё тем же самым кулачником; но он утешен, ибо хоть в идеале да почтил добродетель. О, он совершенно знает, что всё это мираж; но всё же он, побывав на бале, удостоверился, что этот мираж продолжается, чем-то всё еще держится, какою-то невидимою, но чрезвычайною силою, и что вот он сам даже не посмел выйти на средину и что-нибудь гаркнуть на национальном наречии, — и мысль о том, что ему этого не позволили, да и впредь не позволят, чрезвычайно ему приятна. Вы не поверите, до какой степени может варвар полюбить Европу; всё же он тем как бы тоже участвует в культе. Без сомнения, он часто и определить не в силах, в чем состоит этот культ. Хлестаков, например, полагал, что этот культ заключается в том арбузе в сто рублей, который подают на балах высшего общества. Может быть, Сквозник-Дмухановский так и остался до сих пор в той же самой уверенности про арбуз, хотя Хлестакова и раскусил, и презирает его, но он рад хоть и в арбузе почтить добродетель. И тут вовсе не лицемерие, а самая полная искренность, мало того — потребность. Да и лицемерие тут даже хорошо действует, ибо что такое лицемерие? Лицемерие есть та самая дань, которую порок обязан платить добродетели, — мысль безмерно утешитель-

ная для человека, желающего оставаться порочным практически, а между тем не разрывать, хоть в душе, с добродетелью. О, порок ужасно любит платить дань добродетели, и это очень хорошо; пока ведь для нас и того достаточно, не правда ли? А потому и гаркнувший среди залы в Москве капитан продолжает быть лишь исключением и поторопившимся человеком, ну, по крайней мере, пока; но ведь и «пока» даже утешительно в наше зыбучее время.

Таким образом бал есть решительно консервативная вещь, в лучшем смысле слова, и я совсем не шучу говоря это.

IV. ЗОЛОТОЙ ВЕК В КАРМАНЕ

А впрочем, мне было и скучно, то есть не скучно, а немного досадно. Кончился детский бал и начался бал отцов, и боже, какая, однако, бездарность! Все в новых костюмах, и никто не умеет носить костюм; все веселятся, и никто не весел; все самолюбивы, и никто не умеет себя показать; все завистливы, и все молчат и сторонятся. Даже танцевать не умеют. Взгляните на этого вертящегося офицера очень маленького роста (такого, очень маленького ростом и зверски вертящегося офицера вы встретите непременно на всех балах среднего общества). Весь танец его, весь прием его состоит лишь в том, что он с каким-то почти зверством, какими-то саккадами, вертит свою даму и в состоянии перевертеть тридцать—сорок дам сряду и гордится этим; но какая же тут красота! Танец — это ведь почти объяснение в любви (вспомните менуэт), а он точно дерется. И пришла мне в голову одна фантастическая и донельзя дикая мысль: «Ну что, — подумал я, — если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямодушия, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого сообщительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас всё это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая из вас умнее Вольтера, чувствительнее Руссо, несравненно обольстительнее Алкивиада, Дон-Жуана, Лукреций, Джульет и Беатричей! Вы не верите, что вы так прекрасны? А я объявляю вам честным словом, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, если б и всех-то их сложить вместе, не найдется ничего столь прелестного, как сейчас, сию минуту, могло бы найтись между вами, в этой же бальной зале. Да что Шекспир! тут явилось бы такое, что и не снилось нашим мудрецам. Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны!

Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятною. И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках?

Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при слове *золотой век*: честное слово даю, что вас не заставят ходить в костюме золотого века, с листком стыдливости, а оставят вам весь ваш генеральский костюм вполне. Уверяю вас, что в золотой век могут попасть люди даже в генеральских чинах. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя бы сейчас, — вы же старший по чину, вам инициатива, — и вот увидите сами, какое пироновское, так сказать, остроумие могли бы вы вдруг проявить, совсем для вас неожиданно. Вы смеетесь, вам невероятно? Рад, что вас рассмешил, и, однако же, всё, что я сейчас навосклицал, не парадокс, а совершенная правда... А беда ваша вся в том, что вам это невероятно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. МАЛЬЧИК С РУЧКОЙ

Дети странный народ, они снятся и мерещатся. Перед елкой и в самую елку перед рождеством я всё встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьем, — значит его всё же кто-то снаряжал, посылая. Он ходил «с ручкой»; это технический термин, значит — просить милостыню. Термин выдумали сами эти мальчики. Таких, как он, множество, они вертятся на вашей дороге и завывают что-то заученное; но этот не завывал и говорил как-то невинно и непривычно и доверчиво смотрел мне в глаза, — стало быть, лишь начинал профессию. На расспросы мои он сообщил, что у него сестра, сидит без работы, больная; может, и правда, но только я узнал потом, что этих мальчишек тьма-тьмущая: их высылают «с ручкой» хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверно их ждут побои. Набрав копеек, мальчик возвращается с красными, окоченевшими руками в какой-нибудь подвал, где пьянствует какая-нибудь шайка халатников, из тех самых, которые, «забастовав на фабрике под воскресенье в субботу, возвращаются вновь на работу не ранее как в среду вечером». Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пищат голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка. С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабак, и он приносит еще вина. В забаву и ему иногда нальют

в рот косушку и хохочут, когда он, с пресекшимся дыханием, упадет чуть не без памяти на пол,

...и в рот мне водку скверную
Безжалостно вливал...

Когда он подрастет, его поскорее сбывают куда-нибудь на фабрику, но всё, что он заработает, он опять обязан приносить к халатникам, а те опять пропивают. Но уж и до фабрики эти дети становятся совершенными преступниками. Они бродяжат по городу и знают такие места в разных подвалах, в которые можно пролезть и где можно переночевать незаметно. Один из них ночевал несколько ночей сряду у одного дворника в какой-то корзине, и тот его так и не замечал. Само собою, становятся воришками. Воровство обращается в страсть даже у восьмилетних детей, иногда даже без всякого сознания о преступности действия. Под конец переносят всё — голод, холод, побои, — только за одно, за свободу, и убегают от своих халатников бродяжить уже от себя. Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли бог, есть ли государь; даже такие передают об них вещи, что невероятно слышать, и, однако же, всё факты.

II. МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ

Но я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне всё мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в *каком-то* огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать. Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала больная мать его. Как она здесь очутилась? Должно быть, приехала с своим мальчиком из чужого города и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты стонала от ревматизма какая-то восьмидесятилетняя старушонка, жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, так что он уже стал бояться подходить к ее углу близко. Напиться-то он где-то достал в сенях, но корочки нигде

не нашел и раз в десятый уже подходил разбудить свою маму. Жутко стало ему наконец в темноте: давно уже начался вечер, а огня не зажигали. Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена. «Очень уж здесь холодно», — подумал он, постоял немного, бессознательно забыв свою руку на плече покойницы, потом дохнул на свои пальчики, чтоб отогреть их, и вдруг, нашарив на нарах свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошел из подвала. Он еще бы и раньше пошел, да всё боялся вверху, на лестнице, большой собаки, которая выла весь день у соседских дверей. Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу.

Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откудова он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется — никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь. Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь — господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их; сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все так толкаются, и, господи, так хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика.

Вот и опять улица, — ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут, а свету-то, свету-то! А это что? Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно. Глядит мальчик, дивится, уж и смеется, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить. И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше, и вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие — миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придет, они тому дают пироги, а отворяется дверь поминутно, входит к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел. Ух, как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Как он испугался! А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбежал мальчик и пошел поскорей-

поскорей, а куда, сам не знает. Хочется ему опять заплакать, да уж боится, и бежит, бежит и на ручки дует. И тоска берет его, потому что стало ему вдруг так одиноко и жутко, и вдруг, господи! Да что ж это опять такое? Стоят люди толпой и дивятся: на окне за стеклом три куклы, маленькие, разодетые в красные и зеленые платьица и совсем-совсем как живые! Какой-то старичок сидит и будто бы играет на большой скрипке, два других стоят тут же и играют на маленьких скрипочках, и в такт качают головками, и друг на друга смотрят, и губы у них шевелятся, говорят, совсем говорят, — только вот из-за стекла не слышно. И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, — вдруг рассмеялся. Никогда он не видал таких куколок и не знал, что такие есть! И плакать-то ему хочется, но так смешно-смешно на куколок. Вдруг ему почудилось, что сзади его кто-то схватил за халатик: большой злой мальчик стоял подле и вдруг треснул его по голове, сорвал картуз, а сам снизу поддал ему ножкой. Покатился мальчик наземь, тут закричали, обомлел он, вскочил и бежать-бежать, и вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, — и присел за дровами: «Тут не сыщут, да и темно».

Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страху и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке; вот он весь вздрогнул: ах, да ведь он было заснул! Как хорошо тут заснуть: «Посижу здесь и пойду опять посмотреть на куколок, — подумал мальчик и усмехнулся, вспомнив про них, — совсем как живые!..» И вдруг ему послышалось, что над ним запела его мама песенку. «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!»

— Пойдем ко мне на елку, мальчик, — прошептал над ним вдруг тихий голос.

Он подумал было, что это всё его мама, но нет, не она; кто же это его позвал, он не видит, но кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте, а он протянул ему руку и... и вдруг, — о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: всё блестит, всё сияет и кругом всё куколки, — но нет, это всё мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеется на него радостно.

— Мама! Мама! Ах, как хорошо тут, мама! — кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее про тех куколок за стеклом. — Кто вы, мальчики? Кто вы, девочки? — спрашивает он, смеясь и любя их.

— Это «Христова елка», — отвечают они ему. — У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки... — И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще

в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрашивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...

А внизу, наутро, дворники нашли маленький трупик забежавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господа бога в небе.

И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне всё кажется и мерещится, что всё это могло случиться действительно, — то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать.

III. КОЛОНИЯ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ. МРАЧНЫЕ ОСОБИ ЛЮДЕЙ. ПЕРЕДЕЛКА ПОРОЧНЫХ ДУШ В НЕПОРОЧНЫЕ. СРЕДСТВА К ТОМУ, ПРИЗНАННЫЕ НАИЛУЧШИМИ. МАЛЕНЬКИЕ И ДЕРЗКИЕ ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На третий день праздника я видел всех этих «падших» ангелов, целых пятьдесят вместе. Не подумайте, что я смеюсь, называя их так, но что это «оскорбленные» дети — в том нет сомнения. Кем оскорбленные? Как и чем и кто виноват? — всё это пока праздные вопросы, на которые нечего отвечать, а лучше к делу.

Я был в колонии малолетних преступников, что за Пороховыми заводами. Я давно порывался туда, но не удавалось, а тут вдруг и свободное время, и добрые люди, которые мне вызвались всё показать. Мы отправились в теплый, немного хмурый день, и за Пороховыми заводами прямо въехали в лес; в этом лесу и колония. Что за прелесть лес зимой, засыпанный снегом; как свежо, какой чистый воздух и как здесь уединенно. Тут до пятисот десятин лесу пожертвовано колонии, и вся она состоит из нескольких деревянных, красиво выстроенных домов, отстоящих друг от друга на некотором расстоянии. Всё это выстроено на пожертвованные деньги, каждый дом обошелся тысячи в три,

в каждом доме живет «семья». Семья — это группа мальчиков от двенадцати до семнадцати человек, и в каждой семье по воспитателю. Мальчиков положено пока иметь до семидесяти, судя по размерам колонии, но в настоящее время, почему-то, всего лишь до пятидесяти воспитанников. Надобно сознаться, что средства употреблены широкие, и каждый маленький преступник обходится в год недешево. Странно и то, что санитарное состояние колонии, как извещали еще недавно в газетах, не совсем удовлетворительно: в последнее время было много больных, а уж как, кажется, хороши бы и воздух и содержание детей! Мы провели в колонии несколько часов, с одиннадцати утра до полных сумерек, но я убедился, что в одно посещение во всё не вникнешь и всего не поймешь. Директор заведения приглашал меня приехать пожить дня два с ними; это очень заманчиво.

Директор П. А-ч Р-ский известен в литературе; его статьи появляются иногда в «Вестнике Европы». Я встретил от него самый приветливый прием, полный предупредительности. В конторе заведена книга, в которую посетители, если хотят, вписывают свои имена. Между записавшимися я заметил много известных имен; значит, колония известна, и ею интересуются. Но при всей предупредительности почтенный директор, кажется, человек очень сдержанный, хотя он почти с восторгом выставлял перед нами отрадные черты колонии, в то же время, однако, несколько смягчая всё неприятное и еще неналаженное. Спешу прибавить, что сдержанность эта, как мне показалось, происходит от самой ревнивой любви к колонии и к начатому делу.

Все четыре воспитателя (кажется, их четверо, по числу семей) всё люди не старые, даже молодые, получают по триста рублей жалованья и почти все вышли из семинарии. Они живут с воспитанниками совсем вместе, даже носят с ними почти одинаковый костюм — нечто вроде блузы, подпоясанной ремнем. Когда мы обходили камеры, они были пусты; дело праздничное, и дети где-то играли, но тем удобнее было осмотреть помещения. Никакой ненужной роскоши, ничего слишком излишнего, навеянного излишнею добротою или гуманностью жертвователей и учредителей заведения, — а это очень могло бы случиться, и вышла бы значительная ошибка. Койки, например, самые простые, железные, складные, белье на них из довольно грубого холста, одеяла тоже весьма нещегольские, но теплые. Воспитанники встают рано и сами, все вместе, убираются, чистят камеры и, когда надо, моют полы. Близ иных коек слышался некоторый запах, и я узнал почти невероятную вещь, что иные из воспитанников (немногие, но, однако, человек восемь или девять) и не очень маленькие, лет даже двенадцати и тринадцати, — так и делают свою нужду во сне, не вставая с койки. На вопрос мой: не особая ли тут какая болезнь — мне ответили, что совсем нет, а просто от того, что они дикие, — до того приходят дикими, что даже и понять не могут, что можно и надо вести себя иначе. Но

где же они были в таком случае до того, в каких трущобах выросли и кого видели! Нет почти такой самой бедной мужицкой семьи, где бы ребенка не научили в этом случае, как надо держать себя, и где бы даже самый маленький мальчик не знал того. Значит, каковы же люди, с которыми он сталкивался, и до чего зверски равнодушно относились они к существованию его! Этот факт, однако же, точный, и я считаю его большой важности; пусть не смеются, что я этот грязненький фактик «вздуваю» до таких размеров: он гораздо серьезнее, чем может показаться. Он свидетельствует, что есть же, стало быть, до того мрачные и страшные особи людей, в которых исчезают даже всякие следы человечности и гражданственности. Понятно также после того, во что обращается, наконец, эта маленькая, дикая душа при такой покинутости и при такой изверженности из людей. Да, эти детские души видели мрачные картины и привыкли к сильным впечатлениям, которые и останутся при них, конечно, навеки и будут сниться им всю жизнь в страшных снах. Итак, с этими ужасными впечатлениями надобно войти в борьбу исправителям и воспитателям этих детей, искоренить эти впечатления и насадить новые; задача большая.

— Вы не поверите, какими сюда являются дикими иные из них, — сказал мне П. А-ч: — ничего иной не знает ни о себе, ни о социальном своем положении. Он бродяжил почти бессознательно и единственное, что он знает на свете и что он мог осмыслить, — это его свобода, свобода бродяжить, умирать с холоду и с голоду, но только бродяжить. Здесь есть один маленький мальчик, лет десяти, не больше, и он до сих пор никак, ни за что не может пробыть, чтобы не украсть. Он ворует даже безо всякой цели и выгоды, единственно чтобы украсть, машинально.

— Как же вы надеетесь перевоспитать таких детей?

— Труд, совершенно иной образ жизни и справедливость в обращении с ними; наконец, и надежда, что в три года, сами собою, временем, забудутся ими старые их пристрастия и привычки.

Я осведомился: нет ли между мальчиками еще и других, известных детских порочных привычек? — Кстати напомню, что мальчики здесь от десяти и даже до семнадцатилетнего возраста, хотя принимаются на исправление никак не старше четырнадцати лет.

— О, нет, этих скверных привычек не может и быть, — поспешил ответить П. А-ч, — воспитатели при них неотлучно и беспрестанно наблюдают за этим.

Но мне показалось это невероятным. В колонии есть некоторые из бывшего отделения малолетних преступников еще в Литовском замке, теперь там уничтоженного. Я был в этой тюрьме еще третьего года и видел этих мальчиков. Потом я узнал с совершенною достоверностью, что разврат между ними в замке был необычайный, что те из поступивших в замок бродяг, которые еще не заражены были этим развратом и сначала гнушались им,

подчинялись ему потом почти поневоле, из-за насмешек товарищей над их целомудрием.

— А много ли было рецидивистов? — осведомился я.

— Не так много; из всех выпущенных из колонии было всего до восьми человек (цифра, однако, не маленькая).

Замечу, что воспитанники выпускаются по преимуществу ремесленниками и им приискивается «предварительно» помещение. Прежде паспорты, выдаваемые от колонии, им очень вредили. Теперь же нашли средство выдавать им такие паспорты, из которых нельзя, с первого взгляда по крайней мере, увидеть, что предъявитель его из колонии преступников.

— Зато, — прибавил поспешно П. А-ч, — у нас есть и такие выпущенные, которые до сих пор не могут забыть о колонии и чуть праздник — непременно приходят к нам побывать и погостить с нами.

Итак, самое сильное средство перевоспитания, переделки оскорбленной и опороченной души в ясную и честную есть труд. Трудом начинается день в камере, а затем воспитанники идут в мастерские. В мастерских: в слесарной, в столярной, мне показывали их изделия. Поделки, по возможности, хороши, но конечно будут и гораздо лучше, когда более наладится дело. Они продаются в пользу воспитанников, и у каждого таким образом скопляется что-нибудь к выходу из колонии. Работою дети заняты и утром, и после обеда, — но без утомления и, кажется, труд действительно оказывает довольно сильное впечатление на их нравственную сторону: они стараются сделать лучше один перед другим и гордятся успехами.

Другое средство их духовного развития — это, конечно, самосуд, введенный между ними. Всякий провинившийся из них поступает на суд всей «семьи», к которой принадлежит, и мальчики или оправдывают его, или присуждают к наказанию. Единственное наказание — отлучение от игр. Не подчиняющихся суду товарищей наказывают уже совершенным отлучением от всей колонии. На то есть у них Петропавловка — так прозвана мальчиками особая, более удаленная изба, в которой имеются каморки для временно удаленных. Впрочем, заключение в Петропавловку зависит, кажется, единственно от директора. Мы ходили в эту Петропавловку; там было тогда всего двое заключенных, и замечу, что заключают осторожно и осмотрительно, за что-нибудь слишком уж важное и закоренелое. Эти двое заключенных помещались каждый в особой маленькой комнатке и взаперти, но нам их лично не показали.

Этот самосуд, в сущности, конечно, дело хорошее, но отзывается как бы чем-то книжным. Есть много гордых детей, и гордых в хорошую сторону, которые могут быть оскорблены этою вечевою властью таких же как они мальчиков и преступников, так что могут и не понять эту власть настоящим образом. Могут случиться личности гораздо талантливее и умнее всех прочих

в «семье», и их может укусить самолюбие и ненависть к решению среды; а среда почти и всегда средина. Да и судящие мальчики понимают ли и сами-то хорошо свое дело? Не явятся ли, напротив, и между ними их детские партии каких-нибудь тоже соперничествующих мальчиков, посильнее и побойчее прочих, которые всегда и непременно являются между детьми во всех школах, дают тон и ведут за собою остальных как на веревке? Всё же ведь это дети, а не взрослые. Наконец, осужденные и потерпевшие наказание будут ли смотреть потом так же просто и братски на своих бывших судей и не нарушается ли этим самосудом товарищество? Конечно, это развивающее воспитательное средство основано и придумано в той идее, что эти, прежде преступные дети таким правом самосуда как бы приучаются к закону, к самосдержанию, к правде, о которой прежде вовсе не ведали, разовьют, наконец, в себе чувство долга. Всё это мысли прекрасные и тонкие, но несколько как бы обоюдоострые. Насчет же наказания, конечно, выбрано самое действительное из самых сдерживающих наказаний, то есть лишение свободы.

Кстати, вверну сюда одно странное нотабене. Мне нечаянно удалось услышать на днях одно весьма неожиданное замечание насчет отмененного у нас повсеместно в школах телесного наказания: «Отменили везде в школах телесное наказание и прекрасно сделали; но чего же, *между прочим*, достигли? Того, что в нашем юношестве явилось чрезвычайно много трусов, сравнительно с прежним. Они стали бояться малейшей физической боли, всякого страдания, лишения, всякой даже обиды, всякого уязвления их самолюбия, и до того, что некоторые из них, как показывают примеры, при весьма незначительной даже угрозе, даже от каких-нибудь трудных уроков или экзаменов, — вешаются или застреливаются». Действительно, всего вернее объяснить несколько подобных и в самом деле происшедших случаев единственно трусостью юношей перед чем-нибудь грозящим или неприятным; но странная, однако, точка зрения на предмет, и *наблюдение* это по меньшей мере оригинально. Вношу его для памяти.

Я видел их всех за обедом; обед самый простой, но здоровый, сытный и превосходно приготовленный. Мы его с большим удовольствием попробовали еще до прихода воспитанников; и однако, еда каждого мальчика обходится ежедневно всего лишь в пятнадцать копеек. Подают суп или щи с говядиной и второе блюдо — каша или картофель. Поутру, вставши, чай с хлебом, а между обедом и ужином хлеб с квасом. Мальчики очень сыты; за столом прислуживают очередные дежурные. Садясь за стол, все превосходно пропели молитву: «Рождество твое Христе боже наш». Петь молитвы обучает один из воспитателей.

Тут, за обедом, в сборе, мне всего интереснее было всмотреться в их лица. Лица не то чтобы слишком смелые или дерзкие, но лишь ничем не конфузящиеся. Почти ни одного лица

глупого (хотя глупые, говорили мне, между ними водятся; всего более отличаются этим бывшие питомцы воспитательного дома); напротив, есть даже очень интеллигентные лица. Дурных лиц довольно, но не физически; чертами лица все почти недурны; но что-то в иных лицах есть как бы уж слишком сокрытое про себя. Смеющихся лиц тоже мало, а между тем воспитанники очень развязны перед начальством и перед кем бы то ни было, хотя несколько и не в том роде, как бывают развязны другие дети с более открытым сердцем. И, должно быть, ужасно многим из них хотелось бы сейчас улизнуть из колонии. Многие из них, очевидно, желают не проговариваться, это по лицам видно.

Гуманное и до тонкости предупредительное обращение с мальчиками воспитателей (хотя, впрочем, они и умеют быть строгими, когда надо), — мне кажется, не совсем достигает в некоторых случаях до сердца этих мальчиков и, уж конечно, и до их понятия. Им говорят *вы*, даже самым маленьким. Это *вы* показалось мне здесь несколько как бы натянутым, немного как бы чем-то излишним. Может быть, мальчики, попав сюда, сочтут это лишь за господскую затею. Одним словом, это *вы*, может быть, ошибка и даже несколько серьезная. Мне кажется, что оно как бы отдаляет от детей воспитателя; в *вы* заключается как бы нечто формальное и казенное, и нехорошо, если иной мальчик примет его за нечто как бы к нему презрительное. Ведь не поверит же он в самом деле, что он, видевший такие непомерные виды и выслушивавший самую неестественную брань, наконец, проворовавшийся до потери удержу, так вдруг заслужил такое господское обращение. Одним словом, *ты*, по-моему, было бы более похожим на реальную правду в настоящем случае, а тут как бы все немного притворяются. Ведь гораздо же лучше, если дети наконец осмыслят, что воспитатели их не гувернеры, а отцы их, а что сами они — всего только лишь дурные дети, которых надобно исправлять. Впрочем, может быть, это *вы* и не испортит мальчика; а если его и скорчит потом от *ты* или даже от брани, которую он услышит опять неминуемо, в тот же самый день, как его выпустят из заведения, то еще с большим умилением вздохнет по своей колонии.

Из неналаженных вещей особенно замечается чтение. Мне говорили, что дети очень любят читать, то есть слушать, когда им читают, по праздникам или когда есть время, и что между ними есть хорошие чтецы; я слышал лишь одного из чтецов, он читал хорошо и, говорят, очень любит читать всем вслух и чтоб все его слушали; но есть между ними и совсем малограмотные, есть и совсем неграмотные. Но что, однако, у них читают! лежит на столе — я видел это в одной семье после обеда — какой-то том, какого-то автора, и они читают, как Владимир разговаривал с какой-то Ольгой об разных глубоких и странных вещах и как потом неизбежная среда «разбила их существование». Я видел их «библиотеку» — это шкап, в котором есть Тургенев, Остров-

ский, Лермонтов, Пушкин и т. д., есть несколько полезных путешествий и проч. Всё это сборное и случайное, тоже пожертвованное. Чтение, если уж оно допущено, конечно, есть чрезвычайно развивающая вещь, но я знаю и то, что если б и все наши просветительные силы в России, со всеми педагогическими советами во главе, захотели установить или указать: что именно принять к чтению таким детям и при таких обстоятельствах, то, разумеется, разошлись бы, ничего не выдумав, ибо дело это очень трудное и решается окончательно не в заседании только. С другой стороны, в нашей литературе совершенно нет никаких книг, понятных народу. Ни Пушкин, ни севастопольские рассказы, ни «Вечера на хуторе», ни сказка про Калашникова, ни Кольцов (Кольцов даже особенно) непонятны совсем народу. Конечно, эти мальчики не народ, а, так сказать, бог знает кто, такая особь человеческих существ, что и определить трудно: к какому разряду и типу они принадлежат? Но если б они даже нечто и поняли, то уж, конечно, совсем не ценя, потому что всё это богатство им упало бы как с неба; они же прежним развитием совсем к нему не приготовлены. Что же до писателей-обличителей и сатириков, то такие ли впечатления духовные нужны этим бедным детям, видевшим и без того столько грязи? Может быть, этим маленьким людям вовсе не хочется над людьми смеяться. Может быть, эти покрытые мраком души с радостию и умилением открылись бы самым наивным, самым первоначально-простодушным впечатлениям, совершенно детским и простым, таким, над которыми свысока усмехнулся бы, ломаясь, современный гимназист или лицеист, сверстник летами этих преступных детей.

Школа тоже находится в совершенном младенчестве, но ее тоже собираются наладить в самом ближайшем будущем. Черчению и рисованию почти совсем не учат. Закона божия вовсе нет: нет священника. Но он будет у них свой, когда у них выстроится церковь. Церковь эта деревянная, теперь строится. Начальство и строители гордятся ею. Архитектура действительно недурна, в несколько, впрочем, казенном, усиленно русском стиле, очень приевшемся. Кстати, замечу: без сомнения, преподавание закона божия в школах — преступников или в других наших первоначальных школах — не может быть поручено никому другому, кроме священника. Но почему бы не могли даже школьные учителя рассказывать простые рассказы из священной истории? Бесспорно, из великого множества народных учителей могут встретиться действительно дурные люди; но ведь если он захочет учить мальчика атеизму, то может сделать это и не уча священной истории, а просто рассказывая лишь об утке и «чем она покрыта». С другой стороны, что слышно о духовенстве нашем? О! я вовсе не хочу никого обижать и уверен, что в школе преступников будет превосходнейший из «батюшек», но, однако же, что сообщали в последнее время, с особенною ревностью, почти все наши газеты? Публиковались пренеприятные факты

о том, что находились законоучители, которые, целыми десятками и сплошь, бросали школы и не хотели в них учить без прибавки жалованья. Бесспорно — «трудящийся достоин платы», но этот вечный ной о прибавке жалованья режет, наконец, ухо и мучает сердце. Газеты наши берут сторону ноющих, да и я конечно тоже; но как-то всё мечтается притом о тех древних подвижниках и проповедниках Евангелия, которые ходили наги и босы, претерпевали побои и страдания и проповедовали Христа без прибавки жалованья. О, я не идеалист, я слишком понимаю, что ныне времена наступили не те; но не отрадно ли было бы услыхать, что духовным просветителям нашим прибавилось хоть капельку доброго духу еще и до прибавки жалованья? Повторяю, пусть не обижаются: все отлично знают, что, в среде нашего священства, не иссякает дух и есть горячие деятели. И я заране уверен, что такой именно и будет в колонии; но всего бы лучше, если б им — просто рассказывали священные истории, без особой казенной морали и тем ограничили бы пока законоучение. Ряд чистых, святых, прекрасных картин сильно подействовал бы на их жаждущие прекрасных впечатлений души...

Впрочем, я простился с колонией с отрадным впечатлением в душе. Если что и не «налажено», то есть, однако же, факты самого серьезного достижения цели. Расскажу из них два, чтоб закончить ими. В Петропавловке, в заключении, в наше время сидел один из воспитанников, лет уже пятнадцати; прежде он содержался некоторое время в тюрьме Литовского замка, когда там еще было отделение малолетних преступников. Присужденный поступить в колонию, он из нее бежал, бежал, кажется, дважды; оба раза его изловили, один раз уже вне заведения. Наконец, он прямо объявил, что не хочет повиноваться, за это его и удалили в одиночное заключение. К рождеству родственники принесли ему гостинцев, но гостинцев к нему не допустили как к заключенному, и их конфисковал воспитатель. Это страшно обидело и поразило мальчика, и в посещение директора он стал ему горько жаловаться, ожесточенно обвиняя воспитателя в том, что тот посылку и гостинцы конфисковал себе, в свою пользу; тут же со злобой и насмешкой выражался об колонии и об товарищах, он всех винил. «Я с ним сел и серьезно поговорил, — рассказывал мне П. А-ч. — Он все время мрачно молчал. Через два часа он вдруг посылает за мною опять, умоляет прийти к нему — и что же: бросился ко мне со слезами, весь потрясенный и преобразившийся, стал каяться, упрекать себя, стал мне рассказывать такие вещи, которые от всех доселе таил, случившиеся с ним прежде; рассказал за тайну, что он давно уже предан одной постыднейшей привычке, от которой не может отвязаться, и что это его мучит, — одним словом, это была полная исповедь. Я с ним провел часа два, — прибавил П. А-ч. — Мы поговорили; я посоветовал некоторые средства, чтоб побороть привычку, ну там и проч. и проч.»

П. А-ч, передавая это, усиленно умолчал, об чем они там между собою переговорили; но, согласитесь, есть же уменье проникнуть в болезненную душу глубоко ожесточившегося и совершенно не знавшего доселе правды молодого преступника. Признаюсь, я бы очень желал узнать в подробности этот разговор. Вот другой факт: каждый воспитатель, в каждой семье, не только наблюдает за тем, чтобы воспитанники убирали камеру, мыли и чистили ее, но и участвует вместе с ними в работе. Там моют полы по суббстам; воспитатель не только показывает, как надо мыть, но сам вместе с ними принимается мыть и вымывает пол. Это уже самое полное понимание своего призвания и своего человеческого достоинства. Где вы, в чиновничестве например, встретите такое отношение к делу? И если в самом деле, вправду, эти люди решились соединить задачи колонии с своею собственною целью жизни, то дело, конечно, будет «налажено», несмотря даже ни на какие теоретические ошибки, если б таковые и случились вначале.

— «Герои, — вы, господа романисты, всё ищете героев, — сказал мне на днях один видавший виды человек, — и, не находя у нас героев, сердитесь и брюзжите на всю Россию, а вот я вам расскажу один анекдот: жил-был один чиновник, давно уже, в царствование покойного государя, сперва служил в Петербурге, а потом, кажется, в Киеве, там и умер, — вот, по-видимому, и вся его биография. А между тем, что бы вы думали: этот скромный и молчаливый человечек до того страдал душой всю жизнь свою о крепостном состоянии людей, о том, что у нас человек, образ и подобие божие, так рабски зависит от такого же, как сам, человека, что стал копить из скромнейшего своего жалованья, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, — в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил таким образом трех-четырех человек и, когда помер, семье ничего не оставил. Всё это произошло безвестно, тихо, глухо. Конечно, какой это герой: это „идеалист сороковых годов“ и только, даже, может быть, смешной, неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем может побороть всю беду; но все-таки можно бы, кажется, нашим Потугиным быть подобрее к России и не бросать в нее за всё про всё грязью».

Я помещаю здесь этот анекдот (кажется, совсем не идущий к делу) лишь потому только, что не имею поводов сомневаться в его достоверности.

И, однако, вот бы нам каких людей! Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, не дожидаясь общего подъема и почина. Вот такого типа человечек пригодился бы, может быть, и в колонии малолетних преступников... о, разумеется, под ру-

ководством более просвещенных и, так сказать, высших руководителей...

Впрочем, я в колонии провел всего лишь несколько часов и мог многое напредставить себе, недоглядеть и ошибиться. Во всяком случае, средства к переделке порочных душ в непорочные нахожу пока недостаточными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОКРОВИТЕЛЬСТВА ЖИВОТНЫМ. ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. ЗЕЛЕНО-ВИНО. ЗУД РАЗВРАТА И ВОРОБЬЕВ. С КОНЦА ИЛИ С НАЧАЛА?

В № 359 «Голоса» мне случилось прочесть о праздновании торжественного юбилея первого десятилетия Российского Общества покровительства животным. Какое приятное и гуманное общество! Сколько я понял, главная мысль его заключается почти вся в следующих словах из речи князя А. А. Суворова, председателя Общества:

«И на самом деле, задача нашего нового благотворительного учреждения казалась тем труднее, что в покровительстве животным большинство не желало видеть тех моральных и материальных выгод для человека, какие проистекают из снисходительного и разумного с его стороны обращения с домашними животными».

И действительно, не одни же ведь собачки и лошадки так дороги «Обществу», а и человек, русский человек, которого надо образить * и очеловечить, чему Общество покровительства животным, без сомнения, может способствовать. Научившись жалеть скотину, мужик станет жалеть и жену свою. А потому, хоть я и очень люблю животных, но я слишком рад, что высокоуважаемому «Обществу» дороги не столько скоты, сколько люди, огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света! Всякое просветительное средство дорого, и желательно лишь, чтобы идея Общества стала и в самом деле одним из просветительных средств. Наши дети воспитываются и взрастают, встречая отвратительные картины. Они видят, как мужик, наложив непомерно воз, сечет свою завязшую в грязи клячу, его кормилицу, кнутом по глазам, или, как я видел сам, например, да еще и недавно, как мужик, везший на бойню в большой телеге телят, в которой уложил их штук десять, сам преспокойно сел тут же в телегу на теленка. Ему сидеть было мягко, точно на диване с пружинами, но теленок, высунув язык и вылупив глаза, может, издох, еще не доехав до бойни. Эта картинка, я уверен, никого даже и не возму-

* Образить — словцо народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. Долго пьянствующему говорят, укоряя: «Ты хошь бы образил себя». Слышал от каторжных.

тила на улице: «всё-де равно их резать везут»; но такие картинки, несомненно, зверят человека и действуют развратительно, особенно на детей. Правда, на почтенное «Общество» были и нападки; я слышал не раз и насмешки. Упоминалось, например, что когда-то, лет пять тому, одного извозчика Общество привлекло к ответственности за дурное обращение с лошадью и его присудили заплатить, кажется, пятнадцать рублей; это-то уж, конечно, было неловкостью, потому что, действительно, после такого приговора многие не знали кого пожалеть: извозчика или лошадь. Теперь, правда, положено брать, по новому закону, не более десяти рублей. Потом я слышал будто бы о слишком излишних хлопотах Общества, чтобы бродяжих и, стало быть, вредных собак, потерявших хозяев, умерщвлять хлороформом. Замечали на это, что, пока у нас люди мрут с голоду по голодным губерниям, такие нежные заботы о собачках несколько как бы режут ухо. Но все подобные возражения не выдерживают никакой критики. Цель Общества вековечнее временной случайности. Это идея светлая и верная и которая, рано ли, поздно ли, а должна привиться и восторжествовать. Тем не менее, смотря и с другой точки, чрезвычайно бы желательно, чтобы действия Общества и вышесказанные «временные случайности» вошли, так сказать, во взаимное равновесие; тогда, конечно, яснее бы определился тот спасительный и благодетельный путь, которым Общество может прийти к обильным и, главное, к практическим уже результатам, к результатам действительного достижения цели... Может быть, я неясно выражаюсь; расскажу один анекдот, одно действительное происшествие, и надеюсь, что наглядным изложением его яснее передам то, что мне хотелось выразить.

Анекдот этот случился со мной уже слишком давно, в мое доисторическое, так сказать, время, а именно в тридцать седьмом году, когда мне было всего лишь около пятнадцати лет от роду, по дороге из Москвы в Петербург. Я и старший брат мой ехали, с покойным отцом нашим, в Петербург, определяться в Главное инженерное училище. Был май месяц, было жарко. Мы ехали на долгих, почти шагом, и стояли на станциях часа по два и по три. Помню, как надоело нам, под конец, это путешествие, продолжавшееся почти неделю. Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали об чем-то ужасно, обо всем «прекрасном и высоком», — тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии. И сколько тогда было и ходило таких прекрасных словечек! Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали всё, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и о поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы, дорогой, сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы

увидеть ту комнату, в которой он испустил дух. И вот раз, перед вечером, мы стояли на станции, на постоялом дворе, в каком селе не помню, кажется в Тверской губернии; село было большое и богатое. Через полчаса готовились тронуться, а пока я смотрел в окно и увидел следующую вещь.

Прямо против постоялого двора через улицу приходился станционный дом. Вдруг к крыльцу его подлетела курьерская тройка и выскочил фельдъегерь в полном мундире, с узенькими тогдашними фалдочками назади, в большой трехугольной шляпе с белыми, желтыми и, кажется, зелеными перьями (забыл эту подробность и мог бы справиться, но мне помнится, что мелькали и зеленые перья). Фельдъегерь был высокий, чрезвычайно плотный и сильный детина с багровым лицом. Он пробежал в станционный дом и уж наверно «хлопнул» там рюмку водки. Помню, мне тогда сказал наш извозчик, что такой фельдъегерь всегда на каждой станции выпивает по рюмке, без того не выдержал бы «такой муки». Между тем к почтовой станции подкатила новая переменная лихая тройка, и ямщик, молодой парень лет двадцати, держа на руке армяк, сам в красной рубахе, вскочил на облучок. Тотчас же выскочил и фельдъегерь, сбежал с ступенек и сел в тележку. Ямщик тронул, но не успел он и тронуть, как фельдъегерь приподнялся и молча, безо всяких каких-нибудь слов, поднял свой здоровенный правый кулак и, сверху, больно опустил его в самый затылок ямщика. Тот весь тряхнулся вперед, поднял кнут и изо всей силы охлестнул коренную. Лошади рванулись, но это вовсе не укротило фельдъегеря. Тут был метод, а не раздражение, нечто предвзятое и испытанное многолетним опытом, и страшный кулак взвился снова и снова ударил в затылок. Затем снова и снова, и так продолжалось, пока тройка не скрылась из виду. Разумеется, ямщик, едва державшийся от ударов, беспрерывно и каждую секунду хлестал лошадей, как бы выбитый из ума, и наконец нахлестал их до того, что они неслись как угорелые. Наш извозчик объяснил мне, что и все фельдъегеря почти так же ездят, а что этот особенно, и его все уже знают; что он, выпив водки и вскочив в тележку, начинает всегда с битья и бьет «всё на этот самый манер», безо всякой вины, бьет ровно, подымает и опускает и «продержит так ямщика с версту на кулаках, а затем уж перестанет. Коли соскучится, может, опять примется середи пути, а может, бог пронесет; зато уж всегда подымается опять, как подъезжать опять к станции: начнет примерно за версту и пойдет подымать и опускать, таким манером и подъедет к станции, чтобы все в селе на него удивлялись; шея-то потом с месяц болит». Парень воротится, смеются над ним: «Ишь тебе фельдъегерь шею накостылял», а парень, может, в тот же день прибьет молоду жену: «Хоть с тебя сорву»; а может, и за то, что «смотрела и видела»...

Без сомнения, бесчеловечно со стороны ямщика так хлестать и нахлестать лошадей: к следующей станции они прибежали, ра-

зумеется, едва дыша и измученные. Но кто же бы из Общества покровительства животным решился привлечь этого мужика к ответственности за бесчеловечное обращение с своими лошадками, ведь не правда ли?

Эта отвратительная картинка осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь. Я никогда не мог забыть фельдъегеря и многое позорное и жестокое в русском народе как-то поневоле и долго потом наклонен был объяснять уж, конечно, слишком односторонне. Вы поймете, что дело идет лишь о давно минувшем. Картинка эта являлась, так сказать, как эмблема, как нечто чрезвычайно наглядно выставлявшее связь причины с ее последствием. Тут каждый удар по скоту, так сказать, сам собою выскакивал из каждого удара по человеку. В конце сороковых годов, в эпоху моих самых беззаветных и страстных мечтаний, мне пришла вдруг однажды в голову мысль, что если б случилось мне когда основать филантропическое общество, то я непременно дал бы вырезать эту курьерскую тройку на печати общества как эмблему и указание.

О, без сомнения, теперь не сорок лет назад, и курьеры не бьют народ, а народ уже сам себя бьет, удержав розги на своем суде. Не в этом и дело, а в причинах, ведущих за собою следствия. Нет фельдъегеря, зато есть «зелено-вино». Каким образом зелено-вино может походить на фельдъегеря? — Очень может, — тем, что оно так же скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей, тупит его перед всякой доброй пропагандой. Пьяному не до сострадания к животным, пьяный бросает жену и детей своих. Пьяный муж пришел к жене, которую бросил и не кормил с детьми много месяцев, и потребовал водки, и стал бить ее, чтобы вымучить еще водки, а несчастная каторжная работница (вспомните женский труд и во что он у нас пока ценится), не знавшая чем детей прокормить, схватила нож и пырнула его ножом. Это случилось недавно, и ее будут судить. И напрасно я рассказал об ней, ибо таких случаев сотни и тысячи, только разверните газеты. Но главнейшее сходство зелена-вина с фельдъегерем бесспорно в том, что оно так же неминуемо и так же неотразимо стоит над человеческой волей.

Почтенное Общество покровительства животным состоит из семисот пятидесяти членов, людей могущих иметь влияние. Ну что если б оно захотело поспособствовать хоть немного уменьшению в народе пьянства и отравления целого поколения вином! Ведь иссякает народная сила, глохнет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие, — и что вынесут в уме и сердце своем современные дети народа, взросшие в скверне отцов своих? Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли. Примеры эти еще пока ничтожные, ввиду неисчисленных будущих ужасов. Почтенное Общество, если б захотело хоть немного поспособство-

вать устранению первоначальных причин, тем самым наверно облегчило бы себе и свою прекрасную пропаганду. А то как заставить сострадать, когда вещи сложились именно как бы с целью искоренить в человеке всякую человечность? Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время? Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В пароде началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, — всё вздор. Беда, если он укрепится в таких мыслях; как ему и не мыслить так? Неужели, например, это недавнее крушение поезда на Одесской железной дороге с царскими новобранцами, где убили их более ста человек, — неужели вы думаете, что па народ не подействует такая власть развратительно? Народ видит и дивится такому могуществу: «Что хотят, то и делают» — и поневоле начинает сомневаться: «Вот она где, значит, настоящая сила, вот она где всегда сидела; стань богат, и всё твое, и всё можешь». Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой. А она носится и проницает всё мало-помалу. Народ же ничем не защищен от таких идей, никаким просвещением, ни малейшей проповедью других противоположных идей. По всей России протянулось теперь почти двадцать тысяч верст железных дорог, и везде, даже самый последний чиновник на них, стоит пропагатором этой идеи, смотрит так, как бы имеющий беззаветную власть над вами и над судьбой вашей, над семьей вашей и над честью вашей, только бы вы попались к нему на железную дорогу. Недавно один начальник станции вытащил, собственною властью и рукой, из вагона, ехавшую даму, чтобы отдать ее какому-то господину, который пожаловался этому начальнику, что это жена его и находится от него в бегах, — и это без суда, без всякого подозрения, что он сделать это не вправе: ясно, что этот начальник, если был и не в бреду, то всё же как бы ошалел от собственного могущества. Все эти случаи и примеры прорываются в народ беспрерывным соблазном, он видит их каждый день и выводит неотразимые заключения. Я прежде осуждал было г-на Суворина за случай его с г-ном Голубевым. Мне казалось, что нельзя же так вывести совсем неповинного человека на позор, да еще с описанием всех душевных его движений. Но теперь я несколько изменил свой взгляд даже и на этот случай. И какое мне дело, что г-н Голубев не виноват! Г-н Голубев может быть чист, как слеза, но зато Воробьев виноват. Кто такой Воробьев? Совершенно не знаю; да и уверен, что его нет вовсе, но это тот самый Воробьев, который свирепствует на всех линиях, который налагает произвольные таксы, который силой выносит пассажиров из вагона, который крушит поезды, который гноит по целым

месяцам товары на станциях, который беспардонно вредит целым городам, губерниям, царству и только кричит диким голосом: «Прочь с дороги, я иду!» Но главная вина этого пагубного пришельца в том, что он стал над народом как соблазн и развратительная идея. А впрочем, что ж я так на Воробьева, один ли он стал как развратительная идея? Повторяю, что-то носится в воздухе полное материализма и скептицизма; началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно; убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана. Я ведь знаю, что и прежде было много скверного, но ныне бесспорно удесятерилось. Главное, носится такая мысль, такое как бы учение или верование. В Петербурге, две-три недели тому, молоденький паренек, извозчик, вряд ли даже совершеннолетний, вез ночью старика и старуху и, заметив, что старик без сознания пьян, вынул *перочинный ножичек* и стал резать старуху. Их захватили, и дурачок тут же повинился: «Не знаю, как и случилось и как ножичек очутился в руках». И вправду, действительно не знал. Вот тут так именно среда. Его захватило и затянуло, как в машину, в современный зуд разврата, в современное направление народное; — даровая нажива, ну, как не попробовать, хоть перочинным ножичком.

«Нет, в наше время не до пропаганды прокровительства животным: это барская затея», — вот эту самую фразу я слышал, но глубоко ее отвергаю. Не будучи сам членом Общества, я готов, однако, служить ему, и, кажется, уже служу. Не знаю, выразил ли я хоть сколько-нибудь ясно желание мое о том «равновесии действий Общества с временными случайностями», о которых написал выше; но, понимая человеческую и очеловечивающую цель Общества, всё же ему глубоко предан. Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было, ибо у нас и теперь никто не захочет стать за идею о необходимости озверения одной части людей для благосостояния другой части, изображающей собою цивилизацию, как это везде во всей Европе. У нас же добровольно, самим верхним сословием, с царскою волею во главе, разрушено крепостное право! И потому, еще раз, приветствую Общество покровительства животным от горячего сердца; а хотел я лишь только высказать мысль, что желалось бы действовать не всё с конца, а хоть отчасти бы и с начала.

II. СПИРИТИЗМ. НЕЧТО О ЧЕРТЯХ. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ХИТРОСТЬ ЧЕРТЕЙ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТО ЧЕРТИ

Но вот, однако же, я исписал всю бумагу, и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере. Вижу, что надобно писать теснее и сжиматься, — указание впредь. Кстати, словечко о декабристах, чтобы не забыть: извещая о недавней смерти одного из них, в наших журналах отозвались, что это, кажется, один из самых последних декабристов; — это не совсем точно. Из декабристов живы еще Иван Александрович Анненков, тот самый, первоначальную историю которого перековеркал покойный Александр Дюма-отец, в известном романе своем «Les Mémoires d'un maître d'armes».[1] Жив Матвей Иванович Муравьев-Апостол, родной брат казненного. Живы Свистунов и Назимов; может быть, есть и еще в живых.

Одним словом — многое приходится отложить до февральского номера. Но заключить настоящий январский дневник мне хотелось бы чем-нибудь повеселее. Есть одна такая смешная тема, и, главное, она в моде: это — черти, тема о чертях, о спиритизме. В самом деле, что-то происходит удивительное: пишут мне, например, что молодой человек садится на кресло, поджав ноги, и кресло начинает скакать по комнате, — и это в Петербурге, в столице! Да почему же прежде никто не скакал, поджав ноги, в креслах, а все служили и скромно получали чины свои? Уверяют, что у одной дамы, где-то в губернии, в ее доме столько чертей, что и половины их нет столько даже в хижине дядей Эдди. Да у нас ли не найдется чертей! Гоголь пишет в Москву с того света утвердительно, что это черти. Я читал письмо, слог его. Убеждает не вызывать чертей, не вертеть столов, не связываться: «Не дразните чертей, не якшайтесь, грех дразнить чертей... Если ночью тебя начнет мучить нервическая бессонница, не злись, а молись, это черти; крести рубашку, твори молитву». Подымаются голоса пастырей, и те даже самой науке советуют не связываться с волшебством, не исследовать «волшебство сие». Коли заговорили даже пастыри, значит дело разрастается не на шутку. Но вся беда в том: черти ли это? Вот бы составившейся в Петербурге ревизионной над спиритизмом комиссии решить этот вопрос! Потому что если решат окончательно, что это не черти, а так какое-нибудь там электричество, какой-нибудь новый вид мировой силы, — то мигом наступит полное разочарование: «Вот, скажут, невидальщина, какая скука!» — и тотчас же все забросят и забудут спиритизм, а займутся, по-прежнему, делом. Но чтобы исследовать: черти ли это? нужно чтобы хоть кто-нибудь из ученых составившейся

[1] «Записки учителя фехтования» (*франц.*).

комиссии был в силах и имел возможность допустить существование чертей, хотя бы только в предположении. Но вряд ли между ними найдется хоть один, в черта верующий, несмотря даже на то, что ужасно много людей, не верующих в бога, верят, однако же, черту с удовольствием и готовностью. А потому комиссия в этом вопросе некомпетентна. Вся беда моя в том, что я и сам никак не могу поверить в чертей, так что даже и жаль, потому что я выдумал одну самую ясную и удивительную теорию спиритизма, но основанную единственно на существовании чертей; без них вся теория моя уничтожается сама собой. Вот эту-то теорию я и намерен, в завершение, сообщить читателю. Дело в том, что я защищаю чертей: на этот раз на них нападают безвинно и считают их дураками. Не беспокойтесь, они свое дело знают; это-то я и хочу доказать.

Во-первых, пишут, что духи глупы (то есть черти, нечистая сила: какие же тут могут быть другие духи, кроме чертей?), — что когда их зовут и спрашивают (столоверчением), то они отвечают всё пустячки, не знают грамматики, не сообщили ни одной новой мысли, ни одного открытия. Так судить — чрезвычайная ошибка. Ну что вышло бы, например, если б черти сразу показали свое могущество и подавили бы человека открытиями? Вдруг бы, например, открыли электрический телеграф (т. е. в случае, если б он еще не был открыт), сообщили бы человеку разные секреты: «Рой там-то — найдешь клад или найдешь залежи каменного угля» (а кстати, дрова так дороги), — да что, это еще всё пустяки! — Вы, конечно, понимаете, что наука человеческая еще в младенчестве, почти только что начинает дело и если есть за ней что-либо обеспеченное, так это покамест лишь то, что она твердо стала на ноги; и вот вдруг посыпался бы ряд открытий вроде таких, что солнце стоит, а земля вокруг него обращается (потому что наверно есть еще много таких же точно, по размерам, открытий, которые теперь еще не открыты, да и не снятся мудрецам нашим); вдруг бы все знания так и свалились на человечество и, главное, совершенно даром, в виде подарка? Я спрашиваю: что бы тогда сталось с людьми? О, конечно, сперва все бы пришли в восторг. Люди обнимали бы друг друга в упоении, они бросились бы изучать открытия (а это взяло бы время); они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорей, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека, как мечтают наши русские социалисты, — словом, ешь, пей и наслаждайся. «Вот, — закричали бы все филантропы, — теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уж более материальных лишений, нет более заедающей „среды“, бывшей

причиною всех пороков, и теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более беспрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займутся высшим, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!» И какие, может, умные и хорошие люди это закричали бы в один голос и, может быть, всех увлекли бы за собою с новинки, и завопили бы, наконец, в общем гимне: «Кто подобен зверю сему? Хвала ему, он сводит нам огонь с небеси!»

Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них всё украл разом; что исчез человеческий лик, и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за «камни, обращенные в хлебы». Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на даровщинку и что *счастье не в счастье, а лишь в его достижении.* Настанет скука и тоска: всё сделано и нечего более делать, всё известно и нечего более узнавать. Самоубийцы явятся толпами, а не так, как теперь, по углам; люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами, каким-нибудь новым способом, открытым им вместе со всеми открытиями. И тогда, может быть, и возопиют остальные к богу: «Прав ты, господи, не единым хлебом жив человек!» Тогда восстанут на чертей и бросят волхвование... О, никогда бог не послал бы такой муки человечеству! И провалится царство чертей! Нет, черти такой важной политической ошибки не сделают. Политики они глубокие и идут к цели самым тонким и здравым путем (опять-таки если в самом деле тут черти!).

Идея их царства — раздор, то есть на раздоре они хотят основать его. Для чего же им раздор именно тут понадобился? А как же: взять уже то, что раздор страшная сила и сам по себе; раздор, после долгой усобицы, доводит людей до нелепости, до затмения и извращения ума и чувств. В раздоре обидчик, сознав, что он обидел, не идет мириться с обиженным, а говорит: «Я обидел его, стало быть, я должен ему отомстить». Но главное в том, что черти превосходно знают всемирную историю и особенно помнят про всё, что на раздоре было основано. Им известно, например, что если стоят секты Европы, оторвавшиеся от католичества, и держатся до сих пор как религии, то единственно потому, что из-за них пролита была в свое время кровь. Кончилось бы, например, католичество, и непременно затем разрушились бы и протестантские секты: против чего же бы им осталось тогда протестовать? Они уж и теперь почти все на-

клонны перейти в какую-нибудь там «гуманность» или даже просто в атеизм, что в них, впрочем, уже давно замечалось, и если всё еще лепятся как религии, то потому, что еще до сих пор протестуют. Они еще прошлого года протестовали, да еще как: до самого папы добирались.

О, разумеется, черти в конце концов возьмут свое и раздавят человека «камнями, обращенными в хлебы», как муху: это их главнейшая цель; но они решатся на это не иначе, как обеспечив заранее будущее царство свое от бунта человеческого и тем придав ему долговечность. Но как же усмирить человека? Разумеется: «divide et impera» (разъедини противника и восторжествуешь). А для того надобен раздор. С другой стороны, люди соскучатся от камней, обращенных в хлебы, а потому надо приискать им занятие, чтоб не скучали. А раздор ли не занятие для людей!

Теперь проследите, как черти у нас вводят раздор и, так сказать, с первого шагу начинают у нас спиритизм с раздора. Как раз этому способствует наше мечущееся время. Вот уже сколько у нас обидели людей из поверивших спиритизму. На них кричат и над ними смеются за то, что они верят столам, как будто они сделали или замыслили что-либо бесчестное, но те продолжают упорно исследовать свое дело, несмотря на раздор. Да и как им перестать исследовать: черти начинают с краю, возбуждают любопытство, но сбивают, а не разъясняют, путают и явно смеются в глаза. Умный и достойный всякого постороннего уважения человек стоит, хмурит лоб и долго добивается: «Что же это такое?» Наконец махает рукой и уже готов отойти, но в публике хохот пуще, и дело расширяется так, что адепт поневоле остается из самолюбия.

Перед нами ревизионная над спиритизмом комиссия во всеоружии науки. Ожидание в публике, и что же: черти и не думают сопротивляться, напротив, как раз постыднейшим образом пасуют: сеансы не удаются, обман и фокусы явно выходят наружу. Раздается злобный хохот со всех сторон; комиссия удаляется с презрительными взглядами, адепты спиритизма погружаются в стыд, чувство мести закрадывается в сердца обеих сторон. И вот, кажется бы, погибать чертям, так вот нет же. Чуть отвернутся ученые и строгие люди, они мигом и покажут опять какую-нибудь штучку посверхъестественнее своим прежним адептам, и вот те опять уверены пуще прежнего. Опять соблазн, опять раздор! В Париже, прошлым летом, судили одного фотографа за спиритские плутни; он вызывал покойников и снимал с них фотографии; заказов получал пропасть. Но его накрыли, и на суде он во всем сознался, даже представил и ту даму, которая помогала ему и представляла вызванные тени. Что ж вы думаете, те, которых обманул фотограф, поверили? Ничуть; один из них, говорят, сказал так: «У меня умерло трое детей, а портретов их не осталось; и вот фотограф

мне снял с них карточки, все похожи, я всех узнал. Какое мне теперь дело, что он сознался вам в плутовстве? На то у него свой расчет, а у меня в руках факт, и оставьте меня в покое». Это было в газетах; не знаю, так ли я передал подробности, но сущность верна. Ну что, например, если у нас произойдет такое событие: только что ученая комиссия, кончив дело и обличив жалкие фокусы, отвернется, как черти схватят кого-нибудь из упорнейших членов ее, ну хоть самого г-на Менделеева, обличившего спиритизм на публичных лекциях, и вдруг разом уловят его в свои сети, как уловили в свое время Крукса и Олькота, — отведут его в сторонку, подымут его на пять минут на воздух, оматерьялизуют ему знакомых покойников, и всё в таком виде, что уже нельзя усумниться, — ну, что тогда произойдет? Как истинный ученый, он должен будет признать совершившийся факт — и это он, читавший лекции! Какая картина, какой стыд, скандал, какие крики и вопли негодования! Это, конечно, лишь шутка, и я уверен, что с г-ном Менделеевым ничего подобного не случится, хотя в Англии и в Америке черти поступали, кажется, точь-в-точь по этому плану. Ну, а что, если черти, приготовив поле и уже достаточно насадив раздор, вдруг захотят безмерно расширить действие и перейдут уже к настоящему, к серьезному? Это народ насмешливый и неожиданный, и от них станется. Ну что, например, если они вдруг прорвутся в народ, ну хоть вместе с грамотностью? А народ наш так незащищен, так предан мраку и разврату, и так мало, кажется, у него в этом смысле руководителей! Он может поверить новым явлениям с страстью (верит же он Иванам Филипповичам), и тогда — какая остановка в духовном развитии его, какая порча и как надолго! Какое идольское поклонение материализму и какой раздор, раздор: в сто, в тысячу раз больше прежнего, а того-то и надо чертям. А раздор несомненно начнется, особенно если спиритизм добьется стеснения, преследования (а оно может даже неминуемо последовать от остального же народа, не уверовавшего спиритизму) — тогда он мигом разольется, как зажженный керосин, и всё запылает. Мистические идеи любят преследование, они им созидаются. Каждая такая преследуемая мысль подобна тому самому петролею, которым обливали полы и стены Тюльери зажигатели перед пожаром и который, в свое время, лишь усилит пожар в охраняемом здании. О, черти знают силу запрещенного верования, и, может быть, они уже много веков ждали человечество, когда оно споткнется о столы! Ими, конечно, управляет какой-нибудь огромный нечистый дух, страшной силы и поумнее Мефистофеля, прославившего Гете, по уверению Якова Петровича Полонского.

Без всякого сомнения, я шутил и смеялся с первого до последнего слова, но вот что, однако, хотелось бы мне выразить в заключение: если взглянуть на спиритизм как на нечто, несущее в себе как бы новую веру (а почти все, даже самые трез-

вые из спиритов наклонны капельку к такому взгляду), то кое-что из вышеизложенного могло бы быть принято и не в шутку. А потому дай бог поскорей успеха свободному исследованию с обеих сторон; только это одно и поможет как можно скорее искоренить распространяющийся скверный дух, а может быть, и обогатит науку новым открытием. А кричать друг на друга, позорить и изгонять друг друга, за спиритизм, из общества — это, по-моему, значит лишь укреплять и распространять идею спиритизма в самом дурном ее смысле. Это начало нетерпимости и преследования. Чертям того и надо!

III. ОДНО СЛОВО ПО ПОВОДУ МОЕЙ БИОГРАФИИ

На днях мне показали мою биографию, помещенную в «Русском энциклопедическом словаре», издаваемом профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным (год второй, выпуск V, тетрадь 2-я. 1875 г.) и составленную г-ном В. З. Трудно представить, чтоб на одной полстранице можно было наделать столько ошибок. Я родился не в 1818-м году, а в 1822-м. Покойный брат мой, Михаил Михайлович, издатель журналов «Время» и «Эпоха», был моим старшим братом, а не младшим четырьмя годами. После срока моей каторги, в которую я сослан был в 1849-м году *как государственный преступник* (о характере преступления ни слова не упомянуто у г-на В. З., а сказано лишь, что «замешан был в дело Петрашевского», то есть в бог знает какое, потому что никто не обязан знать и помнить про дело Петрашевского, а «Энциклопедический словарь» назначается для всеобщих справок, и могут подумать, что я сослан был за грабеж); после каторги я прямо, по воле покойного государя, поступил в рядовые и через три года службы был произведен в офицеры; водворен же на поселении (поселен) в Сибири, как рассказывает г-н В. З., я никогда не был.

Порядок сочинений моих перемешан: повести, принадлежащие к самому первому периоду моей литературной деятельности, отнесены в биографии как к последнему. Таких ошибок множество, и я их не перечисляю, чтоб не утомить читателя, в случае же вызова все укажу. Но есть уже чистые выдумки. Г-н В. З. уверяет, что я был редактором газеты «Русский мир»; объявляю на это, что редактором газеты «Русский мир» я никогда не бывал, мало того, не напечатал в этом уважаемом издании никогда ни единой строки. Бесспорно, г-н В. З. (г-н Владимир Зотов?) может иметь свою точку зрения и считать самым последним делом, в биографическом сведении о писателе, верное указание на то, когда он родился, какие именно испытал приключения, где, когда и в каком порядке печатал свои произведения, какие труды его считать первоначальными, а какие заключительными, какие издания издавал, какие редактировал и

в каких был только сотрудником; тем не менее, хоть для аккуратности, желалось бы побольше толку. Не то, пожалуй, читатели подумают, что и все статьи в словаре г-на Березина составлены так же неряшливо.

IV. ОДНА ТУРЕЦКАЯ ПОСЛОВИЦА

Кстати и на всякий случай, вверну здесь одну турецкую пословицу (настоящую турецкую, не сочиненную): «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели».

По возможности буду следовать в «Дневнике» моем этой премудрой пословице, хотя, впрочем, и не желал бы связывать себя заранее обещаниями.

ФЕВРАЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. О ТОМ, ЧТО ВСЕ МЫ ХОРОШИЕ ЛЮДИ. СХОДСТВО РУССКОГО ОБЩЕСТВА С МАРШАЛОМ МАК-МАГОНОМ

Первый № «Дневника писателя» был принят приветливо; почти никто не бранил, то есть в литературе, а там дальше я не знаю. Если и была литературная брань, то незаметная. «Петербургская газета» поспешила напомнить публике в передовой статье, что я не люблю детей, подростков и молодое поколение, и в том же № внизу, в своем фельетоне, перепечатала из моего «Дневника» целый рассказ: «Мальчик у Христа на елке», по крайней мере, свидетельствующий о том, что я не совсем ненавижу детей. Впрочем, это всё пустяки, а занимателен для меня лишь вопрос: хорошо или не хорошо, что я всем угодил? Дурной или хороший это признак? Может быть ведь и дурной? А впрочем, нет, зачем же, пусть лучше это будет хороший, а не дурной признак, на том и остановлюсь.

Да и в самом деле: ведь мы все хорошие люди, ну, разумеется, кроме дурных. Но вот что замечу к слову: у нас, может быть, дурных-то людей и совсем нет, а есть разве только дрянные. До дурных мы не доросли. Не смейтесь надо мной, а подумайте: мы ведь до того доходили, что за неимением своих дурных людей (опять-таки при обилии всяких дрянных) готовы были, например, чрезвычайно ценить, в свое время, разных дурных человечков, появлявшихся в литературных наших типах и заимствованных большею частию с иностранного. Мало того, что ценили, — рабски старались подражать им в действительной жизни, копировали их и в этом смысле даже из кожи лезли. Вспомните: мало ли у нас было Печориных, действительно и в самом деле наделавших много скверностей по прочтении «Героя нашего времени». Родоначальником этих дурных человечков был у нас в литературе Сильвио, в повести «Выстрел», взятый

простодушным и прекрасным Пушкиным у Байрона. Да и сам-то Печорин убил Грушницкого потому только, что был не совсем казист собой в своем мундире и на балах высшего общества, в Петербурге, мало походил на молодца в глазах дамского пола. Если же мы так в свое время ценили и уважали этих злых человечков, то единственно потому, что они являлись как люди будто бы *прочной* ненависти, в противоположность нам, русским, как известно, людям весьма непрочной ненависти, а эту черту мы всегда и особенно презирали в себе. Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют, и не только людей, но даже пороки, мрак невежества, деспотизм, обскурантизм, ну и все эти прочие ретроградные вещи. У нас сейчас готовы помириться, даже при первом случае, ведь не правда ли? В самом деле, подумайте: за что нам ненавидеть друг друга? За дурные поступки? Но ведь это тема прескользкая, прещекотливая и пренесправедливая, — одним словом: обоюдуострая; по крайней мере, в настоящее время за нее лучше не приниматься. Остается ненависть из-за убеждений; но тут-то уж я в высшей степени не верю в серьезность наших ненавистей. Были, например, у нас когда-то славянофилы и западники и очень воевали. Но теперь, с уничтожением крепостного права, закончилась реформа Петра, и наступил всеобщий sauve qui peut.[1] И вот, славянофилы и западники вдруг сходятся в одной и той же мысли, что теперь нужно всего ожидать от народа, что он встал, идет и что он, и только он один, скажет у нас последнее слово. На этом, казалось бы, славянофилам и западникам можно было и примириться; но случилось не так: славянофилы верят в народ, потому что допускают в нем свои собственные, ему свойственные начала, а западники соглашаются верить в народ единственно под тем условием, чтобы у него не было никаких своих собственных начал. Ну вот драка и продолжается; что же бы вы думали? Я даже и в самую драку не верю: драка дракой, а любовь любовью. И почему дерущиеся не могли бы в то же время любить друг друга? Напротив, это даже очень часто у нас случается, в тех случаях, когда подерутся уж слишком хорошие люди. А почему мы не хорошие люди (опять-таки кроме дрянных)? Ведь деремся-то мы главное и единственно из-за того, что теперь вдруг настало время уже не теорий, не журнальных сшибок, а дела и практического решения. Вдруг потребовалось высказать слово положительное — по воспитанию, по педагогике, по железным дорогам, по земству, по медицинской части и т. д., и т. д., на сотни тем, и, главное, всё это сейчас и как можно скорее, чтобы не задерживать дела; а так как все мы, за двухсотлетней отвычкой от всякого дела, оказались совершенно неспособными даже на малейшее дело, то естественно, что все вдруг и вцепились друг другу в волосы, и даже так, что

[1] потоп; *букв.* — сигнал тревоги: «Спасайся кто может!» (*франц.*).

чем более кто почувствовал себя неспособным, тем пуще и полез в драку. Что же тут нехорошего, я спрошу вас. Это только трогательно и более ничего. Вгляните на детей: дети дерутся именно тогда, когда еще не научились выражать свои мысли, ну вот точь-в-точь так и мы. Ну и что же, тут вовсе нет ничего безотрадного; напротив, это отчасти доказывает лишь нашу свежесть и, так сказать, непочатость. Положим, у нас, в литературе например, за неимением мыслей, бранятся всеми словами разом: прием невозможный, наивный, у первобытных народов лишь замечающийся, но ведь, ей-богу, даже и в этом есть опять нечто почти трогательное: именно эта неопытность, эта детская неумелость даже и выбраниться как следует. Я вовсе не смеюсь и не глумлюсь: есть у нас повсеместное честное и светлое ожидание добра (это уж как хотите, а это так), желание общего дела и общего блага и это прежде всякого эгоизма, желание самое наивное и полное веры и при этом ничего обособленного, кастового, а если и встречается в маленьких и редких явлениях, то как нечто неприметное и всеми презираемое. Это очень важно, знаете чем: тем, что это не только не мало, но даже и очень много. Ну вот и довольно бы с нас: зачем нам еще какой-то там «прочной ненависти». Честность, искренность нашего общества не только не подвержены сомнению, но даже бьют в глаза. Вглядитесь и увидите, что у нас прежде всего вера в идею, в идеал, а личные, земные блага лишь потом. О, дурные людишки успевают и у нас обделывать свои дела, даже в самом противоположном смысле, и, кажется, в наше время даже несравненно больше, чем когда-либо прежде; но зато эти дрянные людишки никогда у нас не владеют мнением и не предводительствуют, а, напротив, даже будучи наверху честей, бывали не раз принуждаемы рабски подлаживаться под тон людей идеальных, молодых, отвлеченных, смешных для них и бедных. В этом смысле наше общество сходно с народом, тоже ценящим свою веру и свой идеал выше всего мирского и текущего, и в этом даже его главный пункт соединения с народом. Идеализм-то этот приятен и там и тут: утрать его, ведь никакими деньгами потом не купишь. Наш народ хоть и объят развратом, а теперь даже больше чем когда-либо, но никогда еще в нем не было безначалия, и никогда даже самый подлец в народе не говорил: «Так и надо делать, как я делаю», а, напротив, всегда верил и воздыхал, что делает он скверно, а что есть нечто гораздо лучшее, чем он и дела его. А идеалы в народе есть и сильные, а ведь это главное: переменятся обстоятельства, улучшится дело, и разврат, может быть, и соскочит с народа, а светлые-то начала все-таки в нем останутся незыблемее и святее, чем когда-либо прежде. Юношество наше ищет подвигов и жертв. Современный юноша, о котором так много говорят в разном смысле, часто обожает самый простодушный парадокс и жертвует для него всем на свете, судьбою и жизнью; но ведь

всё это единственно потому, что считает свой парадокс за истину. Тут лишь непросвещение: подоспеет свет, и сами собою явятся другие точки зрения, а парадоксы исчезнут, но зато не исчезнет в нем чистота сердца, жажда жертв и подвигов, которая в нем так светится теперь — а вот это-то и всего лучше. О, другое дело и другой вопрос: в чем именно мы все, ищущие общего блага и сходящиеся повсеместно в желании успеха общему делу, — в чем именно мы полагаем средства к тому? Надо признаться, что у нас в этом отношении совсем не спелись, и даже так, что наше современное общество весьма похоже в этом смысле на маршала Мак-Магона. В одну из поездок своих, весьма недавних, по Франции, почтенный маршал в одной из торжественных ответных речей своих какому-то мэру (а французы такие любители всяких встречных и ответных речей) объявил, что, по его мнению, вся политика заключается для него лишь в слове: «Любовь к отечеству». Мнение это было изречено, когда вся Франция, так сказать, напрягалась в ожидании того, что он скажет. Мнение странное, бесспорно похвальное, но удивительно неопределенное, ибо тот же мэр мог бы возразить его превосходительству, что иною любовью можно и утопить отечество. Но мэр не возразил ничего, конечно, испугавшись получить в ответ: «J'y suis et j'y reste!» [1] — фразу, дальше которой почтенный маршал, кажется, не пойдет. Но хотя бы и так, а все-таки это точь-в-точь как и в нашем обществе: все мы сходимся в любви если не к отечеству, то к общему делу (слова ничего не значат), — но в чем мы понимаем средства к тому, и не только средства, но и самое-то общее дело, — вот в этом у нас такая же неясность, как и у маршала Мак-Магона. И потому, хоть я и угодил иным и ценю, что мне протянули руку, ценю очень, но все-таки предчувствую чрезвычайные размолвки в дальнейших подробностях, ибо не могу же я во всем и со всеми быть согласным, каким бы складным человеком я ни был.

II. О ЛЮБВИ К НАРОДУ. НЕОБХОДИМЫЙ КОНТРАКТ С НАРОДОМ

Я вот, например, написал в январском номере «Дневника», что народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, «варвар, ждущий света». А между тем я только что прочел в «Братской помочи» (сборник, изданный Славянским комитетом в пользу дерущихся за свою свободу славян), — в статье незабвенного и дорогого всем русским покойного Константина Аксакова, что русский народ — давно уже просвещен и «образован». Что же? Смутился ли я от такого, по-видимому, разногла-

---

[1] «Я так сказал, и баста!» (*франц.*) (*букв.*: Я здесь и здесь останусь).

сия моего с мнением Константина Аксакова? Нисколько, я вполне разделяю это же самое мнение, горячо и давно ему сочувствую. Как же я соглашаю такое противоречие? Но в том и дело, что, по-моему, это очень легко согласить, а по другим, к удивлению моему, до сих пор эти обе темы несогласимы. В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе — мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают! Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается l'Ordre[1] и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностию и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что всё это — лишь наносное и временное, наваждение диавольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет. Я не буду вспоминать про его исторические идеалы, про его Сергиев, Феодосиев Печерских и даже про Тихона Задонского. А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи. Но обращусь лучше к нашей литературе: всё, что есть в ней истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным. У нас всё ведь от Пушкина. Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятель-

[1] порядок (*франц.*).

ности до того был беспримерен и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь если не чудом, то необычайною великостью гения, которого мы, прибавлю к слову, до сих пор еще оценить не в силах. Не буду упоминать о чисто народных типах, появившихся в наше время, но вспомните Обломова, вспомните «Дворянское гнездо» Тургенева. Тут, конечно, не народ, но всё, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, — всё это от того, что они в них соприкоснулись с народом; это соприкосновение с народом придало им необычайные силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь, что я заговорил вдруг об русской литературе. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции, заметьте себе это, преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные. Впрочем, она принуждена была взять их себе в образец отчасти даже невольно. Право, тут, кажется, действовало скорее художественное чутье, чем добрая воля. Но об литературе пока довольно, да и заговорил я об ней по поводу лишь народа.

Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь. И однако же, народ для нас всех — всё еще теория и продолжает стоять загадкой. Все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили. И даже так, что если б народ русский оказался впоследствии не таким, каким мы каждый его представили, то, кажется, все мы, несмотря на всю любовь нашу к нему, тотчас бы отступились от него без всякого сожаления. Я говорю про всех, не исключая и славянофилов; те-то даже, может быть, пуще всех. Что до меня, то я не потаю моих убеждений, именно чтобы определить яснее дальнейшее направление, в котором пойдет мой «Дневник», во избежание недоумений, так что всякий уже будет знать заранее: стоит ли мне протягивать литературную руку или нет? Я думаю так: вряд ли мы столь хороши и прекрасны, чтоб могли поставить самих себя в идеал народу и потребовать от него, чтоб он стал непременно таким же, как мы. Не дивитесь вопросу, поставленному таким нелепым углом. Но вопрос этот у нас никогда иначе и не ставился: «Что лучше — мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?» — вот что теперь все говорят, из тех, кто хоть капельку не лишен мысли в голове и заботы по общему делу в сердце. А потому и я отвечу искренно:

напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи. Одним словом, мы должны склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако же, все-таки русскими, в чем, впрочем, великая наша заслуга. Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это sine qua non:[1] чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть остается при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибаем врозь. Да противного случая и не будет вовсе; я же совершенно убежден, что это *нечто*, что мы принесли с собой, существует действительно, — не мираж, а имеет и образ и форму, и вес. Тем не менее, опять повторяю, многое впереди загадка и до того, что даже страшно и ждать. Предсказывают, например, что цивилизация испортит народ: это будто бы такой ход дела, при котором, рядом с спасением и светом, вторгается столько ложного и фальшивого, столько тревоги и сквернейших привычек, что разве лишь в поколениях впереди, опять-таки, пожалуй, через двести лет, взрастут добрые семена, а детей наших и нас, может быть, ожидает что-нибудь ужасное. Так ли это по-вашему, господа? Назначено ли нашему народу непременно пройти еще новый фазис разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкой цивилизации? (Я думаю, никто ведь не заспорит, что мы начали нашу цивилизацию прямо с разврата?) Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительнее. Я очень наклонен уверовать, что наш народ такая огромность, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут. Вот на это давайте руку; давайте способствовать вместе, каждый «микроскопическим» своим действием, чтоб дело обошлось прямее и безошибочнее. Правда, мы сами-то не умеем тут ничего, а только «любим отечество», в средствах не согласимся и еще много раз поссоримся; но ведь если уж решено, что мы люди хорошие, то что бы там ни вышло, а ведь дело-то, под конец, наладится. Вот моя вера. Повторяю: тут двухсотлетняя отвычка от всякого дела и более ничего. Вот через эту-то отвычку мы и покончили наш «культурный период» тем, что повсеместно перестали понимать друг друга. Конечно, я говорю лишь о серьезных и искренних людях, — это они только не понимают друг друга; а спекулянты дело другое: те друг друга всегда понимали...

---

[1] обязательно (*лат.*).

III. МУЖИК МАРЕЙ

Но все эти professions de foi,[1] я думаю, очень скучно читать, а потому расскажу один анекдот, впрочем, даже и не анекдот; так, одно лишь далекое воспоминание, которое мне почему-то очень хочется рассказать именно здесь и теперь, в заключение нашего трактата о народе. Мне было тогда всего лишь девять лет от роду... но нет, лучше я начну с того, когда мне было двадцать девять лет от роду.

Был второй день светлого праздника. В воздухе было тепло, небо голубое, солнце высокое, «теплое», яркое, но в душе моей было очень мрачно. Я скитался за казармами, смотрел, отсчитывая их, на пали крепкого острожного тына, но и считать мне их не хотелось, хотя было в привычку. Другой уже день по острогу «шел праздник»; каторжных на работу не выводили, пьяных было множество, ругательства, ссоры начинались поминутно во всех углах. Безобразные, гадкие песни, майданы с картежной игрой под нарами, несколько уже избитых до полусмерти каторжных, за особое буйство, собственным судом товарищей и прикрытых на нарах тулупами, пока оживут и очнутся; несколько раз уже обнажавшиеся ножи, — всё это, в два дня праздника, до болезни истерзало меня. Да и никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула, а тут, в этом месте, особенно. В эти дни даже начальство в острог не заглядывало, не делало обысков, не искало вина, понимая, что надо же дать погулять, раз в год, даже и этим отверженцам и что иначе было бы хуже. Наконец в сердце моем загорелась злоба. Мне встретился поляк М-цкий, из политических; он мрачно посмотрел на меня, глаза его сверкнули и губы затряслись: «Je hais ces brigands!»,[2] — проскрежетал он мне вполголоса и прошел мимо. Я воротился в казарму, несмотря на то, что четверть часа тому выбежал из нее как полоумный, когда шесть человек здоровых мужиков бросились, все разом, на пьяного татарина Газина усмирять его и стали его бить; били они его нелепо, верблюда можно было убить такими побоями; но знали, что этого Геркулеса трудно убить, а потому били без опаски. Теперь, воротясь, я приметил в конце казармы, на нарах в углу, бесчувственного уже Газина почти без признаков жизни; он лежал прикрытый тулупом, и его все обходили молча: хоть и твердо надеялись, что завтра к утру очнется, «но с таких побоев, не ровен час, пожалуй, что и помрет человек». Я пробрался на свое место, против окна с железной решеткой, и лег навзничь, закинув руки за голову и закрыв глаза. Я любил так лежать: к спящему не пристанут, а меж тем можно мечтать и думать. Но мне не мечталось; сердце би-

---

[1] исповедания веры (*франц.*).

[2] «Ненавижу этих разбойников!» (*франц.*).

лось неспокойно, а в ушах звучали слова М-цкого: «Je hais ces brigands!» Впрочем, что же описывать впечатления; мне и теперь иногда снится это время по ночам, и у меня нет снов мучительнее. Может быть, заметят и то, что до сегодня я почти ни разу не заговаривал печатно о моей жизни в каторге; «Записки же из Мертвого дома» написал, пятнадцать лет назад, от лица вымышленного, от преступника, будто бы убившего свою жену. Кстати прибавлю как подробность, что с тех пор про меня очень многие думают и утверждают даже и теперь, что я сослан был за убийство жены моей.

Мало-помалу я и впрямь забылся и неприметно погрузился в воспоминания. Во все мои четыре года каторги я вспоминал беспрерывно всё мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом мало-помалу вырастало в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление. Я анализировал эти впечатления, придавал новые черты уже давно прожитому и, главное, поправлял его, поправлял беспрерывно, в этом состояла вся забава моя. На этот раз мне вдруг припомнилось почему-то одно незаметное мгновение из моего первого детства, когда мне было всего девять лет от роду, — мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любил тогда воспоминания из самого первого моего детства. Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню. Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в *Лоск* — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой рощи. И вот я забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик. Я знаю, что он пашет круто в гору и лошадь идет трудно, и до меня изредка долетает его окрик: «Ну-ну!» Я почти всех наших мужиков знаю, но не знаю, который это теперь пашет, да мне и всё равно, я весь погружен в мое дело, я тоже занят: я выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда против березовых. Занимают меня тоже букашки и жучки, я их сбираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных, красно-желтых ящериц, с черными пятнышками, но змеек боюсь. Впрочем, змейки попадаются гораздо реже ящериц. Грибов тут мало; за грибами надо идти в березняк, и я собираюсь отправиться. И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев. И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления эти остаются

на всю жизнь. Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: «Волк бежит!» Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика.

Это был наш мужик Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его все звали Мареем, — мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде. Я знал его, но до того никогда почти не случалось мне заговорить с ним. Он даже остановил кобыленку, заслышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другою за его рукав, то он разглядел мой испуг.

— Волк бежит! — прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновенье почти мне поверив.

— Где волк?

— Закричал... Кто-то закричал сейчас: «Волк бежит»... — пролепетал я.

— Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть! — бормотал он, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь ведь испужался, ай-ай! — качал он головой. — Полно, ро́дный. Ишь малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

— Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись. — Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ.

— Ишь ведь, ай, — улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой, — господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

Я понял наконец, что волка нет и что мне крик: «Волк бежит» — померещился. Крик был, впрочем, такой ясный и отчетливый, но такие крики (не об одних волках) мне уже раз или два и прежде мерещились, и я знал про то. (Потом, с детством, эти галлюсинации прошли.)

— Ну, я пойду, — сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я те вослед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! — прибавил он, всё так же матерински мне улыбаясь, — ну, Христос с тобой, ну ступай, — и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился. Я пошел, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока я шел, всё стоял с своей кобыленкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая мне головой, когда я оглядывался. Мне, признаться, было немножно перед ним стыдно, что я так испугался, но шел я, всё еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогор оврага, до первой риги; тут испуг

соскочил совсем, и вдруг откуда ни возьмись бросилась ко мне наша дворовая собака Волчок. С Волчком-то я уж вполне ободрился и обернулся в последний раз к Марею; лица его я уже не мог разглядеть ясно, но чувствовал, что он все точно так же мне ласково улыбается и кивает головой. Я махнул ему рукой, он махнул мне тоже и тронул кобыленку.

— Ну-ну! — послышался опять отдаленный окрик его, и кобыленка потянула опять свою соху.

Всё это мне разом припомнилось, не знаю почему, но с удивительною точностью в подробностях. Я вдруг очнулся и присел на нарах и, помню, еще застал на лице моем тихую улыбку воспоминания. С минуту еще я продолжал припоминать.

Я тогда, придя домой от Марея, никому не рассказал о моем «приключении». Да и какое это было приключение? Да и об Марее я тогда очень скоро забыл. Встречаясь с ним потом изредка, я никогда даже с ним не заговаривал, не только про волка, да и ни об чем, и вдруг теперь, двадцать лет спустя, в Сибири, припомнил всю эту встречу с такою ясностью, до самой последней черты. Значит, залегла же она в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика, его кресты, его покачиванье головой: «Ишь ведь, испужался, малец!» И особенно этот толстый его, запачканный в земле палец, которым он тихо и с робкою нежностью прикоснулся к вздрагивавшим губам моим. Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлою любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барчонок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то. Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?

И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце. Встретил я в тот же вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть

воспоминаний ни об каких Мареях и никакого другого взгляда на этих людей, кроме «Je hais ces brigands!» Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего!

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ПО ПОВОДУ ДЕЛА КРОНЕБЕРГА

Я думаю, все знают о деле Кронеберга, производившемся с месяц назад в с.-петербургском окружном суде, и все читали отчеты и суждения в газетах. Дело слишком любопытное, и отчеты о нем были замечательно горячие. Опоздав месяц, я не буду подымать его в подробности, но чувствую потребность сказать и мое слово по поводу. Я совсем не юрист, но тут столько оказалось фальши со всех сторон, что она и не юристу очевидна. Подобные дела выпрыгивают как-то нечаянно и только смущают общество и, кажется, даже судей. А так как касаются при том всеобщего и самого драгоценного интереса, то понятно, что затрагивают за живое, и об них иной раз нельзя не заговорить, хотя бы прошел тому уже месяц, то есть целая вечность.

Напомню дело: отец высек ребенка, семилетнюю дочь, слишком жестоко; по обвинению — обходился с нею жестоко и прежде. Одна посторонняя женщина, из простого звания, не стерпела криков истязаемой девочки, четверть часа (по обвинению) кричавшей под розгами: «Папа! Папа!» Розги же, по свидетельству одного эксперта, оказались не розгами, а «шпицрутенами», то есть невозможными для семилетнего возраста. Впрочем, они лежали на суде в числе вещественных доказательств, и их все могли видеть, даже сам г-н Спасович. Обвинение, между прочим, упоминало и о том, что отец перед сечением, когда ему заметили, что вот хоть этот сучок надо бы отломить, ответил: «Нет, это придает еще силы». Известно тоже, что отец после наказания сам почти упал в обморок.

Помню, какое первое впечатление произвел на меня номер «Голоса», в котором я прочел начало дела, первое изложение его. Это случилось со мной в десятом часу вечера, совсем нечаянно. Я весь день просидел в типографии и не мог проглядеть «Голос» раньше и об возникшем деле ничего не знал. Прочитав, я решился во что бы ни стало, несмотря на поздний час, узнать в тот же вечер о дальнейшем ходе дела, предполагая, что оно могло уже, пожалуй, и кончиться в суде, может быть, даже в тот же самый день, в субботу, и зная, что отчеты в газетах всегда опаздывают. Я вздумал тотчас же съездить к одному слишком мне известному, хотя и очень мало знакомому человеку, рассчитывая по некоторым соображениям, что ему, в данную минуту, скорее всех моих знакомых может быть известно окончание дела, и что даже наверно, может быть, он и сам был в суде. Я не ошибся, он был

в суде и только что воротился; я застал его, в одиннадцатом часу, уже дома, и он сообщил мне об оправдании подсудимого. Я был в негодовании па суд, на присяжных, на адвоката. Теперь этому делу уже три недели, и я во многом переменил мнение, прочтя сам отчеты газет и выслушав несколько веских посторонних суждений. Я очень рад, что судившегося отца могу уже не принимать за злодея, за любителя детских мучений (такие типы бывают), и что тут всего только «нервы», и что он только «худой педагог», по выражению его же защитника. Я, главное, желаю теперь лишь указать в некоторой подробности па речь адвоката-защитника в суде, чтобы яснее обозначить — в какое фальшивое и нелепое положение может быть поставлен иной известный, талантливый и частный человек, единственно лишь фальшью первоначальной постановки самого дела.

В чем же фальшь? Во-первых, вот девочка, ребенок; ее «мучили, истязали», и судьи хотят ее защитить, — и вот какое бы уж, кажется, святое дело, но что ж выходит: ведь чуть не сделали ее навеки несчастною; даже, может быть, уж сделали! В самом деле, что если б отца осудили? Дело было поставлено обвинением так, что в случае обвинительного приговора присяжных отец мог быть сослан в Сибирь. Спрашивается, что осталось бы у этой дочери, теперь ничего не смыслящего ребенка, потом в душе, на всю жизнь, и даже в случае, если б она была потом всю жизнь богатою, «счастливою»? Не разрушено ли б было семейство самим судом, охраняющим, как известно, святыню семьи? Теперь возьмите еще черту: девочке семь лет, — каково впечатление в таких летах? Отца ее не сослали и оправдали, хорошо сделали (хотя аплодировать решению присяжных, по-моему, публике бы и не следовало, а аплодисмент, говорят, раздался); но всё же девочку притянули в суд, она фигурировала; она всё видела, всё слышала, сама отвечала за себя: «Je suis voleuse, menteuse».[1] Открыты были взрослыми и серьезными людьми, гуманными даже людьми, вслух перед всей публикой — секретные пороки ребеночка (это семилетнего-то!) — какая чудовищность! Mais il en reste toujours quelque chose,[2] на всю жизнь, поймите вы это! И не только в душе ее останется, но, может быть, отразится и в судьбе ее. Что-то уж прикоснулось к пей теперь, на этом суде, гадкое, нехорошее, навеки и оставило след. И, кто знает, может быть, через двадцать лет ей кто-нибудь скажет: «Ты еще ребенком в уголовном суде фигурировала». Впрочем, опять-таки я вижу, что я не юрист и всего этого не сумею выразить, а потому лучше обращусь прямо к речи защитника: в ней все эти недоразумения чрезвычайно ярко и сами собой выставились. Защитником подсудимого был г-н Спасович; это талант. Где ни заговорят о г-не Спасовиче, все, повсеместно, отзываются о нем:

[1] «Я воровка, лгунья» (*франц.*).
[2] Но ведь какой-то след непременно останется (*франц.*).

«Это талант». Я очень рад тому. Замечу, что г-н Спасович был назначен к защите судом и, стало быть, защищал, так сказать, вследствие некоторого понуждения... Впрочем, тут я опять не компетентен и умолкаю. Но прежде, чем коснусь вышеупомянутой и замечательной речи, мне хочется включить несколько слов об адвокатах вообще и о талантах в особенности, так сказать, сообщить читателю несколько впечатлений и недоумений моих, конечно, может быть, крайне не серьезных в глазах людей компетентных, но ведь я пишу мой «Дневник» для себя, а мысли эти крепко у меня засели. Впрочем, сознаюсь, это даже и не мысли, а так всё какие-то чувства...

II. НЕЧТО ОБ АДВОКАТАХ ВООБЩЕ. МОИ НАИВНЫЕ И НЕОБРАЗОВАННЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ. НЕЧТО О ТАЛАНТАХ ВООБЩЕ И В ОСОБЕННОСТИ

Впрочем, собственно об адвокатах лишь два слова. Только лишь взял перо и уж боюсь. Заранее краснею за наивность моих вопросов и предположений. Ведь слишком уж было бы наивно и невинно с моей стороны распространяться, например, о том, какое полезное и приятное учреждение адвокатура. Вот человек совершил преступление, а законов не знает; он готов сознаться, но является адвокат и доказывает ему, что он не только прав, но и свят. Он подводит ему законы, он подыскивает ему такое руководящее решение кассационного департамента сената, которое вдруг дает делу совсем иной вид, и кончает тем, что вытягивает из ямы несчастного. Преприятная вещь! Положим, тут могут поспорить и возразить, что это отчасти безнравственно. Но вот перед вами невинный, совсем уж невинный, простячок, а улики, однако, такие и прокурор их так сгруппировал, что совсем бы, кажется, погибать человеку за чужую вину. Человек притом темный, законов ни в зуб и только знает бормочет: «Знать не знаю, ведать не ведаю», — чем под конец раздражает и присяжных, и судей. Но является адвокат, съевший зубы на законах, подводит статью, подводит руководящее решение кассационного департамента сената, сбивает с толку прокурора, и вот — невинный оправдан. Нет, это полезно. Что бы стал делать у нас невинный без адвоката?

Всё это, повторяю, рассуждения наивные и всем известные. Но все-таки чрезвычайно приятно иметь адвоката. Я сам испытал это ощущение, когда однажды, редактируя одну газету, вдруг нечаянно, по недосмотру (что со всеми случается) пропустил одно известие, которое не мог напечатать иначе, как с разрешения г-на министра двора. И вот мне вдруг объявили, что я под судом. Я и защищаться-то не хотел; «вина» моя была даже и мне очевидна: я преступил ясно начертанный закон, и *юридического* спору быть не могло. Но суд мне назначил адвоката (человека несколько мне знакомого и с которым мы заседали прежде в одном

«Обществе»). Он мне вдруг объявил, что я не только не виноват, но и совершенно прав, и что он твердо намерен отстоять меня изо всех сил. Я выслушал это, разумеется, с удовольствием; когда же настал суд, то, признаюсь, я вынес совершенно неожиданное впечатление: я видел и слушал, как говорил мой адвокат, и мысль о том, что я, совершенно виноватый, вдруг выхожу совсем правым, была так забавна и в то же время так почему-то привлекательна, что, признаюсь, эти полчаса в суде я отношу к самым веселым в моей жизни; но ведь я был не юрист и потому не понимал, что совершенно прав. Меня, конечно, осудили: литераторов судят строго; я заплатил двадцать пять рублей и, сверх того, отсидел два дня на Сенной, на абвахте, где провел время премило, даже с некоторою пользою и кое с кем и с чем познакомился. А впрочем, я чувствую, что сильно соскочил в сторону; перейду опять к серьезному.

В высшей степени нравственно и умилительно, когда адвокат употребляет свой труд и талант на защиту несчастных; это друг человечества. Но вот у вас является мысль, что он заведомо защищает и оправдывает виновного, мало того, что он иначе и сделать не может, если б и хотел. Мне ответят, что суд не может лишить помощи адвокатской никакого преступника и что честный адвокат всегда в этом случае останется честным, ибо всегда найдет и определит настоящую степень виновности своего клиента, но лишь не даст его наказать сверх меры и т. д., и т. д. Это так, хотя это предположение и похоже на самый безграничный идеализм. Мне кажется, что избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния. Ведь уж случалось нам слышать, как адвокаты почти клянутся в суде, вслух, обращаясь к присяжным, что они — единственно потому только взялись защищать своих клиентов, что вполне убедились в их невинности. Когда вы выслушиваете эти клятвы, в вас тотчас же и неотразимо вселяется самое скверное подозрение: «А ну, если лжет и только деньги взял?» И действительно, очень часто выходило потом, что эти, с таким жаром защищаемые клиенты, оказывались вполне и бесспорно виновными. Я не знаю, бывали ли у нас случаи, что адвокаты, желая до конца выдержать свой характер вполне убежденных в невинности своих клиентов людей, падали в обморок, когда присяжные выносили обвинительный приговор? Но что проливали слезы, то это, кажется, уже случалось в нашем столь молодом еще суде. Как хотите, а тут, во всем этом установлении, сверх всего бесспорно прекрасного, заключается как бы нечто грустное. Право: мерещатся «Подковырники-Клещи», слышится народное словцо: «адвокат — нанятая совесть»; но главное, кроме всего этого, мерещится нелепейший парадокс, что адвокат и никогда не может действовать по совести, не может не играть своею совестью, если б даже и хотел не играть, что это уже такой обреченный на бессовестность человек и

что, наконец, самое главное и серьезное во всем этом то, что такое грустное положение дела как бы даже узаконено кем-то и чем-то, так что считается уже вовсе не уклонением, а, напротив, даже самым нормальным порядком...

Впрочем, оставим; чувствую из всех сил, что заговорил не на свою тему. И даже уверен, что юридической наукой все эти недоразумения давным-давно уже разрешены, к полному спокойствию всех и каждого, а только я один из всех про это ничего не знаю. Поговорю лучше о таланте; всё же я тут хоть капельку да компетентнее.

Что такое талант? Талант есть, во-первых, преполезная вещь. Литературный талант, например, есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно. Вы скажете, что прежде всего нужно направление и уже после талант. Пусть, согласен, я не о художественности собрался говорить, а лишь о некоторых свойствах таланта, говоря вообще. Свойства таланта, говоря вообще, чрезвычайно разнообразны и иногда просто несносны. Во-первых, talent oblige, «талант обязывает» — к чему, например? Иногда к самым дурным вещам. Представляется неразрешимый вопрос: талант ли обладает человеком или человек своим талантом? Мне кажется, сколько я ни следил и ни наблюдал за талантами, живыми и мертвыми, чрезвычайно редко человек способен совладать с своим дарованием, и что, напротив, почти всегда талант порабощает себе своего обладателя, так сказать, как бы схватывая его за шиворот (да, именно в таком унизительном нередко виде) и унося его на весьма далекие расстояния от настоящей дороги. У Гоголя где-то (забыл где) один враль начал об чем-то рассказывать и, может быть, сказал бы правду, «но сами собою представились такие подробности» в рассказе, что уж никак нельзя было сказать правду. Это я, конечно, лишь для сравнения, хотя действительно есть таланты собственно вралей или вранья. Романист Теккерей, рисуя одного такого светского враля и забавника, порядочного впрочем общества, и шатавшегося по лордам, рассказывает, что он, уходя откуда-нибудь, любил оставлять после себя взрыв смеха, то есть приберегал самую лучшую выходку или остроту к концу. Знаете что: мне кажется, очень трудно оставаться и, так сказать, уберечь себя честным человеком, когда так заботишься приберечь самое меткое словцо к концу, чтобы оставить по себе взрыв смеха. Самая забота эта так мелочна, что под конец должна выгнать из человека всё серьезное. И к тому же если меткое словцо к концу не припасено, то его надо ведь выдумать, а для красного словца

не пожалеешь матери и отца.

Скажут мне, что если такие требования, то и жить нельзя. Это правда. Но во всяком таланте, согласитесь сами, есть всегда эта

некоторая почти неблагородная, излишняя «отзывчивость», которая всегда тянет увлечь самого трезвого человека в сторону,

Ревет ли зверь в лесу глухом...

или там что бы ни случилось, тотчас же и пошел, и пошел человек, и взыграл, и размазался, и увлекся. Эту излишнюю «отзывчивость» Белинский, в одном разговоре со мной, сравнил, так сказать, с «блудодействием таланта» и презирал ее очень, подразумевая, конечно, в антитезе, некоторую крепость души, которая бы могла всегда совлáдать с отзывчивостию, даже и при самом крепком поэтическом настроении. Белинский говорил это про поэтов, но ведь и все почти таланты хоть капельку да поэты, даже столяры, если они талантливы. Поэзия есть, так сказать, внутренний огонь всякого таланта. А если уж столяр бывает поэтом, то наверно и адвокат, в случае если тоже талантлив. Я нисколько не спорю, что при суровой честности правил и при твердости духа даже и адвокат может справиться с своею «отзывчивостью»; но есть случаи и обстоятельства, когда человек и не выдержит: «представятся само собою такие подробности» и — увлечется человек. Господа, всё, что я здесь говорю об этой отзывчивости, почти вовсе не пустяки; как это ни просто по-видимому, но это чрезвычайно важное дело, даже в каждой жизни, даже у нас с вами: вникните глубже и дайте отчет и вы увидите, что чрезвычайно трудно остаться честным человеком иногда именно через эту самую излишнюю и разбалованную «отзывчивость», принуждающую нас лгать беспрерывно. Впрочем, слово честный человек я разумею здесь лишь в «высшем смысле», так что можно оставаться вполне спокойным и не тревожиться. Да и уверен, что с моих слов никто и не затревожится. Продолжаю. Помнит ли кто из вас, господа, про Альфонса Ламартина, бывшего, так сказать, предводителя временного правительства в февральскую революцию сорок восьмого года? Говорят, ничего не было для него приятнее и прелестнее, как говорить бесконечные речи к народу и к разным депутациям, приходившим тогда со всей Франции, из всех городов и городишек, чтоб представиться временному правительству, в первые два месяца по провозглашении республики. Речей этих произнес он тогда, может быть, несколько тысяч. Это был поэт и талант. Вся жизнь его была невинна и полна невинности, и всё это при прекрасной и самой внушительной наружности, созданной, так сказать, для кипсеков. Я вовсе не приравниваю этого исторического человека к тем типам отзывчиво-поэтических людей, которые, так сказать, так и рождаются с соплей на носу, хотя, впрочем, он и написал «Harmonies poétiques et religieuses» [1] — необыкновенный том бесконечно долговязых стихов, в которых увязло три поколения барышень, выходивших из институтов. Но зато он написал потом чрезвычайно талантливую

[1] «Поэтические и религиозные гармонии» (*франц.*).

вещь: «Историю жирондистов», доставившую ему популярность и, наконец, место как бы шефа временного революционного правительства, — вот именно когда он и насказал столько бесконечных речей, так сказать, упиваясь ими первый и плавая в каком-то вечном восторге. Один талантливый остряк, указывая раз тогда на него, вскричал: «Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre!» («Это не человек: это лира!»).

Это была похвала, но высказана она была с глубоким плутовством, ибо что, скажите, может быть смешнее, как приравнять человека к лире? Только прикоснуться — и сейчас зазвенела! Само собою, что невозможно приравнять Ламартина, этого вечно говорившего стихами человека, этого оратора-лиру, к кому-нибудь из наших шустрых адвокатов, плутоватых даже в своей невинности, всегда собою владеющих, всегда изворотливых, всегда наживающихся? Им ли не совладать с своими лирами? Но так ли это? Истинно ли это так, господа? Слаб человек к похвале и «отзывчив», даже и плутоватый! С иным нашим адвокатским талантом, взамен «лиры», может случиться в иносказательном роде то же самое, что случилось с одним московским купчиком. Помер его папаша и оставил ему капитал (читайте капитал, ударение на *и*). Но мамаша его тоже вела какую-то коммерцию на свое имя и запуталась. Надо было выручить мамашу, то есть заплатить много денег. Купчик очень любил маменьку, но приостановился: «Все же нам никак нельзя без капиталу. Это чтоб капиталу нашего решиться — это нам никоим образом невозможно, потому как нам никак невозможно, чтобы самим без капиталу». Так и не дал ничего, и маменьку потянули в яму. Примите за аллегорию и приравняйте талант к капиталу, что даже и похоже, и выйдет такая речь: «Это чтоб нам без блеску и еффекту, это нам никоим образом невозможно, потому как нам никак невозможно, чтобы нам совсем без блеску и еффекту». И это может случиться даже с серьезнейшим и честнейшим из адвокатских талантов даже в ту самую минуту, когда он примется защищать дело, хотя бы претящее его совести. Я читал когда-то, что во Франции, давно уже, один адвокат, убедясь по ходу дела в виновности своего клиента, когда пришло время его защитительной речи, встал, поклонился суду и молча сел на свое место. У нас, я думаю, этого не может случиться: «Как же я могу не выиграть, если я талант; и неужели же я сам буду губить мою репутацию?» Таким образом *не одни деньги страшны* адвокату, как соблазн (тем более, что и не боится он их никогда), а и собственная сила таланта.

Однако раскаиваюсь, что написал всё это: ведь известно, что г-н Спасович тоже замечательно талантливый адвокат. Речь его в этом деле, по-моему, верх искусства; тем не менее она оставила в душе моей почти отвратительное впечатление. Видите, я начинаю с самых искренних слов. Но виною всему та фальшь всех сгруппировавшихся в этом деле около г-на Спасовича обстоя-

тельств, из которой он никак не мог выбраться по самой силе вещей; вот мое мнение, а потому всё натянутое и вымученное в его положении, как защитника, само собою отразилось и в речи его. Дело было поставлено так, что в случае обвинения клиент его мог потерпеть чрезвычайное и несоразмерное наказание. И вышла бы беда: разрушенное семейство, никто не защищен, и все несчастны. Клиент обвинялся в «истязании» — эта-то постановка и была страшна. Г-н Спасович прямо начал с того, что отверг всякую мысль об истязании. «Не было истязания, не было никакой обиды ребенку!» Он отрицает всё: шпицрутены, синяки, удары, кровь, честность свидетелей противной стороны, всё, всё — прием чрезвычайно смелый, так сказать, наскок на совесть присяжных; но г-н Спасович знает свои силы. Он отверг даже ребенка, младенчество его, он уничтожил и вырвал с корнем из сердец своих слушателей даже самую жалость к нему. Крики, «продолжавшиеся четверть часа под розгами» (да хотя бы и пять минут): «Папа! Папа!», — всё это исчезло, а на первом плане явилась «шустрая девочка, с розовым лицом, смеющаяся, хитрая, испорченная и с затаенными пороками». Слушатели почти забыли, что она семилетняя; г-н Спасович ловко конфисковал лета, как опаснейшую для себя вещь. Разрушив всё это, он естественно добился оправдательного приговора; но что же было ему и делать: «а ну, если присяжные обвинили бы его клиента?» Так что, само собою, ему уже нельзя было останавливаться перед средствами, белоручничать. «Всякие средства хороши, если ведут к прекрасной цели». Но рассмотрим эту замечательную речь в подробности, это слишком стоит того, вы увидите.

III. РЕЧЬ Г-НА СПАСОВИЧА. ЛОВКИЕ ПРИЕМЫ

Уже с первых слов речи вы чувствуете, что имеете дело с талантом из ряда вон, с силой. Г-н Спасович сразу раскрывается весь, и сам же первый указывает присяжным слабую сторону предпринятой им защиты, обнаруживает свое самое слабое место, то, чего он всего больше боится. (Кстати, я выписываю эту речь из «Голоса». «Голос» такое богатое средствами издание, что, вероятно, имеет возможность содержать хорошего стенографа.)

«Я боюсь, г-да присяжные заседатели, — говорит г-н Спасович, — не определения судебной палаты, не обвинения прокурора... я боюсь отвлеченной идеи, призрака, боюсь, что преступление, как оно озаглавлено, имеет своим предметом слабое беззащитное существо. Самое слово „истязание ребенка“, во-первых, возбуждает чувство большого сострадания к ребенку, а во-вторых, чувство такого же сильного негодования к тому, кто был его мучителем».

Очень ловко. Искренность необыкновенная. Нахохлившийся слушатель, заранее приготовившийся выслушать непременно что-нибудь очень хитрое, изворотливое, надувательное, и только что

сказавший себе: «А ну, брат, посмотрим, как-то ты меня теперь надуешь», — вдруг поражен почти беззащитностью человека. Предполагаемый хитрец сам ищет защиты, да еще у вас же, у тех, которых собрался надувать! Таким приемом г-н Спасович сразу разбивает лед недоверчивости и хоть одной капелькой, а уж профильтровывается в ваше сердце. Правда, он говорит про *призрак*, говорит, что боится лишь «призрака», то есть почти предрассудка; вы еще ничего не слыхали далее, но вам уже стыдно, что вас неравно сочтут за человека с предрассудками, не правда ли? Очень ловко.

«Я, г-да присяжные, не сторонник розги, — продолжает г-н Спасович. — Я вполне понимаю, что может быть *проведена система воспитания* (не беспокойтесь, это всё такие новые выражения и взяты целиком из разных педагогических рефератов), из которой розга будет исключена; тем не менее я так же мало ожидаю совершенного и безусловного искоренения телесного наказания, как мало ожидаю, чтоб вы перестали в суде действовать за прекращением уголовных преступлений и нарушением той правды, которая должна существовать как в семье, так и в государстве».

Так всё дело, стало быть, идет всего только о розге, а не о пучке розог, не о «шпицрутенах». Вы вглядываетесь, вы слушаете, — нет, человек говорит серьезно, не шутит. Весь содом-то стало быть, подняли из-за розочки в детском возрасте и о том: употреблять ее или не употреблять. Стоило из-за этого собираться. Правда, он-то сам не сторонник розги; сам объявляет, но ведь —

«В нормальном порядке вещей употребляются нормальные меры. В настоящем случае была употреблена мера несомненно ненормальная. Но если вы вникнете в обстоятельства, вызвавшие эту меру, если вы примете в соображение натуру дитяти, темперамент отца, те цели, которые им руководили при наказании, то вы многое в этом случае поймете, а раз вы поймете — вы оправдаете, потому что *глубокое* понимание дела непременно ведет к тому, что тогда многое объяснится и покажется естественным, не требующим уголовного противодействия. Такова моя задача — объяснить случай».

То есть, видите ли: «наказание», а не «истязание», сам говорит, значит всего только родного отца судят за то, что ребенка побольнее посек. Эк ведь время-то пришло! Но ведь если глубже вникнуть... вот то-то вот и есть, что поглубже не умели вникнуть ни судебная палата, ни прокурор. А раз мы, присяжные заседатели, вникнем, так и оправдаем, потому что «*глубокое* понимание ведет к оправданию», сам говорит, а *глубокое-то понимание*, значит, только у нас и есть, на нашей скамье! «Ждал-то нас, должно быть, сколько, голубчик, умаялся по судам-то да по прокурорам!» Одним словом: «польсти, польсти!» — старый, рутинный прием, а ведь преблагонадежный.

За сим г-н Спасович прямо переходит к изложению исторической части дела и начинает ab ovo.[1] Мы, конечно, не будем

[1] от самых истоков (*букв.* — с азов) (*лат.*).

передавать дословно. Он рассказывает всю историю своего клиента. Г-н Кронеберг, видите ли, кончил курс наук, учился сначала в Варшаве в университете, потом в Брюсселе, где полюбил французов, потом опять в Варшаве, где в 1867 году кончил курс в главной школе со степенью магистра прав. В Варшаве он познакомился с одной дамой, старше его летами, и имел с нею связь, расстался же за невозможностью брака, но расставаясь и не знал, что она от него осталась беременною. Г-н Кронеберг был огорчен и искал развлечения. В франко-прусскую войну он вступил в ряды фрунцузской армии и участвовал в 23-х сражениях, получил орден почетного легиона и вышел в отставку подпоручиком. Мы, русские, тогда, конечно, тоже желали, все сплошь, удачи французам; не любим мы как-то немцев сердечно, хотя умственно готовы их уважать. Возвратясь в Варшаву, он встретился опять с той дамой, которую так любил; она была уже замужем и сообщила ему, в первый раз в жизни, что у него есть ребенок и находится теперь в Женеве. Мать тогда нарочно съездила в Женеву, чтобы разрешиться там от бремени, а ребенка оставила у крестьян за денежное вознаграждение. Узнав о ребенке, г-н Кронеберг тотчас же пожелал его обеспечить. Тут г-н Спасович произносит несколько строгих и либеральных слов о нашем законодательстве за строгость его к незаконнорожденным, но тотчас же и утешает нас тем, что «в пределах империи есть страна, Царство Польское, имеющая свои особые законы». Одним словом, в этой стране можно легче и удобнее усыновить незаконного ребенка. Г-н Кронеберг «пожелал сделать для ребенка самое большее, что только можно сделать по закону, хотя у него тогда еще не было своего собственного состояния. Но он был уверен, что его родные, в случае его смерти, позаботятся о девочке, носящей имя Кронеберг, и что в крайнем случае она может быть принята в одно из правительственных воспитательных заведений Франции как дочь кавалера почетного легиона». Затем г-н Кронеберг взял девочку у женевских крестьян и поместил ее в дом к пастору де-Комба, в Женеве же, на воспитание; жена пастора была крестною матерью девочки. Так прошли годы 72, 73 и 74 до начала 1875 года, когда, вследствие изменившихся обстоятельств, г-н Кронеберг съездил опять в Женеву и взял свою девочку уже к себе в Петербург.

Г-н Спасович открывает нам, между прочим, что клиент его есть человек, жаждущий семейной жизни. Он было и хотел раз жениться, но брак расстроился, и притом одним из сильнейших препятствий оказалось именно то, что он не скрыл, что у него есть «натуральная дочь». Это только первая капелька, г-н Спасович не прибавляет ничего, но вам понятно, что г-н Кронеберг уже отчасти пострадал за свое доброе дело, за то, что признал дочь свою, которую мог не признать и забросить у крестьян навсегда. Стало быть, мог уже, так сказать, роптать на это невинное создание; по крайней мере, вам это так представляется. Но в этих

маленьких, тонких, как бы мимолетных, но беспрерывных намеках г-н Спасович величайший мастер и не имеет соперника, в чем и уверитесь далее.

Далее, г-н Спасович начинает вдруг говорить о девице Жезинг. В Париже, видите ли, г-н Кронеберг познакомился с девицею Жезинг и в 1874 году привез ее с собою в Петербург.

«Вы могли оценить (вдруг возвещает нам г-н Спасович), насколько г-жа Жезинг походит или не походит на женщин полусвета, с которыми завязываются только летучие связи. Конечно, она не жена Кронеберга, но их отношения не исключают ни любви, ни уважения».

Ну, это дело субъективное, ихнее, а нам бы и всё равно. Но г-ну Спасовичу надо непременно выхлопотать уважение.

«Вы видели, бессердечна ли эта женщина к ребенку и любит ее или нет ребенок? Она желала бы сделать ребенку всякое добро...»

Всё дело в том, что ребенок звал эту даму maman и в ее же сундуке взял чернослив, за который его так высекли. Так вот, чтобы не подумали, что Жезинг враг ребенку, что напрасно на него наговаривала и тем возбуждала против него Кронеберга. Что же, мы и не думаем; нам даже кажется, что этой даме не с чего ненавидеть ребенка: ребенок приучен целовать у ней ручку и называть ее maman. Из дела видно, что эта дама, испугавшись «шпицрутенов», даже попросила (хотя и неуспешно), перед самым сечением, отломить один опасный сучок. По свидетельству г-на Спасовича, Жезинг-то и подала мысль Кронебергу взять ребенка из Женевы от де-Комба.

«Кронеберг не имел еще в то время определенного намерения взять ребенка, но решился заехать в Женеву посмотреть...»

Известие весьма характерное, его надо запомнить. Выходит, что г-н Кронеберг в то время еще не очень-то думал о ребенке и вовсе не имел собственной сердечной потребности держать его при себе.

«В Женеве он был поражен: ребенок, которого он посетил неожиданно, в неузаконенное время, был найден одичалым, *не узнал отца*».

Особенно заметьте это словечко: «не узнал отца». Я сказал уже, что г-н Спасович великий мастер закидывать такие словечки; казалось бы, он просто обронил его, а в конце речи оно откликается результатом и дает плод. Коли «не узнал отца», значит, ребенок не только одичалый, но уж и испорченный. Всё это нужно впереди; далее мы увидим, что г-н Спасович, закидывая то там, то тут по словечку, решительно разочарует вас под конец насчет ребенка. Вместо дитяти семи лет, вместо ангела, — перед вами явится девочка «шустрая», девочка хитрая, крикса, с дурным характером, которая кричит, когда ее только поставят в угол, которая «горазда кричать» (какие русизмы!), лгунья, воровка, неопрятная и с скверным затаенным пороком. Вся

штука в том, чтобы как-нибудь уничтожить вашу к ней симпатию. Уж такова человеческая природа: кого вы невзлюбите, к кому почувствуете отвращение, того и не пожалеете; а сострадания-то вашего г-н Спасович и боится пуще всего: не то вы, может быть, пожалев ее, обвините отца. Вот ведь фальшь-то положения! Конечно, вся группировка эта, все эти факты, собранные им над головой ребенка, не стоят, каждое, выеденного яйца, и дальше вы это непременно заметите сами. Нет, например, человека, который бы не знал, что трехлетний, даже четырехлетний ребенок, оставленный кем бы то ни было на три года, непременно забудет того в лицо, забудет даже до малейших обстоятельств всё об том лице и об том времени, и что память детей не может, в эти лета, простираться далее года или даже девяти месяцев. Это всякий отец и всякий врач подтвердит вам. Тут виноваты скорее те, которые оставили ребенка на столько лет, а не испорченная натура ребенка, и уж, конечно, присяжный заседатель это тоже поймет, если найдет время и охоту подумать и рассудить; но рассудить ему некогда, он под впечатлением неотразимого давления таланта; над ним группировка: дело не в каждом факте отдельно, а в целом, так сказать, в пучке фактов, — и как хотите, но все эти ничтожные факты, все вместе, в пучке, действительно производят под конец как бы враждебное к ребенку чувство. Il en reste toujours quelque chose, — дело старинное, дело известное, особенно при группировке искусной, изученной.

Зайду вперед и выставлю еще один такой пример искусства г-на Спасовича. Он, например, подобным же приемом совершенно и разом уничтожает в конце речи самую тяжкую против его клиента свидетельницу, Аграфену Титову. Тут даже и не группировка, тут он подхватил всего только одно словечко, ну и воспользовался им. Аграфена Титова — бывшая горничная г-на Кронеберга. Это она-то первая, вместе с Ульяной Бибиной, дворничихой на даче в Лесном, где квартировал г-н Кронеберг, возбудила дело об истязании ребенка. Скажу от себя, к слову, что, по моему мнению, эта Титова и в особенности Бибина — чуть ли не два наиболее симпатичные лица во всем этом деле. Они обе любят ребенка. Ребенку было скучно. Только что привезенный из Швейцарии, он почти не видел отца. Отец занимался делами одной железной дороги и уезжал из дому с утра, а возвращался поздно вечером. Когда же, приехав вечером, узнавал о какой-нибудь детской шалости ребенка, то сек и бил его по лицу (факты подтвердившиеся и не отрицаемые самим г-ном Спасовичем); бедная девочка, вследствие этой безотрадной жизни, дичала и тосковала всё больше и больше. «Теперь девочка всё сидит одна и ни с кем не говорит», — показала этими самыми словами Титова, когда приносила жалобу. В этих словах не только слышится глубокая симпатия, но и виден тонкий взгляд наблюдательницы, взгляд с внутренним мучением на страдания оскор-

бляемого крошечного создания божия. Естественно после того, что девочка любила прислугу, от которой одной только и видела любовь и ласку, бегала иногда вниз к дворничихе. Г-н Спасович обвиняет за это ребенка, приписывает его пороки «развращающему влиянию прислуги». Заметьте, что девочка говорила только по-французски и что Ульяна Бибина, дворничиха, не могла хорошо понимать ее, стало быть, полюбила ее просто из жалости, из симпатии к дитяти, которая так свойственна нашему простому народу.

«Однажды вечером (как говорится в обвинении), в июле, Кронеберг опять стал сечь девочку и на этот раз сек так долго, и она так страшно кричала, что Бибина испугалась, опасаясь, что девочку засекут, а потому, вскочив с постели, как была в рубашке, подбежала к окну Кронеберга и закричала, чтоб ребенка перестали сечь, а не то она пошлет за полицией; *тогда сеченье и крики прекратились...*»

Видна ли вам эта курица, эта наседка, ставшая перед своими цыплятами и растопырившая крылья, чтоб их защитить? Эти жалкие курицы, защищая своих цыплят, становятся иногда почти страшными. В детстве моем, в деревне, я знал одного дворового мальчишку, который ужасно любил мучить животных и особенно любил сам резать кур, когда их надо было готовить господам к обеду. Помню, он лазил в риге по соломенной крыше и очень любил отыскивать в ней воробьиные гнезда: отыщет гнездо и тотчас начнет отрывать воробьям головы. Представьте же себе, этот мучитель ужасно боялся курицы, когда та, рассвирепев и распустив крылья, становилась перед ним, защищая цыплят своих; он всегда тогда прятался за меня. Ну так вот, эта бедная курица чрез три дня опять не выдержала и пошла-таки жаловаться начальству, захватив с собой пук розог, которыми секли девочку, и окровавленное белье. Вспомните при этом отвращение нашего простонародья от судов и боязнь связаться с ними, если только прямо самого в суд не тянут. Но она пошла, пошла тягаться, жаловаться, за чужого, за ребенка, зная, что во всяком случае получит лишь неприятности и никакой выгоды, кроме хлопот. И вот про этих-то двух женщин г-н Спасович свидетельствует как о «развращающем влиянии на ребенка прислуги». Мало того, подхватывает вот какой фактик: на ребенка, как увидят дальше, взведено было обвинение в воровстве. (Вы увидите потом, как ловко г-н Спасович обратил взятую ребенком без спросу ягодку чернослива в кражу банковых билетов.) Но девочка *в краже* сначала не сознавалась, даже говорила, что «она у них ничего не взяла».

«Девочка отвечала упорным молчанием (говорит г-н Спасович); потом, уже несколько месяцев спустя, она рассказала, что *хотела взять деньги для Аграфены.* Если б он (т. е. отец девочки) расследовал более подробно обстоятельства кражи, он, быть может, пришел бы к тому заключению, что ту порчу, которая вкралась в девочку, надо отнести на счет людей, к ней приближенных. Самое молчание девочки свидетельствовало, что ребенок не хотел выдавать тех, с которыми был в хороших отношениях».

«Хотела взять деньги для Аграфены», — вот это словечко! «Через несколько месяцев» девочка, разумеется, *выдумала,* что хотела взять деньги для Аграфены, выдумала из фантазии или потому, что ей было так внушено. Ведь говорила же она в суде: «Je suis voleuse, menteuse», тогда как никогда ничего она не украла, кроме ягодки черносливу, а безответственного ребенка просто уверили в эти месяцы, что он крал, даже совсем и не уверяя уверили, и единственно тем, что она беспрерывно выслушивала, как ежедневно все кругом нее говорят про нее, что она воровка. Но если б даже была и правда, что девочка хотела взять деньги для Аграфены Титовой, то из того вовсе не следует еще, что Титова сама учила и сама склоняла ее стащить для нее деньги. Г-н Спасович искусен, он прямо этого ни за что не скажет; такую обиду Титовой он сделать не может, не имея никаких прямых и твердых доказательств, но зато он тотчас же, тут же после слов девочки, что та «хотела взять деньги для Аграфены», запускает и свое словцо, что «ту порчу, которая вкралась в девочку, надо отнести на счет людей, к ней приближенных». И уж, конечно, этого довольно. В сердце присяжного естественно просачивается мысль: «Так вот каковы эти обе главные свидетельницы; для них, значит, она и крала, сами же они и учили ребенка красть, чего же стоит после того их свидетельство?» Эта мысль даже и не может никак миновать ваш ум, раз вы ее услышали при таких обстоятельствах. И вот опасное свидетельство уничтожено, раздавлено, и именно когда надо г-ну Спасовичу; как раз в конце речи, для последнего влияния и эффекта. Нет, это искусно. Да, тяжела обязанность адвоката, поставленного в такие тиски, а что ж было ему делать иначе: надо было спасать клиента. Но всё это только цветочки, ягодки дальше.

IV. ЯГОДКИ

Я сказал уже, что г-н Спасович отрицает всякое мучение, всякое истязание, причиненное девочке, и даже смеется над этим предположением. Перейдя к «катастрофе 25-го июля», он прямо начинает считать рубцы, синяки, всякий шрамик, всякий струпик, кусочки отвалившейся кожицы, всё это кладет потом на весы: «столько-то золотников, не было истязания!» — вот его взгляд и прием. Г-ну Спасовичу уже заметили в печати, что эти счеты рубчиков и шрамиков не идут к делу и даже смешны. Но, по-моему, на публику и присяжных вся эта бухгалтерия должна была непременно подействовать внушительно: «Экая, дескать, точность, экая добросовестность!» Я убежден, что непременно нашлись такие слушатели, которые с особенным удовольствием узнали, что за справкой о каком-то рубчике нарочно посылали в Женеву, к де-Комба. Г-н Спасович победоносно указывает, что не было никаких рассечений кожи:

«При всей неблагоприятности для Кронеберга мнения г-на Лансберга (N, доктор, свидетельствовавший наказанную 29-го июля и над мнением которого чрезвычайно едко подсмеивается г-н Спасович) — я для защиты заимствую многие данные из его акта от 29 июля. Г-н Лансберг положительно удостоверил, что на задних частях тела девочки не было никаких рассечений кожи, а *только* темно-багровые подкожные пятна и таковые же красные полосы...»

Только! Заметьте же это словцо. И главное, пять дней спустя после истязания! Я бы мог засвидетельствовать г-ну Спасовичу, что эти темно-багровые подкожные пятна проходят очень скоро, без малейшей опасности для жизни, тем не менее неужели же они не составляют мучения, страдания, истязания?

«Пятен этих всего более было на левой седалищной области с переходом на левое же бедро. Не найдя травматических знаков, никаких даже царапин, г-н Лансберг засвидетельствовал, что полосы и пятна не представляют *никакой опасности* для жизни. Через шесть дней потом, 5-го августа, при осматривании девочки профессором Флоринским, он заметил не пятна, а только полосы — одни поменьше, другие побольше; но он вовсе не признал, чтоб эти полосы составляли повреждение сколько-нибудь значительное, хотя и признал, что наказание было сильное, особенно ввиду того орудия, которым наказали дитя».

Я сообщу г-ну Спасовичу, что в Сибири в гошпитале, в арестанских палатах, мне случалось видеть спины только что приходивших сейчас после наказания шпицрутенами (сквозь строй) арестантов, после пятисот, тысячи и двух тысяч палок разом. Видел я это несколько десятков раз. Иная спина, верите ли мне, г-н Спасович, распухала в вершок толщины (буквально), а, кажется, много ли на спине мяса? Они были именно этого темно-багрового цвета с редкими рассечениями, из которых сочилась кровь. Будьте уверены, что ни один из теперешних экспертов-медиков не видывал ничего подобного (да и где нам в наше время увидеть?). Эти наказанные, если только получали не свыше тысячи палок, приходили, сохраняя всегда весьма бодрый вид, хотя бывали в видимо сильном нервном возбуждении, и то только в первые два часа. Никто из них, сколько ни запомню, в эти первые два часа не ложился и не садился, а лишь всё ходил по палате, вздрагивая иногда всем телом, с мокрой простыней на плечах. Всё лечение состояло в том, что приносили ему ведро с водой, в которое он изредка обмакивал простыню, когда та обсыхала на его спине. Всем им, сколько ни запомню, ужасно хотелось поскорее выписаться из палаты (потому что предварительно долго под судом сидели взаперти, а другим просто хотелось поскорее опять учинить побег). И вот вам факт: такие наказанные на шестой, много на седьмой день после наказания почти всегда выписывались, потому что в этот срок спина *успевала почти всегда зажить вся,* кроме некоторых лишь самых слабых, сравнительно говоря, остатков; но через десять, например, дней всегда уже всё проходило бесследно. Наказание шпицрутенами (то есть на деле всегда палками), если не в очень большом количестве, то есть не более

двух тысяч разом, никогда не представляло ни малейшей опасности для жизни. Напротив, все, каторжные и военные арестанты (видавшие эти виды), постоянно и много раз при мне утверждали, что розги мучительнее, «садче» и несравненно опаснее, потому что палок можно выдержать даже и более двух тысяч без опасности для жизни, а с четырехсот только розог можно помереть под розгами, а с пятисот или шестисот *за раз* — почти наверная смерть, никто не выдержит. Спрашиваю вас после того, г-н защитник: хоть палки эти и не грозили опасностью для жизни и не причиняли ни малейшего повреждения, но неужели же такое наказание не было мучительно, неужели тут не было истязания? Неужели же и девочка не мучилась четверть часа под ужасными розгами, лежавшими в суде на столе, и крича: «Папа! Папа!» Зачем же вы отрицаете ее страдание, ее истязание?

Но я уже сказал выше, почему тут такая путаница; повторю еще: дело в том, что у нас в «Уложении о наказаниях», по показанию г-на Спасовича, насчет понятия и определения: что именно подразумевать под истязанием? — существует «неясность, неполнота, пробел».

«...Поэтому правительственный сенат, в тех же решениях, на которые ссылается обвинительная власть, определил, таким образом, с другой стороны, что под истязаниями и мучениями следует разуметь такое посягательство на личность или личную неприкосновенность человека, которое сопровождалось мучением и жестокостью. При истязаниях и мучениях, по мнению сената, физические страдания должны непременно представлять высшую, более продолжительную степень страдания, чем при обыкновенных побоях, хотя бы и тяжких. Если побои нельзя назвать тяжкими, а истязания должны быть тяжеле тяжких побоев, если ни один эксперт не назвал их тяжкими, кроме г-на Лапсберга, который сам отказался от своего вывода, то, *спрашивается, каким образом можно подвести это деяние под понятие истязания и мучения? Я полагаю, что это немыслимо*».

Ну, вот в том-то и дело: в «Уложении о наказаниях» неясность, и клиент г-на Спасовича мог подпасть, в обвинении по истязанию, под одну из самых строгих и неприложимых, во всяком случае, к размерам его преступления статей закона, а по этим статьям ждет весьма уже тяжелое, совершенно не соразмерное с его «деянием» наказание. Ну, казалось, так бы прямо и разъяснить нам это недоумение: «Было, дескать, истязание, да всё же не такое, как определяет закон, то есть *не тяжеле всяких тяжких побоев,* а потому и нельзя обвинить моего клиента в истязании». Но нет; г-н Спасович уступить ничего не хочет, он хочет доказать, что не было совсем никакого истязания, ни законного, ни беззаконного, и никакого страдания, совсем! Но скажите, что нам-то за дело, что мучения и истязания этой девочки не подходят буква в букву под определение истязания законом? Ведь в законах пробел, сами же вы сказали. Ведь всё же равно ребенок страдал: неужто же не страдал, неужто же не истязали его на самом-то деле, взаправду-то, неужто же можно нам так отводить

глаза? Да, г-н Спасович именно это и предпринял, он решительно хочет отвести нам глаза: ребенок, говорит он, на другой же день «играл», она «отбывала урок». Не думаю, чтоб играл. Бибина, напротив, свидетельствует, что когда она осматривала девочку, перед тем как идти жаловаться, «то девочка горько плакала и приговаривала: Папа! Папа!» Ах, боже мой, да ведь такие маленькие дети бывают так скоро-впечатлительны и восприимчивы! Ну что ж из того, что она, может быть, даже и поиграла на другой день, еще с сине-багровыми пятнами на теле. Я видел пятилетнего мальчика, почти умиравшего от скарлатины, в полном бессилии и изнеможении, а между тем он лепетал о том, что ему купят обещанную собачку, и попросил принести ему все его игрушки и поставить у постельки: «Хоть погляжу на них». Но верх искусства в том, что г-н Спасович совершенно конфисковал лета ребенка! Он всё толкует нам о какой-то девочке, испорченной и порочной, пойманной неоднократно в краже и с потаенным развратным пороком в душе своей, и совершенно как бы забыл сам (а мы вместе с ним), что дело идет всего только об семилетнем младенце, и что это самое *дранье*, целую четверть часа, этими девятью рябиновыми «шпицрутенами», — не только для взрослого, но и для четырнадцатилетнего было бы наверно в десять раз легче, чем для этой жалкой крошки! Спрашиваешь себя невольно: к чему всё это г-ну Спасовичу? К чему ему так упорно отрицать страдания девочки, тратить на это почти всё свое искусство, так изворачиваться, чтоб нам глаза отвести? Неужели всего только из одного адвокатского самолюбия: «Вот, дескать, не только выручу клиента, но и докажу, что всё дело — полный вздор и смех и что судят отца за то только, что раз посек скверную девчонку розгой?» Но ведь сказано уже, что ему надо истребить к ней всякую вашу симпатию. И хоть у него для этого запасены богатые впереди средства, но всё же он боится, что страдания ребенка вызовут в вас, неровен час, человеческие чувства. А человеческие-то чувства ваши ему и опасны: пожалуй, вы рассердитесь на его клиента; их надо ему подавить заблаговременно, извратить их, осмеять, — одним словом, предпринять, казалось бы, невозможное дело, невозможное уже по тому одному, что перед нами совершенно ясное, точное, вполне откровенное показание отца, твердо и правдиво подтвердившего истязание ребенка:

«25 июля, раздраженный дочерью (показывает отец), высек ее этим пучком, высек сильно и, в этот раз, *сек долго, вне себя, бессознательно, как попало*. Сломались ли розги при этом последнем сечении — он не знает, но помнит, что, когда он начал сечь девочку, они были длиннее».

Правда, несмотря на это показание, отец все-таки не признал себя на следствии виновным в истязании своей дочери и заявил, что до 25 июля наказывал ее всегда легко. Замечу мимоходом, что воззрение на легкость и тягость и тут дело личное: удары по лицу семилетнему младенцу, с брызнувшей кровью из носу, ко-

торые не отрицает ни Кронеберг, ни защитник его, очевидно, и тем и другим считаются наказанием легким. У г-на Спасовича на этот счет есть и другие драгоценные выходки и их много, например:

«Вы слышали, что знаки на локтях образовались почти несомненно только от того, *что держали за руки* при наказании».

Слышите: *только от того*! Хорошо же держали, коли додержали до синяков! О, ведь и г-н Спасович не утверждает вполне, что всё это прекрасно и благоуханно; вот, например, еще рассужденьице:

«Они говорят, что это наказание выходит из ряда обыкновенных. Это определение было бы прекрасно, если б мы определили, что такое обыкновенное наказание; *но коль скоро этого определения нет*, то всякий затруднится сказать, выходило ли оно из ряда обыкновенных (это после-то показания отца, что сек *долго, бессознательно и вне себя!!!*). Допустим, что это так; что ж это значит? Что наказание это, в большинстве случаев, есть наказание, неприменимое к детям. Но и с детьми могут быть чрезвычайные случаи. Разве вы не допускаете, что власть отеческая может быть, в исключительных случаях, в таком положении, что отец должен употребить более строгую меру, чем обыкновенно, которая не похожа на те обыкновенные меры, которые употребляются ежедневно».

Но вот и всё, что соглашается уступить г-н Спасович. Всё это истязание он, стало быть, сводит лишь «на более строгую меру, чем обыкновенно», — но раскаивается даже и в этой уступке: в конце своей защитительной речи он берет всё это назад и говорит: «Отец судится; за что же? За злоупотребление властью; спрашивается, где же предел этой власти? Кто определит, сколько может ударов и в каких случаях нанести отец, не повреждая при этом наказании организма дитяти?»

То есть не ломающий ему ногу, что ли? А если не ломает ноги, то уж можно всё? Серьезно вы говорите это, г-н Спасович? Серьезно вы не знаете, где предел этой власти и «сколько может ударов и в каких случаях нанести отец»? Если вы не знаете, то я вам скажу, где этот предел! Предел этой власти в том, что нельзя семилетнюю крошку, безответственную вполне, во всех своих «пороках» (которые должны быть исправляемы совсем другим способом), — нельзя, говорю я, это создание, имеющее ангельский лик, несравненно чистейшее и безгрешнейшее, чем мы с вами, г-н Спасович, чем мы с вами и чем все бывшие в зале суда, судившие и осуждавшие эту девочку, — нельзя, говорю я, *драть* ее девятью рябиновыми «шпицрутенами», и драть четверть часа, не слушая ее криков: «папа, папа!», от которых почти обезумела и пришла в исступление простая, деревенская баба, дворничиха, — нельзя, наконец, по собственному сознанию говорить, что «сек долго, вне себя, бессознательно, как попало!» — нельзя быть *вне себя,* потому что есть предел всякому гневу и даже на семилетнего безответственного младенца за ягодку черно-

слива и за сломанную вязальную иголку! Да, искусный защитник, есть предел всему, и если б только я не знал, что вы говорите всё это нарочно, лишь притворяетесь из всех сил, чтоб спасти вашего клиента, то прибавил бы и еще, собственно для вас самих, что есть предел даже всяким «лирам» и адвокатским «отзывчивостям», и предел этот состоит в том, чтоб не договариваться до таких столпов, до которых договорились вы, г-н защитник! Но увы, вы только пожертвовали собою для клиента вашего, и я уже не вправе вам говорить про пределы, а лишь удивляюсь великости вашей жертвы!

V. ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛПЫ

Но столпы, настоящие геркулесовы столпы, вполне начинаются там, где г-н Спасович договаривается до «справедливого гнева отца».

> «Когда обнаружилась в девочке эта дурная привычка, — говорит г-н Спасович (то есть привычка лгать), — присоединившаяся ко всем другим недостаткам девочки, когда отец узнал, что она *ворует*, то действительно пришел в большой гнев. Я думаю, *что каждый из вас пришел бы в такой же гнев*, и я думаю, что преследовать отца за то, что он наказал больно, но *поделом*, свое дитя, — это плохая услуга семье, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крепко, когда оно держится на крепкой семье... Если отец вознегодовал, он был совершенно в своем праве...»

Постойте, г-н защитник, я пока не останавливаю вас на слове «ворует», употребленном вами, но поговоримте немного про эту «справедливость гнева отца». А воспитание с трехлетнего возраста в Швейцарии у де-Комба, у которых, сами же вы свидетельствуете, девочка испортилась и приобрела дурные наклонности? В таких летах чем же она сама-то могла быть виновною в своих дурных привычках и, в таком случае, где тут справедливость гнева отца? Я поддерживаю полную безответственность девочки в этом деле, если даже и допустить, что у ней были дурные привычки, и что бы вы ни говорили, вы не можете оспорить этой безответственности семилетнего ребенка. У ней нет еще и не может быть столько ума, чтоб заметить в себе худое. Ведь вот мы все, а может быть, и вы тоже, г-н Спасович, — ведь не святые же мы, несмотря на то, что у нас ума больше, чем у семилетнего ребенка. Как же вы налагаете на такую крошку такое бремя ответственности, которое, может, и сами-то снести не в силах? «Налагают бремена тяжкие и неудобоносимые», вспомните эти слова. Вы скажете, что мы должны же исправлять детей. Слушайте: мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним

только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности, даже и при порочной какой-нибудь в них привычке, — к их безответственности и к трогательной их беззащитности. Вы же утверждаете, напротив, что битье по лицу, в кровь, от отца — и справедливо и не обидно. У ребенка был какой-то струп в носу, и вы говорите:

«Быть может, пощечины ускорили излияние этой крови из струпа золотушного в ноздре, но это вовсе не повреждение: *кровь без раны и ушиба вытекла бы немного позже.* Таким образом, кровь эта не заключает в себе ничего такого, что могло бы расположить против Кронеберга. В ту минуту, когда он нанес удар, он *мог не помнить, мог даже не знать, что у ребенка бывает кровотечение из носу*».

«Мог не помнить, не знать!» Да неужто ж вы можете допустить про г-на Кронеберга, что он ударил по больному месту зазнамо? Разумеется, не знал. Итак, вы сами свидетельствуете, что отец не знал о болезни своего ребенка, а между тем поддерживаете право его на битье ребенка. Вы утверждаете, что удары по лицу от отца не обидны. Да, для семилетней крошки, пожалуй, и безобидны, а оскорбление? Об оскорблении нравственном, сердечном вы ничего во всей вашей речи не упомянули, г-н защитник; вы всё время говорили только об одной физической боли. Да и за что били ее по лицу? Где поводы к такому ужасному гневу? Разве это серьезный преступник? Эта девочка, эта преступница сейчас же побежит играть с мальчиками в разбойники. Ведь тут семь лет, всего только семь лет, ведь надобно же это помнить беспрестанно в этом деле, ведь это всё мираж, что вы говорите! А знаете ли вы, что такое оскорбить ребенка? Сердца их полны любовью невинною, почти бессознательною, а такие удары вызывают в них горестное удивление и слезы, которые видит и сочтет бог. Ведь их рассудок никогда не в силах понять всей вины их. Видали ли вы или слыхали ли о мучимых маленьких детях, ну хоть о сиротках в иных чужих злых семьях? Видали ли вы, когда ребенок забьется в угол, чтоб его не видали, и плачет там, ломая ручки (да, ломая руки, я это сам видел) — и *ударяя себя крошечным кулачонком в грудь*, не зная сам, что он делает, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучают, но слишком чувствуя, что его не любят. Я ничего не знаю лично о г-не Кронеберге, я не хочу и не могу вторгаться в душу и в сердце его, его и семьи его, потому что я могу сделать большую несправедливость, не зная его вовсе, и потому сужу единственно лишь по вашим словам и указаниям, г-н защитник. Вы сказали о нем в вашей речи, что он «плохой педагог»; это всё то же, по-моему, что и неопытный отец или, лучше сказать, непривычный отец. Я поясню это: эти создания тогда только вторгаются в душу нашу и прирастают к нашему сердцу, когда мы, родив их, следим за ними с детства, не разлучаясь, с первой улыбки их, и затем продолжаем родниться

взаимно душою каждый день, каждый час в продолжение всей жизни нашей. Вот это семья, вот это святыня! Семья ведь тоже *созидается,* а не дается готовою, и никаких прав и никаких обязанностей не дается тут готовыми, а все они сами собою, одно из другого вытекают. Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. Созидается же семья неустанным трудом любви. Вы сознаетесь, впрочем, г-н защитник, что ваш клиент сделал две *логические* ошибки (только логические?) и что одна из них, между прочим, в том, что он —

«...поступил слишком рьяно, он предполагал, что можно одним разом, одним ударом искоренить всё зло, которое посеяно годами в душу ребенка и годами взращено. Но этого сделать нельзя, надо действовать медленно, иметь терпение».

Клянусь, немного бы его потребовалось, этого терпенья, потому что эта крошка — всего семилетняя! Опять-таки эти семь лет, которые исчезают везде в вашей речи и в ваших соображениях, г-н защитник! «Она воровала, — восклицаете вы, — она крала!»

«25 июля приезжает отец на дачу и в первый раз узнает сюрпризом, что ребенок шарил в сундуке Жезинг, сломал крючок (то есть вязальный крючок, а не замок какой-нибудь) и *добирался* до денег. Я не знаю, господа, можно ли равнодушно относиться к таким поступкам дочери? Говорят: „За что же? Разве можно так строго взыскивать за несколько штук черносливу, сахару?“ Я полагаю, что от чернослива до сахара, от сахара до денег, от денег до банковых билетов путь прямой, открытая дорога!»

Я вам расскажу маленький анекдот, г-н защитник. Сидит за столом отец, добывающий деньги тяжелым трудом. Он сочинитель, так же как и я, он пишет. Вот он положил перо, и к нему подходит его девочка, дочка, шести лет от роду, и начинает говорить ему, чтоб он ей купил новую куклу, а потом коляску, настоящую коляску с лошадьми; она сядет с куколкой и с няней в коляску и поедет к Даше, няниной внучке. «Потом ты вот что купи мне еще, папа...» и т. д. и т. д. — счету не было покупкам. Всё она только что навыдумала и нафантазировала у себя в уголке, играя с куклой. Фантазия у этих шестилетних малюток беспримерная, и это превосходно, в этом их развитие. Отец слушал с улыбкой:

— Ах, Соня, Соня, — сказал он вдруг полушутливо, полугрустно, — накупил бы тебе всего, да негде денег взять; не знаешь ты, как трудно они достаются!

— А ты вот что, папа, сделай, — подхватила Соня с весьма серьезным и конфиденциальным видом, — ты возьми горшочек и возьми лопаточку и пойди в лес, и там покопай под кустиком, вот и накопаешь денег; положи их в горшочек и принеси домой.

Уверяю же вас, что эта девочка весьма и весьма неглупая, но такое понятие она составила себе о том, как добываются деньги.

Неужели вы думаете, что семилетняя далеко ушла от этой шестилетней в понятии о деньгах? Конечно, может быть, уже узнала, что денег нельзя накопать из-под кустика, но откуда они в самом деле достаются, по каким законам, что такое банковые билеты, акции, концессии — вряд ли знает. Помилосердуйте, г-н Спасович, про такую разве можно говорить, что она *добиралась* до денег? Это выражение и понятие, с ним сопряженное, применимо лишь к взрослому вору, понимающему, что такое деньги и употребление их. Да такая если б и взяла деньги, так это еще не кража вовсе, а лишь детская шалость, то же самое, что ягодка черносливу, потому что она совсем не знает, что такое деньги. А вы нам наставили, что ей уже недалеко до банковых билетов, и кричите, что «это угрожает государству!» Разве можно, разве позволительно после этого допустить мысль, что за такую шалость *справедливо* и *оправдываемо* такое дранье, которому подверглась эта девочка. Но она и не шарила в деньгах, она их не брала вовсе. Она только пошарила в сундуке, где лежали деньги, и сломала вязальный крючок, а больше ничего не взяла. Да и незачем ей денег, помилуйте: убежать с ними в Америку, что ли, или снять концессию на железную дорогу? Ведь говорите же вы про банковые билеты: «от сахара недалеко до банковых билетов», почему же останавливаться перед концессиями?

Ну, не столпы это, г-н защитник?

— Она с пороком, она с затаенным скверным пороком. . .

Подождите, подождите, обвинители! И неужели не нашлось никого, чтоб почувствовать всю невозможность, всю чудовищность этой картины! Крошечную девочку выводят перед людей, и серьезные, гуманные люди — позорят ребенка и говорят вслух о его «затаенных пороках»! .. Да что в том, что она еще не понимает своего позора и сама говорит: «Je suis voleuse, menteuse»? Воля ваша, это невозможно и невыносимо, это фальшь нестерпимая. И кто мог, кто решился выговорить про нее, что она «крала», что она «добиралась» до денег. Разве можно говорить такие слова о таком младенце! Зачем сквернят ее «затаенными пороками» вслух на всю залу? К чему брызнуло на нее столько грязи и оставило след свой навеки? О, оправдайте поскорее вашего клиента, г-н защитник, хотя бы для того только, чтоб поскорее опустить занавес и избавить нас от этого зрелища. Но оставьте нам, по крайней мере, хоть жалость нашу к этому младенцу; не судите его с таким серьезным видом, как будто сами верите в его виновность. Эта жалость — драгоценность наша, и искоренять ее из общества страшно. Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплодно. . .

— Да, оставь я вам жалость, а ну как вы, с большой-то жалости, да осудите моего клиента.

Вот оно положение-то!

VI. СЕМЬЯ И НАШИ СВЯТЫНИ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВЦО ОБ ОДНОЙ ЮНОЙ ШКОЛЕ

В заключение г-н Спасович говорит одно меткое слово:

«В заключение я позволю себе сказать, что, по моему мнению, всё обвинение Кронеберга поставлено совершенно неправильно, т. е. так, что вопросов, которые вам будут предложены, совсем решать нельзя».

Вот это умно; в этом вся суть дела, и от этого вся фальшь дела; но г-н Спасович прибавляет и еще несколько довольно торжественных слов на тему: «Я полагаю: вы все признаете, что есть семья, есть власть отеческая. . .» Выше он восклицал, что «государство только тогда и крепко, когда оно держится на крепкой семье».

На это и я позволю себе включить одно лишь маленькое словечко, и то лишь мимоходом.

Мы, русские — народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое и плавание. Мы народ свежий, и у нас нет святынь quand même.[1] Мы любим наши святыни, но потому лишь, что они в самом деле святы. Мы не потому только стоим за них, чтоб отстоять ими l'Ordre.[2] Святыни наши не из полезности их стоят, а по вере нашей. Мы не станем и отстаивать таких святынь, в которые перестанем верить сами, как древние жрецы, отстаивавшие, в конце язычества, своих идолов, которых давно уже сами перестали считать за богов. Ни одна святыня наша не побоится свободного исследования, но это именно потому, что она крепка в самом деле. Мы любим святыню семьи, когда она в самом деле свята, а не потому только, что на ней крепко стоит государство. А веря в крепость нашей семьи, мы не побоимся, если, временами, будут исторгаемы плевелы, и не испугаемся, если будет изобличено и преследуемо даже злоупотребление родительской власти. Не станем мы защищать эту власть quand même. Святыня воистину святой семьи так крепка, что никогда не пошатнется от этого, а только станет еще святее. Но во всяком деле есть предел и мера, и это мы тоже готовы понять. Я не юрист, но в деле Кронеберга я не могу не признать какой-то глубокой фальши. Тут что-то не так, тут что-то было не то, несмотря на действительную виновность. Г-н Спасович глубоко прав в том месте, где он говорит о постановке вопроса; но, однако, это ничего не разрешает. Может быть, необходим глубокий и *самостоятельный* пересмотр законов наших в этом пункте, чтоб восполнить пробелы и стать в меру с характером нашего общества. Я не могу решить, что тут нужно, я не юрист. . .

---

[1] из ложного пристрастия (*франц.*).
[2] порядок (*франц.*).

Но я все-таки восклицаю невольно: да, блестящее установление адвокатура, но почему-то и грустное. Это я сказал вначале и повторяю опять. Так мне кажется, и наверно от того только, что я не юрист; в том вся беда моя. Мне всё представляется какая-то юная школа изворотливости ума и засушения сердца, школа извращения всякого здорового чувства по мере надобности, школа всевозможных посягновений, бесстрашных и безнаказанных, постоянная и неустанная, по мере спроса и требования, и возведенная в какой-то принцип, а с нашей непривычки и в какую-то доблесть, которой все аплодируют. Что ж, неужто я посягаю на адвокатуру, на новый суд? Сохрани меня боже, я всего только хотел бы, чтоб все мы стали немного получше. Желание самое скромное, но, увы, и самое идеальное. Я неисправимый идеалист; я ищу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь, но всё же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее; не то стоит ли им поклоняться? Так или этак, а я испортил мой февральский «Дневник», неумеренно распространившись в нем на грустную тему, потому только, что она слишком поразила меня. Но — il faut avoir le courage de son opinion,[1] и, кажется, эта умная французская поговорка могла бы послужить руководством для многих, ищущих ответов на свои вопросы в сбивчивое время наше.

---

[1] надо обладать мужеством иметь свое мнение (*франц.*).

МАРТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ВЕРНА ЛИ МЫСЛЬ, ЧТО «ПУСТЬ ЛУЧШЕ ИДЕАЛЫ БУДУТ ДУРНЫ, ДА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ХОРОША»?

В «Листке» г-на Гаммы («Голос» № 67) я прочел такой отзыв на мои слова, в февральском «Дневнике», о народе:

«Как бы то ни было, у одного и того же писателя, на расстоянии одного месяца, мы встречаемся с двумя, резко противуположными друг другу мнениями по поводу народа. А ведь это не водевиль, а картинка передвижной выставки: ведь это приговор над живым организмом; это всё равно что вертеть ножом в теле человека. Из своего действительного или мнимого противоречия г-н Достоевский выгораживается тем, что приглашает нас судить народ „не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать". Народ, видите ли, ужаснейшая дрянь на деле, но зато идеалы у него хороши. Идеалы эти „сильны и святы", и они-то „спасали его в века мучений". Не поздоровится от таких выгораживаний! Ведь и сам ад вымощен добрыми намерениями, и г-ну Достоевскому известно, что „вера без дел мертва". Да откуда же стали известны эти идеалы? Какой пророк или сердцевед в состоянии проникнуть или разгадать их, если вся действительность противоречит им и недостойна этих идеалов? Г-н Достоевский оправдывает наш народ в том смысле, что „они немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут". Но ведь отсюда недалеко и до нравоучения: пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша».

В этой выписке всего важнее вопрос г-на Гаммы: «Да откуда же стали известны эти идеалы?» (то есть народные). Положительно отказываюсь отвечать на такой вопрос, ибо, сколько бы мы ни проговорили на эту тему с г-ном Гаммой, мы никогда ни до чего не договоримся. Это спор длиннейший, а для нас важнейший. Есть у народа идеалы или совсем их нет — вот вопрос нашей жизни или смерти. Спор этот ведется слишком уже давно и остановился на том, что одним эти идеалы выяснились как солнце, другие же совсем их не замечают и окончательно отказались за-

мечать. Кто прав — решим не мы, но решится это, может быть, довольно скоро. В последнее время раздалось несколько голосов в том смысле, что у нас не может быть ничего охранительного, потому что у нас «нечего охранять». В самом деле, если нет своих идеалов, то стоит ли тут заботиться и что-нибудь охранять? Что ж, если эта мысль приносит такое спокойствие, то и на здоровье.

«Народ, видите ли, ужаснейшая дрянь, но только идеалы у него хороши». Эту фразу или эту мысль я никогда не высказывал. Единственно, чтоб оговориться в этом, я и отвечаю г-ну Гамме. Напротив, я именно заметил, что и в народе — «есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают». Они есть, почтенный публицист, есть в самом деле, и блажен — кто может их разглядеть. Думаю, что у меня тут, то есть собственно в этих словах, нет ни малейшей неясности. К тому же неясность не всегда происходит от того, что писатель неясен, а иногда и совсем от противуположных причин...

Что же касается до нравоучения, которым вы кончаете вашу заметку: «Пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша»,— то замечу вам, что это желание совершенно невозможное: без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости. У меня же, по крайней мере, хоть шанс оставлен: если теперь неприглядно, то, при ясно сознаваемом желании стать лучшими (то есть при идеалах лучшего), можно действительно когда-нибудь собраться и стать лучшими. По крайней мере, это вовсе не столь невозможно, как ваше предположение стать лучшими при «дурных» идеалах, то есть при дурных желаниях.

Надеюсь, что на мои несколько слов вы не рассердитесь, г-н Гамма. Останемся каждый при нашем мнении и будем ждать развязки; уверяю вас, что развязка, может быть, вовсе не так отдаленна.

II. СТОЛЕТНЯЯ

«В это утро я слишком запоздала, — рассказывала мне на днях одна дама, — и вышла из дому почти уже в полдень, а у меня, как нарочно, скопилось много дела. Как раз в Николаевской улице надо было зайти в два места, одно от другого недалеко. Во-первых, в контору, и у самых ворот дома встречаю эту самую старушку, и такая она мне показалась старенькая, согнутая, с палочкой, только все же я не угадала ее лет; дошла она до ворот и тут в уголку у ворот присела на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочем, я прошла мимо, а она мне только так мелькнула.

Минут через десять я из конторы выхожу, а тут через два дома магазин, и в нем у меня еще с прошлой недели заказаны для Сони ботинки, я и пошла их захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь уж у этого дома сидит, и опять на скамеечке у ворот, сидит, да на меня и смотрит; я на нее улыбнулась, зашла, взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло — пошла дальше к Невскому, ан смотрю — моя старушка уже у третьего дома, тоже у ворот, только не на скамеечке, а на выступе приютилась, а скамейки в этих воротах не было. Я вдруг перед ней остановилась невольно: что это, думаю, она у всякого дома садится?

— Устала, — говорю, — старушка?

— Устаю, родненькая, всё устаю. Думаю: тепло, солнышко светит, дай пойду к внучкам пообедать.

— Это ты, бабушка, пообедать идешь?

— Пообедать, милая, пообедать.

— Да ты этак не дойдешь.

— Нет, дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану да пойду.

Смотрю я на нее, и ужасно мне стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть из мещанства, с палочкой, лицо бледное, желтое, к костям присохшее, губы бесцветные, — мумия какая-то, а сидит — улыбается, солнышко прямо на нее светит.

— Ты, должно быть, бабушка, очень стара, — спрашиваю я, шутя разумеется.

— Сто четыре года, милая, сто четыре мне годика, *только всего* (это она пошутила)... А ты-то сама куда идешь?

И глядит на меня — смеется, обрадовалась она, что ли, поговорить с кем, только странною мне показалась у столетней такая забота — куда я иду, точно ей это так уж надо.

— Да вот, бабушка, — смеюсь и я, — ботиночки девочке моей в магазине взяла, домой несу.

— Ишь махонькие, башмачки-то, маленькая девочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другие детки есть?

И опять всё смеется, глядит. Глаза тусклые, почти мертвые, а как будто луч какой-то из них светит теплый.

— Бабушка, хочешь, возьми у меня пятачок, купи себе булочку, — и подаю я ей этот пятачок.

— Чтой-то ты мне пятачок? Что ж, спасибо, я и возьму твой пятачок.

— Так на, бабушка, не взыщи. — Она взяла. Видно, что не просит, не доведена до того, но взяла она у меня так хорошо, совсем не как милостыню, а так, как будто из вежливости или из доброты своего сердца. А впрочем, может, ей и очень понравилось это, потому что кто же с ней, с старушкой, заговорит, а тут еще с ней не только говорят, да еще об ней с любовью заботятся.

— Ну, прощай, — говорю, — бабушка. Дойди на здоровье.

— Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты к своей внучке ступай, — сбилась старушка, забыв, что у меня дочка, а не внучка, думала, видно, что уж и у всех внучки. Пошла я и оглянулась на нее в последний раз, вижу, она поднялась, медленно, с трудом, стукнула палочкой и поплелась по улице. Может, еще раз десять отдохнет дорогой, пока дойдет к своим „пообедать“. И куда это она ходит обедать? Странная такая старушка».

Выслушал я в то же утро этот рассказ, — да, правда, и не рассказ, а так, какое-то впечатление при встрече с столетней (в самом деле, когда встретишь столетнюю, да еще такую полную душевной жизни?), — и позабыл об нем совсем, и уже поздно ночью, прочтя одну статью в журнале и отложив журнал, вдруг вспомнил про эту старушку и почему-то мигом дорисовал себе продолжение о том, как она дошла к своим пообедать: вышла другая, может быть, очень правдоподобная маленькая картинка.

Внучки ее, а может, и правнучки, да уж так зовет их она заодно внучками, вероятно, какие-нибудь цеховые, семейные, разумеется, люди, не то она не ходила бы к ним обедать, живут в подвале, а может, и цирюльню какую-нибудь снимают, люди, конечно, бедные, но все же, может, питаются и наблюдают порядок. Добрела она к ним, вероятно, уже часу во втором. Ее и не ждали, но встретили, может быть, довольно приветливо.

— А вот и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просим, раба божия!

Старушка входит, посмеиваясь, колокольчик у входа еще долго, резко и тонко звенит. Внучка-то ее, должно быть, жена этого цирюльника, а сам он еще человек нестарый, лет этак тридцати пяти, по ремеслу своему степенен, хотя ремесло и легкомысленное, и, уж разумеется, в засаленном, как блин, сюртуке, от помады, что ль, не знаю, но иначе я никогда не видал «цирюльников», равно как воротник на сюртуке всегда у них точно в муке вывалян. Трое маленьких деточек — мальчик и две девочки — мигом подбежали к прабабушке. Обыкновенно такие уж слишком старенькие старушки всегда как-то очень сходятся с детьми: сами-то уж очень они похожи на детей становятся душевно, иногда даже точь-в-точь. Села старушка; у хозяина не то гость, не то по делу, один тоже, лет сорока, знакомый его, уже уходить собирался. Да племянник к тому же гостит, сын сестры его, парень лет семнадцати, в типографию хочет определиться. Старушка перекрестилась и садится, глядит на гостя:

— Ох, устала! Это кто же такой у вас?

— Это я-то? — отвечает гость, посмеиваясь, — что ж, Марья Максимовна, неужто нас не признали? Третьего-то года по опенки в лес всё собирались вместе с вами сходить.

— Ох, уж ты, знаю тебя, надсмешник. Помню тебя, вот только назвать как тебя не припомню, кто ты таков, а помню. Ох, устала я чтой-то.

— Да что ж вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не растете нимало, вот что я тебя спросить хотел, — шутит гость.

— И, ну тебя, — смеется бабушка, видимо, впрочем, довольная.

— Я, Марья Максимовна, человек добрый.

— А с добрым и поговорить любопытно. Ох, всё-то я задыхаюсь, мать. Пальтецо-то Сереженьке видно уж состроили?

Она указывает на племянника.

Племянник, бутузоватый и здоровый паренек, улыбается во весь рот и надвигается ближе; на нем новенькое серое пальтецо, и он еще не может равнодушно надевать его. Равнодушие придет разве только еще через неделю, а теперь он поминутно смотрит себе на обшлага, на лацканы и вообще на всего себя в зеркало и чувствует к себе особенное уважение.

— Да ты поди, повернись, — стрекочет жена цирюльника. — Смотри-ка, Максимовна, какое построили; ведь шесть рублей как одна копеечка, дешевле, говорят нам у Прохорыча, теперь и начинать не стоит, сами, говорят, потом слезьми заплачете, а уж эдакому износу нет. Вишь материя-то! Да ты повернись! Подкладка-то какая, крепость-то, крепость-то, да ты повернись! Так-то вот и уходят денежки, Максимовна, умылась наша копеечка.

— Ах, мать, уж так теперь дорого стало на свете, что и ни с чем не совместно, лучше б и не говорила ты мне и не расстроивала меня, — с чувством замечает Максимовна, а всё еще дух не может перевести.

— Ну, да и довольно, — замечает хозяин, — закусить бы надо. Что это ты, должно быть, уж очень, вижу я это, пристала, Марья Максимовна?

— Ох, умник, устала, денек-то теплый, солнышко; дай, думаю, их проведаю... что лежать-то. Ох! А дорогой барыньку встретила, молодую, башмачки деткам купила: «Что это ты, старушка, говорит, устала? на-ка тебе пятачок: купи себе булочку...» А я, знаешь, и взяла пятачок-то...

— Да ты, бабушка, всё же отдохни маленечко сперва-наперво, что это сегодня так задыхаешься? — как-то вдруг особенно заботливо проговорил хозяин.

Все на нее смотрят; уж очень бледна она вдруг стала, губы совсем побелели. Она тоже всех оглядывает, но как-то тускло.

— Вот, думаю... пряничков деткам... пятачок-то...

И опять остановилась, опять переводит дух. Все вдруг примолкли, секунд этак на пять.

— Что, бабушка? — наклонился к ней хозяин.

Но бабушка не ответила; опять молчание, и опять секунд на пять. Старушка еще как бы белее стала, а лицо как бы вдруг всё осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губах; смотрит прямо, а как будто уж и не видит.

— За попом бы!.. — как-то вдруг и торопливо проговорил сзади вполголоса гость.

— Да... не... поздно ли... — бормочет хозяин.

— Бабушка, а бабушка? — окликает старушку жена цирюльника, вдруг вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится набок; в правой руке, что на столе лежит, держит свой пятачок, а левая так и осталась на плече старшего правнучка Миши, мальчика лет шести. Он стоит не шелохнется и большими удивленными глазами разглядывает прабабушку.

— Отошла! — мерно и важно произносит, восклонившись, хозяин и слегка крестится.

— Ведь вот оно! То-то, я вижу, вся клонится, — умиленно и отрывисто произносит гость; он ужасно поражен и на всех оглядывается.

— Ах, господи! Вот ведь! Как же теперь быть-то, Макарыч? Туда, что ль, ее? — щебечет хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда туды? — степенно откликается хозяин, — сами здесь справим; родная ты ей аль нет? А пойтить дать знать надо.

— Сто четыре годика, а! — толчется на месте гость, умиляясь все больше и больше. Он даже весь покраснел как-то.

— Да, забывать стала жисть-то в последние годы, — еще важнее и степеннее замечает хозяин, ища фуражку и снимая шинель.

— А ведь за минуту смеялась, как веселилась! Ишь пятачок-то в руке! Пряничков, говорит, о-ох, жисть-то наша!

— Ну, пойдем, что ли, Петр Степаныч, — прерывает гостя хозяин, и оба выходят. По такой, конечно, не плачут. Сто четыре года, «отошла без болезни и непостыдно». Хозяйка послала к соседкам за подмогой. Те прибежали мигом, почти с удовольствием выслушав весть, охая и вскрикивая. Первым делом поставили, разумеется, самоварчик. Дети с удивленным видом забились в угол и издали смотрят на мертвую бабушку. Миша, сколько ни проживет, всё запомнит старушку, как умерла, забыв руку у него на плече, ну а когда он умрет, никто-то на всей земле не вспомнит и не узнает, что жила-была когда-то такая старушка и прожила сто четыре года, для чего и как — неизвестно. Да и зачем помнить: ведь всё равно. Так отходят миллионы людей: живут незаметно и умирают незаметно. Только разве в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как бы нечто умилительное и тихое, как бы нечто даже важное и миротворное: сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека. Благослови бог жизнь и смерть простых добрых людей!

А впрочем, так, легкая и бессюжетная картинка. Право, наметишь пересказать из слышанного за месяц что-нибудь позанимательнее, а как приступишь, то как раз или нельзя, или нейдет к делу, или «не всё то говори, что знаешь», а в конце концов остаются всё только самые бессюжетные вещи...

III. «ОБОСОБЛЕНИЕ»

А между тем я пишу «о виденном, слышанном и прочитанном». Хорошо еще, что не стеснил себя обещанием писать *обо всем* «виденном, слышанном и прочитанном». Да и слышишь-то всё больше странности. Как передавать их, когда всё это само собою лезет врозь и ни за что не хочет сложиться в один пучок! Право, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего «обособления». Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается. Если не действует, то хотел бы действовать. Положим, ужасно многие ничего не начинают и никогда не начнут, но всё же они оторвались, стоят в сторонке, глядят на оторванное место и, сложив руки, чего-то ждут. У нас все чего-то ждут. Между тем ни в чем почти нет нравственного соглашения; всё разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы. И главное, иногда даже с самым легким и довольным видом. Вот вам наш современный литератор-художник, то есть из новых людей. Он вступает на поприще и знать не хочет ничего предыдущего; он от себя и сам по себе. Он проповедует новое, он прямо ставит идеал нового слова и нового человека. Он не знает ни европейской литературы, ни своей; он ничего не читал, да и не станет читать. Он не только не читал Пушкина и Тургенева, но, право, вряд ли читал и своих, т. е. Белинского и Добролюбова. Он выводит новых героев и новых женщин, и вся новость их заключается в том, что они прямо делают свой десятый шаг, забыв о девяти первых, а потому вдруг очутываются в фальшивейшем положении, в каком только можно представить, и гибнут в назидание и в соблазн читателю. Эта фальшь положения и составляет всё назидание. Во всём этом весьма мало нового, а, напротив, чрезвычайно много самого истрепанного старья; но не в том совсем дело, а в том, что автор совершенно убежден, что сказал новое слово, что он сам по себе, и обособился и, разумеется, этим очень доволен. Этот примерчик, впрочем, старый и маленький, но слышал я и еще на днях рассказ об одном новом слове: был некто «нигилистом», отрицал, пострадал и, после долгих передряг и даже заточений, обрел в сердце своем вдруг религиозное чувство. Что ж, вы думаете, он тотчас сделал? Он мигом «уединился и обособился», нашу христианскую веру тотчас же и тщательно обошел, всё это прежнее устранил и немедленно выдумал свою веру, тоже христианскую, но зато «свою собственную». У него жена и дети. С женой он не живет, а дети в чужих руках. Он на днях бежал в Америку, очень может быть, чтоб проповедовать там новую веру. Одним словом, каждый сам по себе и каждый по-своему, и

неужто они только оригинальничают, представляются? Вовсе нет. Нынче у нас момент скорее правдивый, чем рефлекторный. Многие, и, может быть, очень многие, действительно тоскуют и страдают; они в самом деле и серьезнейшим образом порвали все прежние связи и *принуждены* начинать сначала, ибо свету им никто не дает. А мудрецы и руководители только им поддакивают, иные страха ради иудейского (как-де не пустить его в Америку: в Америку бежать все-таки либерально), а иные так просто наживаются на их счет. Так и гибнут свежие силы. Мне скажут, что это всего два-три факта, которые ничего не означают, что, напротив, всё несомненно тверже прежнего обобщается и соединяется, что являются банки, общества, ассоциации. Но неужели вы и вправду укажете мне на эту толпу бросившихся на Россию восторжествовавших жидов и жидишек? Восторжествовавших и восторженных, потому что появились теперь даже и восторженные жиды, иудейского и православного исповедания. И что же, даже и об них теперь пишут в наших газетах, что они уединяются и что, например, над съездами представителей наших русских поземельных банков смеется вдоволь заграничная пресса по поводу

«...тайных заседаний первых двух съездов, не без иронии спрашивая: каким образом и по какому праву русские поземельно-кредитные учреждения имеют смелость претендовать на доверие публики, когда они своими тайными заседаниями, происходящими за тщательно охраняющими их китайскими стенами, скрывают всё от публики, давая этим ей даже понять, что у них действительно творится что-то недоброе...»

Вот, стало быть, даже и эти господа обособляются и затворяются и замышляют что-то свое и по-своему, а не так, как во всем свете это делается. Впрочем, я о банках вдвинул шутя: не мое пока дело, а я только об обособлении. Как бы мне объяснить эту мысль получше? Кстати, приведу несколько мыслей о наших корпорациях и ассоциациях из одной рукописи, не моей, а мне присланной и нигде не напечатанной. Автор обращается к своим оппонентам в провинции:

«Вы говорите, что артели, ассоциации, корпорации, кооперации, торговые и другие всякие товарищества основаны на врожденном человеку чувстве общительности? Выгораживая русскую артель, которая еще слишком мало исследована, чтобы говорить о ней что-либо положительное, мы думаем, что все эти ассоциации, корпорации и проч. — всё это лишь союзы одних против других, союзы, основанные на чувстве самоохранения, вызванные борьбою за существование; и это мнение наше подтверждается историею возникновения этих союзов, которые заключались сначала бедными и слабыми против богатых и сильных, а потом и эти последние стали пользоваться оружием своих противников. Да, история несомненно свидетельствует, что все эти союзы возникли из братской вражды, основаны не на потребности общения, как вы полагаете, а на чувстве страха за свое существование или же на желании получить барыш, выгоду, пользу, хотя бы и на счет ближнего. Всматриваясь же в устройство всех этих детищ утилитаризма, мы видим, что главная

их забота — это устройство надежного контроля каждого за всеми и всех за каждым, — попросту, поголовного шпионства из боязни, как бы кто не надул кого. Все эти ассоциации с их контролем внутри и завистливою ко всему постороннему внешнею деятельностию представляют поразительную параллель с тем, что творится в политическом мире, где взаимные отношения народов характеризуются вооруженным миром, прерываемым кровопролитными схватками, внутренняя же их жизнь — бесконечною борьбою партий. О каком же общении, о какой любви тут может быть речь! Не потому ли все эти учреждения так плохо и прививаются у нас, что мы еще слишком просторно живем, что нам нет еще основания слишком вооружаться друг против друга, что в нас слишком еще много расположения, веры друг к другу, и эти чувства мешают нам устроить такой контроль, такое шпионство друг за другом, как это необходимо при устройстве всех этих ассоциаций, коопераций, торговых и других товариществ, при недостаточности же контроля они идти не могут, они непременно лопаются.

Уж не будем ли мы сокрушаться о таких наших недостатках, сравнительно с нашими более образованными западными соседями?! Нет, мы, по крайней мере, в этих наших недостатках видим наше богатство, видим, что в нас еще действует с некоторой силой то чувство единения, без которого человеческие общества существовать не могут; хотя оно, действуя в людях бессознательно, приводит их как к великим подвигам, так, весьма часто, и к великим порокам. Но в ком это чувство еще не убито, для того всё возможно, лишь бы оно, это чувство, из бессознательного, из инстинкта, обратилось в силу сознанную, в такую, которая не бросала бы нас в ту или другую сторону, по слепому капризу случая, а направлялась бы нами к достижению разумных целей; без этого же чувства единения, взаимной любви, общения людей между собою, немыслимо ничто великое, потому что немыслимо и само общество».

То есть автор, видите ли, может быть, и не совсем уж так проклинает ассоциации и корпорации, а он только утверждает, что их *теперешний* главный принцип состоит всего лишь только в утилитаризме да еще в шпионстве и что это вовсе не есть *единение людей*. Всё это молодо, свежо, теоретично, непрактично, но в принципе совершенно верно и написано не только искренно, но с страданием и болением. И заметьте всеобщую черту: всё дело у нас теперь в первом шаге, в практике, а все, все до единого, кричат и заботятся лишь о принципах, так что практика поневоле попалась в руки одним иудеям. История рукописи, из которой взял я вышеприведенную выдержку, следующая. Почтенный автор ее (не знаю только, молодой ли человек или из молодых стариков) напечатал одну небольшую заметку в одном губернском издании, а редакция губернского издания, поместив его заметку, сделала рядом и свою оговорку, отчасти с ним не согласную. Затем, когда автор заметки написал в опровержение этой, с ним не согласной, оговорки уже целую статью (впрочем, не очень большую), то редакция губернского издания отказалась поместить у себя эту статью под предлогом, что это «скорее проповедь, чем статья». Тогда автор обратился ко мне письмом и, посылая мне эту отказанную статью, просил меня, чтоб я ее прочел, вникнул и сказал об ней, в «Дневнике», мое мнение. Во-первых, я благодарю за доверие к моему мнению, а во-вторых — благодарю за

статью, потому что она доставила мне чрезвычайное удовольствие: я редко читал что-нибудь *логичнее*, и хоть я всю статью поместить не могу, но предыдущую выдержку сделал с намерением, которого и не потаю: дело в том, что у автора ее, хлопочущего об истинном единении людей, я нашел чрезвычайно тоже «обособленный» в своем роде размах, и именно в тех частях рукописи, которые я не рискну приводить, до того обособленный, что даже редко и встречается; так что не статья одна, а и сам уже автор ее как бы подтверждает мою мысль об «обособлении» единиц и чрезвычайном, так сказать, химическом разложении нашего общества на составные его начала, наступившем вдруг в наше время.

Прибавлю, однако, что если все теперь «сами от себя и сами по себе», то не без связи же, однако, и с предыдущим. Напротив, связь эта должна существовать непременно, хотя бы и всё казалось разрозненным и друг друга не понимающим, и проследить эту связь всего бы любопытнее. Одним словом, хоть и старо сравнение, но наше русское интеллигентное общество всего более напоминает собою тот древний пучок прутьев, который только и крепок, пока прутья связаны вместе, но чуть лишь расторгнута связь, то весь пучок разлетится на множество слабых былинок, которые разнесет первый ветер. Так вот этот-то пук у нас теперь и рассыпался. Что ж, неужели не правда, что правительство наше, за всё время двадцатилетних реформ своих, не нашло у нас *всей* поддержки интеллигентных сил наших? Напротив, не ушла ли огромная часть молодых, свежих и драгоценных сил в какую-то странную сторону, в обособление с глумлением и угрозой, и именно опять-таки из-за того, чтоб вместо первых девяти шагов ступить прямо десятый, забывая притом, что десятый-то шаг, без предшествовавших девяти, уж *во всяком случае* обратится в фантазию, даже если б он и значил что-нибудь сам по себе. Всего обиднее, что понимает что-нибудь в этом десятом шаге, может быть, всего только один из тысячи отщепенцев, а остальные слышали, как в колокола звонят. В результате пусто: курица болтуна снесла. Видали ль вы в знойное лето лесной пожар? Как жалко смотреть и какая тоска! сколько напрасно гибнет ценного материала, сколько сил, огня и тепла уходит даром, бесследно и бесполезно.

IV. МЕЧТЫ О ЕВРОПЕ

«А в Европе, а везде, разве не то же, разве не обратились в грустный мираж все соединяющие тамошние силы, на которые и мы так надеялись; разве не хуже еще нашего тамошнее разложение и обособление?» Вот вопрос, который не может миновать русского человека. Да и какой истинный русский не думает прежде всего о Европе?

Да, на вид там, пожалуй, еще хуже нашего; разве только историческая причинность обособлений виднее; но тем, пожалуй, там и безотраднее. Именно в том, что у нас труднее всего добраться до какой-нибудь толковой причины и выследить все концы наших порванных нитей, — именно в этом и заключается для нас как бы некоторое утешение: разберут под конец, что растрата сил незрелая и ни с чем несообразная, наполовину искусственная и вызванная, и, в конце концов, может быть, и захотят согласиться. Так что всё же есть надежда, что пучок опять соберется. Там же, в Европе, уже никакой пучок не свяжется более; там всё обособилось не по-нашему, а зрело, ясно и отчетливо, там группы и единицы доживают последние сроки и сами знают про то; уступить же друг другу не хотят ничего и скорее умрут, чем уступят.

Кстати, у нас все теперь говорят о мире. Все предрекают мир долгий, всюду видят горизонт ясный, союзы и новые силы. Даже в том, что установилась в Париже республика, видят мир; даже в том, что республику эту устанавливал Бисмарк, — и в том видят мир. В согласии великих восточных держав бесспорно видят великие залоги мира, а иные из газет наших так даже и в герцеговинской теперешней смуте, вдруг, вместо недавних своих же тревог, стали замечать несомненные признаки прочности европейского мира (уже не потому ли, кстати, что ключ и к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкатулке у князя Бисмарка?). Но больше всего у нас рады французской республике. Кстати, почему Франция всё еще продолжает стоять на первом плане в Европе, несмотря на победивший ее Берлин? Самое малейшее событие во Франции возбуждает в Европе до сих пор более симпатии и внимания, чем иногда даже крупное берлинское. Бесспорно потому, что страна эта — есть страна всегдашнего первого шага, первой пробы и первого почина идей. Вот почему все оттуда ждут несомненно и «начала конца»: кто же прежде всех шагнет этот роковой и конечный шаг, как не Франция?

Вот почему, может быть, в этой «передовой» стране и определилось всего более самых непримиримых «обособлений». Мир там совсем невозможен, до самого «конца». Приветствуя республику, все в Европе утверждали, что она уже тем одним необходима для Франции и для Европы, что только при ней невозможна будет «война возмездия» с Германией и что только одна республика, из всех еще недавно претендовавших на Францию правительств, не рискнет и не захочет предпринять его. А между тем это всё мираж — и республика провозглашена именно для войны, если не с Германией, то с еще более опасным соперником, — соперником и врагом всей Европы, — коммунизмом, и этот соперник теперь, при республике, восстанет гораздо раньше, чем было бы при всяком другом правительстве! Всякое другое правительство вошло бы с ним в соглашение и тем отдалило бы развязку,

а республика ничего не уступит ему и даже сама вызовет и принудит его на бой первая. Итак, пусть не утверждают, что «республика — это мир». В самом деле, кто провозгласил в этот раз республику? Всё буржуа и мелкие собственники. Давно ль они сделались такими республиканцами, и не они ль доселе более всего боялись республики, видя в ней лишь одну неурядицу и один шаг к страшному для них коммунизму? Конвент, в первую революцию, раздробил во Франции крупную собственность эмигрантов и церкви на мелкие участки и стал продавать их, ввиду беспрерывного тогдашнего финансового кризиса. Эта мера обогатила огромную часть французов и дала ей возможность уплатить, через восемьдесят лет, пять миллиардов контрибуции, почти не поморщившись. Но, способствовав временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические, безмерно умножив армию собственников и предав Францию безграничному владычеству буржуазии — первого врага демоса. Без этой меры не удержалась бы ни за что буржуазия столь долго во главе Франции, заместив собою прежних повелителей Франции — дворян. Но вследствие того ожесточился и демос уже непримиримо; сама же буржуазия извратила естественный ход стремлений демократических и обратила их в жажду мести и ненависти. Обособление партий дошло до такой степени, что весь организм страны разрушился окончательно, даже до устранения всякой возможности восстановить его. Если еще держится до сих пор Франция как бы в целом виде, то единственно по тому закону природы, по которому даже и горсть снега не может растаять раньше определенного на то срока. Вот этот-то призрак целости несчастные буржуа, а с ними и множество простодушных людей в Европе, продолжают еще принимать за живую силу организма, обманывая себя надеждой и в то же время трепеща от страха и ненависти. Но в сущности единение исчезло окончательно. Олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия лишь пользу бедных, а об общественной пользе, пользе всех и о будущем всей Франции там уж никто теперь не заботится, кроме мечтателей социалистов и мечтателей позитивистов, выставляющих вперед науку и ждущих от нее всего, то есть нового единения людей и новых начал общественного организма, уже математически твердых и незыблемых. Но наука, на которую столь надеются, вряд ли в состоянии взяться за это дело сейчас. Трудно представить, чтоб она уже настолько знала природу человеческую, чтоб безошибочно установить новые законы общественного организма; а так как это дело не может колебаться и ждать, то представляется сам собою вопрос: готова ли наука к такой задаче *сейчас*, если б даже эта задача и не превышала сил ее в дальнейшем будущем ее развитии? (О том, что задача эта несомненно превышает силы науки человеческой, даже и во всем будущем ее развитии, — мы пока утерждать уклонимся.) Так как наука сама наверно отвечать на такой призыв откажется, то отсюда

ясно, что всем движением демоса управляют во Франции (да и везде во всем мире) пока лишь мечтатели, а мечтателями — всевозможные спекулянты. Да и в самой науке разве нет мечтателей? Правда, мечтатели овладели движением даже по праву, ибо они одни во всей Франции заботятся об единении всех и о будущем, а стало быть, к ним как бы нравственно и переходит преемство во Франции, несмотря на всю их видимую слабость и фантастичность, и это все чувствуют. Но ужаснее всего то, что тут, помимо всего фантастичного, явилось рядом и стремление самое жестокое и бесчеловечное и уже не фантастическое, а реальное и исторически неминуемое. Всё оно выражается в поговорке: «Ote toi de là, que je m'y mette» (Прочь с места, я стану вместо тебя!). У миллионов демоса (кроме слишком немногих исключений) на первом месте, во главе всех желаний, стоит грабеж собственников. Но нельзя винить нищих: олигархи сами держали их в этой тьме и до такой степени, что, кроме самых ничтожных исключений, все эти миллионы несчастных и слепых людей, без сомнения, в самом деле и наивнейшим образом думают, что именно через этот-то грабеж они и разбогатеют и что в том-то и состоит вся социальная идея, об которой им толкуют их вожаки. Да и где им понять их предводителей мечтателей или какие-либо там пророчества о науке? Тем не менее они победят несомненно, и если богатые не уступят вовремя, то выйдут страшные дела. Но никто не уступит вовремя, — может быть и от того, впрочем, что уже прошло время уступок. Да нищие и не захотят их сами, не пойдут ни на какое теперь соглашение, даже если б им всё отдавали: они всё будут думать, что их обманывают и обсчитывают. Они хотят расправиться сами.

Бонапарты тем и держались, что обещали возможность соглашения с ними и делали даже микроскопические к тому попытки, всегда, однако, коварные и неискренние. Но олигархи в них разуверились, да и демос им не верит ни капли. Что же до правительства королей (старшей линии), то те могут выставить пролетариям, как спасение, в сущности лишь одну римско-католическую веру, которую не только демос, но и огромное большинство Франции давно уже не знает, да и знать не хочет. Говорят даже, что между пролетариями с чрезвычайною силою развивается в последнее время спиритизм, по крайней мере в Париже. Младшая же линия королей (орлеанская) стала ненавистна даже самой буржуазии, хотя некоторое время эту фамилию и считали как бы естественною предводительницею французских собственников. Но неспособность их стала для всех очевидною. Тем не менее собственникам надо было спасать себя, им надо было непременно и как можно скорее приискать себе предводителя для великой и последней битвы с страшным грядущим врагом. Сознание и инстинкт шепнули им на этот раз верный секрет, и они выбрали республику.

Есть такой политический, а пожалуй, и естественный, закон природы, который состоит в том, что два сильные и ближайшие друг к другу соседа, как бы ни были дружны, всегда кончат желанием истребить один другого и, рано ли, поздно ли, приведут это желание в действие. (Об этом правиле сильного соседства можно бы было и нам, русским, поболее подумать.) «От красной республики прямой переход к коммунизму» — вот эта-то мысль и устрашала до сих пор французов-собственников, и столько времени должно было пройти, пока они вдруг, в огромном большинстве, теперь догадались, что ближайшие-то соседи и будут самыми ожесточенными врагами, уже из одного только принципа самосохранения. В самом деле, несмотря на столь близкое соседство красной республики с коммунизмом, — что, на деле, может быть враждебнее и радикально-противуположнее коммунизму, как не республика, даже хотя бы кровавая республика 93 года? В республике прежде всего республиканская форма и «la république avant tout, avant la France».[1] В республике вся надежда лишь на форму: пусть будет «Мак-Магония» вместо Франции, но пусть только она называется республикой, — вот характеристика теперешней «победы» республиканцев во Франции. Итак, в форме ищут спасения. С другой стороны, какое дело коммунизму до республиканской формы, когда он в основе своей отрицает не только всякую форму правления, но и само государство, но и всё современное общество? Эту прямую противоположность, этот взаимный антитез двух сил нужно было восемьдесят лет сознавать массе французов, но наконец-то она сознала его и — утвердила республику: врагу выставила наконец самого опаснейшего и самого естественного ему соперника. Не захочет ни за что республика, перейдя в коммунизм, уничтожиться. В сущности республика есть самое естественное выражение и форма буржуазной идеи, да и вся буржуазия-то французская есть дитя республики, создалась и организовалась лишь республикой, в первую революцию. Таким образом, обособление совершилось окончательно. Скажут, что война еще далеко. Вряд ли так далеко. Может быть, даже и лучше не желать отдаления развязки. Уж и теперь социализм проел Европу, а к тому времени уже подточит всё окончательно. Князь Бисмарк про это знает, но слишком по-немецки надеется на кровь и железо. Но что тут сделаешь кровью и железом?

V. СИЛА МЕРТВАЯ И СИЛЫ ГРЯДУЩИЕ

Скажут: но всё-таки теперь, сейчас, нет ни малейшей причины тревожиться, всё ясно, всё светло: во Франции «Мак-Магония», на Востоке великое соглашение держав, военные бюджеты увеличиваются непомерно и повсеместно, — как же не мир?

---

[1] «республика прежде всего, прежде Франции» (*франц.*).

А папа? Ведь он сегодня-завтра умрет и — что тогда будет? Неужели римское католичество согласится умереть с ним вместе для компании? О, никогда оно так не жаждало жить как теперь! Впрочем, наши пророки разве могут не смеяться над папой? Вопрос о папе у нас даже и не ставится вовсе и обращен ни во что. А между тем это «обособление» слишком огромное и слишком полное самых необъятных и невместимых желаний, чтоб согласиться отказаться от них ради мира всего мира. Да и для чего, в угоду чему отказаться? Ради человечества, что ли? Оно давно уже считает себя выше всего человечества. До сих пор оно блудодействовало лишь с сильными земли и надеялось на них до последнего срока. Но срок этот пришел теперь, кажется, окончательно, и римское католичество несомненно бросит властителей земных, которые, впрочем, сами ему изменили и давно уже в Европе затеяли на него всеобщую травлю, а теперь, в наши дни, уже окончательно организовавшуюся. Что ж, римское католичество и не такие повороты проделывало: раз, когда надо было, оно, не задумавшись, продало Христа за земное владение. Провозгласив как догмат, «что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы», оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: «Всё сие отдам тебе, поклонися мне!» О, я слышал горячие возражения на эту мысль; мне возражали, что вера и образ Христов и поныне продолжают еще жить в сердцах множества католиков во всей прежней истине и во всей чистоте. Это несомненно так, но главный источник замутился и отравлен безвозвратно. К тому же Рим слишком еще недавно провозгласил свое согласие на третье дьяволово искушение в виде твердого догмата, а потому всех прямых последствий этого огромного решения нам еще заметить нельзя было. Замечательно, что провозглашение этого догмата, это открытие «всего секрета», произошло именно в то самое мгновение, когда объединенная Италия стучалась уже в ворота Рима. У нас многие тогда над этим смеялись: «Сердит, да не силен...» Только навряд ли не силен. Нет, такие люди, способные на такие решения и повороты, не могут умереть без боя. Возразят, что это и всегда так было в католичестве, по крайней мере подразумевалось, и что, стало быть, вовсе не было никакого переворота. Да, но всегда был секрет: папа много веков делал вид, что доволен крошечным владеньицем своим, Папскою областью, но всё это лишь единственно для аллегории; главное же в том, что в этой аллегории неизменно таилось зерно главной мысли, с несомненной и всегдашней надеждой папства, что зерно это разовьется в будущем в пышное древо и осенит им всю землю. И вот, в самое последнее мгновение, когда отнимали от него последнюю десятину его земного владения, владыка католичества, видя смерть свою, вдруг восстает и изрекает всю правду о себе всему миру: «Это вы думали, что я только титулом государя Папской

области удовольствуюсь? Знайте же, что я всегда считал себя владыкой всего мира и всех царей земных, и не духовным только, а земным, настоящим их господином, властителем и императором. Это я — царь над царями и господин над господствующими, и мне одному принадлежат на земле судьбы, времена и сроки; и вот я всемирно объявляю это теперь в догмате моей непогрешимости». Нет, тут сила; это величаво, а не смешно; это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом продажа истинного Христа за царства земные совершилась.

И в римском католичестве она совершится и закончится и на деле. Повторяю, у этой страшной армии слишком вострые глаза, чтобы не разглядеть наконец, где теперь настоящая сила, на которую бы ей опереться. Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу. У него десятки тысяч соблазнителей, премудрых, ловких, сердцеведов и психологов, диалектиков и исповедников, а народ всегда и везде был прямодушен и добр. К тому же во Франции, а теперь так даже и во многих местах Европы, народ хоть и ненавидит веру и презирает ее, но всё же Евангелия не знает совсем, по крайней мере во Франции. Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа нового, уже на всё согласившегося, Христа, объявленного на последнем римском нечестивом соборе. «Да, друзья и братья наши, — скажут они, — всё, об чем вы хлопочете, — всё это есть у нас для вас в этой книге давно уже, и ваши предводители всё это украли у нас. Если же до сих пор мы говорили вам немного не так, то это потому лишь, что до сих пор вы были еще как малые дети и вам рано было узнавать истину, но теперь пришло время и вашей правды. Знайте же, что у папы есть ключи святого Петра и что вера в бога есть лишь вера в папу, который на земле самим богом поставлен вам вместо бога. Он непогрешим, и дана ему власть божеская, и он владыка времен и сроков; он решил теперь, что настал и ваш срок. Прежде главная сила веры состояла в смирении, но теперь пришел срок смирению, и папа имеет власть отменить его, ибо ему дана всякая власть. Да, вы все братья, и сам Христос повелел быть всем братьями; если же старшие братья ваши не хотят вас принять к себе как братьев, то возьмите палки и сами войдите в их дом и заставьте их быть вашими братьями силой. Христос долго ждал, что развратные старшие братья ваши покаются, а теперь он сам разрешает вам провозгласить: „Fraternité ou la mort“ (Будь мне братом или голову долой)! Если брат твой не хочет разделить с тобой пополам свое имение, то возьми у него всё, ибо Христос долго ждал его покаяния, а теперь пришел срок гнева и мщения. Знайте тоже, что вы безвинны во всех бывших и будущих грехах ваших, ибо все грехи ваши происходили лишь

от вашей бедности. И если вам уже возвещали про это, еще прежде, ваши бывшие предводители и учители, то знайте, что хоть они и правду вам говорили, но власти не имели вам возвещать ее раньше срока, ибо власть эту имеет только один папа от самого бога, а доказательство в том, что эти учители ваши ни до чего вас путного не довели, кроме казней и пущих бедствий, и что всякое начинание их погибало само собой; да к тому же они все мошенничали, чтоб, опираясь на вас, показаться сильными и потом продать себя подороже врагам вашим. А папа вас не продаст, потому что над ним нет сильнейшего, и сам он первый из первых, только веруйте, да и не в бога, а только в папу и в то, что лишь он один есть царь земной, а прочие должны исчезнуть, ибо и им срок пришел. Радуйтесь же теперь и веселитесь, ибо теперь наступил рай земной, все вы станете богаты, а через богатство и праведны, потому что все ваши желания будут исполнены, и у вас будет отнята всякая причина ко злу». Слова эти льстивые, но без сомнения демос примет предложение: он разглядит в неожиданном союзнике объединяющую великую силу, на всё соглашающуюся и ничему не мешающую, силу действительную и историческую, вместо предводителей, мечтателей и спекулянтов, в практические способности которых, а иногда и в честность, он и теперь сплошь да рядом не верует. Тут же вдруг и точка приложения силы готова, и рычаг дают в руки, стоит лишь налечь всей массой и повернуть. А народ ли не повернет, он ли не масса? А в довершение ему дают опять веру и успокоивают тем сердца слишком многих, ибо слишком многие из них давно уже чувствовали тоску без бога...

Я уже раз говорил обо всем этом, но говорил мельком в романе. Пусть мне простят мою самонадеянность, но я уверен, что всё это несомненно осуществится в Западной Европе, в той или другой форме, то есть католичество бросится в демократию, в народ и оставит царей земных за то, что те сами его оставили. Все власти в Европе тоже его презирают, потому что оно на вид теперь слишком бедно и слишком побеждено, но всё же не представляют его себе в таком комическом виде и положении, в каком столь простодушно представляется оно нашим политическим публицистам. А, однако, не стал бы, например, Бисмарк так преследовать его, если б не почувствовал в нем страшного, ближайшего и скорого врага в будущем. Князь Бисмарк человек слишком гордый, чтоб напрасно тратить столько силы с комически бессильным врагом. Но папа сильнее его. Повторяю: теперь папство есть, может быть, самое страшное «обособление» из всех грозящих миру всего мира. А грозит миру многое. И никогда еще Европа не была начинена такими элементами вражды, как в наше время. Точно всё подкопано и начинено порохом и ждет только первой искры...

«Да нам-то что? Это всё там в Европе, а не у нас?» А нам то что, к нам же ведь и застучится Европа и закричит, чтоб мы шли

спасать ее, когда пробьет последний час ее «теперешнему порядку вещей». И она потребует нашей помощи как бы по праву, потребует с вызовом и приказанием; она скажет нам, что и мы Европа, что и у нас, стало быть, такой же точно «порядок вещей», как и у них, что недаром же мы подражали им двести лет и хвастались, что мы европейцы, и что, спасая ее, мы, стало быть, спасем и себя. Конечно, мы, может быть, и не расположены бы были решить дело единственно в пользу одной стороны, но под силу ли нам будет такая задача и не отвыкли ль мы давно от всякой мысли о том, в чем заключается наше настоящее «обособление» как нации и в чем настоящая наша роль в Европе? Мы не только не понимаем теперь подобных вещей, но и вопросов таких не допускаем, и слушать об них считаем за глупость и за отсталость нашу. И если действительно Европа постучится к нам за тем, чтоб мы вставали и шли спасать ее l'Ordre, то, может быть, тогда-то лишь в первый раз мы и поймем, все вдруг разом, до какой степени мы всё время не похожи были на Европу, несмотря на всё двухсотлетнее желание и мечты наши стать Европой, доходившие у нас до таких страстных порывов. А пожалуй, не поймем и тогда, ибо будет поздно. А если так, то уж, конечно, не поймем и того, чего Европе от нас надо, чего она у нас просит и чем действительно мы могли бы помочь ей? И не пойдем ли мы, напротив, усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как и князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя *вполне европейцами.*

Но всё это впереди, всё это такие фантазии, а теперь всё так ясно, ясно!

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ДОН КАРЛОС И СЭР УАТКИН. ОПЯТЬ ПРИЗНАКИ «НАЧАЛА КОНЦА»

Я с большим любопытством прочел о въезде дона Карлоса в Англию. Всегда говорят, что действительность скучна, однообразна; чтобы развлечь себя, прибегают к искусству, к фантазии, читают романы. Для меня, напротив: что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? Что может быть даже невероятнее иногда действительности? Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей. Иного даже вовсе и не выдумать никакой фантазии. И какое преимущество над романом! Попробуйте, *сочините* в романе эпизод, хоть с присяжным поверенным Куперником, выдумайте его сами, и критик в следующее же воскресенье, в фельетоне, докажет вам ясно и непобедимо, что вы бредите и что в дей-

ствительности этого никогда не бывает и, главное, никогда и не может случиться, потому-то и потому-то. Кончится тем, что вы сами со стыдом согласитесь. Но вот вам приносят «Голос», и вдруг в нем вы читаете весь эпизод об нашем стрелке и — и что же: сначала вы читаете с удивлением, с ужасным удивлением, даже так, что, пока читаете, вы ничему не верите; но чуть вы прочитали до последней точки, вы откладываете газету и вдруг, сами не зная почему, разом говорите себе: «Да, всё это непременно так и должно было случиться». А иной так даже прибавит: «Я это предчувствовал». Почему такая разница в впечатлениях от романа и от газеты — не знаю, но такова уж привилегия действительности.

Дон Карлос, спокойно и торжественно въезжающий гостем в Англию, после крови и резни «во имя короля, веры и богородицы» — вот еще фигура, вот еще обособление! Ну можно ли выдумать что-нибудь подобное самому? Кстати, помните ли вы эпизод, два года назад, с графом Шамбором (Генрих V)? Это — тоже король, легитимист и тоже отыскивал свой престол во Франции, в одно и то же время, как дон Карлос в Испании. Они даже могут считаться друг другу родственниками, одной фамилии и одного корня, но какая разница! Один — твердо замкнувшийся в своих убеждениях, фигура меланхолическая, изящная, человечная. Граф Шамбор, в самый роковой момент, когда действительно мог стать королем (конечно, на мгновение), — не прельстился ничем, не отдал своего «белого знамени» и тем доказал, что он великодушный и истинный рыцарь, почти Дон-Кихот, древний рыцарь с обетом целомудрия и нищеты, достойная фигура, чтоб величаво заключить собою свой древний род королей. (Величаво и только разве капельку смешно, но без смешного и не бывает жизни.) Он отверг власть и трон единственно потому, что хотел стать королем Франции не для себя только, а для ее же спасения, а так как, по его взгляду, спасение не согласовалось с уступками, которые от него требовались (уступками очень возможными), то он и не захотел царствовать. Какая разница с недавним Наполеоном, пройдохой и пролетарием, обещавшим всё, отдававшим всё и надувшим всех, только чтоб достигнуть власти. Я сейчас приравнял графа Шамбора к Дон-Кихоту, но я выше похвалы не знаю. Кто это, Гейне что ли, рассказывал, как он, ребенком, плакал, обливаясь слезами, когда, читая Дон-Кихота, дошел до того места, как победил его презренный и здравомыслящий цирюльник Самсон Караско. Во всем мире нет глубже и сильнее этого *сочинения*. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?» — то человек мог бы молча подать Дон-Кихота: «Вот мое заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?» Я не утверждаю, что человек был бы прав, сказав это, но. . .

Дон Карлос, родственник графа Шамбора, тоже рыцарь, но в этом рыцаре виден Великий Инквизитор. Он пролил реки крови ad majorem gloriam Dei [1] и во имя богородицы, кроткой молельщицы за людей, «скорой заступницы и помощницы», как именует ее народ наш. Ему тоже, как и графу Шамбору, делали предложения, — и он тоже отверг их. Это, кажется, случилось вскоре после Бильбао и сейчас после его большой победы, когда в сражении погиб главнокомандующий мадритской армии. Тогда к нему засылали узнать из Мадрита: «Что бы он сказал, если б его впустили в Мадрит, и не даст ли он хоть какой-нибудь программки для возможного начатия переговоров?» Но он надменно отклонил всякую мысль о переговорах, и, конечно, не из одной надменности, а тоже из глубоко засевшего в душе принципа: не мог он признать в засылавших воюющей стороны, и не мог он, «Король», входить в какие бы то ни было соглашения с «революцией»! Сжато, полусловом, но ясно, он дал знать, что «король сам знает, что надо ему сделать, когда достигнет своей столицы», и больше ничего не прибавил. От него, разумеется, тотчас же отвернулись и вскорости позвали короля Альфонса. Благоприятная минута была потеряна, но он продолжал воевать; он писал манифесты высоким и величавым слогом, и сам, первый, в них верил вполне; он надменно и величаво расстреливал своих генералов «за измену» и усмирял бунты своих измучившихся солдат и, надо ему отдать справедливость, как воину, — воевал до самого последнего вершка земли. Теперь он, уезжая из Франции в Англию, объявил в мрачном и гордом письме к французским друзьям своим, что «доволен их службой и поддержкой, что, служа ему, они служили себе, и что он всегда готов опять обнажить свой меч на призыв несчастной страны своей». Не беспокойтесь, он еще явится. Кстати, этим письмом к «друзьям» хоть капельку да объясняется загадка: на какие средства и на чьи деньги этот ужасный человек (молодой и прекрасный, говорят, собой) так долго и упорно мог вести войну? Друзья-то, стало быть, и сильны и многочисленны. Кто бы такие? Вероятнее всего, что его наиболее поддерживала католическая церковь, как последнюю свою надежду из королей. А то никакие друзья не могли бы собрать ему столько миллионов.

Заметьте, что этот человек, гордо и резко отвергнувший всякое соглашение с «революцией», поехал в Англию и отлично знал прежде, что поедет искать гостеприимства в этой свободомыслящей и вольной стране, революционной — по его понятиям; какое, однако, совмещение понятий! И вот при въезде его в Англию и случился с ним маленький, но характерный эпизод. Сел он в Булони на пароход, чтоб высадиться в Фокстоне; но на этом же пароходе ехали в Англию тоже гости, члены Булонского муниципалитета, приглашенные англичанами на мирное торжество открытия новой железнодорожной станции в Фокстоне. Этих гостей,

[1] к вящей славе божьей (*лат.*).

в числе которых был и депутат от департамента Па-де-Кале, ожидала на английском берегу, чтоб приветствовать их, толпа англичан, власти, нарядные дамы, корпорации и депутации разных обществ с знаменами и с музыкой. Тут случился один член парламента, сэр Эдуард Уаткин, в сопровождении двух других членов парламента. Узнав, что между пассажирами прибыл дон Карлос, он мигом пошел к нему представиться и засвидетельствовать свое почтение; он проводил его со всею вежливостью до станции и усадил в вагон в отдельное закрытое купе. Но остальная публика была не так вежлива; при виде дона Карлоса, когда он проходил и садился в вагон, раздались свистки и шиканье. Такое поведение соотечественников глубоко оскорбило сэра Уаткина. Он, впрочем, сам это описал в газете и по возможности смягчил отзыв о невежливом приеме «гостя». Он рассказывает, что всему виною лишь один нечаянный случай, а то всё обошлось бы иначе:

«. . .В минуту (повествует он), когда мы входили на платформу и дон Карлос приподнимал шляпу в ответ на возгласы нескольких человек, приветствовавших его, ветер развил знамя ассоциации Odd Fellows,[1] и на этом знамени появилось изображение Милосердия, покровительствующего детям, с девизом: „Не забудьте вдов и сирот!“ Эффект был быстрый и поразительный: в толпе раздался ропот, но он выражал скорее печаль, чем порывы гнева. Хоть я и сожалею о происшедшем, но должен сказать, что ни один народ, собравшийся на веселое празднество и внезапно очутившийся лицом к лицу с главным актером кровопролитной и братоубийственной войны, не выказал бы столько вежливости, сколько выказало оной громадное большинство фокстонской публики».

Какая своеобразность взгляда, какая твердость своего мнения и какая ревнивая гордость за свой народ! Может быть, многие из наших либералов сочли бы поведение сэра Уаткина чуть не за низость, за низкие чувства заискивания перед знаменитым человеком, за мелкое вылезание вперед. Но сэр Уаткин думает не по-нашему: о, он и сам знает, что приехавший гость есть главный актер кровопролитной и братоубийственной войны; но, встречая его, он тем самым удовлетворяет свою патриотическую гордость и изо всех сил служит Англии. Протягивая руку обагренному кровью тирану, от имени Англии и в сане члена парламента, он тем как бы говорит ему: «Вы деспот, тиран, а все-таки пришли же в страну свободы искать в ней убежища; того и ожидать было надо; Англия принимает всех и никому не боится давать убежище: entrée et sortie libres;[2] милости просим». И не одна невежливость «малой части собравшейся публики» огорчила его, а и то, что в неудержимости чувства, в свистках и шиканье он заметил промах против того собственного достоинства, какое должно быть неотменно у каждого истинного англичанина. Пусть

[1] Тайные братья (*англ.*).
[2] въезд и выезд свободный (*франц.*).

там, на континенте и во всем человечестве, считается даже прекрасным, если народ не сдерживает оскорбленного чувства и публично клеймит злодея презреньем и свистками, будь он даже гость этого народа; но всё это годится для каких-нибудь там парижан или немцев: англичанин обязан вести себя иначе. В подобные минуты он должен быть хладнокровен, как джентльмен, и не высказывать своего мнения. Гораздо лучше будет, если гость ничего не узнает о том, что о нем думают встречающие; а всего бы лучше, если б каждый стоял неподвижно, заложив за спину руки, как прилично англичанину, и глядел на прибывшего взглядом, полным холодного достоинства. Несколько вежливых возгласов, но вполголоса и умеренно, ничему тоже не помешали бы: гость тотчас же различил бы, что это лишь обычай и этикет, а что собственно волнения он не мог у нас возбудить никакого, будь он хоть семи пядей во лбу. А теперь, как закричали и засвистали, гость и подумает, что это лишь бессмысленная уличная чернь, как и на континенте. Кстати, вспомнился мне теперь один премилый анекдот, который я прочел недавно, где и у кого не запомню, о маршале Себастьяни и об одном англичанине, еще в начале столетия, при Наполеоне I-м. Маршал Себастьяни, важное тогда лицо, желая обласкать одного англичанина, которые все были тогда в загоне, потому что беспрерывно и упорно воевали с Наполеоном, сказал ему с любезным видом, после многих похвал его нации:

— Если б я не был французом, то желал бы стать англичанином.

Англичанин выслушал, но, нимало не тронутый любезностью, тотчас ответил:

— А если б я не был англичанином, то я все-таки пожелал бы стать англичанином.

Таким образом, в Англии все англичане и все одинаково уважают себя, может быть, единственно за то, что они англичане. Уж одного этого бы, кажется, довольно для крепкой связи и для единения людей в стране этой: крепок пучок. И, однако, на деле там то же самое, что и везде в Европе: страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни. Приведу здесь, тоже в виде примера оригинальности, взгляд одного англичанина на свою веру, протестантизм. Вспомним, что англичане, в огромном большинстве, народ в высшей степени религиозный: они жаждут веры и ищут ее беспрерывно, но, вместо религии, несмотря на государственную «англиканскую» веру, рассыпаны на сотни сект. Вот что говорит Сидней Доббель в недавней статье своей «Мысли об искусстве, философии и религии»: «Католицизм велик, прекрасен, премудр и могуч, — он самое устойчивое, самое благоразмерное из зданий, какие воздвигал человек, но он *не воспитателен* и вследствие того обречен на смерть; мало того, повинен смерти, ибо причиняет вред, и тем больше вреден, чем совершеннее его устройство. Протестантизм узок, безобразен, бесстыден, неразумен, непоследова-

телен, несогласен сам с собой; это вавилон словопрения и буквальности, это клуб состязания полумыслящих педантов, полуграмотных гениев и неграмотных эгоистов всякого рода, это колыбель притворства и фанатизма; это сборное праздничное место для всех вольноприходящих безумцев. Но он *воспитателен*, и вследствие того ему суждено жить. Мало того: его следует питать и устраивать, окружать заботой и отстаивать в борьбе, как необходимую потребность sine qua non духовной жизни для человека».

Какое самое невозможное суждение! А между тем тысячи европейцев ищут своего спасения в таких же заключениях. В самом деле, здорово ли то общество, в котором серьезно и с таким жаром выставляются такие выводы о духовных требованиях человеческих? «Протестантизм, видите ли, дик, безобразен, бесстыден, узок и глуп, но он *воспитателен*, а потому надо его сохранять и отстаивать»! Во-первых, что за утилитаризм в таком деле и в таком вопросе? Дело, которому должно быть всё подчинено (если действительно Сидней Доббель хлопочет *о вере*), — это дело, напротив, рассматривается лишь единственно с точки зрения его полезности англичанину. И, уж конечно, такой утилитаризм стоит той невоспитательной замкнутости и законченности католичества, за которую этот протестант так его проклинает. И не похожи ли такие слова на иные отзывы тех «глубоких политических и государственных мыслителей» всех стран и народов, изрекающих иногда премудрые изречения вроде следующих: «Бога нет, разумеется, и вера вздор, но религия нужна для черного народа, потому что без нее его не сдержать». В том разве разница, что в этом мнении государственного мудреца, в основе, холодный и жестокосердый разврат, а Сидней Доббель — друг человечества и хлопочет лишь о его прямой пользе. Зато взгляд на пользу драгоценен: вся польза в том, видите ли, что отворены ворота настежь для всякого суждения и вывода; и в ум и в сердце — entrée et sortie libres; ничего не заперто, не ограждено и не закончено: плыви в безбрежном море и спасай себя сам, как хочешь. Суждение, впрочем, широкое — широкое, как безбрежное море, и, уж конечно, — «ничего в волнах не видно»; зато национальное. О, тут глубокая искренность, но не правда ли, что эта искренность граничит как бы с отчаянием. Характерен тоже тут и прием мышления, характерно то, об чем думают, пишут и заботятся там у себя эти люди: ну станут, например, у нас писать и заботиться наши публицисты о таких фантастических предметах, да и ставить их на такой высший план? Так что можно бы даже сказать, что мы, русские, люди с гораздо более реальным, глубоким и благоразумным взглядом, чем все эти англичане. Но англичане не стыдятся ни своих убеждений, ни нашего об них заключения; в чрезвычайной искренности их встречается иногда даже нечто глубоко трогательное. Вот что, например, передавал мне один наблюдатель, особенно следящий за этим в Европе, о характере иных, уже совершенно атеистических учений и тол-

ков в Англии: «Вы входите в церковь, — служба благолепная, богатые ризы, кадила, торжественность, тишина, благоговение молящихся. Читается Библия, все подходят и лобызают святую книгу со слезами, с любовью. И что же? Это церковь — атеистов. Все молящиеся не верят в бога; непременный догмат, непременное условие для вступления в эту церковь — атеизм. Зачем же они целуют Библию, благоговейно выслушивают чтение ее и плачут над нею? А затем, что, отвергнув бога, они поклонились „Человечеству“. Они верят теперь в Человечество, они обоготворили и обожают Человечество. А что было человечеству дороже этой святой книги в продолжение стольких веков? Они преклоняются теперь пред нею за любовь ее к человечеству и за любовь к ней человечества. Она благодетельствовала ему столько веков, она как солнце светила ему, изливала на него силу и жизнь; и „хоть смысл ее теперь и утрачен“, но любя и благотворя человечество, — они не могут стать неблагодарными и забыть ее благодеяния ему...»

В этом много трогательного и много энтузиазма. Тут действительное обоготворение человечества и страстная потребность проявить любовь свою; но какая, однако же, жажда моления, преклонения, какая жажда бога и веры у этих атеистов и сколько тут отчаяния, какая грусть, какие похороны вместо живой, светлой жизни, бьющей свежим ключом молодости, силы и надежды! Но похороны ли или новая грядущая сила — это еще для многих вопрос. Позволю себе сделать выписку из одного моего недавнего романа — «Подросток». Об этой «Церкви атеистов» я узнал лишь на днях, гораздо позже того, как я окончил и напечатал роман мой. У меня тоже об атеизме — но это лишь мечта одного из русских людей нашего времени, сороковых годов, бывших помещиков-прогрессистов, страстных и благородных мечтателей рядом с самою великорусскою широкостью жизни на практике. Сам этот помещик — тоже без всякой веры и тоже обожает человечество, «как и следует русскому прогрессивному человеку». Он высказывает мечту свою о будущем человечестве, когда уже исчезнет в нем всякая идея о боге, что, по его понятиям, несомненно случится на всей земле.

«Я представляю себе, мой милый, — начал он с задумчивою улыбкою, — что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались *одни*, как желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший их, отходил как величавое, зовущее солнце, но это был уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство. Милый мой мальчик, я никогда не мог вообразить себе людей неблагодарными и оглупевшими. Осиротевшие люди тотчас стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют всё друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже

не прежнею любовью. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это — всё, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем всё свое и тем одним был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий на земле — ему как отец и мать. „Пусть завтра последний день мой, думал бы каждый, смотря на заходящее солнце; но всё равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их“ — и эта мысль, что они останутся, всё так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. О, они торопились бы любить, чтоб затушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и за счастие каждого. Они стали бы нежны друг к другу и не стыдились бы того, как теперь, и ласкали бы друг друга, как дети. Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть...»

Не правда ли, тут в этой фантазии есть несколько сходного с этою, уже действительно существующею «Церковью атеистов».

II. ЛОРД РЕДСТОК

Кстати уж об этих сектах. Говорят, в эту минуту у нас в Петербурге лорд Редсток, тот самый, который еще три года назад проповедовал у нас всю зиму и тоже создал тогда нечто вроде новой секты. Мне случилось его тогда слышать в одной «зале», на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно. А между тем он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение. Впрочем, это может быть только у нас в России; за границей же он кажется не так заметен. Впрочем, трудно сказать, чтоб вся сила его обаяния заключалась лишь в том, что он лорд и человек независимый и что проповедует он, так сказать, веру «чистую», барскую. Правда, все эти проповедники-сектанты всегда уничтожают, если б даже и не хотели того, данный церковью образ веры и дают свой собственный. Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на «обособлении нашем», на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, — теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры. Собственно про учение лорда трудно рассказать, в чем оно состоит. Он англичанин, но, говорят, не принадлежит и к англиканской церкви и порвал с нею, а проповедует что-то свое собственное. Это так легко в Англии: там и в Америке сект, может быть, еще больше, чем у нас в нашем «черном народе». Секты скакунов, трясучек, конвульсьоне-

ров, квакеров, ожидающих миллениума и, наконец, хлыстовщина (всемирная и древнейшая секта) — всего этого не перечтешь. Я, конечно, не в насмешку говорю об этих сектах, сопоставляя их рядом с лордом Редстоком, но кто отстал от истинной церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты. И пусть не морщатся почитатели лорда: в философской основе этих самых сект, этих трясучек и хлыстовщины, лежат иногда чрезвычайно глубокие и сильные мысли. По преданию, у Татариновой, в Михайловском замке, около двадцатых годов, вместе с нею и с гостями ее, такими, как, например, один тогдашний министр, вертелись и пророчествовали и крепостные слуги Татариновой: стало быть, была же сила мысли и порыва, если могло создаться такое «неестественное» единение верующих, а секта Татариновой была, по-видимому, тоже хлыстовщина или одно из бесчисленных ее разветвлений. Я не слыхал из рассказов о лорде Редстоке, чтоб у него вертелись и пророчествовали (верчение и пророчество — есть необходимейший и древнейший атрибут почти всех этих западных и наших сект, по крайней мере, чрезвычайного множества. И Тамплиеры тоже вертелись и пророчествовали, тоже были хлыстовщиной и за это самое сожжены, а потом восхвалены и воспеты французскими мыслителями и поэтами перед первой революцией); я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о «схождении благодати» и что, будто бы, по выражению одного передававшего о нем, у лорда «Христос в кармане», — то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью. О том же, что бросаются в подушки и ждут какого-то вдохновения свыше, я, признаюсь, не понял, что передавали. Правда ли, что лорд Редсток хочет ехать в Москву? Желательно, чтоб на этот раз никто из нашего духовенства не поддакивал его проповеди. Тем не менее он производит чрезвычайные обращения и возбуждает в сердцах последователей великодушные чувства. Впрочем, так и должно быть: если он в самом деле искренен и проповедует новую веру, то, конечно, и одержим всем духом и жаром основателя секты. Повторяю, тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии. Замечательно, что о лорде Редстоке, кроме немногих исключений, почти ничего не говорит наша пресса.

III. СЛОВЦО ОБ ОТЧЕТЕ УЧЕНОЙ КОМИССИИ О СПИРИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

«Обособление» ли спириты? Я думаю, что да. Наш возникающий спиритизм, по-моему, грозит в будущем чрезвычайно опасным и скверным «обособлением». «Обособление» есть ведь разъединение; я в этом смысле и говорю, что в нашем молодом спиритизме заметны сильные элементы к восполнению и без того

уже всё сильнее и прогрессивнее идущего разъединения русских людей. Ужасно мне нелепо и досадно читать иногда, у некоторых мыслителей наших, о том, что наше общество спит, дремлет, лениво и равнодушно; напротив, никогда не замечалось столько беспокойства, столько метания в разные стороны и столько искания чего-нибудь такого, на что бы можно было нравственно опереться, как теперь. Каждая самая беспутная даже идейка, если только в ней предчувствуется хоть малейшая надежда что-нибудь разрешить, может надеяться на несомненный успех. Успех же всегда ограничивается «обособлением» какой-нибудь новой кучки. Вот так и с спиритизмом. И каково же было мое разочарование, когда я прочел наконец в «Голосе» отчет известной комиссии, о которой так все кричали и возвещали, о спиритических явлениях, наблюдавшихся всю зиму в доме г-на Аксакова. А я-то так ждал и надеялся, что этот отчет раздавит и раздробит это непотребное (в его мистическом значении) новое учение. Правда, у нас, по-видимому, еще не замечается никаких *учений*, а идут лишь пока одни «наблюдения»; но так ли это на самом деле? Жаль, что в эту минуту я не имею ни времени, ни места подробнее изложить мою мысль; но в следующем, апрельском моем «Дневнике», я, может быть, и решусь заговорить опять о спиритах. Впрочем, может быть, я обвиняю отчет комиссии напрасно: не она, конечно, виновата в том, что я так сильно на нее надеялся и что ожидал от нее, может быть, совсем невозможного, чего она никогда и не могла дать. Но во всяком случае «Отчет» грешит изложением, редакцией. Изложение это такого свойства, что в нем противники отчета непременно отыщут «предвзятое» отношение к делу (стало быть, весьма ненаучное), хотя, может быть, в комиссии вовсе не было столько этой «предвзятости», чтоб можно было за то обвинить ее. (Немного-то предвзятости было, без этого у нас уж никак нельзя.) Но редакция грешит несомненно: комиссия позволяет, например, себе заключать о таких явлениях спиритизма (о материализации духов, например), которые она, по собственному ее признанию, не наблюдала вовсе. Положим, она сделала это в виде, так сказать, нравоучения, в нравоучительном и предупредительном смысле, забегая вперед явлений, для пользы общества, чтоб спасти легкомысленных людей от соблазна. Идея благородная, но вряд ли уместная в настоящем случае. Впрочем, что же: неужели сама комиссия, состоящая из стольких ученых людей, могла серьезно надеяться затушить нелепую идею в самом начале? Увы, если б комиссия представила даже самые явные и прямые доказательства «подлогов», даже если б она изловила и изобличила «плутующих» на деле и, так сказать, поймав их за руки (чего, впрочем, отнюдь не случилось), то и тогда бы ей никто не поверил из увлекшихся спиритизмом, даже из желающих только увлечься, по тому вековечному закону человеческой природы, по которому, в мистических идеях, даже самые математические доказательства — ровно ничего

не значат. А тут, в этом-то, в нашем возникающем спиритизме,— клянусь, на первом плане, лишь идея мистическая, и — что же вы с нею можете сделать? Вера и математические доказательства — две вещи несовместимые. Кто захочет поверить — того не остановите. А тут, вдобавок, и доказательства далеко не математические.

Тем не менее отчет всё бы мог быть полезен. Он мог быть несомненно полезен для всех еще не совращенных и пока еще равнодушных к спиритизму. А теперь, при «хотении верить», хотению может быть дано новое оружие в руки. Да и слишком презрительно-высокомерный тон отчета можно бы было смягчить; право, можно подумать, читая его, что обе почтенные стороны, во время наблюдений, почему-либо лично поссорились. На массу это подействует не в пользу «Отчета».

IV. ЕДИНИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Но является и другой разряд явлений, довольно любопытный, особенно между молодежью. Правда, явления пока единичные. Рядом с рассказами о нескольких несчастных молодых людях, «идущих в народ», начинают рассказывать и о другой совсем молодежи. Эти новые молодые люди тоже беспокоятся, пишут к вам письма или сами приходят с своими недоумениями, статьями и с неожиданными мыслями, но совсем не похожими на те, которые мы до сих пор в молодежи встречать привыкли. Так что есть некоторый повод предположить, что в молодежи нашей начинается некоторое движение, совершенно обратное прежнему. Что же, этого, может быть, и должно было ожидать. В самом деле: чьи они дети? Они именно дети тех «либеральных» отцов, которые, в начале возрождения России, в нынешнее царствование, как бы отторгнулись всей массой от общего дела, вообразив, что в том-то и прогресс и либерализм. А между тем — так как всё это отчасти прошедшее, — много ли было тогда воистину либералов, много ли было действительно страдающих, чистых и искренних людей, таких как, например, недавний еще тогда покойник Белинский (не говоря уже об уме его)? Напротив, в большинстве это все-таки была лишь грубая масса мелких безбожников и крупных бесстыдников, в сущности тех же хапуг и «мелких тиранов», но фанфаронов либерализма, в котором они ухитрились разглядеть лишь право на бесчестье. И чего тогда не говорилось и не утверждалось, какие нередко мерзости выставлялись за честь и доблесть. В сущности, это была грубая улица, и честная идея попала на улицу. А тут как раз подоспело освобождение крестьян, а с ним вместе — разложение и «обособление» нашего интеллигентного общества во всех возможных смыслах. Люди не узнавали друг друга, и либералы не узнавали своих же либералов. И сколько было потом грустных недоумений, тяжелых разочарований! Бесстыднейшие ретрограды вылетали иногда вдруг

вперед, как прогрессисты и руководители, и имели успех. Что же могли видеть многие тогдашние дети в своих отцах, какие воспоминания могли сохраниться в них от их детства и отрочества? Цинизм, глумление, безжалостные посягновения на первые нежные святые верования детей; затем нередко открытый разврат отцов и матерей, с уверением и *научением*, что так и следует, что это-то и истинные «трезвые» отношения. Прибавьте множество расстроившихся состояний, а вследствие того нетерпеливое недовольство, громкие слова, прикрывающие лишь эгоистическую, мелкую злобу за материальные неудачи, — о, юноши могли это наконец разобрать и осмыслить! А так как юность чиста, светла и великодушна, то, конечно, могло случиться, что иные из юношей не захотели пойти за такими отцами и отвергли их «трезвые» наставления. Таким образом, подобное «либеральное» воспитание и могло произвести совсем обратные следствия, по крайней мере в некоторых примерах. Вот эти-то, может быть, юноши и подростки и ищут теперь новых путей и прямо начинают с отпора тому ненавистному им циклу идей, который встретили они в детстве, в своих жалких родных гнездах.

V. О ЮРИЕ САМАРИНЕ

А твердые и убежденные люди уходят: умер Юрий Самарин, даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями, полезнейший деятель. Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже не согласных с их убеждениями. «Новое время» сообщило о нем один чрезвычайно характеристический рассказ. Еще так недавно, в конце февраля, в проезд через Петербург, Самарин успел прочесть в февральском № «Отечественных записок» статью князя Васильчикова «Чернозем и его будущность». Эта статья так подействовала на него, что он не спал всю ночь: «Это очень хорошая и верная статья (сказал Самарин наутро своему приятелю). Я ее читал вчера вечером, и она произвела на меня такое впечатление, что я не мог заснуть; всю ночь так и мерещилась страшная картина безводной и безлесной пустыни, в которую превращается наша средняя черноземная полоса России от постоянного, ничем не останавливаемого уничтожения лесов».

«Много ли у нас найдется людей, которые теряют сон в заботах о своей родине?» — прибавляет к этому «Новое время». Я думаю, что еще найдутся, и, кто знает, может быть, теперь, судя по тревожному положению нашему, еще больше, чем прежде. Беспокоящихся людей, в самых многоразличных смыслах, у нас всегда бывало довольно, и мы вовсе уж не так спим, как про нас утверждают; но не в том дело, что есть беспокоящиеся, а в том, как они судят, а с Юрием Самариным мы лишились твердого и глубокого мыслителя, и вот в чем утрата. Старые силы отходят, а на новых, на грядущих людей пока еще только разбегаются глаза...

АПРЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ИДЕАЛЫ РАСТИТЕЛЬНОЙ СТОЯЧЕЙ ЖИЗНИ. КУЛАКИ И МИРОЕДЫ. ВЫСШИЕ ГОСПОДА, ПОДГОНЯЮЩИЕ РОССИЮ

В мартовском № «Русского вестника» сего года помещена на меня «критика», г-на А., т. е. г-на Авсеенко. Отвечать г-ну Авсеенко нет никакой выгоды: трудно представить писателя, менее вникающего в то, что он пишет. А впрочем, если б он и вникал, то вышло бы то же самое. Всё, что в статье его касается до меня, написано им на тему, что не мы, культурные люди, должны преклониться перед народом — ибо «идеалы народные суть по преимуществу идеалы растительной стоячей жизни», — а что, напротив, народ должен просветиться от нас, культурных людей, и усвоить нашу мысль и наш образ. Одним словом, г-ну Авсеенке очень не понравились мои слова в февральском «Дневнике» о народе. Я полагаю, что тут лишь одна неясность, в которой я сам виноват. Неясность и надо разъяснить, отвечать же г-ну Авсеенко буквально нельзя. Что вы, например, будете иметь общего с человеком, который вдруг говорит о народе, например, такие слова:

«На его плечах (т. е. на плечах народа), на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам — создалась независимость России, ее сила и способность к историческому призванию. Он сохранил нам чистоту христианского идеала, высокий и смиренный в своем величии героизм и те прекрасные черты славянской природы, которые, отразившись в бодрых звуках пушкинской поэзии, *постоянно питали потом живую струю нашей литературы...»*

И вот, только что это написалось (то есть переписалось из славянофилов), на следующей же странице г-н Авсеенко сообщает про тот же русский народ совершенно противуположное:

«Дело в том, что народ наш не дал нам идеала деятельной личности. Всё прекрасное, что мы замечаем в нем и что наша литература, к ее великой чести, приучила нас любить в нем, является только на степени стихийного существования, замкнутого, идиллического (?) быта или пассивной жизни. Как скоро выделяется из народа *деятельная, энергическая* личность, очарование по большей части исчезает, и чаще всего индивидуальность является в непривлекательной форме мироеда, кулака, самодура. Активных идеалов в народе до сих пор нет, и надеяться на них — значит отправляться от неизвестной и, может быть, мнимой величины».

И всё это сказать сейчас же после того, как на предыдущей странице было объявлено, что на «плечах народа, на его терпении и самопожертвовании, на его живучей силе, горячей вере и великодушном презрении к собственным интересам — создалась независимость России!» Да ведь, чтоб выказать живучую силу, нельзя быть *только* пассивным! А чтобы создать Россию, нельзя было не проявить силы! Чтобы выказать *великодушное* презрение к собственным интересам, непременно надо было проявить великодушную и активную *деятельность* в интересе других, то есть в интересе общем, братском. Чтобы «вынести на плечах своих» независимость России, никак нельзя было сидеть *пассивно* на месте, а непременно надо было хоть привстать с места и хоть раз шагнуть; по крайней мере хоть что-нибудь сделать, а между тем сейчас же и прибавляется, что чуть народ начнет что-нибудь делать, то тотчас заявляет себя «в непривлекательных формах мироеда, кулака или самодура». Выходит, стало быть, что кулаки, мироеды и самодуры и вынесли на плечах Россию. Значит, все эти наши святые митрополиты (стоятели за народ и строители земли русской), все благочестивые князья наши, все бояре и земские люди из тех, которые работали и служили России до пожертвования жизнью и имена которых благоговейно сохранила история, — всё это были только мироеды, кулаки и самодуры! Может быть, скажут, что г-н Авсеенко не про тогдашних говорил, а про теперешних, — а история это там сама по себе, и что всё то было при царе Горохе. Но в таком случае выходит, что народ наш переродился? И про какой же теперешний народ говорит г-н Авсеенко? Откуда он его начинает? С реформы Петра? С культурного периода? С окончательного закрепощения? Но в таком случае культурный г-н Авсеенко сам себя выдает; всякий скажет ему тогда: стоило вас культурить, чтоб взамен того развратить народ и обратить его в одних кулаков и мошенников. Да неужели вы до такой степени «имеете дар одно худое видеть», г-н Авсеенко? Неужели ж народ наш, закрепощенный именно ради вашей же культуры (по крайней мере, по учению генерала Фадеева), после двухсотлетнего рабства своего заслужил от вас, от окультурившегося человека, вместо благодарности или даже жалости, лишь один только этот высокомерный плевок про кулаков и мошенников. (То, что вы похвалили его выше, я ни во что не считаю, ибо вы уничтожили это на другой же странице.) За вас же он был

двести лет связан по рукам и по ногам, чтобы вам ума из Европы прибыло, и вот вы, когда вам прибыло из Европы ума (?), избочениввшись перед связанным и оглядывая его с культурной высоты своей, вдруг заключаете о нем, что «плох и пассивен и мало выказал деятельности (это связанный-то), а проявил лишь некоторые пассивные добродетели, которые хоть и питали литературу живыми соками, но в сущности не стоят медного гроша, потому что чуть только народ начнет действовать, как тотчас же является кулаком и мошенником». Нет, не следовало бы отвечать г-ну Авсеенко, и если я отвечаю, то единственно признавая за собою собственный промах, который и объясню ниже. Тем не менее, так как уж пришлось к слову, все-таки считаю не лишним дать некоторое понятие читателю и о г-не Авсеенко. Он представляет собою, как писатель, весьма интересный для наблюдения маленький культурный тип своего рода, имеющий некоторое общее значение, что весьма даже нехорошо.

II. КУЛЬТУРНЫЕ ТИПИКИ. ПОВРЕДИВШИЕСЯ ЛЮДИ

Г-н Авсеенко давно пишет критики, несколько лет уже, и я, каюсь в том. всё еще возлагал на него некоторые надежды: «выпишется, думал я, и что-нибудь скажет»; но я мало знал его. Заблуждение мое продолжалось вплоть до октябрьского № «Русского вестника» 1874 года, в котором г-н Авсеенко в статье своей по поводу комедий и драм Писемского вдруг произнес следующее: «...Гоголь заставил наших писателей слишком небрежно относиться к внутреннему содержанию произведений и слишком полагаться на одну только художественность. Такой взгляд на задачу беллетристики разделялся весьма многими в нашей литературе сороковых годов, и в нем отчасти лежит причина: почему *эта литература была бедна внутренним содержанием* (!)».

Это литература-то сороковых годов была бедна внутренним содержанием! Такого странного известия я не ожидал во всю мою жизнь. Это та самая литература, которая дала нам полное собрание сочинений Гоголя, его комедию: «Женитьба» (бедную внутренним содержанием, ух!), дала нам потом его «Мертвые души» (бедные внутренним содержанием — да хоть бы что другое сказал человек, ну первое слово, которое на ум пришло, всё бы лучше вышло). Затем вывела Тургенева с его «Записками охотника» (и эти бедны внутренним содержанием?), затем Гончарова, написавшего еще в 40-х годах «Обломова» и напечатавшего тогда же лучший из него эпизод «Сон Обломова», который с восхищением прочла вся Россия! Это та литература, которая дала нам, наконец, Островского, — но именно про типы-то Островского и разражается г-н Авсеенко в этой же статье самыми презрительными плевками:

«Мир чиновников оказался, вследствие внешних причин, не вполне доступен для театральной сатиры; зато с тем большим усердием и пристрастием устремилась наша комедия в мир замоскворецкого и апраксинского купечества, в мир странниц и свах, пьяных приказных, бурмистров, причетников, питерщиков. Задача комедии сузилась непостижимым образом до копирования пьяного или безграмотного жаргона, воспроизведения диких ухваток, грубых и оскорбительных для человеческого чувства типов и характеров. На сцене безраздельно воцарился жанр, не тот теплый, веселый, буржуазный (?) жанр, который порою так пленителен на французской сцене (это водевильчик-то: один залез под стол, а другой вытащил его за ногу?), а жанр грубый, нечистоплотный и отталкивающий. Некоторые писатели, как, например, г-н Островский, внесли в эту литературу много таланта, сердца и юмора, но в общем театр наш пришел к крайнему понижению внутреннего уровня, и весьма скоро оказалось, что ему *нечего сказать* образованной части общества, что он и дела не имеет с этой частью общества».

Итак, Островский понизил уровень сцены, Островский ничего не сказал «образованной» части общества! Стало быть, необразованное общество восхищалось Островским в театре и зачитывалось его произведениями? О да, образованное общество, видите ли, ездило тогда в Михайловский театр, где был тот «теплый, веселый, буржуазный жанр, который порою так пленителен на французской сцене». А Любим Торцов «груб, нечистоплотен». Про какое же это образованное общество говорит г-н Авсеенко, любопытно бы узнать? Грязь не в Любиме Торцове: «он душою чист», а грязь именно, может быть, там, где царствует этот «теплый буржуазный жанр, который порою так пленителен на французской сцене». И что за мысль, что художественность исключает *внутреннее содержание*? Напротив, дает его в высшей степени: Гоголь в своей «Переписке» слаб, хотя и характерен, Гоголь же в тех местах «Мертвых душ», где, переставая быть художником, начинает рассуждать прямо от себя, просто слаб и даже не характерен, а между тем его создания, его «Женитьба», его «Мертвые души» — самые глубочайшие произведения, самые богатые внутренним содержанием, именно по выводимым в них художественным типам. Эти изображения, так сказать, почти давят ум глубочайшими непосильными вопросами, вызывают в русском уме самые беспокойные мысли, с которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчас; мало того, еще справишься ли когда-нибудь? А г-н Авсеенко кричит, что в «Мертвых душах» нет внутреннего содержания! Но вот вам «Горе от ума», — ведь оно только и сильно своими яркими художественными типами и характерами, и лишь один художественный труд дает всё внутреннее содержание этому произведению; чуть же Грибоедов, оставляя роль художника, начинает рассуждать сам от себя, от своего личного ума (устами Чацкого, самого слабого типа в комедии), то тотчас же понижается до весьма незавидного уровня, несравненно низшего даже и тогдашних представителей нашей интеллигенции. Нравоучения Чацкого несравненно ниже самой комедии и частью состоят из чистого вздора. Вся глубина, всё со-

держание художественного произведения заключается, стало быть, только в типах и характерах. Да и всегда почти так бывает.

Таким образом, читатель видит, с каким критиком имеет дело, и уже отсюда слышу вопросы: да зачем же вы с ним связываетесь? Повторяю еще раз, что хочу лишь разъяснить собственную оплошность, а собственно г-ном Авсеенко занимаюсь в эту минуту, как и сказал выше, не как критиком, а как отдельным и любопытным литературным явлением. Тут своего рода тип, мне полезный. Я очень долго не понимал г-на Авсеенко, — то есть не статей его, я статей его и всегда не понимал, да и нечего в них понимать или не понимать, — с этой же статьи в октябрьском № «Русского вестника» 1874 года я прямо уже махнул рукой, впрочем, постоянно и глубоко недоумевая: каким это образом статьи такого сбивчивого писателя появляются в таком серьезном журнале, как «Русский вестник»? Но вот вдруг случилось одно комическое происшествие — и я вдруг понял г-на Авсеенко: он вдруг начал печатать в начале зимы свой роман «Млечный путь». (И зачем этот роман перестал печататься!) Этот роман мне вдруг разъяснил весь тип писателя Авсеенко. Собственно про роман мне даже и не идет говорить: я сам романист, и мне не годится критиковать собрата. А потому я и не буду критиковать роман нисколько, тем более, что он доставил мне несколько искренно веселых минут. Там, например, молодой герой, князь, в опере, в ложе, всенародно хнычет, расчувствовавшись от музыки, а великосветская дама пристает к нему в умилении: «Вы плачете? Вы плачете?» Но не в том совсем дело, а в том, что я сущность писателя понял: г-н Авсеенко изображает собою, как писатель, деятеля, потерявшегося на обожании высшего света. Короче, он пал ниц и обожает перчатки, кареты, духи, помаду, шелковые платья (особенно тот момент, когда дама садится в кресло, а платье зашумит около ее ног и стана) и, наконец, лакеев, встречающих барыню, когда она возвращается из итальянской оперы. Он пишет обо всем этом беспрерывно, благоговейно, молебно и молитвенно, одним словом, совершает как будто какое-то даже богослужение. Я слышал (не знаю, может быть, в насмешку), что этот роман предпринят с тем, чтоб поправить Льва Толстого, который слишком объективно отнесся к высшему свету в своей «Анне Карениной», тогда как надо было отнестись молитвеннее, колепопреклоненнее, и, уж конечно, не стоило бы об этом обо всем говорить вовсе, если б, повторяю, не разъяснился совсем новый культурный тип. Оказывается ведь, что в каретах-то, в помаде-то и в особенности в том, как лакеи встречают барыню, — критик Авсеенко и видит всю задачу культуры, всё достижение цели, всё завершение двухсотлетнего периода нашего разврата и наших страданий, и видит совсем не смеясь, а любуясь этим. Серьезность и искренность этого любования составляет одно из самых любопытных явлений. Главное в том, что г-н Авсеенко, как писатель, не один; и до него были «коленкоро-

вых манишек беспощадные Ювеналы», но никогда в такой молитвенной степени. Положим, что не все они таковы, но в том-то и беда моя, что я мало-помалу наконец убедился, что таких представителей культуры даже чрезвычайное множество в литературе и в жизни, хотя бы и не в таком строгом и чистом типе. Признаюсь, меня как бы светом озарило: после этого, конечно, понятны пасквильные слова на Островского и тот «теплый, веселый, буржуазный жанр, который порою так пленителен на французской сцене». Э, тут вовсе даже и не Островский, и не Гоголь, и не сороковые года (очень их надо!), тут просто Михайловский петербургский театр, посещаемый высшим обществом и к которому подъезжают в каретах, — вот это и всё, вот это-то и увлекло, вот это-то и захватило писателя с беспощадною силой, и прельстило его, закружив и замотав его ум навеки. Повторяю опять, на это не надо смотреть с одной лишь комической точки, всё это гораздо любопытнее. Тут, одним словом, многое происходит от особого рода мании, почти болезненной, так сказать, слабости, которую надо бы щадить. Карета высшего света едет, например, в театр: вы только посмотрите, как она едет и как свет от фонарей, врываясь в окошки кареты, веселит в ней сидящую даму: это уже не перо, это молитва, и этому надобно сострадать! Конечно, многие из них тщеславятся перед народом как бы чем-то и высшим перчаток; между ними много чрезвычайно даже либеральных людей, почти республиканцев, а между тем нет-нет и скажется вдруг перчаточник. Эта слабость, эта мания к красотам высшего света с его устрицами и сторублевыми арбузами на балах, эта мания, — как ни невинна, но она породила, например у нас, даже крепостников особого рода между такими личностями, которые и душ-то своих никогда не имели; но, раз признав кареты и Михайловский театр за завершение культурного периода Российской истории, они вдруг стали совсем крепостниками по убеждению, и хотя вовсе не мыслят ничего закрепостить вновь, но, по крайней мере, плюют на народ со всею откровенностью и с видом самого полного культурного права. Вот они-то и сыплют на него удивительнейшие обвинения: связанного двести лет сряду дразнят пассивностью, бедного, с которого драли оброк, обвиняют в нечистоплотности, не наученного ничему обвиняют в ненаучности, а битого палками — в грубости нравов, а подчас готовы обвинить даже за то, что он не напомажен и не причесан у парикмахера из Большой Морской. Это вовсе не преувеличение, это буквально так, и вот в том-то всё и дело, что не преувеличение. У них отвращение от народа остервенелое, и если когда и похвалят народ, — ну, из политики, то наберут лишь громких фраз, для приличия, в которых сами не понимают ни слова, потому что сами себе через несколько строк и противоречат. Кстати, припоминаю теперь один случай, бывший со мною два с половиною года назад. Я ехал в вагоне в Москву и ночью вступил в разговор с сидевшим подле меня одним помещиком.

Сколько я мог разглядеть в темноте, это был сухенький человечек, лет пятидесяти, с красным и как несколько распухшим носом и, кажется, с больными ногами. Был он чрезвычайно порядочного типа — в манерах, в разговоре, в суждениях и говорил даже очень толково. Он говорил про тяжелое и неопределенное положение дворянства, про удивительную дезорганизацию в хозяйстве по всей России, говорил почти без злобы, но с строгим взглядом на дело и ужасно заинтересовал меня. И что же вы думаете: вдруг, как-то к слову, совершенно не заметив того, он изрек, что считает себя и в физическом отношении несравненно выше мужика и что это уж, конечно, бесспорно.

— То есть, вы хотите сказать, как тип нравственно развитого и образованного человека? — пояснил было я.

— Нет, совсем нет, совсем не одна нравственная, а прямо физическая природа моя выше мужицкой; я *телом* выше и лучше мужика, и это произошло от того, что в течение множества поколений мы перевоспитали себя в высший тип.

Спорить тут было нечего: этот слабый человечек, с золотушным красным носом и с больными ногами (в подагре, может быть, — дворянская болезнь) совершенно добросовестно считал себя физически, *телом*, выше и прекраснее мужика! Повторяю, в нем не было никакой злобы, но согласитесь, что этот беззлобный человек, даже и в беззлобии своем, может вдруг, при случае, сделать страшную несправедливость перед народом, совершенно невинно, спокойно и добросовестно, именно вследствие презрительного взгляда его на народ, — взгляда почти бессознательного, почти от него не зависящего.

Тем не менее собственную оплошность мою мне поправить необходимо. Я написал тогда об идеалах народа и о том, что мы, «как блудные дети, возвратясь домой, должны преклониться перед правдой народной и ждать от нее лишь одной мысли и образа. Но что, с другой стороны, и народ должен взять у нас нечто из того, что мы принесли с собой, что это *нечто* существует действительно, не мираж, имеет образ, форму и вес, и что, в противном случае, если не согласимся, то пусть уже лучше разойдемся и погибнем врозь». Вот это-то всем, как вижу теперь, и показалось неясным. Во-первых, стали спрашивать: что за такие идеалы у народа, перед которыми надо преклоняться; а во-вторых: что я подразумеваю под тою драгоценностью, которую мы принесли с собою и которую должен народ принять от нас sine qua non? И что не короче ли, наконец, не нам, а народу преклониться перед нами, единственно по тому одному, что мы Европа и культурные люди, а он лишь Россия и *пассивен*? Г-н Авсеенко положительно решает вопрос в этом смысле, но я уже не одному г-ну Авсеенко хочу теперь отвечать, а всем, не понявшим меня «культурным» людям, начиная с «коленкоровых манишек беспощадных Ювеналов» до недавних еще господ, провозгласивших, что у нас и *сохранять совсем нечего*. Итак, к делу; если б я не

погнался тогда за краткостью и разъяснил подробнее, то, конечно, можно бы было не согласиться со мной, но зато не искажать меня и не обвинять в неясности.

III. СБИВЧИВОСТЬ И НЕТОЧНОСТЬ СПОРНЫХ ПУНКТОВ

Нам прямо объявляют, что у народа нет вовсе никакой правды, а правда лишь в культуре и сохраняется верхним слоем культурных людей. Чтоб быть добросовестным вполне, я эту дорогую европейскую нашу культуру приму в самом высшем ее смысле, а не в смысле лишь карет и лакеев, именно в том смысле, что мы, сравнительно с народом, развились духовно и нравственно, очеловечились, огуманились и что тем самым, к чести нашей, совсем уже отличаемся от народа. Сделав такое беспристрастное заявление, я уже прямо поставлю перед собой вопрос: «Точно ли мы так хороши собой и так безошибочно окультурены, что народную культуру побоку, а нашей поклон? И, наконец, что именно мы принесли с собой из Европы народу?»

Но прежде, чем отвечать на такой вопрос, для порядку, устраним всякую речь, например, о науке, промышленности и проч., чем Европа справедливо может гордиться перед нашим отечеством. Такое устранение будет совершенно правильным, ибо вовсе не об том идет *теперь* дело; тем более, что и наука-то эта там в Европе, а мы-то сами, то есть верхние слои культурных людей в России, еще не очень блистаем наукой, несмотря на двухсотлетнюю школу, и что поклоняться нам, культурному слою, за науку во всяком случае еще рано. Так что наука вовсе не составляет какого-нибудь существенного и непримиримого различия между обоими классами русских людей, то есть между простонародьем и верхним культурным слоем, и выставлять науку как главное существенное различие наше от народа, повторяю, совсем неверно и было бы ошибкою, а различие надо искать совсем в другом. К тому же наука есть дело всеобщее, и не один какой-нибудь народ в Европе изобрел ее, а все народы, начиная с древнего мира, и это дело преемственное. С своей стороны русский народ никогда и не был врагом науки, мало того, она уже проникала к нам еще и до Петра. Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское прибрежье, лет сто тридцать раньше Петра. Если б завоевал его и завладел его гаванями и портами, то неминуемо стал бы строить свои корабли, как и Петр, а так как без науки их нельзя строить, то явилась бы неминуемо наука из Европы, как и при Петре. Наши Потугины бесчестят народ наш насмешками, что русские изобрели один самовар, но вряд ли европейцы примкнут к хору Потугиных. Слишком ясно и понятно, что всё делается по известным законам природы и истории и что не скудоумие, не низость способностей русского народа и не позорная лень причиною того, что

мы так мало произвели в науке и в промышленности. Такое-то дерево вырастает в столько-то лет, а другое вдвое позже его. Тут всё зависит от того, как был поставлен народ природой, обстоятельствами и что ему прежде всего надо было сделать. Тут причины географические, этнографические, политические, тысячи причин, и всё ясных и точных. Никто из здравых умом не станет укорять и стыдить тринадцатилетнего за то, что ему не двадцать пять лет. «Европа, дескать, деятельнее и остроумнее пассивных русских, оттого и изобрела науку, а они нет». Но пассивные русские, в то время как там изобретали науку, проявляли не менее изумляющую деятельность: они создавали царство и *сознательно* создали его единство. Они отбивались всю тысячу лет от жестоких врагов, которые без них низринулись бы и на Европу. Русские колонизировали дальнейшие края своей бесконечной родины, русские отстаивали и укрепляли за собою свои окраины, да так укрепляли, как теперь мы, культурные люди, и не укрепим, а, напротив, пожалуй, еще их расшатаем. К концу концов, после тысячи лет — у нас явилось царство и политическое единство беспримерное еще в мире, до того, что Англия и Соединенные Штаты, единственные теперь оставшиеся два государства, в которых политическое единство крепко и своеобразно, может быть, в этом нам далеко уступят. Ну, а взамен того в Европе, при других обстоятельствах политических и географических, возросла наука. Но зато, вместе с ростом и с укреплением ее, расшаталось нравственное и политическое состояние Европы почти повсеместно. Стало быть, у всякого свое, и еще неизвестно, кому придется завидовать. Мы-то науку во всяком случае приобретем, ну а неизвестно еще, что станется с политическим единством Европы? Может быть, немцы, всего еще лет пятнадцать тому назад, согласились бы променять половину своей научной славы на такую силу политического единства, которая была у нас уже очень давно. И немцы теперь достигли крепкого политического единства, по крайней мере по своим понятиям, но тогда у них еще не было Германской империи, и, уж конечно, они нам завидовали про себя, несмотря на всё их презрение к нам. Итак, не об науке и не о промышленности надо поставить вопрос, а собственно о том, чем мы, культурные люди, возвратясь из Европы, стали *нравственно, существенно* выше народа и какую такую недосягаемую драгоценность принесли мы ему в форме нашей европейской культуры? Почему мы люди *чистые,* а народ всё еще человек черный, почему мы всё, а народ ничего? Я утверждаю, что в этом между нами, культурными людьми, чрезвычайная неясность и что мало кто из «культурных» на это ответит правильно. Напротив, тут — кто в лес, кто по дрова, а насмешки над тем, зачем сосна не выросла в семь лет, а требует всемеро больше для росту лет, — еще до того обыденны и обыкновенны, что не редкость их услышать даже и не от одних Потугиных, а и от людей гораздо повыше их по развитию. О г-не Авсеенко уж и не упо-

минаю. А затем прямо обращаюсь к вопросу, поставленному вверху главы: точно ли мы так хороши собой и так безошибочно окультурены, что народную культуру побоку, а нашей поклон? И если мы и несем что с собой, то что именно? На это прямо отвечу, что мы гораздо хуже народа, и почти во всех отношениях.

Нам говорят, что в народе чуть деятель, то тотчас кулак и мошенник. (Это не один г-н Авсеенко утверждает, да и вообще г-н Авсеенко никогда и ничего не скажет нового.) Во-первых, это неправда, а во-вторых, разве между культурными Русскими не такие же кулаки и мошенники поминутно? Да чуть ли не больше еще, и это тем стыднее, потому что они окультурены, а народ нет. Но главное в том, что вовсе нельзя сказать про народ, что чуть в нем объявится деятель, то в большинстве выйдет кулак и мошенник. Не знаю, где выросли утверждающие это, я же с детства и во всю жизнь мою видел совсем другое. Мне было всего еще девять лет от роду, как, помню, однажды, на третий день светлого праздника, вечером, часу в шестом, всё наше семейство, отец и мать, братья и сестры, сидели за круглым столом, за семейным чаем, а разговор шел как раз о деревне и как мы все отправимся туда на лето. Вдруг отворилась дверь, и на пороге показался наш дворовый человек, Григорий Васильев, сейчас только из деревни прибывший. В отсутствие господ ему даже поручалось управление деревней, и вот вдруг вместо «управляющего», всегда одетого в немецкий сюртук и имевшего солидный вид, явился человек в старом зипунишке и в лаптях. Из деревни пришел пешком, а войдя, стал в комнате, не говоря ни слова.

— Что это? — крикнул отец в испуге. — Посмотрите, что это?

— Вотчина сгорела-с! — пробасил Григорий Васильев.

Описывать не стану, что за тем последовало; отец и мать были люди небогатые и трудящиеся — и вот такой подарок к светлому дню! Оказалось, что всё сгорело, всё дотла: и избы, и амбар, и скотный двор, и даже яровые семена, часть скота и один мужик, Архип. С первого страху вообразили, что полное разорение. Бросились на колена и стали молиться, мать плакала. И вот вдруг подходит к ней наша няня, Алена Фроловна, служившая у нас по найму, вольная то есть, из московских мещанок. Всех она нас, детей, взрастила и выходила. Была она тогда лет сорока пяти, характера ясного, веселого, и всегда нам рассказывала такие славные сказки! Жалованья она не брала у нас уже много лет: «Не надо мне», и накопилось ее жалованья рублей пятьсот, и лежали они в ломбарде, — «на старость пригодится» — и вот она вдруг шепчет маме:

— Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо. . .

Денег у ней не взяли, обошлись и без того. Но вот вопрос: к какому типу принадлежала эта скромная женщина, давно уже теперь умершая, и умершая в богадельне, где ей очень ее деньги понадобились. Ведь, я думаю, таких нельзя сопричислить к кула-

кам и мошенникам, а если нельзя, то как определить ее поступок: явилась ли она с ним лишь «на степени стихийного существования, замкнутого, идиллического быта и пассивной жизни», — или проявила что-нибудь поэнергичнее пассивности? Очень любопытно бы послушать, как разрешил бы это г-н Авсеенко. Мне с презрением ответят, что это единичный случай; но я и один успел вот заметить в жизни моей таких случаев многие сотни в нашем простонародье, а между тем я твердо знаю, что есть и другие наблюдатели, тоже умеющие смотреть на народ без плевка. Не помните ли вы, как в «Семейной хронике» Аксакова мать умолила в слезах мужиков перевести ее через широкую Волгу в Казань, к больному ребенку, по тонкому льду, весною, когда уже несколько дней никто не решался ступить на лед, взломавшийся и прошедший всего только несколько часов спустя по переходе. Помните ли вы прелестное описание этого перехода, и как потом, когда перешли, мужики и денег брать не хотели, понимая, что сделали всё из-за слез матери и для Христа бога нашего. Происходило же это в самое темное время крепостного права! Что же, всё это единичные факты? А если и похвальные, — то лишь «на степени стихийного существования, замкнутого, идиллического быта и пассивной жизни»? Да так ли? единичные ли, случайные ли это только факты? Деятельный риск собственною жизнию из сострадания к горю матери — можно ли считать лишь пассивностью? Не из правды ли, напротив, народной, не *из милосердия ли и всепрощения и широкости взгляда народного* произошло это, да еще в самое варварское время крепостного права? Да народ и веры не знает, скажете вы, он и молитвы не умеет прочесть, он поклоняется доске и лепечет какой-то вздор про святую пятницу и про Фрола и Лавра. На это отвечу вам, что вот эти-то мысли и явились у вас из продолжающегося презрения вашего к русскому народу и упорно сохраняющемуся в русском культурном типе. Мы о вере народа и о православии его имеем всего десятка два либеральных и блудных анекдотов и услаждаемся глумительными рассказами о том, как поп исповедует старуху или как мужик молится пятнице. Если б г-н Авсеенко действительно понимал то, что он написал о вере народной, спасшей Россию, а не выписал бы у славянофилов, то не оскорбил бы народа тут же сейчас, обозвав его чуть не сплошь «кулаком и мироедом». Но в том и дело, что эти люди ровно ничего не понимают в православии, а потому ровно ничего не поймут никогда и в народе нашем. Знает же народ Христа бога своего, может быть, еще лучше нашего, хоть и не учился в школе. Знает, — потому что во много веков перенес много страданий и в горе своем всегда, с начала и до наших дней, слыхивал об этом боге-Христе своем от святых своих, работавших на народ и стоявших за землю русскую до положения жизни, от тех самых святых, которых чтит народ доселе, помнит имена их и у гробов их молится. Поверьте, что в этом смысле даже самые темные слои

парода нашего образованны гораздо больше, чем вы в культурном вашем неведении об них предполагаете, а может быть, даже образованнее и вас самих, хоть вы и учились катехизису.

IV. БЛАГОДЕТЕЛЬНЫЙ ШВЕЙЦАР, ОСВОБОЖДАЮЩИЙ РУССКОГО МУЖИКА

Вот что пишет г-н Авсеенко в мартовской статье своей. Мне хочется быть совершенно беспристрастным, а потому позволю себе эту очень большую выписку, чтоб не сказали, что я лишь надергал фраз. К тому же эти именно слова г-на Авсеенки я считаю теперь общим западническим мнением о русском народе, а потому очень рад случаю ответить:

«...Для нас важно, при каких условиях образованное меньшинство у нас впервые внимательно заглянуло через стену, отделявшую его от народа. Несомненно, что открывшееся его глазам должно было поразить его и во многих отношениях удовлетворить внутренним потребностям, в нем сказавшимся. Люди, недовольные ролью приемышей западной цивилизации, нашли там идеалы совершенно отличные от европейских и тем не менее прекрасные. Люди, разочарованные и, по тогдашнему выражению, раздвоенные заимствованною культурой, нашли там простые, цельные натуры, силу веры, напоминавшую первые века христианства, суровую свежесть патриархального быта. Контраст между двумя жизнями, как мы сказали уже, должен был производить эффект чрезвычайный, неотразимый. Захотелось освежиться в невозмущенных волнах этого стихийного существования, подышать чистым воздухом полей и лесов. Лучшие люди были поражены тем, что в этом стоячем быту, чуждом не только образованности, но и простой грамотности, являются черты такого душевного величия, перед которыми должно преклониться просвещенное меньшинство. Все эти впечатления создали огромный запрос на сближение с народом.

Но что именно понималось под этим сближением с народом? Народные идеалы только потому и были ясны, что народная жизнь текла бесконечно далеко от жизни образованного круга, что условия и содержание этих двух жизней были совершенно различны. Вспомним, что люди малообразованные, жившие очень близко к народу, давно уже практически и материально удовлетворившие этому запросу на сближение, совсем не замечали прекрасных народных идеалов и твердо верили, что мужик — собака и канальня. Это очень важно потому, что свидетельствует, до какой степени на практике слабо воспитательное значение народных идеалов и как мудрено ожидать от них спасения. Чтобы понять эти идеалы и возвести их в перл создания, необходима известная высота культурного уровня; поэтому мы считаем себя вправе сказать, что самое поклонение народным идеалам было у нас продуктом усвоенной европейской культуры и что без нее мужик в наших глазах до сих пор оставался бы собакой и канальей. Стало быть, главное зло, общее зло для нас и для народа, заключалось не в „культуре“, а в слабости культурных начал, в недостаточности нашей „культуры“».

Какое удивительное и неожиданное заключение! Тут, в этом хитреньком подборе слов, всего важнее вывод, что народные начала (и православие вместе с ними, потому что, в сущности, все народные начала у нас сплошь вышли из православия) не имеют

никакой культурной силы, ни малейшего воспитательного значения, так что за всем этим нам необходимо было отправляться в Европу. Не оттого, видите ли, «малообразованные люди, жившие очень близко к народу», всё еще не замечали «прекрасных народных идеалов» и твердо продолжали верить, что мужик «собака и каналья», — не оттого, что они уже были развращены культурой до конца ногтей, несмотря на малообразованность свою, и уже оторвались от народа, хотя и жили к нему близко, но потому, что культуры, видите ли, было еще недостаточно. Тут, главное, — злостная инсинуация на слабость воспитательного значения народных начал и вывод, что, стало быть, они ни к чему и не ведут, а ведет ко всему культура. Что до меня, я уже давно заявил, что мы начали нашу европейскую культуру с разврата. Но вот что при этом надо заметить особенно: вот эти-то малообразованные, но уже успевшие окультуриться люди, окультуриться хотя бы только слабо и наружно, всего только в каких-нибудь привычках своих, в новых предрассудках, в новом костюме, — вот эти-то всегда и начинают именно с того, что презирают прежнюю среду свою, свой народ и даже веру его, иногда даже до ненависти. Так случается с иными высшими «графскими лакеями», маленькими, выскочившими в дворянство чиновничишками и проч., и проч. Они еще сильнее презирают народ, чем «большие господа», гораздо уже правильнее их окультуренные, и удивляться этому, как делает г-н Авсеенко, вовсе нечего. В первом январском выпуске моего «Дневника» я припомнил одно мое еще детское впечатление: картинку фельдъегеря, бившего мужика. Фельдъегерь этот, без сомнения, был близок к народу, он всю жизнь провел на большой дороге, а между тем презирал и бил его, — почему? Потому что был уже ужасно отдален от народа, хотя и жил к нему близко. Без всякого сомнения, он не получил ни малейшей высшей культуры, но зато получил фельдъегерский мундир с фалдочками, который давал ему право бить без контроля и «сколько влезет». И он гордился своим мундиром и считал себя безмерно выше мужика. Почти так поставлен бывал и помещик, усадьба которого была каких-нибудь в ста шагах от мужицких изб; но не в ста шагах было дело, а в том, что человек вкусил уже от разврата цивилизации. Он и близок к народу, всего в ста шагах; но на этом пространстве ста шагов уместилась целая пропасть. Окультурен этот помещик мог быть действительно всего только капельку, ну а развращен этой капелькой был уже окончательно. Так должно было быть именно в начале реформы и в большинстве. Но замечу твердо, что и тут г-н Авсеенко несведущ, как младенец: не все, вовсе не все малообразованные люди были развращены и презирали народ даже и в то время, но бывали, напротив, и такие из них, на которых начала народные не переставали производить чрезвычайное воспитательное значение. Такой слой уцелел и велся даже с самой реформы Петра, вплоть до нашего времени. Было множество, великое даже множество, вкусив-

ших от культуры и воротившихся опять к народу и к идеалам народным, не теряя своей культуры. Впоследствии из этого слоя «верных» и выделился слой славянофилов, людей, уже высоко окультуренных европейской цивилизацией. Но не высокая европейская цивилизация славянофилов была причиною того, что они остались верны народу и народным началам, вовсе нет, а, напротив, неиссякаемое, непрестанное воспитательное действие народных начал на ум и развитие того слоя истинно русских людей, который, силою природных свойств своих, в состоянии был противустать силе цивилизации, не уничтожаясь лично до нуля, слоя, шедшего, повторяю это, с самого начала реформы. Я полагаю, что для многих славянофилы наши — как с неба упали, а не ведут свой род еще с реформы Петра, как протест всему, что в ней было неверного и фанатически исключительного. Но, повторяю опять, бывали и мало окультуренные люди, никогда не считавшие народ за собаку и каналью. Они не потеряли своего христианства и смотрели на народ как на младшего брата, а не как на собаку. Но наши культурные люди вряд ли про это знают, а если и знают, то факты эти презирают и в соображение не берут и не возьмут ни за что, потому что эти, не потерявшие своего христианства мало окультуренные люди прямо бы противоречили основному и победоносному их тезису о малой воспитательности народных начал. Им бы пришлось согласиться тогда, что не народные начала были так слабы и невоспитательны, а, напротив, культура была уже слишком развратна, хотя только что еще начиналась, а потому и успела погубить такое множество *нетвердых* людей. (Нетвердых людей ведь всегда большинство.) Г-н Авсеенко потому и заключает прямо, что «зло, главное зло, общее зло для нас и для народа, заключалось не в культуре, а в слабости культурных начал», а потому надо было поскорее бежать в Европу, чтоб там докультуриться уж до того, чтобы уж не считать мужика за собаку и каналью.

Так у нас и делали: и сами в Европу ездили, и оттуда учителей к себе привозили. Перед революцией французской, во времена Руссо и переписки императрицы с Вольтером, была у нас мода на учителей швейцарцев

...И просвещение несущий всем швейцар.[1]

«Приезжай, бери деньги, только огумань и очеловечь», — действительно была тогда такая мода. У Тургенева в «Дворянском

---

[1] Стих, кажется, графа Хвостова. Я помню даже четверостишие, в котором поэт перечисляет все народы Европы:

Турк, Перс, Прусс, Франк и мстительный Гишпанец,
Итальи сын и сын наук Германец,
Меркантилизма сын, стрегущий свой товар,
(то есть Англичанин)
И просвещение несущий всем Швейцар...

гнезде» великолепно выведен мельком один портрет тогдашнего окультурившегося в Европе дворянчика, воротившегося к отцу в поместье. Он хвастал своею гуманностью и образованностью. Отец стал его укорять за то, что он сманил дворовую невинную девушку и обесчестил, а тот ему: «А что ж, я и женюсь». Помните эту картинку, как отец схватил палку, да за сыном, а тот в английском синем фраке, в сапогах с кисточками и в лосинных панталонах в обтяжку — от него через сад, через гумно, да во все лопатки! И что же, хоть и убежал, а через несколько дней взял да и женился, во имя идей Руссо, носившихся тогда в воздухе, а пуще всего из блажи, из шатости понятий, воли и чувств и из раздраженного самолюбия: «Вот, дескать, посмотрите все, каков я есть!» Жену свою потом он не уважал, забросил, измучил в разлуке и третировал ее с глубочайшим презрением, дожил до старости и умер в полном цинизме, злобным, мелким, дрянным старичишкой, ругаясь в последнюю минуту и крича сестре: «Глашка, Глашка, дура, бульонцу, бульонцу!» Какая прелесть этот рассказ у Тургенева и какая правда! А между тем этот был уже значительно окультурен; но г-н Авсеенко не про то говорит: он требует настоящей культуры, то есть нашего уже времени, вот той самой, которая наконец до того докультурила наших петербургских помещиков, что они рыдали, читая «Антона Горемыку», а потом взяли да и освободили крестьян с землей и прежним собакам и канальям положили говорить теперь *вы*. Какой в самом деле прогресс! Рассмотрели, впрочем, потом, что эти, рыдавшие над Антоном Горемыкой помещики до того, по ближайшем изучении их, оказались не понимающими ни народа, ни жизни его, ни народных начал, что почти принимали русских мужиков за каких-то французских поселян или за пастушков с фарфоровых чашек, а когда началась долгая и трудная работа правительства по освобождению крестьян, то некоторые из мнений сих высоких даже помещиков поразили почти анекдотическим неведением предмета, деревни, жизни народной и всего прочего, относящегося до народных начал. А между тем г-н Авсеенко именно утверждает, что европейская-то культура и способствовала постижению народных идеалов, а сами народные начала лишены всякого воспитательного значения. Надо полагать, что для постижения народных идеалов надо было ездить в Париж или, по крайней мере, в водевильчик в Михайловский театр, к которому подъезжают кареты. Но пусть, пусть прогресс и понимание русских начал досталось нам единственно лишь из Европы, пусть: хвала культуре! Вот она, настоящая-то культура, до чего доводит людей, восклицает сонм г-д Авсеенок! И что такое перед нею какие-то там народные началишки, с православием во главе, — никакой воспитательной силы не имеют, долой их!

Положим. Но вот на что ответьте, однако же, господа, всего только на один вопрос: эти учителя-то наши, европейцы-то, швейцары-то эти все благодетельные, научившие нас освободить кре-

стьян с землею, они-то почему там у себя в Европе никого не освободили, да не только с землей, а и просто в чем мать родила, и это повсеместно. Почему в Европе освобождение произошло не от владетелей, не от баронов, не от помещиков, а восстанием и бунтом, огнем и мечом и реками крови? А если и освободили где без рек крови, то везде и повсеместно на пролетарских началах, в виде совершенных рабов. А мы-то кричим, что научились освобождать у европейцев! «Окультурились, дескать, и перестали считать мужика за собаку и каналью». Ну, а почему же во Франции, да и повсеместно в Европе, всякого пролетария, всякого ничего не имеющего работника — до сих пор считают за собаку и каналью, — и уж в этом, конечно, вы не заспорите. Прямо по закону ему, конечно, нельзя сказать, что он собака и каналья; но зато сделать всё можно с ним именно как с собакой и канальей, а хитрый закон требует только, чтобы соблюдена была при этом надлежащая учтивость. «Учтив буду, а хлеба не дам, — хоть умри сейчас с голоду, как собака», — вот как теперь в Европе. Как же это так? Что за противоречие? Как же это они нас-то научили прямо противоположному? Нет, господа, тут у нас, видно, что-то произошло совсем другое, да и совсем не так, как вы говорите. Ведь рассудите: если б мы чрез культуру только перестали считать мужика за собаку и каналью, то уж наверно и освободили бы его на культурных основаниях, то есть на пролетарских началах, как в Европе учители наши: «Ступай, дескать, милый брат наш, на свободу, в чем мать родила, да еще за честь почитай». Вот в Остзейском крае точь-в-точь ведь так освобожден был народ, а почему? А потому, что остзейцы — европейцы, а мы всего только русские. Выходит, стало быть, что мы и сделали это дело как русские, а совсем уж не как культурные европейцы, и освободили народ с землей лишь на удивление и ужас европейских учителей наших и всех благодетельных швейцаров. Да, на ужас: там раздались тревожные голоса, не помните, что ли? Закричали даже про коммунизм. Помните словечко теперь уже умершего Гизо об освобождении народа нашего: «Как же вы хотите после того, чтоб мы вас не боялись», — сказал он тогда одному русскому. Нет-с, освободили мы народ с землей не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что сознали в себе русских людей с царем во главе, точь-в-точь как мечтал сорок лет тому помещик Пушкин, проклявший в ту именно эпоху свое европейское воспитание и обратившийся к народным началам. *Во имя этих-то народных начал* и освобожден был русский народ с землею, а не потому, что так научила Европа; напротив, именно потому, что все мы вдруг, в первый раз, решились преклониться перед народной правдой. Это был не только великий момент русской жизни, в который русские культурные люди в первый раз решились поступить своеобразно, но и пророческий момент русской жизни. И, может быть, очень скоро начнет сбываться пророчество. . .

Но... но здесь я пока перерву. Я вижу, что эта статья займет в «Дневнике» всё место. Итак, до следующего, майского «Дневника» моего. И, конечно, я оставляю на майский № самую существенную часть моего объяснения. Перечислю, для памяти, что в нее войдет. Я хочу указать на совершенную несостоятельность и даже ничтожность именно *той стороны* нашей культуры, которую иные господа считают, напротив, нашим светом, единственным спасением и славой нашей перед народом, с высоты которой плюют они на народ и считают себя в полном праве плевать. Ибо хвалить «народные начала», восхищаться ими и тут же уверять, что в них нет никакой силы, никакого воспитательного значения и что всё это лишь одна «пассивность», — значит плевать на эти начала. Утверждать, например, как г-н Авсеенко, что народ есть не более как «странник, который сам еще не выбрал себе дороги», и что «ждать мысли и образа от этой загадки, от этого сфинкса, не нашедшего еще для себя самого ни мысли, ни образа, — есть ирония», — утверждать это, говорю я, значит лишь совершенно не знать того предмета, о котором толкуешь, то есть вовсе не знать народа. Я хочу именно указать, что народ вовсе не так безнадежен, вовсе не так подвержен шатости и неопределенности, как, напротив, подвержен тому и заражен тем наш русский культурный слой, которым эти все господа гордятся как драгоценнейшим, двухсотлетним приобретением России. Я хотел бы, наконец, указать, что в народе нашем вполне сохранилась та твердая сердцевина, которая спасет его от излишеств и уклонений нашей культуры и выдержит грядущее к народу образование, без ущерба лику и образу народа русского. Если же я и сказал, что «парод загадка», то совсем не в том смысле, в каком поняли меня эти господа. В конце концов, я хочу разъяснить вполне, как сам понимаю, тот сбивчивый вопрос, который сам собою представляется после всех этих препирательств: «Что же, если мы, окультуренный русский слой, так уже слабы и шатки перед народом, то что в таком случае можем мы принести ему такого драгоценного, перед чем бы он должен преклониться и принять эту драгоценность от нас sine qua non», как сам я выразился в февральском моем «Дневпике»? Вот эту сторону нашей культуры, которую и надо считать за драгоценность и на которую, напротив, все эти господа *до сих пор еще* не обратили ни малейшего внимания, я и хочу указать и разъяснить. Итак — до майского номера. Что до меня, занимательнее и *настоятельнее* этих вопросов я ничего не могу и представить себе, не знаю, как читатель. Но обещаюсь из всех сил написать покороче, а о г-не Авсеенко постараюсь даже совсем не упоминать больше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. НЕЧТО О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ

Все говорят о политических текущих вопросах и все чрезвычайно интересуются; да как и не интересоваться? Меня вдруг, ужасно серьезно, спросил один очень серьезный человек, встретясь со мной нечаянно: «Что, будет война или нет?» Я был очень удивлен: хоть я и горячо слежу за событиями, как и все мы теперь, но о неминуемости войны даже и вопроса не ставил. И, кажется, я был прав: в газетах возвещают о предстоящем и весьма близком свидании в Берлине трех канцлеров, и, уж конечно, это бесконечное герцеговинское дело будет тогда улажено и, вероятнее всего, весьма удовлетворительным для русского чувства образом. Признаюсь, меня не очень-то смутили и слова этого барона Родича, еще месяц назад, и, право, только позабавили, когда я первый раз читал о них. Потом из-за этих слов подняли шум. А между тем мне кажется, что барон Родич не только не хотел никого уколоть, но даже и «политики» тут никакой в словах его не было, а просто он обмолвился, сболтнул, брякнул о бессилии России вздор. Мне даже кажется, что он, перед тем как выразиться об нашем бессилии, сам про себя думал так: «Уж если мы сильнее России, стало быть, Россия совсем бессильна. А мы действительно сильнее, потому что Берлин нас никогда не отдаст России. О, Берлин допустит, может быть, чтоб мы подрались с Россией, но единственно для своего удовольствия и чтоб получше высмотреть: кто кого и какие у каждого из нас средства? Но если нас Россия победит и сильно припрет к стене, то Берлин скажет ей: „Стой, Россия!“ — и в большую, то есть в очень большую обиду нас ни за что не даст, а так разве в маленькую. А так как Россия не решится идти на нас и на Берлин вместе, то дело и кончится для нас без большого вреда; но зато у нас шанс, что если мы побьем Россию, то можем вдруг много выиграть. Итак, шанс выиграть с одной стороны очень много и, в случае если нас победит Россия, проиграть очень мало — это очень хорошо, очень политично! А Берлин нам друг: он очень нас любит, потому что хочет взять у нас наши немецкие владения и возьмет их непременно, и, может быть, довольно скоро; но так как он очень нас за это любит, то непременно и вознаградит нас за отнятые у нас им немецкие наши владения и отдаст нам за них право на турецких славян. Это он непременно сделает, потому что ему будет очень выгодно это сделать, ибо мы, если и вознаградимся славянами, все-таки совсем перед ним не усилимся, ну, а если Россия вознаградится славянами, то Россия даже и перед Берлином усилится. Вот почему славяне и достанутся нам, а не России; вот почему я и не утерпел и сказал это в речи моей славянским вождям. Надо же их приготовлять исподволь к хорошим идеям. . .»

Мысли эти очень могут быть не только у Родича, но и вообще у австрийцев. И, уж конечно, тут много хаоса. Представить только себе, что славяне подпадут под власть Австрии, и она, первым делом, начнет их онемечивать, и даже потеряв уже свои немецкие владения! Верно, однако же, то, что в Европе и не одна Австрия наклонна верить в бессилие России, а во-вторых — в непременную жажду России захватить как можно скорее славян в свою власть. Самый полный переворот в политической жизни России наступит именно тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать. Тогда наступит новая эра и для нас, и для всей Европы. Убеждение в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслию, что Россия будто бы «пока бессильна».

И это хорошо, что она так наклонна думать. Я убежден, что самая страшная беда сразила бы Россию, если б мы победили, например, в Крымскую кампанию и вообще одержали бы тогда верх над союзниками! Увидав, что мы так сильны, все в Европе восстали бы на нас тогда тотчас же, с фанатическою ненавистью. Они подписали бы, конечно, невыгодный для себя мир, если б были побеждены, но никогда никакой мир не мог бы состояться на самом деле. Они тотчас же бы стали готовиться к новой войне, имеющей целью уже истребление России, и, главное, за них стал бы весь свет. 63-й год, например, не обошелся бы нам тогда одним обменом едких дипломатических нот: напротив, осуществился бы всеобщий крестовый поход на Россию. Мало того, этим крестовым походом некоторые европейские правительства непременно поправили бы тогда свои внутренние дела, так что он во всех отношениях был бы им выгоден. Революционные партии и все недовольные тогдашним правительством во Франции, например, немедленно примкнули бы к правительству, ввиду «священнейшей цели» — изгнания России из Европы, и война явилась бы народною. Но нас тогда сберегла судьба, доставив перевес союзникам, а вместе с тем и сохранив всю нашу военную честь и даже еще возвеличив ее, так что поражение еще можно было перенести. Одним словом, поражение мы перенесли, но бремя победы над Европой ни за что бы не перенесли, несмотря на всю нашу живучесть и силу. Нас точно так же спасла уже раз судьба, в начале столетия, когда мы свергли с Европы иго Наполеона I, — спасла именно тем, что дала нам тогда в союзники Пруссию и Австрию. Если б мы тогда одни победили, то Европа,

чуть только бы оправилась после Наполеона I, тотчас, и без Наполеона, бросилась бы опять на нас. Но, слава богу, случилось иначе: Пруссия и Австрия, которых мы же освободили, немедленно приписали себе всю честь побед, а впоследствии, теперь то есть, уже прямо утверждают, что тогда победили они одни, а Россия только мешала.

И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», — завоевание Кавказа например. Первая же война с Турцией, при покойном государе, и вскоре после того последовавшая тогда разделка наша с Польшей чуть было не произвели взрыва во всей Европе. Они теперь «простили» нам, повидимому, наши недавние приобретения в Средней Азии, а, однако, как ведь квакают там у себя, успокоиться не могут.

Тем не менее ход событий, кажется, должен изменить отношения к России европейских народов в весьма недалеком будущем. В прошлом мартовском «Дневнике» моем я изложил несколько мечтаний моих о близком будущем Европы. Но уже не мечтательно, а почти с уверенностью можно сказать, что даже в скором, может быть ближайшем, будущем Россия окажется сильнее всех в Европе. Произойдет это от того, что в Европе уничтожатся все великие державы, и по весьма простой причине: они все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных, своих пролетариев и нищих. В России же этого не может случиться совсем: наш демос доволен, и чем далее, тем более будет удовлетворен, ибо всё к тому идет, общим настроением или, лучше, согласием. А потому и останется один только колосс на континенте Европы — Россия. Это случится, может быть, даже гораздо ближе, чем думают. Будущность Европы принадлежит России. Но вопрос: что будет тогда делать Россия в Европе? Какую роль играть в ней? Готова ли она к этой роли?

II. ПАРАДОКСАЛИСТ

Кстати, насчет войны и военных слухов. У меня есть один знакомый парадоксалист. Я его давно знаю. Это человек совершенно никому не известный и характер странный: он *мечтатель*. Об нем я непременно поговорю подробнее. Но теперь мне припомнилось, как однажды, впрочем уже несколько лет тому, он раз заспорил со мной о войне. Он защищал войну вообще и, может быть, единственно из игры в парадоксы. Замечу, что он «статский» и самый мирный и незлобивый человек, какой только может быть на свете и у нас в Петербурге.

— Дикая мысль, — говорил он, между прочим, — что война

есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима.

— Помилуйте, народ идет на народ, люди идут убивать друг друга, что тут необходимого?

— Всё и в высшей степени. Но, во-первых, ложь, что люди идут убивать друг друга: никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственною жизнью — вот что должно стоять на первом плане. Это же совсем другое. Нет выше идеи, как пожертвовать собственною жизнию, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее. Тут потребность.

— Да разве человечество любит войну?

— А как же? Кто унывает во время войны? Напротив, все тотчас же ободряются, у всех поднят дух, и не слышно об обыкновенной апатии или скуке, как в мирное время. А потом, когда война кончится, как любят вспоминать о ней, даже в случае поражения! И не верьте, когда в войну все, встречаясь, говорят друг другу, качая головами: «Вот несчастье, вот дожили!» Это лишь одно приличие. Напротив, у всякого праздник в душе. Знаете, ужасно трудно признаваться в иных идеях: скажут, — зверь, ретроград, осудят; этого боятся. Хвалить войну никто не решится.

— Но вы говорите о великодушных идеях, об очеловечении. Разве не найдется великодушных идей без войны? Напротив, во время мира им еще удобнее развиться.

— Совершенно напротив, совершенно обратно. Великодушие гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука и много — много что злобная насмешка, да и то почти для праздной забавы, а не для дела. Положительно можно сказать, что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, — главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир — все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают всё. Остается под конец лишь одно лицемерие — лицемерие чести, самопожертвования, долга, так что, пожалуй, их еще и будут продолжать уважать, несмотря на весь цинизм, но только лишь на красных словах для формы. Настоящей чести не будет,

а останутся формулы. Формулы чести — это смерть чести. Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Наслаждения не утончаются, а грубеют. Грубое богатство не может наслаждаться великодушием, а требует наслаждений более скоромных, более близких к делу, то есть к прямейшему удовлетворению плоти. Наслаждения становятся плотоядными. Сластолюбие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость. Вы никак не можете всего этого отрицать, потому что нельзя отрицать главного факта: что социальный перевес во время долгого мира всегда под конец переходит к грубому богатству.

— Но наука, искусства — разве в продолжение войны они могут развиваться; а это великие и великодушные идеи.

— Тут-то я вас и ловлю. Наука и искусства именно развиваются всегда в первый период после войны. Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. Напротив, в долгий мир и наука глохнет. Без сомнения, занятие наукой требует великодушия, даже самоотвержения. Но многие ли из ученых устоят перед язвой мира? Ложная честь, самолюбие, сластолюбие захватят и их. Справьтесь, например, с такою страстью как зависть: она груба и пошла, но она проникнет и в самую благородную душу ученого. Захочется и ему участвовать во всеобщей пышности, в блеске. Что значит перед торжеством богатства торжество какого-нибудь научного открытия, если только оно не будет так эффектно, как, например, открытие планеты Нептун. Много ли останется истинных тружеников, как вы думаете? Напротив, захочется славы, вот и явится в науке шарлатанство, гоньба за эффектом, а пуще всего утилитаризм, потому что захочется и богатства. В искусстве то же самое: такая же погоня за эффектом, за какою-нибудь утонченностью. Простые, ясные, великодушные и здоровые идеи будут уже не в моде: понадобится что-нибудь гораздо поскоромнее; понадобится искусственность страстей. Мало-помалу утратится чувство меры и гармонии; явятся искривления чувств и страстей, так называемые утонченности чувства, которые в сущности только их огрубелость. Вот этому-то всему подчиняется всегда искусство в конце долгого мира. Если б не было на свете войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой. Подите в трагедию, смотрите на статуи: вот Гораций Корнеля, вот Аполлон Бельведерский, поражающий чудовище...

— А Мадонны, а христианство?

— Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не прейдет до кончины мира: это очень замечательно и поражает. О, без сомнения, в высшем, в нравственном смысле оно отвергает войны и требует братолюбия. Я сам первый возрадуюсь, когда раскуют мечи на орала. Но вопрос: когда это может случиться? И стоит ли расковывать теперь мечи на орала? Теперешний мир всегда и везде хуже войны, до того хуже, что

даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего сохранять, совестно и пошло сохранять. Богатство, грубость наслаждений порождают лень, а лень порождает рабов. Чтоб удержать рабов в рабском состоянии, надо отнять от них свободную волю и возможность просвещения. Ведь вы же не можете не нуждаться в рабе, кто бы вы ни были, даже если вы самый гуманнейший человек? Замечу еще, что в период мира укореняется трусливость и бесчестность. Человек по природе своей страшно наклонен к трусливости и бесстыдству и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну: он чувствует в ней лекарство. Война развивает братолюбие и соединяет народы.

— Как соединяет народы?

— Заставляя их взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы. Это даже странный факт, что война менее обозляет, чем мир. В самом деле, какая-нибудь политическая обида в мирное время, какой-нибудь нахальный договор, политическое давление, высокомерный запрос — вроде как делала нам Европа в 63-м году — гораздо более обозляют, чем откровенный бой. Вспомните, ненавидели ли мы французов и англичан во время крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, ласкали их пленных; наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух. А про материальные бедствия войны я и говорить не стану: кто не знает закона, по которому после войны всё как бы воскресает силами. Экономические силы страны возбуждаются в десять раз, как будто грозовая туча пролилась обильным дождем над иссохшею почвой. Пострадавшим от войны сейчас же и все помогают, тогда как во время мира целые области могут вымирать с голоду, прежде чем мы почешемся или дадим три целковых.

— Но разве народ не страдает в войну больше всех, не несет разорения и тягостей, неминуемых и несравненно больших, чем высшие слои общества?

— Может быть, но временно; а зато выигрывает гораздо больше, чем теряет. Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия. Как хотите, будьте самым гуманным человеком, но вы все-таки считаете себя выше простолюдина. Кто меряет в наше время душу на душу, христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой, — и простолюдин это отлично знает всей своей массой. Тут не то что зависть, — тут является какое-то невыносимое чувство нравственного неравенства, слишком язвительного для простонародия. Как ни освобождайте и какие ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится

в теперешнем обществе. Единственное лекарство — война. Пальятивное, моментальное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнию за общее дело, за всех, за отечество. Неужели вы думаете, что масса, самая даже темная масса мужиков и нищих, не нуждается в потребности *деятельного* проявления великодушных чувств? А во время мира чем масса может заявить свое великодушие и человеческое достоинство? Мы и на единичные-то проявления великодушия в простонародье смотрим, едва удостоивая замечать их, иногда с улыбкою недоверчивости, иногда просто не веря, а иногда так и подозрительно. Когда же поверим героизму какой-нибудь единицы, то тотчас же наделаем шуму, как перед чем-то необыкновенным; и что же выходит: наше удивление и наши похвалы похожи на презрение. Во время войны всё это исчезает само собой, и наступает полное равенство героизма. Пролитая кровь важная вещь. Взаимный подвиг великодушия порождает самую твердую связь неравенств и сословий. Помещик и мужик, сражаясь вместе в двенадцатом году, были ближе друг к другу, чем у себя в деревне, в мирной усадьбе. Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну: он слагает про войну песни, он долго потом заслушивается легенд и рассказов о ней... пролитая кровь важная вещь! Нет, война *в наше время* необходима; без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами...

Я, конечно, перестал спорить. С мечтателями спорить нельзя. Но есть, однако же, престранный факт: теперь начинают спорить и подымают рассуждения о таких вещах, которые, казалось бы, давным-давно решены и сданы в архив. Теперь это всё выкапывается опять. Главное в том, что это повсеместно.

III. ОПЯТЬ ТОЛЬКО ОДНО СЛОВЦО О СПИРИТИЗМЕ

Опять у меня не остается места для «статьи» о спиритизме, опять отлагаю до другого №. И, однако же, я был еще в феврале на этом спиритском сеансе, с «настоящим» медиумом — сеансе, который произвел на меня довольно сильное впечатление. Об этом сеансе другие, присутствовавшие на нем, уже сказали печатно, так что мне, конечно, ничего и не остается сообщить, кроме этого собственного моего впечатления. Но, до сих пор, в целые эти два месяца, я не хотел ничего писать об этом и — *скрыл* мое впечатление от читателя. Вперед скажу, что оно было совершенно особого рода и почти не касалось спиритизма. Это было впечатление чего-то другого и лишь проявившегося по поводу спиритизма. Мне очень жаль, что я принужден опять отложить,

тем более, что теперь нажил охоту поговорить об этом, тогда как доселе чувствовал к тому как бы некоторое отвращение. Отвращение произошло от мнительности. Некоторым из друзей моих я тогда же сообщил об этом сеансе; один человек, суждением которого я глубоко дорожу, выслушав, спросил меня, намерен ли я описать это в «Дневнике»? Я ответил, что еще не знаю. И вдруг он заметил: «Не пишите». Он ничего не прибавил, и я не настаивал, но я понял смысл: ему, очевидно, было бы неприятно, если б и я хоть чем-нибудь поспособствовал распространению спиритизма. Это меня тогда поразило потому особенно, что я, напротив, передавая об этом февральском сеансе, с искренним убеждением отрицал спиритизм. Стало быть, подметил же в моем рассказе этот человек, ненавидящий спиритизм, *нечто* как бы благоприятное спиритизму, несмотря на всё мое отрицание. Вот почему я и воздерживался до сих пор говорить печатно, именно из мнительности и от недоверчивости к самому себе. Но теперь я, кажется, себе уже вполне доверяю и всю эту мнительность себе разъяснил. Кроме того, я убедился, что никакими статьями моими не могу способствовать ни поддержанию спиритизма, ни искоренению его. Г-н Менделеев, читающий в самую сию минуту, как я пишу это, свою лекцию в Соляном городке, вероятно, глядит на дело иначе и читает с благородною целью «раздавить спиритизм». Лекции с такими прекрасными тенденциями всегда приятно слушать; но я думаю, что кто *захочет* уверовать в спиритизм, того ничем не остановишь, ни лекциями, ни даже целыми комиссиями, а неверующего, если только он вполне *не желает* поверить, — ничем не соблазнишь. Вот именно это-то убеждение я и выжил на февральском сеансе у А. Н. Аксакова, по крайней мере тогда в виде первого сильного впечатления. До тех пор я *просто* отрицал спиритизм, то есть, в сущности, был возмущен лишь мистическим смыслом его учения (явлений же спиритских, с которыми я и до сеанса с медиумом был несколько знаком, я не в состоянии был *вполне* отрицать никогда, даже и теперь, и особенно теперь — после того как прочел отчет учрежденной над спиритизмом ученой комиссии). Но после того замечательного сеанса я вдруг догадался или, лучше, вдруг узнал, что я мало того что не верю в спиритизм, но, кроме того, и вполне *не желаю* верить, — так что никакие доказательства меня уже не поколеблют более *никогда*. Вот что я вынес из того сеанса и потом уяснил себе. И, признаюсь, впечатление это было почти отрадное, потому что я несколько боялся, идя на сеанс. Прибавлю еще, что тут не одно только личное: мне кажется, в этом наблюдении моем есть и нечто общее. Тут мерещится мне какой-то особенный закон человеческой природы, общий всем и касающийся именно веры и неверия вообще. Мне как-то выяснилось тогда, именно чрез опыт, именно чрез этот сеанс, — какую силу неверие может найти и развить в самом себе, в данный момент, совершенно помимо вашей воли, хотя и согласно с вашим тай-

ным желанием... Равно, вероятно, и вера. Вот об этом-то я и хотел бы сказать.

Итак, до следующего №, но теперь, однако, прибавлю еще несколько слов в дополнение сказанного уже в мартовском №, собственно по поводу всё того же отчета столь известной уже теперь «Комиссии».

Я тогда сказал несколько слов об неудовлетворительности этого отчета и о том, чем даже он может быть вреден своему собственному делу. Но я не сказал главного. Постараюсь теперь добавить в коротких словах, тем более что тут дело очень простое. Комиссия не захотела снизойти до главной потребности в этом деле, до потребности общества, ожидавшего ее решения. Она, кажется, так мало заботилась об общественной потребности (в противном случае пришлось бы предположить, что она просто и не сумела понять ее), что не сообразила даже того, что какими-то «мелькнувшими в темноте кринолинными пружинками» никого у нас не разуверишь и ничего не докажешь, если уже люди повреждены. Читая отчет, решительно начинает казаться, что эти наши ученые предполагали спиритизм существующим в Петербурге единственно лишь в квартире А. Н. Аксакова и ничего ровно не знали о жажде, проявившейся в обществе, к спиритизму, и на каких основаниях спиритизм собственно у нас, у русских, начал распространяться. Но они всё это знали, а только пренебрегли. По всему видно, что они отнеслись ко всему этому совершенно как те частные лица, которые выслушивают о пагубных увлечениях нашего общества спиритизмом, лишь глумясь и хихикая над ними, да и то мимоходом, едва удостоивая вникнуть. Но, организовавшись в комиссию, эти ученые стали уже общественными деятелями, а не частными лицами. Они получили миссию, и вот этого-то они, кажется, не пожелали принять в соображение, а подсели к спиритскому столу, совершенно продолжая по-прежнему быть частными лицами, то есть смеясь, глумясь и хихикая и разве только, кроме того, немножко сердясь на то, что им серьезно пришлось заняться такою глупостью.

Пусть, однако же, весь этот дом, вся квартира А. Н. Аксакова обтянута пружинами и проволоками, а у медиума, сверх того, какая-то машинка, щелкающая между ног (об этой хитрой догадке комиссии сообщил потом печатно Н. П. Вагнер). Но ведь всякий «серьезный» спирит (о, не смейтесь над этим словом, право, это очень серьезно) спросит, прочтя отчет: «Как же у меня-то дома, где я всех знаю по пальцам — моих детей, жену, родных и знакомых, — как же у меня-то происходят те же самые явления: стол качается, подымается, слышатся звуки, получаются интеллигентные ответы? Ведь уж я-то наверно знаю и вполне убежден, что в доме моем нет машинок и проволок, а жена моя и дети мои меня не станут обманывать?» Главное то,

что таких, которые скажут или подумают это, в Петербурге, в Москве и в России уже накопилось слишком довольно, чересчур даже, и вот об этом надо было бы подумать, даже снизойдя с ученой высоты; ведь это зараза, ведь этим людям надо помочь. Но высокомерие комиссии не допускает ее ни до какого раздумья: «Просто всё легкомысленные малообразованные люди, а потому и верят». «Пусть, положим, — продолжает настаивать серьезный и тревожно убежденный спирит (ибо они еще все теперь в первом удивлении и в первой тревоге, — дело ведь такое новое и необычайное), — пусть я легкомыслен и малообразован, но ведь машинки-то этой, которая щелкает, все-таки у меня нет в доме, я ведь это наверно знаю, да и средств я не имею выписывать такие забавные инструменты, да и откуда, кто их продает, всё это, ей-богу, нам неизвестно. Так как же у нас-то щелкает, как же эти стуки-то происходят? Вот вы говорите, что мы сами как-то надавливаем на стол бессознательно; уверяю же вас, что мы не до такой степени дети и следим за собой, именно следим: не надавливаем ли сами, — опыты делаем, с любопытством, с беспристрастием...»

— Нечего вам отвечать, — заключает комиссия уже с сердцем, — вас тоже и так же обманывают, как и всех; всех обманывают, все колпаки; так должно быть, так наука говорит; мы наука.

Ну, это не объяснение. «Нет, видно тут что-нибудь другое, — заключает „серьезно“ убежденный спирит, — не может быть, чтоб одни только фокусы. Пусть там мадам Клайр, а я свою семью знаю: некому у меня делать фокусы». И спиритизм держится.

Вот сейчас я прочитал в «Новом времени» отчет о первой лекции г-на Менделеева в Соляном городке. Г-н Менделеев делает твердое положение, в виде твердого факта, что

«...на спиритических сеансах столы двигаются и издают стуки, как при наложении на них рук, так и без него. Из этих стуков, при условной азбуке, образуются целые слова, фразы, изречения, носящие всегда на себе оттенок умственного развития того медиума, при помощи которого производится сеанс. Это факт. Теперь надо разъяснить, кто стучит и обо что? Для разъяснения существуют следующие 6 гипотез».

Вот это-то и главное: «Кто стучит и обо что?» И затем выставляется шесть существующих уже об этом в Европе гипотез, целых шесть, кажется, можно бы разубедить даже самого «серьезного» спирита. Но ведь любопытнее всего для добросовестного и *желающего* разъяснить дело спирита не то, что есть шесть гипотез, а то, какой гипотезы держится сам г-н Менделеев, что, собственно, говорит и на чем установилась именно наша комиссия? Свое-то нам ближе, авторитетнее, а что там в Европе или

в Американских Штатах, так это всё дело темное! И вот из дальнейшего изложения лекции видно, что комиссия, все-таки и опять-таки, остановилась на гипотезе фокусов, да и не простых, а именно с предвзятыми плутнями и щелкающими между ног машинками (повторяю, — по свидетельству Н. П. Вагнера). Но этого мало, мало этого ученого «высокомерия» для наших спиритов, мало даже и в том случае, *если б комиссия была и права,* и вот в чем беда. Да и кто еще знает, может быть, «серьезно» убежденный спирит и прав, заключая, что если спиритизм и вздор, то все-таки тут что-то другое, кроме одних грубых плутней, к которому и надо бы отнестись понежнее и, так сказать, поделикатнее, потому ведь что «жена его, дети его, знакомые его не станут его обманывать» и т. д. и т. д. Поверьте, что он стал на своем, и вы его с этого не собьете. Он твердо знает, что тут «не всё одни плутни». В этом-то уж он убедился.

В самом деле, все другие положения комиссии почти точно такого же высокомерного характера: «Легкомысленны, дескать, сами надавливают бессознательно на стол, оттого стол и качается; сами обмануть себя желают, стол и стучит; нервы расстроены, во мраке сидят, гармония играет, крючочки в рубашечных рукавчиках устроены (это, впрочем, предположение г-на Рачинского), кончиком ноги стол подымают» и т. д. и т. д. И все-таки это никого не убедит из *желающих совратиться.* «Помилосердуйте, у меня стол в два пуда, я ни за что его не сдвину концом ноги и уж никак не подыму на воздух, да этого и нельзя совсем сделать, разве какой-нибудь факир или фокусник это сделает, или там ваша мистрисс Клайр своей кринолинной машинкой, а у меня в семействе нет таких фокусников и эквилибристов». Одним словом, спиритизм — без сомнения, великое, чрезвычайное и глупейшее заблуждение, блудное учение и тьма, но беда в том, что не так просто всё это, может быть, происходит за столом, как предписывает верить комиссия, и нельзя тоже всех спиритов сплошь обозвать рохлями и глупцами. Этим только переоскорбишь всех лично и тем скорее ничего не достигнешь. К этому заблуждению надо бы было отнестись, кажется, именно в некоторой связи с текущими общественными обстоятельствами нашими, а поэтому и тон, и прием изменить на другие. Особенно надо бы было принять во внимание мистическое значение спиритизма, эту вреднейшую вещь, какая только может быть; но комиссия именно над этим-то значением и не задумывалась. Конечно, она не в силах бы была раздавить это зло, ни в каком случае, но, по крайней мере, другими, не столь наивными и гордыми приемами могла бы вселить и в спиритах даже уважение к своим выводам, а на шатких еще последователей так и сильное бы могла иметь влияние. Но комиссия, очевидно, считала всякий другой подход к делу, кроме как к фокусничеству, и не простому, а с плутнями, — унизительным для своего ученого достоинства. Всякое предположение, что спиритизм есть *нечто,* а не

просто грубый обман и фокус, — для комиссии было немыслимо. Да и что сказали бы тогда об наших ученых в Европе? Таким образом, прямо задавшись убеждением, что всего-то тут только надо изловить плутню и ничего больше, — ученые тем самым сами дали решению своему вид предвзятого решения. Поверьте, что иной умный спирит (уверяю вас, что есть и умные люди, задумывающиеся над спиритизмом, не всё глупцы), — иной умный спирит, прочитав в газетах отчет о публичной лекции г-на Менделеева, а в нем такую фразу:

«Из этих стуков, при условной азбуке, образуются целые слова, фразы, изречения, *носящие всегда на себе оттенок умственного развития того медиума, при помощи которого производится сеанс.* Это факт», —

прочитав такую фразу, пожалуй, вдруг подумает: да ведь этот «всегдашний оттенок умственного развития того медиума» и т. д. — ведь это, пожалуй, чуть не самое существенное дело в исследовании о спиритизме, и вывод должен быть сделан на основании самых тщательных опытов, и вот наша комиссия, только лишь подсела к делу (долго ль она занималась-то!), как тотчас же и определила, что *это факт*. Уж и факт! Может быть, она руководствовалась в этом случае каким-нибудь немецким или французским мнением, но ведь в таком случае где же собственный-то ее опыт? Тут лишь мнение, а не вывод из собственного опыта. По одной мистрисс Клэйр они не могли заключить об ответах столов, «соответственных умственному развитию медиумов», как о всеобщем факте. Да и мистрисс-то Клэйр вряд ли они исследовали с ее умственной, верхней, головной стороны, а нашли лишь щелкающую машинку, но уже совсем в другом месте. Г-н Менделеев был членом комиссии и, читая лекцию, говорил как бы от лица комиссии. Нет, такое скорое и поспешное решение комиссии, *в таком важном пункте исследования* и при таких ничтожных опытах — слишком высокомерно, да и вряд ли вполне научно. . .

Право, это могут подумать. Вот подобная-то высокомерная легкость *иных* заключений и даст обществу, а пуще всего всем этим убежденным уже спиритам, повод еще пуще утвердиться в своих заблуждениях: «Высокомерие, дескать, гордость, предвзятость, преднамеренность. Брюзгливы уж слишком! . .» И спиритизм удержится.

P. S. Сейчас прочел отчет и о второй лекции г-на Менделеева о спиритизме. Г-н Менделеев уже приписывает отчету комиссии врачебное действие на писателей: «Суворин не так уже верит в спиритизм, Боборыкин тоже, видимо, исцелился, по крайней мере поправляется. Наконец, в „Дневнике“ своем и Достоевский поправился: в январе он был наклонен к спиритизму, а в марте уже бранит его: стало быть, тут „отчет“». Так, стало быть, по-

чтенный г-н Менделеев подумал, что я в январе хвалил спиритизм? Уж не за чертей ли?

Г-н Менделеев, должно быть, необыкновенно доброй души. Раздавив двумя лекциями спиритизм, представьте себе, ведь он в заключение второй лекции похвалил его. И за что, как вы думаете: «Честь и слава спиритам» (ух! до чести и славы дошло; да за что же так вдруг?) «Честь и слава спиритам, — сказал он, — что они вышли честными и смелыми борцами того, что им казалось истиною, не боясь предрассудков!» Очевидно, что это сказано из жалости и, так сказать, из деликатности, происшедшей от собственного пресыщения своим успехом, только не знаю — деликатно ли вышло. Это точь-в-точь как содержатели благородных пансионов аттестуют иной раз своих воспитанников перед их родителями: «Ну, а этот хотя умственными способностями, подобно старшему своему брату, похвалиться не может и далеко не пойдет, но зато чистосердечен и поведения благонадежного»: каково это младшему-то брату выслушивать! Тоже похвалил спиритов (и опять с «честь и славой») за то, что они в наш материальный век интересуются о душе. Хоть не в науках, так в вере, дескать, тверды, в бога веруют. Почтенный профессор, должно быть, большой насмешник. Ну, а если он это наивно, не в насмешку, то, стало быть, обратное: большой не насмешник. . .

IV. ЗА УМЕРШЕГО

С тяжелым чувством прочел я в «Новом времени» перепечатанный этою газетою из журнала «Дело» анекдот, позорный для памяти моего брата Михаила Михайловича, основателя и издателя журналов «Время» и «Эпоха» и умершего двенадцать лет тому назад. Привожу этот анекдот буквально:

«В 1862 году, когда Щапов не захотел более уже иметь дело с тогдашними „Отеч. зап.“, а другие журналы были временно прекращены, он отдал своих „Бегунов“ во „Время“. Осенью он сильно нуждался, но покойный редактор „Времени“, Михаил Достоевский, очень долго затягивал уплату следующих ему денег. Настали холода, а у Щапова не было даже теплого платья. Наконец он вышел из себя, попросил к себе Достоевского, и при сем произошла у них следующая сцена. — Подождите-с, Афанасий Прокопьевич, — через неделю я вам привезу все деньги, — говорил Достоевский. — „Да поймите же вы наконец, что мне деньги сейчас нужны!“ — „На что же сейчас-то?“ — „Теплого пальто вон у меня нет, платья нет“. — „А знаете ли, что у меня знакомый портной есть; у него всё это в кредит можно купить, я после заплачу ему из ваших денег“. — И Достоевский повез Щапова к портному еврею, который снабдил историка каким-то пальто, сюртучком, жилетом и штанами весьма сомнительного свойства и поставленными в счет очень дорого, на что потом жаловался даже непрактический Щапов».

Это из некролога Щапова в «Деле». Не знаю, кто писал, я еще не справлялся в «Деле» и не читал некролога. Перепечатываю же, как сказал выше, из «Нового времени».

Брат мой умер уже давно: дело, стало быть, старое, темное, защищать трудно, и — никого свидетелей рассказанного происшествия. Обвинение, стало быть, голословное. Но я твердо уверяю, что весь этот анекдот лишь одна нелепость, и если некоторые обстоятельства в нем не выдумка, то, по крайней мере, все факты извращены, и правда в высшей степени пострадала. Докажу это — сколько возможно.

Прежде всего объявляю, что в денежных делах брата по журналу и в его прежних коммерческих оборотах я никогда не участвовал. Сотрудничая брату по редакции «Времени», я не касался ни до каких денежных расчетов. Тем не менее мне совершенно известно, что журнал «Время» имел блестящий по-тогдашнему успех. Известно мне тоже, что расчеты с писателями не только не производились в долг, но, напротив, постоянно выдавались весьма значительные суммы вперед сотрудникам. Про это-то уж я знаю и много раз бывал свидетелем. И в сотрудниках журнал не нуждался: они сами приходили и присылали статьи во множестве, еще с первого года издания; стоит просмотреть №№ «Времени» за все 2½-ю года издания, чтоб убедиться, что в нем участвовало огромное большинство тогдашнейших представителей литературы. Так не могло бы быть, если б брат не платил сотрудникам или, вернее, — неблагородно бы вел себя с сотрудниками. Впрочем, об раздаче вперед значительных сумм могут многие и теперь засвидетельствовать. Дело это не в углу происходило. Многие из бывших и даже близких сотрудников и теперь еще живы и, конечно, не откажутся засвидетельствовать: как на их взгляд и память велись братом дела в журнале. Короче: брат не мог «затягивать уплату Щапову», да еще тогда, когда у того не было платья. Если же Щапов попросил брата к себе, то не «выведенный из терпения» за неуплату, а именно *прося денег вперед* подобно многим другим. После покойного брата сохранились многие письма и записки в редакцию сотрудников, и я не теряю надежды, что между ними отыщутся и записки Щапова. Тогда и уяснятся отношения. Но и, кроме этого, то обстоятельство, что Щапов вероятнее всего просил тогда денег вперед, — без сомнения, согласнее с истиною и со всеми воспоминаниями, со всеми еще возможными теперь свидетельствами о том, как велось и издавалось «Время», — свидетельствами, которых, повторяю, и теперь можно набрать довольно, несмотря на 14-тилетний минувший срок. Несмотря на свою «деловитость», брат бывал довольно слаб к просьбам и не умел отказывать: он выдавал вперед, иногда даже и без надежды получить статью для журнала от писателя. Этому я свидетелем и мог бы кой на кого указать. Но с ним и не такие случаи бывали. Один из *постоянных* сотрудников выпросил у брата шестьсот рублей вперед, и на другое же утро уехал служить в Западный край, куда тогда набирали чиновников, и там и остался, и ни статей, ни денег брат от него не получил. Но за-

мечательнее всего, что и шагу не сделал, чтоб вытребовать деньги обратно, несмотря на то, что имел в руках документ, и уже долго спустя, по смерти его, его семейство вытребовало с этого сотрудника (человека, имевшего средства) деньги судом. Суд был гласный, и обо всем этом деле можно получить самые точные сведения. Я только хотел заявить, с какою легкостию и готовностью брат выдавал иногда деньги вперед и что не такой человек стал бы оттягивать уплату нуждающемуся литератору. Некрологист Щапова, вслушиваясь в разговор брата со Щаповым, мог просто не знать, о каких, собственно, деньгах идет дело: о должных ли братом или о просимых вперед? Весьма возможно и то, что брат предложил Щапову сделать ему, у знакомого портного, в кредит платье, и всё это очень просто: не желая отказать Щапову в помощи, он мог, по некоторым соображениям, предпочесть этот способ помощи выдаче денег Щапову прямо в руки...

Наконец — в приведенном анекдоте я не узнаю разговора моего брата: *таким тоном* он никогда не говаривал. Это вовсе не то лицо, не тот человек. Брат мой никогда ни у кого не заискивал; он не мог кружиться около человека с сладенькими фразами, пересыпая свою речь *слово-ер-сами*. И уж, конечно, никогда бы не допустил сказать себе: «Да поймите же вы наконец, что мне деньги сейчас нужны». Все эти фразы как-нибудь переделались и пересочинились, под известным взглядом, за четырнадцать лет, у автора анекдота в воспоминании. Пусть все, помнящие брата (а таких много), припомнят — говорил ли он таким слогом? Брат мой был человек высоко порядочного тона, вел и держал себя как джентльмен, которым и был на самом деле Это был человек весьма образованный, даровитый литератор, знаток европейских литератур, поэт и известный переводчик Шиллера и Гете. Я не могу представить себе, чтоб такой человек мог так лебезить перед Щаповым, как передано в «анекдоте».

Приведу еще одно обстоятельство о покойном брате моем, кажется, очень мало кому известное. В сорок девятом году он был арестован по делу Петрашевского и посажен в крепость, где и высидел два месяца. По прошествии двух месяцев их освободили несколько человек (довольно многих), как невинных и неприкосновенных к возникшему делу. И действительно: брат не участвовал ни в организованном тайном обществе у Петрашевского, ни у Дурова. Тем не менее он бывал на вечерах Петрашевского и пользовался из тайной, общей библиотеки, склад которой находился в доме Петрашевского, книгами. Он был тогда фурьеристом и со страстью изучал Фурье. Таким образом, в эти два месяца в крепости он вовсе не мог считать себя безопасным и рассчитывать с уверенностью, что его отпустят. То, что он был фурьеристом и пользовался библиотекой, — открылось, и, конечно, он мог ожидать если не Сибири, то отдаленной ссылки как подозрительный человек. И многие из освобожденных через два месяца подверглись бы ей непременно (говорю утвердительно), если б

не были все освобождены по воле покойного государя, о чем я узнал тогда же от князя Гагарина, ведшего всё следствие по делу Петрашевского. По крайней мере, узнал тогда то, что касалось освобождения моего брата, о котором сообщил мне князь Гагарин, нарочно вызвав меня для того из каземата в комендантский дом, в котором производилось дело, чтоб обрадовать меня. Но я был один, холостой, без детей; брат же, попав в крепость, оставил на квартире испуганную жену свою и трех детей, из которых старшему тогда было всего 7 лет, и вдобавок без копейки денег. Брат мой нежно и горячо любил детей своих, и воображаю, что перенес он в эти два месяца! Между тем он не дал *никаких показаний*, которые бы могли компрометировать других, с целью облегчить тем собственную участь, тогда как мог бы кое-что сказать, ибо хоть сам ни в чем не участвовал, но *знал о многом.* Я спрошу: многие ли так поступили бы на его месте? Я твердо ставлю такой вопрос, потому что знаю — о чем говорю. Я знаю и видел: какими оказываются люди в подобных несчастьях, и не отвлеченно об этом сужу. Пусть как угодно посмотрят на этот поступок моего брата, но всё же он не захотел, даже для своего спасения, сделать то, что считал противным своему убеждению. Замечу, что это не голословное мое показание: всё это я в состоянии теперь подкрепить точнейшими данными. А между тем брат в эти два месяца, каждый день и каждый час, мучился мыслию, что он погубил семью, и страдал, вспоминая об этих трех маленьких дорогих ему существах и о том, что их ожидает... И вот такого человека хотят теперь представить в стачке с каким-то евреем портным, чтоб, обманув Щапова, поделить с портным барыш и положить в карман несколько рублей! Фу, какой вздор!

ПРИЛОЖЕНИЕ

<ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1876 ГОДА>

В будущем 1876 году будет выходить в свет ежемесячно, отдельными выпусками, сочинение Ф. М. Достоевского «Дневник писателя».

Каждый выпуск будет заключать в себе от одного до полутора листа убористого шрифта, в формате еженедельных газет наших. Но это будет не газета; из всех двенадцати выпусков (за январь, февраль, март и т. д.) составится целое, книга, написанная одним пером. Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных. Каждый выпуск будет выходить в последнее число каждого месяца и продаваться отдельно во всех книжных лавках по 20 копеек. Но желающие подписаться на всё годовое издание вперед пользуются уступкою и платят лишь два рубля (без доставки и пересылки), а с пересылкою и доставкою на дом два рубля пятьдесят копеек.

Подписка принимается для городских подписчиков в Петербурге: в книжном магазине А. Ф. Базунова, у Казанского моста, № 30-й и в «Магазине для иногородних» М. П. Надеина, Невский пр., д. № 44-й. В Москве — в центральном книжном магазине, Никольская, дом Славянского базара.

Г-да иногородние благоволят обращаться исключительно к автору, по следующему адресу: С.-Петербург, Греческий проспект, подле греческой церкви, дом Струбинского, кв. № 6-й. Федору Михайловичу Достоевскому.

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1876

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

‹Январь, гл. I—II›

РАССКАЗЦЫ

— Елка у Христа.
— Бал.
— Колония.
— Фельдъегерь. Покровительство животным.
— Извозчик, бивший профессора. (Ничего не будет).
— Кони. Ваши дочери.
— Крушение поезда. Воробьев.
— Медицинский студент.
— Мужик и волк.
— Декабристы.
— Спиритизм. Святой дух. Сведенборг и проч.
— Потугин. Костюмы. Александр и Карамзин.
— Об американской дуэли. Личность.
— Березин. Я, направление. Я либеральнее вас.
Извозчик и перочинный ножик.
— Война парадокс.
— Китай. Микадо. (Похвалить «Голос» за статью о Китае). «Московские ведомости» за превосходную статью по делу Овсянникова.[1]
— *Павлуша* и *Мерещились*.
— Пятна на солнце.
— Реклама. Стечкина.
— Рубаха на 3-х.
— Оправдание коммунаров (после декабристов).
— О попах, монастырях, всё. Идея о попе, требнике и проповеднике.

---

[1] (Похвалить ∾ Овсянникова. *вписано*.

— Сабуров и Андреянова. (Бал).
— Декабристы и Пушкин.
— Подписка в «Голосе» на Пушкина (проект).
Кстати имя у Лермонтова.
— Vibulenus.
— «Дым» Тургенева.
(? x, y, z ?).

Орлов, снится и теперь во сне, мечтал бежать, свобода.[1]

Цензура. В одном из циркуляров министра просвещения нынешнего года признано полезным знакомить с теми бреднями...

— Бал, дети, Сабуров и Андреянова.[2]

Много пособий, в водовороте, не в спокойствии, одни много, другие совсем нет.

— Так как бр‹атья?› [3]

Бал. Костюмы. Потугин.
— Женщина — жена.
— Зверские инженеры.
— Но, боже, как они умны стали бы.
— Ребенок у Христа.
— На другой день, если б этот ребенок выздоровел, то во что бы он обратился? С ручкой.

Колония. Посещение. (Библия. Идея перехода понятия о Христе с земного царя на небесного и всечеловеческого ‹?›).

— Дать же высказаться pro и contra.[4]
— После колонии направление. Несколько слов о Березине.
— А потом, что читал, по порядку.
— Пятна на солнце.
— О животных (общество). Фельдъегерь и проч.
— О крушении поезда и самоуправстве.
— Прямо отсюда смута и самоуправство: ничего не будет.[5] Нажива даром. Овсянниковы, Павлуши, мерещилось.

Мне это понравилось ‹?›
— Декабристы (Лачинов). Пушкинист.
— Спиритизм. Реклама.[6]
— Китай. Микадо. Война.
— Попы, требник и проповедники.
— Что-нибудь заключительное о войне, будущее чревато.
— Чтение о Тюильри и о требнике и проповеднике.

— Вы думаете, эта идея слишком глупа, не беспокойтесь, она найдет глупее себя (нет нигде столь умного и т. д.).

---

[1] Орлов ∾ свобода. *вписано.*
[2] Сабуров и Андреянова *вписано.*
[3] *Далее было начато*: Поту‹гин›
[4] за и против (*лат.*). Дать же высказаться pro и contra. *вписано.*
[5] *На полях рядом с текстом*: О животных ∾ ничего не будет. — *запись*: Москов‹ские› ведомости за статью о ‹*не закончено*›
[6] Реклама. *вписано.*

— Каковы же, если не скрашивают сами?

— О. если б нам дали <?>, как бы вы мне <?> она <*не закончено*>

— Объяснение <?> ее, до какой степени она к нам не ко двору.[1]

— Меня пугали цензурой. Он будет у вас не только мысли вычеркивать,[2] но и слог.[3]

— Не знаю, я пишу это и не знаю, как цензор поступит с ними.

— Я давно не печатался с предварительной цензурой и отвык. Но за это время и насчет цензуры имею самое определенное м<нение?>. Может быть, действитель<но?> уже практическое понятие. Теоретическое я всегда имел.[4] Но цензура есть обоюдоострое оружие. О, нельзя оставить такое юное общество и такой еще нетронутый, <не> приготовленный к жизни[5] народ без всякого надзора над прессой.[6] Но зато какое обоюдоострое оружие. Высокопоставленные лица в циркулярах своих; глупая идея.[7] Сладострастное изображение сбивалось бы до жандармск<ого>. Насмешка над верой и над богом и над священной особою царя.

Министр, нелепость идей. Но петролей и здание. Действительно глупость идей.[8] У нас уже был опыт идей Белинского, в какое безобразие. наглость взросло поколение неучей, устрашавших и обновлявших,[9] учившихся в университете, не очистили <?> и натурально враждебному обществу семинариста, status in statu.[10] Но факт тяжело уничтожить.

Но что всего ужаснее в людях — не разврат и не смех, а сгоравшие общей пользой и во имя своих идей отделившиеся и не помогавшие ей в самое тяжелое время ее реформ. Мы ждали нового поколения из наших классических гимназий.

Необразование привело за собой отсутствие сомнений, а с тем вместе и самомнение, а цензура — злобное негодование. И сколько молодых сил отделилось и пошло в утопию, тогда как под носом совершались величайшие преобразования в госуд<арстве>,[11] на которые они смотрели недоверчиво и свысока. Таким образом, огромная масса молодых сил отделилась от правительства, призывавшего все силы России, нуждавшегося в них и взывавшего к ним.

---

[1] Объяснение <?> ее ∾ не ко двору. *вписано на полях.*
[2] *Незачеркнутый вариант*: вычеркиваются
[3] *Незачеркнутый вариант*: строки
[4] Но за это время ∾ всегда имел. *вписано.*
[5] приготовленный к жизни *вписано.*
[6] *Вместо*: без всякого ∾ над прессой. — *было*: без цензуры.
[7] Но зато ∾ идея. *вписано на полях.*
[8] Действительно глупость идей. *вписано.*
[9] устрашавших и обновлявших *вписано.*
[10] государство в государстве (*лат.*).
[11] в госуд<арстве> *вписано.*

Скажут: общество незрело, его нельзя кормить иными идеями — ничего не может быть справедливее, но тем скорее не надо еще более искусственно растить перед ними идеи.[1]

Мы, монархии, должны быть свободны. Наполеону III-му. Мы можем быть свободнее всех на свете, все свободы даровать народу, обожающему монарха, и в принципе, и лично. Это теория славянофилов. Но неужели это только теория?

У ХРИСТА НА ЕЛКЕ

Тут не одни писатели.

Уж коли так блестит, то уж как должно быть хорошо!

Посижу и потом опять посмотрю.

Я говорю, что иногда с чего-то мерещатся дети.

У нас либерализм есть ремесло или дурная привычка.

И в толпе ему вдруг стало одиноко и жутко. Замерзал, улыбается ‹?›, вспомнил музыкантов. Пойду к маме. Иду.

Нет, думает, я еще полежу, ох как тепло, и сон.

«Пойдем», и как это случилось, вдруг елка и вдруг видит маму. «Мама, мама!»[2] У Христа елка.

Чувство бесконечной веры, псевдоклассицизма, в обновлении мысль непомерная, матерей Гракхов.

Ничему не удивляться. В наш век уменье удивляться, чем ничему[3] не удивляться. Если чего не понимаешь, то удивляйся. Это гораздо благороднее, чем ‹*не закончено*›.

Werther[4] говорил, потому что гордый был человек. Смотрел на свою Большую Медведицу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

— 2 —

Дети вообще. Дети с отцами и без отцов в особенности.

— 3 —

Слышанное и прочитанное.

На молодую и уже страдающую душу.

Но ведь в этих ветренных формах гуманность, европейское просвещение.

Костюм, адская штука, чтоб оплевать Россию. Средина бездарна.

О, если б все стали просты.

---

[1] Но что всего ужаснее ∾ перед ними идеи. — *разрозненные записи на полях и внизу листа.*

[2] И в толпе ∾ «Мама, мама»! *вписано на полях и между строк.*

[3] *В рукописи ошибочно*: ничего.

[4] Вертер (*нем.*).

Пусть Потугин вспомнит хоть себя, когда он был молод (в сороковых годах, что ли).

Конечно, это всё мне приснилось, правда была не та: мама-то умерла, а его куда-то взяли, и жаль <?> — стал посылать за водкой. и стал бегать с ручкой.

Он знает, что он никогда не переделается.

А порок очень любит платить дань добродетели.

О, я не циник, я люблю общество и ценю его, несмотря на то, что этот великосв<етский> господин...

И, однако ж, всё, что я навосклицал теперь, отнюдь не парадоксы, а истинная правда, клянусь, господа, что вы в тысячу раз умнее и лучше, чем вы есть, но только ничего об этом не знаете.[1]

Тут были те, что замерзли в *дверях*.

Но и всё это узнал <?>

Убиты 3-е — трое — а как же 60? А те сгорели, трах, паровоз, и это Воробьев, ха-ха-ха! хи... хи!

Но, с другой стороны, я знаю, что гораздо более честные люди фельетонисты.[2]

Какая-то бесправица... Неужели вы думаете, что крушенье вагонов...

Петрушка. Есть комические вещи, а Петрушка очень комичен.[3] Я не циник и верю в силы общества, в гуманность и в европеизм его, я верю в генералов,[4] этот фельетонист, по всё же жаль бездарности, костюм, заговорит лира.[5] Потугин, что такое костюм... (кстати Потугин). Тут личность, тут как она носит костюм, что она из него делает — рабство.

— О, если б все генералы...

«Дым». Я не знаю, почему. Правда, есть идеалы изящного, но зато же ведь они и голые, а что не идеал, то непременно надо одеть. На Аничковском мосту 4 голых банщика — почему они режут глаза, потому что их никак нельзя принять за богов; правда, позы эксцентрические, кони взвиваются, кукольные поля, короткие, но ведь казалось же это изящным.

Я напри<мер> видел барельеф, да и сам Потугин, как носить костюм.[6]

Колония.

---

[1] И, однако ∾ об этом не знаете. — *запись на внутренней стороне развернутого листа. Вдоль полей с. 1 зачеркнутая запись*: Просто надо денег, чтоб нанять любовницу, и больше ничего.

[2] Тут ∾ фельетонисты. — *разрозненные записи на полях.*

[3] Есть ∾ очень комичен. *вписано.*

[4] я верю в генералов *вписано.*

[5] заговорит лира *вписано.*

[6] «Дым». ∾ как носить костюм. *вписано.*

Ломка вагонов, действие на народ. нынче деньги,[1] носится в воздухе бесправица, разбой. Павлуша хватается за нож. вагоны с рекрутами, это действует па народ. Овсянников на скамье подсудимых, ничего не будет, ничего не будет, когда сыскная полиция[2] свидетельствует девиц.[3] Перочинный ножик.

Общество покровительства животным.

Мне жаль, мне бы хотелось поговорить, но теоретичность. Кстати — анекдот.

Священник и требник и ... впрочем, идея гуманная, но кстати, анекдот. Придет, прибьет, суды, секут, бесправица, деньги. Павлуша (идея о деньгах). Вагоны, крушение, действие на народ, перочинный ножик, неуваж‹ение› закона, каска, ничего не будет. Извозчик и профессор. Если две девицы ... Китай.[4]

Китай. Япония.

Всё это фантастично.

Но и в Европе.

Глубокая тишина царствовала в Европе, когда Фридрих Великий... Итак, война... Соперн‹ики?›, папа. Франция и 8 миллионов, раздробленность, собств‹енность?› они не устранятся.

Прочитать о *диме* Куторги.

Итак, война, я не знаю, в наш век война все же лучше. Березин.

‹Январь, гл. I—III›

— Для чего и жить, как не для гордости?

— Ходят с ручкой, рубаху на 3-х (соединить).

— Кроме «аха» разве «ох».

Стечкина (как реклама). Наивно самолюбивы, т. е. не знают даже, что это дурно.[5]

— Газета. Реклама. Вуйки да нонки.

— Смешно очень, что оправдывают коммунаров, дескать, такие невинные, они только добра хотели. Да зачем их оправдывать? Они в том не нуждаются вовсе. Характеристики их этак лишаете.

---

[1] нынче деньги *вписано.*
[2] когда сыскная полиция *вписано.*
[3] Ломка вагонов ∾ свидетельствует девиц. *вписано.*
[4] Мне жаль ∾ Китай. — *разрозненные записи на полях.*
[5] Наивно самолюбивы ∾ дурно. *вписано.*

С чего же мне начинать, неужто с Овсянникова?

Овсянников на скамье подсудимых. Зачем не у нас миллионы? Что такое миллион для Овсянникова, мужика?

У нас теперь все, как прежние сенаторы, т. е. очень прежние, сенаторы.[1] Я с общим мнением согласен.[2]

— Сабуров и Андреянова.

Лицемерие тем хорошо, что всё же оно есть дань и т. д.

Смерть последнего декабриста Лачинова. Нет, еще их есть довольно.

Ведут ‹себя› с достоинством, не жалуются.

Что мы наследовали? Мы деятели, но мы наследовали полное непонимание народа и непрактичность в делах. Ну вот декабристы. Совершенное непонимание народа. А Пушкин писал: «по манию царя» еще до декабристов и понимал, в чем дело.

О декабристах.

Un homme heureux qui n'a pas l'air content.

Незнакомец говорит — все достаточно либеральны (пошлость).

У нас либерализм или ремесло или дурная привычка.

Ремесленников оставили. Но о дурной привычке.

Мы ничего не понимаем в либерализме и часто ретроградны страшно, думая, что либеральны.

Декабристы, тоже и теперь — не понимаем.

Смиренно учить и Россия. Потугины.

Либерал должен уже то рассудить, что у него всегда крепкая опора сзади. Подумать, каково незнание действительности; у нас славянофилов считали ретроградами. У них строгие требования.

В сущности, наши западники суть отрицатели Запада,[3] а передовые из них — и упразднители общества. (Это черт знает что такое.) Ну и пусть бы. Если отрицают — значит перестали быть западниками. То-то и есть что нет. Всё западничество сохранилось в их требовании, чтоб они упразднили всё свое и себя, совершенно, по тем же шаблонам, как и на Западе, и копировали Запад рабски.

— Медицинский студент с ручкой.

---

[1] т. е. очень прежние, сенаторы. *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом*: У нас теперь все ∾ согласен. — *запись*: Либералы.

[3] *В рукописи ошибочно*: Запад

— А между тем о честности нашего юношества!

О юношестве: где спасение?[1] Образование. Нет, не одно образование, а и знание народа.

— О том, чем гадка идея спиритизма?

Елка... Un homme heureux qui n'a pas l'air content.

Детский бал — (всё так, как в черновой).

Потугин, костюмы — и проч.

Несколько слов о «Дыме» и о Тургеневе.

Елка у Христа.

На елке у детей (описание). С ручкой. (Павлуша, извозчик и перочин‹ный ножик›, под престолом.)

О прочит‹анном›.

Статья о Китае.

О попах — не учащих.

О Елисееве (NB. И еще о чем-нибудь, что читал).

— О крушении поездов. Воробьев. Все мы зависим. Случаи с Кони.

— О направлении по поводу Березина. Мы направление, славянофилы и проч.

Известие о последнем декабристе.

Извозчик и перочинный ножик (всё напоено). Павлуша. (Справиться). Извращение понятий. Овсянниковы.

Политические мысли.

Война парадокс.[2] (По поводу Незнакомцевым[3] слов о том, что всё достаточно либерально. Успокоившийся либерализм.)

На бале рассуждение ♣. О нашей цивилизации. Петра реформа — ничего, в результате 1000 человек, страдающих сердцем и с разными мыслями.

Насчет казенности либерализма. Дурная привычка. Все на спиритизм и никто ни одного порядочного слова (всё либерализм и негражданственность) (о постукивании ногтями).

Незнакомец о спиритизме, он ослабеет.

---

[1] *Рядом помета*: Лист x, y, z.

[2] *Далее было начато*: Незнак‹омец›

[3] *Так в рукописи.*

(Конфискованная жизнь... и они называют это явлением Св‹ятого› Духа).[1]

И тут: о том, что у нас не верят Св‹ятому› Духу, но наблюдают.

Прорвется народ.

А запретят — то непременно прорвется.

Известие о последнем декабристе.

Всё у нас неумело: покровительство животным.

Фельдъегерь (непременно).

О пашущем мужике.

О избитом ученом извозчиком.[2] Ничего не будет (в «Петерб‹ургской› газете»).

Раздавил — ничего не будет.

Жандарм, народ распущен.

Перочинный ножик.

Народ портится, а народ хорош, о пашущем мужике.

Страхи перед провинциальною печатью, ничего не выдумают.

Белинский в каторге.

Американская дуэль — (цивилизация).

Овсянников.

Зачем же и жить, коли не для гордости.

Потугин — всепрощение преступника. Брат есть. Каторга. Так ли Жан Вальжан.

Микадо, Япония, Китай.

Реклама. Стечкина.

Фельдъегерь. Это было так давно, что, может быть, мне пропустит цензура.

Цензура — запрещение идеи. Петролей.

---

[1] *Рядом с текстом*: (Конфискованная жизнь ∾ Св‹ятого› Духа). — *помета*: Смотри здесь.

[2] *Так в рукописи.*

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

IV. NB. СЮЖЕТЫ ДЛЯ РОМАНОВ

Мне хотелось бы изобразить твердого и умиленного человека. Знаете ли вы генерала Гаса (каторжные).

Мне хотелось бы очень твердого из русских. Чиновник. Подкидыши.

Вот таких людей у нас нет, желательно, чтобы были. Личностей, самостоятельностей мало. Оскудели. Отчего бы это. (*Pierre le Grand*,[1] недоверие, кредит к русским упал, и наконец, двухсотлетняя опека. Сами себя в грош не ставим и даже с умилением, тем самым признаем неизбежность опеки.)[2]

Оно хорошо, опека, только не слишком ли уже долго.

Нам говорят: живи самостоятельно, — вот вам учреждения. Но ведь самостоятельность нечто живое и самобытное, и плохо, если обратит‹ся› только в учреждение. В опеку над несовершеннолетними. Сначала наивно, потом организация. А как не обратиться, если никто сам жить не хочет. Лучшие говорят: дай мне сначала права, обеспечь меня. Да право же, это иногда нельзя — положить себя не в одном протесте. Не могу положить. Я заеден средой. Борьба.[3]

Вот, например, все говорят о воспитании. Экзамены из педагогических предметов. Всякая система принимается, преподает‹ся›, Фребель. Песталоцци.

Если б мать родила совсем взрослого.[4]

Я уверен, что детский сад дрянь, но у самого Фребеля это не дрянь. Живой самостоятельный дух нужен — и тот, который у своих. Это самостоятельно и у того не дрянь.

Анекдот из воспитания — студент, онанизм. Он и не приготовлялся к педагогии, а педагоги-то исключили и не справились, а он справился.

Нельзя же требовать. Так. Но не стеснить и желающих быть полезными.[5] Но надо с одной (с административной) стороны больше свободы к приложению сил, с другой (собственной) — самостоятельных личностей.

Но, во 1-х, как дать свободу?[6]

Не стесни его — ведь у нас, знаете, что наделают?

---

[1] Петр Великий (*франц.*).
[2] Сами себя ∾ опеки.) *вписано.*
[3] Лучшие говорят ∾ Борьба. *вписано между строк и на полях.*
[4] Если б мать ∾ взрослого. *вписано на полях.*
[5] Но не стеснить ∾ полезными. *вписано.*
[6] Но, во 1-х ∾ свободу? *вписано.*

Это конечно.[1]

Без сомнения, вздору наговорят. Как же его не ограничить? Начинают сами страданиями, трудом.[2]

Это без сомнения. Но с другой стороны, Колумб, Галилей везде бы казались безумными. Без сомнения, и у нас. До Колумба далеко. (А почему же?) Но не худо бы веровать в русский ум. Из-за границы принято, что всё умнее. Если б изобрел русский систему воспитания, господи, да его бы съели.

Но у нас старый либерал избалован.

Нет, я хочу тему обозначить ‹?›[3]

Но, вероятно, виноваты мы сами. Сами мы веруем мало в русский ум. Мы только веруем в свой ум, каждый лично. Тут разъединеньем самолюбия. Но в русский — о, тут все согласились — верить нельзя.[4]

И тем самым свидетельствуем о необходимости опеки.[5]

Это прилично швейцарцу, немцу — ну, так и выписать его, а я генерал. Конечно, нельзя же, но чтобы дух-то этот пролился. Убедились бы, что мы не представляем, и что в самом деле заниматься делами — вовсе не стыдно даже генералу. Тогда не надо бы выписывать швейцарца.[6]

А дела-то сколько? Русские особенности изучить. Поверить ему. Не считать ничтожными, но ровнями.[7]

(*Он генерал, а его назовут brave homme*[8].) Швейц‹арец› brave homme, конечно, его можно иметь в виду.[9]

Brave homme, конечно.

Есть нечто оскорбительное в этом *brave homme*.[10]

За неимением педагогов поневоле действуют циркулярами; у нас выключаются и перенимают лишь форму. Цербет, директор. Эти люди не стыдятся своего призвания и не смотрят на него цинично.

---

[1] Не стесни его ∾ конечно. *вписано.*
[2] Начинают ∾ трудами. *вписано.*
[3] Если б изобрел ∾ обозначить ‹?› *вписано между строк и на полях.*
[4] *Рядом с текстом*: Вот таких людей у нас нет ∾ верить нельзя! — *помета*: Короче. Все рассуждения короче. Вздор. Это всё неправильно.
[5] И тем самым ∾ опеки. *вписано.*
[6] Конечно, нельзя же ∾ швейцарца. *вписано на полях.*
[7] А дела-то ∾ ровнями. *вписано на полях.*
[8] добрый малый (*франц.*).
[9] *Он генерал* ∾ в виду. *вписано на полях.*
[10] Brave homme ∾ в этом *brave homme*. *вписано на полях.*

У нас считают жалование и стыдятся что-нибудь делать. Это чудак<?> За brave homme, mais за чудака.

Не одни чиновники. *Исаков.* Ротшильд сидел за прилавком. А директор Цербетский занимается <?> искренно. Принялся серьезно и с призванием.

Возьмем хоть Фребеля, порешили циркулярами. Циркулярами порешать легко. Педагогические съезды, курсы, средине легко. Ломай матерьял.[1]

Правда ли, что у нас, если гимназист выключен, то не принимают нигде?

Прошиб голову. Лев Толстой. Исключить.

Вот другой еще случай: бежал.

Как же быть? Вникать в каждую личность?[2]

Это великолепный сюжет для романа. Диккенс, Оливер Твист и Копперфильд.[3] Маркизовы острова. Стокгольм.

Я воображаю, как выбежал мальчик. Деревня. Тетка. Снаряжала. Жутко. Наша военная школа: репцы, репец. Робкий мальчик. К генералу или директору: Что прикажете?

Предметы, классы в 50 минут.

Бежал. Искали, ходили, нашли где-то — представили. Исключить. Замок ломает. Как он явится в семью. Лишен прав состояния. Побольше бы директорского Цербет<ско>го <?> поменьше административной беспечности, свысока холодности, у них квартиры — расписаны часы, учение <?>.

Побольше человеческого отношения, самостоятельности Церб<етско>го <?> Пожалуй, боится, что его засмеют.[4]

У нас это нельзя. Не так величественно.

Мальчики добры, но циничны. Представьте, что мальчик у меня, и развит, но не настолько, чтоб не бежать.

Ну, это некогда долго рассматривать, возиться с каждым мальчишкой.

Большинство, мерзкие шалят, веселят, мальчик не видит, что они, пожалуй, добрые мальчики, а в большинстве, может быть, ниже его (середина).

— Что у них совсем нет деревни, матерей? — думает он.

Он не прав. Без сомнения, он избраннее.

---

[1] Возьмем ∾ матерьял. *вписано между строк.*

[2] Как же ∾ личность? *вписано.*

[3] Диккенс ∾ Копперфильд. *вписано.*

[4] директору ∾ засмеют. *вписано на полях. Все последующие записи расположены на листе в различных направлениях на полях и по краям листа.*

Программа.

Вздор это всё.

Я<?> исправлюсь.

А то сказали <?>, что мы самостоятельны. А нас не обеспечут...

— Да ты докажи, что ты самостоятелен.

— Не могу, заедят <?>

— Да ты начни — чего вы все боитесь?

— Что начинать! Хорошо за границей, а у нас нет.

— Да ведь и там ничего не было. Там добились. Получили, когда видно было, что есть кому дать самостоятельность.

Да ведь всё лишь начинается сначала, *мать, история.*

Меня сейчас осмеют. Лучше протестовать.[1]

— Я смеюсь <?> и буду, если буду пробовать действовать положительно. Я тогда либералом не буду.

Положим, правда, я занимаю место, где ожидают от меня чего-нибудь положительного. Но я лучше буду отрицать и протестовать. Этак я кажусь умнее.

— То-то и есть. Прослыть за умного можно отрицая. Фельетонная тайна. А спросить бы их: ну, так как бы вы сделали? Сбрендили бы тотчас. Они думают, что без труда, без опыта, без вдумчивости <?>.

О, если б дали им возможность высказаться! (Цензура).

А пока не хотели ничего делать.

Да наивно, легко ведь как.

И умный человек, и деньги получает, и отрицает, и ничего не делает.

Цензура. Но, видно, нельзя. И благодаря тому долго, долго они будут слыть за гениев. Достигнутая цель. Помилуйте. Пока они гении, они навредят. А если б упали — кто бы за ними пошел.

— Займись делом.

— Не дают.

— Да ведь и тем не давали.

— Колумб смешон.

— Я не променяю жребия Колумба.

— Колумб был смешон, я не хочу быть смешон, я лучше хочу судить и отрицать.

---

[1] Меня сейчас ∾ протестовать *вписано*.

— Да вы займитесь прямо делом, а потом начнете с обеспечением хлопотать.

— Да ведь эта обеспеченность не дает‹ся› никакими законами. С другой стороны, может быть при всяких законах.

Если б все считали за серьезное, а то служат и точно представляют.

Великосветский актер какого-нибудь учителя, великосветские люди представляют какую-то комедию.

— Не правда ли, comtesse,[1] я-то был хорош педагогом?

IV. СЮЖЕТЫ ДЛЯ РОМАНОВ

Отрицательная литература — дело очень выгодное, особенно в известные эпохи. Иногда общество оглядывается на себя и с жаром отрекается от[2] своего прежнего. Хочет переродиться, сбросить старую кожу, надеть новую. Тут романист отрицатель много выигрывает.

Представьте к тому же поэта[3] с сильным талантом, с великодушием в сердце,[4] гражданина! Такие всегда являются в отрицательные эпохи жизни общественной.[5] Он сам[6] хочет сбросить старую кожу и надеть новую. О, такой конечно производит энтузиазм и скажет что-то новое.[7] За ним пускается бездна подражателей и отрицают, отрицают, отрицают. Всё трещит, всё валится. Как мыши или крысы, они совсем подгрызают старые основания — фундамент, крыши, стропила. Кажется, что всё держится на одном только волоске. Еще мгновение, и всё рухнет. (NB. Большею частию это оптический обман, изгрызли, конечно, много, но здание все же оказывается несколько тверже[8] и долго еще простоит. Тут механический закон инерции тоже важен.)[9]

Эти маленькие талантики, бросившиеся вслед за гениальным, сначала тоже ужасно много выигрывают. Их читают. Иных при-

---

[1] графиня (*франц.*).
[2] *Вместо*: с жаром отрекается от — *было*: требует отрицания
[3] *Было*: поэт
[4] *Далее было*: и сам [понимает, что надо] разделяет желание отрицать
[5] Такие ∾ общественной. *вписано.*
[6] *Вместо*: Он сам — *было*: который. вдобавок, сам
[7] *Вместо*: и скажет что-то новое — *было*: и говорит новое слово
[8] *Вместо*: оказывается несколько тверже — *было*: твердое
[9] Все трещит ∾ тоже важен. *вписано между строк и на полях.*

нимают тоже почти за гениев. Но под конец они[1] надоедают ужасно.

Они опошливают даже свою же идею. У первоначального гениального отрицателя было много высокодушевного в его произведениях, значит, была Красота, у этих же никакой: да они и не понимают, что только одна Красота вековечна,[2] а отрицание, принимаемое сначала с восторгом, всегда под конец омерзеет. У них только злоба и злоба дня,[3] только злоба, желчь, насмешка и остроумие. Но и остроумие тогда только остро и умно, когда исходит из глубокого чувства. У мелких же отрицателей, у подражателей чувства нет. Эти люди искали только добычи и бросились на нее.[4] Остроумие их тупеет, дешевеет, разменивается на мелкую монету, обращается в религию.[5] Эти дешевые таланты обращаются, наконец, чуть не в городских фельетонистов, берут грубостью, упрямством невежества, страшным, отвратительным цинизмом, портят вкус.[6] Иной фельетон их, иная повесть это всё равно[7] ‹что› прием рвотного. Люди с уцелевшим[8] вкусом и с духовными требованиями, несколько высшими ординарной среды, с отвращением отворачиваются[9] от подобной литературы. В низшего же разбора обществе, мещанской, так сказать, средине его, еще держатся ее дольше, даже чем дольше, тем больше наслаждаются, но это уже тупик. . .[10]

Да и всё общество в его целом, сняв с себя старую кожу, остается в тяжелом и в комическом виде. Оно — как бы голое. Старые лохмотья,[11] которые всё же хоть что-нибудь прикрывали, сброшены и оплеваны, а надеть-то и нечего. Тут вдруг оно начинает сердиться[12] на отрицателей и отворачиваться от них с омерзением.[13] А они-то не догадываются (как всегда бывает, именно тут-то и не догадываются), тянут прежнюю песню с омерзительным цинизмом,[14] с насмешкой оказенившейся ‹?›, с остроумием регламентированным, и долбят и долбят по-прежнему в одну точку.[15]

---

[1] *Далее было*: тоже

[2] да они ∾ вековечна *вписано.*

[3] а отрицание ∾ злоба дня *вписано на полях.*

[4] Эти люди ∾ на нее. *вписано.*

[5] обращается в религию *вписано. Далее было*: являются казенные приемы и формулы.

[6] *Далее было начато*: Правда, и они находят поклонников, но под конец надоедают ужасно; до

[7] *Незачеркнутый вариант*: просто

[8] *Далее было*: еще

[9] *Было*: [конеч‹но›] просто отворачиваются

[10] еще держатся ∾ тупик. . . *вписано.*

[11] *Далее было*: оплевали и сняли

[12] *Далее было*: и с омерзением прислу‹шиваться?›

[13] и отворачиваться ∾ омерзением *вписано.*

[14] *Далее было начато*: Они, чтоб угодить всё в одну точку, они-то смели ‹?›, они всё

[15] и долбят ∾ одну точку *вписано на полях.*

А догадаются из них поумнее — так еще хуже. Начнут представлять идеалы положительной красоты, начнут одевать голого человека — и что только тут у них выходит! Какие лица, какие образы:[1] всё нелепо, безумно смешно, куклы вместо людей. Всего комичнее тут наивность[2] этих торопящихся. Иные из них сами веруют[3] в свои новые образы.[4] Мещанская серединка и тут иногда даже еще верит и наивно переодевается в кукол, представленных ей вместо типов положительной красоты. Переодетые щеголяют некоторое время в своих шутовских костюмах, ходят и даже гордятся.[5] Простодушнейшие даже погибают, разыгрывают‹ся› домашние трагедии. Происходят всякие уродства, бегут в Америку,[6] но это же, однако же, выскочки. А общество между тем все еще голое, надеть нечего,[7] желчное, злое, смущенное ‹?›,[8] каяться ‹?› не хочет. Да почти и не в чем.

‹Февраль, гл. I—II›

Меня все встретили.

«Петербургские вед‹омости›».

Хорошо иль нехорошо?

— Хорошо. Мы все хорошие люди, т. е., конечно, кроме дурных.

— Но у нас даже дурных нет, а есть лишь дрянные.

— Кроме того, у нас собственно националь‹ные› свойства и даже западники.

— Не верю ненависти «Голоса» к «Биржевым» и даже к «Москов‹ским› ведом‹остям›». «От‹ечественные› з‹аписки›» и «Современник». Соперничество в переводе Диккенса, «Один‹окий› дом» и проч.

— У нас ценились Сильвио и проч.

— Да и за что нам не любить друг друга. Славянофилы и западники кончились. По крайней мере Потугин.[9] Теперь народ идет *сказать свое слово.*

— Мы все ищем подвига, общей пользы.

— Воля ваша, это так. Отраднейшее явление.

---

[1] *Далее было начато*: *а*. Согласно *б*. по правилам

[2] *Далее было начато*: поэтом

[3] *Далее было начато*: в свою сочиненную

[4] Всего комичнее ∾ новые образы. *вписано на полях.*

[5] *Далее было*: этим

[6] *Над строкой*: Этих жаль

[7] *Далее было*: сердитое

[8] *Далее было*: И если б явился тут великий писатель с типом действительно великой, положительной Красоты — он бы всех увлек и сказал бы великое новое слово. Объяснять и защищать [красоту] ему свой идеал и не надо.

[9] По крайней мере Потугин. *вписано.*

— Если противоречим и деремся, что же в том?

— Правда, есть дрянь и в литературе.

— Вот, наприм‹ер›, «Биржевые ‹ведомости›». Бал. О народе. *Теория.*

— Константин Аксаков.

— Образован и безобразен. Совмещается.

— Не в том, а в том, как он воздыхает.

— *Порча* будет, но валы только лижут могучего пятки.

— А целое есть. Оно уже схвачено. Тихон, Мономах, Илья, но, однако, всё это идеалы народные.[1] Недалеко ходить, у Пушкина, Каратаев, Макар Иванов, Обломов, Тургенев, ибо только положительная красота и останется на века.[2] Потугин. Потугиным я займусь. Я имею право: я поставил Тургенева одним из самых первых.[3]

— Я не могу иначе говорить о русском народе. Я знаю, что этот безобразный народ — безмерно прекрасен.[4]

— Сто тысяч, каторга...

— Это убеждение воскресло во мне..[5]

— Лжи, фальши самой наивной, через гумно.

Я помню, как я лежал.

Марей.

Какое мне дело, что этого никогда не будет. Я счастлив, верю, что это очень могло бы быть.

Беспредельная сострадательность и широкость в оценке разумности. Помилуй народ без земли и без бунта ‹?›

Дело Кронеберга.
Адвокат.
Париж, война.
Спиритизм.
Поэма Авсеенки.

Но вряд ли мы так хороши, чтоб поставить себя в идеал народу, а потому и потребовать от народа, чтоб он стал таким, как мы.[6]

---

[1] *Далее начато над строкой*: народные, и если Мономаха не знают, то такой

[2] ибо только ∾ на века *вписано.*

[3] Потугин ∾ из самых первых. *вписано.*

[4] *Далее было начато*: Марей

[5] Это убеждение воскресло во мне. , , *вписано.*

[6] а потому ∾ как мы *вписано.*

Этому я не верю, и вот в этом, может быть, сомнении расхожусь.

Напротив, это мы должны преклониться перед народом и ожидать от него всего — и мысли, и образа, преклониться перед правдой народной и признать ее за правду, как блудные дети, двести лет не бывшие дома (правда, оста<ва>вшиеся всё время русскими и воротившиеся русскими,[1] и вот в том наша заслуга).[2] Но зато всё это с условием sine qua non — чтоб народ и от нас взял много.

Chacun de nous peut profiter.[3]

Я написал в прошл<ом> дневнике, что народ погружен в мрак невежества, в безобразие, и в то же время кричу, что народ прекрасен. Да, если я это знаю.

У меня были тяжелые мгнове<ния>, и мне, может быть, отдадут справедливость, что я, может быть, не люблю воздыхать.

Никогда я больше не перевоспоминал <sic!>, как в те годы.

Мне вдруг припомнилась одна маленькая черточка. Марей.

Мне было леть девять.

Дворянская честь. Она кончилась <?> известным вопросом Ермолова государю: «А зачем мы не лорды?»

Петровским <?>

Разве это нехорошо, разве он не образован?

И наибольшее разногласие, в котором заключается вопрос, от которого зависит всё наше будущее.[4]

— Народ.
— Аксаков.
— Типы, воздыхает. Тихон.
— Потугин...

---

[1] и воротившиеся русскими *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом*: Но вряд ли ∾ наша заслуга). — *незачеркнутая запись*: простоты и сердечности, широты понимания

[3] Каждый из нас может получать выгоду (*франц.*). *На полях рядом с фразой*: Chacun ∾ profiter. — *незачеркнутая запись*: именно то, что и мы принесли хорошего и мы несем очень много хорошего.

[4] И наибольшее ∾ наше будущее. — *написано поперек листа.*

Отвлекать — народ — теория — важный вопрос.

— Что лучше — мы или народ? — вопрос углом — а ведь он почти так и становится.[1]

— Народ ли за нами или мы за народом?

— Я думаю, что вряд ли мы так хороши.

— Ниц перед правдой народа.

Sine qua <non>.

Ни за что не отдадим. Есть нечто. Загадка.

Развратимся ли.

— Валы только лижут. И потому я бы не желал, чтоб ставили ненавистниками, я имею причины считать прекрасным.

История *средняя*, пустенькая.

Совсем другая мысль и другой взгляд. Нет, им, полякам, было тяжеле нашего.

Судите его не по тому, что он делает, а по тому, что он желал бы делать. Не за то, чем он есть, а за *то*, чем желал бы стать.

Что должен <?> — так как дело[2] убеждения скажут <?> потом, в каком направлении пойдет «Дневник». Что до меня, то выскажусь прямо: мы вовсе не так прекрасны.[3]

<**Февраль, гл. I—II**>

И помню, очнувшись, я застал на себе улыбку воспоминаний. Я поднял голову, встал — и вдруг понял, что могу смотреть иначе, чем поляк М<аре>цкий и ждать.

И кивнул мне раз головой: и я хоть не видал его, но чувствовал, что он также, улыбаясь, смотрит на меня.

Он мог сделать иначе, не коснуться пальцем. Так кем наш народ просвещен и образован — в ином смысле, в важном иль в неважном смысле, господа?[4]

Какие же другие[5] более высшие нравственные результаты могла бы дать самая высшая образованность.

Мне было немножко стыдно, что я испугался, но я все-таки шел с опаской, не доверяя <?> дошел до гумна, оглянул<ся?> — улыбка.

---

[1] *Рядом с текстом*: Что лучше ∾ и становится. — *запись*: Об эт<ом>

[2] *Далее было начато*: О дальнейших

[3] *Текст*: Народ. Аксаков ∾ не так прекрасны. — *написан поперек листа*.

[4] И кивнул ∾ господа? *вписано*.

[5] *Было начато*: нрав<ственные>

— Слыхали вы о деле Кронеберга? Всё известно.

— Отец высек дочь, схватил розги, упал в обморок, будет больнее.

— Дело в том, что привлекла к ответственности.

— Казалось бы, свято; защитник.

— Что же вышло, поставлено так, за истязание Сибирь.

— Не говорю об отце (нервный человек, плохой педагог).

Человек, принадлежащий обществу.

— Возьмите девочку, и хотели защитить — и вдруг сделали несчастною (мысль, что отец в Сибири). Этот суд — il en reste toujours quelque chose nébuleu<se?>.[1]

— Но об этом после, я хочу об адвокате.

— Что такое адвокат? — Друг человечества.

Падают в обморок, плачут.

— Талант увлекает, отзывчивость, б<--->> «Ревет ли зверь», c'est une lyre,[2] Vibulenus, капитал.

— «И меж детей ничтожных мира...» Не желал бы, чт<обы> г-н Спасович принял на себя.

Но он талант. Я рассердил, говоря: «Вон он. Талант».

— Между тем я не понимал еще дела. Г-н Спасович поставлен был в такое положение.

Я именно хочу поговорить об этой фальши со всех сторон.

— Вот суд с самым честным намерением.

— С другой стороны, честнейший адвокат должен вырвать жертву (в самом деле ведь могут пожалеть ребенка иль что-нибудь) во что бы ни стало.

— И это «во что бы ни стало» досталось Спасовичу, как он должен был вертеться...

Но я расскажу эту речь,[3] я говорю, как честный человек должен вертеться, изворачиваться, пустить в ход весь талант. Я не юрист, но я поражен фальшью дела.

С начала в речи (с «Голоса») и вся речь по порядку.

Нет, недаром деньги берут.

Она капризничала; из сортира.

Я бы удивился, если б в Евангелии была пропущена встреча Христа с детьми и [4] благословение детей.

Если Кронеберг признал, то и конец.

Зон перебл<удил?> немощен <?>

---

[1] после него остается всегда что-то неясное (*франц.*).
[2] это лира (*франц.*).
[3] *Сверху дважды приписано*: не всю
[4] встреча Христа с детьми и *вписано.*

Но ведь 7 лет, 7 лет!
Справедливый гнев.
Как гнев, а де-Комба?
Святее себя.
Но она воровала чернослив.
Банковые билеты.
«Накопай, папа».
За злоупотребление властью, а не за честность.

Но г-н Спасович это нарочно. Ему главное, чтоб не было истязания.[1] Истязание.[2] В своде законов пробел (выписки).

Но ему надо огадить девочку. А, воровка, она шустрая, и затем Суслова. О, вы забыли оставить нам жалость, хитр<ый> адвокат.

Сам Кронеберг признался, и тут показание.

Недаром деньги берут. Святыня семьи. Не боимся. Русские <?> одарены. Итак, положительно забренчала лира.[3]

Остановимся здесь.
Во-первых, 7 лет.
7 лет конфисковал.
Так ли воспитать, неужели же вы против этого. Стук по носу.
Итак, дранье ничего.
Уединен<ные> дети, рубца не знал <?> Прямо по лицу розгами.
Петя на всё «мама».
Ребеночек лжет в колпаке разбойника. Ангелы.
Надрыв<ает> сердце.
Всё это и расск<азать?> бы г-н Спасовичу. Справедливый гнев. И это вы называете властью отца?

Но, однако же, кто защитит? Что-то надо сделать адвокату. Обварила ручку.[4] Грустный разврат.[5]

Затем рассказывает, как с Жезинг, таки это как femme entreten<ue>.[6]

---

[1] *Далее было*: Но перейдем к речи
[2] *Далее было*: Истязания не было
[3] Святыня ∾ лира. *вписано на полях.*
[4] Обварила ручку. *вписано дважды.*
[5] Но, однако же ∾ разврат. *вписано на полях.*
[6] содержанка (*франц.*).

Мы всё это опускаем, тем более, что Жезинг же и потребовала ребенка, «воспит<ыва>ть буду» (выписка *до* «не узнала отца»).

Заметьте эту черту. Группировка.

И вообще в группировке мастер. Потом[1] увидите. Это верх искусства.[2] Но укажу еще. Когда катастрофа, то Титова.[3]

Признаюсь, это единственн<ая> заступившаяся курица, всё потом, сам г-н Спасович, все жестоки к ребенку, она одна — показание ее производит надрыв и жалость. Вот из обвинительного акта.[4] Она утверждает, что овечку секли.[5]

И что же, г-н Спасович группирует впоследствии в речи все факты, чтоб обесчестить девочку (я здесь забегаю вперед), говорит о краже[6] денег и что теперь 8 месяцев спустя сказала, что для Аграфены.

Но ребенок мог выдумать. Говорила же она: Je suis voleuse, menteuse.[7] Ничем не доказано.[8] Да и г-н Спасович не доказывает, он только мельком упомянул, что для Аграфены. Но у присяжных подозрение на Аграфену. Вот, стало быть, какая свидетельница. Это бесчестье брошено на женщин сострад<ательных> — и несколько вас возмущает. Но ведь в каких же он был обстоятельствах, спасти Кронеберга, не пренебрегать всяким средством.

Многим не нравится, что трактат <?> о рубцах. Г-ну Спасовичу надобно отрицать рубцы, и вот он пускается считать рубцы, рубчик<и>, но это ловко. Присяжные видят, какова точность. С удивлением узнают, что посылали в Женеву справляться об одном рубчике на лице. Как хотите,[9] а чувствуют уважение и продолжают слушать серьезно. Но в сущности тут много вздору. Чего надобно г-ну Спасовичу — трудно сказать. Ведь сам г-н Кронеберг[10] сознает, что сек ужасно. Ему хочется, что<бы> не было сечения ужасного, несмотря на страшн<ые> шпицрутены. Синяки от ушибания <?> спины. Смеется над доктором Лансбергом.

Но семь лет украдено.[11]

Остается открытым вопрос о пощечинах (не обидно, а оскорбительно).

---

[1] *Было*: Вот потом

[2] Это верх искусства. *вписано.*

[3] *На полях против текста*: Заметьте ∾ Титова. — *незачеркнутая запись*: 1-ый раз украла 7 лет.

[4] *Далее было*: Заметьте, что и сам подсудимый так показал.

[5] она ∾ секли. *вписано.*

[6] *Далее было начато*: которую дев<очка>

[7] Я воровка, лгунья (*франц.*).

[8] *Далее было*: К тому же она не понимает по-русски, заметьте еще, что г-н Спасович часто говорит, что ребенок в скверном обществе, дворни<чи>хи, и вот он только *Текст*: К тому же ∾ он только *помечен на полях*: NB

[9] Как хотите *вписано.*

[10] *Незачеркнутый вариант*: клиент

[11] Но семь лет украдено. *вписано.*

Для чего производить это неприятное впечатление к девочке? Да чтоб истребить даже самую жалость эту. Чтоб всем воспользоваться, не то сошлют.

Шустрая, щеки, воровка — банковые бил<еты>, не узнала отца, наконец, эксперт Суслова. Гнев — но ведь она безответст<венна>, безответств<енна>, по носу (это как ничего).

Перед вами *иная* девочка, уже испорченная, в перчатках и кокетничает, не верьте, она еще ангел, колпак.

«Папа, покопай под кусточком денег», — ну, какие тут банковые билеты.

Суслова. И это про 7-летнего ребенка, и она сама тут перед вами. Господи! Господи! В какое положение может быть поставлен адвокат.

Начал о рубцах. Не знаю, верен ли прием.[1] Но чрезвычайно смело. Так сказать, наскок.

Он прямо отрицает всё: истории, обиду ребенка, розги, удары по лицу — всё, всё, т. е. и допускает, но в каком виде.

Но зато прямо приводит: она краснощекая, шустрая.

<Февраль, гл. II, § V>

Слухи <?>. Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучше,[2] то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу. А потому мы их должны также[3] уважать и подходить к ним с уважением, к их лику ангельскому, хоть бы и имели их чему научить,[4] к их невинности даже и в порочной какой-нибудь привычке, к их безответствен<ности>, к их чину ангельскому,[5] а не бить их по лицу в кровь кулаками.[6] Ведь семь лет, тут семь лет, г-н Спасович. Неужели же прав тот человек, который прямо так и оперировал <?>.[7] Вы утвер<ждаете>,[8] что пощечины от отца не обидны;[9] вы оправдываете и это.[10] Не говоря уже о странном предмете <?>, скажу прямо, что битье по лицу есть обида, а не предрассудок, но не эта обида, а оскорбл<ение>. Это не серьезный[11] преступник, который стоит перед

---

[1] *Далее было*: Тут
[2] *Вместо*: чтоб сделать их лучше *было*: хорошему.
[3] также *вписано.*
[4] хотя бы ∾ научить *вписано.*
[5] к их невинности ∾ чину ангельскому *вписано на полях.*
[6] *Было*: кулаком.
[7] Ведь семь лет ∾ оперировал <?> *вписано на полях.*
[8] *Было*: *а.* И потому нельзя говорить *б.* Вы говорите
[9] *Далее было начато*: вы говорит<е>
[10] вы оправдываете и это. *вписано.*
[11] серьезный *вписано.*

вами,[1] это девочка, которая сейчас же побежит играть с мальчи-к‹ами› в разбойники. Знаете ли вы, что такое оскорбить детей? Сердца их полны любви, а такие удары вызывают в них горестное удивление и слезы. Их рассудок никогда не в силах понять всей вины их, это надо всегда держать в виду, когда имеешь дело с младенцами. 7 лет, дев‹очка› есть еще младенец.[2] Видали ли вы или слыхали ли вы, когда ребеночек в варварской семье[3] уйдет в угол и плачет, ломая руки, не понимая хорошо ни вины, ни наказания, но слишком понимая, что его не любят. Эти слезы видит и считает[4] бог. Я не хочу вторгаться в душу и сердце его, его и семьи его, потому что я могу сделать несправедливость, и потому сужу только по вашим же словам, г-н защитник. Вы говорите, что он плохой педагог, это почти то же, что неопытный еще отец. Эти создания тогда только[5] сживаются с нами, когда мы, родив их, следим за ними с детства, продолж‹ительно?›[6] и роднимся взаимно душою каждый день, каждый час, каждую минуту.[7] Вот это семья. Семья тоже ведь делается, а не рождается только. Семья созидается взаимно и медленно, с трудом, равно и права над ней; права эти обуславливают и обязуют. Тут труд любви, тут усилия и всех членов ее взаимною беспрерывною любовью их. Вот тогда она святыня.

Ведь и любовь не рождает‹ся› только, а образуется, а не дается готовою,[8] таких прав и таких обязанностей не бывает готовых.

Вы так умны и так развиты, г-н защитник, что, конечно, вы поймете, что такое труд любви.[9]

Струп в носу.[10] Так еще бы по больному. И вам такие пощечины кажутся делом нормальным, вы говорите.[11]

Только ошибку ‹?›[12] ума. Гнев же отца справедлив; по-вашему, она воровка?

Постойте, г-н Спасович, постойте. Я не останавливал еще вас, что *она ворует*, я говорю только о справедлив‹ости› гнева отца. А де-Комба? Как она могла исправ‹иться?›.

Святым не можете сделаться со всем вашим умом, а где ее ум: семь лет. Вместо умственного, сердечное воспит‹ание, а› ее секут розгой.

---

[1] который стоит перед вами *вписано.*
[2] Их рассудок ∾ еще младенец. *вписано.*
[3] в варварской семье *вписано.*
[4] и считает *вписано.*
[5] Я не хочу ∾ тогда только *вписано на полях.*
[6] продолж‹ительно?› *вписано.*
[7] *Далее начато*: Вы говорите
[8] не дается готовою *повторено дважды.*
[9] Вот это семья. ∾ труд любви. *вписано между строками и на полях.*
[10] *Далее было начато*: Девочке
[11] *Далее начато*: Кронеберг
[12] *В рукописи ошибочно*: ушибку.

Я поддерживаю полную безответственность ее, и что бы вы ни говорили, вы не можете оспорить[1] лет. Семь лет — это еще младенец, про младенца нельзя говорить, что он *добирался* до денег.[2] Вы скажете, что мы должны же их исправлять.

‹Март, гл. I—II›

Гамме. Положительно ничего не будет, кроме пущей мерзости.

Сечь не будут, но[3] сечение не уничтожится.

Иванище решает грубо — матерьяльно, ввиду первых потребностей.

Спиритизм, атеизм, Христос.

Иванище заботится,[4] что-нибудь носит же его в Ерусалим[5] ходить, но если принять великое решение, то он забеспокоится и устранится.

Моршанск, Петерсон. У нас есть люди, ставящие такие ‹?› положительные требования. Иванище или Илья, г-н Петерсон? Не могу решить этого — но положительные требования.

О *плюсовой*[6] литературе.

Я всё читал газеты.[7] Я ничего не знаю разнообразнее действительности. Зачем обыкновенно люди прибегают к фантазии, чтоб развлечь и развеселить себя. Никакая фантазия не может сравняться с действительн‹остью›, если ‹?›[8] хоть капельку в нее вглядеться.[9] Кто говорит, что на свете скучно? Какая нелепость! Напротив, чем дальше, тем веселее. Даже так можно сказать, что прежде было скучнее. Во Франции верили в республику. Наполеон повеселил — но не очень. У нас Дадьян; верили в Гоголя — взятки не перестали — но люди, не любящие взяток, образовались. Но теперь веселее. Во Франции Распаль подает ‹?› об освобождении. Дон Карлос въезжает в Англию. Какая фигура!

---

[1] *Незачеркнутый вариант*: опровергнуть
[2] про младенца ∾ денег *вписано. Далее начато*: как же вы
[3] Сечь не будут, но *вписано*.
[4] *Было*: боится
[5] *Так в рукописи*.
[6] *Было начато*: О 1-х
[7] Я всё читал газеты *повторено дважды*.
[8] *В рукописи ошибочно*: есть
[9] Зачем ∾ вглядеться. *вписано*.

У нас я прочел о Купернике.[1] У нас же даже об одеждах священников <?>. Граф Шамбор положим <?>,[2] француз. Этот — инквизицией. Кровь не смущает никогда. Это ad majorem gloriam Dei.[3]

Сир Laurens[4] как-то видит в том, что народ сохранит в том больше достоинства.

Какие характерные и твердые люди, а у нас ничего своего — Потугины. Кстати. Милый анекдот, мелькнувший в газете, забыл, в какой, где прочитал. Премилейший анекдот. Но я о Пушкине.

Говорю, что этот <?> всё скучает о пустяках, пустяки лезут прежде всего.[5]

Там люди закончившиеся, совершенно обособившиеся и доживающие последние сроки. О, есть там и новее. Кто сказал, что нет там новых людей? По крайней мере миллионы веселятся <?> с призраком нового, с восторгами нового и с идеалами.

Но новое ли или старое — в том вопрос и в том их трагедия.

Неужели о Купернике?

Впрочем, оставим о г-не Купернике. Это нисколько не стоит того. Какое нам дело до частной жизни человека?

Так просто для грому или для игры с ямщиком.[6]

— Слышал о старушке.

— Слышал о Малькове. Слышал о молод<ом> человеке, идущем против спиритизма (и даже видел его). С другой стороны, слышал рассказ об одной церкви в Англии. Странное время, значит, везде, и это где же, и это там, где наиболее обособившиеся люди. Действительность.[7] Посмотрите на дона Карлоса и т. д. Сами от себя и сами по себе. Правда, не без связи же с предыдущим, и большой. Это-то и любопытно проследить, эту связь, но всё представляется как бы тем классическим пучком прутьев,[8] который цел и крепок сам по себе, а лишенный связи рассыпан, и каждая былинка колеблема ветром. Да это у нас *прутик* ли только. Слышал я об одной церкви в Англии (ведь я о слышанном пишу).[9]

О Купернике.

---

[1] У нас ∾ о Купернике. *вписано.*
[2] положим <?> *вписано.*
[3] к вящей славе божией (*лат.*).
[4] Лоуренс (*англ.*).
[5] Премилейший анекдот. ∾ прежде всего. *вписано.*
[6] Впрочем ∾ с ямщиком. *вписано.*
[7] Действительность. *вписано.*
[8] прутьев *вписано.*
[9] Это-то и любопытно ∾ пишу). *вписано.*

О, прочитайте *то и то*. Пучок фактов. О спиритах. О спиритах я забыл сказать одно словцо в прошлом дневнике.[1]

Факир.

О Калике Иванище. О Петерсоне (резкие требования) и т. д.

О войне, о Европе, Гамбетте, папе, на тему: все уверяют, что всё спокойно, но о России помолчим. Посмотрим на Европу. Мак-Магон. Там тоже видят прочность. И кончить: ударят о скалу-Россию.

Дон Карлос, закаменели. Как там всё это логично и связно.

Не могу уверовать, не хочу уверовать, что ли. Факир, ну нет у спиритов, *если действительно* подымается стол, то это немало. Но там чудеса дикие.

Если хотите, Иванище.

Автор не против ассоциаций и корпораций — он только говорит, что их теперешний главный принцип — это шпионство и утилитаризм. Но эта выписка вряд ли, впрочем,[2] разъяснит мою мысль[3] об особенной повсеместной теперешней обособленности без концов и начал.

То-то пожил лет. Сколько огня и тепла ушло даром, сколько прекрасных молодых сил ушло понапрасну без пользы общему делу и отечеству из-за того только, что захотелось вместо первого шагу прямо шагнуть десятый.

Да что: у нас открывается и обособляется и выходит пусто. Всё. Курица болтуна снесла.

А впрочем, чуть ли *там* не хуже. Вместе пук фактов.[4] У нас растрата сил незрелая и ни с чем не сообразная. Там всё обособилось зрело и, кажется, уже не сойдутся. В пук-то и совсем не соберутся. Это ясно. Конец. Есть там одна мысль, но о мысли этой потом.

Это только почип ‹?› Ведь, может быть, и соберутся в пук.

---

[1] О спиритах ∾ дневнике. *вписано.*
[2] впрочем *вписано.*
[3] *Было*: выписку
[4] Вместе пук фактов. *вписано.*

Уже выросла изо всех скорбей, изо всего текущего, уже не от мира сего, а всё же спросил<а>: «Ты куда?» Да ей и не надо было, а человека увидала, что заговорил с нею, тоже ведь общение с людьми.

Мне пригрезилось после этого рассказа, как она придет.

Чего плакалась <?> и просто, и хорошо, *великолепно* <?> вели<ко>лепно <?>

Дать бедность надо, ну и т<ак> далее.[1]

Католичество — страшная окаменелость, и как раз в наш век ему надо было окаменеть. Эта страшная вера была главною гибелью всей Европы, 3-е дьяволово искушение. Энциклопедисты. Наука. Но наука пока теория.[2] Теперь вновь гонение на католичество. До сих пор оно блудодействовало с царем, теперь с демосом. Рамон <?> Болье <?>[3] Россия будет ли готова? Наш поворот в Европу отвел нам глаза. Так что, может быть, не воротимся, но Европа застучится. Спасите себя и нас.[4]

Стучится об Россию Читали ль вы въезд дона Карлоса? Вот еще окаменелая фигура.[5]

ДОН КАРЛОС.

Какая действительность! Никакая фантазия не сравнится с действительностью. Себастьяни.

А между тем и там *разложение* и обособление. Посмотрите.[6] Как они смотрят на протестантизм (выписка. Победо<носцев>).

Мне рассказывали про *атеистическую церковь*. Уважение к этому умиранию.

Затем:

Куперник и кража у австрийск<ого> посланника. Мещерский. Центральное общество добродетели.[7] И кончить ВОЙНОЙ. Лучше я вам расскажу про войну.[8]

Вопрос Герцеговинский, узел которого несомненно в Берлине.

---

[1] *Далее было*: О, у нас тоже вяжется, но сам-то он не хочет вязаться — самонадеянность, самонадеятелн <?> И что за беспокойство,

[2] Но наука пока теория. *вписано.*

[3] *Далее было*: Литератор не знает предела и знать не хочет. Вступает публицистом — и знать не хочет ни истории, ни предыдущего и прямо хочет сделать 10-й шаг вместо первого. Вступает и в отделе критики — «критиком» и уже знать не хочет замечать ничего и никого. Погибает наконец от усилий угодить, деятель не он. И вдруг из ненависти делает<ся> религиозным, но не христианин и не протестант, уединяется и выдумывает своего Христа.

[4] Россия будет ли готова? ∾ себя и нас. *вписано.*

[5] Стучится ∾ фигура. *вписано.*

[6] *Далее было*: отделились

[7] Мещерский. ∾ добродетели. *вписано.*

[8] *Далее было*: чрезвычайное обособление, все-все радуются?

Спиритизм.
Малый интеллект общества.
Ничтожество убеждений.
Ничтожество высшей культуры.
Ничтожный подъем души.

Впрочем, на всякое дело можно взглянуть с сложных фантастических и запутанных точек, так что лучше попросту: в каторгу, так в каторгу.

Для порядка — лучше, прямолинейнее, не правда ли?

Я, впрочем, сделал одно замечание, что мы начали жить не так уж просто, как еще 10 лет тому, а, может, и не вы, не я, а все стали жить сложнее.

Самое *запретить* России — есть сложность. Но для наблюдателя. Сам же по себе факт прост.

В России демос доволен и удовлетворяется, чем дальше, тем больше.

Позвольте, вот у нас в России один из самых важнейших вопросов: где лучшие люди? В культурном ли слое, в народе ли? Чем они определяются? Нравственностью? Но и нравственность шатается. У нас считается в одной кучке то нравственно, что в другой совсем безнравственно, и народ отвергает и то и другое.

Лучшие люди явятся сами собою и не из одних военных. Разве одни военные ратуют, отстаивая отечество? Явится предание, явится нечто, чего нельзя будет не уважать. Вот и начало мысли и руководство для лучших людей.

Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства, родит цинизм. Наслаждения[1] не утончаются, а грубеют. Потребности[2] из духовных и великодушных становятся матерьяльными, плотоядными. Является сладострастие.

Барон Родич.

---

[1] *В рукописи ошибочно*: **наслаждение**
[2] Потребности *вписано*.

— Я не верю в бессилие России. Для чего это я всё говорю: я лишь в том смысле, что бояться очень войны нечего.[1] Глубокая тишина царствовала в Европе. Лучшие люди. Явятся сами *из живучести нации*. А потому не должно бояться. Кстати о *войне*. Привыкли считать войну. Разговоры давно. Лучшие люди.

Во Франции хоть социализм, а в Германии обоготвор‹ение?› лишь собственной гордости. Всё начипено элементом ‹?›

Сластолюбие вызывает сладострастие, сладострастие жестокость. Зависть, подпольное существо. Перестанут самоубийства.

Справьтесь-ка с такою страстью, как зависть.

Скоро сильных держав не будет, будут разрушены демократией. Останется Россия.

Являются[2] утонченности чувств, немыслимые в здоровом обществе.

Гибнет честь. Берутся лишь формулы и оставляется настоящее.

Наука — великая идея, согласен. И в науке надо великодушие, самопожертво‹вание›, но многие ли занимаются, собственно, для торжества науки? Напротив, в долгий мир и наука покрывается плесенью утилитаризма.

Война окунает в живой источник.

Это странный факт, что менее обедняет взаимно, чем в каком-нибудь «статском» случае, нахальном договоре, политическом давлении, высокомерных запросах, сношениях, как, например, когда у нас спрашивали отчету о Польше, и когда их разбил наш канцлер. Зависть, меркантилизм, взаимное надувание.

Напротив, это война очеловечивает, а мир ожесточает людей. Другое дело, если б все были и впрямь братья, обнялись бы.

Начать с братоубийственной междоусобной войны.

Изворотливая робость. Чье это выражение. «Русский мир».[3]

---

[1] Для чего ∾ нечего. *вписано.*
[2] *В рукописи ошибочно*: Является
[3] Изворотливая ∾ мир». *вписано вверху* листа.

‹ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1876 ГОДА›

‹Черновые редакции›

I

В будущем 1876-м году будет выходить в свет ежемесячно, в последнее число каждого месяца

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»

(сочинение Ф. М. Достоевского),

выпусками не менее как в полтора печатных листа и в формате еженедельных газет наших. Это будет[1] дневник писателя Ф. М. Достоевского[2] в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых, в каждый месяц, впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, войдут и рассказы. Всех выпусков в течение года выйдет двенадцать (за январь, февраль, март и т. д.). Каждый выпуск будет продаваться отдельно, во всех книжных лавках, по 20 копеек.

Но желающие подписаться на всё годовое издание вперед пользуются уступкою и платят лишь полтора рубля (без доставки и пересылки), а с пересылкою[3] или доставкою на дом — два рубля.

Подписка открыта и принимается.

Первый выпуск выйдет в свет 31 января 1876 года.

Федор Достоевский.

II

В будущем 1876-м году будет выходить в свет ежемесячно, в последнее число каждого месяца

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»
СОЧИНЕНИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

выпусками не менее как в полтора печатных листа и в формате еженедельных газет наших. Но это будет не газета: из всех двенадцати выпусков составится целое, книга, написанная одним пером.[4] Это дневник в буквальном смысле слова, отчет о выжитых

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* Но это будет
[2] писателя Ф. Достоевского *вписано.*
[3] *Было*: ежемесячною пересылкою
[4] Но это будет ∾ одним пером. *вписано.*

впечатлениях, о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда конечно войдут и рассказы. Всех выпусков в течение года выйдет двенадцать (за январь, февраль, март и т. д.).[1]

Каждый выпуск будет продаваться отдельно по 20 копеек. Но желающие подписаться на всё годовое издание вперед пользуются уступкою и платят лишь полтора рубля, а с ежемесячною пересылкою и доставкою два рубля.[2]

Подписка принимается.

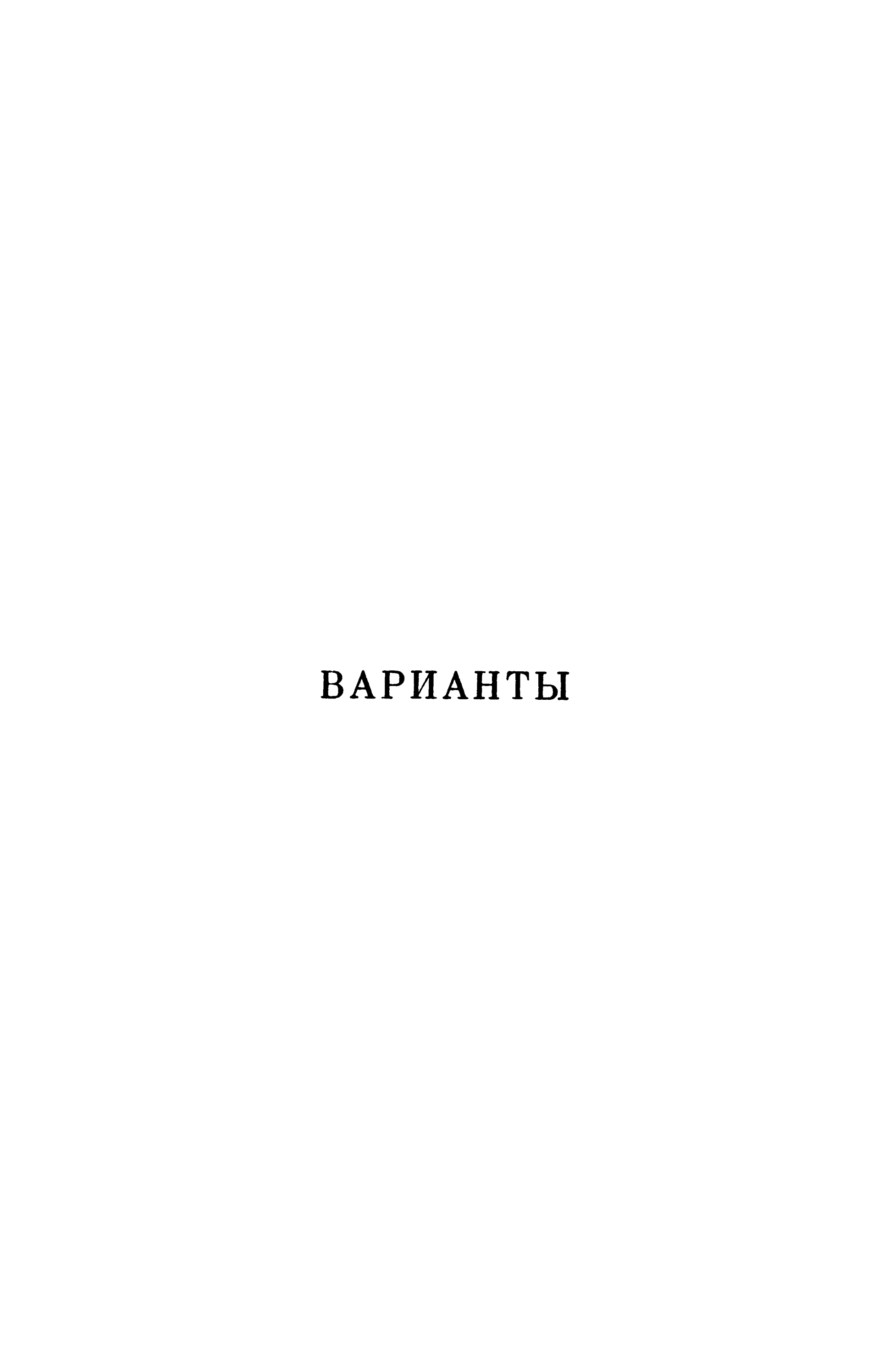
Первый выпуск выйдет в свет 31 января.

Федор Достоевский.

---

[1] *Вместо*: Всех выпусков ∾ и т. д.). *было*: К концу года из двенадцати выпусков составится целое, книга.

[2] *Вместо*: Но желающие ∾ два рубля. *было*: Желающие подписаться на все 12 выпусков пользуются уступкою и платят лишь полтора рубля, [за все 12 выпусков] за весь год издания, а с пересылкою и доставкою два рубля.

ВАРИАНТЫ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ 1876 г.

(Стр. 5)

Варианты чернового автографа (*ЧА*)

‹Январь, глава первая, §§ I—III›

Стр. 5.

3–8 1876 январь ∾ дурных привычках / Предисловие ◊
10 капельку боялся / капельку да боялся ◊
10–11 да и вытолкают из гостиной / да и вытолкают вон и не дадут доврать◊
14–15 действует «просто» / действует прямо ◊
16 но прежнее самолюбие / но не так как прежде: прежнее самолюбие
17 вглядывалось / читало
17 в физиономии / в лица ◊
20 решает дело / кончает с собой
21 не слыхали ли вы / не слышали ли вы, например ◊
22 Милый папаша / *а. Как в тексте. б.* Милая мамаша ◊
22 мне двадцать три года / мне [27] 25 лет ◊
23 не выйдет / [и не будет] не выйдет ◊
25 тут хоть / тут еще хоть◊
25 что-нибудь да понятно / что-нибудь понятно
27 застрелится ∾ из-за того / *а.* застрелится единственно потому *б* застрелится молча и письма не оставит из-за того ◊

Стр. 5—6.

30–2 Уверяют печатно ∾ ничего либерального. *вписано.*

Стр. 5.

30–31 много думают / думают ◊
32 убежден / полагаю
33 *После*: не думает — что он страшно необразован ◊
34 до дикости неразвит / потому что до дикости неразвит ◊
34 и если чего захочет / и если хочет чего ◊

Стр. 6.

1–2 ничего либерального / никакого либерализма ◊
3 *После*: вопроса — Пресмешное восклицание, не правда ли? Какие уж это Гамлеты?
4 *После*: что будет там. . . — Откуда нет пришельцев ◊
5 И в этом ужасно много странного. / Но, однако, действительно тут что-то странное. И как не смешно вам, господа, а для меня ‹*не закончено*›

5–6 Неужели это ∾ а не бессмыслие. *вписано.*
6–7 *Фразы*: Ну, не верь, но хоть помысли. — *нет.*
9 называется *я* и есть *вписано.*
10 И, однако, он вовсе / *а.* Он даже вовсе *б.* И, однако, он вовсе даже ◊
13 *После*: Вольтер — *вписано*: Даже и Фурье-то нет! ◊
16 жалеет / между прочим, жалеет ◊
16 что пе увидит / что оп не увидит ◊
18 только что начинавшийся тогда Гете / только что еще [начинавший так] начинавшийся Гете ◊
19 Чем же / Отчего
19 *После*: созвездия? — что это [он] так прощ‹ается› в последние мгновения свои он [так] с таким восторгом прощается с ними?
19–24 Тем, что он сознавал ∾ бесконечностью бытия. . . / Тем, что, смотря на [них] эту бесконечность божиих чудес, он всегда сознавал себя равным им, не мухой и пе атомом, сознавал всегда себя перед ними, а равным и даже существом высшим. Оп знал, что то, что зак‹лючается› ‹*не закончено*›
20 каждый раз созерцая их / *Начато*: Смотря на [эти и па] всю эту бездну чудес он
20–21 вовсе не атом и не ничто перед ними / вовсе не атом перед этой бесконечностью
22 вовсе не выше / не выше ◊
24 с бесконечностью бытия. . . / с бесконечностью. . . [говорит ему о бессмертии] ◊
25 открывающую ему: кто он? *вписано.*
29 великого Гете / Гете ◊ *Далее было*: и вот в чем было страдание Вертера, вынужденного невыносимою страстию разбить этот «данный ему лик человеческий».
30–31 совершенно просто ∾ фокусов / *а.* без фокусов, совсем не думая *б.* просто безо всяких таких фокусов ◊
31–33 а с Медведицами ∾ так не станет *вписано на полях.*
31–34 а с Медведицами ∾ стыдно будет. / Никогда не прощаясь не только с Большой Медведицей, но даже и с Малой.
32 никто не вздумает / *а.* не станут *б.* не вздумают ◊
32 вздумает / вздумал бы ◊
33–34 *Слов*: очень уж это ему стыдно будет. — *нет.*
40–41 объясните ∾ «Дневник писателя»? / ну и. . . что вы за человек, что осмеливаетесь объявить «Дневник писателя».
44 *После*: письмо. — *начато*: «Незнакомец

Стр. 7.

2 всем известный / многим нам известный ◊
3–4 новый 1876 год / новый год ◊
6–7 обратился ∾ в дурную привычку / *а.* или ремесло или дурная привычка *б.* обратился теперь повсеместно или в ремесло или в дурную привычку ◊
8 *После*: привычка — [но то дурно, что] Либералы наши решительно [связали себя] связаны как [бы] веревками, и чуть надо высказать свободное мнение, тотчас же трепещут [прежде всего] от страха: либерально ли [будет], дескать, выйдет, потому что всё это теперь, как-то всё это теперь странно спуталось, и это везде. Чаще же всего просто не знают, что либерально, а что нет, и это даже огулом [целой] массой. В последнее время даже особенно стали усиливаться такие явления, наряду с самым блаженнейшим квиетизмом, все сильнее и сильнее охватывающим массы общества. ◊
8–19 *К тексту*: но у нас всё это ∾ как веревками — *на полях наброски*: *1.* И действительно, огромное большинство [наших либералов] из них совершенно иногда не знают, что же у них либерально, что нет. *2.* Да и действительно являются несомненные признаки, что в последнее время в обществе нашем и в прессе нашей совершенно исчезает мало-

помалу понимание о том, что либерально, а что нет, и в этом смысле начинают сильно сбиваться, и есть примеры чрезвычайных случаев сбивчивости. Короче, либералы наши связаны либерализмом, как веревк‹ами›, а казалось бы, напротив, что [хоть] либерализм мог бы быть даже и либеральнее. *3*. [Так это] Но у нас это как-то так тут в последнее время устроилось. И странно: либерализм наш, казалось бы, принадлежит к разряду успокоившихся либерализмов, совсем успокоившихся, [таких, в которых уже] где всё сказано и ясно. [Либерализм наш, казалось бы, есть успокоенный либерализм, успокоенных и успокоившихся, где всё определенно и ясно]. Успокоенных и даже успокоившихся, что сквернее всего, ибо даже в либерализме квиетизм мне не нравится *‹не закончено›*

19-22 а потому и я ∾ не желаю успокоиваться / *а*. А потому [пусть] и я [не хочу сказать] [не скажу: либерален я или нет] о либерализме моем умолчу *б*. А потому и я пользуюсь сим любопытным случаем, о [либерализме] подробностях либерализма моего умолчу. [Скажу лишь] Но вообще скажу, что [не желаю успокоиваться] считаю себя всех либеральнее [единственно] хотя бы по тому одному, что совсем не желаю успокоиваться. Я даже и в либерализме не люблю квиетизма.

22-23 *Фразы*: Ну вот и довольно об этом. — *нет.*

23-24 Что же касается ∾ о себе выразился / Что же до того, какой я человек (т. е. как писатель, а не частное лицо), то я бы так о себе выразился ◊

25-26 но — кое-чем недовольный» / *а*. но не совсем довольный *б*. но не всем довольный ◊

27-28 На этом и кончаю ∾ для формы. / И вот я думаю, этого бы довольно будто для предисловия. . . Да [я] и написал-то я лишь для формы ◊

29-30 *Вместо заголовка*: II. Будущий роман ∾ семейство». — *обозначение раздела*: 2.

31 В клубе ∾ детский бал / Елка и детский бал в клубе художников [взманили меня] ◊

32-33 Я и прежде ∾ присматриваюсь особенно. / *а*. За детьми я давно слежу, а теперь в особенности *б*. На детишек [я теперь] я смотрю теперь всегда с особенным любопытством. *в*. К детям я давно уже присматриваюсь. Я и прежде всегда смотрел на детей, но теперь особенно ◊

33-38 Я давно уже ∾ первого детства. / Я давно уже поставил себе задачей и, уж кажется, идеалом написать роман о русских [отцах] [отцах] [теперешних] теперешних детях и русских отцах в взаимном соотношении, а вместе и в соотношении многоразличных слоев общества, из которых я беру детей и отцов. Ну, да впрочем, что бы там ни было, на словах объяснить трудно, просто будут отцы и будут дети. Будут дети, и [у них] с отцами или без отцов. Поэма [у меня давно] готова, и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у всех романистов. [Но тут] Я возьму [беру] отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с отцами их вместе с их самого первого детства [до юношества] и из многоразличных слоев русского ‹?› общества. Дети и [современная семья во всех слоях общества по возможности и] отцы их вместе в взаимных соотношениях [этих] слоев общества — вот моя задача. [Поле широкое, но я не готов. Главная задача — открыть] Я постараюсь открыть, если возможно [и доказать] взаимную цель [или связь] или хоть бессознательное, но общее во всех группах стремление. ◊

42 *После*: я был не готов — [Тут надо] Нужно еще изучение лиц [многолетнее] долгое, особенно [одним словом] я знаю, что мне надо еще узнать.

43 А пока я написал / А пока я ограничился тем, что написал

Стр. 7—8.

44-1 робко и дерзко ∾ в жизни / перед первым шагом [своей жизни] [в своей жизни] своим в жизни

Стр. 8.

[2] душу безгрешную / душу чистую и светлую ◊

[3] разврата / порока ◊

[3–4] *Слов*: раннею ненавистью ∾ «случайность» свою — *нет.*

[4–5] еще целомудренная душа / чистая и целомудренная душа

[5] допускает сознательно порок / допускает его в свои мысли, в сердце свое ◊

[5–7] уже лелеет ∾ мечтах своих / *а.* лелеет и любуется им уже давно в уединенных мечтах своих *б.* лелеет его, примеривает; еще дотрогивается до него еще в стыдливых, но уже дерзких мечтах своих *в.* мечтая, примеривает [порок] его, дотрогивается до него и обливается порой холодом испуга и в то же время [чувствуя почти неописуемую] почти замирая от [неотразимого наслаждения] совсем неопределенных еще предчувствий таинственного, но неотразимо уже манящего наслаждения *г.* *Как в тексте. После*: мечтах своих — замирая от предчувствия.◊

[7–8] всё это оставленное ∾ на бога / всё это оставленное судьбой единственно на [его] свои силы и на [его] свое разумение в случайном семействе. *Далее*: *а.* Что лучше? Это он лишь сам должен решить безо всякого руководства. Он добр и великодушен, но безмерно [знает] ценит свое великодушие и рисуется им в своих глазах беспрерывно. Он обижен с детства и знает это, хотя знает до страдания, что и сам виноват. У него несколько тяжелых воспоминаний о своей незаконнорожденности, о смешном [безобразном] социальном положении своем, о посещении матери, которую он оскорбил, о встречах с законным братом своим. Душа его наполнена ядом, и он уединился еще с самого первого сознания один и мало-помалу составил колоссальный и уродливый проект жизни в отмщение людям; в то же время у него страстное желание любить, и он страдает, что он никогда и никому не захочет отмщать [кто-то думал (забыл) из рецензентов] Некоторые приняли, что я хотел выставлять влияние денег на молодую душу, но у меня цель была [и шире, и глубже] обширнее. Как юный русский он, разумеется, составив величавый проект свой, тотчас же отложил его исполнение: довольно того, что он хранит его в тайне, как исход, во всяком худом случае, и в тишине любуется им и лелеет его в душе своей особенно при каждой новой «обиде» судьбы. А обиды сыплются, а ему так хочется нюхнуть жизни. Он как любовник гоняется за ‹*нрзб.*› отцом своим и хочет покорить его душу. Он хочет непременно, чтоб у него просили прощения все, для того чтоб тотчас же простить всех и любить вечно, неотразимо, страстно. И в то же время у него один проект. У него документ, тут красавица, тут возможность господства над нею, деспотизма и. . . *б.* Мне всё это хотелось схватить, но я [впрочем], однако, взял не серединную, а уединенную душу. [Я] Не знаю, понятно ли [у меня] вышло. Иные, кажется, поняли. Но главный, будущий роман мой будет гораздо яснее, полнее и непосредственнее, как говорили у нас при Белинском [я отсюда вижу его и . . . радуюсь. Что же: кому запрещено надеяться?] Кому же не запрещено надеяться.◊

[8–43] *Текста*: Всё это выкидыши. ∾ нам о несчастных. — *нет.*

Стр. 9.

[1–5] *Заголовка*: III. Елка в клубе ∾ московский капитан. — *нет.*

[6–10] *К тексту*: Елку и танцы ∾ и долго жил уединенно. — *наброски*: *1.* Бал, или танцевальный вечер в художественном клубе, на который я попал, [не описываю] я, конечно, не стану описывать, в свое время его [конечно] описали, и этому прошло уже месяц, но [скажу лишь, что мне очень понравились и гости и танцы] я испытал свои особые впечатления. Я уже слишком давно нигде не был, ни в одном собрании [ни даже в театре, но был рад, что теория моя подт‹вердилась›] и жил уединенно. Передавая мне месяца два тому назад анекдот об одной пропавшей собачке, почтенный Г. воскликнул на меня в негодовании:

«Ничего-то вы не знаете!» Но пропавшими собачками я никогда и не интересовался. *2*. Елку и танцы в кл‹убе художников› [заносить в мой дневник] не стоит в моем дневнике описывать, лучше уж я прочту в других фельетонах, потому что те, наверно, лучше меня опишут. Я всегда так делаю, когда что-нибудь посещаю и осматриваю, то на другой день я непременно ищу почитать о том же в фельетонах, прочту и всегда вдвое более узнаю, чем сам увидел. Это потому, что гляжу я совсем не на те вещи, на которые надо глядеть, и замечаю совсем не то, что бы надо было заметить, а что-то другое, нередко вовсе даже не идущее к делу. Говоря это, я, разумеется, сожалению, а не горжусь. Впрочем, я давно уже ничего не осматривал. ◊

12 понятия / идеи ◊

14 великолепно иногда понимает / уже великолепно [понимает] смекает иногда ◊

14 самые глубокие жизненные вещи / самую глубокую вещь

15–16 достигая ∾ своей жизни / *а*. *Начато*: к трем *б*. достигший трех лет *в*. достигая трех лет ◊

16–17 уже приобретает ∾ и познаний / уже [приобрел] приобретает [целую] всю треть [тех] идей и познаний ◊

17 ляжет стариком в могилу / каждый человек ложится в могилу

17–18 Тут были даже шестилетние дети / Тут были дети даже шести лет, даже, может, и пяти ◊

18–19 они уже в совершенстве / они в совершенстве ◊

21 среднего общества / среднего чиновничьего общества ◊

22 уже понимают / знают уже ◊

22–23 так именно и надо / так именно и [должно] следует ◊

23 *После*: уклонение — вовсе не затея, не глупость какая-нибудь.

23 а нормальный закон природы / не ненормальность, а именно закон природы ◊

24–25 Конечно, на словах ∾ чрезвычайно сложная мысль. / Конечно, не так знают, чтоб словами выразить (словами не только вам, но и про себя), но про себя внутри знают, а это, однако, чрезвычайно сложная и мудреная мысль. ◊

27–28 *После*: с некоторою дерзостью — *а*. и с пониманием своих [разли‹чий›] социальных различий. *б*. *Начато*: и с большим пониманием и стало быть тем ‹?› *в*. с большей обособлен‹ностью›, не совсем приятной. ◊

28–29 была будущая средина и бездарность / были те, которые составят будущую средину и бездарность ◊

29 это уже общий закон / это общий закон ◊

29–30 средина ∾ в родителях / *а*. а потому и у детей должно быть то же самое *б*. *Начато*: как в детях *в*. Средина всегда развязна [даже] и в детях, и в отцах

30–32 Более даровитые и обособленные ∾ и командовать. / Более талантливые и [широкие или дерзкие] обособленные личности или сдержанны или, если уж веселы, то с [тем, чтоб] непременной похотью ‹?› вести за собой других и командовать играми. ◊

32–33 Жаль еще тоже ∾ всё облегчают / Жаль еще, что [всем этим всё] детям всё так теперь облегчают ◊

33–34 не только всякое изучение ∾ и игрушки / всякое изучение, всякое приобретение знания, всякое понятие *Далее*: *а*. и даже всякую игру ◊ *б*. и даже игры и игрушки ◊

35 первые слова / слова ◊

35–36 тотчас же начинают его облегчать / *а*. тотчас ему начинают всё облегчать *б*. тотчас начинаются облегчения ◊

36–37 Вся педагогика ∾ об облегчении. / Вся педагогика ушла в облегчение. ◊

37–38 Иногда ∾ есть отупление. / Облегчение не есть развитие.

37 Иногда облегчение / Облегчение ◊

39 поглубже выжитые / глубоко выжитые ◊

39 *После*: в детстве — поведут дальше

40 *После*: так и страданием — так что, уж конечно, без облегчения ◊
40 ребенка / его
41 самая облегченная школа / чем облегченная школа ◊
41–42 из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё ∾ ни злое / *а*. не то может выйти нечто пустое, легкомысленное, облегченное даже — не доброе и не злое *б*. не то может выйти нечто слишком [облегченное] легонькое, облегченное, ни то ни сё, не доброе и не злое ◊
43 и в добродетели / и при добродетели ◊

Стр. 10.

1–2 дрянной стих / скверный стих
4–6 Скверная младость ∾ этого добра много! / Скверная младость [но она есть] поражает [и постепенно ‹?› прекращается] и нежелательная, а уж [как ее] у нас [много] ее [не только] даже особо в этом смысле выделывают. ◊
7–12 Девочки все-таки ∾ несмотря на всё желание. / Девочки [были] [считаются] все-таки понятливее мальчиков, особенно в танцах; так и видишь в иной [из них] будущую «вуйку», которая ни за что не сумеет выйти замуж, несмотря [может быть] на всё желание свое. ◊
12–13 Вуйками я называю тех ∾ вуй да нон. / Вуйками я называю тех, которые [лет до тридцати] до 30 лет отвечают вуй да нон, а там. . . ну, там другое дело. ◊
13–15 Зато есть и такие ∾ как пожелают. / Зато есть и такие, которые уже, о сю пору видно, не только выйдут замуж, но и. . .! ◊
16–17 Но еще циничнее ∾ в детский костюм / Впрочем [я знаю, что моя мысль циническая] удержусь, но еще циничнее, по-моему, одевать на бал чуть не взрослую девочку всё еще в детский костюм. ◊
18 так и остались / так прямо и остались ◊
20 пустились в пляс родители / *а*. пустились танцевать и большие *б*. пустились в пляс взрослые ◊
21–22 Но мне ∾ к полному удовольствию. / Мне с непривычки всё чрезвычайно нравилось, и если б не толкались подростки, [было] всё прошло бы [чрезвычайно] очень хорошо. ◊
23 В самом деле ∾ и изящно вежливы / В самом деле, взрослые все были вежливы и имели [прекрасный] праздничный и любезный вид. ◊
27–28 может быть ∾ в них развязности / Конечно, тут развязность и, так сказать [благородное] намечающееся чувство [собственного достоинства] независимости, но [все-таки очень нехорошо] если и приятно, то разве со стороны, а не на своих боках. Танцы, праздник, необыкновенные костюмы, непомерные жалованию и доходам издержки, [собственно] совсем другие формы и манеры, чем обычно у себя дома, — всё это самое естественное издревле дело, самое древнее и вековое, наконец, дело, вот моя мысль. ◊
28–30 Тем не менее ∾ распорядителя танцев. / Вот почему мне так и понравился [с непривычки [бал] этот вечер праздничный] этот вечер с долгой отвычки, несмотря на страшную духоту и толкотню, на электрические солнца и на неистовые командные крики балетных распорядителей танцев. ◊
30 *После*: распорядителя танцев. — И странно: отчего это еще с самого моего детства и всю жизнь мою, чуть [я] только я попадал в большое праздничное собрание [в толпу людей] русских интеллигентных людей, мне всегда казалось [нет не казалось, а лишь минутами мерещилось], что они только так, что они вдруг возьмут, совсем как дома у себя, встанут и [все] передерутся, и чем больше изящества, тонкости, смелости ‹?› и европеизма [было] замечал в словах и манерах этих людей, тем скорее посещал меня этот бес отрицания, и мне казалось, что [все эти люди лишь] всё это у них только так [и что всё это у нас лишь мираж и больше ничего] [а вдруг возьмут и вдруг передерутся] и что по-настоящему они хотят передраться. Мысль нелепая и, конечно, фантастическая, и как я презирал себя за эту мысль еще в детстве. А однако, она

посещает меня [иногда] даже и до сих пор [хотя] Разумеется, она не выдерживает ни малейшей критики [и может [действительно] показаться лишь детскою мыслью [я впрочем] какова и есть, да я и говорю, что она у меня еще с самого детства. [Конечно: критика]. Что и говорить: критика нашего общества ясно покажет, что в нем без сомнения] О, конечно и без сомнения, в нашем обществе несравненно более дурных элементов, чем добрых, и что если б вся эта масса людей предоставлена была одним своим силам, то [они непременно кончали бы] конечно, может быть, и кончили бы чем-нибудь [кроме] вроде драки; но в том-то и дело, что тут есть еще и другая сила, [которая сдержит массу общества и ни за что] великая и которая ни за что не допустит до драки. [Вот почему мы *<не закончено>*] Полиция, вы думаете? Нет, совсем не полиция, [и об этом мне даже можно сказать два особых слова] и вот почему. Мысль о драке есть только детская и кабинетная мысль. А сила [эта великая], которая сдерживает [чернь и общество] наше общество и не доведет до драки, она, несмотря даже на всё двоедушие реформ, есть великая и гигантская сила, о которой стоит поговорить.◊ *Ср. черновые наброски на полях*: *1*. В самом деле все передерутся. *2*. Отчего это так с самого детства, чуть я попадал куда-нибудь [или] в большие праздничные собрания людей, мне всегда казалось, еще с самого детства, все передерутся. *3*. и задавали вопрос: «Отчего не дерутся?» Мысль нелепая и фантастическая, но не очень. «Петерб<ургская> газета». Кто же не знает, что мы совсем не те, что давеча еще, что вот этот господин с таким достоинством *<не закончено>* ◊

31 Я взял / Правда, я взял.

34 *После*: и проч. — *начато*: Всюду

34–36 *Слов*: ибо корреспондент ∾ о добродетели — *нет*.

36–37 к скандалу / к взаимной драке ◊

37 *После*: как теперь. — и мне, виноват, и самому это всегда казалось. Мысль эта не выдерж<ивает критики>

37–43 И странно ∾ ни малейшей критики. — *Ср. выше, стр. 176, вариант к строке 30.*

44 О, конечно, купцы и капитаны / купцы и ташкентские капитаны

44–45 правдивый корреспондент / правдивая корреспонденция ◊

45 *Слов*: я ему вполне верю — *нет*.

45 и прежде / разумеется, и прежде

46 *Слов*: это тип неумирающий — *нет*.

Стр. 10—11.

46–4 но всё же они ∾ а не выведут / а теперь, в последние двадцать лет, сомнения нет, что ужасное множество людей вдруг вообразили себе [почему-то], что они получили почему-то полное право на бесчестье и что это хорошо и что их за это похвалят. Прежде всё же [более и] они боялись и скрывали чувства, а теперь нет-нет и вдруг, везде, прорвется такой человек, который уже считает себя в каком-то совсем новом праве и даже щеголяет бесчестьем, словно либерализмом, да и действительно, может быть, принимает за либерализм.◊

Стр. 11.

5–6 С другой стороны ∾ посреди собрания / [О, я понимаю] О, понятно, что чрезвычайно весело вдруг встать посреди собрания ◊

6–8 где всё кругом ∾ и в самом деле в Европе / где всё кругом рюши да даже трюши, а кавалеры и даже начальство так разряжены, так сладки в речах, так учтивы и благолепны, так веселы, такие европейцы, так равны не только со всеми [где все такие европ<ейцы>], но и даже с собственными <?> подчиненными и исполнены всеми европейскими чувствами, где всё так похоже на Европу, что как будто и в самом деле в Европе ◊

8–13 встать посреди ∾ никуда не исчезли!» — *ср. черновую запись на по-*

лях: встать и нагадить и, конечно, это очень привлекательно для иного русского человека: вот, дескать, тебе за 200-летний европеизм ◊

10 национальном / русском ◊

11 отмочить пакость / сказать пакость

11 среди залы / *а.* на месте и *б.* посреди залы ◊

13 *После*: не исчезли!» — опять [как] [всё] на ладонке

13 *После*: Это приятно. — показать себя, значит

14–16 Полицейская сила ∾ дикарь! / Полицейская сила? Нет-с. Полиция, может быть, и выведет, а вот именно, может, такие же точно дикари, как этот дикарь, и выведут, и вот она где сила. ◊ *Ср. черновые записи на полях*: *1.* Тут есть и другая сила, великая, а полиция не вывела бы, если б бал ‹*нрзб.*› другие; нет-с, совсем ‹*не закончено*› *2.* Но люди сами таких выводят немедленно. ◊

16 Вот она где сила. / *а.* Вот она и сила. *б.* И вот она сила-то.

18–36 *К тексту*: Знаете ли, кому ∾ чрезвычайно ему приятна. — *на полях наброски*: *1.* Знаете — он ‹?› больше всех либерал — бал — Сквозник-Дмухановский, Чичиков, т. е. не свои, а вот именно этот смельчак. *2.* О, они знают сами, что всё это мираж, но сами себя сдерживают. Есть меры. ◊

19–20 собирающегося по-европейски русского общества / собравшегося на праздник общества

21–22 именно таким лицам / именно таким людям ◊

22 которые у себя дома, в частной жизни / которые даже в частной жизни

23 в высшей степени национальны / совсем не [подходят к этим] [похожи] подходят под эти формы [изящного и утонченного] [европейцев, которые они встречают на праздниках] европейского склада общества, встречаемого у нас лишь по праздникам ◊

23–26 О, у них есть ∾ а почему? / У них тоже ведь есть у себя в своих городах праздники и европейские танцы, в которых они [допускают в точности] [всегда] [пьют и даже дерутся] сплошь да рядом кончают тем, что все перепьются, если не передерутся, но они [это не ценят] ни себя, ни собраний своих вовсе не ценят, они ценят бал губернаторский, бал высшего общества, — а почему?

26 А именно / Да именно ◊

27 Вот почему ∾ формы / *а.* Ему дороги формы *б.* Вот почему Держиморде [так] [очень] так дороги эти европейские формы [тут Европа, тут идеал; он хоть в идеале, да почитает добродетель] ◊

28–29 хотя он твердо знает ∾ кулачником / [Для чего это ему: ведь] Конечно, он твердо знает, что он не раскается и вернется домой всё тем же кулачником. ◊

29–30 но он утешен ∾ почтил добродетель / [Да] Но вот именно потому, что он так твердо знает про это, он и хочет приклониться хотя пред миражем гуманности и добродетели

30–33 О, он совершенно знает ∾ чрезвычайною силою / *а.* Он хоть и знает, что всё это ведь мираж, но всё же он знает, что этот мираж чем-то держится и что Европа всё еще у нас сильна *б.* [Мало того; о, он] О, он знает, что мираж, но ни за что всё это не считает, он очень даже умен, и в нем много здравого смысла, а потому твердо знает, уверен, что это только мираж, но всё же уходит утешенный, так как [не считает себя вовсе] знает, что этот мираж чем-то держится высшим ◊

33–36 и что вот он сам ∾ чрезвычайно ему приятна / и что вот он сам даже не смел выйти на средину и что-то гаркнуть на национальном наречии [не делать ему], что ему это не дали, не позволяют ему еще этого, и он уходит утешенный, твердо уверенный, что и впредь не позволят, и это ему чрезвычайно приятно потому [ему приятно именно то, что], что хоть он и кулачник, а все-таки вот участвовал в культе добродетели. ◊

37–39 Вы не поверите ∾ в чем состоит этот культ. / Вы не поверите, до какой страсти [иной] может варвар любить Европу [т. е. я хочу сказать, идеалы]. Всё же он тем как бы очищается, всё же он чувствует, что

он культом этим воздает [добродетели] должное чему-то высшему. Он, конечно, даже и определить не в силах, в чем этот культ. ◊

41 в сто рублей / в триста рублей ◊

42–45 Может быть ∾ почтить добродетель. / *а.* Но тут действует целое, и Сквозник или Чичиков рады, что они хоть один вечер [а все-таки чем-то] принуждены [пробыть порядочными людьми] были чем-то пробыть тоже, как и люди порядочные, и говорить [сладкими словами, и иметь хорошие мысли, и это очень серьезно: и этот человек] пренаивно, что [вот он сам даже] и он уходит с убеждением, что всегда должна быть такая мерка порядочности, которую мы хотим уважить, даже если и не хотим быть порядочными. *б.* Может быть, этот дикарь — это он сам, и он уходит с убеждением, что всегда должна быть такая мерка порядочности, которую мы должны уважать, даже если вовсе не намерены стать человеком.

45–47 И тут вовсе ∾ что такое лицемерие? / И вовсе тут не лицемерие с его стор‹оны›, а искренность и даже заслуга, хотя и лицемерие даже тут хорошо действует, ибо что такое лицемерие? ◊

47 Лицемерие есть / Лицемерие именно есть ◊

Стр. 11—12.

47–4 *К тексту*: Лицемерие ∾ не правда ли? — *черновые записи на полях с. 9 рукописи*: *1.* Порок — дань добродетели ◊ *2.* Именно потому, что не похожи на себя ◊

Стр. 12.

1 для человека / для Чичикова

2 а между тем / и вместе с тем ◊

2 не разрывать, хоть в душе, с добродетелью / не разрывать с добродетелью [теоретически] ◊

2 *После*: с добродетелью. — *а.* Чичиков никогда не разрывал с добродетелью, он, может, и лицемерил именно для добродетели, чтоб стать добродетельным, обзавестись бабенкой, дешевой ‹*не закончено*› *б.* Чичиков никогда не разрывал с добродетелью, Сквозник-Дмухановский, я думаю, тоже. Даже вот этот современный шулер, я думаю, тоже. [Да и поверьте, что Держиморды никогда не разрывают с добродетелью, а если и выскакивают в Москве странствующие капитаны среди залы и заявляют свой диплом на бесчестье — то скорее вот это мираж, этот самый капитан, а Европа над нами, она в идеале, она в сердцах, и если не на практике, то ведь нельзя же всего спрашивать, капитан же лишь поторопившийся славянофил, и ничего больше. Да ведь вы, кажется, были славянофилами, господа] ◊

3 очень хорошо / еще очень хорошо ◊

4 пока ведь ∾ не правда ли? / *а.* потому что ведь даже и это слава богу! *б.* пока ведь для нас довольно, не правда ли? ◊

5 среди залы / среди зала ◊

5–7 продолжает быть ∾ в наше зыбучее время/[есть] продолжает быть только лишь исключением [по крайней мере] ну, по крайней мере пока. *Далее*: *а. Начато*: но ведь *б.* но и это очень утешительная надежда *в.* Но если пока, то иногда и это очень утешительно ◊ *г.* но и пока даже хорошо ◊

8–9 Таким образом бал ∾ говоря это. / А бал таким образом решительно у нас консервативная и благословенная [в этом смысле] вещь [и я не шучу; праздники людей, по-моему, хорошая вещь, хотя и стоят на слезах: на слезах *до* и на слезах *после* праздника. Ведь ‹*нрзб.*› только, так сколько это выйдет расходу, у кого 8 дочерей! В такой праздничный вечер в клубе художников ‹*не закончено*› начиная даже с первых ассамблей Петра, и я не шучу. Ассамблеями ведь тоже сохранялась только что насажденная юная идея, чуть давшая тогда свой крошечный первый росток. Я верю в консервативные силы общества, я верю, что Европа не мираж, что гуманные силы. . .◊ *Далее было*:

В тесной толпе гостей клуба художников я вдруг столкнулся с настоящим художником и очень ему обрадовался. Он замечательно талантливый артист, и это все знают, но мне всегда казалось, что его хоть и ценят как артиста, но всё еще мало ценят как литератора-художника. А он стоит того; у него в его сценах много чрезвычайно тонких и глубоких наблюдений над русской душой и над русским народом. Художник же он удивительный. Он раз напечатал маленькую вещицу в полторы странички, которая так и канула в вечность; это лишь художественная игрушка, но все-таки совершенство. Боярин царя Алексея Михайловича, посланный с поручением в Европу, пишет государю донесение из Эмса [и он], описывает Германию, жителей и, наконец, рулетку, как завертят ее и как [бегает] побежит «шарик маленький невелик». Слог, мировоззрение, понятия боярина всё до того отзывается [допетровским веком] допетровской эпохой, что [одно очень] были люди из компетентных, поверившие шутке и [спрашивавшие] удивлявшиеся лишь тому, что в Эмсе тогда уже была рулетка. Я очень обрадовался встрече и стал его расспрашивать о театре.

И мы с грустью стали припоминать о тех прежних водевилях, когда один залезает под стол, а другой вытащит его за ногу. То-то было весело сравнительно с нравоучительными комедиями.[1]

— [Не ходите] Идите в Буфф, — сказал он мне. — Ну, сходите в балет.

Я повел его слушать Петрушку. Дети и отцы их стояли сплошной толпой и смотрели бессмертную народную комедию, и, право, это было чуть ли не всего веселее на всем празднике. Скажите, почему так смешон Петрушка, почему вам непременно весело, смотря на него, всем весело, и детям, и старикам? Но и какой же характер, какой цельный художественный характер! Я говорю про Пульчинеля [как он]. Это что-то вроде Дон-Кихота, а вместе и Дон-Жуана. Как он доверчив, как он весел и прямодушен, как он [гневается] не хочет верить злу и обману, как быстро [воспламеняется гневом] гневается и бросается с палкой на несправедливость и как тут же торжествует, когда кого-нибудь отлупит палкой. И какой же подлец неразлучный с ним этот Петрушка. Как он обманывает его и подсмеивается над ним, а тот и не примечает. [Это вроде совершенно обрусевшего] Петрушка вроде Санхо-Пансы и Лепорелло, но уже совершенно обрусевший и народный характер.

— Знаете что, — сказал я, — мне всегда казалось, что Петрушку можно поставить на нашей Александринской сцене, но с тем, чтоб непременно так, как есть, целиком, ровно ничего не изменяя.

— Как же так? — улыбнулся мой артист.

— А именно так, как есть, и как бы великолепно передал Пульчинеля Самойлов, а какой удивительный вышел бы Петрушка у Горбунова! Самойлов мог бы даже сохранить нечто деревянное и кукольное в своей роли, точь-в-точь как бы в ширманке. [Говорить же непре‹менно›]. Гнусливый же резкий крик Пульчинеля через машинку надобно сохранить непременно. Всю пьесу не переделывать нимало и поставить в полной ее бессмыслице. Танцующая пара должна, например, выскочить совершенно так же экспромтом и без связи, как и в ширманке, но можно великолепно поставить танец, именно сохранив характер танцующих деревянных кукол, наивно будто бы движимых снизу ширманщиком. Это уже дело балета, но произвело бы несомненный эффект.

— Да, весело. Комедия бессмысленно весела, [но] и вышло бы селом и оригинально. Но можно бы и смыслу придать: сохранить [то] бы всё, как есть, но кое-что и вставить в разговоры, например, Пульчинеля с Петрушкой. Трахнул банк в Москве, полетели вагоны с рекрутами, [Петрушка может перед] и вот Пульчинель вне себя: [— Да кто же это там все]

[1] И мы с грустью ∾ комедиями. *вписано на полях.*

— Так все 117 убиты?

— Нет, всего только двое убиты, а пятьдесят один ранены, а остальные шестьдесят шесть только сгорели.

— [Так] Только сгорели? а не убиты?

— Коль сгорели, так не убиты. Только двое убиты.

— И это всё Голубев?

— Что ты, что ты, беспутный, какой Голубев! С ума ты сошел. !П-ш!

— А что?

— А то, что Ерошку пришлют. Говори Воробьев.

— Вор-ро-бьев? — кричит [Пульчинель] сверху вниз Пульчинель.

— Всё Воррробьев, везде теперь Воробьев [свирепствует], по всем дорогам теперь Воробьев пошел, ему всё предоставлено.

— И ломает?

— И ломает, и вяжет, и пассажиров жандармами из вагонов выносит, и товар гноит, всё [ему предоставлено] буянит Воробьев.

— Буянит? Да зачем он [так] буянит?

— Экой ты, экономию загнать хочет, [ведь надо же ему каждодневно] барыши собирает, полчетверик сухой рябины ко мамзель Екатерине ежедневно представлять.

— И тррах трах, братец, уж как трах, так на дороге!

— Ха-ха-ха-ха-ха, — заливается Пульчинель, — ха-ха-ха-ха!

Черт, являющийся в конце, мог бы явиться тоже в [многоразличной] виде какого-нибудь банка или поземельного общества, пожалуй, хоть в виде Струсберга, а Пульчинель был бы очень смешон, садясь покататься на новой лошадке. . .

Поверьте, что вышло бы очень смешно. [Вот начинаю] Публика ломилась бы в театр, а в народных театрах это могло бы выйти чрезвычайно удачно.

— Да ведь цензура не позволит вставлять?

— Зачем же нет, можно бы каждый раз с позволения цензуры. По крайней мере, согласитесь, что это идея, если не теперь, так в будущем, Бог даст, в близком. А главное то, что не надо сочинять новое; комедия дана, всем известная, в высшей степени народная и в высшей степени веселая, художественная, удивительная. . .

Мы, разумеется, посмеялись, я шутил.

10 *Заголовка*: IV. Золотой век в кармане. — *нет.*

12 бал отцов / настоящий

12 и боже / и боже мой ◊

14 *После*: носить костюм — все танцуют, и никто танцевать не умеет ◊

14 *После*: и никто не весел — И всё от середины, всё от бездарности, всё от вашей робости выказать личность, собственную инициативу, [и даже сами не замечают того] вдобавок вы думаете, что так всё это и надо и что ваши мотрп‹?› есть парад вкуса и остроумия. ◊

15–16 все завистливы ∾ сторонятся / все завистливы и все в молчанку играют

16 *Фразы*: Даже танцевать не умеют. — *нет.*

18–19 вы встретите ∾ среднего общества / [встречаем] вы найдете на всех балах среднего круга ◊

19–23 *Текста*: Весь танец его ∾ красота! — *нет. Ср. вариант к стр. 13, строки 2—3.*

23–24 Танец — это ведь ∾ точно дерется./ [Какая бы прелестная вещь танец] Ведь танец есть почти объяснение в любви, а он точно дерется ◊

25 одна фантастическая / фантастическая ◊

25 дикая мысль / странная мысль

25–26 «Ну что, — подумал я / Ну что ◊

28 душная зала / огромная душная зала

30–32 сколько заключено в нем ∾ куда ума! / Сколько в сердце его заключено [простодушия] прямодушия, честности, веселости, чистоты,

[доброты], великодушных [чувств], добрых мыслей, [и] ума — куда ума! ◊

33 остроумия / сколько остроумия

33 самого сообщительного / самого сообщительного и веселого

34 Да / Да, да

35 и заключено / всё это заключается

35 и никто-то, никто-то / и никто-то ◊

36 ничего не знает / не знает ◊

36 О, милые гости / О милые ◊

36–37 каждый и каждая из вас / каждый из вас ◊

38 обольстительнее / прелестнее

38–39 *После*: Джульет и Беатричей! — премудрее Сократов, вдохновеннее Платонов. ◊

39 что вы так прекрасны / что вы в самом деле все таковы ◊

40 *После*: честным словом — *а.* милые братья и сестры *б.* что это так и что все вы милые мои братья и сестры

41 всех-то их / все их поэмы

42–43 ничего столь прелестного ∾ бальной зале / столько прелестных [и обаятельных] и великодушных лиц и характеров, созданных ими, сколько их теперь в эту минуту между вами в этой бальной зале ◊

44 явилось бы такое, что / *а.* есть, что *б.* явилось бы, что ◊

45 Но беда ваша в том / [и] но вся беда, вся беда лишь в том [только] опять-таки ◊

45 вы сами не знаете / вы ничего про это не знаете ◊

45 прекрасны / прелестны, мои милые братья и сестры

Стр. 13.

1–3 Знаете ли ∾ увлечь за собой? / [Да ведь опять-таки, повторяю, каждый из вас] Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел того [мог бы] в силах [развеселить и] осчастливить всех в этой зале! Всех увлечь за собою! ◊

2–3 *После*: за собой? — А теперь каждый из вас угрюмо думает про себя: а ну, как меня сочтут дураком? [и молчат и не двигаются] Вот и молчите вы, т. е., пожалуй, вы и двигаетесь и танцуете, по посмотрите, например, на этого вековечного маленького офицера, тип которого найдете на всех балах (непременно на всех балах [найдете] можете встретить такого очень маленького танцующего офицера). Весь танец его, весь прием его состоит лишь в том, что он с необыкновенным зверством какими-то саккадами вертит свою даму в вальсе в два такта и неутомим до того, что в состоянии перевернуть тридцать, сорок, пятьдесят дам сряду и гордится этим, ну, какая [эта] тут красота? Все как истуканы, и двигаются, как на пружинах, да и думают-то, пожалуй, как на пружинах. Иные из вас, чтоб показаться красивее и умнее, зевают и [говорят] представляются, что им скучно. Штука эта, конечно, не глупая, но слишком уж старая и [заимствованная], а потому оглупела. Вот первый, выдумавший, был, пожалуй, неглуп.

3–4 *Фразы*: И эта мощь ∾ невероятною. — *нет.*

7–8 при слове / от слова ◊

10 костюм / чин

10–11 Уверяю вас ∾ в генеральских чинах. / *а. Начато*: Уверяю вас, что и в Золотом ве‹ке› *б. Начато*: О, я понимаю, что вам дорог ваш генеральский мундир, он заменяет вам всё *в.* Уверяю [же] вас, что и в [Золотом веке будут лица в генеральских чинах] Золотой век ведь [генералы] очень могут попасть [лица даже] люди [совершенно оставят] даже в [своих] генеральских чинах. О, не вам помешать золотому веку, ваше превосходительство! ◊

11–13 Да попробуйте только ∾ инициатива / Да попробуйте только, ваше превосходительство, хоть сейчас начните [начните] теперь [сейчас]

вам инициатива, вы [старший] высший по чину [ничего не потеряете, уверяю вас] ◊

13–15 и вот увидите сами ∾ для вас неожиданно / *а.* И какие сокровища ума, таланта, остроумия вдруг и если бы открылись в ином генерале, если б только он того захотел *б.* Вы не поверите даже [какое остроумие] ‹сколько› пироновского, так сказать, остроумия, но только без его злости и, главное, совсем неожиданно могло бы вдруг в вас [открыться] обнаружиться сегодня же даже вечером ◊

15 Вы смеетесь, вам невероятно? / Вы смеетесь, ваше превосходительство, вам это невероятно ◊

17 совершенная правда / истинная правда ◊

17 *После*: правда. . . — [Опять-таки, клянусь] Я стою на том и еще раз клянусь, господа, что вы в тысячу раз умнее и [лучше] прекраснее, чем вы есть в самом деле. В 1000 раз — ведь это очень много, но беда ваша в том, что ‹вы› [но только] ничего просто не знаете, а главное, мне не верите, не правда ли?

17–18 А беда ∾ невероятно. / *а.* И вот в чем ваша беда, и вот почему вы несчастны *б.* Только вы мне не верите, и в том вся беда. Ну, прощайте. ◊
К §§ II—IV см. также незачеркнутые черновые записи на полях с. 9 рукописи: *1.* Бал в нашем социальном устройстве великая вещь и оберегающая, это консервативная вещь. *2.* Что же до танца, то с младенчества народов танец есть объяснение в любви. Молодая жена не может танцевать. Может быть, вы думаете, что я шучу? Что это я точно лекцию пишу, но доложу, я только хочу сказать, что никак не понимаю жены танцующей. ◊ *3.* Я ушел со странною мыслию: что, если б все генералы и т. д. *4.* Какое рабство порядочности, форм. . . *5.* Потугин. Начать без объяснения, что штуки, а кончить, что это штука. Костюмы и красота. Петрушкевич. Генералы поумнели. *6.* Биографии. Вот этот всё может, и мне, знаете, что он сделал?

‹Февраль, глава первая›

Стр. 39.

3–4 *Заголовка*: I. О том, что все мы ∾ Мак-Магоном. — *нет.*

5–7 Первый № ∾ я не знаю. — *Ср. черновую запись в верхней части страницы*: Соображения общественные. ◊

9 что я не люблю детей ∾ молодое поколение / что я был всегдашним врагом детей, подростков и молодого поколения

10 перепечатала / перепечатала, не церемонясь ◊

11 *После*: у Христа на елке» — *начато*: Ведь у нас можно перепечатывать [из] до полулиста из чужого писателя. Но рассказ этот

14 *После*: угодил? — *начато*: *а.* Может быть, ведь и нехоро‹шо› *б.* Самым противупол‹ожным›

19 замечу к слову / замечу ◊

21 *После*: не доросли. — как не доросли и до многого хорошего ◊

23–26 готовы были ∾ с иностранного / чрезвычайно ценили в свое время разных дурных человечков, [появл‹явшихся›] в иных литературных наших типах [девятнадцатого столетия], заимствованных с иностранного ◊

27 ценили / ценили в литературе

29–31 Вспомните ∾ «Героя нашего времени». / Вспомните: мало ли у нас было Печориных, в действительной жизни, сколков с «Героя нашего времени», действительно и в самом деле наделавших много [дрянностей] скверностей по прочтении «Героя нашего времени». ◊

32 *После*: у нас в литературе — если запомнил верно ◊

32 в повести «Выстрел» / в повести Пушкина (Белкина) «Выстрел» ◊

Стр. 40.

1 у Байрона / из Байрона ◊

1 *После*: Байрона. — Грешный человек, я убежден (ну, хоть капельку), что не будь у Байрона хромой ноги, то он, может быть, не написал бы [ни] своего Каина [ни Чайльд Гарольда], т. е. написал бы, да несколько иначе. ◊

1–4 Да и сам-то Печорин убил Грушницкого ∾ дамского пола. / [и будь] убежден тоже, что [будь] Печорин (*отчасти*) убил Грушницкого потому, что был не совсем казист собой в военном мундире и на балах высшего общества в Петербурге мало походил на молодца в глазах дамского пола. ◊ *К тексту наброски на полях*: *а.* был уж очень неказист собой и на балах высшего общества не походил на молодца. *б.* Даже Байрон, хромая нога. Тем не менее ‹!› так как это шло с иностранного, то очень ценилось.

5–9 Если же мы так ∾ особенно презирали в себе. / [Впрочем] [Я потому убежден, что] В сущности же все эти типы, наделавшие у нас трескотни: Сильвио, Печорин и даже недавний потомок их князь Болконский [в сущности] [на сам‹ом деле›] ужасные добряки [даже недалекие, ну] и вполне русские люди. Если ж мы их по-настоящему так в свое время ценили, то единственно потому, что они были взяты с иностранного и [прельщали] прельстили нас они тем, что они будто бы люди прочной ненависти, [тогда как все мы, русские, люди хотя иногда и сырой и горячей, но] это всё в противоположность наст‹оящим› русским, как известно, людям весьма непрочной ненависти, [и] эту черту мы всегда и особенно презирали в себе. [А как рассудить то] ◊

9–12 Русские люди ∾ и все эти прочие ретроградные вещи. / Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют — и не только людей, но даже пороки, мрак невежества, деспотизм, отсталость и [человечество и проч. и проч.] и все проч‹ие› [нехорошие] ретроградные вещи. [Говоря так, я, может быть, далеко не смеюсь и даже нахожу в этом недурную черту, разумеется, говоря относительно. Но ценили мы разных *ненавидящих* ужасно и, повторяю, даже очень им подражали, хотя это очень не шло к нам, но так как взято было с иностранного, то казалось красивым. Мы же [все русские люди все вообще, хотя иногда] русские все люди может быть, [и скорой] и когда и скорей, но всегда непрочной ненависти. А что до меня, то, грешный человек, я даже, например, никогда не мог поверить вражде «Голоса» и «Биржевым ‹ведомостям›» и обратно и даже к «Московским ведомостям»]◊

12–17 У нас сейчас готовы ∾ не приниматься. / [Мы] У нас сейчас готовы помириться [и может быть это даже и хорошо] даже при первом случае, ведь не правда ли? Иные до сих пор думают, что это дурно, а я, каюсь, давненько уж стал думать, что это иногда даже и хорошо. Дерутся-то из-за чего, собственно, подумайте? ◊

13–19 В самом деле, подумайте ∾ в серьезность наших ненавистей. / [Да и] Если же рассудить, то за что нам ненавидеть друг друга? [скажите серьезно] Ведь мы до сих пор никакого дела не делали, пока 200 лет от всякого дела были отучены. За дурные поступки [разве]? Но ведь эта тема [очень скользкая] прескользкая и опасная, прещекотливая и пренесправедливая: [ведь слишком и упорно обвиняя другого в подлости, считаешь себя всё честным] ведь чем упорнее обвиняешь другого в подлости, тем слепее считаешь себя честным, а ведь этак можно и ошибиться! [Остается ненависть за убеждения; но и тут я не верю в серьезность ненависти]. Я даже никогда не мог поверить ненависти «Голоса», каюсь я даже, не только к «Биржевым», но даже и к «Московским ведомостям», а меж тем эта ненависть — факт популярный, об ней толкуют даже продавцы газет у Пассажа [по крайней мере «Голоса» с «Биржевыми»] Мало того, я даже всё время не верил все‹й› прежней ненависти ст‹арых› «От‹ечественных› з‹аписок›» к старому «Современ‹нику›», как и в литературе, так и в жизни. ◊

19–20 Были, например, у нас / Были у нас ◊

19–25 *Рядом с текстом*: Были, например ∾ последнее слово. — *запись на полях*: Славянофилы и западники. Но эти темы дали ветви, отпрыски. Вдруг наступило время говорить положительное слово: в воспитании, в педагогике, в дорогах, в политике, и, может быть, все мы оказались в этом некомпетентны. О, бесспорно, вышло много драки, и именно дрались за свою неловкость, и неумение ‹?› делать. Но опять-таки, ненависть напускная, почему? Потому что все мы хорошие люди (разумеется, кроме дрянных). ◊ *Ср. вариант к стр. 40—41, строки 39—2.*

21–22 закончилась реформа Петра / кончилась [и закончилась] реформа Петра, а может быть, и петербургский период русской истории ◊

22 И вот / И вот вдруг ◊

23 вдруг сходятся ∾ мысли / вдруг сошлись в одной мысли ◊

24 идет / придет ◊

25 *Слов*: и только он один — *нет.*

25 скажет у нас / скажет ◊

26–27 славянофилам ∾ и примириться / *а.* славянофилы и западники могли бы и помириться *б.* славянофилам и западникам можно и примириться ◊

27 *Слов*: но случилось не так: — *нет.*

27 славянофилы верят / [Правда] Так как славянофилы верят ◊

28–29 допускают в нем ∾ начала / допускают в народе свои начала ◊

31 своих собственных начал / своих начал ◊

31 Ну вот драка и продолжается / [А потому] то драка и продолжается ◊

31–32 *Слов*: что же бы вы думали? — *нет.*

Стр. 40—42.

32–3 *Рядом с текстом*: Я даже и в самую ∾ человеком я ни был. — *незачеркнутые заметки на полях и свободных местах с. 18—20*: *1.* Вот, например ‹?› вопрос о народе. Это теперь самый капитальный и важный вопрос, потому что все от народа ждут всего. А между тем я уже сказал, что тут большое разногласие в теории. Если народ не такой, то нам его не надо. *2.* Петр помещик ‹?›, генерал, чиновник ‹?›, дана была вольность дворянству, народ закреплен. *3.* Таким образом Петр, казалось бы, воззвал к делу — во всех одах, во всех историях это, а вышла отвычка от всякого дела. *4.* Во всех одах, во всех похвальных речах и у всех историков это, а вышла отвычка от всякого дела, а в верхушке общества — страшная отвлеченность, доходящая до коммунизма и коммунарства. *5.* Если б каждый занимал‹ся› собственным своим личным делом — то польза общая. *6.* Русская личность, порабощенная при Петре и отданная нам теперь, — в пути, а вне, в Европе, кончилось тем, что мы всем слуги, даже окраины ослабели и расшатались. . . Но всё это впереди, я только то хотел сказать. . . *7.* В сущности, Петр мне представляется огромным помещиком, податная единица. А служащие. Выработалось понятие. Я занимаю место, тем я и полезен. Даже философия какая-то явилась. *8.* Помещики, но даже уж его обкрадывали — не своим делом. Конечно, тут утопия, что дело Отечества есть дело всякого, но ведь это утопия, а в сущности, явилось только взяточничество. *9.* Деловых людей не было, но обделывать делишки явилось множество. *10.* Обломов разве народ? Не народ, но черты-то в нем основные принадлежат народному духу, симптомы ‹?› его. *11.* Буржуазия в Европе может быть и очень хороша в иных своих типах, но принципы ее, скверные и разрушительные, именно то, что она сама называет консервативными своими принципами, — те-то и разрушительны. У нас народ в отдельных личностях может представлять собой безобразие. *12.* Гуманный вопрос в истории. Кряжевая особь. Что возник рабочий вопрос, данный вопрос — что делать? Так делать нельзя, а ученые из них прибавляют известную идею, что государство, в котором расшаталось и не налажено земледелие, есть государство, носящее собственную погибель в себе, а что как бы там ни было, а земледелие всегда, везде было и есть основанием всему. *13.* Итак, у нас все согласны в общей пользе

и общую пользу ставят выше всех интересов — это отрадно. Как и в чем польза, это различно понимают, вот за это дерутся, драться буду и я. *14.* Незаметно расшибания. Что же, уничтожиться нам совсем, слившись с народом? Ни за что на свете. Наше пусть будет при нас, и чего мы не отдадим уже ни за что, даже и за счастье соединения с народом. Я совершенно убежден, что это нечто существует, хотя и не желал бы, чтоб меня приняли за западника. Наперед, как по теории. *15.* Народ, теория. . . . и в том, по чему он воздыхает, и даже самый этот изверг в иную минуту так хорош, так прекрасен. Я не буду классических ‹*sic*!› (кажется, в 67-м году) — и между тем недавно *16.* Как я, бывало, мечтал, чтоб поскорей проходили праздники, не мог я никогда видеть пьянства. *17.* Тихон — что за образ, образ не хуже Феодосия Печерского, а многие ли знают про Феодосия Печерского? Зачем это так совсем не знать, совсем дать себе слово не читать? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи. *18.* Тургенев. И этот даже может быть больше всех, я именно упираю на Тургенева потому, что он ярый западник и издал своего скверного и глупенького Потугина, которым я намерен заняться. Кажется, меня-то уж не заподозрят в лести г-ну Тургеневу, г-ну Ив. Тургеневу. *19.* Наши писатели, когда соприкасались с народом, становились вдруг так мощны и сильны, так вековечны.

Стр. 40.

32 Я даже ∽ не верю / но я [даже] и в драку не верю ◊
33 дерущиеся / дерущиеся за святые волосы
34–35 у нас случается / случается ◊
35 подерутся / дерутся ◊
36–37 (опять-таки кроме дрянных) / разумеется, кроме дрянных ◊
37 Ведь деремся-то ∽ из-за того / *Начато*: *а.* Но это даже очевидно: ибо, в сущности, из-за того деремся, именно потому *б.* Рассудите
38–39 журнальных ошибок / журнальных статей
39 практического решения / практики ◊

Стр. 40—41.

39–2 Вдруг потребовалось ∽ в драку. / [Вдруг наступило время] Потребовалось вдруг высказать слово положительное [и уж на деле, а не то что в книжках и в журналах] Потребовалось, и главное, сейчас и как можно скорее [сказать что-нибудь определенное и решительное ввиду немедленного приложения к делу] высказаться по воспитанию, по педагогике, по железным дорогам, по земству [и т. д. и т. д. — и всё это сейчас, чтоб не стояло дело], по медицинской части, по окраинам и главное сейчас, как можно скорее, чтоб не задерживать дело. А так как [мы] все [оказались в этом почти совершенными пешками] за 200-летней отвычкой от дела оказались в деловом отношении совершенными пешками, неспособными к делу, то все, естественно, и вцепились друг в друга с удесятеренным азартом и даже так, что чем более кто [не умеет, тем более и дерется] оказался способным к делу, сказать свое деловое слово, тем пуще лезет в драку. ◊

Стр. 41.

2–3 Что же тут нехорошего ∽ и более ничего. / Но, ей-богу, это доказывает одно только хорошее и даже любовь в русских людях друг к другу или общему делу, чем ненависть, и это вовсе не парадокс, потому что, в сущности, более ничего ведь и не оставалось делать, как прибегнуть к это‹му›.
5–7 *Текста*: Ну и что же ∽ непочатость. — *нет.*
10 но ведь, ей-богу / но, ей-богу ◊
10–12 даже и в этом ∽ как следует / *а.* даже и это доказывает одно только хорошее, во-первых, нашу свежесть и, так сказать, деловую непочатость, а во-вторых, скорее любовь, чем ненависть, и это вовсе не парадокс. Докажу это. *б.* Ну, и что ж, тут вовсе нет ничего безотрад-

ного: это доказывает лишь нашу свежесть и, так сказать, непочатость, а во-вторых, скорее любовь, чем ненависть, ибо все ж мы бьемся за общее дело, а не за частные интересы, и это вовсе не парадокс даже [и это имеет хорошую сторону именно тем, что первобытно. Значит, мы только что начинаем] ◊

12–18 Я вовсе не смеюсь ∾ всеми презираемое. / Я не смеюсь и не глумлюсь: в наших ненавистях, сшибках, в нашей азартности, гражданской войне *действительно* [иногда мелькнет] есть и отрадное основание [облегчающее веселое чест‹ное›] честное и светлое ожидание блага [и желание добра] Есть у нас повсеместное желание общего дела, нет ничего обособленного, кастового, а если и встречается в мелких явлениях, то как нечто неприметное и [буквально] всеми презираемое!

19–23 Это очень важно ∾ но даже бьют в глаза. / Это очень важно. [(Это даже много!)] Знаете чем? Тем что это не только не мало, но даже слишком уж много. Честность и искренность нашего общества не только не подвержена сомнению, но даже бьет в глаза. ◊

23–24 Вглядитесь и увидите ∾ лишь потом. / Вглядитесь и увидите, что прежде всего у нас вера в идею, в идеал, стремление единодушное к общей пользе, а личные и земные блага лишь потом. [Юношество ищет подвигов и жертв]. Как? Это мало по-вашему? ◊

25–26 в самом противоположном смысле / *а.* в совершенно противоположном смысле ◊ *б.* в противоположном смысле, так что даже бьет в глаза ◊

26–27 несравненно больше / гораздо больше ◊

27–28 дрянные людишки / дурные людишки ◊

28 никогда у нас не владеют / никогда еще у нас до сих пор не владели ◊

29 будучи наверху / наверху ◊

30 принуждаемы / принуждены и обязаны ◊

30–31 людей идеальных / людей высшей мысли и идеала

31–32 смешных для них и бедных / смешных для них, бедных, мелких людишек, как говорил Овсянников ◊

32–33 *Слов*: тоже ценящим ∾ и текущего — *нет.*

34–36 *Фразы*: Идеализм-то этот ∾ не купишь. — *нет.*

36–37 развратом / развратом и безначальем

38 *После*: безначалия — В народе много злодеев и подлецов

38 и никогда / но никогда ◊

40–41 верил и воздыхал ∾ дела его / *а.* верит и воздыхает по высшему и чтит добродетель, даже объятый развратом. ◊ *б.* верит и воздыхает, что делал он скверно, а что есть гораздо лучше его ◊

41–42 в народе есть и сильные / есть у народа, есть идеалы, и прекрасные, пресветлые ◊

43 соскочит с народа / соскочит

44 *После*: а светлые-то начала — а теплая-то вера ◊

44 все-таки в нем / то все-таки ◊

44–45 незыблемее ∾ прежде / незыблемее и святее как ‹*не закончено*› Я говорю, что в этом пункт соединения нашего общества с народом.

46–47 так много ∾ смысле / так много говорят в разных смыслах ◊

47 простодушный парадокс / *а.* глупейший парадокс *б.* простодушнейший парадокс ◊

Стр. 41—42.

48–1 но ведь всё это единственно потому / но единственно потому лишь ◊

Стр. 42.

1 считает свой парадокс / считает его ◊

2 *После*: за истину. — Не считал бы его за истину, то ни за что не пошел бы за ним. Да, боюсь слишком хвалить, но, кажется, современное юношество не прельстишь ни чинами, ни деньгами, ни карьерами и не их это идеалы, по крайней мере теперь такие эти юноши, и ей-богу, это хорошо.

2–4 Тут лишь непросвещение ∾ и подвигов / Тут лишь необразование,

подоспеет [образование] свет, явятся сами собой другие точки зрения, и парадоксы исчезнут, но не исчезнет чистота сердца, жажда жертвы и подвига ◊

4–5 *Слов*: которая в нем так светится теперь — *нет.*

6 *После*: и другой вопрос — *начато*: Короче, чтоб закончить, скажу, что

8–10 Надо признаться ∾ и даже так, что / [В этом — в этом] Надо признаться, что в этом у нас совершенно не спелись и

10 весьма похоже / *а.* похоже в этом чрезвычайно *б.* похоже в одном смысле *в.* в некотором смысле похоже *г.* в этом смысле похоже ◊

16 лишь в слове / в слове ◊

16–17 Мнение это было изречено / Слова эти были изречены

21 *После*: ничего — и не просил сформулировать мысль яснее.

21–22 конечно, испугавшись получить в ответ / ибо, конечно, боялся отве‹та›

27 но и самое-то / но даже самое ◊

28–29 такая же неясность, как и у маршала Мак-Магона / *а.* чрезвычайный разлад ◊ *б.* не спелись. Так сказать, всеобщий разлад, и разве только остается общее одно: вот эта именно любовь к Отечеству, о которой провозгласил так удачно маршал ◊

33 *После*: я ни был. — *начато*: Я вот, например, написал ◊

34 *Заголовка*: II. О любви к народу. ∾ контракт с народом. — *нет.*

36 *После*: разврату — и что никого-то нет. Это люди огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света.

39 дерущихся / дерущихся теперь ◊

40–41 *После*: Константина Аксакова — слова его об нашем народе, смысл которых, что

41 *После*: народ — по его мнению

Стр. 43.

2 это же самое мнение / [и с горяч‹ностью›] его мнение ◊

3 Как же я соглашаю такое / Как же согласить это ◊

4 очень легко согласить / *а.* очень просто *б.* это очень легко ◊

5 *После*: несогласимы. — Вот уже и разногласие. А цель-то общая, капитальная.

7 наносного / народного

8 разврату / мраку, разврату

10 удивительно, как он дожил / удивительно только, как еще он дожил

11–12 красоту своего образа / красоту его ◊

13 по страданиям народа / по страданиям народным ◊

18 постоянно воздыхает / воздыхает ◊

18–20 *Фразы*: А ведь не все же ∾ путь освещают! — *нет.*

22–26 тогда как у других ∾ и даже честно / *а.* И что есть нечто безмерно выше его, перед которым он, на самом дне пороков своих, не пожелал бы преклониться. *б.* Тогда как, ей-богу, у других бывает так, что делает мерзость, да еще себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, [говорит] утверждает, что [это] в ней-то и [есть] заключается l'Ordre, и [что в этом-то и заключается] свет цивилизации, и, несчастный, верит тому искренно и честно и слепо. ◊

26–28 Нет, судите наш народ ∾ желал бы стать. / Судите [его] наш народ не за то, чем он есть, а за то, чем желал бы стать. [А желание [в нем] это в нем постоянное и горячее.] ◊

28–32 А идеалы его ∾ гармоническом соединении. / А идеалы его сильны и святы, [они у него есть] и они-то и спасли его, только они срослись с душой его искони и наградили его [почти навеки] простодушием, честностью, искренностью и широким, всеоткрытым умом [и терпением, и широким умом] в чрезвычайно прекрасном, привлекательном и гармоническом соединении ◊

32 *После*: соединении. — и если и грешит русский простолюдин, то по крайней мере всей душой своей, всего делает иного, даже будучи в самой тине греха.

32 и так много / так много ◊
32–33 то русский человек / и греха, то сам же русский человек ◊
33 всего более сам / всего более ◊
36–41 Я не буду вспоминать ∾ узнали бы прекрасные вещи. — *Ср. заметку 17 к стр. 40—42.*
41–42 *После*: к нашей литературе — уже довольно богатой
43 с смиренного, простодушного / с смиренного, простодушного и светозарного ◊
44 *После*: типа Белкина — рассказчика повестей ◊

Стр. 44.

2 неожиданное новое слово / колоссальное и неожиданное новое слово ◊
3–4 великостью гения / [громадностью] его гения ◊
6 *После*: в наше время — например, о столь «заезженном нашею критикою Каратаеве» (гр. Лев Толстой, «Война и мир»), по справедливому выражению одного критика,
6 но вспомните / но вспомните, например [даже] ◊
7 Тут, конечно, не народ / [Обломов] Это, конечно, не народ, но [народен] народно.
8–9 вековечного и прекрасного / [есть] заключается вековечного и прекрасного ◊
10 это соприкосновение с народом / это соприкосновение ◊
10 им / этим писателям ◊
11 *После*: силы. — [но все же] во всех же остальных своих произведениях они далеко не доживут до потомков.
11–14 Они заимствовали ∾ и рабски заимствованному. / [взяли от него] заимствовали у него его простодушие, честность, кротость, [силу, широкость ума и непримиримость со злом без ненависти и всякой уступки, но и без мщения и ненависти] и незлобие, в противуположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. ◊
14 *После*: рабски заимствованному. — Кстати сказать, вся эта «плеяда» (сороковых годов, вся вместе взятая), на мой взгляд, безмерно ниже, по таланту и силам своим, двух предшествовавших им гениев Пушкина и Гоголя. [Тем не менее «Дворянское гнездо» Тургенева есть произведение вечное [и принадлежит всемирной литературе, — почему?] Потому что тут сбылся, впервые с необыкновенным достижением и законченностью, пророческий сон всех поэтов наших и всех страдающих мыслию русских людей, гадающих о будущем, сон-слияние оторвавшегося общества русского с душою и силой народной. Хоть в литературе, да сбылся. Тургенев и во всех произведениях своих брался за этот тип, но почти везде портил и добился цели лишь в «Дворянском гнезде». Вся поэтическая мысль [всех произведений его это тип] этого произведения заключается в образе простодушного, сильного духом и телом, кроткого и тихого человека, честного и целомудренного в ближайшем кровяном ‹?› столкновении со всем нравственно-грязным, изломанным, фальшивым, наносным, заимствованным и оторвавшимся от правды народной. Оттого безмерное страдание, но и не мщение. Кроткий человек не мстит, проходит мимо, но примириться со злом и сделать хоть малейшую нравственную уступку ему в душе своей он не может. [От этого он] Страдания его не описываются, но вы чувствуете их всем сердцем своим, потому что страдаете ведь и вы, и вы догадываетесь под конец, что сцена свидания этого несчастного с другою несчастною в отдаленном монастыре (в шесть или 8 строк!) потрясает [вашу] душу [страданием и глубоким [чувством] впечатлением] навеки [кто бы вы ни были, если же вы раз почувствовали и это чувство], впечатление безмерно для вас плодотворное, ибо весь этот герой и вся [красота] правда ‹?› его — есть всего только народ, тип народный, вы это чувствуете и понимаете всем сердцем вашим, а потому невольно и хотя бы даже бессознательно преклоняетесь перед правдой народной, так ска-

зать, принуждены преклониться. [Вот высшая *польза* искусства. А главное, тут — пророчество, возможность соединения с народом]. Уж меня-то не заподозрят в лести г-ну Ив. Тургеневу. Выставил же я это произведение его, потому что считаю эту поэму, из всех поэм всей русской литературы, самым высшим оправданием правды и красоты народной]. Выставил же я произведение г-на Тургенева и потому еще, что г-н Ив. Тургенев, сколько известно, один из самых [ярых] односторонних западников по убеждениям своим и представил нам позднее дрянной и глупенький тип — Потугина, с любовью нарисованный [и представляющий] олицетворяющий собою идеал сороковых годов ненавистника России и народа русского, со всею ограниченностью сороковых годов, разумеется. [Этот Потугин] Об этом Потугине [мне хо‹телось бы›] я еще поговорю [потом, разумеется] [в своем месте, конечно], конечно потом, потому что об литературе русской надо говорить умеренно. И пусть извинят меня, что я теперь говорил о литературе, но ведь я лишь по поводу народа. *Ср. заметку 18 к стр. 40—42.*

14–23 Не дивитесь ∾ по поводу лишь народа. *вписано.*

14 Не дивитесь ∾ об русской литературе. / [И не дивитесь моему] не дивитесь, что я при таком серьезном вопросе заговорил об русской литературе. ◊

15 литературой / *а.* литературой *б.* беллетристикой ◊

17 *Слов*: заметьте себе это — *нет.*

18–19 за действительно прекрасные / действительно прекрасными ◊

19–20 Впрочем ∾ даже невольно. / и кажется невольно [начала заимствовать у народа те черты, которые помогли ей придать изображенным типам столько силы, свежести, истины] принуждена была взять их себе в образец. ◊

20–21 Право, тут, кажется ∾ чем добрая воля. / и тут, кажется мне, действовало скорее художественное чутье, чем добрая воля. ◊

24–26 Вопрос о народе ∾ наше будущее — *Ср. черновые записи к стр. 40—42.*

26–27 *Слов*: даже, так сказать ∾ наш теперь. — *нет.*

27 И однако же / А однако же

27–28 всё еще теория ∾ загадкой / загадка, и продолжает стоять загадкой ◊

28–29 Все мы, любители народа ∾ на теорию / Мы же, с своей стороны, так сказать, любители народа, почти все смотрим на него как на теорию. ◊

33 его представили / желаем его

34 тотчас бы отступились от него / тотчас бы оставили его ◊

34 без всякого / безо всякого ◊

35 не исключая и славянофилов / не исключая даже и славянофилов ◊

39–40 заранее: стоит ли / стоит сначала

40 литературную руку / руку

41 столь хороши и прекрасны / так хороши и прекрасны, кто бы мы ни были ◊

41–42 чтоб могли поставить самих себя / чтоб поставить себя в идеал народу

43 непременно таким же / таким же ◊

44–45 Но вопрос этот ∾ и не ставился / в сущности, этот вопрос у нас иначе ведь и не ставился

46 *После*: народом?» — вот как ставился

47 *Слов*: из тех — *нет.*

48 по общему делу / по общем деле ◊

48 А потому ∾ искренно / отвечу на [него] вопрос этот прямо ◊

Стр. 45.

1 перед / пред ◊

3–4 и признать ∾ и из Четьи-Минеи. / *а.* и признать ее за правду единственную и истинную *б.* и признать ее за правду даже в том ужасном случае, если она вышла вся из Четьи-Минеи ◊

4–5 Одним словом, мы должны склониться / Одним словом, мы должны явиться и стать перед этой правдой
6 однако же, все-таки / однако русскими ◊
7 в чем, впрочем, великая наша заслуга / в этом наша заслуга
7 Но, с другой стороны / но, однако ◊
9 многое из того / многое ◊
10–17 Не можем же мы совсем уничтожиться ∾ и вес. — *Ср. заметку 14 к стр. 40—42.*
10–11 совсем перед ним уничтожиться / уничтожиться совсем ◊
11 какой бы то ни было / какой хотите
11 его правдой / правдой ◊
12 пусть / пускай ◊
13 в крайнем случае / если потребуется ◊
14 В противном случае / В противном же случае ◊
14 мы оба погибаем / *а.* оба погибнем *б.* погибаем ◊
14–15 Да противного ∾ убежден / С своей же стороны я совершенно убежден
16 принесли / несем
18 *Слов*: опять повторяю — *нет.*
19 Предсказывают, например / Говорят
22 *После*: привычек — тревоги и неустойчивости
23–24 *Слов*: опять-таки, пожалуй, через двести лет — *нет.*
25–26 Так ли это по-вашему, господа? / Так ли это по-вашему? ◊
26–27 Назначено ли ∾ новый фазис / Пройдет ли народ непременно новый фазис.
29 прямо с разврата / с разврата ◊
31 уверовать / веровать ◊
33 выскочат / выйдут ◊
35 безошибочнее / честнее
37 поссоримся / и даже поссоримся
37 *После*: поссоримся — ведь мы только «любим Отечество», как и маршал Мак-Магон, а более-то ничего не умеем сказать.
38 мы люди хорошие / мы и в самом деле хорошие люди
38–39 что бы там ни вышло / что бы там ни было
39 ведь дело-то / дело ◊
39 наладится / ведь должно же наладиться, и мы согласимся во всем ◊
40 *После*: от всякого дела — вот этой-то отвычкой мы и страдаем. Чтоб закончить, расскажу анекдот об образованности и просвещении народа русского. В прошлом январском дневнике я говорил о [мраке] зверстве [его] и невежестве народа, а теперь скажу о просвещении и образованности. И вы увидите, может быть, что всё это так и есть, и одно другому вовсе не противуречит. [Вся штука] Всё дело опять-таки в том: кто в чем видит и понимает образование и просвещение.
41–43 Вот через эту-то отвычку ∾ друг друга. / *Вписано на полях*: *а. Начато*: Вот через эту-то отвычку *б.* Эти-то отвычки всему и причиной, и через нее-то [оттого] мы [все] и кончили наш так называемый «культурный период» [по выражению генерала Фадеева] *Далее*: *а.* тем, что никто у нас не понимает друг друга *б.* в результате дошли до того, что повсеместно перестали понимать друг друга. Конечно, я говорю лишь о серьезных и искренних людях. Спекулянты — дело другое, те друг друга везде понимают.

Чтобы закончить, расскажу анекдот, может быть очень ничтожный. Это одно далекое воспоминание.◊ *Далее заметки*: Но воспоминание это грустное. Я никогда не припоминал. Я его написал, тому 25 лет назад, я. . .

Лег, совершенно чуждый всему этому миру.◊

Стр. 46.

1 *Заглавия*: III. Мужик Марей. — *нет.*
2 Но / Впрочем
3 а потому расскажу / Чтоб закончить, расскажу

3 *После*: анекдот — *начато*: может быть, даже очень незначительный' но мне почему-то очень хочется его рассказать именно здесь и теперь, когда мы только что
4 которое / и которое ◊
5 именно / и именно ◊
6 нашего трактата / болтовни ◊
15 ссоры начинались / ссоры слышались ◊
18 собственным судом / своим собственным судом
21 до болезни истерзало меня / до болезни и надрыва истерзало мою душу ◊
22 пьяного народного разгула / *а. Как в тексте. б.* пьяного перед собой человека *в.* пьяного
24 *После*: не заглядывало — понимая
26 *После*: было бы хуже — *а. Начато*: Впрочем, не *б.* Мне [было] стало наконец очень тяжело и почти невыносимо.
26–27 Наконец ∾ загорелась злоба. / и в моем сердце была злоба к этому народу.
27 поляк М-цкий / поляк Марецкий ◊
28 сверкнули / засверкали ◊
30–31 несмотря на то ∾ как полоумный / несмотря на содом и ругательства. Четверть часа тому назад меня выставили из казармы.
32–35 когда шесть человек ∾ такими побоями / [Били] Тогда четверть часа тому человек шесть [чтоб усмирить] здоровых мужиков бросились все разом на пьяного татарина Газина, чтоб усмирить его, и стали бить, [но] били нелепо; верблюда бы можно было убить такими побоями. ◊
35 знали / все знали ◊
36 *После*: опаски. — Я тогда ушел. ◊
37 в углу / в углах ◊
37 почти / даже ◊
39 хоть и твердо надеялись / *а.* зная *б.* хоть твердо надеялись ◊
39–40 очнется / все-таки очнется
40 помрет / может и помереть
41 против окна / прямо против окна ◊
42 и лег навзничь / и лег на нары, навзничь [против решетчатого окна]
42 закрыв / закрыл ◊

Стр. 47.

1 М-цкого / Марецкого ◊
2 *После*: впечатления — что бы я не написал, я не передам всего тогдашнего
3 *После*: снится — двадцать лет спустя ◊
3–4 *После*: мучительнее. — Не думаю, чтоб читатели оскорбились, что я так *жалобно* [вспоминаю] припоминаю об этом жалком времени своей жизни. ◊
4 до сегодня я / я до сего дня ◊
4–5 почти ни разу не заговаривал / почти [никогда] ни разу не говорил печатно ◊
5 *После*: в каторге — *а.* от моего лица *б.* от себя лично ◊
8 Кстати прибавлю как подробность / Прибавлю [одну] [к слову] как подробность ◊
10 за убийство жены / [будто бы] за то, что убил свою жену; это я знаю наверно. ◊
12 мои / эти
12–13 я вспоминал беспрерывно / я редко мечтал, но зато вспоминал усиленно и беспрерывно ◊
14 пережил всю ∾ снова / пережил вновь всю прежнюю жизнь мою
14–20 Эти воспоминания ∾ забава моя. / *а.* Это имело и свою хорошую сторону, и под конец этих годов моих я мог дать себе довольно сознательный и целый отчет о себе самом *б. Начато*: Так что всё могло быть ‹?› Это имело свою хорошую сторону, вызывал прежние впечатления, анализируя их и поправляя их. Главное ‹*не закончено*› *Ср. запись на с. 24 рукописи*: Но на меня это произвело впечатление в такую страшную

минуту, что я воспоминание это не мог забыть и ценю его настолько, что поделюсь и с вами.◊

14 Эти воспоминания / Воспоминания же ◊

15 *Слов*: по своей воле — *нет*.

18 и цельное впечатление / полное впечатление ◊

21–22 припомнилось почему-то ∽ первого детства / припомнилось одно такое мгновение из моего детства.◊ *Рядом наброски*: *1*. моей жизни. *2*. Когда мне было

22–23 когда мне ∽ от роду / *а*. Август месяц, мне девять лет. *б*. Мне девять лет, стоит август месяц. Мы еще в деревне ◊

23–24 *Слов*: мгновенье ∽ забытое — *нет*.

24 но я особенно / [Прибавлю, что я] особенно ◊

25–26 *Слов*: Мне припомнился ∽ в нашей деревне — *нет*.

27 лето на исходе ∽ в Москву / Лето проходит, скоро [может быть] в Москву ◊

27 опять скучать / скучать ◊

30 назывался у нас / назывался ◊

31 И вот я забился гуще в кусты / Вот я забился далее погуще в кусты ◊

31–33 и слышу ∽ одиноко пашет мужик / Но недалеко, шагах в тридцати [уже поле] справа, начинается поле и там, я слышу, одиноко пашет мужик. *Рядом набросок*: есть поляна, и там, я слышу

33 Я знаю, что он пашет круто / Он пашет круто ◊

34 его окрик / *Начато*: его понук‹ание›

35 пашет / там пашет ◊

36 я тоже занят / я занят ◊

37–39 я выламываю себе ∽ против березовых / *а*. *Начато*: хлысты из ор‹ешника› *б*. я выламываю себе ореховый хлыст, хлысты из орешника так красивы и так непрочны, так скоро ломаются, а мне надо ими сметать лягушек ◊

41 пятнышками / метками ◊

44–45 с его ∽ дикими ягодами / с ягодами ◊

45–46 *После*: белками — и прячущейся в траве земляникой ◊

46–47 с его столь любимым ∽ перетлевших листьев / *а*. с его странной тревогой *б*. с его столь любимым мною сырым запахом грибов и перетлевших листьев ◊ *вписано на полях*.

47 послышался / слышится

48 впечатления эти остаются / *а*. Это остается *б*. Право, эти впечатления остаются ◊

Стр. 48.

8–9 но до того ∽ заговорить с ним / *а*. но мало когда говорил с ним. *б*. но до того никогда почти не говорил с ним ◊

10–11 уцепился ∽ за его рукав / *а*. ухватился [за] руками [одною] за его соху и за его рукав *б*. уцепился обеими руками за его соху и за его рукав ◊

12 прокричал / крикнул

18 какой волк / какой тут волк

19 *После*: волку быть! — нет волка! полно, полно, ишь!◊

19 весь трясся / весь еще трясся

20 *После*: зипун — не отнимая от него глаз ‹?› ◊

20–21 *После*: очень бледен — и смотрел ему

21 Он смотрел ∽ улыбкою / *а*. он смотрел на меня с улыбкой *б*. *Начато*: Он тихо на меня *в*. он улыбнулся ◊

23 качал / закачал ◊

23–24 Полно, ро́дный / Полно, полно, родный ◊

25 вдруг погладил / погладил ◊

26 Ну, полно же ∽ окстись. / Ну полно же, [ну] полно же. Ну Христос с тобой, ну окстись.◊

27 вздрагивали / тряслись ◊

29 тихонько дотронулся / дотронулся ◊

31–32 материнскою и длинною улыбкой / материнскою улыбкою ◊
32 ишь ведь, ай, ай! / вишь как испугали, ай-ай. [И опять качнул головой]. ◊
35 такие крики / крики ◊
35 *Слов*: (не об одних волках) — *нет.*
36–37 эти галлюсинацпи прошли / всё прошло ◊
38 Ну, я пойду / Я пойду ◊
40 Ну и ступай ∾ посмотрю. / Ну ступай, ступай, а я вслед посмотрю. ◊ *Ср. вариант к этой фразе на с. 20 рукописи*: Ступай, ступай, я вслед тебе буду смотреть. Уж я тебя не дам волку. ◊
41 всё так же матерински мне улыбаясь / одобрительно мне улыбаясь ◊
42 перекрестил / окрестил ◊
43 оглядываясь ∾ десять шагов / поглядывая назад ◊
44–46 Марей, пока я шел ∾ когда я оглядывался. / Марей стоял и смотрел мне вслед, слегка кивая мне головой каждый раз, когда я оглядывался ◊ *вписано.*
47 побаиваясь волка / побаиваясь ◊
48 испуг / страх

Стр. 48—49.

48–2 тут испуг ∾ Волчок *вписано.*

Стр. 49.

2–3 *Слов*: С Волчком-то я уж вполне ободрился — *нет.*
3–4 и обернулся ∾ разглядеть ясно / [тут] когда я обернулся, Марей всё еще стоял, и я уже не мог разглядеть ясно лица его ◊
4–5 но чувствовал ∾ и кивает головой / но я чувствовал, что он точно так же мне улыбается и кивает слегка головой ◊
8 потянула опять / потянула в гору ◊
10 *После*: в подробностях. — Мне и всегда всё прежнее припоминалось такими же картинками *вписано.*
12 С минуту еще я / С минуту я еще ◊
14 Да и какое / Да и что ж ◊
14 *После*: приключение? — И, однако, в этих-то обыденных, совсем обыкновенных чертах и выставляется иногда вся суть дела. ◊ *вписано.*
14–15 об Марее / об самом Марее ◊
15–16 *После*: изредка — в продолжение нескольких лет *вписано.*
17 двадцать лет спустя / столько лет спустя ◊
18–21 припомнил всю эту ∾ когда было надо *вписано.*
19 в душе моей / в сердце моем ◊
20 тогда / именно тогда ◊
22 его покачиванье головой / покачиванье головой ◊
22–23 «Ишь ведь, испужался, малец!» / и его: «Вишь, испуж‹ался›, малец!» ◊
23 И особенно этот толстый его / и толстый
23–24 запачканный в земле палец / [весь в] запачканный в земле его палец ◊
25 *После*: моим. — боязливо и любя ободряя меня: «Ишь ведь, перепугался, малец!» ◊ *вписано.*
25–26 Конечно, всякий бы ободрил ребенка / [Конечно] И уж конечно, всякий бы ободрил [ребенка] испугавшегося мальчика ◊
26–27 случилось как бы что-то совсем другое / было совсем другое
27 *После*: другое — Ведь никто не заставлял и не принуждал его смотреть на меня таким отеческим взглядом, боязливо и любя, так крестить меня и [наконец] так любовно гладить меня [и трогать] своею мозольной рукой, с робостью и нежностью дотрагиваться до губ моих, точно я был собственный его ребенок. [А ведь он был]
27–29 и если б я был ∾ а кто его заставлял / и так что если б я был собственным его [ребенком] сыном, он не мог бы [другим] [более любовно смотреть на меня] мне высказать более отеческой нежности и смотреть

на меня взглядом, сияющим более светлою любовью, так боязливо, с такой нежностью ободрять меня ◊ *вписано.*

30 его барчонок / ему барчонок ◊

30 *После*: его барчонок — Скажите не [в этом ли смысле] это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего? Да и какие же другие, более высшие результаты могла бы дать даже самая высокая культурная образованность? *вписано.*

30–38 никто бы не узнал ∾ о своей свободе. *вписано.*

32 маленьких детей / детей ◊

34 глубоким и просвещенным / глубоким и нежным

34 человеческим чувством / человеческим и «гуманным»

36–37 *После*: русского мужика — *начато*: и, право, не знаю, не это

38–39 Скажите ∾ народа нашего? — *ср. вариант к стр. 49, строка 30.*

40 когда я сошел с нар / встал и пошел

40–41 помню, я вдруг / я вдруг ◊

42–43 и что вдруг ∾ в сердце моем / и что [нет уже] вдруг не стало совсем ненависти и злобы в сердце моем ◊

44 обритый / бритый ◊

46 ведь это тоже / это тоже ◊

46 *После*: Марей — *начато на полях*: и когда-нибудь тоже к нему [прибежал] подбежал

47 *После*: сердце. — и не знаю всего, что с ним было в жизни.

47–48 Встретил ∾ и М-цкого. / *а.* Но я вспомнил и про Марецкого. *б.* Я встретил еще раз Марецкого. *в.* Повстречал я в тот вечер еще раз и Марецкого. ◊

48 Несчастный! / Бедный! ◊

Стр. 49—50.

48–1 У него-то ∾ Мареях / *а.* У него-то уж не могло быть этого взгляду. *б.* У него-то уже не могло быть никаких этих воспоминаний среди народа этого и другого взгляду на этих людей не могло быть «Je hais ces brigands!» ‹Я ненавижу этих разбойников (*франц.*).›

Стр. 50.

2 эти поляки / поляки ◊

‹Февраль, глава вторая, §§ II—VI›

Стр. 52—55.

12–28 *К тексту*: II. Нечто об адвокатах вообще. ∾ и не затревожится.— *чернового автографа нет.*

Стр. 55.

28 *После*: и не затревожится. — И к тому же дело это в обыденной жизни в высшей степени невинное. Такой отзывчивый человек в первоначальном виде своем — это мим, это поэт, это вечно отдающийся первому впечатлению и рисующийся человек, а стало быть, всегда немножко лгущий. Вот в этом только смысле я и разумею нечестность. Самые честнейшие типы людей бывали в этом смысле нечестными даже до комизма. ◊

28–31 Продолжаю. Помнит ли кто ∾ сорок восьмого года? / Рассказывают, например, про Альфонса Ламартина, бывшего шефа президента временного правительства в февральскую революцию сорок восьмого года [что ничего для него] и которого, вероятно, и у нас немножко помнят ◊

31 Говорят, ничего не было / что ничего не было ◊

35 *Слов*: в первые два месяца по провозглашении республики — *нет.*

36 произнес он тогда / произнесено было тогда Ламартином ◊

38–39 и всё это ∾ внушительной наружности / и при этом при прекрасной, самой внушительной наружности ◊

39 созданной / наружности, созданной ◊

40–41 отзывчиво-поэтических / отзывчиво-поэтических и прекрасных

42 *После*: написал — томище бесконечных стихов.
43 *После*: religieuses — кажется
43–45 *Слов*: необыкновенный том ∾ из институтов — *нет*.

Стр. 55—56.

45–1 талантливую вещь / популярную вещь свою

Стр. 56.

1 «Историю жирондистов» / [свою] историю жирондистов ◊
1–3 и, наконец ∾ революционного правительства / и [потом] [отчасти] нечаянно место шефа во временном революционном правительстве ◊
4 *После*: первый — *начато*: Говорят, эти
10 *После*: к лире? — *начато*: Человек и лира
10 Только прикоснуться / *а.* как прикоснулся к ней *б.* Только прикоснуться к ней ◊
10 и сейчас зазвенела / *а. Начато*: так и зазвенела, иногда даже об чем хотите, на какие хотите *б.* Сейчас и зазвенела. Какая низость, и при какой, однако, полной невинности! ◊
10–15 Само собою, что невозможно ∾ всегда наживающихся? / Само собою, можно ли приравнять этот говорящий стихами талант, эту лиру, к какому-нибудь из наших шустрых адвокатов, плутоватых даже в глубокой честности, собой владеющих, изворотливых, наживающихся ◊
15 Им ли не совладать с своими лирами? / и они ли не совладают с своими лирами? ◊
15–16 Но так ли это? ∾ господа? / Но так ли, вы так думаете? ◊
16–17 *Слов*: и «отзывчив» — *нет*.
18 в иносказательном роде / в некотором роде
20–21 и оставил ему ∾ ударение на *и* / и он овладел капиталом (читайте: капи́талом, ударение на *и*)
21–22 вела ∾ на свое имя / вела свои дела от себя
22 выручить / выручать ◊
26 чтобы самим / чтоб нам самим ◊
26–27 Так и не дал ничего / так и не дал денег ◊
27–29 Примите за ∾ такая речь / Точно так с иным из наших адвокатов, если только он обладает талантом
28 что даже и похоже / почему же нет, талант ведь дает же доход, как и капитал ◊
30 потому как нам никак невозможно / потому никак невозможно ◊
33–34 даже в ту самую минуту ∾ его совести / даже и тогда, когда защищать дело прямо претит ему совесть ◊
38 *После*: не может случиться — *вписано*: даже и по закону. Я только хочу сказать, что [наш] вообще талант, если и возьмется, например, за дело, претящее его совести (ну, каким-нибудь образом так выйдет), то не выдержит, увлечется, талантом же своим увлечется. ◊*Рядом вписано на полях*: Прокурор может отказываться от обвинения, но может ли адвокат (назначенный) и хочет ли он ‹?› отказываться от защиты? Вот то-то и есть, что не знаю законов. Впрочем, не в том дело: может ли, то есть имеет ли право, а станет ли сам, откажется ли, если б и имел это право? ◊
38–42 Как же я могу ∾ сила таланта. / Как же, дескать, я могу не выиграть, если я талант, и неужели буду губить мою репутацию, потому как нам никак невозможно, чтобы нам самим без капиталу, и вот зазвучит «лира», пробудится «отзывчивость». «Ревет ли зверь» и т. д. Наконец, сами собою явятся такие «подробности» и — и кончится тем, что дело выиграет, даже наскажет лишнего, в то же время оставаясь честнейшим [человеком] адвокатом и даже другом человечества. То есть я хочу выразить, что в адвокатуре нашей не одни деньги страшны как соблазн, а и собственная сила таланта. ◊
43 Однако раскаиваюсь, что написал всё это / Однако, перечтя написанное, даже раскаиваюсь, что написал всё это. ◊
43–44 ведь известно, что г-н Спасович / Известно, что г-н Спасович ◊

44 тоже замечательно талантливый адвокат / замечательный адвокат, талант

45 *После*: адвокат. — Ни за что бы я не захотел, чтобы кто-нибудь мог подумать, что написанное теперь [могло быть применено] я применял, хотя отчасти, к г-ну Спасовичу и особенно к деятельности его в деле г-на Кронеберга. ◊

44–46 Речь его в этом деле ∾ почти отвратительное впечатление. / *а. Начато*: [Защитительная речь его в этом деле] *б.* Г-н Спасович известен своими талантливыми речами и своей прекрасной деятельностью. Речь же его в деле Кронеберга, даже и меж его речей, есть, так сказать, перл, и представляет собой, по-моему, верх искусства. *в.* Речь его в этом деле, по-моему, есть верх искусства. Тем не менее она оставила в сердце моем [глубоко] почти отвратительное впечатление. ◊

46–47 Видите, я начинаю ∾ слов. / Таким образом я начинаю [прямо и искренно] с самых искренних слов ◊ *вписано.*

Стр. 56—57.

47–1 Но виною всему ∾ обстоятельств / [Но] Виноват был вовсе не г-н Спасович [а виновата] [но затем повторяю еще раз, что всему виною, на мой взгляд], а та фальшь всех сгруппировавшихся [около него] в этом деле обстоятельств ◊

Стр. 57.

1–2 из которой он ∾ силе вещей / из коих он [защитник] никаким образом не мог выбраться, по самой силе вещей ◊

2 *Слов*: вот мое мнение — *нет.*

3 *Слов*: как защитника — *нет.*

3–4 само собою отразилось и в речи его / невольно отразилось в самой речи его ◊

6 разрушенное / разрушено ◊

7 *После*: несчастны. — *а.* Надо было, во что бы то ни стало, спасти отца. *б. Вписано на полях*: Г-н Спасович [несколько] даже порывался [об этом] прямо заявить присяжным [что в случае] о страшном обороте дела, который произошел для клиента его, если б они вынесли обвинительный приговор. Но председатель его останавливал каждый раз. Конечно, чтобы смысл о тягости наказания не повлиял на решение присяжных. А потому г-н Спасович и принужден был прибегнуть почти ко всем средствам, чтобы спасти дело. ◊ *Выше на полях записи*: Фальшь. Спасти. Председатель. Слезы кипели в его сердце. Но с каким искусством, с каким это всё талантом. Впрочем, и давно пора.

7 Клиент / [Он] Клиент его ◊

8 *После*: страшна. — Истязание-то и влекло за собою такое [страшное] тяжкое наказание ◊

10 никакой обиды / обиды ◊

10 Он отрицает / одним словом, он отрицает

11 *Слов*: кровь, честность свидетелей противной стороны — *нет.*

12–13 на совесть присяжных / на присяжных

13 знает / знал ◊

14–15 *Слов*: из сердец своих слушателей — *нет.*

15 к нему / к ребенку

16 продолжавшиеся / продолжающиеся ◊

16 *Слов*: под розгами — *нет.*

18 с розовым лицом / с красным лицом ◊

18 *Слов*: смеющаяся, хитрая — *нет.*

19 с затаенными пороками / с потаенными пороками ◊

19–21 *Фразы*: Слушатели почти забыли ∾ для себя вещь. — *нет.*

22–23 но что же было ∾ его клиента?» / Но что же было делать г-ну Спасовичу. А ну как присяжные обвинили бы его клиента? ◊

23–26 *Текста*: Так что ∾ к прекрасной цели». — *нет.*

26–27 Но рассмотрим ∾ вы увидите. / Но рассмотрим [всю] эту замечательную речь в подробностях, чтоб показать, в какое непроходимо-

ложное положение мог быть поставлен ясный и трезвый ум, человек с сердцем и совестью, что доказал он [в иных прежних] несколько раз всею прежнею своею деятельностью. [Какие тезисы должен был он защищать].◊ *Далее незачеркнутые записи*: *1*. Прием «польсти, польсти». Ну да уж что же делать, самый талантливый адвокат с хорошим вкусом не может отвязаться от этих данных опытом пошлых привычек.

Но ведь если по закону не истязал, так ведь на деле же это не может быть не истязанием. Закон другие имел цели.

Повторяю, чтоб разъяснить читателям. У Спасовича цель избавить, чтоб не подвели клиента под страшное определение законного истязания. А потому он и смеется над истязаниями ребенка и отрицает их совсем, хотя не можем же мы не понимать, что тут истязание. Но 7 лет не принято на вид. *2*. Сам ставит, что развращена у де Комба и сам говорит, что справедливый человек. *3*. У Кронебер‹га› прекрасное выражение lâchete d'èsprit ‹низость ума — *франц.*› Этих оставили ‹?› при себе

28 III.Речь г-на Спасовича. Ловкие приемы / 3. Защитительная речь г-на Спасовича.◊

29 Уже с первых слов речи вы чувствуете / *а*. *Начато*: Начало речи г-на Спасови‹ча› *б*. Уже с самых первых слов речи г-на Спасовича вы чувствуете ◊

29–30 что имеете дело ∾ с силой / могучий талант

31 и сам же первый / и сам [же вдруг]

31 *После*: сторону — *начато*: прямо говорит, чего

32 обнаруживает свое / свое ◊

35 возможность / средства

36 говорит г-н Спасович / *Начато*: говорит он, — отвлеченной

43 Очень ловко. / Чрезвычайно ловко ◊

Стр. 58.

1 себе / сам себе ◊

3 сам ищет защиты / сам первый выставляет всю опасность своего положения и даже как бы просит и ищет защиты

4 г-н Спасович / он

5 лед недоверчивости / недоверчивость

5 хоть одной капелькой / хоть немножко

7 говорит, что боится / что боится

9 что вас / если вас ◊

18–19 *После*: в государстве». — То есть, видите ли, чем дальше, тем ловче ◊

20 дело / дело-то ◊

20 всего только / только ◊

21 *После*: «шпицрутенах». — Так чего же он боялся-то?

22 *После*: не шутит. — [Действительно] Стало быть, и впрямь дело идет только

23 в детском возрасте / в первом детском возрасте ◊

24 *После*: собираться. — в таком торжественном суде. Да и притом розочка — это ведь очень хорошо, как же не [бить] сечь [детей] ребенка? ◊

25 он-то сам / он ◊

25 объявляет / объявил ◊

32 тогда многое / весьма многое ◊

36 *После*: значит — за наказание отца судят. *Далее вписано*: (Это опять новое, раз вы поймете — вы оправдаете. Ужасно гадко. Петербургская скверная выдумка.)

37–38 если глубже вникнуть / если принять во внимание натуру дитяти, т. е., разумеется уж, испорченную натуру

38 поглубже / *а*. глубоко-то *б*. поглубже-то ◊

39 А раз мы / *А раз мы* (это опять-таки ново: раз мы) ◊

44 Одним словом / Короче ◊

46 За сим / После такого

Стр. 59.

1 дословно / всего
1 Он рассказывает / Впрочем, он рассказывает
1–2 *После*: клиента. — *а.* и оставляет весьма приятное впечатление *б.* которую и нам надо узнать.
7 расстался же / расстался с ней ◊
10 *После*: армии — против немцев ◊
11–14 Мы, русские ∾ их уважать. *вписано на полях.*
11–12 Мы, русские / Мы все, русские ◊
12 тоже желали / желали
13 сердечно / сердечно-то, вот что ◊
13 хотя умственно / умственно [впрочем] однако ◊
14 Возвратясь в Варшаву, он / Возвратясь ◊
15 так любил / он любил в Варшаве ◊
15 она была уже замужем / когда она была уже замужем ◊
15–16 и сообщила ему, в первый раз в жизни / он узнал от нее в первый раз ◊
18 а ребенка оставила у крестьян / и оставила там ребенка у крестьян ◊
21 строгих и либеральных / строгих ◊
25 незаконного ребенка / ребенка
27 *После*: по закону — Так он и [сделал] исполнил [но давая свое имя] ◊
28 его родные / его родственники ◊
33 *После*: крестьян — где она пребывала ◊
38 взял / взял наконец ◊
39 Г-н Спасович / Тут г-н Спасович ◊
39 между прочим, что клиент его / что [г-н Кронеберг] клиент его ◊
42 он не скрыл / клиент правдиво не скрыл ◊
44 вам понятно / вам уже понятно ◊
46 и забросить у крестьян навсегда / не сделать барышней и оставить у крестьян навсегда ◊
47–48 создание / ребенка

Стр. 60.

1–2 намеках / инсинуациях
2 *После*: не имеет соперника — *заметки на полях и внизу листа*: *1.* Весьма трудно поверить, что заменила мать, хотя и называла maman *2. Аграфена.* Г-н Спасович ничего не прибавил. Он не говорил, что Аграфена просила украсть, хотя и упоминал о развращающем влиянии прислуги. Но как хотите, а на Аграфене пятно; ловко! ◊
2–3 *Слов*: в чем и уверитесь далее — *нет.*
7 возвещает нам / говорит ◊
11–12 Но г-ну Спасовичу ∾ уважение. / [Понятно] Г-ну Спасовичу, право, можно бы было об этом и не говорить вовсе, хотя, конечно, ему надо выхлопотать уважение. ◊
16 *Слов*: за который его так высекли — *нет.*
18 возбуждала против него / сердила ◊
19–23 *Текста*: Что же, мы и не думаем ∾ сучок. — *нет.*
23–25 По свидетельству г-на Спасовича ∾ от де-Комба. / Да мы этого вовсе и не думаем, особенно ввиду того, что по свидетельству г-на же Спасовича Жезинг-то и упросила Кронеберга взять ребенка из Женевы от де-Комба: «возьмите, дескать, дитя, будет и вам и мне веселее; я буду ухаживать за ним, воспитывать его». ◊
28 весьма характерное / довольно характерное ◊
30 собственной сердечной потребности / собственной потребности ◊
31 при себе / у себя. ◊ *Далее*: *а.* Впрочем, полагая, что он сделал и без того ведь довольно, он его обеспечил [дав свое имя] и [держал] поместил у де-Комба. Г-н Гамма, воскресный фельетонист «Голоса», по этому поводу восклицает: «Говорят, г-н Кронеберг достаточно засвидетельствовал свою любовь и свои отцовские чувства уже тем, что заботился о воспитании своей незаконной дочери». Но неужели в человеке достойно

удивления то отцовское чувство, которое не поражает нас даже в звере? Неужели не бросать на произвол судьбы своего дитяти — значит получить право на бесчеловечное обращение с ним? Ну, уж это слишком строго. Люди, конечно, лучше зверей, а многие ли признают или просто даже знают своих незаконных детей? Иные и в сортир кидают. Г-н Кронеберг после слов Жезинг поехал за дочерью в Женеву посмотреть. . . Оставшись недовольным воспитанием ребенка, г-н Кронеберг взял его от де-Комба *б. Заметка для жены*: Аня, прошу тебя дальше этого, где эта черта: // не переписывать.◊

35 *После*: что г-н Спасович — *а.* великий мастер. Он только кинет слово, но оно потом откликнется результатом.◊ *б. Заметка для жены*: Аня! загляни в эту страницу! ◊

36–37 казалось бы ∾ дает плод / он только обронил его, а в конце речи оно откликнется результатом и даст плод. ◊

38 но уж и испорченный / но [даже] и бессердечный. Не от плохого же только воспитания он не узнал отца, а и от худой, неблагодарной натуры.

38–39 Всё это нужно впереди / Для чего это г-ну Спасовичу? — а для группировки фактов; далее мы увидим ◊

39 г-н Спасович / он ◊

40–41 вас под конец / вас ◊

44 *Слов*: которая «горазда кричать» (какие русизмы!) — *нет.*

45 *Слова*: неопрятная — *нет.*

45 *После*: пороком. — он размарает и неприметно и вдруг выведет ее перед вами: глядите на нее сами.

Стр. 60—61.

45–2 Вся штука в том ∾ симпатию. / Вся штука в том, чтоб [вселить к ней отвращение] как-нибудь уничтожить вашу симпатию к этой криксе.◊

Стр. 61.

5 пожалев ее, обвините отца / пожалеете ее, да и обвините отца ◊

6 все эти факты / *Начато*: *а.* все эти доводы, как увидите сами *б.* все эти обстоятельства, факты, заброшенные словечки

8 заметите сами / увидите сами ◊

9–10 даже четырехлетний ребенок / даже четырехлетний и более ребенок ◊

11–12 до малейших обстоятельств / до малейшего обстоятельства ◊

14 подтвердит вам / подтвердит. [Виноват скорее г-н Кронеберг] ◊

16 испорченная натура ребенка / натура ребенка ◊

16–17 и уж, конечно ∾ поймет / И это всякий присяжный заседатель, конечно, понимает

17 найдет время / возьмет время

17–18 подумать и рассудить / рассудить ◊

18 рассудить / рассуждать ◊

18–19 под впечатлением ∾ таланта / под впечатлением неотразимым. Над ним талант и ореол [?] ◊

19–23 над ним группировка ∾ враждебное к ребенку чувство / Но в целом, в группировке нескольких подобных фактов вместе все-таки получаете неблагоприятное для ребенка впечатление. [А только того и надо] ◊

23–25 дело старинное ∾ изученной / и особенно при группировке искусной, изученной ◊

26 выставлю / покажу

26 пример / случай

28 речи / своей речи ◊

29–31 *Фразы*: Тут даже и не группировка ∾ и воспользовался им. — *нет.*

31–32 Аграфена Титова — бывшая горничная г-на Кронеберга. / [Эта] Аграфена Титова [была] служила в то время у г-на Кронеберга.

31–37 *Рядом с текстом*: Аграфена Титова ∾ было скучно. — *зачеркнутая запись на полях*: Нет, тяжела должность адвоката, поставленного

в такое фальшивое положение, а что было делать г-ну Спасовичу? Мог ли он поступить иначе? Я только удивляюсь искусству. Впрочем, это только цветочки, ягодки дальше. А дальше г-н Спасович переходит пря‹мо› к катастрофе.

33 квартировал / жил ◊

33–34 возбудила дело об истязании ребенка / возбудила дело и пожаловалась, свидетельствуя об истязании ребенка ◊

35–36 чуть ли ∾ этом деле / два чрезвычайно симпатичные лица во всем этом деле ◊

40 Когда же, приехав вечером, узнавал / Когда приезжал отец и узнавал ◊

41 то сек и бил его по лицу / тотчас же сек или бил по лицу ◊

43 бедная девочка / то девочка [не могла не ‹дичать›] ◊

44 всё больше и больше / еще больше ◊

45 показала / показывает

46 приносила жалобу / *а.* пожаловалась *б.* приносила по начальству жалобу ◊

46–48 В этих словах ∾ наблюдательницы / В этих словах [виден] слышится глубокая симпатия и виден тонкий [глубокий] поучительный взгляд на страдания оскорбленного крошечного создания божиего [любящ‹его›] ◊

Стр. 62.

1–5 Естественно после того ∾ «развращающему влиянию прислуги». — *Ср. фрагмент черновой записи на полях*: . . .ее очень и смотрит не на ребенка, а на существо порочное, потому что ответственное ◊

2–3 от которой одной ∾ любовь и ласку / от которой видела [только] любовь, и только тут и любили ◊

3 бегала иногда вниз к дворничихе / сходила вниз к дворничихе ◊

6–9 не могла хорошо ∾ нашему простому народу / не могла понимать ее, но, стало быть, полюбила же ее эта простая женщина, из простонародья, коли вступилась за нее ◊

10 как говорится в обвинении / показывает эта Ульяна на суде ◊

12 Бибина / свидетельница

15 *После*: *прекратились* . . .» — Слышите: тогда прекратились

17–27 Эти жалкие курицы ∾ Ну так вот *вписано на полях.*

18–19 почти страшными / чуть не страшны◊

20 который / он ◊

21 сам резать / резать ◊

21–22 господам к обеду / к обеду ◊

24–26 Представьте же себе ∾ распустив крылья / Ну так вот, этот мучитель, представьте себе, ужасно боялся, когда курица, рассвирепев и распустив крылья ◊

26–27 защищая цыплят своих / защищая детей ◊

28 курица / наседка

28 опять не выдержала / все-таки не выдержала ◊

28–29 и пошла-таки жаловаться начальству / и опять пошла [сама]-таки жаловаться ◊

29 захватив с собою пук розог / и понесла пук розог ◊

29 секли / засекли ◊

30 Вспомните при этом / Вспомните ◊

32 она пошла / пошла ◊

34 и никакой выгоды / и от того никакой выгоды ◊

36 на ребенка / на девочку ◊

40 Но девочка / Но ребенок

40 сначала / вначале ◊

44 отец девочки / отец

44 *После*: отец — *начато*: г-н Спасович говорит

Стр. 63.

1 вот это словечко / Каково словцо [закинуто]! ◇
2 несколько месяцев / восемь месяцев ◇
3 взять деньги / взять ◇
4 так внушено / внушено это ◇
4 *Слова*: в суде — *нет.*
5–6 не украла / не крала ◇
7 в эти месяцы / в эти восемь месяцев
7 *После*: крал — *начато*: деньги крал (т. е. не зная и не понимая, что [это] такое деньги, но в
7–8 совсем и не уверяя / даже не уверяя ◇
8–10 и единственно тем ∾ что она воровка / потому что она слышала, все это кругом говорили ◇
10–11 взять деньги для Аграфены Титовой / дать деньги Аграфене Титовой ◇
12 стащить / украсть
13 *Слов*: ни за что — *нет.*
14 не может / не посмеет
14–15 не имея ∾ доказательств / без прямых и твердых доказательств ◇
15 *После*: зато он — запускает словцо
16 та «хотела / хотела ◇
16 взять деньги / взять ◇
17 и свое словцо / словцо ◇
19 В сердце присяжного / и у слушателей
19–20 просачивается мысль / [увязывается] профильтровывается мысль ◇
20–21 главные свидетельницы / свидетельницы ◇
21 для них, значит, она и крала / она крала для них ◇
22 *После*: красть — да еще и жалуются! ◇
22 чего же стоит ∾ их свидетельство / *а.* Нет, это, воля ваша, искусно: отвел свидетеля, уничтожил и раздавил *б.* и свидетельство уничтожено, раздавлено [в сердце слушателя] ◇
25 и именно когда надо г-ну Спасовичу / и именно когда и надо ◇
25–26 как раз в конце речи / т. е. в конце речи ◇
26 для последнего влияния и эффекта / последняя капля влита ◇
27–29 *Текст*: Да, тяжела ∾ ягодки дальше. — *Ср. с записью к стр. 61, строки 31—37.*
28 *После*: иначе — Мог ли он поступить другим образом?
29 всё это только / это еще только ◇
29 дальше / впереди
29 *После*: дальше. — Но вижу, что сделал большую ошибку с самого начала, изложив сущность всего этого дела слишком слегка. Я предположил, что его все знают. Но многие могут [не прочесть вовсе сущности дела] [не читать вовсе] вовсе не знать, как оно было изложено перед судом, [А если [те, кто и] и прочли, надо бы было напомнить] а наконец, и просто вовсе ничего о нем не слыхали. А потому, хоть и поздно, вставляю всю необходимую выписку из дела теперь. Те, которые не нуждаются в новом чтении, могут просто перевернуть страницу. Вот эта выдержка. Я выписываю не все, это только выдержка (26 июля 1875 г. и т. д. — до слов: [он не знает] осмотрев вышеозначенное). Петитом. ◇
30 IV. Ягодки. — *См. набросок к этой главке на стр. 40 рукописи*: Незнакомец заметил, что излишни такие подробности и даже смешны. Но это не так. На публику и присяжных должно было подействовать. Какое, дескать, изучение, какая точность. Я уверен, что были такие из слушателей, которые с особенным удовольствием узнали из речи г-на Спасовича, что за справкою о каком-то рубчике посылали даже в Женеву к де-Комба. Г-н Спасович даже смеется над показанием одного доктора. Педагогика, дескать. Он победоносно указывает, куда же делись кровь и синяки. Я бы сказал просто г-ну Спасовичу, что экспертиза первая

одним доктором была произведена через 5 дней, а другая тремя докторами больше чем через две недели, и рубцы успели зажить.[1]

Я мог бы засвидетельствовать г-ну Спасовичу, что рубцы эти на здоровом теле заживают очень скоро, даже лучше, чем доктора, хотя и не знаю медицины. Но я видел то, чего не видали современные доктора. Поверите ли,[2] я видел спины, мокрая рубашка. Но всё это пустяки, как говорит г-н Спасович, а мук ребенка он скрыть не может,[3] и тут история ясная, я сказал уже, какая. Г-ну Спасовичу нужно уничтожить слово «истязание». Он этого слова пуще всего боится. Дело в том, что в законах пробел (выписка). — Но ведь какое нам дело. Неужели только сломанную ногу считать истязанием? Закон мог иметь свою цель. Всего бы лучше г-ну Спасовичу сказать: не подводите только под закон, а в мучении, в истязании сознаться. Не поверим же мы, что не страдал ребенок. Четверть часа, «папа, папа». Ведь признался же Кронеберг (выписка). Г-н Спасович не уничтожает же это признание. Но тут лира, лира-то очень поигрывает. Г-ну Спасовичу нужно всё отрицать. О, г-н Спасович искусен, не спорьте ‹?›. Истязание было, но сколько ударов розги положено, спрашивает он. Вот и сводит всё дело на лишний удар розги. Сколько — я вам отвечу, плети ей, 7-летней, чернослив, до того, что сам говорил: «не помню» и подает ‹*не закончено*›. Ведь признался же г-н Кронеберг.[4] 7-летнее крошечное тельце и невинную младенческую душу — и чтоб он кричал: «папа, папа!» А битье-то![5]

Но ведь всё искусство в том, что отвел глаза от лет, ведь тут 7 лет, 7 лет! Ведь это 9 рябиновых прутьев для 7-летней. Но этого мало, он скрыл об нравственных страданиях ребенка, у него только прутья, рубцы, а как вспомнишь, что тут обиженное, безответственное маленькое ‹?› создание, то понять не в силах: как же они об этом не говорят.[6]

О, г-н Спасович капельку коснулся, он говорит, что пощечину от отца получить нет унижения (он бил по щекам, по свидетельству, синяки, в кровь).[7] Кстати, пощечины он не отрицает. Бил. Кровь, синяки, струпья. Мог не знать, что струп в носу.

Право, как-то бесцеремонно с присяжными; раскачался ‹?›, да какой отец не знает, ездит с утра до вечера и только бьет; то вспомните, что вы сами, цитуя кодекс, говорили о правах отца. Известные права налагают известные обязанности.[8]

Битье по лицу ‹*нрзб.*› (выписка) (то что и мать пожалеет в ‹*нрзб.*›). Но не в том дело. Разве в этакой обиде дело?

О, г-н Спасович это всё пропустил. А оскорбление? А уединенный ребенок? Титова. У него только порочный ребенок. О, какой порок, он безответствен. Я буду теперь восклицать г-ну Спасовичу, как бы он и в самом деле говорил. Я делаю это, чтоб уничтожить впечатление его слова.[9] Но ведь ей надеть шапку и играть в разбойники. Ведь вы воздвигли призрак.[10] Порок в семь-то лет! О, есть дети, которые развращаются и в 7 лет.[11] Вот вы тут-то их и заставите лгать (картинки. Эти с прислугой

---

[1] *Текст*: Я бы сказал просто ∾ зажить. — *отчеркнут на полях.*

[2] Поверите ли *вписано.*

[3] *Далее над строкой начато*: хотя старания ‹?› его мне

[4] О, г-н Спасович ∾ г-н Кронеберг. *вписано на полях.*

[5] 7-летнее крошечное тельце ∾ А битье-то! *вписано на полях.*

[6] *На полях рядом с фразой*: у него только прутья ∾ не говорят. — *записи*: *а.* синяки, держали за руки. Хорошо держали.◊ *б.* Это я всё предполагая, что г-н Спасович говорит НЕ НАРОЧНО.◊

[7] (он бил ∾ в кровь) *вписано.*

[8] *Далее было*: Но г-ну Спасовичу всё главное дело в синяках: кровь из струпа по лицу ничего.

[9] О, какой порок ∾ его слова. *вписано.*

[10] Ведь вы воздвигли призрак. *вписано.*

[11] в 7 лет. *вписано.*

не знаются). Но есть дети, глубоко страдающие даже в эти годы. Страдание ребенка, боженька, слезы.

Я знал. Умерла жена, пасынок, пьяный, мальчик‹а› пугал. Целуй ноги. Его отняли у него. О варвары! Власть отца? Это ли воспитание. Это ли права отца. Так ли в семействах простых, добрых? Да ведь это же дети, дети, г-н Спасович. Петя сидит в люлечке. Разговор. Бросаются в объятия. Нет, эти создания тогда берут‹ся› в сердце, когда вы сживаетесь с ними с детства. Тогда они ваши. Они слушают, они любят. Первая улыбка. Нет, это счастье. А если вы и не знали, если вы взяли и ее одели, сами заняты делами и только с ужасом слушаете про чернослив да бьете прямо в лицо. Хлоп по лицу. Да взгляните на личико — как оно исказится не обидой, а беззащитностью, отчаянием, слезки, испуг. Да взять черносливу никакого греха. Она и не знает про воровство, а вы тем сами растолковываете ей, что такое воровство.

По крайней мере я тоже сказал свое слово, я про ‹*нрзб.*› по совести. Я знаю, что я не сказал и десятой доли. 10-летний анекдот.

О, какая б несправедливость была, если б не было бога. Кто ж бы их тогда защитил, кто ж бы их слезки сосчитал? [1]

30–33 *На полях рядом с текстом*: IV. Ягодки ∽ предположением. — *запись*: Закон, а не правда действительности. ◊

31–32 всякое мучение ∽ причиненное девочке / всякое истязание ◊

33 Перейдя к «катастрофе 25-го июля» / Перейдя к катастрофе ◊

34–35 рубцы ∽ кожицы / рубцы ◊

36–37 вот его взгляд и прием / вот его [нравст‹венный›] взгляд на дело и вот прием ◊

37 Г-ну Спасовичу уже заметили в печати / Кстати, в одной газете заметили в печати

38 и даже смешны / *а. Начато*: Нехороши и не *б.* и что даже это смешно ◊

39 Но, по-моему / Но ◊

42 такие слушатели / такие из слушателей ◊

44 *После*: к де-Комба. — что был ли, дескать, он прежде или только теперь вскочил, после «катастрофы 25 июля»?

Стр. 64.

8–9 *Фразы*: И главное ∽ истязания! — *нет.*

10 очень скоро / ужасно скоро ◊

15 *После*: царапин — (это при существовании темно-багровых-то подкожных пятен? Не слышите ли вы, господа, звук лиры?)

21 наказали / наказывали ◊

22 сообщу / доложу

26 Иная спина / иные спины ◊

27 распухала / напухали ◊

27 толщины / ширины

27–28 а, кажется, много ли / много ли ◊

28–29 этого темно-багрового / этого самого темно-багрового ◊

29 *После*: рассечениями — *а. Начато*: поэтому изредка *б.* (клочьями кожа никогда не висела) ◊

30–31 *После*: экспертов-медиков — если только не старик ◊

31 где нам / где ему ◊

32 *После*: увидеть — сколько я перевидел в то старое время ◊

32 получали / получили ◊

33–34 приходили, сохраняя ∽ нервном возбуждении / приходили всегда довольно бодро и бывали только в видимо сильном нервном возбуждении

36 а лишь всё ходил / а ходил ◊

36–37 *После*: по палате — *начато*: с обнаженным сверху телом, а всё лечение

---

[1] да бьете ∽ их слезки сосчитал? *вписано на полях.*

37 вздрагивая / лишь вздрагивая ◊
38 приносили ему / приносили ◊
39–40 он изредка обмакивал ∾ на его спине / изредка мочил свою простыню и потом набрасывал ее себе на плечи ◊
41 предварительно долго / по целому году
45–46 спина *успевала* ∾ *вся* / [почти всегда] спина успевала всегда почти зажить вся ◊
47–48 но через десять ∾ бесследно / но через десять дней уже почти все проходило без следа ◊

Стр. 64—65.

49–1 то есть не более двух тысяч разом / тысячи три, четыре

Стр. 65.

5–6 выдержать даже и более двух тысяч / выходить даже три тысячи ◊
6 без опасности для жизни / без опасности ◊
7 а с пятисот или шестисот / с пятисот же или шестисот ◊
9 г-н защитник / г-н Спасович ◊
9–10 и не грозили опасностью для жизни / *а. Начато*: не приносят ни малейшей *б.* и не грозят опасностью жизни
10 *После*: повреждения — *а.* Когда [ловили беглого, то всегда] ловят, например, беглого, то всегда его парят в бане, чтоб узнать *б.* потому что всё так быстро заживает ◊
11–12 не было мучительно ∾ истязания / *не мучительно*, не мучение, [не страдание] не истязание? ◊
12 Неужели же и девочка / Неужели девочка ◊
13 *После*: розгами — которые «садче» палок ◊
13 *После*: на столе — уже обломанными
14 *Фразы*: Зачем же вы ∾ ее истязание? — *нет.*
15 я уже сказал / я [сказал] уже говорил ◊
15 почему тут такая путаница / в чем тут дело и почему такая путаница ◊
16 в «Уложении о наказаниях» / в Своде законов
19 пробел / громадный пробел ◊
19 *После*: пробел». — говорится уже только о тяжелых, подвергающих жизнь опасности побоях и иных истязаниях в статье 1489. Между этими видами преступления, очевидно, есть промежуток большой, потому что не всякие тяжелые побои подвергают жизнь опасности. *Рядом на полях начато*: Он скрыл, что к семилетней, и подводит к обыкновенному наказанию отцом ребенка. Правда, говорит он, наказание было строгое, но ◊
33 Ну, вот в том-то и дело / Вот [весь] он, главный-то и опасный пункт! Ясно ли теперь, в чем дело! ◊
36 преступления / преступлений, в которых он обвиняется
37 тяжелое / тяжкое ◊
38 Ну, казалось, так бы прямо / Ну, так бы прямо, кажется ◊
38–39 разъяснить нам это недоумение / объяснить г-ну Спасовичу свое недоумение ◊
39–41 *Фразы*: «Было, дескать, истязание ∾ в истязании». — *нет.*
42 г-н Спасович уступить ничего не хочет / он уже расходился и уступить не хочет ◊
42 *После*: не хочет — он отрицает истязание
42–44 он хочет доказать ∾ и никакого страдания, совсем / не было никакого истязания, никакого страдания совсем ◊
44–47 Но скажите ∾ Ведь в законах пробел / *а.* Неужели же ребенок не мучился и не страдал? Что нам за дело, что в законе пробел? *б.* Но скажите, что нам-то, слушателям, за дело, так что мучения и истязания этой девочки не подходят под определение истязания законом [т. е. если не было мучений свыше самых тяжких побоев?] Неужто она, ребенок, совсем не мучилась и не страдала? ◊

Стр. 65—66.

46–1 Ведь в законах ∾ так отводить глаза? / [то] неужели все равно [и очевидно, что] были мучения ужасные, невозможные, невыносимые, и мы знаем, что девочка вынесла. [Отвести на этот счет глаза никак нельзя.] Неужто можно на этот счет так нагло отвести глаза? ◊

Стр. 66.

1–2 Да, г-н Спасович ∾ нам глаза / Но г-н Спасович решительно [отрицает это] хочет отвести глаза ◊

3 *После*: «играл» — Тут [опять] лира. ◊

6 Ах, боже мой / Ах, боже мой, господин Спасович ◊

6–7 да ведь такие маленькие дети / такие маленькие детки ◊

7 скоро-впечатлительны и восприимчивы / впечатлительны ◊

9–10 Я видел ∾ от скарлатины / Я видел почти умиравшего уже от скарлатины пятилетнего ребенка ◊

12 *После*: собачку — щенка, и как она у него будет расти

13 погляжу на них» / погляжу на них только ◊

13–15 Но верх искусства ∾ лета ребенка! / [Главное, г-н Спасович] Но самый верх искусства [предел достигн‹утого?›] — в том, что г-н Спасович совершенно конфисковал [7 лет] лета ребенка! ◊

15–17 Он всё толкует ∾ в душе своей / *а.* Он толкует о том, что она порочна, о том, что [наказание] хоть наказание и было сильно, но она не могла страдать *б.* Он толкует об испорченной, порочной девочке, пойманной неоднократно в краже, с потаенным развратным пороком в душе своей ◊

18–19 об семилетнем младенце / о семилетней крошке, о младенце ◊

19 это самое *дранье* / то же самое [наказание] дранье ◊

22 жалкой крошки / жалкого младенца ◊

22 *После*: жалкой крошки! — Да и к чему г-ну Спасовичу совершенно скрывать страдания девочки? ◊

22–29 Спрашиваешь себя ∾ розгой?» *вписано на полях.*

23 упорно отрицать / отрицать ◊

23–25 К чему ему так упорно ∾ глаза отвести? / К чему ему так отрицать страданье девочки, так изворачиваться, так дергать ‹?› себя, чтобы нам глаза отвести? ◊

25–26 Неужели ∾ самолюбия / Неужели из одного только адвокатского самолюбия? ◊

28–29 и что судят отца ∾ девчонку розгой?» / *а. Начато*: и что скверную девчонку *б.* и что склоку всю всё затеяли да судей ‹*не закончено*› две крестьянки из-за того, что скверную балованную девчонку отец посек розочкой! ◊

29–30 Но ведь сказано уже ∾ вашу симпатию. / Да и симпатию-то к ней надобно в вас истребить ◊

31–32 страдания ребенка ∾ человеческие чувства / [в вас откликнется] страдание возбудит симпатию и вызовет в вас, неровен час, человеческие чувства ◊

32 *После*: человеческие чувства. — *начато*: Ведь уже сам отец, хоть и не признал себя на следствии виноватым в истязании своей дочери (как гласит обвинительный акт), [но всё же правдиво и прямо открыл] хоть и заявил, что до 25 июля наказывал ее всегда легко (ведь воззрение на легкость и тяжесть — дело личное: удары по лицу семилетней крошке с брызнувшей кровью из носу, которые не отрицает ни Кронеберг, ни адвокат его, очевидно, г-н Кронеберг [не признает тяжелыми] считает легким наказанием), но ведь все же он показал, совершенно правдиво и прямо, не утаивая ничего, что он

32–34 *Слов*: А человеческие-то чувства ∾ его клиента — *нет.*

34–38 их надо ему подавить ∾ истязание ребенка / Ему надо их подавить заблаговременно, войти в отчаянную борьбу с вашими человеческими чувствами, извратить их, осмеять, одним [словом] предпринять невозможное дело, невозможное уже хотя бы по тому одному, что перед нами

ясное, точное, вполне откровенное показание отца, твердое и вполне подтверждающее истязание ребенка.◊ *вписано.*

39 *Слов*: показывает отец — *нет.*

42 *После*: длиннее». — *а.* Ведь вот это собственное же показание отца, и разве может не быть при таком дранье страдания, г-н Спасович? Но [г-н Спасович отрицает всё] когда дело доходит до этого очевидного показания, у него есть, например, такие милые фразы *б.* Заметьте, что г-н Кронеберг [не признав себя виноватым] не признал себя виноватым и битье по лицу считает легким. У г-на Спасовича также есть на этот счет драгоценные выходки.◊

Стр. 66—67.

43–4 Правда, несмотря на это ∾ например: — *ср. варианты к стр.* ***66****, строки* ***32****,* ***42****.*

Стр. 67.

7 Слышите: *только от того*! / Только от того?◊

7 держали / держали за руки ◊

8 О, ведь и г-н Спасович не утверждает вполне / [О, господин Спасович] Впрочем, что ж, господин Спасович [очень] искусен; и он ведь не утверждает вполне ◊

11 *После*: говорят — (слова г-на Спасовича)

14–15 *Слов*: (это после-то ∾ *и вне себя!!!*) — *нет.*

22–29 ***Рядом с текстом***: Но вот и всё ∾ организма дитяти?» — *запись на полях*: Он говорит с серьезным видом, он не шутит, а между тем, как вспомнишь, что дело идет о дитяте, о безответственном младенце, то разводишь руками: как это так дал себя обойти!

23 стало быть, сводит / сводит ◊

25 берет всё это назад / берет назад даже и это

33–34 Если вы не знаете ∾ предел! / Так я же вам скажу [это], где предел, г-н Спасович, если вы и в самом деле этого не знаете ◊

38 *После*: лик — и одаренное от бога ангельским чином

40 эту девочку / эту крошку, не понимавшую, что с ней делают

42–43 почти обезумела / с ума сошла от жалости

44 нельзя, наконец / нельзя перед этим

47 семилетнего безответственного младенца / семилетнее преступление

47 младенца / крошку

Стр. 68.

1 искусный защитник / искусный адвокат ◊

3–4 притворяетесь ∾ клиента / изворачиваетесь изо всех сил [будучи] в фальшивом положении и спасая во что бы ни ‹стало› вашего клиента◊

4 собственно для вас самих / фразу

5–6 адвокатским «отзывчивостям» / отзывчивостям [адвокатским] ◊

6–10 и предел этот состоит ∾ жертвы! / *Начато*: и предел [болтовни] отзывчивости человеческой заключается в том, г-н Спасович, чтоб не договариваться до таких столпов [но доволь‹но›] Вот наши ягодки, еще добавлю, наконец ◊

7 г-н защитник / *а.* Спасович *б.* адвокат ◊

9 не вправе вам говорить про пределы / не вправе вам сказать этого ◊

10 *После*: великости вашей жертвы! — *а.* 5. Геркулесовы столпы. *б.* Тот гнев отца защищает. Прямо к гневу.◊

12–13 вполне начинаются там, где / начались, когда ◊

24 я пока / я еще ◊

25–26 но поговоримте ∾ гнева отца» / но позвольте мне пока [сказать] заметить про справедливость гнева отца ◊

26 с трехлетнего возраста / с трех лет ◊

27–28 свидетельствуете / говорите

29–30 дурных привычках / привычках ◊

30–31 и, в таком случае ∾ гнева отца / и где тут справедливость гнева ◊
34 семилетнего ребенка / семилетнего младенца ◊
35 заметить в себе худое / исправить себя самой ◊
39 которое ∾ не в силах / которое, может быть, и сами снести не в силах ◊
43–44 то и они нас ∾ лучшими / то и они нас тоже делают лучшими ◊

Стр. 68—69.

45–1 *Слов*: одним только своим появлением между нами. — *нет.*

Стр. 69.

5 и к трогательной их беззащитности / к их беззащитности ◊
6 в кровь, от отца / (не говоря уж, что в кровь и до синяков) от отца ◊
6–7 и справедливо и не обидно / не обидно ◊
15–16 можете допустить / предполагаете
17 *Фразы*: Разумеется, не знал. — *нет.*
18 *После*: своего ребенка — и говорите даже, что удары по лицу от отца не обидны
21–22 Об оскорблении нравственном, сердечном / Об этом
23 *Слов*: вы всё время ∾ боли *нет.*
24 Где поводы к такому ужасному гневу? / Где справедливость такого ужасного гнева? ◊
27–28 помнить беспрестанно в этом деле / помнить ◊
30 любовью невинною, почти бессознательною / любовью ◊
33 *После*: мучимых — *начато*: в злых
38 детях / детях, г-н Спасович ◊
38–39 чувствуя / уже зная
42 сужу единственно лишь / сужу лишь строго ◊
43 сказали ∾ речи / сказали ◊
44 *После*: отец — *начато*: или по крайне‹й мере› похоже
47–48 *Слов*: не разлучаясь — *нет.*

Стр. 70.

3 не дается / не бывает и не даются ◊
5 вытекают / выходят
5–8 *Фразы*: Тогда только ∾ и свято. — *нет.*
39 — Ах, Соня, Соня / — Ах, Лиля, Лиля ◊

Стр. 71.

2 *Слов*: в понятии о деньгах — *нет.*
3–4 они в самом деле достаются / их в самом деле достают ◊
5 *После*: вряд ли знает. — Всего-то, может, знает, что на них можно купить гостинцу ◊
10–11 то же самое, что ягодка черносливу / то же точно ягодка черносливу ◊
12 что ей уже недалеко до банковых билетов / уже банковых билетов ◊
15–16 эта девочка / девочка ◊
18–19 Да и незачем ей денег / Да и зачем ей деньги ◊
19 в Америку, что ли, или / в Америку ◊
21 *После*: билетов», — ведь кричите же вы, что такой поступок семилетней девочки потрясает государство ◊ *вписано.*
21–22 почему же ∾ концессиями / почему не предположить и концессии
24 *После*: пороком. . . — *а. Начато*: говорите вы все, обвинители, эксперт, Суслова. *б.* Она испорчена, она порочна ◊
25–26 не нашлось никого / во всей зале не нашлось никого ◊
27 перед людей / *а.* перед публикой *б.* перед людей, на позор и суд ◊
28 и говорят вслух / кричат вслух ◊
29 о его «затаенных пороках» / о затаенных пороках ◊
29–30 еще не понимает своего позора / этого еще не понимает, что она *не посягает*, что она не понимает ничего в грехе и чище и безгрешнее всех в зале ◊
30 и сама говорит / что сама говорит ◊

31–32 это невозможно ∾ фальшь нестерпимая / это немыслимо, невозможно. ◊ *Далее начато*: *а*. Позор дитяти! Семилетнего младенца — да кто ж за него заступится? Отец? Но отец ее, защитник ее, сидит сам на скамье подсудимых и не может *б*. Позор ребенка. Безнаказанность серьезных

32 кто решился выговорить про нее / кто мог, кто [смел] решился сказать про нее ◊

33 *После*: до денег. — Ничего никогда она не крала и не могла украсть! ◊

33–34 *Фразы*: Разве можно ∾ младенце! — *нет*.

34–36 Зачем сквернят ее ∾ след свой навеки? / Зачем говорят про ее затаенные пороки; она не посягает, она не может греш‹ить›, она ангел божий и лучше нас всех, слышите ли, нет? К чему столько грязи и столько бесчестия? Оно брызнуло на нее и оставило след свой навеки ◊

37 хотя бы для того только / Его и надо оправдать, хотя бы для того только ◊

39 жалость нашу / жалость ◊

39 младенцу / ребенку

39 *После*: младенцу — не искореняйте [в нас жалости, симпатии к этой крошке, не обвиняйте ее как взрослую, не обвиняйте ее с таким серьезным видом] из нашего сердца эту жалость и не рвите ее и не смейтесь над ней, оставьте нашу жалость. ◊

39–41 не судите его ∾ виновность / не судите ребенка с таким серьезным видом и тем не вселяйте в нас к ней отвращения! ◊ *Ср. запись на полях*: не посягайте на эту жалость, не осмеивайте ее и не судите ребенка с таким серьезным видом ◊

41–42 Эта жалость ∾ из общества страшно. / Ведь эта [искренность] жалость — драгоценность, искоренить ее страшно! ◊

44 засохнет / замрет ◊

44 станет развратно и бесплодно / *а*. рассеется прахом *б*. покроется язвами и гноем

45–46 а ну как вы ∾ клиента / *а*. а вы [моего подсудимого] клиента моего обвините! ◊ *б*. а ну как от излишней этой-то жалости, жалея да обратно вы клиента моего обвините! ◊

47 *После*: Вот оно положение-то! — И защитник своего клиента устремляется как ястреб на бедную маленькую птичку, на крошечную канареечку. Он теребит ее своими острыми когтями, клюет железным клювом — и только перья да брызги крови летят, и трепещет, и пищит маленькая птичка. . . ◊ *См. также черновой набросок к этой главе на стр. 38 рукописи*: Вы говорите про гнев отца. Эти слова г-на Спасовича замечательны. (Выписка про гнев).

— Гнев! А де-Комба, а струп в носу.[1] Ведь вы признали же. Как же. Развращ‹ена›, хотя я отрицаю всякое негодование[2] на эту крошку, которая может возбуждать лишь жалость и сострадание.[3]

— О да, вы говорите, он сделал две логические ошибки, только логические. А мучение ребенка — это логическая ошибка? Она лгунья‹?›. Дети страдают, лгут, извращены. Слезки к богу. Бог считает их. Если б не было бога. Хлоп по лицу. Она воровка. И никто-то во всей зале не хочет заметить, что это не естественно, противно богу, чести.[4] Да если б даже и так.[5] Кто же виноват-то? Не он ли это не рассудил и не сдержал гнев и сек, не помнил, сколько, и проч. и проч. Разве можно так гневаться?

— Так бы прямо и сказали, что вина его. Но нет. Вины, по-вашему, никакой его нет. Он имел право. Она шустрая, с норовом, она воровка, банковые билеты. Как же гнев после эт‹ого›. Исправлять ее нужно, но не приходить в такой гнев, потому что он ни с чем не соразмерен, а вы

---

[1] струп в носу. *вписано*.

[2] *Далее начато*: крошк‹а›

[3] Развращ‹ена› ∾ сострадание. *вписано*.

[4] А мучение ∾ чести. *вписано*.

[5] Да если б даже и так. *вписано*.

этот гнев и оправдываете, доводите до предположений, что и всех бы родителей таким же гневом‹?›, а уж это столпы, г-н Спасович, столпы![1] (Выписка). Г-н Спасович, помилосердствуйте![2] Выслушайте анекдот.[3] Послушайте, г-н Спасович. «Накопай денег». Да вы бы еще сказали: концессии, акции. Где нет понятия, какое тут преступление, так ли надо это излагать?

«Она с норовом». Эксперт Суслова.

— О, оставьте нам жалость. И никто-то не заметил, что она одна, оклеветанная. Стоит 7-летнее создание безответственное, как смели ее привести сюда, как смели ее бесчестить. Честь? Да, честь ребенка. Что в том, если она не понимает, что она обесчещена? Тем жальчее. Она не защищена. Не истребляйте ее.[4] Над ней срам производят.

— О, оправдайте вашего подсудимого. Его и надо оправдать, чтобы поскорее отпустить девочку. Ведь вы знаете, что присяжные его оправдают наверное. Но оставьте нам хоть жалость. Не вырывайте жалость из сердца, не смейтесь над невежеством ребенка, пощадите ее. Без этой жалости грубеет общество, укореняется‹?› самый грубый разврат, который только можно вообразить.[5]

«Как бы не так», — отвечает г-н Спасович. И он бросается на ребенка. Он как ястреб со всею силою «отзывчивости» ‹?› впивается в канареечку и кружит, клюет ее, жалобный писк.

Фальшь, фальшь, фальшь в таланте, фальшь в нравственных правилах.

Да неужели же он и в самом деле не страдал душою от фальши своего положения, не плакал ‹?› душой, неужели же до такой степени увлекла лира, разыгралась отзывчивость?[6] Правда, тут много лиры. Г-н Спасович говорит о семье. Он кончает святыней семьи.

— Нет, г-н Спасович, не говорите нам таких дрянных правил. Мы, русские, не боимся наших святынь. У нас нет святынь quand même ‹все-таки — *франц.*›. Лучше такими святынями не стоять. Фальшь, стало быть. Чем же кончить. Надобно же защитить детей, не трогать и отцов. Что надо сделать: пересмотреть ли законы об истязании, — не знаю, но чувствую я несомненно, что фальшь, что где-то фальшь, что самые честнейшие из адвокатов обстоятельствами поставлены в фальшь. Что это школа разврата. Анекдот об обваренной ручке.[7] Что же, уничтожить ее? Этого ли хочу? Нет, нет, а чтоб быть нам всем хоть капельку почестнее. Неужто это такой идеал? Да, да, такой идеал. Я погубил мой февральский №. Но пусть.[8] ◊

Стр. 72.

1–2 *Вместо заголовка*: VI. Семья и наши святыни ∾ юной школе. — *обозначение номера раздела*: 6.

3 В заключение ∾ меткое слово / *а.* Г-н Спасович кончает торжественно. Он говорит [о святых] несколько слов о всяких святых правах семьи, о правах власти отеческой по природе, восклицает: «Я полагаю, что вы все признаете, что есть семья, есть власть отеческая. . .» Выше он восклицал, что государство только тогда и крепко, когда оно держится на крепкой семье. *б.* Г-н Спасович в заключение, обращаясь к присяжным, говорит весьма умное слово ◊

6 *После*: предложены — т. е. присяжными

7–8 вся фальшь дела / вся и фальшь ◊

---

1 банковые билеты ∾ столпы! *вписано.*
2 Г-н Спасович, помилосердствуйте! *вписано.*
3 Выслушайте анекдот. *вписано.*
4 Что в том ∾ Не истребляйте ее. *вписано.*
5 Без этой жалости ∾ вообразить. *вписано на полях.*
6 Да неужели ∾ отзывчивость? *вписано.*
7 Анекдот об обваренной ручке. *вписано.*
8 Правда, тут ∾ Но пусть. *вписано на полях стр. 40.*

9 слов на тему / слов ◊
13 включить / заметить г-ну Спасовичу ◊
14 и то лишь мимоходом / но лишь мимоходом
15 Мы, русские — народ молодой / Мы [г-н Спасович] — народ свежий, молодой ◊
18 любим / очень любим ◊
18–19 в самом деле святы / действительно святы ◊
19–20 чтоб отстоять ими l'Ordre / [что они годятся] чтоб отстаивать ими l'Ordre ‹порядок (*франц.*)› ◊
20–21 Святыни наши ∾ вере нашей. *вписано.*
20 не из полезности их стоят / не по необходимости стоят ◊
22 верить сами / верить ◊
23 сами перестали / перестали ◊
24 *После*: за богов. — мы любим святыню семьи [тогда только] потому, что семья свята
25 крепка / слишком крепка ◊
26 когда она / когда семья ◊
26–27 не потому только / не потому лишь
27 *После*: государство. — Да, мы верим даже тому, что крепко стоит. На дурной семье не [будет] может крепко стоять государство, а [лишь] только будет мираж. Если семья дурная, то пусть уж лучше она и не стоит вовсе, не стоит ее и поддерживать. Это мы говорим потому только, что хотим действительно крепкой семьи и твердо верим в крепость и святыню [русской семьи] начал, на которых зиждется наша семья ◊
28 нашей семьи / этих начал ◊
28 мы не побоимся / не побоимся ◊
29 плевелы / плевелы, дурная трава
29 если будет / если даже будет
31 воистину / впрямь
33 *После*: святее. — Если отец действительно мучит детей, то детей, конечно, надобно защищать.
33–34 Но во всяком ∾ деле Кронеберга / Тем не менее во всем деле Кронеберга
37–38 где он говорит о постановке вопроса / сказав свое слово о постановке вопроса ◊
38 но, однако, это ничего не разрешает / *а.* но [это] всё еще как будто не всё сказано и не всё разъяснено. Я не умею разъяснить этого ◊ *б.* но этим не исчерпывается всё разъяснение и всё как будто надо еще что-то сказать, я не знаю, что сказать. Я не юрист. ◊
38–41 *Фразы*: Может быть ∾ нашего общества. — *нет.*
41–42 Я не могу ∾ я не юрист. . . / Вся беда, что я не юрист, потому и не могу [говорить] ничего прибавить ◊

Стр. 73.

1 Но я ∾ невольно / Повторю еще раз в заключение ◊
3 опять / теперь ◊
3 и наверно от того только / *а.* и ‹*нрзб.*› [повторяю] опять-таки наверно *б.* [даже потому] оттого только ◊
3–4 что я не юрист ∾ беда моя / Вся беда моя в том, что я не юрист, а потому мне и представляется ◊
5 юная школа / школа ◊
5 засушения сердца / при сухости сердца ◊
6 *После*: здорового чувства — и нравственных правил
6–7 *Слов*: по мере надобности ∾ и безнаказанных — *нет.*
9 в какой-то принцип / почти в какой-то принцип ◊
9–10 а с нашей ∾ доблесть / чуть не в доблесть ◊
10 которой все аплодируют / которой все преклоняются и все аплодируют ◊
10 *После*: аплодируют. — *а.* Я не мог аплодировать в деле Кронеберга, оно как-то слишком затронуло мою душу, это дело. *б.* Так или этак, а главное, я испортил весь февральский мой номер, неумеренно рас-

пространившись [об этом деле] о нем в ущерб [многому] всему другому, о чем желал говорить ◊

10–11 на адвокатуру / на всю адвокатуру ◊

11 на новый суд / на гласный суд ◊

11 Сохрани меня боже / Боже меня сохрани от такого наговора. Повторяю: что будет с нашими невинными, если некому будет их защитить? ◊

12–13 *Фразы*: Желание ∾ и самое идеальное. — *нет.*

15 без святынь / без них ◊

15–16 но всё же ∾ капельку посвятее / но я хотел бы святынь действительно святых ◊

17–22 *Текста*: а я испортил ∾ время наше. — *нет. Ср. выше, стр. 210 и вариант к стр. 73, строка 10, б; ср. также незачеркнутые записи*: *1.* Я скажу всем тем, которые не знают, с чего начать, как поступить в смутное время наше. *2.* Этот совет, может быть, пригодится всем тем, кто не знают в наше время, что им делать. *3.* Эта [решитель<ная>] умная французская [пословица] поговорка могла бы многим пригодиться в смутное и сбивчивое время наше, когда мало кто живет своим собственным мнением. ◊

<Март, глава вторая, §§ IV, V>

Стр. 101.

15 IV. Единичные явления / 4

16–17 Но является и другой ∾ пока единичные. / А что до нашего брожения, то является и другой разряд явлений, довольно даже любопытных, особенно между молодежью. Правда, явления единичные, но все-таки их нехудо отметить ◊

Стр. 101—102.

18–7 *Текст*: Рядом с рассказами ∾ Прибавьте множество — *в рукописи пропущен.*

Стр. 102.

8 расстроившихся состояний / расстроившиеся матерьяльно состояния ◊

8–9 нетерпеливое недовольство / нетерпеливое и грубое недовольство

9 громкие слова / родителей на [сов<ременный>] порядок вещей, в большинстве случаев напыщенные слова

10 злобу за / злобу на ◊

12–13 конечно, могло ∾ пойти / то и, конечно, иные из юношей не захотели пойти ◊

13–14 и отвергли их «трезвые» наставления / *а.* бессердечными холодными циниками, без мысли в голове и с злобою в сердце. Надо полагать, что таких семейств было [таки] у нас довольно, и невозможно предположить, чтобы не нашлось совершенно отпору таким отцам, в сердцах хотя бы некоторых из детей, уже ставших в наше время молодыми людьми. *б.* [когда] чуть сами вошли в лета и отвергли их наставления ◊

14 «либеральное» воспитание / либеральное воспитание детей

15 совсем обратные / совершенно обратное ◊

16 в некоторых примерах / в некоторых [экземплярах] детях; ведь есть же всегда молодые люди, хотя бы один из сотни, с жаждой истины, с жаждой жертвы, с любовью к чистоте и добродетели

16–17 *Слов*: юноши и подростки — *нет.*

17 *После*: новых путей — а так как в обществе пучок давно развязался, то замыкаются совсем сами в себе и решают по-своему, «обособляются» в новые мысли [и имеют удивительные планы] и в новые планы [но уже не похожие] нередко ужасные крайние и нелепые

17 и прямо начинают / но зато прямо начинают ◊

18–19 встретили они ∽ гнездах / встретили они в своих жалких родных гнездах ◊

19 *После*: родных гнездах. — Что же [все крайности одинаково пагубны, потому что] всё это свидетельствует лишь о порванной повсеместно связи, которая когда-то еще завяжется? Да и завяжется ли [у нас когда-нибудь?], по правде, когда-нибудь? Спасет ли себя общество без прилива народных сил? Тем не менее в нашей молодежи, если не брожение, то какое-то нравственное безначалье ‹?› [разумеется не во всех экземплярах: середина тянется как-нибудь, без идей и без излишних желаний [и даже], конечно, в огромном большинстве, но ведь даровитых-то и жалко, в даровитых-то и надежда наша]. Сейчас же укажут на огромную толпу юношей, совершенно спокойных, но ведь даровитых-то и жалко, и, главное, в самых различных смыслах. [А ведь в молодежи вся надежда наша]. В них-то и надежда наша.◊ *Рядом на полях*: А молодежь ‹?› жалко ‹?›.

20 *Слов*: V. О Юрие Самарине — *нет.*

21 А твердые ∽ уходят / Кстати, о даровитых людях. Даровитые люди отходят:◊

21–29 *Рядом с текстом*: А твердые ∽ всю ночь — *наброски на полях*: *а.* Кста‹ти› о даровитых людях *б.* Умер Юрий Самарин, «Новое время» *в.* что это я прочел в «Русском мире» *г.* А те, которые могли бы сказать что-нибудь, те уединяются и молчат, но и их-то так немного ‹*нрзб.*›, слишком немного осталось. А на новых на грядущих только разбегаются глаза. *д. Начато*: Старые силы отходят, а на новых на грядущих людей пока

22 с неколебавшимся / с твердыми, неколебавшимися ◊

23 *После*: деятель. — [одни] Много сочувственных слов, сожалений, горячих воспоминаний.

23 уважать себя / уважать себя при жизни ◊

24 с их убеждениями / с ними убеждениями и жалеть об их смерти ◊

31 *После*: приятелю — *начато*: заметившему

37 прибавляет к этому «Новое время» / спрашивает [в] «Новое время».◊

38 и, кто знает ∽ теперь / и даже может быть теперь

38–39 судя ∽ нашему / судя по тревожному теперешнему положению их ◊ *вписано на полях.*

40–42 Беспокоящихся людей ∽ про нас утверждают / *Начато*: беспокоящихся людей у нас всегда *вписано.*

40 многоразличных / различнейших ◊

41 бывало / было ◊

41–42 и мы вовсе ∽ утверждают / и мы не совсем так спим, как думают иные из наших фельетонистов *вписано.*

42 есть беспокоящиеся / они есть

43 с Юрием Самариным / в Юрие Самарине

44 утрата / наша утрата

‹Апрель, глава первая, §§ I—IV›

Стр. 103.

1–5 Апрель. Глава первая ∽ подгоняющие Россию / Апрель. Глава первая. 16/17 Суббота, ночь.◊

6 помещена / помещена сильная

7 *После*: г-на Авсеенко — того самого, который там пишет критики уже несколько лет и еще недавно начал печатать роман «Млечный путь». (И зачем этот роман остановился?). Журнал «Р‹усский› в‹ест›ник» я чрезвычайно уважаю и отвечать ему не хочу, потому что, всё что я напишу, он сам знает. Выходит, стало быть, что если я рискну ответить, то буду отвечать лишь г-ну Авсеенке. Но вижу ясно, что и тому мне не следовало бы отвечать.

9 менее вникающего ∾ пишет / более несогласного с самим собой и более себе противоречащего

9 *После*: пишет. — Напротив, даже вредно ему отвечать на его «критики».

9 А впрочем / Впрочем ◊

10 вышло бы / [кажется] наверно вышло бы

10–11 Всё, что в статье ∾ написано им / Вся статья написана им◊

12 *После*: народом — перед его «стоячею культурою» ◊

14 *После*: от нас — *а*. преимущественно вроде г-на Авсеенки *б*. и что во всяком случае народ *в*. [так что его] и что его следует, так сказать, «подогнать», как говорит одно типическое лицо у Тургенева в «Дворянском гнезде» про всю Россию.

16–17 в февральском «Дневнике» / сказанные в февральском «Дневнике»

18 надо разъяснить / надо бы разъяснить ◊

18–19 отвечать же г-ну Авсеенко буквально нельзя / а всё же не отвечать г-ну Авсеенке ◊

19 *После*: Авсеенко — *начато*: Короче, надо бы не отвечать совсем.

19–20 будете иметь общего / будете говорить

20 *После*: вдруг — *начато*: *а*. начинает учить меня (г-н Авсеенко пишет очень напыщенно с недосягаемой высоты, выписывая у славянофилов, и это бы было лишь смешно, но статья его написана сверх того слишком *б*. Повторяю то, что я тысячу уже раз писал в мою литературную деятельность [что народ наш], что на плечах народа

20–21 говорит о народе, например, такие слова / на одной странице говорит одно, на другой вслед за этим совершенно опровергает всё только сказанное. Вот, например [на одной странице он декламирует про народ следующее], желая похвалить народ, чтобы тотчас же его уничтожить, он говорит [например] следующее ◊

22 *Слов*: т. е. на плечах — *нет*.

25 *После*: призванию. — (К какому же призванию? Ужасно бы интересно было узнать это от г-на Авсеенки).

29 *После*: *литературы. . .»* — хотя, повторяем, эта литература в своих лучших представителях вовсе не стремилась «идти за народом» (NB. Как так! Это после *постоянного-то* питания живой струи нашей литературы?), а только «всасывала в себя его здоровые соки, вместе с более острыми соками европейской цивилизации». Как! Да Пушкин-то именно и проклинал свое «культурное высшее воспитание» и переучивался [даже] — у кого же? — у своей няньки. [(Какой позор в глазах культурного г-на Авсеенки, если бы он хоть капельку был логичнее сам с собою)]. (И как это должно быть позорно в глазах г-на Авсеенки, если он хоть капельку захотел бы быть верен себе!) Да разве не народ, не народность, не правда народная [более] [сверх] [льющаяся в души живой струей при чтении] в «Капитанской дочке» (вспомните смерть коменданта и комендантши!) [Разве эта смерть не свята, не велика? Разве не пошел прямо и смиренно и с восторгом Пушкин за народом?] [Что ж] Да и что вы понимаете-то после того в слове «идти за народом», «пользоваться, видите ‹ли› его здоровыми соками»? Слушайте: или признать его правду или нет? Но правда *эта*, [скажете] возразите вы, вовсе не народная, а общекультурная, человеческая, гуманная (т. е. не в смерти коменданта и комендантши). То-то и есть, что нет. Смерть коменданта и комендантши есть чисто русская смерть, а не общечеловеческая. То, как они прощаются друг с другом перед боем с Пугачевым, как отвечает комендант Пугачеву и как кричит комендантша, увидев повешенного своего [коменданта] мужа, про солдатскую головушку — всё это русское, всё это дух русский, всегдашний, исконный, не от преобразования Петра происшедший, не у [культурного г-на Авсеенки воспринятый] гуманной Европы заимствованный, не геройческий рыцарский, а русский, смиренный [а не геройчный] и закрыто ‹?› великодушный. ◊

30–32 И вот, только что это написалось ∾ совершенно противуположное./

Но не в том пока дело, а в том, что пишет (нет, учит) тот же г-н Авсеенко сейчас на другой странице после помещенных выше похвал его русскому народу. ◊

Стр. 104.

4 *После*: быта — *а*. (!!? вот где нашел идиллию-то) *б*. (т. е. как это идиллического? Что за слово !) ◊

11 сказать / сказать про народ ◊

11–27 *К тексту*: И всё это сказать ∾ на плечах Россию. — *запись на полях*: ‹вынес› ее на плечах своих, обнаружив терпение и самопожертвование, отстоял веру и высказал великодушное презрение к собственным интересам ◊

15 выказать / *а*. иметь *б*. выказать *в*. проявлять ◊

16 А чтобы создать Россию / а чтоб создать Россию (эвона!) ◊

17 выказать / иметь

18 непременно надо было проявить / значит проявить

19–20 великодушную и активную *деятельность* / [именно] деятельность ◊

19–20 то есть в интересе общем, братском / *а*. брата своего, общем *б*. в интересе общем, интересе братьев своих *в*. в общем ◊

20–21 Чтобы «вынести на плечах своих» независимость России / а чтоб вынести на плечах «Россию» [и всё, что вы насказали] ◊

21–22 сидеть *пассивно* на месте / *а*. сидеть «пассивно» *б*. сидеть на месте ◊

22–23 привстать с места ∾ шагнуть / действовать

23–27 по крайней мере ∾ вынесли на плечах Россию / Действовать, но тут же говорит сейчас, что чуть народ начнет действовать, то сейчас и является в непривлекательных формах кулака или самодура. *Далее*: *а*. *Начато*: [Значит это] Выходит прямо, что все кулаки, мироеды и самодуры и вынесли на плечах, создали Россию [и без деятельности ее нельзя было создать, а чуть начнет действовать] *б*. Значит, самодуры и отстояли веру и имели «великодушное презрение к собственным интересам» *в*. Рассудите: без деятельности ничего нельзя создать [Чуть же русский] но как скоро выделяется из народа деятельная и энергическая личность. . . то тотчас же является «в непривлекательной форме мироеда, кулака или самодура». Значит, кулаки, мироеды и самодуры создали Россию, вынесли ее на плечах своих, обнаружили терпение и самопожертвование, отстояли веру и выказали великодушное презрение к собственным интересам. ◊

27–28 все эти наши / все наши ◊

29–30 земские люди / все земские люди ◊

30 из тех, которые ∾ России / из тех, что служивали России ◊

30–31 до пожертвования жизнью / до пожертвования ей всем, интересами и жизнью

32 всё ∾ кулаки и самодуры / *а*. были все мошенники *б*. все, кто только действовал, были кулаки, мироеды и самодуры. *в*. всё это были кулаки, мироеды и самодуры ◊

32 *После*: самодуры! — Это неминуемо. ◊

32–38 Может быть, скажут ∾ С окончательного закрепощения? / *а*. *Начато*: Закричат, пожалуй: «Да, но ведь то прежде было, а кулаки-то теперь!» — «Я про теперешнюю деятельность народа нашего говорю», — возразит, удивившись, г-н Авсеенко. — «Про какой [же] в самом деле теперешний? Это когда же» *б*. Правда, вы скажете, что только про теперешний народ говорите, и история это там сама по себе, и что всё это было при царе Горохе. Но в таком случае, значит, иначе, что народ наш переродился. Про какой в самом деле теперешний народ вы говорите? Откуда вы его начинаете [теперешний-то народ]? С реформы Петра, с культурного периода? С окончательного закрепощения? ◊

35–41 Но в таком случае ∾ кулаков и мошенников. / *а*. Да, но ведь вы сами себе противоречите. Неужто культурный период так уж развратил народ? И неужели вы совершенно серьезно думаете, что народ теперь, чуть лишь выйдет из идиллического состояния (из какого это идил-

лического состояния выйдет он?) и начнет действовать, то тотчас же начнет мошенничать. [Какое презрение] Вы видели в народе только одних кулаков и мошенников. И какое презрение к народу! Какое высокомерие! Да и откуда? Петербургский литератор, напыщенный фразер, самодовольный пустослов — и вот вам аттестат всему народу. Преклоняйтесь! Нет, г-н Авсеенко, не следовало бы вам отвечать! *б*. Но ведь вы тем [противуречите] себя же выдаете. Всякий скажет вам: стоило вас культурить [после того], чтобы тем развратить народ и обратить его в одних кулаков и мошенников.◊

41 Да неужели / Неужели ◊

Стр. 104—105.

43–9 Неужели ж народ наш ∾ кулаком и мошенником»./*а. Начато*: И неужели этот народ, который в два века рабского состояния успел сохранить в себе такой светлый, прекрасный человеческий облик, засвидетельствованный в типах всей нашей литературы, начиная с Пушкина, в типах, которые питали литературу живыми соками! Неужели такой народ мог возбудить в вас одно лишь презрительное культурное высокомерие? И неужели вы думаете, что закрепощенный *б*. И постойте: неужели народ наш, закрепощенный именно ради вашей же [собственной] культуры (по учению г-на Фадеева), (по крайней мере так по генералу Фадееву, г-н Авсеенко и подобные вам), [мог] после двухсотлетнего рабства своего [мог] заслужил от вас, от окультурившегося на его счет человека [прошедшего науки и искусившегося в европоведении] — вместо благодарности или хоть бы [даже] жалости [получить одно лишь презрительное культурно высокомерное [выражение] мнение про кулачество и мошенничество] [Один плевок презритель‹ный›] заслужил от вас всего только этот плевок про кулаков и мошенников? [Ведь вы про весь, буквально про весь народ это сказали. Зрелище-таки] За вас же был связан по рукам и ногам 200 лет, [а вы смотрите на него] чтоб вам ума из Европы прибыло, и вот вы, когда вам прибыло из Европы ума, избоченившись перед связанным и оглядывая его с [презрительным] культурной высоты вашей [высокомерной] заключаете о нем, что плох тем, что мало выказал деятельности (это сказать-то!), а проявил лишь некоторые пассивные [отрицательные] добродетели, которые хоть и питали литературу живыми соками, но в сущности [все эти добродетели ровно ничего] не стоят медного гроша (и вас тоже, хоть крепостной работал), потому что чуть только народ начнет действовать, то тотчас же явится кулаком и мошенником.◊ ***Выше на полях запись***: Да и где вы нашли пассивность? Окраины.◊

Стр. 105.

9–16 Нет, не следовало бы ∾ весьма даже нехорошо. / *а*. Нет, вам не следовало бы мне отвечать, г-н Авсеенко. Не следовало бы и по другим причинам, о которых я умолчу; но я все-таки хочу дать понятие о г-не Авсеенке. Зачем? Объясню после. *б*. Нет, вам не следовало мне отвечать, г-н Авсеенко, и если отвечаю, то единственно признавая за собой собственный промах, об чем и объявляю ниже. [Но уж] Собственно это не [ответ] г-ну Авсеенко ответ, а лишь разъяснение промаха. [Но не столько г-ну Авсеенко, сколько для разъяснения неясности]. А пока я все-таки хочу дать понятие о г-не Авсеенке, потому что [это] он представляет собой как писатель весьма интересный маленький тип, зародившийся в наше время в журнале, чрезвычайно почтенном. О г-не же Авсеенко, так как уж к слову пришлось, все-таки считаю не лишним дать некоторое понятие читателю.◊ ***Выше на полях запись***: Но г-н Авсеенко сам тип.◊

17 *Заголовка*: II. Культурные типики. Повредившиеся люди. — *нет*.

23 произнес / изрек ◊

23–24 *После*: следующее — да и вся статья написана на эту же тему ◊

26 *После*: только художественность. — (NB Значит, художественность исключает внутреннее содержание). ◊

29–30 *После*: *содержанием* (!)». — Так! так!

32–33 *Фразы*: Такого странного ∾ мою жизнь. — *нет.*

33 та самая / Та ◊

35 его «Мертвые души» / «Мертвые души» ◊ *Далее начато*: первое эпическое

37–38 *Слов*: ну первое слово ∾ вышло — *нет.*

39 и эти ∾ содержанием / тоже бедные внутренним содержанием! ◊

39–40 затем Гончарова ∾ «Обломова» / Гончарова, который еще в сороковых годах написал «Обломова» ◊

40 напечатавшего тогда же / напечатал ◊

41 *После*: «Сон Обломова» — (бедный внутренним содержанием!) ◊

42–43 Это та литература ∾ Островского / Это та литература сороковых годов, которая дала Фета, Майкова, Полонского и [горячие, страстные, лучшие] стихотворения Некрасова, первого, лучшего периода его деятельности, которая дала, наконец, Островского (столь бедного внутренним содержанием!) ◊

44 в этой же / в той же ◊

45 *После*: плевками: — Именно плевками ◊

Стр. 106.

11–12 *После*: отталкивающий. — Это про типы Островского. О самом Островском он говорит помягче, нельзя же ведь ◊

17–20 Итак, Островский ∾ его произведениями? / Это Островский-то «ничего не сказал» образованной части общества, понизил уровень сцены, не [оно нашло его и восхищалось им] образованное общество восхищалось Островским в театре и зачитывалось его произведениями? ◊ *Рядом на полях заметки*: *1.* (Островский?) *2.* Выходит, что Островский

20 *После*: его произведениями? — Это необразованное общество читало тогда Антона Горемыку Григоровича и плакало, читая, как Антон кричит кобыле: «Не верти хвостом» ◊

20 О да, образованное общество / Нет, образованное общество ◊

22–23 который ∾ на французской сцене / именно там, где достоинство человеческое измеряется качеством помады, вещами из магазинов Морской и Миллионной, каретами, перчатками, шелковыми чулками

23 А Любим Торцов «груб, нечистоплотен». / а Подколесин, и Любим Торцов «грубы, нечистоплотны!» ◊

24–25 *Слов*: любопытно бы узнать — *нет.*

31 в тех местах «Мертвых душ», где / в «Мертвых душах», там, где ◊

31 *Слов*: переставая быть художником — *нет.*

32–33 *Слов*: и даже не характерен — *нет.*

33–41 а между тем его создания ∾ нет внутреннего содержания! / А между тем его типы, его Подколесин, его «Мертвые души» — глубочайшие произведения именно по видимым в них типам и, так сказать, давят ум глубочайшими непосильными вопросами, вызывают смутную, беспокойную мысль, с которой, чувствуется это, справиться можно далеко лишь не сейчас. Мало того: еще справишься ли когда-нибудь? Но, оставим Гоголя. ◊ *вписано.*

41–44 Но вот вам «Горе от ума» ∾ этому произведению / «Горе от ума», например, Грибоедова только и сильна своими яркими типами и характерами, и именно они дают ей всё внутреннее содержание ее. ◊

45 *Слов*: оставляя роль художника — *нет.*

45–46 *Слов*: от себя, от своего личного ума — *нет.*

46–47 самого слабого типа в комедии / самого слабого и сбивчивого типа [по художественности] в комедии ◊

47 до весьма незавидного уровня / до чрезвычайно низкого уровня ◊

49–50 Нравоучения Чацкого ∾ чистого вздора. / Чацкий — [это воплощение нравоучительного разума комедии] ниже самой комедии и большею

частию говорит чистый вздор в тех местах, где говорит не как [лицо] Чацкий, а как сам автор. Итак, вся литература 40-х годов была лишена внутреннего содержания. ◇

Стр. 106—107.

50–2 *Текста*: Вся глубина ∾ так бывает. — *нет.*

Стр. 107.

3–9 Таким образом ∾ мне полезный. / Но зачем же вы, скажут мне, столько пишете об г-не Авсеенке, если не хотите отвечать ему. Разъясняю это, я занимаюсь г-ном Авсеенкой, чтобы показать вам новый литературный тип, если хотите, забавный.

3 видит / видит прямо ◇

4 вопросы / многие вопросы ◇

6 *После*: оплошность — *начато*: Дело в том, что в февраль‹ском› ном‹ере› Дн‹евника писателя›

6–9 а собственно г-ном Авсеенко ∾ мне полезный / а собственно г-ном Авсеенко занимаюсь, как уже и сказал выше, чтоб представить вам новый литературный тип ◇

9 Я очень долго / Я долго ◇

9–11 то есть не статей его ∾ или не понимать / *а.* т. е. не статей его, а его самого как тип писателя *б.* статей же его я [давно] всегда не понимал, да и нечего в них понимать иль не понимать ◇

11 с этой же статьи / С той статьи ◇

12 уже / даже ◇

14 сбивчивого писателя / сбивчивого пустого писателя ◇

14–15 появляются в таком серьезном журнале / могут появляться в таком чрезвычайно [уважаемом] серьезном журнале ◇

15 *После*: «Русский вестник»? — Я всегда объяснял себе это тем, что почтенная редакция [этого почтенного] «Русского вестника» стала в последние годы более обращать внимание на другие [весьма серьезные] чрезвычайные наши общественные задачи [занятнее, чем] и немного пренебрегло собственно на критику русской литературы. Но я самого г-на Авсеенку не мог [разобрать] понять собственно как тип писателя. А тип мне казался любопытным: как писатель г-н Авсеенко страшно напыщен, страшно злобен, страшно и несправедливо самолюбив, и всё время меня занимало: «Да что же это он всё хочет сказать? Неужели это один только хаос пустых мест? Нет, он непременно хочет что-то сказать. [Ну, как хотите, а это меня занимало — из гуманности, может быть] Одним словом, если хотите, я занялся г-ном Авсеенко, может быть, лишь из гуманности

15 Но вот вдруг / И вот вдруг ◇

16–18 и я вдруг понял ∾ печататься!) / г-н Авсеенко недавно начал печатать свой роман «Млечный путь» (и зачем это он так вдруг прекратился!) ◇

18–19 Этот роман ∾ писателя Авсеенко. / Этот роман мне вдруг разъяснил весь тип г-на Авсеенко как писателя и подобных ему. ◇ *Ср. запись на полях*: Про роман не буду говорить, но он разъяснил мне тип г-на Авсеенко ◇

20 *После*: сам романист — и мне как бы мерещится, что ◇

21–22 критиковать роман нисколько / его критиковать нисколько и даже постараюсь сказать об нем как можно меньше ◇

22 он доставил / этот роман доставил ◇

23 *После*: минут. — *начато*: *а.* Всё это рисует как *б.* В этом романе *в.* Но внутреннее содержание этого романа весьма ◇

23–27 *Текста*: Там, например ∾ писателя понял — *нет*; *ср. ниже, вариант 32—33.*

27–28 г-н Авсеенко изображает ∾ на обожании высшего света / г-н Авсеенко изображает собой человека, как бы повредившегося на обожании высшего света, и не высшего света, а лишь обычаев высшего света,

и не всех обычаев, а лишь некоторых, которые мог усмотреть г-н Авсеенко ◊

30–31 особенно тот момент ∾ и стана / *а*. именно то [обстоятельство], когда платье прошумит, когда садится или встает [героиня] дама высшего света *б*. тот момент, когда дама приедет в театр, садится в кресло, и шелковое платье шумит около ее ног и стана. ◊

32–33 *После*: итальянской оперы. — [Собственно про этих князей и барынь у г-на Авсеенко я и не говорю]. Там князь в опере всенародно плачет в ложе в восторге от музыки, а великосветская героиня [пристает] говорит ему с умилением: «Вы плачете?» Да и не говорит, а пристает к нему: «Вы плачете? Вы плачете?» Понятие о княжеских нравах из времен «Аббадонны», романа 30-х годов Николая Полевого. Я хохотал самым искренним смехом, как пикируются они в антракте остротами о классе грамматики [причем последнем]. Но не в том совсем дело, а в том, что сущность писателя выразилась. Он не то что преклоняется перед помадой, перчатками, каретами и тем, как лакеи встречают. . . нет. ***Рядом на полях заметка***: Карета высшего света, например, едет: вы только посмотрите, как она едет и веселят ‹?› дам.

33–35 Он пишет обо всем ∾ даже богослужение. / *а*. Он пишет об этом благоговейно, молебно, как будто чему-то служа, и это впечатление романа; такое же точно смешливое впечатление роман произвел и на других знакомых моих [мнением которы‹х›], суждения которых я ценю. *Далее начато*: Но кое-что не стоило бы совсем *б*. Он пишет обо всем этом беспрерывно, но благоговейно, молебно; не один только я заметил. Это как будто какое-то даже богослужение. Тут гимн, тут курение. Это не перо, это молитва! ◊

36 предпринят с тем / предпринят был с тем ◊

38 в своей «Анне Карениной» / в «Анне Карениной» ◊

38–39 надо было ∾ коленопреклоненнее / надо бы молебнее, коленопреклоненнее ◊

40–41 если б, повторяю ∾ культурный тип / если б не разъяснилось многое, не образовался при этом новый типик писателя как культурного человека ◊

43 критик Авсеенко и видит / [он ведь] и видит ◊

44 *После*: двухсотлетнего периода — *начато*: наших страданий, чтоб надеть на себя

45–46 и видит ∾ любуясь этим / и видит не смеясь, а любуясь ◊

46 *После*: любуясь — Г-н Авсеенко тут особый тип культурного человека, а это-то мне и надо. Вот, между прочим, каковы вышли наши культурные люди после 200-летней погони за образованностью. Положим, не все таковы, но в том-то и беда моя, что я мало-помалу наконец убедился, что таких людей даже чрезвычайное множество [среди нашей культуры] среди наших западников, положим, хотя и не в таком строгом и чистом типе, как г-н Авсеенко, но все-таки те же влечения, [как бы] почти бессознательные и даже как бы тайно господствуют над влечениями огромной толпы наших западников и способствуют презрительному и неверному суждению их о народе. Тут именно перчатки, привычки высшего света, кареты — и у кого же? — у либерала; почти у республиканца, и он сам, может быть, не знает того, но всё это гнездится в душе его. ◊

47 одно из самых любопытных явлений / [любопытнейший тип] особый тип, одно из частных любопытных явлений культурного нашего периода. Конечно, тут больше, так сказать, маний, пристрастий и веяний ◊

Стр. 108.

2–5 Положим ∾ в таком строгом и чистом типе. / г-н Авсеенко тут особый тип культурного человека, а это-то мне и надо.

7 *После*: на Островского — и презрительное высокомерие к лит‹ературе›

8 порою так пленителен / так пленителен ◊

8–9 *После*: на французской сцене». — Тут, видите ли, вовсе не Островский, не Гоголь, не сороковые годы, а тут просто Михайловский петер-

бургский театр, посещаемый высшим светом, тут кареты, тут шелковые платья, которые шумят [когда едет дама, тут лакеи встречают после театра барыню на лестнице!] на дамах. Тут, одним словом, слабость своего рода, конец, магия, которую надо бы пощадить. . . Да какое нам дело! — скажут мои читатели, — всё это так ничтожно и до нас не касается. — Может быть. Я, впрочем, полагал, что тип любопытен и что даже надо разоблачать и выставлять в настоящем свете [те] иные «культурные кучки» и выдающиеся из них типы, по крайней мере при тщательном изучении окажется, что мы «действительно» в двухсотлетний период культурной муки ‹!› и стоило ли это таких затрат. Я утверждаю даже, что такой взгляд на культуру, как понимаю (т. е. взгляд помады и лакеев) разделяется ужасно многими и ведь потому-то, собственно, [они] эти господа и смотрят с таким презрением на народ и так глубоко не понимают в нем ничего. Это тут встречаются «крепостные» единственно от культуры, потому что они, может быть, [собственно] никогда и души-то не имели, по окультурившей опеке, крепостные по убеждению, в теории. Главное, таких много.

10 *Слов*: очень их надо! — *нет*.

13 писателя / человека

14–21 *Текста*: Повторяю опять ∾ надобно сострадать! — *нет*.

23–25 между ними ∾ перчаточник / тем не менее этот перчаточный тип чрезвычайно распространен, даже бессознательно, и вот что обидно. И в ином чуть не мыслителе — нет-нет да и скажется перчаточник. ◊

25–34 Эта слабость ∾ культурного права. / Но что же делать — она любопытна, она породила, н‹а›пример, у нас крепостников между такими личностями, у которых и душ-то, может быть, никогда не бывало, но, признав кареты и Михайловский театр за культуру, они стали, так сказать, крепостниками по убеждению, и хоть не мыслят [не хотят] ничего закрепостить, но, по крайней мере, плюют на народ откровенно и с видом полного права презирают его и до того его не понимают, что прямо говорят, [что он] [про него] что он [состоит лишь] чуть выходит из идиллии, тотчас является в виде кулака и мошенника [и главное, таких много]. ◊

34 Вот они-то/Они ◊

37 нечистоплотности / необразованности

38 в грубости нравов / [обвиняют] в грубости ◊

38–39 а подчас ∾ за то / и даже готовы обвинить его за то ◊

40 *После*: Морской. — Чуть-чуть с иными взглядами человека обвиняют в *квасном* патриотизме.

40–42 Это вовсе не преувеличение ∾ не преувеличение. / и это не преувеличение, это буквально ◊

42 отвращение от народа остервенелое / омерзение к народу остервенелое [искреннее] ◊

44 громких фраз / чужих фраз

45–46 потому что ∾ и противоречат / ибо сами себе [сейчас] тут же и противоречат ◊

46–47 Кстати ∾ года назад. / Я припоминаю со мной один случай два с половиною года тому назад [который тогда показался мне странным, не единичным] ◊

Стр. 109.

1–2 сухенький человечек / сухощавенький человек ◊

10 несравненно / без сомнения

23 может вдруг, при случае / может ◊

26–27 взгляда ∾ не зависящего / бессознательного, почти не от него зависящего ◊

28–29 *После*: необходимо. — Короче, я буду отвечать на статью в «Русском вестнике» лишь вследствие собственной оплошности. ◊

41 наконец / напротив ◊

41–43 не нам ∾ и *пассивен* / прямо народу преклониться перед нами, единственно потому, что мы Европа и культурные люди, а [народ нет] он лишь только пассивен? ◊

44 *После*: в этом смысле — Но я поставлю прямо вопрос: если не нам преклоняться перед народом, а народу перед нами, то за что бы так.

45–46 всем, не понявшим меня «культурным» людям / а всем непонявшим меня ◊

48 и *сохранять совсем нечего* / *и сохранять-то нечего* ◊

48 *После*: *нечего*. — Замечу, что эти выражения и, так сказать, формулы заключают в основе своей чрезвычайное презрение к народу — то самое чрезвычайное и почти бессознательное презрение к народу, которое встречается в перчаточниках или «напомаженных». ◊

Стр. 109—110.

48–1 Итак, к делу; если б я не погнался / Если б я не погнался ◊

Стр. 110.

3 *После*: неясности. — Вот на это-то я и отвечу, и вовсе не «Русскому вестнику», вовсе не г-ну Авсеенке, а просто постараюсь разъяснить недосказанное, хотя поневоле, может быть, придется иметь в виду обвинение, сформулированное в «Русском вестнике».

4 *Заголовка*: III. Сбивчивость и неточность спорных пунктов — *нет*.

5–18 *На полях рядом с текстом*: Нам прямо объявляют ∾ о науке, промышленности — *записи*: *1.* Там нравственного порядка нет, там всё гибнет от нравственного беспорядка. К тому же там хищный тип, захват. Вот г-н Авсеенко говорит: Швейцария. А что они сами-то освободили ‹?› что же они-то, просвещенные, так смотрят на «каналью»? Я ведь сказал, что мы возвращались русскими, не все ведь перчаточники. Возьмите, однако, русский тип просвещения. Ну, есть ли что-нибудь неяснее, а перед чем тут народу преклониться? ◊ *2.* Ясное дело, что вопрос совсем не так надо ставить, не об науке и промышленности, и не о том даже, кто деятельнее, а собственно об культуре: чем нравственно выше, тем наши и дела выше, почему мы народ «чистый», а он черный, и почему мы всё, а народ ничто, почему эта культура так безмерно ‹?› выше того, что сохранилось еще у народа! Прямо говорю, что мы гораздо хуже народа. Вы говорите, что в народе кулаки и мошенники, ну, а сами-то вы хороши. Еще ‹в› вас более ‹?› бесчестия ‹?› потому перед чем и почему ему вам кланяться, что вы образованные, а он нет. Мы буквально во всем хуже, и нравственно, и физически. ◊

5 Нам прямо объявляют / *а. Начато*: Что бы ни говорили и ни писали эти господа на словах *б.* Вам, непонявшим, прямо говорят *в.* Они прямо [говорят] объявляют *г.* Итак, вам прямо объявляют ◊

5 что у народа нет вовсе никакой правды / что [напротив] там, у народа, нет вовсе никакой правды [а что, напротив, народ должен преклониться перед нами, потому что мы люди культурные и прямо из Европы]. ◊

9 а не в смысле лишь карет и лакеев / а не в перчатках

9–12 что мы, сравнительно с народом ∾ от народа / именно в том, что мы развитее духовно и нравственно, очеловечены, огуманены и что тем, к чести нашей, совершенно уже отличаемся от народа. ◊

14 хороши собой / хороши ◊

14 и так безошибочно / точно ли мы так безошибочно ◊

15–16 И, наконец ∾ народу?» / и точно ли мы так уж много принесли с собой? Если же мы что и принесли с собой, то что именно? ◊

17 для порядку / мы, для порядка ◊

17–18 устраним всякую речь / устраним всякий вопрос ◊

20 Такое устранение ∾ правильным / Это будет совершенно правильно ◊

21 идет *теперь* дело / идет дело ◊

22–23 верхние слои культурных людей в России / верхний слой культурных сынов России ◊

24 нам, культурному слою / нам ◊

25 во всяком случае еще рано / *а.* нельзя *б.* еще слишком рано ◊
25–31 *Текста*: Так что ∾ в другом. — *нет.*
33–34 С своей стороны ∾ науки / Русский же народ никогда не был врагом науки ◊
35 Царь Иван Васильевич / Царь Иван Васильевич Грозный ◊
39 их нельзя строить / нельзя было построить ◊
42–43 примкнут к хору Потугиных / *а.* стали бы над нами в этом смысле тщеславиться *б.* примкнули бы к хору Потугиных в этом смысле
43 Слишком ясно и понятно / Теперь слишком ясно и понятно стало ◊
44 природы и истории / природы ◊

Стр. 111.

1 в науке и в промышленности / научного (как бы очень хотелось доказать нашим западникам).
3 зависит от того / зависит ◊
4 сделать / делать
6 *После*: умом — кроме Потугиных
7 тринадцатилетнего / тринадцатилетнего мальчика
7 за то, что / зачем
8–9 пассивных русских / пассивных и грубых русских ◊
14 дальнейшие края / отдаленнейшие края ◊
15 отстаивали и укрепляли / утверждали и отстаивали
16–17 и не укрепим ∾ расшатаем / и не утвердим и не отстоим
20 два государства / два государства в мире.
21 политическое единство / единство ◊
24–26 Но зато ∾ почти повсеместно. *Ср. вариант к стр. 110, строки 5—18.*
24–25 с ростом и с укреплением ее, расшаталось / вместе с ней и шатание
27 приобретем / [теперь] приобретем, может быть, даже в ближайшем будущем ◊
29–30 всего еще лет пятнадцать тому назад / еще лет пятнадцать тому назад, даже ближе. ◊
32–33 И немцы теперь достигли крепкого политического единства, по крайней мере / Они теперь достигли его ◊
33 по крайней мере по своим понятиям / по своим понятиям ◊
35–40 Итак, не об науке ∾ европейской культуры? / *Ср. вариант к стр. 110, строки 5—18 (2).*
37 *Слов*: возвратясь из Европы — *нет.*
38 стали *нравственно, существенно* выше / нравственно выше ◊
40–41 всё еще человек / человек ◊

Стр. 111—112.

43–1 О г-не Авсеенко уж и не упоминаю. / Я об господине Авсеенко уж и не говорю [я бы постарался даже] ◊

Стр. 112.

1 обращаюсь к вопросу / возвращаюсь к вопросу
2 хороши собой / хороши ◊
2–3 и так безошибочно окультурены / точно ли мы так безошибочно окультурены ◊
4 И если ∾ что именно? / и точно ли мы так уж много несем в себе драгоценностей? ◊
5 *После*: во всех отношениях. — и докажу это.
6 Нам говорят / Во-первых, кто говорит
7 утверждает / говорит ◊
7–8 *Слов*: да и вообще ∾ нового). — *нет.*
9 *После*: во-вторых — вы-то сами, культурные-то, лучше, что ли?
9 культурными Русскими / Нами ◊
10 кулаки и мошенники поминутно / кулаки и мошенники ◊
11 это тем стыднее / это тем нам стыдно ◊
11 они окультурены / мы окультурены ◊

12 Но главное в том, что / Да и не правда опять-таки и ◊
12–13 сказать ∾ деятель / сказать, что чуть в народе деятель ◊
13 в большинстве выйдет / в большинстве ◊
16 девять лет от роду / девять лет ◊
17 всё наше семейство / когда всё наше семейство ◊
19 и как мы / и о том, как мы ◊
26 стал в комнате ∾ ни слова / стоял и не говорил ни слова ◊
30 *После*: трудящиеся — «Вотчина» была всего только год как куплена на трудовые деньги целой жизни ◊
31–32 и амбар, и скотный двор / и амбары, и запасенный хлеб ◊
33 С первого страху / В первом страхе
33 вообразили / подумали ◊
33–34 Бросились на колена / Бросились на колена перед образом ◊
38 ясного, веселого / ясного, всегда веселого ◊
42 вдруг шепчет / вдруг говорит
43 мои / и мои ◊
44 мне не надо / не надо ◊
46 к какому типу принадлежала / к какому типу принадлежит [к кулакам или мироедам] ◊
48 таких нельзя сопричислить / никак нельзя сопричислить ◊

Стр. 112—113.

48–1 к кулакам и мошенникам / к кулакам и мироедам ◊

Стр. 113.

1 а если нельзя / А если так ◊
5 как разрешил бы это г-н Авсеенко / как разрешат ◊
7 успел вот заметить / может быть, наметил ◊
7 таких случаев / таких же случаев ◊
8 в нашем простонародье / у нашего простонародья ◊
8–10 а между тем ∾ без плевка / ну, а другие наблюдатели, тоже умеющие смотреть на народ без плевка ◊
12 *Слов*: в Казань, к больному ребенку — *нет.*
17 всё из-за слез / всё лишь из-за слез ◊
18 Происходило же это / Было же это ◊
19 всё это единичные факты / единичные факты ◊
19–21 А если и похвальные ∾ пассивной жизни»? / И что это, активные или пассивные поступки идиллической замкнутости? ◊ *вписано.*
21–22 Да так ли? ∾ только факты? / Да и так ли, единичные ли только? ◊
22–24 *Фразы*: Деятельный риск ∾ лишь пассивностью? — *нет.*
24–25 Не из правды ли, напротив, народной / Не из правды ли народной ◊
26–27 *Слов*: да еще ∾ крепостного права — *нет.*
30 явились / вышли
32 типе / слое ◊
37 *Слов*: а не выписал бы у славянофилов — *нет.*
39–41 *Фразы*: Но в том и дело ∾ и в народе нашем. — *нет.*
45 боге-Христе своем / боге — Христе ◊
46 *Слов*: до положения жизни — *нет.*
46–47 от тех самых святых ∾ доселе / чтит доселе ◊
47 помнит имена их / помнит имена их и даже жития
48 молится / поклоняется
48 Поверьте / памятуя

Стр. 114.

2 об них / о том ◊
2–3 *Слов*: а может быть ∾ катехизису — *нет.*
4–5 *Заголовка*: IV. Благодетельный швейцар ∾ мужика. — *нет.*
6–11 *После текста*: Вот что пишет г-н Авсеенко ∾ ответить: — *помета*: О гуманности *и наброски*: *1.* Не оттого, видите ли, что уже он был развращен культурой, деспотизмом и страшными правами, ему данными. Его

били и он бьет. Но он ценил свой мундир и мужика действительно, откровенно считал за собаку и каналью именно потому, что его уже развратили культурой. Так не потому, что его уже развратили культурой, а потому, видите ли, что слабо воспитательное значение идеалов. Какая инсинуация. Но разберем, для дела ‹?› И во-первых, было множество, великое множество вкусивших от культуры и воротившихся к народу и идеалам народа, даже и тогда, когда еще культура была внове. Не все сплошь обзывали собакой или канальей, другие не потеряли своего христианства и смотрели на мужика как на человека, а не собаку. Не разврат культуры был очень велик, и не народные идеалы были очень слабы. Г-н Авсеенко решает сейчас вопрос, что мало еще было культуры и что, окультурившись, мы тогда только перестали считать мужика за собаку и каналью. След‹овательно›, по одним идеалам народным ни до чего не дойдешь, а вот по западным-то вот дойдешь.

Что мы начали с разврата, я и сам говорил, но посмотрим, все ли, как г-н Авсеенко, возвратились домой, отрицая народные начала и обвиняя их в пассивности и отрицательности. Все ли перестали считать мужика за собаку, каналью потому только, что побывали побольше в Европе и оттуда лишь вынесли свет. Вообще г-н Авсеенко сильно любит всё мерить на свой аршин. Да, действительно, забыв народные начала, мы стали выписывать гувернеров и швейцаров и даже переходили в католичество.

«И просвещение несущий всем швейцар».

А скажет вот что: Вот мы перестали считать собакой и канальей, потому что мы в Европе так научились, принужденные ехать туда по невоспитательности наших народных начал (православие, например). Ну, а зачем, зачем те-то *повсеместно* не освободили свой народ с землей. Что за такие учители? ◊ *Ниже запись*: и невинность бы свою, как некая девица, сохранили, и капитал бы приобрели.◊ *2.* Это как-то нельзя мерить всех на свой аршин. Удивляет вывод. Какое неожиданное заключение. Тут в этом наборе слов всего важнее вывод, что православие тут не имело на культурный слой воспитательного значения, а имела Европа, культур‹ный› швейцар. «И просвещение несущий всем швейцар». Да, надо было выписывать культуру. Каково же был ‹?› развращен слой, надо окультуривать в Европе. Литература дала бессмертные типы, у Тургенева в «Дворянском гнезде». Замучил жену, презрение и высок‹омерие› и сам умер — «бульонцу, бульонцу». Эта чудесная ‹*нрзб.*› своей картиной увековечит имя Тургенева. Но оставим это. А скажите мне вот что: как же ‹?› у себя-то не освободили крестьян? Или уж русский человек стал выше европейца? Какая бессмыслица. Нет, я вам скажу, что он последний ум потерял, и это многие доказывают на себе, г-н Авсеенко. В самом деле, в чем мы тверже? (Многие примеры). У народа по крайней мере при разврате тверже понятия о зле и добре и т. д.

Стало быть, преклониться перед народом безусловно? И что же мы принесли с собой? Образование, только не г-на Авсеенко.◊ *Выше запись*: Белинский, но есть критик Авсеенко.◊

12–46 *Текста*: «. . . Для нас важно ∾ в недостаточности нашей „культуры“». — *нет.*

Стр. 115.

2 за всем этим / за культурной силой и за воспитательным значением ◊
2 необходимо было / необходимо надо было ◊
3 «малообразованные / некоторые «малообразованные» ◊
6 развращены / развратились ◊
7 малообразованность свою / малообразованность ◊
8 *После*: близко — в качестве помещиков или фельдъегерей, например
12 *После*: культура. — *начато*: Да, положим
13–14 Но вот что ∾ особенно / *а.* Действительно, тут есть *б.* И действи-

тельно в этом положен‹ии?› г-на Авсеенко есть нечто как бы похожее на правду, но в том только смысле, что ◊

14–20 вот эти-то малообразованные ∾ даже до ненависти / малообразованные-то, но уже успевшие окультуриться в привычках своих, хотя бы наружных, в платье ‹?›, в предрассудках своих начинают именно с того, что презирают пуще даже самого оторвавшегося от народа и уже окультурившегося вполне по-чужому человека, свою прежнюю среду, свой народ и даже веру его — презирают иногда даже до ненависти ◊

21 маленькими / мелкими ◊

22 еще сильнее / наверно сильнее ◊

22 презирают народ / презирают тогда народ ◊

23 гораздо уже правильнее их окультуренные / чем Суворов, чем Потемкин презирали его в свое время ◊

23–24 и удивляться этому ∾ нечего / Г-н Авсеенко написал эту правду, конечно, не сознавая и думая, напротив, совсем наоборот ◊

33 *После*: влезет». — и он рад был бить, потому что и его били ◊

33–34 И он гордился своим мундиром ∾ выше мужика. / но хоть его и били, а мундиром своим он все-таки гордился.

34 Почти так поставлен бывал и помещик / Так поставлен был и помещик ◊

35 каких-нибудь в ста шагах / в ста шагах ◊

36 было дело / *а.* близость *б.* дело ◊

37 от разврата цивилизации / от разврата культуры ◊

37–38 всего в ста шагах / в ста шагах всего от крестьянских изб ◊

38–39 но на этом пространстве ∾ целая пропасть / а между тем тут на этих ста шагах уместилась пропасть ◊

38–39 *После*: пропасть. — *а. Начато*: Мало того: оказался бы *б.* фельдъегерь бил потому, что его били. Но хоть и били, а все-таки он в своем мундире с фалдочками считал себя безмерно выше мужика и, уж конечно, любил и ценил свой мундир. ◊

39–40 Окультурен этот ∾ капельку / Окультурен был фельдъегерь лишь капельку ◊

40–41 а развращен ∾ уже окончательно / а развращен культурой [уже] был окончательно ◊

41–42 *Фразы*: Так должно ∾ и в большинстве. — *нет.*

42 Но замечу твердо / Замечу здесь [впрочем], однако, мимоходом, прерывая речь ◊

43 не все, вовсе не все / не все ◊

43–44 были развращены и презирали народ / были развратны ◊

44 даже и в то время / даже и тогда ◊

44–45 но бывали, напротив / а потому бывали ◊

45–46 не переставали производить / производили ◊

Стр. 116.

2 *Слов*: не теряя своей культуры — *нет.*

3–4 людей, уже высоко окультуренных / высоко окультуренных ◊

4–11 *Текста*: Но не высокая ∾ с самого начала реформы. — *нет.*

11–12 Я полагаю, что для многих славянофилы наши / Славянофилы, например, для них (таких, как г-н Авс‹еенко›) ◊

14–15 Но, повторяю опять, бывали / Но бывали ◊

15 окультуренные люди / окультуренных ◊

17–18 Но наши культурные ∾ знают / Об этих малоокультуренных такие, как г-н Авсеенко, вряд ли знают ◊

19 *Слов*: факты эти презирают — *нет.*

25 *После*: начиналась — А может быть, потому и была развратна, что только начиналась ◊

25–27 *Слов*: а потому и успела ∾ всегда большинство.) — *нет.*

34–35 во времена ∾ с Вольтером / во времена Руссо и Вольтера ◊

42–46 *Текста*: Турк, Перс ∾ Швейцар. . . — *нет.*

Стр. 117.

2 окультурившегося / огуманившегося ◊
6 схватил / захватил ◊
6–7 в английском синем фраке / в французском кафтане ◊
7–8 *Слов*: в сапогах с кисточками и в лосиных панталонах в обтяжку — *нет*.
8 *Слов*: через сад — *нет*.
11 из блажи / из упрямства
11 понятий, воли и чувств / понятий и чувств ◊
12 раздраженного самолюбия / самолюбия ◊
12–13 каков я есть / каков я ◊
13–14 измучил в разлуке / измучил ◊
14 и третировал ее с глубочайшим презрением / всю жизнь смотрел на нее с глубочайшим презрением ◊
16–17 *Слов*: сестре ∾ дура — *нет*.
17 этот рассказ / эта картинка ◊
21–22 наших петербургских помещиков / наших помещиков ◊
25–41 *Текста*: Рассмотрели, впрочем ∾ хвала культуре! — *нет*.
42 до чего доводит людей / до чего довести могла ◊
42–43 *Слов*: восклицает сонм г-д Авсеенок — *нет*.
43 какие-то там / какие-то наши ◊
46 ответьте, однако же, господа / ответьте, однако же ◊

Стр. 118.

2 да не только ∾ мать родила / и не освободили не только с землей [а даже хоть без земли-то] ◊
3 в Европе / повсеместно в Европе
3–4 *Слов*: не от владетелей, не от баронов — *нет*.
4–5 а восстанием и бунтом, огнем и мечом / а даже огнем и мечом ◊
5 где / кто ◊
6 *Слов*: везде и повсеместно — *нет*.
6 началах / основаниях
7 совершенных рабов / рабов ◊
7 А мы-то кричим, что / *а*. А между тем г-н Авсеенко кричит *б*. У нас же культурные господа кричат, что мы ◊
7–8 научились освобождать у европейцев / [там] у Европы только и выучились освобождать ◊
13 ему, конечно, нельзя / нельзя ему ◊
14 зато сделать / сделать ◊
14–16 но зато сделать ∾ учтивость / но сделать всё можно с ним именно как с собакой и канальей, учтивейшим только образом ◊
17 *После*: в Европе. — Это в сердце-то культуры.
19 тут у нас, видно, что-то / тут что-то ◊
20 *Слов*: как вы говорите — *нет*.
22 за собаку и каналью / за собаку ◊
22–23 и освободили бы его на культурных основаниях, то есть / и освободили бы его как собаку ◊
25 *Слов*: в чем мать родила — *нет*.
30–31 европейских учителей ∾ швейцаров / европейцам [там даже раздались голоса], а вовсе не по научению их и поощрению ◊
31 Да, на ужас / Да, мы внушили ужас ◊
32 тревожные голоса / тревожные голоса учителей наших ◊
32–33 Закричали даже про коммунизм. / Заговорили даже о коммунизме ◊
38 *После*: во главе — и преклонились все перед народной правдой
38 сорок лет тому / сорок лет [назад] перед Освобождением ◊
41 народ с землею / народ ◊
45–46 решились поступить своеобразно / поступили своеобразно ◊
46 *После*: русской жизни. — Не понятно, господа? Что ж, может быть, скоро поймете. Нет, в самом деле, чем нам гордиться перед народом? ◊

Стр. 119.

1–2 эта статья ∾ всё место / мое объяснение возьмет всё мое время и займет в дневнике всё место ◊

4 Перечислю / Резюмирую ◊

5 хочу указать на / хотел доказать ◊

7–8 единственным спасением / спасением ◊

12 одна «пассивность» / «пассивность» ◊

21–22 наш русский культурный слой / русский культурный слой ◊

23–24 Я хотел бы, наконец, указать / и доказать, наконец? ◊

24 в народе нашем / в народе ◊

26 *После*: образование — сохранит не только надолго и, может быть, и навсегда. Что третировать так православие, как третируют его эти культурные господа, значит, совсем не иметь понятия о значении православия.

28–29 в каком поняли меня эти господа / в каком полагает г-н Авсеенко ◊

29 В конце концов ∾ вполне / Наконец я хотел разъяснить вполне ◊

29–30 как сам понимаю, тот сбивчивый вопрос / как я понимаю, сбивчивый вопрос ◊

30–31 который сам собою представляется / сам собою представляющийся ◊

31–32 окультуренный русский слой / культурные люди ◊

34–35 принять эту драгоценность / принять его от нас ◊

35 *После*: sine qua non — но в противность ему, или уж лучше нам разойтись

35 выразился / написал

36–39 Вот эту сторону ∾ и разъяснить. / Вот это особенно надо разъяснить, ибо драгоценность эта действительно существует, и существует именно оттого, что мы 200 лет прожили в Европе ◊

40 Что до меня, занимательнее / Занимательнее ◊

41 ничего не могу / не могу ◊

41 *После*: читатель. — Мало того, я совершенно убежден, что рассуждать об этих вопросах вовсе не значит переливать из пустого в порожнее, а, напротив, настоятельное и полезнейшее дело

43 совсем не упоминать больше / *а*. совсем не говорить *б*. совсем не упоминать больше, если только позволительно ◊

‹Апрель, глава вторая, §§ I—IV›

Стр. 120.

2 *Заголовка*: I. Нечто о политических вопросах. — *нет.*

3–4 чрезвычайно интересуются / ужасно интересуются ◊

6 *После*: или нет?» — *начато*: Признаюсь

8 не ставил / не предполагал

9 возвещают / пишут ◊

9–10 и весьма близком / майском ◊

11 тогда / наконец ◊

13 не очень-то / не очень тоже ◊

14–15 когда я первый раз читал о них / когда я читал ◊

15 из-за этих слов / из этого ◊

19 *После*: вздор. — единственно потому, может быть, что сам в наше бессилие верил. Что ж, Австрия может верить в наше бессилие. У ней, должно быть, удивительные могут быть идеи. Я представляю себе, что в этом олицетворенном хаосе, который она [сама] собой изображает, и идеи политические должны быть совсем ненормальные, и давно уже, так что она к этому и привыкла. Это составное из разных противоположностей тело и мысли должно иметь [какие-то] составные [и политику] из разных непременных противоположностей, и политику соответственную, составленную из разных штучек. ◊

19 Мне даже кажется / Мне кажется, барон Родич пред тем, как сказать ◊

24 единственно / единственно лишь ◊
24–25 получше высмотреть / узнать ◊
25 кто кого / например, кто у нас кого ◊
25 средства / силы
26 Россия победит / Россия ◊
26–27 то Берлин скажет ей: «Стой, Россия!» / то Берлин скажет ей veto
28 *Слов*: а так разве в маленькую — *нет.*
28–29 А так как Россия / Ну, а Россия ◊
30–31 но зато у нас шанс, что если / напротив, если ◊
31 то можем вдруг много выиграть / мы можем вдруг выиграть ◊
32–33 если нас победит Россия / *а.* проигрыша *б.* если нас побьют ◊
33 проиграть очень мало / ничего не проиграть ◊
33 это очень хорошо / очень хорошо ◊
34–36 он очень нас любит ∾ их непременно / он хочет взять у нас наши немецкие владения, а потому нас очень любит. Он их возьмет непременно. ◊
36–39 но так как он ∾ на турецких славян / но он нас за это непременно вознаградит и отдаст нам славян ◊
39–40 Это он непременно сделает ∾ сделать / Таким образом, ему будет очень выгодно ◊
41 все-таки совсем перед ним не усилимся / *а.* будем не так сильны *б.* не очень перед ним усилимся ◊
42 вознаградится славянами / захватит славян ◊
43 достанутся нам, а не России / будут наши. ◊ *Далее начато*: Вот почему нас и любит Берлин и России не дают
44–45 в речи моей славянским вождям / славянам ◊
45–46 *Слов*: к хорошим идеям . . .» — *нет.*

Стр. 121.

1 не только у Родича, но и вообще / если не у Родича, то вообще ◊
5 *После*: владения! — [у этой «составной» империи и мысли, естественно, должны быть какие-то составные, и политика должна быть составлена из разных штучек]. Сущность же предметов и вопрос о том, как эти разнохарактерные народы вместе склеятся, не только устранен, но даже, может быть, и в голову не приходит ◊
6 наклонна верить в бессилие / [мыслит] верит, во-первых, в бессилие ◊
12 обновит и изменит весь лик Европы / обновит и оживит всю Европу ◊
14 не станет / не будет ◊
15 *Слов*: и всё будет смотреть на нас враждебно — *нет.*
16 она нас боится / нас боится Европа ◊
16–17 А если боится / Если же боится ◊
18–19 за своих, за европейцев / за европейцев ◊
19 за досадных пришельцев / досадными пришельцами ◊
19–20 Вот потому-то / Вследствие того ◊
20–21 что Россия будто бы «пока бессильна» / что Россия бессильна ◊
22 *Фразы*: И это хорошо ∾ думать. — *нет.*
22 Я убежден, что / Я думаю ◊
24 например, в Крымскую кампанию / в Крымскую кампанию ◊
24–25 и вообще одержали бы тогда верх / и потом вообще одержали бы верх ◊
25–26 все в Европе ∾ тотчас же / тогда всё в Европе восстало бы на нас ◊
27–28 если б были побеждены / если б мы победили ◊
28 состояться / *а.* воцариться *б.* быть заключен
29 стали готовиться / начали готовиться ◊
31 например ∾ нам тогда / не обошелся бы тогда ◊
32 едких дипломатических нот / дипломатических нот ◊
32–33 напротив, осуществился бы / Это был бы ◊
33–45 *Текста*: Мало того, этим крестовым походом ∾ живучесть и силу. — *нет.*

45–48 Нас точно так же ∾ Пруссию и Австрию. / Нас уже раз спасла судьба, дав нам тогда в союзники Пруссию и Австрию.◊

Стр. 121—122.

48–2 Если б мы ∾ на нас. / Если б мы одни победили [нам бы не дали победить ‹?›, а если бы и победили, то, свергнув Наполеона], то Европа тотчас же и без Наполеона бросилась бы опять на нас.◊

Стр. 122.

2–3 случилось иначе / случилось не так ◊
3 *Слов*: которых мы же освободили — *нет.*
3–4 немедленно приписали себе / приписали себе тотчас тогда же ◊
5 уже прямо / они прямо ◊
5 утверждают / уже стали говорить ◊
6 а Россия только мешала / а Россия почти что только мешала ◊
8 нам никак нельзя побеждать в Европе / нам теперь почти никогда нельзя оставаться победителями ◊
8–9 если б даже мы ∾ невыгодно и опасно / по крайней [это] очень опасно и очень невыгодно ◊
9–10 какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы / какие-нибудь частные, маленькие победы ◊
11 *После*: «простить» — но ничтожные
11 завоевание Кавказа например / [завоевание Кавказа] войну с Персией в конце двадцатых годов ◊
11–14 Первая же война ∾ во всей Европе. / разделы с Польшей и Турецкая война при императоре Николае Павловиче чуть не произвели взрыва во всей Европе ◊
14–15 Они теперь «простили» ∾ в Средней Азии / Впрочем, они теперь нам «*позволяют*», кажется, завоевать Среднюю Азию.◊
15–16 а, однако ∾ не могут / *а.* но и то кричат ужасно *б.* но ведь это через силу, взрывом ‹?›, да и то квакают там у себя ужасно. А между тем Россия все-таки самая сильнейшая держава в Европе. То-то и есть, что они сами про это отлично знают.◊
17–18 *Фразы*: Тем не менее ∾ в весьма недалеком будущем. — *нет.*
27 своих пролетариев и нищих / своих пролетариев, демократии ◊
29–30 общим настроением ∾ согласием / общей воли или, лучше, согласия ◊
31–32 даже гораздо ближе, чем думают / не далее как к концу столетия
33–34 *Текста*: Какую роль ∾ к этой роли? — *нет.*
35 *Заголовка*: II. Парадоксалист — *нет.*
44 *После*: быть — Он ужасно защищал войну.

Стр. 123.

3–4 государство / народ
3–4 *После*: государство — а главное
12–13 вот что должно стоять на первом плане / вот что на первом плане ◊
14 идеи / мысли
15 *После*: или даже — *начато*: в случае наступления
22 ободряются / преободрены
23–24 когда война кончится / когда всё кончится ◊
24 вспоминать о ней / вспоминать ◊
24–25 в случае поражения / в случае несчастной войны ◊
25 все, встречаясь, говорят / все говорят ◊
26–27 Это лишь одно / *а.* обман, мираж *б.* [то] [это] всё это лишь одно ◊
29 *После*: боятся — Война одна из таких идей
31 Но вы / Но, позвольте, вы

Стр. 123—124.

31–33 *На полях рядом с текстом*: Но вы говорите ∾ меры и гармонии — *незачеркнутые записи*: *1.* Деятели науки, но они для нее ‹?› не так

видны, незавиден их жребий ‹*3—4 нрзб.*› *Честь. 2.* Перевес переходит на сторону самого дурного, что есть в человечестве. *3.* Напротив, ожесточает. Нет, мир ожесточает, а война смягчает ‹?› сердца. *4.* Искусства, статуи из войны, из борьбы *5.* Искусство, водевильчик, скоромность, теряют меру, искусственность страстей *6.* Человеколюбие ожесточается. *7.* Мечи на орала. А теперь не стыжусь.◊ *8.* Самые лучшие произведения являются вскоре после войны. *9.* Всё существен‹но› прекрасн‹ое› ‹*не закончено*› *10.* Роются в психологии, в болезненных страстях *11.* Кто ненавидит? Напротив, начинают уважать. *12.* Исчезает трусливость, бесчестность. Человек страшно наклонен к трусости, бесчестности, к бесстыдству, и отлично, хорошо про себя это знает. Вот почему и жаждет войны почти бессознательно, из бессознат‹ельности›. Причины есть, впрочем, и другие: потребность риска, молодечества, потребность заявить личность. Этому трудно удовлетворить в мирное время, особенно последнему: заявить свою личность. Много давления, надо ум, образованность, силы, хитрость или даже бесчестность, а тут все данные, всё готовое: бросайся зажмуря глаза на подвиг и разом. . . *13.* Если кому полезна война, то именно народу. Это страшно воспитательное средство. Вместе умирали. *14.* Всё воскресает, обновляется, как будто наглотается свежего воздуха. *15.* Лучшие люди. *16.* Даже положено им было выходить из дворянства. *17.* Дворянство как бы развенчано ‹?› Всё заскучало ‹?›

Стр. 123.

32 Разве не найдется / Разве нет
35 вместо него являются / вместо него, напротив, являются ◊
36–37 да и то почти для праздной забавы / *Начато*: да и то для забавы.
44 засыхают / сушатся ◊
45 Остается под конец лишь одно лицемерие / много-много что уничтожается, а останется лишь лицемерие ◊
46–48 долга, так что, пожалуй ∾ для формы / их, пожалуй, будут продолжать уважать, но лишь на словах ◊

Стр. 124.

4 наслаждаться / довольствоваться
6–7 плотоядными / материальными
8 всегда жестокость / жестокость ◊
9 факта / тезиса, аксиомы ◊
9–11 социальный перевес ∾ к грубому богатству / *а.* богатство всем овладевает *б.* социальный перевес во время долгого мира переходит всегда к богатству ◊
12 в продолжение войны / в войне ◊
15–16 Война их обновляет, освежает / Война как бы их обновляет ◊
16 крепит мысли и дает толчок / дает им толчок ◊
18 требует великодушия, даже самоотвержения / [порождает] требует великодушия, самопожертвования даже ◊
19–20 сластолюбие / материализм ◊
20 *После*: и их — очень, очень мало останется истинных тружен‹иков›
22 Захочется и ему / Захочется ◊
24–25 *Слов*: если только ∾ планеты Нептун — *нет.*
28–29 *Слов*: потому что захочется и богатства — *нет.*
29–30 такая же погоня за эффектом / *а.* именно эффект, утончен‹ность› *б.* погоня за эффектом ◊
31 великодушные и здоровые / великодушные ◊
31 уже не в моде / не в моде ◊
33 Мало-помалу утратится / Теряется
34–35 явятся искривления ∾ их огрубелость / являются утонченности чувств и искривления, немыслимые в здоровом обществе ◊
35–36 Вот этому-то всему / Вот этому-то ◊

38 *После*: окончательно. — *начато*: и обратилось бы
38 войной, борьбой / войною ◊
41 *После*: а христианство? — Христианство не противуречит войне ◊
42 Христианство само признает / Оно само [утвердило] признает ◊
43 до кончины мира / вовеки ◊
43–44 *Слов*: это очень замечательно и поражает — *нет.*
44 в высшем, в нравственном смысле / в высшем смысле ◊
45 отвергает войны и требует братолюбия / отвергает войну и требует, чтоб все стали братьями ◊
46–47 Но вопрос ∾ случиться? / Но когда это будет? ◊
48 всегда и везде хуже / хуже ◊

Стр. 125.

1 безнравственно становится ∾ поддерживать / безнравственно его поддерживать ◊
2–3 нечего ценить ∾ и пошло сохранять / нечего ценить и почти и не за что стоять в этом мире ◊
5 *После*: просвещения. — Таким образом рождается тирания.◊ *вписано на полях.*
8 укореняется трусливость / является трусливость ◊
8–9 Человек по природе своей / Человек ◊
10–11 он так и жаждет войны / он и жаждет войны ◊
11 и так любит войну / *а.* и любит войну *б.* потому что человек очень любит войну
11 *После*: войну — Это иногда как инстинктом. Не презирает войну. [Есть и другие бессознательные инстинкты, влекущие к войне: потребность риска, молодечества, а пуще всего проявить свою личность. Проявить свою личность во время долгого мира гораздо труднее: требуется много средств к тому: богатство, связи, интрига, хитрость, даже бесчестность, ум и талант в конце долгого мира всегда на втором месте, если они честны; а в войне дано всё готовое: ступай, умри, участвуй в общем великодушии].◊ *На полях рядом с текстом*: Это иногда как инстинкт ∾ в великодушии. — *запись*: Собака же ищет в каникулы целебной травы, чтоб не взбеситься.◊
11 *Слов*: он чувствует в ней лекарство — *нет.*
12 Война развивает / Война соединяет
12 *После*: народы. — «Христианство проповедует братолюбие» — говорите вы, но войною и человеколюбие развивается на поле битвы.◊
14–15 освежает людей / освежает человека ◊
15–16 Человеколюбие ∾ битвы. / Человеколюбие развивается на поле битвы.
17–18 *После*: в мирное время — переносится гораздо тяжелее.◊
22–23 как будто породнились даже / точно породнились с ними ◊
23–24 их мнением об нашей храбрости / их мнением ◊
31–32 грозовая туча пролилась обильным дождем / *а.* благодетельный дождь прошел *б.* грозовая туча пролилась ◊
33–34 во время мира / в мире ◊
34–35 *Слов*: прежде чем ∾ целковых — *нет.*
36 Но разве народ ∾ всех / —Но [народ, народ?] во время войны? Разве народ не страдает в войну [наиболее] больше всех ◊
37–38 несравненно ∾ общества / несравненно более, чем богатые?
39–40 *Слов*: а зато выигрывает ∾ чем теряет — *нет.*
42–43 *После*: выше простолюдина. — даже в чем — в самом высшем проявлении человеческого достоинства, в жертве жизнию за общество. Ненависть и зависть исчезают, человеческое неравенство. Раб тоже. Народ хоть миг поживет равным вам человеком.◊ *вписано на полях.*
43–44 христианской меркой / христианина на христианина
44 *После*: меркой? — Хоть и верят, да не станут так мерить ◊
44 *Слов*: Меряют карманом, властью, силой — *нет.*

45–47 Тут не то что зависть ∾ для простонародия. / *а.* Тут не зависть, тут какое-то невыносимое чувство неравенства, ибо до сих пор нет лекарства, кроме войны.◊ — *запись на полях. б.* Тут не то что зависть, тут является какое-то невыносимое чувство неравенства, слишком язвительного для простонародия и которое он всегда ощущает с мучением, несмотря на всё смирение или благоразумие или на видимое бесстрастие.◊

Стр. 126.

2–3 *Фразы*: Война поднимает ∾ достоинства. — *нет.*

3–4 Война равняет ∾ мирит господина / Война равняет всех, все сословия, состояния, способности. Она соединяет господина

4 равняет / соединяет ◊

4 мирит / равняет ◊

6 за всех, за отечество / за всех ◊

7 самая даже темная / самая темная ◊

9 заявить / проявить ◊

13 *После*: подозрительно. — *начато*: Великодушие в простолюдине мы награждаем

15 *После*: необыкновенным — награждаем [простолюдина] медалями, привилегиями ◊ *Далее начато*: и тем скорее оскорбляем массу, так удивляясь своим удивлением и похвалами, то так это всё

17 исчезает само собой / исчезает ◊

17 полное равенство героизма / равенство героизма ◊

17 *После*: героизма. — Простой солдат чувствует свое человеческое достоинство наравне с командиром.

18 *Фразы*: Пролитая кровь важная вещь. — *нет.*

18–19 Взаимный подвиг ∾ и сословий. / Подвиг великодушия [роднит души и сводит их] роднит самые разнородные души, порождает [новую] самую твердую связь сословий.

21 чем у себя в деревне / чем в деревне ◊

22 *После*: уважать себя — и самый легкий способ [проявить] удовлетворить потребности проявления великодушия

24 о ней / про войну ◊

24 *Фразы*: пролитая кровь важная вещь! — *нет.*

26–27 *После*: в какую-то подлую слякоть — «В наше время», — говорите вы, но, по крайней мере, в будущем-то, в идеале-то, вы предполагаете иное? — Вы сами знаете, что никто более меня не верит в этот идеал и никто более меня не желает расковать мечи на орала. . . Но ведь вопрос. . . ◊

27 *Слов*: зараженную гнилыми ранами — *нет.*

28 С мечтателями спорить нельзя. / С такими мечтателями спорить нечего.◊

32 это повсеместно / это почти у нас повсеместно ◊

33 *Заголовка*: III. Опять ∾ о спиритизме. — *нет.*

34–42 Опять у меня ∾ от читателя. / [В прошлом мартовском «Дневнике» моем я пообещал [распространиться] сказать кое-что о спиритизме. Есть читатели, уже успевшие написать мне, что они ждут того, что я скажу. Я бы мог еще и в февральском № напечатать то, что имею сказать, потому что еще в феврале происходил тот сеанс, с медиумом, у А. Н. Аксакова, на котором и я присутствовал. Об этом сеансе, который происходил 13 февр<аля> у А. Н. Аксакова, другие присутствовавшие уже говорили, впрочем, печатно, так что мне вообще<?> опять-таки ничего не остается [сказать] сообщить с фактической стороны кроме собственного [моего впечатления] мнения <?>, [и однако же] но я почему-то утаил <?> его, я молчал два месяца и пропустил два № моего «Дневника», ничего не сообщая.] Итак, опять до следующего, а теперь опять лишь несколько слов именно почему я до сих пор утаивал о моем впечатлении.◊ Итак ∾ впечатлении. *вписано.*

36 на этом ∾ с «настоящим» медиумом — сеансе / на спиритическом сеансе
37 довольно сильное впечатление / чрезвычайное даже впечатление — и я не скрыл его от читателя ◊
38–43 *Текста*: Об этом сеансе ∾ не касалось спиритизма. — *нет.*

Стр. 127.

1–2 тем более ∾ отвращение / потому что теперь даже нажил охоту пересказать, а доселе чувствовал как бы некоторое даже отвращение по одной причине, зато в будущем месяце я буду еще компетентнее, кажется, к тому времени последуют ответы спиритов и, может быть, обнаружатся подробности протоколов каждого заседания ученой комиссии на сеансе ◊
2–3 Отвращение ∾ от мнительности. / Я сознаюсь, что сделал это от глубокой мнительности. ◊
5 выслушав, спросил меня / спросил меня ◊
7 заметил / заметил мне ◊
8–10 ему, очевидно ∾ спиритизма / *а. Начато*: Ему неприятно было бы, если б я хоть чем-нибудь *б. Начато*: он подумал, что я могу *в.* Ему, очевидно, было бы неприятно, если б и я хоть чем-нибудь мог [в свою очередь] способствовать распространению спиритизма. ◊ *Далее начато*: Хоть я и рассказывал мои впечатления
10 Это меня тогда поразило потому особенно / Это опасение его меня поразило потому ◊
11–12 передавая об этом ∾ спиритизм / *а. Начато*: рассказывал о моем впеч‹атлении› *б.* передавая о моем впечатлении о сеансе, глубоко отрицал спиритизм ◊
12–13 подметил ∾ человек / подметил что-нибудь в моем рассказе этот умный человек ◊
14–16 Вот почему ∾ из мнительности / Вот почему я все удерживался писать, именно из мнительности. [Но я, кажется, ошибся тогда в себе, теперь я более себе доверяю] ◊
16–18 Но теперь ∾ себе разъяснил. / Но теперь я, кажется, себе уже вполне доверяю и впечатление себе разъяснил. ◊
17 *После*: доверяю — Я не о спиритизме, собственно, хочу теперь писать, а о другом явлении.
18 я убедился / я уже убедился теперь ◊
19 не могу / я не могу ◊
19 поддержанию / искоренению
22 целью / мыслью ◊
22–23 *После*: «раздавить спиритизм». — *начато*: Я же думаю, что кто хочет
23 тенденциями / целями ◊
24 *После*: слушать — и, конечно, они полезны для предупреждения всех, пока еще равнодушных к спиритизму
24 *захочет* / хочет ◊
25–26 целыми комиссиями / комиссиями ◊
26–27 вполне *не желает* поверить / вполне и серьезно не желают верить ◊
27 *После*: не соблазнишь. — Вот именно к этим-то последним я и принадлежу. К тому же я не о спиритизме [буду] хочу писать, а [именно] о некоторых впечатлениях, мне совершенно новых, касающихся именно неверия вообще, и о том, какую силу неверие может найти и развить в самом себе, в данный момент, совершенно помимо вашей воли. Вера также может ‹*нрзб.*› *Ниже черновые наброски*: Наблюдение над неверием до сеанса у Вагнера, стол пошел 5 раз, зачем Б., и довольно для неверия. Я об этом стал думать, ведь $^1/_2$ сбылась, чего же швырялись ‹?› А зачем другие не сбылись. Закон другой веры в религию. Если б только на чудесах, но чтобы не веровал. Христос удовлетворяет нравственному состоянию; душа, Фома, факиры, чудеса, фокусы, птица полетела —

фокусы! Гарантии нравственной, — вот чему верить. На чудесах ничего основать нельзя.◊

27–29 *Фразы*: Вот именно это-то убеждение ∾ впечатления. — *нет*.

30 До тех пор я / Я прежде ◊

31 лишь мистическим / лишь физическим

31–32 явлений же спиритских / явлений же спиритизма ◊

32–33 *Слов*: с которыми ∾ знаком — *нет*.

35–36 замечательного сеанса / сеанса в феврале же месяце ◊

36 я вдруг ∾ узнал / вдруг узнал ◊

37 мало того / не только ◊

38 верить / поверить ◊

39 более *никогда* / более ◊

39–40 Вот что ∾ себе. / Вот это-то и было главным моим впечатлением на сеансе.◊

40–41 *Фразы*: И, признаюсь ∾ идя на сеанс. — *нет*.

41–43 Прибавлю еще ∾ общее. / Тут не столько личного, есть и общее.◊

44–45 *Слов*: общий всем ∾ вообще — *нет*.

Стр. 127—128.

45–1 Мне как-то выяснилось ∾ и вера. / который теперь только мне выяснился — именно через опыт, которому все подвержены и который я из всех сил стараюсь себе формулировать, потому что он очень неясен, этот закон веры и неверия ◊

Стр. 128.

1–2 Вот об этом-то ∾ сказать. / Вот теперь лишь несколько слов об этом-то я и хотел бы поговорить: и опять я в таком положении, что у меня нет места и дальше ‹?› пожалуй ‹?›

3–6 Итак ∾ «Комиссии». / Итак, опять до следующего № и о моем неверии ‹?› *Ср. варианты к этой фразе на полях*: *а*. Итак, опять до следующего №. Ибо обо всем этом мне никак не хотелось бы говорить вскользь и слегка.◊ *б*. Итак, до следующего номера, но теперь, однако, еще несколько слов.◊ *в*. ‹об› обстоятельстве, т. е. нежелании поверить во что бы то ни стало, я и хочу сказать в будущем номере.◊

7–9 Я тогда сказал ∾ делу. / В прошлом же мартовском «Дневнике» я сказал лишь несколько слов об неудовлетворительности отчета комиссии о наблюдавшихся ею спиритических явлениях и чем даже она вредит собственному делу.◊

9 *После*: делу. — *начато*: Постараюсь еще

9–10 Но я не сказал главного ∾ очень простое. / Впрочем, главного я не сказал и постараюсь сказать теперь в двух словах, потому что это дело очень простое.◊

11–12 Комиссия ∾ в этом деле / Комиссия не возвысилась до главной потребности в этом деле ◊

12 решения / решений ◊

12–13 Она, кажется / Она ◊

15 *После*: даже того — что протянутыми под столом проволоками ◊

15–16 какими-то «мелькнувшими» / и мелькнувшими ◊

16–17 никого у нас / никого ◊

17 *После*: не докажешь — Ей даже невдомек было [узнать] предварительно справиться о распространении спиритизма в обществе, и как, и чем именно он действует на желающих верить ◊

17–18 *Слов*: если уже люди повреждены — *нет*.

18–19 эти наши ученые / ученые ◊

20 в квартире / в доме ◊

22–23 и на каких основаниях ∾ начал распространяться / и на каких основаниях спиритизм распространяется в обществе ◊

23–28 Но они ∾ едва удостоивая вникнуть. / Впрочем, о последнем они и не могли судить, ибо к последнему обстоятельству они, конечно, отнеслись совершенно как частные лица, выслушивающие о спиритских

увлечениях общества, лишь глумясь и хихикая над ними, и [тогда] даже едва-едва удостоивая и хихикнуть-то [и уже, конечно, не вникая], при этом, конечно, не веря ни во что.◊

30–31 и вот этого-то ∾ в соображение / и вот, кажется, этого-то они вовсе и не поняли ◊

31–33 совершенно продолжая ∾ и хихикая / на первом же шаге совершенно [не изменяя] продолжая быть прежними частными лицами, по тону и приемам, т. е. смеясь, глумясь и хихикая ◊

33–34 и разве только ∾ такою глупостью / и разве только, может быть, сердясь немножко ◊

35 Пусть, однако же / Пусть ◊

35 вся квартира А. Н. Аксакова / вся квартира ◊

36 пружинами / пружинками ◊

36 *Слов*: сверх того — *нет.*

37 хитрой / истинно гениальной ◊

38 *После*: Н. П. Вагнер). — Не говоря уже о смешной мысли проволочного заговора против Комиссии, у А. Н. Аксакова ◊

38–39 Но ведь всякий «серьезный» спирит / всякий спирит ◊

39–40 *Слов*: (о, не смейтесь ∾ это очень серьезно) — *нет.*

40 спросит, прочтя отчет / спросит ◊

Стр. 129.

2 слишком довольно / слишком уже [очень] довольно ◊

2–3 чересчур даже / слишком даже ◊

3–4 и вот об этом ∾ надо помочь / *а.* Об этом стоило бы подумать. *б.* и об них стоило бы подумать, что одними проволочными доказательствами вы никакого на нас и не произведете впечатления ◊

5 Но высокомерие комиссии / Высокомерие же комиссии ◊

7–8 продолжает настаивать ∾ спирит / *а.* отвечает им серьезно и тревожно спирит, положим, из губернского города *б.* настаивает серьезно и тревожно убежденный спирит ◊

8–10 ибо они ∾ и необычайное / *а.* всё это еще внове, и есть очень много лиц, вдруг убедивших‹ся› и [продолжающих быть еще в тревоге] сохраняющих еще первую тревогу и удивление ◊ *б.* И те еще в первом удивлении и в первой тревоге, дело, как хотите, новое, необычайное ◊

10–14 пусть я легкомыслен ∾ нам неизвестно / но машинки, но пружинки, ведь их нет у меня в доме, ведь я это наверно знаю, а какие происходят явления. Пусть я малообразован и легкомыслен, но ответьте мне все-таки на это, что и вам странно. Уверяю вас, что машинки между ног нет ни у кого у меня в доме, да и средств я не имею, чтоб выписывать столь забавные инструменты, да и откудова, кто их продает — из-за границы, что ль, их надо требовать, всё это, ей-богу, нам неизвестно.◊

14–19 *Текста*: Так как же ∾ с беспристрастием. . .» — *нет.*

20 Нечего вам отвечать / Нечего отвечать ◊

24 Ну, это не объяснение. / Ну, это не ответ ◊

24–31 «Нет, видно ∾ факта, что *вписано.*

26–27 Пусть там мадам Клайр ∾ фокусы». / Некому у меня в доме делать фокусы ◊

32–37 *Текста*: «. . .на спиритических сеансах ∾ 6 гипотез». — *нет.*

38 *Фразы*: Вот это-то и главное ∾ и обо что?» — *нет.*

40 *После*: кажется — довольно гипотез ◊

42–43 *Слов*: не то, что есть шесть гипотез — *нет.*

43 а то, какой гипотезы / какой, собственно, гипотезы ◊

44 установилась / остановилась ◊

Стр. 129—130.

38–16 И затем ∾ В самом деле *вписано. Рядом заметки*: *1.* Фокусы, да не простые, а именно с предвзятыми плутнями ◊ *2.* Без сомнения, это блуд-

ное учение страшный вздор и тьма ◊ (*ср. вариант к стр. 130, строки 28—33*).

45–1 *Фразы*: Свое-то нам ближе ∾ дело темное! — *нет*.

Стр. 130.

1–2 И вот из дальнейшего / Из дальнейшего ◊

2 лекции / дела в отчете «Новое время» ◊

2–3 все-таки и опять-таки, остановилась / остановилась решительно

3–5 на гипотезе ∾ машинками / на гипотезе плутней, фокусов и щелкающих между ног машинок ◊

5 повторяю / [опять-таки] повторяю последнее лишь ◊

7 *Слов*: мало ∾ *и права — нет*.

8 Да и кто еще знает / и кто знает ◊

10–11 одних грубых плутней / грубых плутней ◊

11–12 *Слов*: к которому и надо бы отнестись ∾ поделикатнее — *нет*.

13 стал / станет ◊

14 *После:* не собьете — пока ему не докажете ◊

16 положения / доводы

16–17 почти точно такого же ∾ характера / точно такие же [характеры] ◊

19 *Слов*: стол и стучит — *нет*.

20 гармония играет / шарманка играет ◊

20–21 в рубашечных рукавчиках / в рукавчиках рубашки ◊

21 *Слов*: устроены ∾ г-на Рачинского) — *нет*.

22 кончиком / концом ◊

23 из *желающих совратиться* / из спиритов и из желающих совратиться ◊

23 *После*: *совратиться*. — И действительно же правы ◊

23 Помилосердуйте / Помилуйте ◊

25 *Слов*: и уж никак ∾ на воздух — *нет*.

25–26 совсем сделать / совсем ◊

26 факир или фокусник / факир-фокусник ◊

26–27 *Слов*: это сделает ∾ машинкой — *нет*.

28 таких фокусников и эквилибристов / нет фокусников и эквилибристов ◊

28–33 Одним словом ∾ рохлями и глупцами. / Одним словом, спиритизм — это уже без сомнения заблуждение. Конечно, может быть всякое, но не так просто оно делается, как кажется комиссии, и нельзя же всех спиритов сплошь обзывать рохлями и глупцами. ◊

33 *После*: глупцами. — Одним словом, с такими наивными приемами нельзя было приниматься за это дело. ◊

33–34 Этим только ∾ ничего не достигнешь. / Этим даже оскорбить можно лично. ◊

34–37 К этому ∾ на другие. / Дело это — заблуждение, в этом нет ни малейшего сомнения для очень многих, но к заблуждению этому надо бы было отнестись иначе вовсе, не так гордо и отвлеченно, без всякого либерального высокомерия петербургской закваски, разъяснить его иначе, подойти иначе — как именно — я не знаю. Может быть, тут потребовались бы [чрезвычайные] необычные и чрезвычайные наблюдения над душой человека и особенно над душой, так сказать, целого общества, этой сложной и столь неизученной еще душой, легкомысленнейшей и добрейшей, умнейшей и лучшей из всех душ на свете. ◊ [Но, вероятно, тут дело, уж конечно, сложнее пружинок, и вероятно, впоследствии, другие исследователи откроют тут что-нибудь полюбопытнее грубого и глупого обмана и — почем знать — может быть, что-нибудь и новое и даже полезное к сведению, даже и в науке] Но во всяком случае хоть начало бы этому положили. ◊

37–39 Особенно надо бы было ∾ эту вреднейшую вещь / Но главное, надо бы было раздавить или, по крайней мере, поколебать мистическое значение спиритизма ◊

39 какая только может быть / надо было бы раздавить ◊

40 над этим-то значением / над значением этого зла ◊

42–43 не столь наивными и гордыми приемами / не столь наивными приемами, исследованиями ◊

43–44 к своим выводам / к своим выводам и изысканиям, хоть начало бы этому положила ◊
45 могла иметь / имела бы ◊
46–47 *Слов*: кроме как ∾ с плутнями — *нет.*

Стр. 131.

1 просто / просто только
2 *После*: в Европе? — «Как они могли, как они смели? — закричит Европа, — эти ученые Петербургского университета — принять спиритизм за нечто. Но в таком случае они совсем не ученые». Вот эта, кажется, мысль о мнении Европы и пугала, кажется, во всё время ее деятелей.◊ *вписано.*
2–5 Таким образом ∾ решения. / А между тем, нам кажется так, не предположив, что спиритизм есть *нечто*, перед началом наблюдений, а, напротив, прямо задавшись убеждением до начала всякого наблюдения, что тут только надобно [поймать] изловить фокус и ничего больше — ученые, ясное дело, делали решения свои предвзятыми [тем давали уже и обществу], а миссию свою как бы полицейскою. Вот это-то, без сомнения, и дает обществу в руки оружие судить их за предвзятые решения. Но довольно, какое-то отвращение и какая-то боязнь говорить обо всем этом. Главная идея была, как кажется, в пружинках.◊

Стр. 131—132.

5–23 *К тексту*: Поверьте, что иной ∾ не насмешник. . . — *чернового автографа нет.*

Стр. 132.

25–29 С тяжелым чувством ∾ тому назад. / С глубоким негодованием прочел я в «Новом времени» ‹анекдот›, позорный для памяти моего брата Михаила Михайловича, основателя и издателя журналов «Время» и «Эпоха» в начале шестидесятых годов и умершего двенадцать лет тому назад.◊
29 Привожу этот анекдот буквально / Анекдот этот буквально выписан в «Новом времени» из [журнала «Дело», и именно] некролога недавно умершего в Иркутске историка Щапова, напечатанного в журнале «Дело». [Вот] Привожу весь этот анекдот [в том виде буквально, как он был перепечатан в «Новом времени»] из «Нового времени». О журнале «Дело» я еще не справлялся.◊
30–48 *Текста*: «В 1862 году ∾ из «Нового времени». — *нет.*

Стр. 133.

2–3 никого свидетелей ∾ происшествия / никого свидетелей ◊
3–4 *Фразы*: Обвинение, стало быть, голословное. — *нет.*
4–5 весь этот анекдот / весь анекдот ◊
6–7 Докажу это — сколько возможно. / Может быть, докажу это. ◊
8 Прежде всего объявляю / Прежде всего скажу ◊
8–9 делах брата по журналу / делах брата ◊
10 Сотрудничая брату по редакции «Времени» / Сотрудничая в редакции «Времени» ◊
11 денежных расчетов / расчетов ◊
13 *После*: успех — и пока издавалось «Время», касса никогда не нуждалась
13–14 Известно мне ∾ в долг / расчеты же с сотрудниками не только не производились в долг
15–16 *Фразы*: Про это-то ∾ свидетелем. — *нет.*
18 *Слов*: еще с первого года издания — *нет.*
18–19 стоит просмотреть №№ «Времени» / Стоит взглянуть в №№ «Времени»
19 *Слов*: за все $2^1/_2$-ю года издания — *нет.*
19–20 чтоб убедиться / и увидеть

20–21 участвовало огромное ∾ литературы / участвовали почти все тогдашние известнейшие представители литературы ◊
22–23 или, вернее ∾ сотрудниками / оттягивал уплату ◊
25–26 *Слов*: и даже близких — *нет*.
26 еще живы / еще живы в Петербурге
27–28 велись ∾ в журнале / велись дела в журналах ◊
31 *Слов*: за неуплату — *нет*.
31–32 *Слов*: подобно многим другим — *нет*.
32 После покойного брата / У семейства покойного брата ◊
33 и я не теряю надежды / *а*. и я уверен *б*. и я еще очень надеюсь ◊
34 между ними ∾ Щапова / между ними можно отыскать и записки от Щапова ◊
34–35 *Фразы*: Тогда и уяснятся отношения. — *нет*.
35 Но и ∾ то обстоятельство / То ◊
37–38 со всеми ∾ свидетельствами / со всеми свидетельствами
39 *После*: «Время» — и какой тон был в редакции ◊
40 *После*: довольно — если очень понадобится ◊
40 14-тилетний минувший срок / 14-летний срок ◊
40 *После*: срок. — Брат не имел дел в судах с своими сотрудниками за присвоение их литературной собственности и не бывал за это осужден в судах.
41 42 брат бывал ∾ отказывать / он был довольно слаб и не умел отказывать просьбам ◊
42 43 он выдавал вперед ∾ от писателя / он раздавал иногда вперед даже без надежды получить что-нибудь [для журна‹ла›] от писателя ◊
43 44 *Фразы*: Этому ∾ указать. — *нет*.
44 45 Но с ним ∾ бывали. / Я помню именно один такой случай [когда однажды в «редакционный день» зашел в редакцию один писатель (давно умерший) и на сотрудничество которого совсем уже почти нельзя было надеяться и который даже был не знаком с братом, несмотря на то], который не стану рассказывать из уважения к памяти того писателя, но случаю этому были и есть свидетели. [Этот писатель просто] Брат выдал тогда деньги человеку, совсем незнакомому, зная, что он во всех редакциях уже забрал вперед и без надежды с него что-нибудь получить. «Что же делать, я не умею говорить с такими», — сказал он мне потом. ◊
45–48 Один из *постоянных* сотрудников ∾ не получил. / После того, уже в 63 году, когда брат через прежние коммерческие свои предприятия сильно расстроил свои дела и когда запрещено уже было «Время», брат, сильно нуждавшийся, выдал 600 рублей одному прежнему сотруднику, обещавшему ему отработать деньги уже в разрешенном тогда новом журнале брата «Эпоха»: получив деньги этот сотрудник *на другой же день* уехал служить в Западный Край, куда тогда набирали из России чиновников. ◊

Стр. 133—134.

48–4 Но замечательнее всего ∾ деньги судом. / Брат и не преследовал его и денег не спрашивал, и уже несколько лет спустя по смерти его семейство брата, оставшееся безо всяких средств, получило эти деньги с этого «сотрудника», уже воротившегося опять в Петербург, судом. ◊

Стр. 134.

5–6 Суд был гласным ∾ сведения. / Обо всем этом деле можно справиться, суд был гласный. ◊
6 заявить / этим сказать ◊
7 выдавал иногда / выдавал ◊
7–8 и что не такой человек / Не такой человек ◊
8 нуждающемуся литератору / нуждающемуся Щапову. Он мог приехать к нему по его просьбе на квартиру и тот мог у него просить денег. ◊

9-11 Некрологист Щапова ∾ вперед? / но передавший этот «анекдот» в журнале «Дело» мог тогда совершенно не знать и не понять: о каких, собственно, деньгах дело идет? ◊

11 Весьма возможно / Очень возможно ◊

12 предложил Щапову / предложил ◊

13-15 и всё это ∾ прямо в руки / но [единственно лишь] вероятнее всего потому, что не пожелал [выдать деньги Щапову] по каким-нибудь причинам выдать ему деньги [Щапову] в руки, не желая в то же время отказывать Щапову. По некоторым соображениям это очень могло случиться. ◊

17-18 *таким тоном* ∾ не тот человек / это вовсе не то лицо, это не его тип, таким тоном никогда не мог говорить мой брат. [Брат не мог лебезятничать] ◊

18-20 Брат мой никогда ∾ *слово-ер-сами.* / он не заискивал никогда ни перед кем, брат [не мог говорить] никогда не говорил слово-ер-сами. ◊

20-21 И уж, конечно ∾ сказать себе / Конечно, никто и никогда не [мог] осмелился бы сказать ему таким тоном. ◊

22 *После*: нужны». — Брат был человек высокопорядочного тона, вел и держал себя как джентльмен, которым и был на самом деле. ◊ *вписано.*

22-24 Все эти фразы ∾ в воспоминании. / Ведь эти фразы переделались и пересочинились у автора анекдота [без сомнения не знавшего брата] 14 лет в голове. ◊

22-23 как-нибудь переделались / делались ◊

24-26 Пусть все ∾ таким слогом? / Повторяю, это дело не в углу происходило. Пусть все помнящие брата (а таких много) припомнят [мог ли он говорить] говорил ли он когда-нибудь таким слогом. ◊

26-27 Брат мой ∾ на самом деле. / Брат мой, Михаил Михайлович, был джентльмен, и самого высокопорядочного тона. ◊

28 Это был ∾ даровитый литератор / Это был литератор, человек даровитый и высокообразованный ◊

28-31 *На полях рядом с текстом*: Это был ∾ в «анекдоте». — *заметка*: Не думаю тоже, чтоб он Щапова называл по имени—отчеству, Щапов вовсе не был из числа знакомых его. Это был только сотрудник. Всего вероятнее, что брат не знал, как и зовут-то Щапова. ◊

29-30 *После*: Шиллера и Гете. — В переводах его [видят] заметили не один только стих и гладкость, а именно существенное внутреннее проникновение в самый характер произведений обоих мировых поэтов. ◊

30-31 Я не могу ∾ в «анекдоте». / Это не такой человек, который выведен и представлен в анекдоте. [Невероятно, чтобы] Я не могу представить, что такой человек мог так говорить, [как говорит в анекдоте брат мой] таким языком и с такими любезностями, как изображено в анекдоте. ◊

32 Приведу еще одно обстоятельство / Припомню и еще обстоятельство ◊

32 *Слов*: о покойном брате моем — *нет.*

32-33 кажется, очень мало кому известное / *а. Начато*: кажется, совсем неизвестное, но которому мало того, что есть свидетели *б.* теперь совсем неизвестное, но которому все-таки уцелели свидетели. ◊ *Ср. запись на предыдущей стр. автографа*: Об этом деле существуют указания твердые и свидетельства безошибочные — если надо, то я достану и живых свидетелей. ◊

Стр. 134—135.

33-28 *К тексту*: В сорок девятом году ∾ несколько рублей! — *чернового автографа нет.*

Стр. 135.

28-29 Фу, какой вздор! / *Ср. запись на предыдущей странице автографа*: Фу, какой вздор! Но однако же всё это печатается и перепечатывается. ◊

Варианты наборной рукописи (*НР*)

(Стр. 5)

‹Январь, главы первая и вторая, §§ I и II›

Стр. 5.

1–8 *Заголовок*: Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1876. Январь. Глава первая. I. Вместо предисловия о Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гете и вообще о дурных привычках ◊ *вписан.*

9 но / да но

10 боялся / да боялся ◊

10–11 вытолкают из гостиной / *а.* вытолкают вон и не дадут доврать *б.* вытолкают вон из гостиной ◊

15 «просто» / прямо

17 в физиономии / в лица

18 сказал / *а. Как в тексте. б.* это сказал ◊

21 не слыхали ли вы / не слыхали ли вы, например,

25 понятно / понятное

30–31 они много думают / они думают

31 вынырнет / выскочит

33 *После*: не думает — что он страшно необразован

Стр. 6.

6–7 Ну, не верь, но хоть помысли. *вписано.*

10 вовсе / вовсе даже

16 не увидит / он не увидит

20–21 и не ничто *вписано.*

24 бытия *вписано.*

31 этих / таких

32–33 с Большой, да и с Малой-то, никто не вздумает попрощаться, а и вздумает, так не станет / что с Большой, да и с маленькой-то не вздумают попрощаться, а и вздумают, так не станут

33–34 очень уж это ему стыдно будет *вписано.*

Стр. 7.

2 всем / многим нам

3–4 новый 1876 год / новый год

6–7 в последнее время / в наше время

11 успокоившихся / даже успокоившихся ◊

12–16 квиетизм всего бы меньше ∾ вовсе нет / ибо даже в либерализме квиетизм мне не нравится. Кроме того, являются несомненные признаки, что в обществе нашем и в прессе нашей совершенно исчезает [мало-помалу] иногда понимание о том, что [либерально] именно либерально, а что нет

19 *После*: а — казалось бы, напротив, что либерализм мог бы быть и посвободнее.

19–20 сим любопытным случаем / сим случаем

27 написал-то / *а.* написал я *б.* написал-то я ◊

29–30 Будущий роман. Опять «случайное семейство» / Будущий роман и подросток. Опять «случайное семейство» *вписано.*

33–34 идеалом / задачей и идеалом

35 в теперешнем взаимном их соотношении / в взаимном соотношении

38–39 *После*: детства. — Если возможно, постараюсь открыть взаимную цель или хоть бессознательно, но общее всем теперешним детям стремление.

43 *После*: не готов. — Нужно еще и еще изучение и я знаю, что мне надо еще узнать.

Стр. 8.

1 *После*: жизни. — Неужели вышло непонятно?

2 душу безгрешную / душу безгрешную и свежую

3 разврата / порока
3–4 раннею ненавистью за ничтожность и «случайность» свою *вписано.*
5 допускает сознательно порок / допускает его сознательно
7 *После*: своих — и порой, хоть и обливаясь холодным испугом, замирает от предчувствия таинственных и манящих наслаждений
8 да еще, правда, на бога *вписано.*
9 выкидыши общества, «случайные» / выкидыши и случайные
10 *После*: семей. — Думаю, что будущий роман мой [будет] выйдет гораздо непосредственнее, как говорили у нас при Белинском. Да и кому запрещено надеяться.
14 *После*: жильцов. — *начато*: Явилось
14 *После*: несогласие. — *начато*: Хар‹актер›
15 новейших / *Начато*: совре‹менных›
16 дал ей слово, что «оставит ее», и *вписано.*
18–20 детей, мальчиков 12 и 9 лет ∾ Она их любила. / *а.* детей, которых любила *б.* детей, мальчиков 12 и 9 лет, прижитых [еще прежде того] ею незаконно, но не от убийцы, она их очень любила.
20–23 Оба они были ∾ но она пошла. / Оба они, перед тем как она шла спать, просили ее не ходить к нему в комнату, но она пошла. Мальчики были свидетелями, как перед тем он, в страшной сцене, измучил ее попреками и довел до обморока.
24 Газета «Голос» / «Голос»
24–25 несчастным сиротам / двум бедным сиротам
25 воспитывался / *а. Как в тексте. б.* воспитывается
26 Вот опять / Опять
28 останется в их душах навеки / осталась в их памяти
28 болезненно надорвать / надорвать
31 *После*: бытия, — и когда так благолепно и спокойно растут их сверстники в семействе Ростовых,* может явиться при столкновении с счастливцами Ростовыми потребность усиленно проявить свою личность
34 во весь век / *а.* на всю жизнь *б.* [в] навсегда *в.* па весь век ◊
36 не перестают они любить / *а.* любят они *б.* не перестанут они любить ◊
41 а младший / а что младший
42 забудут про них / забудут их

Стр. 9.

1–5 *Заголовок*: III. Елка в клубе художников ∾ московский капитан — *вписан.*
6–7 не стану подробно описывать / не стану описывать
9 Скажу лишь, что слишком / Но все же я вынес свои особые впечатления, и которые и набросал тогда же. Я уже слишком
10 и долго жил / и жил
10 *После*: уединенно. — Передавая мне, месяца два тому [назад], анекдот об одной пропавшей собачке, почтенный Г. воскликнул, глядя на меня в изумлении: «Ничего-то вы не знаете!» Но пропавшими собачками я никогда и не интересовался. ◊
12 понятия прививаются / идеи пробиваются
16 приобретает целую треть тех идей / приобретает к тому времени целую треть идей
21 среднего общества / среднего чиновничьего общества
23 надо / следует
23 нормальный закон природы / именно закон природы
30 в родителях / в отцах
30 даровитые / талантливые
33–34 не только всякое изучение / всякое изучение
35 первые слова / слова

---

* Лица из превосходного романа графа Льва Толстого «Война и мир». ◊

36 начинают его облегчать / начинается облегчение
37 Иногда облегчение / Облегчение
38 а, даже напротив / *а.* и, даже напротив *б.* а, даже иногда напротив

Стр. 10.

4 делается же / делается ◊
5 слишком облегченное воспитание / облегченная жизнь
8 (но не далее) *вписано.*
12 желание / желание свое ◊
12 тех девиц / тех
14–15 весьма скоро выйдут замуж, тотчас как пожелают / не только выйдут замуж, но и. . . впрочем удержусь ◊
22 всё обошлось бы к полному удовольствию / всё просто бы очень хорошо
29 несмотря даже на / несмотря на
29 духоту / духоту и толкотню
30 распорядителя танцев / распорядителя бала
36–37 к скандалу / *а. Как в тексте. б.* ко всякому скандалу
39–40 начинало казаться / казалось ◊
42 стыдился и упрекал / упрекал
43 конечно / бесспорно
44 капитаны / ташкентские капитаны
46 это тип неумирающий *вписано.*
46 но всё же они / но прежде всё же они ◊
47–48 прорвется, на самую середину / прорвется

Стр. 10—11.

48–1 совсем уже в новом праве / совершенно в своем праве

Стр. 11.

2 русских людей / людей
3 *После*: получили — почему-то
3–4 уже хорошо / хорошо
4 уже похвалят, а не выведут / *а.* похвалят *б.* хвалят
5 приятно / весело
5–6 *Слов*: (о, многим, многим!) — *нет.*
8 равны со всеми / благостны
9 посреди этих европейцев / посреди этого собрания, встать посреди этих европейцев
10 национальном наречии / русском наречии ◊
15 не полицейская сила / не полиция
15–16 такие же самые дикари / такие же дикари
20 русского общества / общества
20 Сквозникам-Дмухановским / Сквозник-Дмухановским
21 Держиморде / Держимордам
22 таким лицам / таким людям
24 там, у себя дома *вписано.*
24 и не уважают *вписано.*
28 сам, лично, он / он
30 да почтил / но почтил
31–32 но всё же он, побывав на бале, удостоверился / *а.* но всё же он видел *б.* но всё же он удостоверился [ибо он очень толков и умен] ◊
32–33 всё еще держится / держится
35 на национальном наречии / на чистейшем национальном наречии
37–38 полюбить Европу / любить Европу ◊
38 всё же он тем как бы тоже участвует в культе / всё же он тем как бы на один вечер очистился, все же и он как бы участвовал в культе ◊
39 он часто / он даже
41 в сто рублей / в триста рублей
43–45 про арбуз ∾ добродетель / *а.* но все же он уйдет с убеждением, что всегда должна быть такая мерка порядочности, которую все должны уважать, даже если и вовсе не намерены стать в самом деле порядоч-

нымп *б.* [зато он убежден] что во всех случаях должен быть убежден хотя бы порядочность ‹*нрзб.*› даже только в арбузе
45–46 мало того — потребность *вписано.*
47 Лицемерие есть / Лицемерие именно есть

Стр. 12.

1 порочным / порядочным
2 *После*: добродетелью. — *вписано*: *а.* Разве Чичиков разрывает когда связь с добродетелью? Напротив, она всегда была его идеалом. *б.* и потому утешительная, что она укрепляет в нем мысль, что добродетель существует действительно и что сильна она.◊
3 очень хорошо / еще очень хорошо
4 достаточно / довольно ◊
4 *После*: не правда ли? — *вписано и зачеркнуто*: Разве Чичиков разрывает когда связь с добродетелью?
6 и поторопившимся человеком *вписано.*
7 зыбучее время / пошатнувшееся время ◊
8–9 вещь, в лучшем смысле слова, и я совсем не шучу, говоря это / и благословенная [мысль] вещь, и я не шучу: консервативная, начиная даже с первых ассамблей Петра Великого, ассамблеями ведь сохранялась [тогда] только что насажденная юная идея, чуть давшая тогда свой крошечный первый росток.
9 совсем / вовсе
10 *Заголовок*: IV. Золотой век в кармане. — *вписан.*
12–13 и боже, какая, однако, бездарность / и боже мой, какая же, однако же, бездарность
13 *После*: костюмах — и везде одна только мода
14 носить костюм / носить костюма
17 очень маленького роста / маленького роста
19 встретите непременно на всех балах среднего общества / встретите на всех балах среднего круга
21–22 и в состоянии / и неутомим до того, что в состоянии ◊
24 (вспомните менуэт) *вписано.*
26 подумал я *вписано.*
27 хоть на миг один / вдруг, хоть на миг один
31 самой искренней сердечной веселости / веселости
32 добрых желаний / добрых мыслей
35 есть и заключено / есть, всё это заключается
35 никто-то, никто-то из вас / никто из вас
36 ничего не знает / и не знает
36–37 каждый и каждая из вас / каждый из вас
38 обольстительнее / прелестнее
38–39 Джульет и Беатричей / Джульеты и Беатриче
39 вы так прекрасны / вы таковы ◊
40 *После*: словом — что это так и
42 столь прелестного / столь прелестного и прекрасного
42–43 могло бы найтись между вами / между вами
44 явилось бы такое / явилось бы то
45 Но беда ∾ не знаете / Но вся беда в том опять, что ничего про это не знаете, не знаете

Стр. 13.

1 Знаете ли, что / Знаете ли вы, что
3–4 И эта мощь ∾ глубоко запрятанная / И эта мощь в нем есть, но до того глубоко запрятана
3–4 И эта мощь ∾ невероятною. *вписано.*
12 хотя бы сейчас / *а.* начните сейчас *б.* хотя бы сейчас, хоть бы в виде только пробы
13–14 и вот увидите сами, какое пироновское, так сказать / и вы даже не поверите, какое даже пироновское

14–15 совсем для вас неожиданно / *а.* даже сегодня же вечером, в этой самой зале *б.* не далее как сегодня же вечером, тут же, в этой самой зале ◊

15 Вы смеетесь / Но вы смеетесь, [ваше превосходительство] мой генерал

15–16 рассмешил / насмешил

17–18 А беда ваша вся в том, что вам это невероятно. / *а.* Но вы мне не верите и в этом вся беда. *б.* Но вы мне не верите и в этом вся беда ваша. А теперь, надеюсь, прощайте.

19–20 *Заголовок*: Глава вторая. I. Мальчик с ручкой. — *вписан.*

27 значит — просить милостыню / значит просил милостыню ◊

30 доверчиво смотрел мне в глаза / открыто смотрел в глаза

32 сообщил / ответил

35 не наберут / не наберет ◊

35 их ждут / его ждут ◊

36 мальчик / он ◊

38 шайка / толпа

40 ранее / раньше ◊

42 их дети / дети

44 нальют / вольют ◊

Стр. 14.

6 опять обязан / обязан

14 иногда даже / конечно

16–17 бродяжить уже от себя *вписано.*

18–19 есть ли государь / есть ли у него государь ◊

18–19 *После*: государь — ничего этого он не знает и не понимает

20 и, однако же, всё факты *вписано.*

21 *Заголовок*: II. Мальчик у Христа на елке. — *вписан.*

24–25 когда-то случилось, именно это случилось / когда-то было, именно как раз ◊

27 Мерещится мне, был в подвале мальчик / Мерещится мне мальчик ◊

28 *После*: даже менее. — еще не такой, которого можно высылать с ручкой, но такой, однако, которого через год, через два непременно вышлют ◊

30 и он / так что он

32–33 хотелось кушать / хотелось и кушать ◊

37 два дня тому / два дня тому назад

39 целые сутки / целых два дня

39–40 не дождавшись и праздника / не дождавшись праздника

41–42 жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь помиравшая / бывшая когда-то и где-то нянькой, и помиравшая

Стр. 15.

9 всё боялся / боялся

9–10 большой собаки / собаки

12 не видал / не видел

13 *После*: по ночам — он это помнит ◊

15–16 затворяются / запираются

16–17 сотни и тысячи / сотни или тысячи

17 *После*: всю ночь. — *вписано*: по городу ◊

18–19 господи, кабы покушать! И какой / господи, какой

26 опять улица / новая улица

26 широкая / широкая, точно поле

30 бумажек и яблоков / бумажек

31 куколки / куклы

36 уж не сгибаются / не сгибаются

41 а кто / и кто ◊

Стр. 16.

6–7 Какой-то старичок / И какой-то старичок
7 будто бы играет / играет
8 скрипочках / скрипках
15–16 большой злой мальчик / большой мальчик
18 вскочил / вскочил он
18 и бежать-бежать / *а.* и бежит, бежит *б.* и бежит, и бежит ◊
20 присел за дровами / присел за дрова
23–24 как на печке / точно на печке ◊
24 заснул / засыпал
27 совсем как живые / ах, какие куколки, совсем живые
28 его мама / мама
32 это всё его мама / это его мама
33 видит / знает
34 руку / руки ◊
35 он и не видал / он не видел
39 берут его / схватывают
39–40 и видит он / он видит
40 смотрит его мама / смотрит на него мама ◊
41 Мама! Мама! / Мама, мама! Мама!
41 кричит ей / кричит
46–47 там нет своей елки / нет елки своей

Стр. 17.

1 подкинули / подкидывали ◊
1–2 к дверям петербургских чиновников / к петербургским чиновникам ◊
5 *После*: смраду — Были и такие, что померли прямо от побой.
6 они теперь как ангелы / они уже ангелы ◊
8 стоят тут же / стоят около ◊
11 упрашивают / просят
12 *После*: хорошо. . . — А свету-то, радости-то сколько, о господи! ◊
15 *Фразы*: Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господа бога в небе.— *нет.*
18 действительных! / действительных. ◊
23 *После*: выдумывать. — *на полях помета*: и поневоле слишком может быть односторонне

⟨Январь, глава третья, §§ III и IV. Февраль⟩

Стр. 37.

22 о характере преступления ни слова / о чем ни слова
24 знать и помнить / помнить
27 за грабеж / за грабеж и воровство
28 через три года службы / через три года
30 как рассказывает г-н В. З. *вписано.*
31–32 повести, принадлежащие / повесть «Слабое сердце» написана мною не в шестидесятых годах, а в сороковых, принадлежит
33 отнесены в биографии как к последнему / отнесена же она как бы к самому недавнему
33 Таких / Но таких
35 в случае же вызова все укажу / хотя сейчас не мог бы все указать
35 Но есть уже / Но есть, наконец, уже
38 не бывал / не был ◊
41 в биографическом сведении о писателе / в биографии писателя ◊
41–42 верное указание / указание
42 какие именно / какие
43 где, когда и в каком порядке / где и в каком порядке

Стр. 38.

7 не сочиненную / а. *Как в тексте.* б. не подсочиненную

Стр. 39.

1–2 Февраль. Глава первая / Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1876. Февраль. Глава первая ◊

3–4 I. О том, что все мы хорошие люди. ∾ маршалом Мак-Магоном. / 1. Общее место о любви к народу. *вписано.*

19 дурных / дрянных

19 замечу к слову / к слову

21 *После*: не доросли. — как не доросли до многого хорошего

23–24 готовы были, например, чрезвычайно ценить / чрезвычайно ценили

25–26 человечков, появлявшихся ∾ с иностранного / человечков, в [иностранных] литературных наших типах, заимствованных с иностранного

Стр. 40.

1 у Байрона / из Байрона

1–2 Да и сам-то Печорин убил Грушницкого потому только / *а.* Грешный человек, я убежден (ну хоть капельку), что не будь у Байрона хромой ноги, то он может быть не написал бы своего «Каина», то есть написал бы несколько иначе, убежден тоже, что Печорин убил Грушницкого потому отчасти *б.* Да и сам-то Печорин в сущности весьма несерьезен и, я убежден, убил Грушницкого потому только ◊

4 *После*: дамского пола. — В сущности все эти типы, наделавшие у нас такой трескотни: Сильвио, Печорин и даже недавний запоздалый потомок их граф Болконский из романа «Война и мир» — ужасные добряки и вполне русские люди.

5–7 Если же мы ∾ *прочной* ненависти / *а.* Если мы их так [ценили] в свое время ценили, то единственно потому, что они были взяты с иностранного, а прельстили они нас тем, что они будто бы люди *прочной* ненависти *б. Как в тексте*, *но вместо*: являлись как — являлись перед нами ◊

9 *После*: Русские люди — *вписано и зачеркнуто*: это люди скорой, но непрочной ненависти почти сплошь

13–14 В самом деле, подумайте / Иные до сих пор думают, что это дурно, а я, каюсь, давно уже переменил мнение. Подумайте

16–17 по крайней мере, в настоящее время за нее лучше не приниматься *вписано.*

18–19 тут-то уж я в высшей степени не верю / но и тут я не верю

19 наших ненавистей / ненависти

19–20 Были, например, у нас / Были у нас

21 закончилась / кончилась

22 *После*: Петра, — а может быть и петербургский период русской истории ◊

23 сходятся / сошлись

24 идет / придет

25 он, и только он / он, только он

26 можно было / можно было бы

31 своих собственных начал / своих начал

31 Ну вот / А потому

31–32 что же бы вы думали? Я даже и в самую драку не верю / но я и в драку не верю

34–35 часто у нас случается / часто случается

35 подерутся / дерутся

41 по медицинской части *вписано.*

42 на сотни тем *вписано.*

42 и, главное / и главное, главное

44–45 совершенно неспособными даже на малейшее дело / совершенными пешками в деловом отношении

45–46 естественно, что все / естественно все

Дневникъ писателя.

Ежемѣсячное изданіе.

Январь.

Глава первая.

I

Вмѣсто предисловія о Большой и Малой Медвѣдицахъ, о молитвѣ великаго Гёте и вообще о дурныхъ привычкахъ.

...Хлестаковъ, по крайней мѣрѣ, вралъ-вралъ у городничаго, но все же капельку боялся, что вотъ его возьмутъ, да и вытолкаютъ вонъ изъ гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врутъ съ полнымъ спокойствіемъ.

Нынче всѣ съ полнымъ спокойствіемъ. Спокойны и, можетъ быть, даже счастливы. Врядъ-ли кто даетъ себѣ отчетъ, всякій дѣйствуетъ „просто", а это уже полное счастье. Нынче, какъ и прежде, всѣ проникнуты самолюбіемъ, но прежнее самолюбіе входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось въ физіономіи: „Такъ-ли я вошелъ? Такъ-ли я сказалъ?" Нынче же всякій и прежде всего

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница наборной рукописи с правкой Ф. М. Достоевского.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

Стр. 41.

1 почувствовал себя неспособным / чувствовал себя неспособным к делу

2 *После*: драку. — [потому что в сущности] но опять-таки и это надо извинить, потому что по-настоящему ведь более ничего не оставалось и делать. ◊

2–3 *Текста*: Что же тут ∾ более ничего. — *нет.*

5 ну вот точь-в-точь так / ну точь-в-точь

6 это отчасти доказывает / это доказывает

10–12 даже и в этом ∾ как следует / *а.* в наших исконных ошибках, в нашей азартной гражданской войне действительно есть отрадные основания *б.* даже и в этом есть нечто [отрадное] почти трогательное: именно эта неопытность, эта [даже] детская неумелость даже и побраниться [-то] как следует и должны бы кажется возбуждать как бы некоторую к нам симпатию. ◊

14 (это уж как хотите, а это так) *вписано.*

16 желание самое наивное и полное веры и при этом ничего / нет ничего

17–18 в маленьких и редких явлениях / в маленьких явлениях

20–21 Ну вот и довольно ∾ «прочной ненависти». *вписано.*

22 не подвержены / не подвержена

23 бьют / бьет

24 лишь потом / уж лишь потом

26–27 несравненно больше / гораздо больше

28 не владеют мнением / в наше время не владели мнением

28–29 не предводительствуют / не предводительствовали

29 даже будучи наверху честей / даже наверху честей

30 принуждаемы / принуждены и обязаны

32–33 тоже ценящим ∾ текущего *вписано.*

34–36 *Фразы*: Идеализм-то ∾ не купишь. — *нет.*

39 я делаю / я делал

41 лучшее, чем он и дела его / лучшее его

43 соскочит с народа / соскочит

44 в нем останутся / останутся

45 чем когда-либо прежде / чем когда-либо

48 судьбою и жизнью / судьбою, жизнью и, несчастный, судьбою и жизнью общего блага, бессознательно разумеется

Стр. 42.

4 не исчезнет в нем / не исчезнет

4 *После*: подвигов — *вписано*: которая в нем светится и теперь ◊

5 и всего лучше / и прежде всего, и всего лучше

9 в этом отношении совсем не спелись / в этом случае не спелись

10 весьма похоже / похоже

15–16 заключается для него / заключается

24 а все-таки / по все-таки

25–26 то к общему делу / так к общему делу

28–29 такая же неясность, как и у маршала Мак-Магона / чрезвычайный разлад

33 *После*: ни был. — *начато*: потому что у нас что город

34 *Заголовок*: II. О любви к народу. Необходимый контракт с народом. — *вписан. Первоначально было начато*: II. Общие ме‹ста?›

Стр. 43.

2 это же самое мнение / его мнение

3 такое противоречие / противоречие

4 легко согласить / легко

13 страданиям народа / страданиям народным ◊

18–19 А ведь ∾ какие *вписано.*

19–20 *Слов*: сами светят и всем нам путь освещают — *нет.*

23 сам себя / себя

23 похваливает / похвалит

25–26 кончает тем, что верит / верит
26 даже честно / честно
27 не по тому, чем он есть, а по тому / не за то, чем он [есть] стал, а за то
33 всего более сам / всего более
34 лишь наносное / наносное ◊
40–41 к удивлению вашему / к удивлению
43–44 простодушного типа Белкина / простодушного светозарного типа Белкина ◊

Стр. 44.

1 представлял / представил
2 неожиданное новое слово / колоссальное, неожиданное новое слово
4 которого мы / который мы
5 о чисто народных / о чистых народных
17 заметьте себе это *вписано.*
18–19 признала идеалы народные за действительно прекрасные / признала идеалы народные действительно прекрасными
19–20 Впрочем, она принуждена ∾ даже невольно. / *а.* и кажется невольно принуждена была взять их себе в образец *б.* и принуждена была взять их себе в образец отчасти даже невольно◊
20 Право, тут / *а.* И тут *б.* Тут
22 заговорил я об ней / заговорил я
26–27 даже ∾ теперь *вписано.*
27 И однако же / А однако же
27 всё еще теория / *а.* загадка *б.* всё еще загадка ◊
28–29 Все мы, любители народа, смотрим на него / Мы же, с своей стороны, так сказать любители народа, [почти все] всё еще смотрим на него
34 отступились от него / оставили его
41 столь хороши / так хороши
41–42 могли поставить самих себя / поставить себя
43 непременно таким же / таким же
47 из тех, кто / кто

Стр. 45.

4 вышла бы отчасти и вышла вся
6 однако же, все-таки русскими / однако же, русскими
7 с другой стороны *вписано.*
11 его правдой / правдой
13 даже, в крайнем случае, и за / и даже за
14 В противном случае / В противном же случае ◊
14 погибаем / погибнем
14–15 *Слов*: Да противного ∾ вовсе; — *нет.*
15 я же / И я ◊
18 опять повторяю *вписано.*
19 страшно и ждать / страшно ждать
23–24 опять-таки, пожалуй, через двести лет *вписано.*
29 прямо с разврата / с разврата
33 выскочат / выйдут
39 ведь дело-то / дело
39 наладится / наладится и мы согласимся во всем ◊
45 понимали / понимают

Стр. 46.

15 ссоры начинались / ссоры слышались
21 до болезни / до болезни и надрыва ◊
21 истерзало меня / истерзало мою душу
32 когда / увидав, что
34 верблюда / верблюда бы
40 пожалуй, что / пожалуй ведь
42–43 закрыв глаза / закрыл глаза

Стр. 47.

3–4 *После*: мучительнее. — Не думаю, чтобы читатели оскорбились, что я так *жалобно* припомнил об этом жалком времени моей жизни. ◊
5 не заговаривал / не заговорил
10 за убийство / будто бы за убийство
10 жены моей / жены своей
12 четыре года каторги / четыре года в каторге ◊
12–13 я вспоминал беспрерывно всё мое прошедшее / я редко мечтал, но зато вспоминал беспрерывно
14 мою прежнюю жизнь / свою прежнюю жизнь
17 в цельную картину, в какое-нибудь / в целую картину, какое-нибудь
18 *После*: впечатления — и главное, поправлял их
19–20 прожитому и, главное ∾ забава моя / прошедшему, поправлял его, так что всё это могло иметь даже и свою хорошую сторону. ◊
20–21 На этот раз / Но на этот раз
24 забытое; но я / забытое. Впрочем, я
28 и мне / и вот мне
30 назывался у нас / назывался
35 который это теперь пашет / который это
36 я тоже занят / я занят ◊
41 с черными пятнышками / с черными маленькими пятнышками
43 березняк / *а. Как в тексте. б.* березник ◊
46–47 перетлевших листьев / перепрелых листьев
48 березняка / *а. Как в тексте. б.* березника ◊

Стр. 48.

2 крик / окрик ◊
8–9 заговорить / *а. Как в тексте. б.* заговаривать ◊
11 он разглядел мой испуг / разглядел [его] и мой испуг ◊
19 волку быть! / волку быть, полно, полно, вишь! ◊
21 смотрел / посмотрел
21 с беспокойною улыбкою / с улыбкою
21–22 видимо боясь и тревожась за меня *вписано.*
23 качал он головой / покачал он головой
23–24 Полно, ро́дный! / Полно, полно, ро́дный! ◊
25 и вдруг погладил / и погладил ◊
26 Ну, полно же / Ну, полно же, полно
26 окстись / ну, окстись ◊
27 вздрагивали / тряслись и вздрагивали
27 это особенно / это очень ◊
31–32 материнскою и длинною улыбкой / материнскою улыбкой
32 ишь ведь / ишь как испужался
35 такие крики (не об одних волках) / но крики
36 и прежде мерещились / в жизни мерещились
36 про то / про это
40 Ну и ступай, а я те / Ну, ступай, ступай, а я
41 всё так же матерински / ободрительно
44 Марей, пока я шел, всё стоял / Марей всё еще стоял

Стр. 49.

1 ни возьмись / ни взявшись
2–3 *После*: ободрился — *вписано*: зная, что будет кем затравить волка ◊
3–4 лица его я уже не мог разглядеть ясно / тот всё еще стоял, и я уже не мог разглядеть ясно лица его
4 но чувствовал / но я чувствовал
5 ласково улыбается / улыбается
5 кивает головой / кивает слегка головой ◊
8 потянула опять / потянула в гору ◊
14 Да и какое это / Да и что же это ◊
17 двадцать лет спустя / столько лет спустя

19 в душе моей / в сердце моем
23 И особенно этот / И особенно припомнился этот
32 маленьких детей / детей
32 Такие бывают. / *а.* Бывают и такие. *б.* Такие бывают везде.
37 не гадавшего тогда / не гадавшего
44 Этот обритый / Этот битый ◊
46 ведь это / это
48 Несчастный! / Бедный!

Стр. 50.

1 воспоминаний / воспоминания
11 мое слово / несколько слов ◊
12 *После*: очевидна. — *вписано*: а, стало быть, можно писать [и] мне ◊
16–17 хотя бы прошел ∾ целая вечность / хотя даже месяц спустя
18 Напомню дело / Напомню дело буквально в двух словах ◊
21 истязаемой девочки / истязаемого ребенка
21–22 кричавшей / кричавшего
24 семилетнего возраста / семилетнего маленького ребенка
26–27 упоминало и о том / напирало на то
30 *После*: обморок. — Повторяю, я не хочу распространяться собственно о деле, я только по поводу фальши, которая потом вышла со всех сторон. ◊
31 Помню / Но помню, однако ◊
32 я прочел / прочел
33 случилось со мной / случилось
33 в десятом часу / уже в десятом часу ◊
35–36 и об возникшем деле ничего не знал. Прочитав, я решился / *а.* Я был до того потрясен, что решился *б.* и об возникшем [процессе] деле ничего не знал. Прочитав, я был до того потрясен, что решился ◊
43 и что даже / и даже
44 он и сам / сам

Стр. 51.

1–2 в одиннадцатом часу, уже дома / уже в одиннадцатом часу, дома
3–4 Теперь этому делу / Этому делу
6 рад, что / рад был, что
6 судившегося отца / истязателя-отца
7 за злодея, за любителя / за злодея, да любителя
8 и что он только / и свой взгляд, что это только
9 защитника / адвоката. По газетным известиям [это] г-н Кронеберг человек еще молодой, кончивший университетский курс, хоть русский подданный, но скорее иностранец чем русский, участвовал во франко-прусской войне за французов против немцев и заслужил крест Почетного легиона. Дочь его незаконная, но усыновленная им. . . Впрочем, мне и в газетах было противно читать бесцеремонное изложение слишком частных подробностей жизни частного человека, хотя, впрочем, и неминуемое. ◊
9 желаю теперь / желаю
11 обозначить / обозначить мою мысль о том
13–14 первоначальной постановки самого дела / постановки самого этого вопроса на суде
15 *После*: В чем же фальшь? — Во-первых, вспомним разговор у Гоголя в «Игроках»:
— «Человек принадлежит обществу.
— Принадлежит, но не весь.
— Нет, весь.
— Нет, не весь».
Это спорят мошенники, игроки, которые, перед тем как обыграть выбранную ими жертву, стараются порисоваться перед нею гражданским жаром и благородными чувствами.

Но, однако, разговор типичен и вызывает на мысль; в понимании: принадлежит ли человек обществу весь или не весь существует у нас [тоже] повсеместная темнота. Вот идут судиться, ну, положим, тоже за какое-нибудь оскорбление, отец с сыном, муж с женой. Я уверен, что судьи, кто бы они ни были, судьи и присяжные, в ином таком процессе не поймут и половины дела, а пожалуй [и] улетучится и вся главная сущность дела. Что такое семейство? Семейство, по самому существу своему, есть дело наполовину закрытое, интимное, субъективное. В семействе кроется то, что в каждом человеке есть, так сказать, интимно-личного, секретно-личного. Ну можно ли представить себе человека, совершенно ничего не скрывающего перед всем и всяким. Так точно и в семействе: одна часть его сути, его бытия всегда почти ускользнет от постороннего понимания, даже от понимания самых ближайших от него людей и соседей. . . Но, впрочем, я ничего отсюда не стану выводить и оставлю поскорее об этом, боясь неясности. Адвокаты прямо отделываются в таких случаях такими формулами: «Права семьи, святыня семьи», — и всем понятно. И к тому же я до такой степени не юрист. Еще попадешься на зубок юристам и они меня вконец загоняют Возьму лучше другую черту. ◊
15 Во-первых, вот девочка / Вот девочка ◊
17 но что ж выходит / и что ж выходит ◊
18 уж сделали / отчасти и сделали
37 к ней теперь / к ней
40 фигурировала / сидела
41 выразить / высказать
42 лучше обращусь / и обращусь

Стр. 52.

10 засели / засели в душе
12–14 *Заголовок*: II. Нечто об адвокатах вообще. Мои наивные и необразованные предположения. Нечто о талантах вообще и в особенности. — *вписан.*
21 ему / ему самому ◊
21–22 но и свят / но почти что свят
31 судей / суд
38–39 вдруг нечаянно / я вдруг нечаянно ◊
39 что со всеми случается / что, впрочем, со всеми случается ◊
40 не мог / не смел ◊

Стр. 53.

2 отстоять меня / отстаивать меня
3 Я выслушал это, разумеется, с удовольствием / Представьте себе, я выслушал это даже с некоторым удовольствием ◊
6 *После*: что я — *вписано*: по-моему ◊
7 так почему-то / так, право, почему-то
10 совершенно прав / я совершенно прав ◊
14 *Вместо*: сильно соскочил в сторону — всё это одна болтовня
21 никакого преступника / даже никакого преступника
31–32 в их невинности / в их правоте и невинности
32–33 Когда вы выслушиваете ∞ вселяется / Выслушивая эти клятвы, вам конечно становится умилительно, хотя тотчас же в вас вселяется
46 никогда не может / вообще не может
48 что это уже ∞ человек *вписано.*

Стр. 54.

1–2 такое грустное / это грустное
2 как бы даже узаконено / как бы узаконено
8 один из всех про это / один этого
10 *После*: компетентнее. — *вписан и зачеркнут заголовок*: Нечто, о таланте вообще, и в частности.

25 своего обладателя / человека
25 схватывая его / схватывает человека
27 унося его / уносит его
32 собственно вралей / *а. Как в тексте. б.* собственно и вралей
40 смеха / хохота
40–41 под конец должна выгнать / оставаясь постоянной кончает тем, что выгоняет
42 надо ведь / надо
44 матери и отца / ни матери, ни отца

Стр. 55.

4 ни случилось / то ни было
4 тотчас же и пошел / тотчас и пошел
5 взыграл, и размазался, и *вписано.*
7 с «блудодействием таланта» / с блудодейством
9 всегда совладать / так сказать совладать
10 поэтическом настроении / поэтическом таланте
16 даже и адвокат / всякий даже адвокат
18–19 «представится само собою ∾ человек *вписано.*
24 самую излишнюю и разбалованную *вписано.*
25 принуждающую нас лгать беспрерывно *вписано.*
35 в первые два месяца по провозглашении республики *вписано.*
38 и всё это при / и кроме того
43–44 долговязых стихов / длинных стихов
44 барышень / *а. Как в тексте. б.* современных барышень ◊

Стр. 56.

5 указывая раз тогда / указывая раз
10 прикоснуться / прикоснуться к ней
11–12 вечно говорившего стихами человека / говорящего стихами оратора
12 оратора-лиру / оратора-человека
12 к кому-нибудь / к какому-нибудь
14 всегда изворотливых / изворотливых
14–15 всегда наживающихся / *а.* наживающихся *б.* в огне не горящих и наживающихся ◊
15–16 Но так ли это? / Но так ли?
16 Истинно ли это так, господа? / Вы думаете так?
16–17 и «отзывчив» *вписано.*
21 коммерцию / торговлю
26 самим / нам самим◊
27 не дал ничего / *а.* не дал *б.* не дал денег
27 в яму / к ответу
28 что даже и похоже *вписано.*
30 как нам никак / никак
33–34 даже в ту самую минуту ∾ совести / *а.* даже и тогда, когда защищать дело прямо претит ему совесть *б.* в ту самую минуту, когда он примется защищать дело, даже и претящее его совести ◊ *Далее вписано и зачеркнуто*: и убежден, что к тому же бывают и такие случаи, что и не хотя надо взяться и даже противно своим убеждениям
34 Я читал когда-то / Когда-то
38 *После*: случиться — Я только хочу сказать, что и вообще наш адвокатский талант, если и возьмется за дело, даже претящее его совести, то иногда, при давлении иных обстоятельств, почти всегда не выдержит, ‹*нрзб.*› «отзывчивость» ‹*нрзб.*› увлечется сверх всякой меры, талантом же своим увлечется ‹*4 нрзб.*›
39 репутацию?» / репутацию, потому нам никак невозможно чтобы так совсем без капиталу».
40 Таким образом / То есть я хочу выразить
40 *не одни деньги страшны* адвокату, как соблазн / не деньги страшны как соблазн

41 (тем более ∾ никогда) *вписано.*
41–42 сила таланта / *а. Как в тексте. б.* сила его таланта ◊
44 *После*: адвокат. — Ни за что бы я не захотел, чтобы кто-нибудь мог подумать, что написанное выше может быть хотя отчасти применено к г-ну Спасовичу и особенно к деятельности его в деле Кронеберга. ◊

Стр. 57.

1 из которой / из коих ◊
2 вот мое мнение *вписано.*
3–4 *После*: речи его. — *начато*: Вот
5 несоразмерное наказание / несоразмерное с действительными фактами наказание ◊
10 Он отрицает / Короче, он отрицает
11 честность свидетелей / самую честность свидетелей
17 пять минут / *а. Как в тексте. б.* все пять минут
19–20 почти забыли / забыли
20 ловко конфисковал / конфисковал
25 Всякие средства / Все средства
27 это слишком стоит того, вы увидите / чтоб показать, в какое непроходимо ложное положение мог быть поставлен ясный и трезвый ум человека с сердцем и совестью, что доказал он несколько раз в прежнюю свою деятельность. ◊
28 *Заголовок*: III. Речь г-на Спасовича. Ловкие приемы. — *вписан.*
36–37 не определения / ни определения
37 не обвинения / ни обвинения

Стр. 58.

3 ищет / и ищет
9 что вас неравно сочтут / если вас сочтут ◊
14 рефератов) / рефератов, что ж делать, мода, нельзя же[-с]) ◊
18–19 *После*: государстве». — То есть, видите ли, чем далее, тем ловче.
22 Весь содом-то / Ведь это содом
24 употреблять ее или не употреблять / употреблять или не употреблять ее
24 собираться / собираться, да и как не сечь ребеночка
25 он-то сам / он
25 сам объявляет / сам объявил

Стр. 59

11–12 Мы, русские / Мы все, русские
15–16 сообщила ему / он узнал от нее
44 вам понятно / вам уже понятно
46 забросить / оставить

Стр. 60.

1–2 намеках / инсинуациях
7 возвещает нам / говорит
19–23 Что же, мы ∾ сучок. *вписано. Далее было*: но согласия не получила.
22 даже попросила (хотя и неуспешно) / попросила
23–24 По свидетельству / Да мы этого вовсе и не думаем, особенно ввиду того, что по свидетельству
24 подала мысль Кронебергу / упросила Кронеберга
25 *После*: де-Комба. — Возьмите, дескать, дитя, будет и вам и мне веселее, и я буду ухаживать за ним, воспитывать его.
28 весьма характерное / довольно характерное
29 о ребенке / о воспитании ребеночка
31 при себе / у себя
38 уж и испорченный / *а.* и бессердечный. Не от плохого же только воспитания он не узнал отца, но и от худой неблагодарной натуры. *б.* уже и испорченный, неблагодарный ◊

39 впереди / вперед
44 *Слов*: которая «горазда кричать» (какие руссизмы!) — *нет.*
45 неопрятная *вписано*

Стр. 61.

5 пожалев ее, обвините / пожалеете ее, даже обвините
9–10 даже четырехлетний ребенок / или даже четырехлетний и более ребенок
16 не испорченная натура / не натура
21 но все / все
22 под конец *вписано.*
40–41 Когда же, приехав ∾ по лицу / Когда приезжал отец и узнав о какой-нибудь шалости, сек и бил по лицу девочку
43 бедная девочка / то девочка
48 с внутренним мучением / с некоторым внутренним мучением

Стр. 61—62.

48–1 оскорбляемого / оскорбленного

Стр. 62.

2 только и видела / только, кажется, видела
24–25 Представьте же себе, этот мучитель / Ну так вот этот мучитель, представьте себе
28 опять / опять-таки
28 не выдержала / не вынесла

Стр. 63.

1 вот это словечко! / вот словечко!
7 что он крал *вписано.*
8–10 уверпли, и единственно ∾ воровка / и не говоря ему ничего, что он крал, потому что она слышала во все эти месяцы, что все это про нее кругом говорили
11 то из того / но из того
12 склоняла ее / склоняла
14 не имея никаких *вписано.*
19–20 просачивается мысль / просочилась мысль
21 для них, значит / для них-то
22 *После*: красть — да еще жалуются
22 чего же стоит после того их свидетельство *вписано.*
29 Но всё это только / Но это лишь только
30 IV. Ягодки / 5. Ягодки ◊ *вписано.*
37 взгляд и прием / взгляд на дело, вот прием его
38 и даже смешны / и что даже это смешно
40 подействовать внушительно / подействовать
40 Экая / Экая же

Стр. 64.

29 *После*: рассечениями — (клочками кожа никогда не висела) ◊
36 лишь всё ходил / ходил
37 вздрагивая иногда / лишь вздрагивая иногда
38 приносили ему / приносили
39 в которое он изредка обмакивал / в которой избитый изредка лишь обмакивал
39 та обсыхала / она обсыхала
42 через десять, например, дней всегда уже / через десять дней уже почти всегда

Стр. 65.

7 *за раз* / *разом* ◊
8 никто не выдержит *вписано.*

14 Зачем же ∾ ее истязание? *вписано.*
30 *каким образом* / каким же образом
31 *это деяние* / это страдание
37 совершенно не соразмерное / совершенно уже не соразмерное
38 разъяснить / объяснить
39-40 Было, дескать, истязание, да всё же не такое / Было истязание, но не такое
40 *не тяжеле* / *тяжеле*
43-44 ни законного, ни беззаконного *вписано.*
46 буква в букву *вписано.*
46-47 Ведь в законах пробел, сами же вы сказали. *вписано.*
48-49 неужто же не истязали ∾ взаправду-то *вписано.*

Стр. 65—66.

49-1 так отводить глаза / отвести глаза

Стр. 66.

7-8 восприимчивы! Ну что ж из того, что / восприимчивы: что ж, что
10 умиравшего / умиравшего уже
15 толкует нам / толкует
19 это самое *дранье* / то самое дранье
23 так упорно отрицать / так отрицать
24 тратить на это почти всё свое искусство *вписано.*
25 *После*: изворачиваться — так лезть из себя ◊
28 за то только, что раз / за то, что
29 розгой / розочкой
31-32 страдания ребенка вызовут / страдания возбудят симпатию и вызовут
33-34 ему и опасны ∾ подавить / *а.* ему и надо подавить *б.* ему и опасны; их надо ему подавить ◊
36 перед нами / перед вами
46 на легкость и тягость и тут / на легкость и тяжесть
46 дело личное / *а. Как в тексте б.* поскольку все-таки дело слишком личное

Стр. 67.

1 защитник / адвокат
3 и другие драгоценные / драгоценные
3-4 и их много, например *вписано.*
8 не утверждает / не утверждает же
9 всё это / это
15 сек *долго* / сек
20 которая не похожа / не похожую
31 и 32 Серьезно вы / Серьезно ли вы
34 этот предел! / этот предел, г-н Спасович! ◊
36 исправляемы / исправлены

Стр. 68.

1 защитник / адвокат ◊
3 притворяетесь из всех сил, чтоб спасти / *а.* притворяетесь из всех сил в фальшивом положении вашем, чтоб спасти *б.* притворяетесь из всех сил, будучи в фальшивом положении, чтоб спасти ◊
9 говорить про пределы / сказать этого ◊
11 *Заголовок*: V. Геркулесовы столпы. — *вписан.*
13 там, где / когда
26 с трехлетнего возраста / с трех лет
29-30 в своих дурных привычках / в своих привычках
31 девочки / ее

32 у ней были дурные привычки / у ней дурные привычки
35 чтоб заметить в себе худое / чтоб исправить себя самой ◊
43–44 учат многому и тоже делают нас / учат и делают

Стр. 68—69.

45–1 одним только своим появлением между нами *вписано.*

Стр. 69.

7 не обидно / не обидны
21 Об оскорблении нравственном / Об этом оскорблении нравственном
23 вы всё время говорили только об одной физической боли *вписано.*
23 всё время говорили / говорите
27–28 помнить беспрестанно в этом деле / помнить
30 любовью невинною, почти бессознательною / любовью
33 *После*: детях — г-н Спасович ◊
42 единственно лишь / лишь строго
43 в вашей речи *вписано.*

Стр. 70.

4 не дается тут готовыми / не даются так готовыми
5–6 Тогда только ∾ свято. *вписано.*

Стр. 71.

2 в понятии о деньгах *вписано.*
3–4 они в самом деле достаются / их в самом деле достают
5 *После*: знает. — Всего-то может знает, что на [них] деньги можно купить гостинцу
12 что ей уже недалеко *вписано.*
18–19 Да и незачем ей денег / Да незачем ей деньги
21 *После*: билетов» — Ведь кричите же вы, что такой поступок девочки
21–22 почему же останавливаться перед концессиями? *вписано.*
25 *После*: неужели — во всей сотне этих вполне серьезных людей
34 *После*: младенце! — Ничего никогда она не крала, единственно потому, что такой младенец не может еще красть.
35 *После*: залу? — Она не посягнет и на грош, она еще ангел божий и лучше нас всех на нее смотрящих.
35 К чему / К чему же
41 драгоценность / это драгоценность
47 *После*: Вот оно положение-то! — *начато*: И зна‹ете?›

Стр. 72.

2 юной / новой
3 одно меткое слово / чрезвычайно меткое слово ◊
13 включить / заметить г-ну Спасовичу
15 Мы, русские / Мы
22 верить сами / верить ◊
32 никогда / никто
38 вопроса / вопросов

Стр. 73.

2 и грустное / как бы грустное
16 хоть капельку посвятее / действительно святых
18–19 на грустную тему, потому только, что она слишком поразила меня / на тему, которую мало понимаю, потому что я не юрист ◊
20 кажется *вписано.*
20 поговорка / пословица
21–22 послужить руководством для многих, ищущих ответов на свои вопросы / для многих послужить руководством ◊

⟨Апрель, глава вторая, окончание § I⟩

Стр. 121.

16–22 *К тексту*: А если боится ∾ наклонна думать. — *фрагмент зачеркнутого варианта*: Европа. А если боится, то должна ненавидеть. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслию, что Россия пока бессильна. Вот и хорошо, что она так думает.

Стр. 121—122.

22–18 *Текста*: Я убежден ∾ в весьма недалеком будущем. — *нет.*

Стр. 122.

21–22 в скором, может быть ближайшем, будущем / в самом, может быть, ближайшем будущем

29 общим настроением / общей волей ◊

33–34 Но вопрос ∾ играть в ней? *вписано.*

34 *Фразы*: Готова ли она к этой роли? — *нет.*

Варианты прижизненного издания (ДП$_1$)

⟨Январь. Глава вторая, §§ I и II⟩

Стр. 13—14.

44–1 нальют в рот / вольют в рот

Стр. 14.

25 *Слов*: это случилось — *нет.*

25 в *каком-то* / в каком-то

27 Мерещится мне, был в подвале мальчик / Мерещится мне мальчик

28 *После*: менее. — еще не такой, которого можно высылать с ручкой, но такой, однако, которого через год, через два непременно вышлют.

Стр. 17.

15 *Фразы*: Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господа бога в небе.— *нет.*

ПРИМЕЧАНИЯ

В двадцать втором томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского печатается «Дневник писателя» за январь—апрель 1876 г. со всеми относящимися к этим выпускам рукописными материалами, которыми мы в настоящее время располагаем, а также преамбула к «Дневнику» 1876 г. и реальный комментарий к выпускам за январь—апрель и подготовительным материалам.

«Дневник писателя» за май—декабрь того же года с относящимися к нему рукописными материалами, записные тетради, в которых Достоевский делал выписки и заметки, связанные с подготовкой «Дневника писателя» 1876 г., и комментарии к нему составляют XXIII и XXIV тома.

Текст «Дневника писателя» подготовили: И. Д. Якубович (основной текст), Г. В. Степанова («Мальчик у Христа на елке» — основной текст; варианты прижизненных изданий и наборной рукописи), Н. Ф. Буданова (варианты чернового автографа и подготовительные материалы — материалы *ГБЛ*), Е. А. Костюченок (варианты чернового автографа и подготовительные материалы — материалы *ИРЛИ*), А. В. Архипова (подготовительные материариалы — «Сюжеты для романов»).

Комментарий составили: Г. М. Фридлендер (вступительная статья §§ 1, 2, 3 (стр. 269—271), 4 (стр. 275—276), 5, 6; «Мальчик у Христа на елке» — преамбула, «Мужик Марей», «Столетняя» — преамбулы при участии В. Д. Рака), Е. И. Кийко (вступительная статья § 3 — стр. 271—274, при участии А. В. Архиповой, и § 4 — стр. 277—279), В. А. Туниманов (§§ 7, 8), В. Д. Рак (реальный комментарий к «Дневнику писателя» и подготовительным материалам), А. В. Архипова («Сюжеты для романов»).

Редакторы тома: Г. М. Фридлендер, Е. И. Кийко (подготовительные материалы, варианты).

Редакционно-техническую подготовку тома к печати осуществила И. Д. Якубович.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ 1876 г.

(Т. XXII, стр. 5, том XXIII, том XXIV)

Источники текста[1]

ЗТ$_1$ — Записи к «Дневнику писателя» из рабочей тетради 1875—1876 гг. См.: наст. изд., т. XXIV. Ноябрь 1875 г. — апрель 1876 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212. I. 15, с. 4—70, 77—128, 131—150, 176, 186, 186а; см.: *Описание*, стр. 58—59. Опубликована: *ЛН*, т. 83, стр. 366—470 (ранее два отрывка: «Литература и марксизм», 1928, кн. I, стр. 63—94; *Борщевский*, стр. 289—290).

ЗТ$_2$ — Записи к «Дневнику писателя» из рабочей тетради 1876 г. См.: наст. изд., т. XXIV. Апрель—декабрь 1876 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212.I.16, с. 1, 2, 4—112, 114—127, 129—173, 235, 236, 278, 280, 282; см.: *Описание*, стр. 59—61. Опубликована: *ЛН*, т. 83, стр. 517—632.

ПМ — Подготовительные материалы (планы, наброски, заметки. См. наст. том, стр. 137—166, т. XXIII; т. XXIV). Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93.I.2, 11/1—21; *ИРЛИ*, ф. 100, №№ 29469. CCXб. 11, 29471. CCXб. 11, 29448. CCXб. 4 (частично рукою А. Г. Достоевской), 29631. CCXIб. 2; см.: *Описание*, стр. 61—66. Фрагменты опубликованы: *Сб. Достоевский, II*, стр. 489—508 (наброски к «Кроткой», см. т. XXIV). Полностью публикуется впервые.

ЧА — Черновой автограф: 1) Выпуски за январь (глава первая), февраль (глава первая и глава вторая, §§II—VI), апрель, июль и август, сентябрь, октябрь. См. наст. том, стр. 171—238 и т. XXIII. 150 страниц. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.10, с. 1—11, 13—15, 17—27, 29—49, 51—81, 83—117, 119—141, 143—162 (переплетенная тетрадь); см.: *Описание*, стр. 66—67. Три фрагмента опубликованы: *ЛН*, т. 86, стр. 82—87. 2) Выпуски за январь (отрывок главы первой, не вошедший в окончательный текст), март (глава вторая, часть § IV, § V и начало § VI), май, сентябрь (глава первая, отрывок § I), ноябрь (главы первая и вторая, отрывки §§ III и IV), декабрь (глава вторая, §§ I и II). См. наст. том, стр. 180—181, 212—213 и т. XXIII, т. XXIV. 36 листов. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, №№ 29458. CCXб. 10—29461. CCXб. 10, № 29448. CCXб. 4 № 29462. CCXб. 10 (отдельные листы); см.: *Описание*, стр. 68—70. Фрагменты опубликованы: «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского», 1940, т. VI, вып. 2, стр. 314—318; *Фельетоны*, стр. 118—119; *Сб. Достоевский, II*, стр. 439—489 («Кроткая»); *ЛН*, т. 86, стр. 76. Полностью публикуется впервые.

---

[1] См. также: наст. том, стр. 321 и т. XXIV.

ДР — Другие редакции отдельных фрагментов к выпускам: 1) июнь. См. наст. изд., т. XXIII. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29469 (среди рукописей *ДП*, 1873 г.). 2) июль и август, глава четвертая (§ 1). См. наст. изд., т. XXIII. 2 листа. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29587. ССХб. 36; см.: *Описание*, стр. 70. *Опубликован*: *ЛН*, т. 86, стр. 79—81. 3) сентябрь, глава первая (§ 1). См. наст. изд., т. XXIII. 2 листа. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29470. ССХб. 11; см.: *Описание*, стр. 69. Публикуется впервые. 4) сентябрь, глава вторая (§ 2). Беловая рукопись (рукою А. Г. Достоевской, с правкой Достоевского). См. наст. изд., т. XXIII. 2 листа. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29470, ССХб. 11; см.: *Описание*, стр. 64. Публикуется впервые. 5) октябрь, глава первая (§ 2). См. наст. изд., т. XXIII. 2 листа. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I. 2, 11/8; см.: *Описание*, стр. 64. Публикуется впервые. 6) декабрь, глава первая. См. наст. изд., т. XXIV. 4 листа. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, №№ 29590. ССХб. 36 и 29591. ССХб. 36; см.: *Описание*, стр. 70. Опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 77—79.

НР — Наборная рукопись. Частично автограф, частично рукою А. Г. Достоевской с авторской правкой. Выпуски за январь (главы первая, вторая, §§ I и II, и третья, §§ III и IV), февраль (главы первая и вторая), апрель (глава вторая, окончание § I), июль и август (главы первая, вторая и четвертая, §§ III—V), сентябрь (глава вторая, §§ IV и V), октябрь (глава вторая, § II), декабрь (глава вторая, §§ I—III). См. наст. том, стр. 240 и т. XXIII, т. XXIV. 118 листов. Хранится: ***ИРЛИ***, ф. 100, № 29463. ССХIб. 11 (лл. 5—6 — автограф, лл. 1—4, 7—16 — рукою А. Г. Достоевской) и ф. 123, оп. № 148 (автограф); ***ГИМ***, Щук. 586 п, № 129 (автограф); ***ИРЛИ***, ф. 100, №№ 29464. ССХб. 11 (1) первая пагинация: лл. 1—24 — рукою А. Г. Достоевской, л. 24 — автограф; 2) вторая пагинация: лл. 1—18 — рукою А. Г. Достоевской, лл. 19—21 — автограф), 29465. ССХб. 11 (рукою А. Г. Достоевской), 29467. ССХб. 11 (автограф); ***ГБЛ***, ф. 93.I.2. 11/11 (автограф); ***ИРЛИ***, ф. 160, т. I, л. 49 об. (автограф), ф. 100, №№ 29466. ССХб. 11 (лл. 19—21 об. — рукою А. Г. Достоевской, лл. 21 об. — 25 — автограф), 29468. ССХб. 11 (автограф), ф. 160, т. I, л. 51 (автограф) и ф. 100, №№ 29470. ССХб. 11 (лл. 33—36 об. — рукою А.Г. Достоевской, лл. 36 об.—38 — автограф), 29470. ССХб. 11 (рукою А. Г. Достоевской), 29472. ССХб. 11 (рукою А. Г. Достоевской), 29473. ССХб. 11 (автограф), 29474. ССХб. 11 (рукою А. Г. Достоевской); см.: *Описание*, стр. 70—73. Фрагменты опубликованы: «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского», 1940, т. VI, вып. 2, стр. 319; *РЛ*, 1970, № 4, стр. 112—113; *ЛН*, т. 86, стр. 87—88 (по копии). Полностью публикуется впервые.

ДП$_1$ — Дневник писателя. Ежемесячное издание. 1876 г. Январь—декабрь. В типографии В. В. Оболенского. СПб, 1876. (Выходил отдельными выпусками, которые в конце года были сброшюрованы в один том, даты цензурного разрешения и выхода в свет отдельных выпусков см. ниже, стр. 267. В конце каждого выпуска подпись «Ф. Достоевский»).

ДП$_2$ — Дневник писателя. 1876. Январь. Второе издание. СПб., 1879 (ценз. разреш. — 5 октября 1879 г.).

РСб — Русский сборник, бесплатное приложение для подписчиков «Гражданина», т. I, ч. I—II, 1877, стр. 127—172. («Кроткая». Фантастический рассказ» ‹без предисловия «От автора»›. См.: наст. изд., т. XXIV. В собрание сочинений впервые включено в издании: *1883*, т. 11 (1882), стр. 5—404.

Печатается по тексту *ДП*$_2$ (январь) и *ДП*$_1$ (февраль—декабрь) с устранением явных опечаток и следующими исправлениями по *ДП*$_1$ и *НР*: *Стр. 6*, *строка 11*: «страстно» вместо «страшно» (по *НР* и *ДП*$_1$).

Стр. 7, строка 30: «опять „случайное“ семейство» вместо «опять „Случайное семейство“» (по *НР*).

Стр. 21, строка 2: «средина» вместо «середина» (по $ДП_1$).

Стр. 21, строка 48: «ничем не конфузящиеся» вместо «ничего не конфузящиеся» (по $ДП_1$).

Стр. 23, строка 3: «Чтение, если уж оно допущено» вместо «Чтение, если уже допущено» (по $ДП_1$).

Стр. 31, строки 34—35: «сколько их тогда народится» вместо «сколько их там народится» (по $ДП_1$).

1

М. А. Александров, метранпаж типографии Траншеля, в которой в 1873—1874 гг. печатался редактировавшийся Достоевским «Гражданин» (см. об этом: наст. изд., т. XXI, стр. 360—369), вспоминает, что, оставляя в апреле 1874 г. пост редактора «Гражданина», Достоевский в прощальном разговоре с Александровым сказал, что кроме писания «Подростка» у него на ближайшее время «есть кое-что в виду и другое». «А мы с Вами ненадолго расстаемся, Михаил Александрович. . . — с таинственным видом заявил в связи с этим Достоевский. — Мы опять с Вами что-нибудь будем печатать и, может быть, скоро. . . У меня есть кое-что в виду». На встречный же вопрос Александрова: «Не думаете ли вы свой журнал издавать, Федор Михайлович? Вам бы можно и следовало бы даже. . .» — Достоевский ответил мемуаристу: «Журнал не журнал, а что-нибудь в этом роде. . . Ну, посмотрим. Я думаю, что скоро; может быть, у Траншеля же и будем печатать. Увидимся!. . .Я ведь непременно к вам приду».

«Загадка эта разрешилась через полтора года, — добавляет к своему рассказу Александров, — Федор Михайлович говорил о своем намерении продолжать „Дневник писателя“ и печатать его в виде самостоятельного периодического издания» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 232—233).

Таким образом, уже в 1874 г., покидая «Гражданин», Достоевский мечтал в недалеком будущем продолжить выпуск «Дневника писателя» в увеличенном виде, в форме самостоятельного периодического издания. Но приступить к практическому осуществлению своего проекта Достоевский смог лишь в конце 1875 г., после завершения «Подростка».

Достоевский приступил к сбору материала для первых номеров «Дневника» 5 ноября 1875 г., еще до того, как были завершены переговоры с издателем П. Е. Кехрибарджи об отдельном издании «Подростка». Этим днем датированы первые заметки в записной тетради для январского номера «Дневника» (см. наст. изд., т. XXIV). Как свидетельствует та же тетрадь, с указанного времени идея возобновления «Дневника» в 1876 г. всецело захватывает писателя. День за днем он тщательно готовит материал, фиксирует его в тетради, обдумывает планы первых выпусков, закрепляет в своем сознании их основные темы, отдельные сложившиеся формулировки. Просматривая ежедневно текущую периодику, Достоевский пытается извлечь из русских газет и журналов основные факты, характеризующие «злобу дня», угадать скрытую за скупыми газетными строчками подлинную психологическую суть этих фактов, уловить по ним самое биенье пульса живой современности.

Возобновляя с 1 января 1876 г. издание «Дневника», Достоевский принципиально изменяет его структуру по сравнению с «Дневником» 1873 г. «Дневник» 1873 г. печатался в «Гражданине», и Достоевский как автор «Дневника» должен был, вольно или невольно, считаться с уже сложившимся типом этого еженедельника. Поэтому «Дневник» 1873 г. состоял внешне из ряда отдельных статей и фельетонов, каждый из которых мог иметь лишь ограниченный объем и был посвящен одной, строго определенной теме. Теперь же Достоевский не только сам берет на себя издание «Дневника», но и превращает его в особый, самостоятельный, выходящий периодически журнал, от начала до конца являющийся его единоличным органом. Каждая книжка «Дневника», написанная одним лицом, по содержанию приобретает своего рода «энциклопедический» характер; писатель получает в ней возможность в свободной,

удобной для него форме затронуть не одну, а множество тем, выступить перед читателем в нескольких различных жанрах. Он свободно беседует с читателем на злобу дня, обсуждает текущие дела, факты русской и западноевропейской общественной жизни, газетные сообщения, судебную хронику, делится событиями своей личной жизни — прошлой и настоящей. Причем все эти пестрые события и факты не просто сосуществуют на страницах «Дневника» — автор стремится раскрыть читателю их внутренние пересечения, показать тот связующий их общий смысл, который при более пристальном анализе обнаруживается во внешне удаленных друг от друга фактах и событиях, относящихся к разным сферам жизни и на поверхности между собой не связанных. Новая структура «Дневника» позволяет Достоевскому значительно более полно, чем это было для него возможно в 1873 г., приблизиться к тому замыслу журнала, носящего внешне форму «записной книги» и основанного на углубленной разработке материала текущей периодики, который возник у него еще в начале 1860-х гг. (см. об этом: наст. изд., т. XXI, стр. 371—372).

По словам А. Г. Достоевской, «. . .издавать „Дневник писателя“, в виде ежемесячного журнала, было затруднительно. На издание журнала и на содержание семьи (не говоря уже об уплате долгов) потребовались средства довольно значительные, а для нас составляло загадку — велик ли будет успех журнала, так как он представлял собою нечто небывалое доселе в русской литературе и по форме и по содержанию» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 244).

Зерно замысла нового «Дневника писателя» 1876 г. и его отличие от «Дневника» 1873 г. Достоевский очень точно охарактеризовал в объявлении об его издании, появившемся в конце 1875 г. в петербургских газетах и перепечатанном в конце январского выпуска «Дневника»: «Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных. Каждый выпуск будет выходить в последнее число каждого месяца . . .» (стр. 136).

Журнал, написанный и издаваемый одним лицом, не был в XIX в. новостью ни на Западе, ни в России. Таковы были, в частности, многие сатирические журналы XVIII в.: журналы Аддисона в Англии, Готшеда в Германии, Н. И. Новикова и И. А. Крылова в России. Но перечисленные (и другие) образцы сатирических журналов эпохи Просвещения не имеют какихлибо точек соприкосновения с жанром «Дневника писателя», замысел которого сложился в другую эпоху и имел иные психологические, идеологические и литературные истоки. «Моножурналы» просветителей имели, как правило, один и тот же устойчивый, морально-дидактический, сатирический характер, хотя внешне они складывались из ряда не связанных друг с другом сатирических портретов, зарисовок и очерков общественных «типов». «Дневник» же Достоевского предельно разнообразен по содержанию, но зато от начала до конца сцеплен единым авторским «голосом», единым дыханием и интонацией: обращаясь к отдельным, внешне разрозненным фактам русской и западной жизни и к несходным между собою их сферам, автор стремится раскрыть их общие «концы» и «начала», обнаружить связующие их внутренние нити, общий глубинный философский смысл.

Следует отметить, что, несмотря на то что общие контуры «Дневника» довольно отчетливо вырисовывались перед автором к концу 1875 г., в своих письмах писатель позднее не раз продолжал утверждать, что жанр «Дневника» для него самого не вполне уяснился, и он лишь продолжает его нащупывать. С этим связаны и те различные определения жанра «Дневника», которые мы встречаем в письмах Достоевского. Так, 7 января 1876 г. он писал П. А. Исаеву в связи со слухами о «Дневнике»: «Я никакого журнала не издаю; я хотел бы издавать *сочинение* и, не имея к тому средств, думаю издать по подписке» (курсив наш, — *ред.*). А 4 дня спустя, 11 января, отвечая В. С. Соловьеву, намеревавшемуся пустить в публику несколько сведений о «Дневнике писателя» с целью содействовать его успеху и запрашивавшему у него

соответствующую информацию, писатель отвечал: «Без сомнения „Дневник писателя“ будет похож на фельетон, но с тою разницею, что фельетон за месяц естественно не может быть похож на фельетон за неделю. Тут отчет о событии не столько как о новости, сколько о том, что из него ‹...› останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу связывать себя даванием отчета... Я не летописец: это, напротив, совершенный *дневник* в полном смысле слова, т. е. отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично — тут даже каприз».

Эта автохарактеристика «Дневника» непосредственно перекликается с текстом объявления об его издании, дополняя последнее. Однако уже через три месяца, 9 апреля 1876 г., Достоевский жалуется Х. Д. Алчевской, что форма «Дневника» для него самого еще не определилась, так как, приступая к изданию, он не представлял себе всех трудностей избранного им жанра открытого публике дневника, — определение, которое таит в себе неразрешимое внутреннее противоречие: «Верите ли Вы, например, тому, что я еще не успел уяснить себе форму „Дневника“, да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, так что „Дневник“ хоть и два года, например, будет продолжаться, а всё будет вещью неудавшеюся».

О трудностях работы над «Дневником» автор тогда же сообщал: «. . . у меня 10—15 тем, когда сажусь писать (не меньше). Но темы, которые я излюбил больше, я поневоле откладываю: места займут много, жару много возьмут ‹. . .›, номеру повредят, будет неразнообразно, мало статей, и вот пишешь не то, что хотел».

Достоевский рассматривал работу над «Дневником» не только как осуществление дорогого ему, давно возникшего замысла, но и как своеобразную творческую лабораторию, необходимую для подготовки к писанию обдумывавшегося им романа (т. е. «Братьев Карамазовых»; план его в 1876 г. еще не определился и рисовался автору лишь в более или менее общих очертаниях — см. об этом т. XV, стр. 400—401). В названном письме от 9 апреля 1876 г. романист писал по этому поводу Алчевской: «Вы сообщаете мне мысль о том, что я в „Дневнике“ „разменяюсь на мелочи“. Я это уже слышал и здесь. Но вот что я, *между прочим*, Вам скажу: я вывел неотразимое заключение, что писатель — художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность ‹. . .› Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем для меня, например, молодое поколение, а вместе с тем — современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще двадцать лет назад ‹. . .› вот почему я некоторое время и буду штудировать и рядом вести „Дневник писателя“, чтоб не пропадало даром множество впечатлений».

2

Приступая к возобновлению «Дневника писателя», Достоевский, как мы уже знаем, хотел, чтобы за печатанием «Дневника» наблюдал М. А. Александров; к совместной работе с ним писатель успел привыкнуть за время работы в «Гражданине». Так как Александров с начала 1875 г. оставил работу у Траншеля и перешел в другую типографию — князя В. В. Оболенского (помещавшуюся в Петербурге, на Николаевской ул.; ныне ул. Марата, д. 8), то печатание «Дневника» было перенесено сюда. Сохранился подробный рассказ Александрова о первом посещении Достоевским типографии Оболенского и о его переговорах с владельцем типографии — «дилетантом-любителем печатного дела», а затем с Александровым об организации и условиях печатания «Дневника» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 234—235). При этом Достоевский «сказал, что образцом формата и вообще внешнего вида своего „Дневника“ он избрал издание Гербеля («Европейские классики в переводе русских писателей»), но более крупным шрифтом и с большими

промежутками между строк <...> Хозяйственную часть издания, то есть все расчеты с типографиею, с бумажною фабрикою, с переплетчиками, книгопродавцами и газетчиками, а также упаковку и рассылку издания по почте с самого начала „Дневника писателя“ приняла на себя супруга Федора Михайловича Анна Григорьевна» (там же, стр. 235—238).

Об издании «Дневника» тот же Александров сообщает: «Выходил „Дневник писателя“ <...> один раз в месяц, выпусками или номерами, в объеме от полутора до двух листов in quarto (по шестнадцати страниц в листе), и весь, за исключением, разумеется, объявлений, принадлежал перу Федора Михайловича. Вначале Федор Михайлович выпускал свой „Дневник“ в свет в последнее число каждого месяца, аккуратно, рано утром, „как газету“, по его собственному выражению, и относительно точности выполнения этих сроков он, во время предварительных переговоров, просил от нас честного слова <...> При всем том он не скрывал ни от себя, ни от нас своих опасений за себя, ввиду удручающего влияния на него срочности предстоящей ему литературной работы; он просил меня выручать его при случае, то есть наверстывать в типографии могущие случиться за ним просрочки в присылке оригинала, и мне неоднократно приходилось исполнять эту просьбу... Начинать упомянутую присылку оригинала Федор Михайлович обещал 17—18-го числа каждого месяца, а кончать ее условлено было за три дня до выхода выпуска в свет, — и вот тут-то и приходилось *наверстывать* в типографии, так как Федор Михайлович именно окончанием-то присылки и опаздывал нередко; <...> надо было иметь время на набор, корректуру типографии, корректуру автора, после которой Федор Михайлович только и допускал посылку корректуры к цензору, которого торопить, как известно, не полагается, верстку и затем опять корректуру автора и корректуру типографии и, наконец, печатание <...> Таким образом, во всех случаях типографии приходилось оканчивать номера „Дневника писателя“ лишь накануне их выхода, и притом так, что последний лист всегда печатался ночью» (там же, стр. 236—238).[1]

Сам Достоевский 9 апреля так описывал Х. Д. Алчевской обычный ход работы над «Дневником»: «... кончаю работу примерно к 25-му месяца, но остаются хлопоты с типографией, затем с рассылкой и проч.». Однако в действительности творческая работа над очередным номером нередко затягивалась. Первые главы его начинали набираться до окончания всего номера, последние же посылались вдогонку уже после 25-го числа. Так, 28—29 января 1876 г. Достоевский писал Александрову: «... вот окончание №, от 4-й до 8-й странички включительно»; 28 апреля: «Вот Вам подписанная корректура первого листа и *окончательный текст*: „За умершего“, 3½ полулистка, 7 страниц»; 28 мая: «... посылаю Вам окончание майского №», и т. д.

Даты цензурных разрешений отдельных номеров «Дневника» 1876 г. (вслед за ними в скобках указываются даты выхода тех же номеров, если они известны): январь — 30 (31); февраль — 28 (29); март — 30 (31); апрель — 29 (30); май — 30 (31); июнь — 30; июль и август — 2 сентября; сентябрь — 29 (30); октябрь — 30 (31); ноябрь — 1 декабря; декабрь — 29 (31).

Из приводимого перечня видно, что «Дневник» в 1876 г. выходил регулярно каждый месяц, кроме июля, так как перед отъездом в июле для лечения в Германию в Эмс Достоевский решил объединить номера за июль и август в одной книжке, о чем 26 июня он сообщал М. А. Александрову: «В конце объявлений будет вместо обыкновенного извещения о дне выхода *дневника* следующее: „Следующий выпуск «Дневника писателя» появится 31-го августа, за июль и за август вместе, в двойном количестве листов“» (извещение это было соответственно напечатано в конце июньского номера).

Согласно рассказу Александрова, Достоевский, боясь за судьбу рукописей, обычно «сдавал их в типографию лично» или передавал через жену. Лишь

---

[1] Различным аспектам истории издания «Дневника писателя» за 1876 и 1877 годы посвящен ряд специальных публикаций И. Л. Волгина, ссылки на которые даются ниже по ходу изложения. Ср.: И. Л. В о л г и н «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. Автореф. канд. дисс. М., 1974.

в редких случаях передача рукописи производилась через посредство того же Александрова или рассыльного из типографии. «Приготовив оригинал, Федор Михайлович рассчитывал по особому, употреблявшемуся им способу — по количеству не букв, <. . .> а слов — сколько из отсылаемого оригинала выйдет печатных строк и затем страниц. . .». Затем рукопись шла в типографию, а летом, если Достоевский находился в Старой Руссе, посылалась тремя-четырьмя порциями в течение подготовки одного выпуска *«страховою корреспонденцией»* в Петербург. «Дня за три до выхода выпуска „Дневника" в свет он приезжал в Петербург» и лично паблюдал за печатанием «Дневника», после же его выпуска «несколько дней отдыхал душою и телом, <. . .> наслаждаясь успехом его. . .» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 247—248).

Если Достоевский передавал рукопись в типографию не сам, то прилагал к ней записку к Александрову с указаниями и пояснениями. Эти записки (всего их сохранилось 50, в том числе 8 за 1873—1874, 18 за 1876 и 24 за 1877 год) — важнейший источник сведений о творческой и цензурной истории «Дневника». Они раскрывают динамику авторской работы над отдельными выпусками, позволяют во многих случаях установить даты их завершения и выпуска в свет.

О распространении «Дневника» М. А. Александров пишет: «Подписка на „Дневник писателя" хотя и принималась с самого начала издания, но она никогда не была относительно велика; он расходился главным образом в розничной продаже; в Петербурге большинство читателей его предпочитало простую покупку выпусков подписке, потому что купить новый выпуск <. . .> всегда можно значительно ранее. . .». В дни выхода очередного выпуска «у газетных торговцев можно было видеть „Дневник", особенно выставляемый ими на вид как интересная новинка» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 239—240).

Первый выпуск «Дневника» был напечатан в 2000 экземпляров. «С выходом в свет второго, февральского выпуска возобновился спрос на разошедшийся <. . .> первый <. . .> Второй выпуск разошелся в публике в течение нескольких дней, так что набор его стоял еще в типографии неразобранным, когда понадобилось второе издание в том же количестве экземпляров, как и первое; первый же выпуск был набран вновь и также напечатан вторым изданием <. . .> С последовавшими выпусками „Дневника" интерес к нему публики все более и более увеличивался, так что до наступления лета „Дневник" печатался уже в количестве шести тысяч экземпляров» (там же, стр. 240).

Письма Достоевского и архивные материалы позволяют внести небольшие уточнения и коррективы в эти свидетельства метранпажа: так, из письма издателя «Дневника» к В. П. Полонскому от 4 февраля 1876 г. видно, что январский выпуск допечатывался дважды: уже к 4 февраля он был выпущен тиражом не в 2000, а в 3000 экземпляров, причем в одном лишь Петербурге они разошлись в течение 4 дней.[1] «Что же до Москвы — до городов, то не знаю, продается ли там хоть один экземпляр, там это не организовано, и к тому же все буквально не понимают, что такое „Дневник" — журнал или книга?» — писал автор, беспокоившийся о дальнейшей судьбе издания. Опасения эти оказались напрасными: 10 марта 1876 г. Достоевский мог с удовлетворением сообщить брату Андрею Михайловичу: «Издаю „Дневник писателя", подписка невелика, но покупают отдельно (по всей России) довольно много. Всего печатаю в 6000 экземплярах и все продаю, так что оно, пожалуй, и идет». Это авторское свидетельство дополняют следующие слова А. Г. Достоевской в письме к тому же младшему брату писателя от 11 марта 1876 г.: «„Дневник" пошел сильно в ход; кроме годовых подписчиков (их у нас до полутора тыс<яч>) у нас отлично идет розничная продажа; мы издаем „Дневник" в шести тысячах и почти все продаем. Но, не довольствуясь тем, что „Дневник" рас-

---

[1] О том, что январский выпуск «Дневника» допечатывался дважды, свидетельствует Страхов (*Биография*, стр. 300). Очевидно, сначала его было отпечатано 2000 экз., затем (сразу с того же набора) еще 1000; впоследствии было выпущено второе издание тиражом в 3000 экз. — *ДП*$_2$.

ходится в Петербурге и в Москве, я распространяю его в провинции и разослала знакомым книгопродавцам в Киеве. Одессе, Харькове и Казани. Оттуда приходят ко мне добрые вести: напр‹имер›, в Казани Дубровин в несколько дней продал 125 экз. 1-го № и просил высылать ему по 100 экз. ежемесячно; в других городах продажа идет тоже очень успешно» (*ЛН*, т. 86, стр. 446—447; текст сверен с автографом письма — *ИРЛИ*, оп. 1, ф. 56, № 56, л. 1—1 об.).

К концу года «Дневник» имел, по свидетельству Страхова, 1982 подписчика, а в 1877 г. — 3000 подписчиков (*Биография*, стр. 300). По подсчетам И. Л. Волгина, основанным на материалах цензурного ведомства за 1876 г. (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 11, 1877, ед. хр. 1, л. 105), общий объем «Дневника» за этот год составил $21^1/_4$ печатного листа, расходились отдельные номера «Дневника» в количестве от 6000 (в зимние месяцы) до 4000 (летом, когда розничная продажа несколько сокращалась).[1]

Через два года комплект «Дневника писателя» за 1876 год был переиздан с новым титульным листом: «Дневник писателя за 1876 г. Ф. М. Достоевского. СПб. Типография Ю. Штауфа (И. Фишера). Кузнечный переулок № 20. 1879. (Цензурное разрешение 28 декабря 1878)». Для этого издания была использована неразошедшаяся и сохранившаяся в распоряжении автора часть тиража февральско-декабрьского выпусков «Дневника», отпечатанных в 1876 г. (*ДП*$_1$), к которой было добавлено напечатанное с нового набора второе издание выпущенного в 1876 г. меньшим тиражом и полностью распроданного тогда же январского выпуска (*ДП*$_2$).

3

О творческой работе Достоевского над «Дневником» мы располагаем следующим свидетельством Александрова: «. . .статьи для „Дневника писателя" писались с большою натугою и вообще стоили Федору Михайловичу больших трудов. Первою и самою главною причиною трудности писания для Федора Михайловича было его неизменное правило: обрабатывать свои произведения добросовестно и самым тщательным образом; второю причиною было требование сжатости изложения, а иногда даже прямо определенные рамки объема журнальных статей; наконец, третьею причиною была срочность писания подобных статей ‹. . .› редкие из его манускриптов обходились без одного или даже двух черняков, которые потом, для сдачи в типографию, непременно переписывались или самим Федором Михайловичем, или Анною Григорьевною, писавшею под его диктовку с черняков» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 246).

Как явствует из дошедших до нас источников текста, авторская работа над «Дневником писателя» имела несколько стадий. Самая ранняя из них представлена двумя записными тетрадями, содержащими заметки и заготовки для будущих номеров «Дневника». Обе тетради (*ЗТ*$_1$; ноябрь 1875—апрель 1876; *ЗТ*$_2$; апрель—декабрь 1876) воспроизводятся в т. XXIV настоящего издания (с исключением художественных текстов, опубликованных в XVII т.). Обе названные тетради отражают первый этап работы автора над «Дневником» и раскрывают самую методику его работы. Перечитывая их, мы как бы незримо присутствуем в рабочем кабинете Достоевского и наблюдаем, как он, читая текущие газеты, извлекает из них отдельные заинтересовавшие его факты. Мы узнаем, какие оценки и какую реакцию они у него вызывают, видим, как, обогащаясь различными ассоциациями и аналогиями, эти факты ведут писателя к более широким выводам и обобщениям и как эти

[1] См.: И. Л. Волгин. Редакционный архив «Дневника писателя». — *РЛ*, 1974, № 1, стр. 156; вторая половина названной статьи (стр. 154—161) содержит подробные сведения о тираже, подписке на «Дневник писателя» и распространении его в 1876—1881 гг.

обобщения, созревая в сознании романиста, приобретают ту законченную форму, которую они получили на страницах публицистики Достоевского. Наблюдения, почерпнутые из повседневной жизни, и скупые газетные сообщения постепенно обрастают психологической «кровью и плотью», а дальнейшие размышления над ними ведут автора «Дневника» порою к глубоким, а нередко и к парадоксальным выводам и заключениям. В сопоставлении, с одной стороны, с комментарием к «Дневнику», где кратко охарактеризован основной газетный материал, привлекавший внимание Достоевского, а с другой — с текстом «Дневника» его заметки позволяют проследить ход творческого процесса, определить, на какой материал опирался Достоевский в каждом конкретном случае, подготовляя отдельные номера «Дневника» за 1876 г.

Внимание Достоевского останавливает на себе не только центральная, но и местная печать, не только столичные, но и провинциальные известия. Его равно волнуют крупные события политической жизни, научные открытия, нашумевшие судебные процессы 70-х гг., железнодорожные катастрофы, незначительные на первый взгляд заметки хроники или помещенные в газете объявления, за сухими строчками которых Достоевский угадывает присутствие скрытой житейской драмы, требующей пристального анализа психолога и публициста. Наряду с взволнованными заметками о милитаризме бисмарковской Германии, о президенте Третьей республики (и монархисте в душе) Мак-Магоне, реакционном претенденте на испанский престол доне Карлосе, об англиканской церкви и католическом Риме с его притязаниями на всемирное владычество и попыткой предложить новое, универсальное решение «социального вопроса» мы находим в тетрадях Достоевского краткое изложение его опытов морально-психологического, а порой и социологического истолкования многочисленных вопросов русской и зарубежной жизни 70-х гг. (частично использованных Достоевским в «Дневнике писателя») — от анализа распределения мест между партиями или итогов голосования во французской Палате депутатов до бегства из дома гимназиста, спрятавшегося «у Спаса под престолом».

Извлекая из газет факты и сообщения, которыми он намеревался воспользоваться в своей публицистике, Достоевский сопровождает их своими пояснениями и комментариями, подчиняет их развертыванию того комплекса политических, философских, литературно-эстетических взглядов, которые он проводил на страницах «Дневника писателя» в последний период своей жизни. Эти взгляды часто отчетливо намечаются уже в рабочей тетради Достоевского.

Накопив необходимый материал, Достоевский переходил к составлению плана очередного выпуска. К планам этим он зачастую возвращался по нескольку раз, многократно уточняя и изменяя название главок и состав соответствующего выпуска «Дневника». Помимо записных тетрадей сохранился ряд аналогичных планов многих выпусков «Дневника» на отдельных, разрозненных листах; другие такие же листы содержат различного рода черновые наброски и отрывки, возникшие на следующем после первоначальных заметок, сделанных в записной тетради, этапе творческого процесса.

Дальнейшие стадии авторской работы представлены автографами $ЧА_1$ и $ЧА_2$, содержащими связный текст первоначальной редакции большинства выпусков «Дневника». Автографы эти служили основой для изготовления наборной рукописи (*НР*) (переписанной рукою самого Достоевского или его жены с многочисленными последующими его поправками и дополнениями). Изготовление наборной рукописи не было механическим процессом: перед перебелкой или в ходе ее текст черновой рукописи подвергался сокращениям, перерабатывался или стилистически правился автором.

Выше приводилось письмо Достоевского к Алчевской о том, что в процессе работы над многими выпусками «Дневника» ему приходилось, чтобы уложиться в заданный объем, отказываться от разработки части волновавших его тем. О том же говорится в январском выпуске «Дневника писателя» («Но вот, однако же, исписал всю бумагу и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере» — стр. 32). А сразу же

после выхода этого выпуска 4 февраля 1876 г. Достоевский писал Я. П. Полонскому: «Дневником моим я мало доволен, хотелось бы в 100 раз больше сказать. — Хотел очень (и хочу) писать о литературе и об том именно, о чем никто, с тридцатых еще годов, ничего не писал: *о чистой Красоте.* Но желал бы не сесть с этими темами и не утопить „Дневник“».

Подготовительные материалы к «Дневнику» в обеих записных тетрадях содержат заготовки для будущей разработки как перечисленных Достоевским, так и многих других тем. Ряд тем был более подробно, чем в окончательном тексте, развит автором в черновых набросках. Из числа таких набросков, имеющих самостоятельный интерес, следует особо выделить фрагменты с описанием елки в клубе художников с характеристиками театра петрушки и писателя-актера И. Ф. Горбунова, о «Подростке» с проникновенной авторской характеристикой образа главного героя этого романа (см. ниже), о романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», о судьбе осужденной Корниловой и ее ребенка, о самоубийстве дочери Герцена (т. XXIII) и др.

Во фрагменте, не вошедшем в текст январского выпуска, Достоевский характеризует балаганные представления петрушечников как «бессмертную народную комедию». И тут же у него возникает проект переработки этой комедии, родственный замыслу «Дневника писателя», — проект насытить ее острозлободневным содержанием: «Но можно бы и смыслу придать: сохранить бы всё, как есть, но кое-что и вставить в разговоры, например, Пульчинеля с Петрушкой. Трахнул банк в Москве, полетели вагоны с рекрутами, и вот Пульчинель вне себя:

— Так все 117 убиты?

— Нет, всего только двое. . .» (и т. д. — см. стр. 181).

Еще в пору писания и печатания «Подростка» Достоевский собирался ответить своим критикам (см. т. XVI, стр. 329—330; т. XVII, стр. 326). В декабре 1875 г., когда готовился январский выпуск «Дневника», закончилось печатание «Подростка». И снова Достоевский вернулся к мысли разъяснить читателям некоторые стороны характера главного героя, его проекта стать «Ротшильдом». В черновом автографе главки «Будущий роман. Опять случайное семейство» есть такое разъяснение (см. *ЧА*, варианты к стр. 8, строки 7—8, *а*). Взамен него Достоевский позднее писал: «Я ‹. . .› взял не серединную, а уединенную душу. Не знаю, понятно ли вышло. Иные, кажется, поняли. Но главный, будущий роман мой будет гораздо яснее, полнее и непосредственнее, как говорили у нас при Белинском. Кому же не запрещено надеяться» (там же, строки 7—8, *б*).

Среди подготовительных набросков к январскому выпуску «Дневника» примечательны два листа, озаглавленные «Сюжеты для романов» (см. стр. 146). Здесь — и начало связного текста главы, и подготовительные наброски к ней.

Достоевский пишет, что хотел бы изобразить героя «твердого, из русских», «истинно прекрасных» людей, часто не понятых «срединой», принимаемых за чудаков. Таковы не только Колумб, Галилей (и, в другой связи, Фребель и Песталоцци), но и Ф. П. Гааз («генерал Гас»), педагоги Исаков и Цейдлер («Цербет»), безвестный чиновник, воспитывающий подкидышей, студент-педагог (см. стр. 146). Достоевский говорит о необходимости выработки национальной системы воспитания, противопоставляя ее бюрократическому чиновничьему подходу к делу («Порешили циркулярами. Циркулярами порешать легко», стр. 148). Намечаются сюжеты о мальчиках в различного рода учебных заведениях (гимназия, военная школа), о страданиях воспитанников, попытках бегства и т. п. Возникают ассоциации с детскими образами Диккенса (Оливер Твист, Давид Копперфильд), Льва Толстого (см. там же). Подобные темы присутствовали уже в творчестве Достоевского 1840—1860-х гг. Живо занимали они писателя и в пору работы над «Дневником писателя», а также над «Братьями Карамазовыми» (ср. наст. изд., т. XV, стр. 199).

В подготовительных материалах к «Сюжетам для романов» намечены и другие образы (возможно, центры неоформившихся сюжетов): высокомерного чиновника-генерала, боящегося уронить свое генеральское достоинство, ци-

ничного подростка-«отрицателя», испуганного возможностью стать смешным в глазах общества и сваливающего все на среду («заеден средой»), и др. (см. стр. 146, 149).

Обдумывая главку «Сюжеты для романов», Достоевский опирался не только на педагогические статьи других журналов (он мог, в частности, знать статью Л. Толстого «О народном образовании», напечатанную в «Отечественных записках» в 1874 г. и упоминаемую в черновых набросках к «Братьям Карамазовым» как уже ранее ему известную), материалы, публиковавшиеся в «Гражданине» в 1873 г., собственные свои статьи из «Дневника писателя» за 1873 г. (см. ниже), а также на некоторые главы седьмой части «Былого и дум» Герцена, напечатанной в 1870 г. Так, говоря о «мелких отрицателях», он перекликается с Герценом, характеризующим представителей молодой эмиграции в «Былом и думах» как «угловатых и шершавых представителей „нового поколения“, которых можно назвать *Собакевичами и Ноздревыми нигилизма*» (*Герцен*, т. XI, стр. 350. См. также ниже, стр. 394).

Замысел Достоевского был им оставлен. Отдельные же проблемы, связанные с образами детей и вопросами воспитания, нашли отражение как в «Дневнике писателя» за 1876 г., так и позднее, в «Дневнике писателя» 1877 г. (ср. в последнем главу «Именинник» январского выпуска или главу первую июльско-августовского выпуска) и в романе «Братья Карамазовы».

В черновых рукописях к майскому выпуску «Дневника» также содержатся отброшенные в ходе работы фрагменты.

Так, в связи с судом над Каировой Достоевский в качестве примера, поясняющего поведение преступницы, рассказал историю Раскольникова, раскрывая при этом идейную подоплеку преступления и психологию поведения убийцы (см. наст. изд., т. XXIII).

Среди предварительных заготовок-заметок к этому же, майскому выпуску значительное место уделено проблеме личной ответственности преступника за содеянное. Причем некоторые идеи Достоевского высказаны здесь в более обнаженной форме, чем в опубликованном тексте. Например: «Есть совесть и сознание. Есть всегда сознание, что я сделал дурно и, главное, что я мог сделать лучше, но не хотел того. Пусть присяжные прощают преступников, но беда, если преступники сами начнут прощать себя и говорить: „Это была болезнь, я не мог сделать иначе“. Кончат тем, что скажут: я и не должен был сделать иначе. Совесть надо подымать, развивать, а не затемнять. Свобода не в том, чтоб не сдерживать себя, а в том, чтоб владеть собою».

Считая личность ответственной за свои поступки, Достоевский не отрицал влияния общества на формирование натуры человека. Об этом он писал и в черновой рукописи главки «Нечто об одном здании», где речь шла о подкидышах, воспитывающихся за счет государства. Там сказано: «. . . если общество возвысится до гуманной идеи о сознании своего долга к этим несчастным вышвыркам, то не может оно и само не улучшиться, а в улучшенном обществе улучшится и мать, улучшится и сознание долга родительского. ‹. . .› чем небрежнее оно (общество, — *ред.*) относится к этим вышвыркам, тем вернее лишает их средств приобресть чувства долга, чести, гражданина ‹. . .› стало быть рискует породить негодяев самому себе же во вред» (см. там же).

С точки зрения Достоевского, общество должно заботиться и о перевоспитании преступника. Об этом шла речь в подготовительных набросках к тому же майскому выпуску «Дневника»: «Вот другой вопрос совершенно — о наказании. Во всяком случае общество имеет право удалять развратного негодяя ‹. . .› можно перевоспитать его. Не в одном прощении милость. Лишение свободы и труд, и суровый труд необходимы для иной развратной природы».

Тургенев в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1876 г. упоминается неоднократно. Чаще всего Достоевский вспоминает Потугина. Этот персонаж из романа «Дым» был для него олицетворением крайнего западничества, истоки которого уходили в 1840-е гг.

В одном из отброшенных вариантов текста чернового автографа было сказано: «Ив. Тургенев <. . .> представил нам <. . .> дрянной и чуждый тип — Потугина, с любовью нарисованный, олицетворяющий собою идеал сороковых годов ненавистника России и народа русского со всею ограниченностью сороковых годов, разумеется» (см. *ЧА*, вариант к стр. 44, строка 14).

В противоположность «Дыму» «Дворянское гнездо» Тургенева Достоевский назвал там же «вечным» произведением. Такая высокая оценка романа обусловливалась тем, что «тут сбылся — как утверждает автор — впервые с необыкновенным достижением и значительностью, пророческий сон всех поэтов наших и всех страдающих мыслию русских людей, гадающих о будущем, сон — слияние оторвавшегося общества с душою и силой народной» (там же).

Приведенные выше цитаты взяты из отрывка, исключенного Достоевским еще на стадии работы над черновой рукописью главки «О любви к народу» из февральского выпуска.

В 1876 г. о «Дворянском гнезде» в ином аспекте и в связи с другими персонажами этого романа Достоевский писал в апрельском выпуске «Дневника». Впоследствии, в «Речи о Пушкине», Достоевский причислил Лизу из «Дворянского гнезда» к «положительному типу русской женщины».

Несмотря на то что «Дым» Тургенева вышел в свет в 1867 г., то есть к тому времени, когда создавался «Дневник» 1876 г., прошло уже почти десять лет, Достоевский держал в сознании этот роман, постоянно вызывавший у писателя творческие ассоциации.

Так, помимо многочисленных упоминаний о Потугине и о Тургеневе как авторе «Дыма» в рукописных материалах на последней стадии работы над третьей главой июльско-августовского выпуска Достоевский вставил, очевидно уже в наборную рукопись, пересказ анекдота из «Дыма» о двух русских, состязавшихся в парижском кафе в знании тонкостей французского языка (см. наст. изд., т. XXIII).

В черновом автографе главки «Постыдно ли быть идеалистом» (июльско-августовский выпуск «Дневника») более широк, чем в окончательном тексте, вариант рассуждения автора о сущности реального и идеального. Причем в автографе эта проблема была поставлена на материале искусства. «Реалист, рисуя человека, как он есть, рисует потому, что любит его, желает, чтоб он был лучше и ему было лучше, стало быть — к идеалу! Идеал<ист> — реалист уже в законченном. В искусстве упрекают идеалиста в фантастическом. Но ведь фантастичность форма лишь, а сущность-то реальна, тот же человек, облитый любовью и поклонением. Мадонны были в небе, но они люди, женщины. То-то и дорого! И идеалист, и реалист пришли к одной точке исхода, к любви, лишь приемы различны» (см. наст. изд., т. XXIII).

В октябрьском выпуске «Дневника» в главке «Два самоубийства» Достоевский касается проблемы соотношения художественного образа с действительностью. Разговор на эту тему он ведет со Щедриным, который говорит: «. . . что бы вы ни изображали — всё выйдет слабее, чем в действительности» (наст. изд., т. XXIII). Судя по рукописным наброскам, диалог этот должен был иметь продолжение. Об этом свидетельствуют следующие заметки: «Он забыл (Щедрин), что действительность определяют поэты», — и в другом месте: «Искусство побеждает и осмысливает в иное достоянье» (там же). Тут же Достоевский замечал: «Кстати, что такое фантастическое в искусстве? — Побежденные и осмысленные тайны духа навеки. Родоначальник Пушкин: „Пиковая Дама“, „Медный всадник“, „Дон-Жуан“». Называя действительность «фантастической», Достоевский протестовал против прямолинейной простоты в определении сущности явлений жизни, и в особенности жизни русской (ср. заметку: «Я ничего не знаю фантастичнее России» — там же).

Среди записей о «фантастичности» действительности встречаем следующую: «Фантастическое, корреспондент, дочь Герцена. Проза, не матерьялизм заставил фантастическую душу? Вглядываться в значение жизни не в силах. Одностороннее направление матерьялизма <. . .> Дочь Герцена — просто *не выдержала простоты*» (там же).

Эта заметка — зерно главки «Два самоубийства», в черновом же автографе этой главки говорится не только о фактах, связанных с трагической смертью Лизы, но и выясняются обстоятельства ее жизни в семье, где она впитала прямолинейность, привитую ей «в доме отца еще с детства» (там же), дается характеристика Натальи Герцен и весьма подробно освещается личность самого Герцена. Достоевский утверждает здесь, что причиной самоубийства Лизы было то, что «она возросла в полном материализме, даже, может быть, вопрос о духовном начале души, о бессмертии духа и не пошевелился в ее уме во всю жизнь». В то же время «убеждений своего покойного отца, его стремительной веры в них у ней, конечно, не было. ‹. . .› И вот, что для отца было жизнью и источником мысли и сознания, для дочери обратилось в смерть» (там же).

Октябрьский выпуск «Дневника писателя», в особенности главки «Два самоубийства» и «Приговор», вызвали полемику и побудили Достоевского отвечать в декабрьском выпуске «Дневника» оппонентам. В главках «Голословные утверждения», «Кое-что о молодежи», «О самоубийстве и о высокомерии» писатель вернулся к обсуждению участившихся фактов «странных и загадочных» самоубийств, к которым он относил и смерть Лизы Герцен.

В дефинитивном тексте «Дневника» Достоевский повторил и развил высказанный им уже ранее тезис: «. . . в большинстве, в целом прямо или косвенно, эти самоубийцы покончили с собой из-за одной и той же духовной болезни — от отсутствия высшей идеи существования в душе их» (там же). Однако черновые наброски к этим главкам свидетельствуют, что само понятие «высшая идея существования» не было для Достоевского столь уж однозначно. Так, затронув проблему соотношения нигилизма и атеизма, Достоевский пишет: «. . . чем менее на твердой, естественной и народной почве стоит наше общество, тем сильнее в нем эта потребность „высшей мысли“ и „высшей жизни“ ‹. . .› В этом смысле даже самый нигилизм есть, конечно, в основе своей потребность высшей мысли. Нигилизм можно в этом смысле отчасти сравнить с атеизмом, то же самое беспокойство, которое увлекает и манит жаждущую веры душу к небесам, заставляет и атеиста отвергать веру в эти небеса» (там же).

Другой сохранившийся к тем же главкам отрывок специально посвящен молодежи, Достоевский пишет в нем о «юных чистых душах» «с порывом к великодушию, с жаждой идеи высшей, сравнительно с ординарными и материальными интересами, управляющими обществом» (см. там же).

Этот разряд молодых людей, по определению Достоевского, «самый несчастный». «Этими самыми душами, — утверждал он, — часто овладевают идеи сильные, всего чаще чужие, всего чаще у нас — захожие, европейские, из разряда сулящих счастье человечеству, и для того требующих коренной реформы человеческих обществ» (там же).

В декабрьском выпуске, посвященном молодежи, Достоевский коснулся проблемы, затронутой им уже в мартовском выпуске «Дневника», в главке «Единичные явления», но сделал теперь это на более широком общественном фоне.

Общность темы этих двух выпусков обнаруживается и в черновых набросках к ним; они близки по содержанию (ср. стр. 161—164 и т. XXIII).

События современной писателю общественно-литературной, политической жизни, а иногда и факты «текущей действительности» вызывали у Достоевского ассоциации, связанные с его собственной личной или творческой биографией.

Так, в черновой рукописи главки «Простое, но мудреное дело», посвященной судебному процессу по делу Корниловой, описывая путь в Сибирь, который проходят осужденные на каторгу, Достоевский опирался на собственный опыт. Здесь же писатель вспоминал и о лишних месяцах, которые он провел на каторге в результате «бюрократической ошибки». Этот отрывок был исключен в черновой же рукописи, а событиям, связанным с пребыванием на каторге, Достоевский посвятил специальную главу «Старина о петрашевцах» в «Дневнике писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV).

Набранные в типографии листы направлялись цензору, после одобрения которого — с учетом его исправлений — тираж «Дневника» печатался и рассылался подписчикам или поступал в продажу.

4

После того как решение об издании было принято окончательно, 22 декабря 1875 г. Достоевский направил в Главное управление по делам печати прошение о разрешении ему с 1876 г. издавать «Дневник писателя».

В прошении он характеризовал «Дневник» как «сочинение», которое будет выходить периодически, «ежемесячными выпусками от одного до полутора печатн‹ых› листов в два столбца» и будет представлять «отчет о всех действительных впечатлениях» его «как русского писателя, отчет о всем виденном, слышанном и прочитанном». Из текста прошения видно, что до подачи его Достоевский обращался в С.-Петербургский цензурный комитет, который, ввиду периодичности издания «Дневника», отослал его в Управление по делам печати.

27 декабря начальник Управления В. В. Григорьев (профессор-востоковед, по свидетельству А. Г. Достоевской, лично знакомый с ее мужем с 1872—1873 гг., см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 219, 441, 442) представил министру внутренних дел Тимашеву доклад, в котором писал, что «полагал бы возможным удовлетворить ‹. . .› ходатайство просителя». Получив в тот же день разрешение министра, Григорьев 30 декабря 1875 г. направил С.-Петербургскому цензурному комитету бумагу о разрешении издания «Дневника» «ежемесячными выпусками» по цене 2 рубля по годовой подписке и 20 коп. в розничной продаже за отдельный выпуск (*НВр*, 1885, 28 января, № 3204; *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 239, 240, 260; *РЛ*, 1970, № 4, стр. 106—108).

Докладывая министру просьбу Достоевского разрешить издание «Дневника», Григорьев сделал оговорку, что он считает нужным, «чтобы сочинение это выходило с дозволения предварительной цензуры». В письме Главного управления по делам печати С.-Петербургскому цензурному комитету также говорится, что министр разрешил издание «Дневника», «но с тем, чтобы сочинение выходило в свет *не иначе, как с дозволения предварительной цензуры*» (подчеркнуто нами, — *ред.*). Между тем по действовавшему тогда цензурному уставу предварительная цензура была необязательной: большинство журналов цензуровались в 1870-х гг. не до, но после напечатания. Возникает вопрос, почему для журнала Достоевского было сделано исключение и он был поставлен в цензурном отношении в более тяжелые условия, чем другие издания?

Отвечая на этот вопрос, Александров сообщает в своих воспоминаниях, что о предварительном цензуровании «Дневника» просил сам Достоевский.

Вот свидетельство его о цензурной истории «Дневника»: «Главное управление по делам печати, разрешая Федору Михайловичу издание „Дневника писателя“, предлагало ему выпускать „Дневник“ без предварительной цензуры, под установленной законом ответственностию его как редактора, и притом в виде особого для него исключения на льготных условиях, а именно — без обычного залога, обеспечивающего ответственность, но Федор Михайлович отказался от этого, не находя для себя ничего заманчивого в том, чтобы „Дневник“ его выходил без предварительной цензуры; он дорожил тем относительным покоем, на пользование которым он мог вполне рассчитывать при отсутствии, в цензурном отношении, ответственности ‹. . .› Объясняя мне свое нежелание выходить „без предварительной цензуры“, Федор Михайлович сказал, между прочим, что, выходя без цензора, надо самому быть цензором для того, чтобы *цензурно выйти*, а он по опыту знает, как трудно быть цензором собственных произведений» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 237—238).

Приведенное свидетельство Александрова до сих пор не вызывало сомнений у исследователей «Дневника». Тем не менее рассказ его не может счи-

таться вполне аутентичным. Из материалов цензурного дела об издании «Гражданина» следует скорее другой вывод: выпуск «Дневника» с предварительным цензурованием его материалов был вначале предложен Главным управлением по делам печати; впоследствии же, когда Главное управление печати сочло возможным в 1877 г. по ходатайству писателя отказаться от предварительной цензуры, Достоевский нашел установившийся порядок издания для себя более удобным, менее дорогостоящим и трудоемким, так как издание «Дневника» без предварительной цензуры увеличило бы ответственность издателя, привело бы к дополнительным волнениям и материальным издержкам, а также помешало регулярному своевременному появлению книжек «Дневника» в начале месяца, чем Достоевский особенно дорожил.

Другую причину, побуждавшую Достоевского настаивать на предварительном цензуровании «Дневника», мы узнаем из письма М. А. Александрова к В. Ф. Пуцыковичу от 30 июня 1877 г. Александров сообщает здесь Пуцыковичу, что при отсутствии предварительной цензуры уже отпечатанный номер «Дневника» должен был бы, согласно тогдашним правилам, пролежать восемь дней в цензуре, из-за чего он не мог бы выйти и поступить в продажу в начале месяца. Этой проволочки «*никак*» не желал Достоевский (*ЛН*, т. 86, стр. 456).

Цензором «Дневника» С.-Петербургским цензурным комитетом был назначен Н. А. Ратынский, приступивший 20 января 1876 г. к исполнению своих обязанностей.[1]

Воспоминания Александрова о Ратынском и его отношениях с Достоевским имеют противоречивый характер: «. . .цензор Николай Антонович Ратынский, цензуровавший „Дневник“, — пишет Александров, — почти все время его издания, говаривал Федору Михайловичу в шутку, что он не цензурует его, а только поправляет слог. Это значило, что иногда, вместо того, чтобы вымарывать что-либо неудобное просто цензорскою властью, он заменял одно слово другим и тем смягчал выражение фразы» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 237).

Но далее Александров сообщает: «. . .Федору Михайловичу, как автору, доводилось, хотя и редко, испытывать неприятности по поводу более или менее крупных авторских помарок. Бывало и так, что цензором запрещалась целая статья, и тогда начинались для Федора Михайловича хлопоты отстаивания запрещенной статьи: он ездил к цензору, в цензурный комитет, к председателю главного управления по делам печати — разъяснял, доказывал. . . В большинстве случаев хлопоты эти увенчивались успехом, в противном же случае приходилось уменьшать объем номера . . .» (там же, стр. 238).

Дошедшие до нас письма Ратынского к Достоевскому свидетельствуют о неприятном, мелочном и педантичном характере Ратынского, не говоря уже о его умственной ординарности и заурядных чиновничье-консервативных убеждениях. Из столкновений между ним и Достоевским наиболее острым было столкновение из-за сдвоенного июльско-августовского выпуска «Дневника» летом 1876 г.

В письме к Л. Х. Симоновой-Хохряковой от начала сентября 1876 г. Достоевский сообщил, что из июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» «цензура выбросила печатный лист в самые последние дни».

Первый сигнал о вторжении цензора в текст этого выпуска поступил к Достоевскому от Александрова 20—22 августа 1876 г.

В ответном письме Александрову от 23 августа 1876 г. Достоевский выражал сожаление, что тот не указал, «что именно вымарано». «Вы пишете: часть главы, но которой? И много ли?» — спрашивал он. В следующем письме к Александрову, от 25 августа 1876 г., Достоевский опять вернулся к этому

---

[1] См. о Ратынском, истории его взаимоотношений с Достоевским и о цензурной истории «Дневника» в 1876—1877 гг. статью: И. Л. Волгин. Достоевский и царская цензура (к истории издания «Дневника писателя»). — *РЛ*, 1970, № 4, стр. 106—120.

вопросу: «Вся беда в том, что не знаю, что именно запрещено цензурой, в какой главе и какой номер». В этом же письме писатель предлагал возможные перемещения текста для того, чтобы заполнить сделанные Ратынским купюры: «Если цензор вычеркнул из „Главы второй“ и именно об „идеалистечинике“ и „Постыдно ли быть идеалистом“ (то есть 1 и 2 малые главы), то надо выкинуть их вовсе, а взамен того к „Главе второй“ пристегнуть две „маленькие“ главы из „Главы третьей“ (1. «Русский или французский язык?» 2. «На каком языке говорить отцу отечества?»), переменив разумеется, соответственно только номера маленьких глав ‹. . .› А затем „Главу третью“ начать уже с того, что я Вам теперь (с этим письмом) высылаю, то есть со слов: „Эмс я описывать не буду“».

Печатая это письмо в 1892 г. в составе своих воспоминаний, Александров сделал следующее примечание: «На самом деле вымарано было не то и не другое из мнившегося Федору Михайловичу, а именно 4 малая глава большой второй главы» (*РС*, 1892, № 5, стр. 301). В данном случае, как, впрочем, и в ряде других, Александров (на что верно указал И. Л. Волгин) допускает неточность. Из июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. была исключена вторая, по определению Достоевского, «малая глава» под названием «Нечто о петербургском Баден-Баденстве» (см. наст. изд., т. XXIII), входящая в состав первой главы, что устанавливается по наборной рукописи.

Главка «Нечто о петербургском Баден-Баденстве» обозначена в наборной рукописи цифрой II и следует непосредственно за словами, завершающими первую главу: «Я, дескать, читаю, оставьте меня в покое» (там же; см.: *Описание*, стр. 72; ср. *РЛ*, 1970, № 4, стр. 110). Листы автографа имеют следы типографской краски, на них обозначены также фамилии наборщиков — все это доказывает, что главка была набрана и исключена Ратынским в корректуре. Никаких данных, что «большая вторая глава» имела заключительную «4 малую главу», как пишет в приведенном выше примечании Александров, нет.

В настоящем издании текст, исключенный цензурой, восстановлен. Главка «Нечто о петербургском Баден-Баденстве» печатается по наборной рукописи как вторая главка первой главы июльско-августовского выпуска. В соответствии с этим нумерация последующих главок приведена в соответствие с наборной рукописью (см. варианты *НР*, т. XXIII).

Некоторые изменения по требованию Ратынского Достоевский внес и в другие главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя».

По возвращении в конце августа 1876 г. из Старой Руссы в Петербург Достоевский получил следующую записку от Н. А. Ратынского (опубл.: *РЛ*, 1970, № 4, стр. 110):

«Будьте так добры, многоуважаемый Федор Михайлович, исключите из этой корректуры выражение „отцы отечества“ и „похабность“. Сия последняя, пожалуй сойдет, но „отцы отечества“, начинающиеся с тайных советников, под цензурою немыслимы. Вы легко найдете другое, соответствующее выражение, не испортив прекрасной Вашей мысли, а меня этим чувствительно обяжете.

Искренно уважающий Вас
Н. Ратынский.

27 августа 1876 г.

Вместо „*отцы* отечества“ нельзя ли хоть *столпы* отечества или что-нибудь в этом роде? На *похабность* можно махнуть рукою, но и ее несколько смягчить следовало бы».

Хотя наборная рукопись этой главы не сохранилась, исправления, которые Достоевский внес в нее по требованию цензора, устанавливаются по письму Достоевского и по черновому автографу этой главы.

Ратынский в данном случае имел в виду текст второй «малой главки» третьей главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. В печатном тексте главка эта называлась: «На каком языке говорить будущему столпу своей родины». В письме к Александрову от 25 августа 1876 г. Достоевский приводит авторское название этой главки: «На каком языке говорить отцу отечества». Замены по требованию цензора были соответственно сделаны и в двух местах текста той же главки: 1. «О, конечно, карьера его не страдает: все эти родящиеся с боннами предназначаются своими маменьками непременно в будущие столпы своей родины и имеют претензию думать, что без них нельзя обойтись». 2. «Столпом своей родины он будет, конечно, ему ли не дослужиться — ну, вот маменьке пока и довольно, но ведь только маменьке!. . .».

Исключил Достоевский по требованию Ратынского и фразу об «отцах отечества», «начинающихся с тайных советников».

Изменения, произведенные по настоянию Ратынского, устранены в данном издании впервые по черновому автографу. Приведенные отрывки и название главы также печатаются в их доцензурном виде (см. наст. изд., т. XXIII).

Полученную от Ратынского корректуру Достоевский вернул в типографию 29 августа, сообщив в сопроводительном письме метранпажу, что «исправил всё» по «желанию и указанию» цензора. Одновременно Достоевский послал продолжение четвертой главы (§ III «Детские секреты» и § IV «Земля и дети»), предупредив: «. . .будет еще V-ая малая глава „главы четвертой“. А затем P. Scriptum».

Если Достоевский сам внес в третью главу подсказанную Ратынским формулу, то с главкой «Земля и дети» дело обстояло иначе. Ратынский первоначально запретил ее целиком. Затем, не желая, очевидно, обострять конфликт с Достоевским, цензор своей рукой сделал в ней сокращения.

2 сентября Ратынский писал Достоевскому по этому поводу: «Прочитав сегодня утром с должным вниманием и натощак вновь статью Вашу, я убедился, что в цензурном отношении можно исправить, почему, сделав в ней требуемые цензурными правилами исключения, снабдил ее цензорскою подписью и в таком виде посылаю к Вам вместе с сим для напечатания.

Что касается исключенного, то я убежден, что Василий Васильевич,[1] при всем известном мне уважении его к Вашему таланту, Вашей благонамеренности и вообще к Вашей личности, не разрешит печатать исключенное, так как мысль о несовершенстве существующих в России или, лучше сказать, у наших сельских людей поземельных отношений и о необходимости их исправления не должна быть пропускаема в печати не только на основании общих законов, но и в силу специальных изданных ad hoc инструкций» (*РЛ*, 1970, № 4, стр. 111). Достоевский решился принять компромиссное предложение Ратынского.

Сохранившаяся наборная рукопись главки «Земля и дети» позволяет установить, какие места текста были исключены Ратынским.[2]

В начале главки Ратынский исключил следующее рассуждение Достоевского: «Дело в том, что всё от земельной ошибки. Даже, может, и всё остальное, и все-то остальные беды человеческие, — все тоже, может быть, вышли от земельной ошибки» (наст. изд., т. XXIII).

Этот текст, заключающий основную идею статьи, несомненно противоречил цензурным установкам. Далее Ратынский исключил фрагменты, в которых на примерах европейской и русской жизни вскрывалась суть «земельной ошибки», говорилось о ее последствиях и о возможном пути исправления этой «ошибки» (см. там же).

Возвращаясь к русской действительности, Достоевский сделал вывод: «Если есть в чем у нас в России наиболее теперь беспорядка, так это в владении

---

[1] В. В. Григорьев.

[2] В настоящем издании цензурные изъятия в тексте этой главки, на которые впервые указал И. Л. Волгин, восстановлены по наборной рукописи.

землею, в отношениях владельцев к рабочим и между собою, в самом характере обработки земли. И покамест это всё не устроится, не ждите твердого устройства и во всем остальном» (там же).

Мечтая о том, что «кончится буржуазия и настанет Обновленное человечество», Достоевский связывал этот процесс с разделом земли по общинам (там же).

В связи с этим главка заканчивается рассуждением о русском общинном землевладении, в котором, как считал Достоевский, лежит «зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального» (там же). Это рассуждение также было исключено Ратынским.

В ноябре 1876 г. Достоевский, жалуясь Л. Х. Симоновой-Хохряковой, что «цензура обрезала» текст «Дневника писателя», говорил: «. . . статью, где я Петербург по отношению к России Баден-Баденом назвал, целиком вычеркнула, да о Восточном вопросе тоже почти всю, а что я о распределении земли говорил, сказали — социализм и тоже не пропустили. А ведь мне это горько, потому что дневники я издаю с целью высказать то, что гнездится в голове моей» (Церковно-общественный вестник, 1881, № 17, стр. 5). Столкновение с цензурой по поводу июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» было наиболее серьезным за весь 1876 г.: заключительные выпуски этого года не вызвали возражений Ратынского.

5

Подходя к «Дневнику писателя» с точки зрения традиционной, школьной поэтики, можно с полным правом отыскать в нем образцы разных, несходных литературных жанров: очерка, фельетона, рассказа, повести, мемуаров, публицистики и т. д. Но подлинная суть «Дневника писателя» состоит не в механическом объединении этих жанров, а в том, что, используя их в соответствии с общими задачами «Дневника», Достоевский строит на этой основе особый, оригинальный жанр, образующий неповторимое художественное единство. В этом смысле «Дневник писателя» — явление не только публицистики, но и искусства, занимающее важное место в развитии Достоевского-художника. Как свидетельствует уже сопоставление «Дневника писателя» за 1873 г. с «Подростком», а тем более «Дневника писателя» за 1876—1877 гг. с «Братьями Карамазовыми», в работе над ними складывались и закреплялись многие из тех черт художественного метода Достоевского, которые получили особенно яркое и полное выражение в двух последних его романах.

М. А. Александров, вспоминая о начале издания «Дневника», писал, что уже из первого его выпуска читатели «увидели, что „Дневник писателя" совсем не похож на дневники, какими их привыкли видеть все читающие люди. Увидели, что это не хроника событий, а глубоко продуманное, авторитетное, руководящее слово веского общественного деятеля по поводу таких явлений текущей жизни, значение которых понятно только высшим умам, и тогда принялись читать его с возрастающим все более и более интересом» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 239). Причем, заметил Александров, «статьи „Дневника", хотя, по-видимому, и разные, имели между собою органическую связь, потому что вытекали одна из другой» (там же, стр. 238).

Содержание «Дневника писателя» за 1876 г. крайне разнообразно. На страницах его получили отражение и впечатления личной жизни писателя конца 1875 и 1876 гг., и воспоминания прошлых лет, и отчет о его литературных замыслах, и размышления над всеми главными темами литературной, культурной, общественно-политической жизни России и Запада той эпохи, волновавшие Достоевского.

При этом законом построения «Дневника» является соединенное действие сил «центробежной» и «центростремительной»: беседуя с читателем, автор все время скользит от одной злободневной темы к другой, и переход к каждой из них влечет за собой поток новых воспоминаний и ассоциаций, приводит с со-

бой новые эпизоды и новых действующих лиц, подсказывает новые аспекты осмысления событий. Но все эти предельно разнообразные, несходные между собой сменяющиеся темы и эпизоды неизменно обращают взор автора и читателя к одним и тем же «проклятым» вопросам, образующим философские и художественные константы, своего рода основные нервные узлы мысли автора. Это вопросы о взаимоотношениях в России «верхов» и «низов», образованных классов и народа, о глубоком кризисе, по-разному переживаемом как современной Россией, так и Западом, об их прошлом, настоящем и будущем.

Автор начинает «Дневник» с полемического выпада против «современных Хлестаковых», которые «врут с полным спокойствием». И тут же от состояния журналистики мысль его переносится к общему состоянию общества, на поверхности которого в России царствует «полное» спокойствие. Однако под обманчивым покровом этого спокойствия, констатирует Достоевский, ежедневно совершаются «странные» факты, свидетельствующие о нередкой утрате вполне обеспеченными и образованными представителями молодого поколения всякой живой мысли и даже самого «лика человеческого». Современные самоубийцы, у которых «нет денег, чтобы нанять любовницу», заставляют автора «Дневника» по контрасту вспомнить гетевского «самоубийцу Вертера», сознававшего перед смертью свое единство с мирозданием, «с бесконечностью бытия», а представители модного безверия и разочарованности, не знающие никаких гамлетовских вопросов, — Вольтера, Дидро, атеистов XVIII в. с их страстной верой в прогресс и будущее счастливое человечество (стр. 6).

Уже эти первые страницы предисловия к «Дневнику» дают как бы модель общего его построения. От случайного, частного мысль Достоевского переносится к общему, от настоящего — к прошлому и будущему, от «сиюминутного» — к «вечному». Направляя внимание читателя на разрозненные, казалось бы, факты, автор стремится раскрыть внутреннюю связь между ними, осмыслить их с единой, общей философско-исторической точки зрения, помогающей прогнозировать не только ближайшее, но и отдаленное будущее.

Первые две главы январского выпуска «Дневника» почти целиком посвящены теме «теперешних» русских «отцов и детей». Причем тема эта освещается автором с разных сторон. От описаний рождественского бала и детской елки в клубе художников в декабре 1875 г. писатель обращается мыслью к своим творческим замыслам — прошлым и будущим. Как первый подступ к теме взаимоотношений теперешних «отцов и детей» характеризуется роман «Подросток», и тут же читателю сообщается о намерении автора продолжить работу над этой темой (как и над широко развитой в «Подростке» темой «случайного семейства») в следующем своем произведении. Так предвосхищается замысел «Братьев Карамазовых», к которому ведут не только изложение идеи будущего романа, но и размышления о «камнях, обращенных в хлебы», и о будущем царстве, обеспеченном заранее от «бунта человеческого», в третьей главе того же январского выпуска «Дневника», посвященной спиритизму (стр. 35). В дальнейшем от описания богатых и нарядных детей на елке в клубе художников мысль писателя-гуманиста переносится к образам оборванных и нищих детей, скитающихся в морозные дни по петербургским улицам, детей, которые нередко никем не замеченные гибнут от голода и лишений. Так возникает своеобразная «заставка» второй главы январского выпуска «Дневника» — фрагмент «Мальчик с ручкой». Образ нищего «мальчика с ручкой» дает толчок к работе авторского воображения — и из зимних петербургских впечатлений писателя рождается святочный рассказ «Мальчик у Христа на елке», «фантастический» по колориту, но при этом от начала до конца насыщенный реальными деталями жизни русского города 1870-х гг. За ним следует другой, уже вполне реальный рассказ о посещении Достоевским в те же зимние дни декабря 1875 г. вместе с А. Ф. Кони колонии для малолетних преступников и знакомстве с ее обитателями. В результате звучание «детской темы» усиливается, она постоянно обретает новые обертоны и получает все более глубокий и емкий философский смысл: ибо дети — это не только настоящее, но и будущее России, поэтому ответственность перед

ними общества особенно велика. Автор свободно ведет свою беседу с читателем, переходя от одной злободневной темы (или эпизода) к другим, но при этом беседа состоит как бы из ряда расширяющихся концентрических кругов. В результате каждая главка «Дневника» приводит читателя вновь к клубку тех же, главных в авторском понимании, вопросов русской жизни, которые всякий раз предстают перед читателем в новом своем повороте и на новом уровне понимания.

Характеризуя в общих чертах материал «Дневника писателя» 1876 г., можно выделить следующие главные темы и эпизоды, вокруг которых концентрируется содержание отдельных выпусков «Дневника»:

Оценка современного момента жизни русского общества и типических для него психологических черт: «случайное семейство» как центральная ячейка общественной жизни России в пореформенную эпоху. Замысел романа о «теперешних» русских «отцах и детях». Дети как символ будущего России и человечества. Грядущий «золотой век», трудности движения к нему. Богатые и нищие дети, святочный рассказ «Мальчик у Христа на елке». Колония малолетних преступников. Рассказ о чиновнике, посвятившем свою жизнь выкупу на волю крепостных крестьян. Российское общество покровительства животным, его задачи и цели в связи с современным положением вещей. Воспоминание юности о фельдъегере, бьющем кулаком ямщика, — образ, перерастающий в страшный символ николаевской эпохи. Увлечение общества спиритизмом как характерное проявление растущего духовного «беспорядка» европейского и русского культурного общества. Полемика с В. Зотовым по поводу причин осуждения Достоевского на каторгу по делу петрашевцев (январь).

Народ, которому единственно принадлежит право сказать «последнее слово» в русской истории. Необходимость единения образованного русского общества и народа. Рассказ «Мужик Марей». Дело Кроненберга[1] (об истязании отцом семилетней дочери): отражение в судебных прениях по этому делу характерных особенностей состояния современного образованного общества, распада семьи в пореформенную эпоху, лживого характера либерально-буржуазных юридических институтов. В. Ф. Спасович как тип либерального адвоката (февраль).

Рассказ «Столетняя». Разрушение общественных связей, «обособление» каждого отдельного лица от других как тревожный симптом новейшей общественной жизни. Современная Западная Европа и ее основные политические силы: Франция, Германия, римское католичество, их настоящее и будущее. Въезд в Англию претендента на испанский престол дона Карлоса. Лорд Редсток. Новые и старые религиозные секты. Наука и спиритизм. Настроения русской молодежи. Смерть славянофильского теоретика и публициста Ю. Самарина (март).

Полемика с критиком и романистом реакционного катковского «Русского вестника» В. Г. Авсеенко, в которой Достоевский утверждает мысль об относительности норм аристократической и либерально-буржуазной культуры и нравственном превосходстве народа над высшими классами. Критика настоящего и прошлого идеализированного Авсеенко русского культурного дворянского слоя. Текущая политика: Россия и Запад, вопрос об освобождении южного славянства и о возможности будущей войны с Турцией. Относительность в обществе, основанном на неравенстве и порабощении, отвлеченного противопоставления «войны» и «мира», диалектика этих понятий. Отчет комиссии русских ученых и лекция Д. И. Менделеева о спиритизме. М. М. Достоевский как человек, издатель и редактор, посмертная защита его репутации в связи с фельетоном о нем в «Новом времени» (апрель).

Анализ судебного процесса Каировой, покушавшейся из ревности на жизнь соперницы и оправданной присяжными. Посещение воспитательного дома и вопрос об ответственности общества перед ребенком и вообще перед будущими поколениями. Русская женщина, ее общественное призвание, ее настоящее и будущее (май).

---

[1] У Достоевского — Кронеберг.

Смерть Ж. Санд, значение ее и других великих западноевропейских писателей для русского общества. Роль Ж. Санд и утопического социализма в умственном развитии Достоевского и других мыслящих русских людей 40-х гг., оценка творчества французской писательницы, идеалов ее героев и героинь. Восточный вопрос, отношения России и Запада. Освободительная борьба сербов и черногорцев против турецкого ига и отношение к ней русского общества. Выступление в поддержку русской женской молодежи, отправляющейся в Сербию в качестве сестер милосердия, и за введение в России высшего образования для женщин (июнь).

Личные впечатления от поездки для лечения летом 1876 г. на курорт Эмс в Германии. Характеристика различных разрядов представителей культурного русского общества за границей. Воспоминания о дрезденских впечатлениях периода франко-прусской войны и вопрос об усилении милитаризма в бисмарковской Германии. Возможность и перспективы русско-турецкой войны, ее значение для будущих судеб России, судеб южного славянства и Западной Европы. Полемика с мнением историка Т. Н. Грановского, высказанным в 1855 г. по поводу Восточного вопроса и целей Крымской войны. Испорченный офранцуженный русский язык представителей высшего общества в России как исторический продукт их оторванности от народа. Разговор с Парадоксалистом об обезземеливании пролетариата во Франции. Связь между складом общественной жизни в целом и решением человечеством земельного вопроса. «. . .Сад, под золотым солнцем и виноградниками», принадлежащий всем сообща и каждому, как символ грядущей счастливой жизни людей на Земле (июль—август).

Случай из флорентийской жизни Достоевского 1869 г.: тарантул, забравшийся в его комнату. Восточный вопрос и вызванная им полемика в дипломатических кругах: недоверие европейских великих держав к политике русского самодержавия. Различные проекты политического решения Восточного вопроса и будущего устройства балканских славян; история Казанского царства и описание взятия Казани в «Истории государства Российского» Карамзина как исторический урок. Отношение русского народа и образованных классов к освободительному движению балканских славян; полемика о нем с «Вестником Европы» (сентябрь).

Судебный процесс крестьянки Корниловой, выбросившей из окна свою падчерицу. Отношение «нигилистки» 1860-х гг. к Теккерею как иллюстрация упрощенного, прямолинейного отношения к фактам: мнимая простота и действительная сложность вплоть до «фантастичности» большинства явлений жизни. Превосходство в этом смысле действительности над искусством и необходимость для художника глаза, способного постичь жизненные явления во всей их реальной сложности. Распространение самоубийств в современном обществе; различные случаи самоубийства как характерное выражение особенностей жизни и общественных настроений разных его слоев. Самоубийства эмигрантки (дочери Герцена) и бедной петербургской девушки-швеи, выбросившейся из окна с образом в руках. Философский монолог самоубийцы «Приговор» (предваряющий главу «Бунт» в «Братьях Карамазовых»). Новый фазис развития Восточного вопроса; оценка личности и действий генерала Черняева, а также русского добровольческого движения на Балканах в 1876 г. Необходимость для народа и общества «лучших людей», способных им нравственно руководить, особенно в связи с ростом также и в России власти капитала и усилением влияния «золотого мешка» (октябрь).

«Фантастический», по авторскому определению, рассказ «Кроткая» (навеянный упомянутой в прошлом заметкой о швее, выбросившейся из окна с образом) с предваряющим его предисловием, где декларирована суть писательского метода и сформулированы принципы эстетики Достоевского (ноябрь).

Рассказ о посещениях Достоевским в тюрьме осужденной Корниловой и кассация приговора по ее делу. Полемика по поводу главы «Приговор» и разъяснение ее философского смысла: индифферентизм, потеря веры в смысл личного и общественного бытия как нравственная болезнь образованного русского общества 70-х годов и особенно его молодого поколения. Случай из

жизни девочки, показывающий возросшую сложность психологии ребенка, необходимость чуткого подхода родителей и педагогов к детям. Итоги «Дневника» 1876 г.: идея «нашей национальной духовной самостоятельности» как его руководящая нить; разъяснение позиции автора в вопросах о национально-освободительной борьбе балканских славян и о будущих судьбах славянства. Полемика с противниками движения в пользу поддержки Россией борьбы южных славян за освобождение (декабрь).

Эта суммарная характеристика главных тем, освещаемых в отдельных выпусках «Дневника», дает, разумеется, лишь наиболее общее, неполное представление об их содержании. Развиваясь свободно, мысль автора «Дневника» обогащается в своем развитии неожиданными ассоциациями, втягивая в себя в процессе своего движения самые разнородные явления и факты. Анализ основных внешнеполитических и военных событий года (Восточный вопрос, освободительная борьба южных славян, русское добровольческое движение, политическая жизнь Франции, Германии, Италии, Испании) спаян в «Дневнике» воедино с анализом взаимоотношений на Западе и в России верхов и низов, замечаниями об истории развития аграрных отношений и земельной собственности, эволюции земледелия, промышленности, торговли, религиозных институтов и идей, искусства и литературы, с размышлениями над положением различных общественных слоев и классов, их идеалами и настроениями. Такие несходные между собою явления общественной и культурной жизни 1870-х гг., как усиление власти золотого мешка, обезлесение России, увлечение образованного общества спиритизмом,[1] волна самоубийств среди молодежи, рассматриваются как грозные симптомы общего социального неблагополучия. Аналогичное по смыслу обобщенное культурно-психологическое истолкование получают и разбираемые на страницах «Дневника» судебные процессы,[2] и факты текущей газетной хроники, и события личной жизни автора, и его воспоминания об увиденном и пережитом в прошлые годы. Одни и те же темы — о нищих детях в Петербурге, о русском народе, об упадке семьи и о превращении ее в «случайное семейство», об эпидемии самоубийств, их социальных и культурно-исторических причинах — освещаются параллельно и в публицистике Достоевского, и в художественных произведениях, включенных в состав «Дневника писателя» («Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Кроткая» и др.). Причем если в названных художественных произведениях более или менее отчетливо ощутимы публицистическая тенденция, присутствие личности автора, выражение его симпатий и антипатий, то в публицистике «Дневника» постоянно дает о себе знать художественное начало, мысль писателя развивается здесь не столько по законам отвлеченной логики, сколько по законам искусства; общие, «глобальные» по своему смыслу размышления нерасторжимо сцепляются воедино с личной биографией и впечатлениями бытия самого автора, диалогами, живыми зарисовками сцен русской и западноевропейской действительности.

Начиная с апрельского выпуска «Дневника», Достоевский, следуя примеру Герцена, все чаще прибегает в нем к диалогическому построению: форма диалога автора с его собеседником — Парадоксалистом позволяет романисту

---

[1] О позиции автора «Дневника» в полемике, вызванной увлечением русского общества спиритизмом, см. статью: И. Л. Волгин, В. Л. Рабинович. Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог. — Вопросы философии, 1971, № 11, стр. 103—115.

[2] Вопросам суда и адвокатуры в «Дневнике писателя» посвящены статьи: В. Гольдинер. 1) Проблема правосудия в творчестве Достоевского. — Советская юстиция, 1961, № 22, стр. 16—18; 2) Достоевский и Щедрин об адвокатуре (по материалам дела Кроненберга. — Там же, № 1, стр. 19—21; Г. К. Щенников. Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов. — В кн.: Русская литература 1870—1890 годов. Сб. 4. Свердловск, 1971 (Уральск. гос. унт-т им. А. М. Горького, Учен. зап. № 121, сер. филол., вып. 19), стр. 3—23.

представить сложную диалектику жизненных явлений, свойственную им реальную противоречивость в форме резкого столкновения и борьбы мнений. При этом Парадоксалисту Достоевский поручает роль то иронического, провоцирующего на спор разрушителя сложившихся традиционных взглядов и предрассудков, обнаруживающего их относительность в условиях дворянско-буржуазного общества (Апрель. Глава вторая. § II «Парадоксалист»), то авторского двойника, вдохновенно излагающего его самые заветные убеждения (Июль и август. Глава третья. § IV «Земля и дети»).[1]

6

Формулируя во вводной главке первого выпуска «Дневника» 1876 г. свою общественную позицию, Достоевский указал, что считает себя из всех представителей тогдашней русской прессы «всех либеральнее», так как ни на чем не желает успокоиваться (стр. 7). И далее автор «Дневника» пишет, что представление о возможности наступления на земле «золотого века», о чем мечтали социалисты-утописты 40-х годов, отнюдь не пустая мечта. Современные люди носят «золотой век» «в кармане», стоит каждому из них по-настоящему захотеть его, деятельно способствовать его осуществлению — и отвлеченная идея «золотого века» может уже сегодня стать самой доподлинной реальностью. В третьей главе январского выпуска «Дневника» писатель провозглашает тот основной символ веры, в служении которому он видит общий смысл всей своей литературной и публицистической деятельности: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было, ибо у нас и теперь никто не захочет стать за идею о необходимости озверения одной части людей для благосостояния другой части, изображающей собою цивилизацию, как это везде во всей Европе» (стр. 31).

Постоянное недовольство существующим и рожденное им беспокойство, искренний и глубокий демократизм, неизменное сочувствие народу и вера в то, что с его светлым «ликом и образом» (стр. 119) связано великое будущее России, убеждение в превосходстве народа над господствующими классами, а его нравственных начал — над культурными идеалами дворянства, пламенное неприятие буржуазной цивилизации во всех ее общественных, государственных, бытовых и идеологических проявлениях пронизывают весь «Дневник писателя».

Автор «Дневника» отказывается от прежнего скептико-нигилистического отношения к передовой мыслящей русской молодежи и ее устремлениям, выраженного в «Идиоте» и «Бесах». «Юношество наше ищет подвигов и жертв, — заявляет он теперь. — Современный юноша, о котором так много говорят в разном смысле, часто обожает самый простодушный парадокс и жертвует для него всем на свете, судьбою и жизнью; но ведь всё это единственно потому, что считает свой парадокс за истину <. . .> парадоксы исчезнут, но зато не исчезнет в нем чистота сердца, жажда жертв и подвигов, которая в нем так светится теперь — а вот это-то и всего лучше» (стр. 41—42). Приведенные слова, как и многие другие места «Дневника» за 1876 г., непосредственно подготовляют те новые акценты в изображении русской моло-

[1] Напомним, что термином «парадоксалист» Достоевский воспользовался уже раньше для характеристики героя «Записок из подполья» (наст. изд., т. V, стр. 179). О диалогической форме в «Дневнике писателя» см.: В. Виноградов. О художественной прозе. М.—Л., 1930, стр. 145—176.

дежи, ее общественных и нравственных исканий, которые ощутимы в «Братьях Карамазовых» и речи о Пушкине.

Достоевский остается в «Дневнике писателя», как и во всем своем творчестве, защитником «униженных и оскорбленных», гневным обличителем дворянского и буржуазного уклада жизни. С первых до последних страниц «Дневник» проникнут глубокой тревогой автора за судьбу современного ему общества, согрет горячей любовью ко всем несчастным и угнетенным, выражает восхищение и преклонение Достоевского перед нравственной красотой и величием духа русского крестьянина и вообще простого человека. Подлинно плебейской ненавистью к крепостничеству проникнут рассказ писателя о фельдъегере, бьющем по голове ямщика. В рассказе «Мужик Марей» Достоевский воздвиг своеобразный величественный памятник русскому крестьянину — не только неутомимому труженику, но и своему защитнику и нравственному воспитателю с детства. В полемике с В. Г. Авсеенко писатель декларирует свое глубокое убеждение в превосходстве в современной ему России «низов» над «верхами».

«Дневник писателя» исполнен страстной ненависти к торжеству «золотого мешка», стремления к осуществлению мира свободы и социальной справедливости не на небесах, а на земле. В некрологе Ж. Санд Достоевский с большим сочувствием вспоминает о благородном воздействии на него и все его поколение в молодые годы идей тогдашнего утопического социализма, оставивших навсегда свой неизгладимый след в его сознании. А в июльско-августовском номере «Дневника» он горячо и взволнованно рисует картину осуществленной на земле грядущей «мировой гармонии», символом ее в глазах Достоевского становится город-Сад, где навсегда уничтожено противоречие между цивилизацией и природой, а земля стала общечеловеческим достоянием (не случайно эти страницы «Дневника» вызвали, как мы знаем теперь, особую тревогу цензора Ратынского).

В «Дневнике писателя» получили выражение страстный патриотизм Достоевского, его кровная любовь к родной стране и народу, к его прошлому и настоящему, горячая вера писателя в великое будущее России. Достоевский исполнен жажды полной перемены всех сложившихся веками на Западе социальных, политических и нравственных отношений — и он верит, что Россия призвана сказать всему человечеству новое слово, указать ему путь к подлинному освобождению, к решению всех мучительных «мировых вопросов» и «мировых противоречий».

Напряженный интеллектуализм, восприятие любого явления прошлого и настоящего — будь это политические события, литературные образы, столбцы газетной хроники, мелкие повседневные факты личной жизни самого автора — в широком, глобальном, культурно-историческом контексте и сегодня поражают в «Дневнике».

Достоевский обвиняет богатые, имущие классы не только в несправедливости существующих форм общественной жизни, но и в том, что они хищнически уничтожают природу, безлесят Россию, губят и коверкают жизнь и души «детей», то есть будущего поколения. Анализируя уголовные процессы 1870-х гг., пореформенный русский суд и адвокатуру, писатель блестяще вскрывает формальный характер буржуазного правосудия, его безразличие к человеку.

Большой проницательностью отмечены и многие страницы «Дневника», посвященные внешнеполитическим вопросам 1870-х гг. Достоевский выступал на страницах «Дневника» решительным противником милитаризма бисмарковской Германской империи, он обличал папский Рим, последовательно и стойко защищал национально-освободительную борьбу балканских славян против турецкого ига, призывая русское общество к сочувствию угнетенным славянам, к активной поддержке славянского освободительного движения. Анализируя историю Франции со времен Великой французской буржуазной революции XVIII в. до эпохи третьей республики, Достоевский сумел с большой зоркостью угадать обусловленность политической эволюции французского общества в это время историей земельной собственности и вообще экономических, имущественных отношений.

Достоевский утверждал в «Дневнике» эстетику русского реализма, он страстно защищал мысль о том, что единственным источником подлинного искусства является реальная жизнь, которая благодаря своей бесконечной, диалектической сложности и многообразию превосходит богатством любую даже самую изощренную и богатую фантазию. В полемике с Авсеенко Достоевский резко противопоставил великосветским писателям и романистам типа Авсеенко ту большую русскую литературу, которая со времен Пушкина и Гоголя шла по пути реализма, защищая при этом интересы русского «большинства». Помещенные в «Дневнике» художественные произведения — рассказы «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», «Кроткая», художественно-психологический анализ судебных процессов 70-х гг. явились новым шагом на пути разработки Достоевским принципов «реализма, доходящего до фантастического», — реализма, сочетающего монументальность художественных обобщений, глубину и точность социального видения мира с особой внутренней напряженностью и повышенным вниманием художника к анализу «тайн души человеческой».[1]

Но в «Дневнике писателя» получили ярчайшее отражение и все слабые, реакционные стороны мировоззрения Достоевского.

Обличая русскую аристократию и поместное дворянство, гневно изображая процесс превращения в пореформенные годы русского купца в биржевика и хищника-спекулянта новой, европейской складки, констатируя расслоение пореформенной деревни, бесправной и отданной на разграбление не только помещику, но и кабатчику, и кулаку, Достоевский в то же время резко выступал в «Дневнике» против развития России по «западному» (в его понимании — революционному) пути, настаивал на возможности для пореформенной России, в отличие от стран Западной Европы, разрешить раздирающие ее социальные противоречия и антагонизмы без ломки исторически сложившейся государственной системы, мирным, а не революционным путем.

Хотя и русское образованное общество, и русское пореформенное крестьянство, в результате двухсотлетнего разъединения в России верхов и низов и связанных с этим неблагоприятных обстоятельств исторического развития, отдалились от нравственного идеала и их жизнь потеряла всякое внешнее «благообразие», утверждал Достоевский, но в душе как русского крестьянства, так и лучших людей образованного общества в России живет одна и та же тоска по идеалу, одни и те же стремления к нравственному обновлению. Эти стремления служили в глазах Достоевского залогом возможности объединения в России уже в недалеком будущем народа и интеллигенции в общей работе по пересозданию существующих условий общественной жизни. Залогом возможности для России движения к будущей социальной гармонии по мирному, нереволюционному пути Достоевский считал русскую поземельную крестьянскую общину, особый характер глубоко живущих в сознании русского народа религиозно-нравственных идеалов, зовущих к самоотречению и подвигу, чуждых индивидуалистического, корыстного, эгоистического начала. Осуществив не революционным, а мирным путем тот идеал свободы и братства, о котором тысячелетиями напрасно мечтали лучшие умы Запада, Россия станет примером и образцом «всемирного человеческого обновления», поможет другим народам в их общем движении к свободе и братству.

Надежды Достоевского на то, что «идея всемирного человеческого обновления» осуществится «не в революционном виде», а «в виде божеской правды», «в виде Христовой истины» (наст. изд., т. XXIII), делали его антагонистом Герцена, русских революционных демократов 60-х и народников 70-х гг., несмотря на роднивший с ними писателя демократизм и веру в общинные инстинкты русского крестьянства. Надежды эти не только придавали политической и социальной программе «Дневника писателя» утопический характер, но

---

[1] О художественных текстах, включенных в «Дневник писателя», см.: В. А. Туниманов. Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Автореф. канд. дисс. Л., 1966 (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

и сообщали системе взглядов Достоевского 70-х гг., взятой как целое, реакционные черты, при свойственных писателю искренних и глубоких гуманизме и демократизме.

Утверждая, что Россия может достичь осуществления «золотого века» мирным, нереволюционным путем, Достоевский вступал в глубочайшее противоречие с самим собой, идеализируя — вольно или невольно — господствующий класс старой дворянской России, который он же сам подвергал беспощадной критике на страницах «Дневника писателя». Хотя русское образованное общество отдалилось от нравственных идеалов, оно все же носит «золотой век в кармане»: стоит ему лишь стряхнуть с себя вековой сон и сделать над собой нравственное усилие, чтобы его исторический образ очистился и преобразился и его светлые вековые идеалы засияли с новой силой. И то же самое, полагает Достоевский, относится ко всем созданным этим обществом институтам — самодержавию, православной церкви, суду и т. д. Тем самым русское дворянское общество и государство выступают в представлении Достоевского постоянно в двух разных ликах — отрицаемом им, реальном, социально-историческом и идеальном, вневременном, просветленном и преображенном фантазией писателя. На те же самые социально-исторические институты пореформенной России, которые Достоевский — художник и публицист беспощадно отвергает и разоблачает, зорко угадывая их подлинный корыстно классовый характер, он возлагает все надежды, приписывая им роль проводников своего вневременного, утопического этического идеала, способных бескорыстно и великодушно служить народу и его интересам.

«Основное противоречие „Дневника писателя“, — справедливо пишет историк И. Л. Волгин, — заключалось ‹. . .› в несоответствии его этического идеала тем политическим формулам, которые в нем отстаивались ‹. . .› в защищаемые им *исторические* институты писатель привносил *внеисторическое* нравственное содержание — внеисторическое в том смысле, что оно не только внутренне не соответствовало этим историческим реалиям, но и находилось с ними в вопиющем разладе. Достоевский искренно сознавал себя сторонником самодержавия и православия ‹. . .› однако парадокс состоит в том, что православие и самодержавие не выступают у Достоевского в своем истинном действительном значении. Более того: они как бы отрицают свою собственную историческую природу. Ведь по мысли автора „Дневника“ именно самодержавное государство было призвано стать *сознательным* орудием исторического прогресса, а православная церковь — не только освятить этот прогресс, но и явиться гарантом общественной гармонии, гарантом справедливого разрешения всех нравственных и социальных конфликтов. Это было нечто совсем отличное как от робких пожеланий либералов, так и от консервативных устремлений охранителей» (*Письма читателей*, стр. 175; см. также: И. Л. Волгин. Нравственные основы публицистики Достоевского. (Восточный вопрос в «Дневнике писателя»). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971, № 4, стр. 312—324).

Некоторые особенности идейного содержания «Дневника» объясняются противоречивостью реальной исторической обстановки 70-х гг. XIX в. Россия выступала в эти годы как оплот освободительного движения на Балканах. Широкие слои русского общества связывали с этим серьезные надежды. Достоевский явился своеобразным рупором настроений этих слоев, их политически не определившихся, но искренних демократических ожиданий.

Не случайно Достоевский настойчиво указывал в «Дневнике» на благодетельный смысл сочувствия славянскому национально-освободительному движению на Балканах для судеб русского общества. Тот подъем, который и широкие слои русского образованного общества, и масса простого русского народа испытали перед лицом врагов угнетенного славянства, объединившее их в этот исторический момент патриотическое чувство, готовность к бескорыстной помощи территориально далеким и в то же время бесконечно близким и родным народу по духу славянским братьям казались Достоевскому живым и неопровержимым доказательством возможности грядущего духовного объединения русского общества, его верхов и низов в общей работе по оздоровлению и обновлению также и внутреннего устройства самодержавной порефор-

менной России. Достоевский не учитывал при этом, что политические чаянья, которые испытывали балканские славяне в годы борьбы за освобождение от турецкого ига, как и настроения сочувствовавших им демократических слоев русского общества, и те цели, которые преследовало в своей политике русское самодержавие, не только не совпадали, но, в конечном счете, резко противоречили друг другу. Идеализируя самодержавие, приписывая политике царя — вопреки исторической правде — великодушные и благородные цели, Достоевский вынужден был подыскивать оправдание, находить некий полумистический «высший», провиденциальный исторический смысл также и в завоевательных планах господствующих классов, в свойственной политике царизма великодержавности, соединенной с презрительным отношением к малым народам, с их социальным и политическим угнетением. В результате многие страницы «Дневника писателя» превращались в прямое орудие пропаганды внешней и внутренней политики Александра II, вызывая, с одной стороны, похвалы К. П. Победоносцева, В. П. Мещерского и других представителей правительственной реакции, а с другой — ропот и негодование передовых демократических кругов русского общества, получившие отражение во многих критических отзывах о «Дневнике» и в части обращенных к его издателю многочисленных писем.[1]

7

Объявления об издании «Дневника писателя» были встречены в литературных кругах скептически. Вс. С. Соловьев вспоминает: «На вечере у Якова Петровича Полонского, у которого обыкновенно можно было встретить представителей всевозможных редакций, людей самых различных взглядов, я выслушал с разных сторон заранее подписанный приговор „Дневнику писателя". Решали так, что издание непременно лопнет, что оно никого не заинтересует. Говорили:

— Он, наверное, начнет опять о Белинском, о своих воспоминаниях. Кому это теперь нужно, кому интересно?!

— Ну, а если он начнет о вчерашнем и сегодняшнем дне? — спрашивал я.

— В таком случае еще того хуже. . . что он может сказать?! он будет бредить! . .» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 205).

Свидетельство Соловьева подтверждает Александров: «. . . объявления о нем <«Дневнике», — *ред.*> вызывали <. . .> иронические улыбки, а в некоторых органах печати раздались грубые насмешки, с одной стороны, и порицания и укоризны маститому писателю — с другой. Одни, например, говорили, что Достоевский затеял издание своего „Дневника" потому, вероятно, что *весь исписался* и ничего лучшего создать уже не может; другие порицали его за гордое самомнение о себе, доведшее его до дерзости выдавать публике свой „Дневник" за литературное произведение, достойное ее внимания» (там же, стр. 238—239).

Особенно ожесточенной противницей «Дневника писателя» (до апреля 1876 г.) была «Петербургская газета». 8 января автор фельетона «Листки из дневников Ивана Александровича Хлестакова» (А. Д. Курепин?) иронизиро-

---

[1] Анализ различных аспектов проблематики и идеологии «Дневника писателя» за 1876 г. см. также в статьях: В. Сидоров. О «Дневнике писателя». — *Сб. Достоевский*, *II*, стр. 109—119; В. А. Десницкий. Публицистика и литература в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. — *1928*, т. XI, стр. I—XXVI (перепечатано в кн.: В. Десницкий. На литературные темы. Л.—М., 1933, стр. 320—343); *Розенблюм*, стр. 51—59; Г. М. Фридлендер. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста. — *ЛН*, т. 83, стр. 107—116; В. А. Туниманов. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя». — *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 165—209.

вал: «Даже моим примером увлекся такой известный романист, как г-н Достоевский и, вероятно, соблазненный успехом моего „дневника“, будет ежемесячно издавать свой „Дневник писателя“, заявляя в газетах: „одним, дескать, пером все это писать буду. . .“. Значит, что кроме „вечных чернильниц“ есть еще „вечные перья“. Надо запастись!. . . Не об этом ли самом вечном пере Федор Михайлович в покойной „Эпохе“ написал некогда свой известный конфектный билетик:

Ро-ро-ро,
Золотое перо?»

(*ПГ*, 1876, 8 января, № 5)

В газете появилась даже специальная сатирическая рубрика «Дневник писателя», где помещал свои фельетоны И. А. Вашков (1847—1893; псевдоним — «Ш. Н.» или «Шапка-невидимка»), якобы вдохновленный примером Достоевского: «Под таким заглавием автор многих болезненно-психологических творений, Ф. М. Достоевский, намеревается издавать в нынешнем году периодические выпуски по двугривенному за нумер. Одною рукою, одним пером и одними чернилами г-н Достоевский обещает заносить на страницы своего сборника всё, что попадется под его пытливо-болезненное наблюдение. Некоторые одобрили такое предприятие автора „Подростка“. Я же мало того, что одобряю его, но решился благую мысль тотчас же привести в исполнение и явиться бескорыстным эксплоататором чужой идеи. . .» (там же, 9 января, № 6; см. также: 13 января, № 8).

Более влиятельные газеты заняли в отношении к «Дневнику» позицию выжидательную и осторожную. Так, А. М. Скабичевский (под своим обычным псевдонимом «Заурядный читатель») писал в статье «Мысли по поводу текущей литературы. О г-не Достоевском вообще и о романе его „Подросток“»: «В газетах появляются ныне часто объявления о новом предприятии г-на Достоевского, именно о периодическом, ежемесячном издании им „Дневника писателя“. ‹. . .› С нетерпением будем ожидать исполнения этого оригинального предприятия. Конечно, вперед можно предвидеть, что в „Дневнике писателя“ много будет излишнего балласта, без которого г-н Достоевский не может никак обойтись, много будет праздного резонерства и мистических разглагольствований, но среди этого всего, может быть, будут встречаться и те драгоценные перлы, которыми дорог Достоевский каждому русскому человеку и которые одни выкупят собою и вынесут на себе издание и заставят забыть все недостатки автора» (*БВ*, 1876, 9 января, № 8).

Независимо от отношения различных рецензентов к содержанию и направлению «Дневника» почти всеобщее сочувствие вызвала попытка создания писателем самостоятельного органа печати. Этой стороне дела придавал первостепенное значение, например, П. Д. Боборыкин, который заявил в «Воскресном фельетоне»: «Г-н Достоевский хочет попытаться освободить себя из-под гнета журнальных предпринимателей, беседовать с публикою прямо от своего лица, не прибегая ни к какому издателю, ни к какой редакции. Один из моих собратов по фельетону (очевидно, Скабичевский, — *ред.*) уже сочувственно отнесся к этой попытке. Она возбуждает в публике некоторое недоумение: как смотреть на „Дневник писателя“, задуманный г-ном Достоевским? Как на журнал в беллетристической форме или как на настоящий дневник, проявляющий все особенности его писательской физиономии? Мы это увидим вскоре. Нужно только пожелать автору, чтобы он не встретил каких-либо внешних препятствий при исполнении своего плана, чтоб его книгу, разбитую на двенадцать выпусков, не приняли за журнал и не подвергли ее необходимости пройти через какие-нибудь не совсем легкие формальности ‹. . .› Инициатива г-на Достоевского покажет еще раз, что в среде писателей началось гораздо более серьезное брожение в смысле экономического устройства литературного труда. Прежние условия и формы недостаточны, потому что писатель не в состоянии освободить себя от опеки всякого рода, и чисто денежной и нравственной» (*СПбВед*, 1876, 11 января, № 11). Довольно пренебрежительно отозвавшийся о содержании первого выпуска

«Дневника писателя» Боборыкин тем не менее с удовлетворением писал об «экономическом» успехе «попытки» Достоевского: «Я возьму только экономическую сторону дела <. . .> Говорят, что первый нумер очень хорошо разошелся <. . .> я рад этому факту, показывающему, что можно писателю появляться периодически без посредничества предпринимателей журнального или книжного дела. . .» (*СПбВед*, 1876, 6 февраля, № 39).

С еще большим энтузиазмом была встречена инициатива Достоевского «Голосом» и «Русским миром». «Счастливая мысль пришла Ф. М. Достоевскому! — восклицал фельетонист «Голоса» Г. К. Градовский. — В его „Дневнике писателя“ нельзя не видеть попытки эмансипироваться от издателей и редакций. Чем виноват г-н Достоевский, если он настолько оригинален, что не подходит не под одну из рамок, предоставляемых существующими периодическими изданиями русскому писателю; чем виноват он, если для сохранения самостоятельной мысли он должен изложить ее не менее как на десяти печатных листах, рискуя при этом напрасно затратить и время, и труд, и средства?» (*Г*, 1876, 8 февраля, № 39, «Листок», подпись «Гамма»). Градовский считал естественным, что Достоевскому, занимавшему независимую литературную позицию, захотелось наконец избавиться от различных журнальных посредников (в первую очередь Градовский имел в виду В. П. Мещерского), сковывавших его авторскую волю: «Честному писателю часто нет исхода: или молчи или прикропвайся к тому изданию, у которого нет конкурента, в котором менее других находишь разногласия, обращайся в своего рода крепостного этого издания. Ф. М. Достоевский один из оригинальнейших русских писателей. Что ж удивительного, если, при нынешней ограниченности числа периодических изданий, ему приходилось тяжелее многих литераторов». Градовский замечал, что Достоевский «при таких условиях <. . .> скорее и настойчивее многих других писателей должен был почувствовать необходимость найти исход из того прокрустова ложа, в которое мы вкладываем русскую мысль». Критик напомнил о желании «Русского вестника» «сокращать и исправлять» романы Достоевского «для эксплуатации в своих узких интересах» (намек на изъятие главы «У Тихона» из «Бесов») и одновременно выразил сожаление о редакционных «оговорках» «Отечественных записок» при публикации «Подростка».

Сходную мысль высказал в «Русском мире» и Вс. С. Соловьев, горячий пропагандист нового издания.[1] Он писал: «Серьезных попыток обойти монополию журналов до сих пор почти не было, и почин в этом благом деле принадлежит Ф. М. Достоевскому <. . .> Ф. М. Достоевский принадлежит к числу весьма немногих наших писателей, оставшихся вполне самостоятельными и не примкнувших ни к какому литературному лагерю. Он писал и в „Русском вестнике“, и в „Гражданине“, и в „Отечественных записках“ — журналах с различными направлениями — и никогда не делал ни малейшей уступки духу литературной партии, всегда оставался самим собою, чрезвычайно искренним и безупречно честным писателем, стоящим выше всяких личных интересов и побуждений, прикрываемых литературною формой. <. . .> Эта репутация установилась на таком прочном и действительном основании, что никакая грязь безыменной газетной злобы и пошлости не в силах ее запачкать. И это, как кажется, уже понято вовремя, и к авторской деятельности Ф. М. Достоевского повсюду начинают относиться с должным уважением. Так, мысль его о самостоятельном издании „Дневника“ вызвала во всех

---

[1] Еще до выхода «Дневника писателя» Вс. Соловьев обратился к Достоевскому с просьбой дать информацию о содержании первого выпуска; писатель сообщил ему некоторые данные (в письме от 11 января 1876 г.), которые Соловьев использовал в расширенном объявлении «Русского мира» (1876, 17 января, № 16, раздел «Петербургские известия»): «Мы приветствуем мысль <. . .> об издании „Дневника“ в такой форме самыми лучшими пожеланиями. Свободная беседа художника-психолога, затрагивающая самые разнообразные явления нашей общественной и нравственной жизни, по нашему мнению, может и должна получить важное и полезное значение».

газетах самые сочувственные отзывы» (*РМ*, 1876, 8 февраля, № 38, «Современная литература»; подпись — Вс. С-в.).

«В назначенный день первый номер вышел и сразу произвел сильное впечатление, раскупался нарасхват. <. . .> Подписка превзошла все ожидания», — свидетельствует Вс. С. Соловьев (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 205).[1]

На выход первого выпуска откликнулось большинство газет — «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Биржевые ведомости», «Новое время» (К. В. Трубникова и М. П. Федорова), «Русский мир», «Новости», «Петербургская газета», «Иллюстрированная газета», «Гражданин», а из журналов — «Отечественные записки».

Отзывы были в большинстве своем сочувственные, частью — сдержанные. Достоевский обобщил отклики петербургских журналистов в февральском номере «Дневника» (стр. 39).

Кроме Вашкова и Боборыкина сурово отозвался о первом выпуске лишь литературный обозреватель газеты «Новости» — писавший под псевдонимом «Новый критик» И. А. Кущевский, который узко утилитарно истолковал замысел «Дневника»: «К чему это все написано и написано таким талантливым писателем, как г-н Достоевский, понять очень трудно, так как эти азбучные нравоучения о том, что стреляться не следует, а должно учиться прилежно, почитать родителей и молиться богу, — мы в свое время узнали или от наших папенек и маменек, или — на школьной скамейке. <. . .> — Вот если бы г-н Достоевский указал, где нам взять капиталы на устройство приютов для всех этих „мальчиков с ручками“, — это было бы дело другое» (*Н*, 1876, 7 февраля, № 38, «Новости русской литературы»). Тем не менее Кущевский выразил несогласие с теми критиками, которые заявляли, что художник Достоевский взялся не за свое дело, «вломившись в публицистику». Кущевский писал: «Это мнение трудно разделить, если признать в художнике-писателе известную чуткость к современным явлениям и вопросам и право иметь на них свои взгляды, иначе придется думать, что художник-писатель мало развит для публициста». «Но чем же объяснить плоскости и банальности „Дневника писателя“», — задавал критик «Новостей» риторический вопрос. И тут же ответил на него, объясняя неудачу «Дневника писателя» особенностями современной жизни, измельчанием общества, идейным безвременьем: «Невозможно не склониться к мысли, что жизнь дает теперь мало материалов для художника» (там же).

Язвительной репликой откликнулась на январский выпуск «Дневника» также «Иллюстрированная газета». Ее рецензент — редактор газеты В. Р. Зотов (см. о нем ниже, стр. 37) писал в фельетоне «Петербургские письма»: «Г-н Достоевский доказал уже свою неспособность быть хорошим фельетонистом. Самый язык его не отличается необходимой для этого легкостью, а, напротив, полон тяжеловесными оборотами и неуклюжими, часто грубыми выражениями. Остроумия в нем нет ни малейшего» (*ИГ*, 1876, 15 февраля, № 7).

Нарекания в прессе вызвало полемическое заключение первого выпуска «Одна турецкая пословица». Этот заключительный раздел «Дневника» не понравился В. В. Маркову (*СПбВед*, 1876, 7 февраля, № 38, «Литературная летопись», подпись — В. М.). Недовольство «турецкой пословицей» выразил и А. М. Скабичевский: «К чему такое заключение, совершенно, по моему мнению, бестактное» (*БВ*, 1876, 6 февраля, № 36). Наконец, Д. Д. Минаев в «Петербургской газете» откликнулся на «пословицу» эпиграммой «Трусливая поговорка» (*ПГ*, 1876, 5 февраля, № 25).

Можно предполагать, что «Петербургская газета» восприняла последний раздел январского выпуска «Дневника» как полемический выпад в свой адрес. Во всяком случае газета несколько раз, и весьма насмешливо, отозва-

---

[1] В тот же день, 31 января, поспешил обрадовать Достоевского К. П. Победоносцев: «А сегодня поздравляю вас с успехом, потому что едва нашел (в 4 часа) номер вашего Дневника: почти везде отвечали — все листы разобраны, и мы послали за новой провизией» (*ЛН*, т. 15, стр. 130).

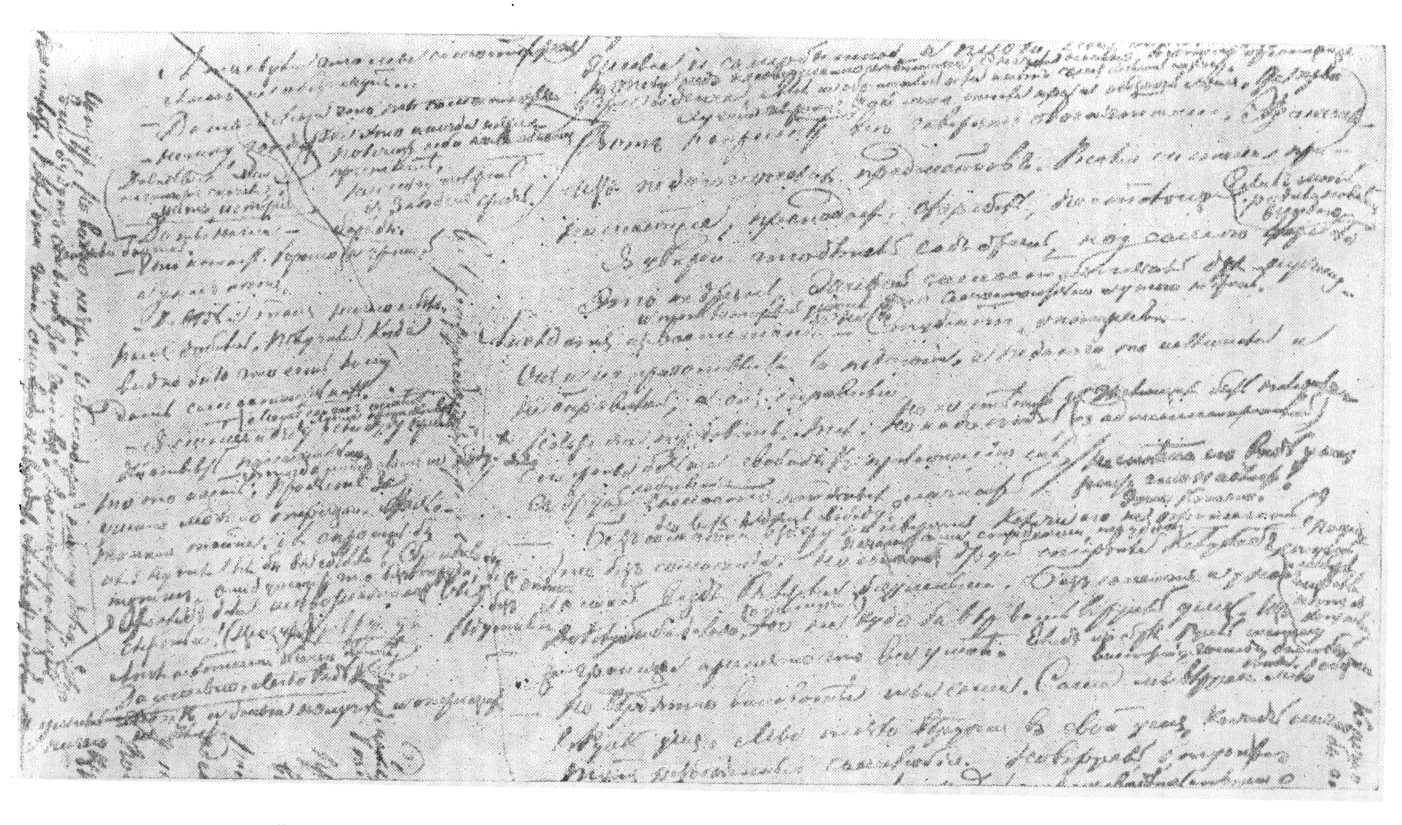
Дневникъ писателя

IV

[illegible]

Программа.

[illegible]

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница автографа неосуществленной главы.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

лась о первом номере. Д. Д. Минаев в стихотворении «Ф. Достоевскому по прочтении его „Дневника“» так оценивал его содержание и направление:

Вот ваш «Дневник» . . . Чего в нем нет?
И гениальность, и юродство,
И старческий недужный бред,
И чуткий ум, и сумасбродство,
И день, и ночь, и мрак, и свет.
О, Достоевский плодовитый!
Читатель, вами с толку сбитый,
По «Дневнику» решит, что вы —
Не то художник даровитый,
Не то блаженный из Москвы.

(*ПГ*, 1876, 3 февраля, № 23)

Еще резче писала «Петербургская газета» о содержании январского номера в передовой статье «Кабинетные моралисты»: «Если мы нередко подсмеиваемся над иностранцами, которые берутся судить о России, вовсе не зная России, то в сто раз более подлежат осмеянию достопочтенные наши соотечественники, которые сочиняют па русское общество всевозможные обвинения, вовсе не зная этого общества, ни его добродетелей, ни его пороков ‹. . .› ум г-на Достоевского имеет болезненные свойства и ‹. . .› умосозерцания его служат наглядною картиною, до каких смешных абсурдов может договориться человек, который берется обвинять современное общество, вовсе не имея о нем понятия. . . Говорите, говорите, г-н Достоевский, талантливого человека очень приятно слушать, но не заговаривайтесь до нелепостей и лучше всего не отзывайтесь на те „злобы дня“, которые стоят вне круга ваших наблюдений. . .». По мнению автора статьи, Достоевский, не понимая молодежи, дал о ней искаженное представление в заметке о самоубийствах, а, описывая елку в клубе художников, раздраженно «выругал» всех: и детей, и подростков, и юношей, и девушек, и взрослых. Из содержания первого номера газета сочувственно выделила лишь рассказ «Мальчик у Христа на елке» (*ПГ*, 1876, 4 февраля, № 24; ср. ниже, стр. 324). Достоевский обратил особое внимание на статью «Кабинетные моралисты», отметив непоследовательность позиции редакции «Петербургской газеты» и уязвимость ее обвинений. Он насмешливо писал в начале февральского номера «Дневника»: «„Петербургская газета“ поспешила напомнить публике в передовой статье, что я не люблю детей, подростков и молодое поколение, и в том же № внизу, в своем фельетоне, перепечатала из моего „Дневника“ целый рассказ: „Мальчик у Христа на елке“, по крайней мере, свидетельствующий о том, что я не совсем ненавижу детей» (стр. 39).

Иначе отнесся к «Дневнику» публицист «Нового времени» (еще до перехода газеты под редакторство А. С. Суворина) И. Ф. Василевский. Правда, в статье «Наброски и недомолвки», подписанной его обычным псевдонимом «Буква», он находил, что Достоевский в первом выпуске «фигурирует в качестве то добродушно, то нервно брюзжащего и всякую околесицу плетущего старика». Но в то же время Василевский, оценивая общую идеологическую позицию Достоевского, писал: «. . . приятно ‹. . .› что в первом выпуске „Дневника писателя“ нет никаких скверностей и пошлостей в духе и жанре „Гражданина“ и кн. Мещерского . . .» (*НВр*, 1876, 8 февраля, № 37). Ту же мысль сформулировал Г. К. Градовский: «Признаюсь, помня, что под этим же заглавием попадались в „Гражданине“ статьи г-на Достоевского во время его редакторства, я не без опасения за его достоинство принялся читать первый нумер „Дневника“. Но, по счастию, все опасения быстро рассеялись с третьей же страницы. Г-н Достоевский отряхнул от себя тот мусор грубого ханжества и шарлатанства, ту смесь шитой белыми нитками лести и угодничества с самым отъявленным невежеством и отрицанием несомненных фактов, ту эксплуатацию чужого доверия и погоню за наживой, которые сквозят в самых патетических местах журнала-газеты и которые бросали невыгод-

ную тень на некоторые статьи его прежнего „Дневника“. Нынешний „Дневник писателя“ читается с удовольствием. Не считая двух-трех страниц, в которых более туманных фраз, нежели мыслей, не касаясь некоторых причудливых и не идущих к делу выходок автора и какой-то эквилибристики фантазии и ума, без цели и значения, всё содержание „Дневника“ представляет ряд блестящих, талантливо написанных набросков и мыслей о нашей „злобе дня“ ‹. . .› „Дневник“ г-на Достоевского уже тем полезен, что заставляет *думать* читателя» (*Г*, 1876, 8 февраля, № 39).

Скабичевский в отличие от Василевского и Градовского не склонен был противопоставлять прежний «Дневник писателя» 1873 г. новому; напротив, он подчеркивал их родство, объективнее других либеральных публицистов оценивая деятельность Достоевского в «Гражданине». Назвав «Дневник» «животрепещущей новостью», Скабический уточнял: «Но новость ли это, полно? С внешней стороны это, конечно, новость, так как перед нами является чуть ли не первая попытка в России издавать ежемесячную газету, наполняя ее исключительно статьями, принадлежащими самому издателю. Но, с другой стороны, по содержанию, подумайте, какая же это новость? Разве мы не знакомы давно уже были с „Дневником писателя“ на страницах „Гражданина“ и чем же настоящий „Дневник писателя“ отличается от него? Решительно ничем. Перед нами тот же г-н Достоевский, рассуждающий подчас довольно сбивчиво обо всем, что попадется ему на глаза, но зато подчас высказывающий оригинальные, глубокие и светлые мысли или же неожиданно обрисовывающий какой-нибудь поэтический образ первой величины» (*БВ*, 1876, 6 февраля, № 36).

Скабичевский противоречиво оценил содержание первого номера «Дневника», похвалы сопроводил многими оговорками: «Первый выпуск „Дневника писателя“, надо сказать по правде, не представляется особенно удачным. От того ли произошло это, что г-н Достоевский не разговорился еще, или предметы, о которых он судит, взяты не вполне удачно, — но „Дневник“ оставляет в вас какое-то неполное впечатление, и все вам кажется, что чего-то в нем недостает ‹. . .› в некоторых местах, хотя бы, например, в главе о спиритизме, вы не разберете, кто такой перед вами — мистик ли, прикидывающийся скептиком, или скептик — мистиком».[1]

Это не помешало, однако, Скабичевскому выразить свое сочувствие центральным идеям январского номера «Дневника» и особенно мыслям Достоевского о современном народе: «Мне кажется даже, что, несмотря на некоторую странность в ходе и изложении мыслей г-на Достоевского ‹. . .› мы с тобою, читатель, далеко не так расходимся с г-ном Достоевским, как это может показаться с первого взгляда. Мы расходимся в таких пустяках, которые ‹. . .› не стоят выеденного яйца, зато сходимся в таких вещах, которые должны быть дороже для нас самой жизни, если только у нас есть с тобою какие-нибудь честные и глубоко внедренные убеждения, а не одно поверхностное усвоение каких бы то ни было прекрасных теорий ‹. . .› мы живем с ним одною верою в такие вещи, которые ‹. . .› должны составлять сущность нашего существования». И далее Скабичевский привел большую цитату из

---

[1] Неудовлетворенность январской книжкой «Дневника», в частности главой о спиритизме, выражали и отдельные читатели. «Сейчас просмотрела № 1 „Дневника писателя“ Достоевского, — занесла 10 февраля 1876 г. в записную книжку писательница и общественный деятель Е. С. Некрасова. — Видно, что автор — очень больной человек: он останавливается только на болезненных явлениях. Несмотря на все его желание быть комичным в некоторых местах и посмешить публику — ему это вовсе не удается. Те прыжки, которые делает автор от одной мысли к другой, вполне изобличают в нем психически больного человека; эти скачки не все преднамерены автором. Рассказ его о Христовой елке хорош по мысли, его проникающей, выполнен же он плохо, как бы новичком в деле писательства. Заметка о спиритизме выдает, что автор уже порядком устарел: он хочет донести читателю и убедить, что он не верит в чертей?!!!» (*ЛН*, т. 86, стр. 444).

«Дневника» о трагическом современном положении народа, обращая внимание читателя на эту симпатичную ему в идейном отношении сторону нового публицистического издания: «Откиньте некоторые частности <. . .> возьмите сущность этого замечательного места из „Дневника“, — и что вам останется, как не протянуть руку г-ну Достоевскому, как вашему единомышленнику, как человеку одной с вами веры. И заметьте, что „Дневник“ весь пропитан этими прекрасными идеями: каждая строка дышит в нем такою высокою гуманностью, такою горячею верою в необъятную мощь народа, таким искренним и неподдельным сочувствием к его страданиям». Завершил свой разбор первой книжки «Дневника писателя» Скабичевский в доброжелательном духе: «. . . судя по первому выпуску, „Дневник“ г-на Достоевского обещает быть весьма почтенным, полезным и замечательным изданием» (там же).[1]

Сдержаннее, чем Градовский и Скабичевский, откликнулся на «Дневник писателя» обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей» В. В. Марков, с удовлетворением, правда, отметивший, что «в „Дневнике“ господствует вообще очень мирное настроение, и размышления автора о разных предметах отличаются большим добродушием <. . .> „Дневник“ имеет интерес, и можно пожелать ему непрерывающегося успеха». Марков сочувственно выделил воспоминания и рассказ «Мальчик у Христа на елке», но пренебрежительно отозвался о Достоевском-публицисте и некоторых, по его мнению, «странностях» вроде статьи-фантазии «Золотой век в кармане»: «Гораздо слабее те части, где автор выступает в качестве публициста, так как суждения его о разных текущих вопросах, вероятно, из желания быть беспристрастным, страдают чрезмерною многосторонностью и расплываются в нечто неопределенное, смутное» (*СПбВед*, 1876, 7 февраля, № 38).

Из журналов на первый выпуск «Дневника» откликнулись, как уже отмечалось выше, только «Отечественные записки». Г. З. Елисеев, касаясь во «Внутреннем обозрении» февральской книжки журнала участившихся железнодорожных катастроф, которые, по его словам, «свидетельствуют перед целой Россией о полной безнаказанности у нас каждого золотого мешка», сочувственно цитирует «Дневник». «Г-н Достоевский в своем „Дневнике“, если не ошибаемся, — продолжает Елисеев, — в первый раз осветил с этой стороны влияние нашей железнодорожной анархии, совершающейся на глазах всех и совершенно безнаказанно, на народ, и замечаний его нельзя не признать глубоко верными» (*ОЗ*, 1876, № 2, отд. II, стр. 298—299). Правда, в той же книжке журнала благожелательный отзыв Г. З. Елисеева соседствовал с иронической репликой Н. К. Михайловского («Вперемежку»). Михайловский подробно остановился на одном «глубоко трагическом эпизоде» поэмы Некрасова «Современники» (смерть сына Зацепы). При этом, полемизируя и со Скабичевским, и с Достоевским — автором «Подростка» и «Дневника писателя», критик писал: «По крайней мере согласитесь, что не с веселою же торопливостью оторвался юноша от жизни и что он умер не от „свинства“, в чем г-н Достоевский уличает всех наших самоубийц. . . («Дневник писателя», № 1) <. . .> Не говорите, что образ юноши Зацепы принадлежит еще доброму старому времени, когда, дескать, семейные узы еще не поколебались под тлетворным дыханием и проч. <. . .> Юноша Зацепа не отрицал, что его отец — вор, не прятал этого факта ни от себя, ни от других и все-таки вызвал на дуэль человека, заявившего этот факт. Он взял на себя грех отца и изнемог под его тяжестью: покаялся, но за покаянием следует причащение, и измучен-

---

[1] Достоевский не прошел мимо того факта, что Скабичевский «протянул ему руку». В следующем номере «Дневника» (главка «О любви к народу. Необходимый контракт с народом»), разъясняя свою позицию в вопросе о народе, он прямо обратился к нему и другим критикам либерально-народнического направления: «. . . я не потаю моих убеждений, именно чтобы определить яснее дальнейшее направление, в котором пойдет мой „Дневник“, во избежание недоумений, так что всякий уже будет знать заранее: стоит ли мне протягивать литературную руку или нет?» (стр. 44).

ный юноша не нашел ничего лучшего, как причаститься смерти» (там же, стр. 317).

В дальнейшем, на всем протяжении 1876—1877 гг., «Отечественные записки» не выступали с развернутой критикой «Дневника писателя». Они не полемизировали, в частности, и с идеями Достоевского-публициста по Восточному вопросу. Это объясняется тем, что некоторые демократические произведения Достоевского были в той или иной мере близки редакции журнала. К тому же редакция не теряла надежды получить от писателя новое художественное произведение. Не прекращались в эти годы и личные, дружеские отношения Достоевского с Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, Плещеевым, видимо сдерживавшими полемический пыл Михайловского.[1] Развернутую оценку публицистической деятельности Достоевского не только 1880-х, но и 1870-х гг. журнал дал позднее (см. об этом комментарий к «Дневникам писателя» за 1880 и 1881 гг.). Другой радикально-демократический журнал «Дело» также долгое время не определял своего отношения к «Дневнику писателя». Лишь в середине 1877 г. П. Н. Ткачев выразил двойственное (и очень характерное как для многих либеральных, так и для народническо-демократических кругов) отношение к «Дневнику писателя»: «Г-н Достоевский вовсе не подозревает, что в его мечтаниях решительно нет никакого фактического содержания, и мыслит он не реально, а бог знает как — хоть святых вон выноси. В то же время сколько искренности, сколько любви и фанатизма в его привязанности к народу, к России» (П. Н. Ткачев. Современное обозрение. — *Д*, 1877, № 6, стр. 63).

Среди консервативных органов неизменно благожелательно и сочувственно относились к «Дневнику писателя» «Русский мир» и «Гражданин». В статье Вс. Соловьева о первом номере «Дневника» содержался подробнейший пересказ его содержания. Критик был об этом номере самого высокого мнения: «Содержание его чрезвычайно разнообразно — это живой разговор человека, переходящий с предмета на предмет, разговор своеобразный и увлекательный, где иногда, под формою шутки, сквозят серьезные мысли. Немало остроумных и тонких замечаний — и все это просто и искренно, на всем лежит печать ума и таланта, чуждых всякой тенденциозности и обязательной окраски. Право, после всех наших журнальных выкрикиваний, после всяких натянутых, насильно вымученных и утомительно-скучных фельетонных causeries, такой „новый фельетон“ представляется самой отрадной неожиданностью. <. . .> Покидая первый выпуск „Дневника писателя“, мы ждем очень многого от такого начала и желаем этому замечательному изданию долгую и беспрепятственную будущность. В успехе же его, даже при странности вкусов некоторой части общества, невозможно сомневаться» (*РМ*, 1876, 8 февраля № 38). В «Гражданине» подробной критики на первый выпуск не появилось, но еженедельник с удовольствием цитировал «Дневник»,[2] полемизируя с суждением Скабичевского (*Гр*, 1876, 22 февраля, № 8) «Шутят или вправду? (Заметки из текущей жизни)». Журнал «Русский вестник» и «Московские ведомости» М. Н. Каткова с оценками не спешили, что, как выяснилось в дальнейшем, не было странностью: указанные наиболее влиятельные консервативные органы были явно недовольны демократическими тенденциями «Дневника писателя».

Последующие (февральский, мартовский) выпуски «Дневника» способствовали упрочению репутации издания. Вплоть до появления апрель-

[1] В 1877 г. Михайловский мимоходом вновь задел Достоевского в «Письмах о правде и неправде» (*ОЗ*, 1877, № 12), указав на противоречивость мировоззрения издателя «Дневника писателя».

[2] Публицист еженедельника сопроводил выписки лирическим признанием: «Когда я жду нового произведения г-на Достоевского <. . .> я <. . .> наперед знаю, что найду в нем и выпишу из него какую-нибудь, а может быть и не одну — живую, светлую, как звездочка, спящую мысль. Г-н Достоевский обладает особенным искусством опускаться в глубину житейского моря и доставать со дна его эти жемчужинки-мысли» (*Гр*, 1876, 8 февраля, № 6: «Две концепции (заметки из текущей жизни)»).

ского выпуска в прессе почти не было новых враждебных Достоевскому откликов. Правда, «Петербургская газета» реагировала на февральский выпуск по-прежнему отрицательно. Причем особенное раздражение у ее рецензента вызвала необычность самой формы «Дневника»: соединение в нем общего с сугубо личным и повседневным: «Недостает только, чтобы по поводу кроненберговского дела Достоевский рассказал, — писал возмущенный рецензент, — как, возвращаясь поздно из типографии, он не мог найти извозчика и поэтому промочил ноги, переходя через улицу, отчего опасается получить насморк и проч.» (*ПГ*, 1876, 2 марта, № 42).[1] Но газета постепенно прекратила свои нападки на «Дневник». Перепечатав в разделе «Фельетон» рассказ «Столетняя», она сопроводила его публикацию шутливыми, но доброжелательными словами: «Ба! вот разносчики кричат на улицах: „«Дневник» Достоевского, третий нумер «Дневника» Достоевского!“ Нет ли там чего? Очень лакомые вещи попадаются у этой старой журнальной пчелы! Жадно врываюсь я в соты „Дневника писателя“ и тотчас вижу, что тут есть достаточно поживы. Притащу к себе в улей из этого „Дневника“ целиком главу вторую» (*ПГ*, 1876, 2 апреля, № 65).

Литературный обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей» В. В. Марков коротко остановился на составе февральского выпуска и выразил неудовольствие однообразием сюжетов, видимо, слишком прямолинейно восприняв слова Достоевского, писавшего, что он «испортил <. . .> февральский „Дневник“, неумеренно распространившись в нем на грустную тему . . .» (стр. 73). «Размышления г-на Достоевского, — писал критик, — читаются без усилий, но можно пожелать, чтоб впредь он держался большего разнообразия в программе своих ежемесячных бесед с публикою» (*СПбВед*, 1876, 13 марта, № 72). Другого публициста газеты (подпись «Р») привлекли в мартовском выпуске «Дневника» страницы, посвященные «разным европейским злобам дня». Критик пришел к заключению, что, хотя от суждений Достоевского о Европе и «несет как бы подогретой личной о „гнилом западе“» и «все это ужасно похоже на несколько приправленные славянофильские консервы», эти суждения во многом справедливы, соответствуют истинному положению дел во Франции и Германии: «Везде самодовольная борьба из-за временных выгод, сытая гордость из-за грошовых успехов, освящение всяких средств и узкого кругозора». Сочувственно отнесся хроникер газеты и к вере Достоевского в великое обновление России, одним из залогов которого в будущем, по его мнению, является всеобщее недовольство и брожение в настоящем: «Как хотите, а у нас все-таки не так. Мы в настоящую минуту не при идеалах — и как мы тревожимся, мечемся, ищем. Нашим силам не найдено нового, широкого применения, но никто не узаконивает их размельчения. Мы их скорее не расходуем, но и не заявляем, что в раздроблении их — спасение. В нас живет сдержанное стремление, и оно беспокойно изыскивает для себя истинный, достойный путь. Мы ревниво сберегаем наши добытые успехи, но без буржуазного самодовольства; мы изучаем явления нашей жизни без самомнения, но со скальпелем доступной критики и сатиры, мы жалуемся, плачемся на отсутствие жизненных идеалов, и здесь именно кроется источник новой жизни, чувство здорового роста и совершенствования» (*СПбВед*, 1876, 7 апреля, № 95, «Заграничная хроника»).

Скабичевскому февральский выпуск «Дневника» понравился значительно больше первого («вышел и дельнее, и цельнее первого. . .»). Критик выделил

---

[1] О содержании февральского выпуска в целом автор статьи «Первое слово г-на Суворина и второе слово г-на Достоевского» отзывался крайне пренебрежительно и с раздражением: «При всем желании у г-на Достоевского на сей раз мы не нашли никакой сущности. Весь „Дневник“ наполнен неудобоваримою философиею по поводу кроненберговского дела, весь переполнен тоски и бессодержательности. Даже художественностью не блеснул на этот раз автор „Дневника“, хотя и рассказал с художественными претензиями анекдотец о чадолюбивом мужичке Марее, связанный неизвестно для чего с острожными воспоминаниями автора „Мертвого дома“» (*ПГ*, 1876, 2 марта, № 42).

мысли писателя «об отношении интеллигенции к народу» и сблизил воззрения Достоевского и Н. К. Михайловского на этот центральный и злободневный вопрос: «Замечательно, что в этих profession de foi он в одном месте поразительно сходится с г-ном Профаном (псевдоним Михайловского, — *ред.*) „Отечественных записок". Подобно тому, как последний, говоря о статье г-на П. И. „О безжизненности современной литературы", приходит к тому мнению, что „у мужика есть чему научиться, но и есть и нам что̀ ему передать", почти то же самое высказывает г-н Достоевский, только другими словами» (*БВ*, 1876, 12 марта, № 70).[1] Высоко оценил Скабичевский «Мужика Марея»: «. . .прелестный рассказ ‹. . .› дышащий теплотою, крайнею простотою и глубокою правдою». О разборе Достоевским речи Спасовича критик отозвался особенно восторженно, назвав его «поистине прекрасным гражданским подвигом». «Я не читал ничего глубже и патетичнее этого разбора из всего, что писано по делу Кроненберга, — восклицал Скабичевский. — К тому же вся наша фельетонная болтовня, конечно, завтра же будет забыта, а то, что написал г-н Достоевский о речи г-на Спасовича, это не забудется, это увековечится в назидание нашему потомству о нашей дрянности, беспринципности и бездушии» (там же).[2]

Народнической критике вообще (а не одному только Скабичевскому) оказались близки многие рассуждения Достоевского. С. А. Венгеров, обозревая в июне 1876 г. пять выпусков, вышедших к этому времени, так обобщил свои выводы о «Дневнике» 1876 г. и его художественно-идеологических тенденциях: «Многим был памятен, — вспоминал он начало «Дневника» и отклики на его первую книжку, — отдел, веденный тем же г-ном Достоевским под тем же названием в „Гражданине", и нельзя сказать, чтобы эти воспоминания умаляли сомневающееся настроение. Но уже с первого выпуска „Дневника" всякие сомнения рассеялись и успех его все более и более упрочился ‹. . .› Содержание „Дневника" публицистическое. Но как далеко оно от того, что у нас называется публицистикою! ‹. . .› Г-н Достоевский говорит обществу резкое, суровое слово, но это слово искренне, и поэтому к нему все невольно прислушиваются ‹. . .› важное приобретение г-на Достоевского с тех пор, как он издает „Дневник", — он совершенно порвал сношения с московскими спасителями отечества и начал высказывать такие мысли, за которые „Русский вестник" его не похвалит».[3] И Венгеров приходил к заключению, что в «Дневнике писателя» «русская журналистика приобрела орган, заслуживающий всякого уважения», он желал Достоевскому «продолжать свое издание в том же духе и направлении» (Литературные очерки.

---

[1] С. А. Венгеров в обзоре «Очерки текущей литературы» (подписанной его псевдонимом «Фауст Щигровского уезда») высказывался о «народничестве» Достоевского почти в том же духе (см.: *НВр*, 1876, 18 марта, № 19).

[2] Ср. со свидетельством Алчевской в письме к Достоевскому от 19 апреля 1876 г.: «Я знаю людей, которые ‹. . .› говорят: „Пройдет несколько лет, забудется дело Кроненберга, забудется все, что писалось и говорилось по этому делу, все фразистые фельетоны, все слащаво гуманные речи, одна только *эта* статья никогда не утратит своего значения и будет служить живым укором и обществу, и адвокатуре, и всем нам"» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 286).

[3] Еще раньше Венгерова на противоположность направления «Дневника писателя» консервативному курсу «Русского вестника» Каткова указал Г. К. Градовский. Критик «Голоса», обратив внимание читателя на слова Достоевского о том, что «народ является носителем наших лучших идеалов, даже до того, что все, что есть в литературе прекрасного, „истинно прекрасного", как говорит г-н Достоевский, „то все взято из народа"», предвосхитил своей репликой полемику между Достоевским и В. Г. Авсеенко: «Не похвалит же г-на Достоевского за это кощунственное воззрение присяжный критик „Русского вестника", полагающий, как известно, что наша литература стала падать именно с того момента, когда стала черпать свои типы и идеалы из народа!» (*Г*, 1876, 7 марта, № 67).

Искренняя откровенность. Подпись — «Фауст Щигровского уезда». *НВр*, 1876, 17 июня, № 107).

Выделил С. А. Венгеров, как и некоторые другие либеральные публицисты, и взгляд Достоевского (в майском выпуске «Дневника») на проблему эмансипации женщины: «. . . г-н Достоевский становится в ряды защитников женщины, становится не заурядно, шаблонно, рутинно, а во всей мере этого вопроса, со всей силою первоклассного, почти гениального дарования» (там же).[1]

Консервативная пресса неоднозначно восприняла «profession de foi» Достоевского в февральском и мартовском выпусках. Вс. С. Соловьев в литературном обзоре подробно изложил воззрения Достоевского на проблему народа и интеллигенции.

Точка зрения автора «Дневника» критику симпатична, но, судя по неуверенному и грустному тону статьи, он плохо верил в рецепты «спасения» «посредством народа». «Мы, — писал Соловьев, — больные, замученные, мечущиеся в тоске и бессилии, должны собрать все, что у нас осталось лучшего, и, забыв свои страдания, постараться спасти народ для того, чтобы, в свою очередь, от него, уже спасенного, получить и наше спасение. Возможна ли эта задача — на вопрос этот ответит только время. <. . .> Нам хотелось бы верить, что Ф. М. Достоевский не увлекается в своем воззрении на народ, нам хотелось бы разделять его надежды» (*РМ*, 1876, 7 марта, № 65, Вс. С-в. Современная литература). В. Г. Авсеенко, постоянный и ведущий критик «Русского вестника», занял противоположную позицию, осудив в статье «Опять о народности и о культурных типах» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 362—387; подпись «А») «народничество» Достоевского. Автор «Дневника», по замечанию Авсеенко, «много говорит о народе и о предстоящей нам необходимости погрузить в него свои пустые сосуды» (там же, стр. 365). Консерватор Авсеенко, напротив, стремился в противовес народу, у которого он готов был признать всего лишь «стихийные идеалы», возвысить «европейски образованное меньшинство», «культурный слой», т. е. дворянство.

В мартовском выпуске Достоевский корректно разъяснил Г. К. Градовскому, что тот произвольно истолковал его суждения о народе и, в сущности, сочинил «противоречия», приписав их автору «Дневника».[2] Статья Авсеенко потребовала более серьезного и подробного ответа: Достоевский посвятил полемике со взглядами Авсеенко почти половину апрельского выпуска «Дневника», вскрыв подноготную его творчества не только как критика, но и как великосветского романиста. Памфлет против Авсеенко явился продолжением прервавшейся в 1863 г., с закрытием журнала «Время», полемики Достоевского с «Русским вестником» Каткова.

---

[1] По поводу выступлений Достоевского по женскому вопросу «Церковно-общественный вестник» опубликовал письмо Л. Х. Симоновой-Хохряковой, благодарившей в восторженных выражениях Достоевского за «нечто совсем новое, особенно смелое и навсегда слово в слово залегающее в сердце» высказывание о современной русской женщине. «„Дневник писателя“, — заключала Хохрякова, — должен быть настольною книгою русской женщины, он перейдет из рук в руки от современников к потомству, а стало быть, поклон русской женщины примет автор „Дневника писателя“ не только в настоящем и в подрастающем поколении; то же выразится и в отдаленном потомстве» («Церковно-общественный вестник», 1876, 2 июля, № 72). Хохрякова была не одинока в своих симпатиях к «Дневнику писателя», ее чувства разделяли и другие читательницы журнала, как об этом свидетельствуют их письма к издателю.

[2] Возражал Г. К. Градовскому на его статью (*Г*, 1876, 7 марта, № 67) и публицист «Гражданина», высмеявший рассуждения фельетониста «Голоса» («один мудрец, строчащий фельетоны») и самый тон его критики (*Гр*, 1876, 14 марта, № 11).

Ответ Достоевского критику «Русского вестника» был благожелательно встречен не только либеральной критикой, но и «Гражданином».[1] П. Д. Боборыкин в статье «Новые птицы — новые песни» оценил полемическую отповедь Достоевского как «блистательный протест ‹. . .› горячее, свободное и смелое слово за тот же самый народ, которого западники вроде г-на Авсеенко, прельщенные всею мишурою, фальшью, дрянностью барского культурного мира не могут ни понимать, ни изучать». Боборыкин, почти всецело становясь на точку зрения Достоевского и относя его взгляды к тому «новому направлению русской публицистики», симптомы которого проявились в «Отечественных записках», «Неделе», «Молве», «Дневнике писателя», констатировал: «Г-н Достоевский идет в самую глубь вопроса, как он теперь поставлен. . .» (*СПбВед*, 1876, 18 мая, № 136). По мнению критика «Одесского вестника» А. И. Кирпичникова (подписывавшего свои «Литературные очерки» псевдонимом «С. С.»), Достоевский «превосходно охарактеризовал» самую сущность мировоззрения Авсеенко (*ОВ*, 1876, 29 мая, № 116). «Новое время» Суворина в разделе «Среди газет и журналов» поместило большую цитату из апрельского выпуска «Дневника», назвав характеристику Авсеенко «прекрасной» (*НВр*, 1876, 8 мая, № 68).[2] «Русский вестник» и «Московские ведомости» [3] по понятным причинам промолчали.

Сочувствие демократическим элементам взглядов Достоевского, проявившимся, в частности, в его полемике с Авсеенко, не помешало, однако, публицистам как либерального, так и народнического направления вступить в ожесточенный спор с высказываниями Достоевского в том же апрельском выпуске о войне и мире (глава вторая, § 2 «Парадоксалист»). Наиболее серьезные возражения против рассуждений Парадоксалиста высказал публицист газеты «Голос», музыкальный критик Г. А. Ларош (подпись «L»). Статья Достоевского побудила его преодолеть «боязнь» и «трусость» и заговорить о «Дневнике писателя». «Да, я боялся г-на Достоевского, — признавался Ларош, — как темы уж очень сложной и тонкой. Я не встречал более трудного объекта для литературной критики; в этом писателе соединяется решительно всё, что может озадачить и запугать читателя не только поверхностного, но даже очень и очень внимательного» (*Г*, 1876, 19 мая, № 138). Большую часть статьи Лароша занимает пересказ главки «Парадоксалист» с полемическими комментариями. «Давно мы ‹. . .› не слыхали такого откровенного слова. Это будет даже почище г-на Фадеева с его проектом контрреформ. . .», — иронизировал Ларош. Отметив, что «автор возражает мнимому противнику (Парадоксалисту, — *ред.*) с мягкостью, даже преувеличенною», критик заключал: «„Парадоксалист“ — не более как новый псевдоним для г-на Достоевского. Нужно быть очень мало знакомым с его произведениями последних лет, чтоб сомневаться, на чьей стороне симпатии автора». Ларош сравнил Достоевского с одним из идеологов Реставрации Жозефом де Местром: «Как видите, у нас, русских, есть свой граф Жозеф де Местр. Стыдиться нам его нечего: по силе таланта он не только не уступает французскому, но и далеко превосходит его» (там же).

---

[1] «Ф. М. Достоевский рассердился до некоторой раздражительности, — писал публицист еженедельника, — но зато как хорошо, как язвительно-хорошо вышло это „молитвенное, коленопреклоненное“ отношение г-на Авсеенки ‹. . .› к высшему свету, это благоговение пред каретой с фонарями, это умиление пред „теплым, веселым буржуазным жанром, который, порою, так пленителен на французской сцене“. Читая эти гневные строки, я отмечал каждую капельку желчи и невольно (грешный человек!) желал еще побольше остроты и горечи. . .» (*Гр*, 1876, 23 мая, № 17).

[2] Газета неоднократно выражала симпатии к «Дневнику писателя» и его автору, публикуя выписки из журнала в указанном разделе (*НВр*, 1876, 9 мая, № 69; 2 июня, № 92; 7 сентября, № 189; 2 октября, № 214).

[3] Лишь один раз «Московские ведомости» процитировали, тенденциозно выбрав, «антилиберальные» места из мартовского выпуска «Дневника писателя» (*МВед*, 1876, 28 апреля, № 104).

Другому критику «Голоса», Г. К. Градовскому, тезисы Парадоксалиста не без основания напомнили идеи представителя другого направления — те парадоксы, которые за несколько лет до этого излагал в книге «Война и мир» гегельянец-анархист Прудон (*Г*, 1876, 23 мая, № 142). Недоумение вызвала глава «Парадоксалист» у публициста «Одесского вестника», С. И. Сычевского (1835—1890), который вел в газете постоянную рубрику «Смех и горе» (подпись «Z»): «Парадоксалист г-на Достоевского так мастерски защищает свои парадоксы, что не только сам автор „Дневника писателя" остается в решительном недоумении, но и я, человек посторонний, был немного сбит с толку» (*ОВ*, 1876, 23 мая, № 112). С. И. Сычевский противопоставил тезисы Парадоксалиста пацифистским мотивам публицистики В. Гюго, утверждая, что «автор „Дневника писателя", будучи отличным романистом-художником», совершенно несостоятелен как мыслитель: «У него, собственно говоря, есть все материалы для этого, за исключением одного — математической дисциплины мысли, если можно так выразиться. Все формы доказательств являются у него по первому востребованию, как бы в калейдоскопе, но ни одна из них не играет серьезной роли. . . Да что стесняться? Скажу прямо: мне кажется, что у г-на Достоевского нет серьезного убеждения, а есть нервные прихоти» (там же, 29 мая, № 116).[1]

Майский выпуск вызвал раздраженную реакцию А. М. Скабичевского, круто переменившего свое отношение к «Дневнику писателя» (характерен и подзаголовок статьи: «Майский выпуск „Дневника писателя", в котором г-н Достоевский, находя, что суд не совершил всего что следовало над г-жою Каировою, довершает дело суда тем, что закидывает грязью несчастную женщину»). Особенно возмутила Скабичевского памфлетная «форма», в которую Достоевский облек разбор речи защитника Каировой Утина: «. . . впредь я не иначе как с отвращением буду читать все разглагольствования г-на Достоевского о евангельской чистоте и незыблемости народных основ, о смиренномудрии, гуманности, незлобии и т. п., о чем любит он размазывать с четками в руках и сердобольными вздохами. Мне так и будет постоянно мерещиться из-под маски смиренномудрого лицемерия скрежет зубов изувера, готового с площадною бранью наброситься на первую женщину, имевшую несчастье очутиться на скамье подсудимых» (*БВ*, 11 июня, № 159). С. А. Венгеров не согласился с этими выводами Скабичевского, вступив с ними в прямую полемику: «Усвоение Достоевским евангельских истин, — писал Венгеров, — усвоение такое, что едва ли в этом отношении кто-нибудь из интеллигенции может померяться с ним, не мешает ему, однако, всегда требовать полной справедливости в судебных приговорах и не увлекаться ложною сентиментальностью. Многие обвиняют его за упреки присяжным в излишней строгости и ставят его за это на одну доску с московской кликой и другими врагами нового суда. Но по-моему тут следует видеть еще одно доказательство прямоты и чувства справедливости г-на Достоевского» (*НВр*, 1876, 17 июня, № 107).[2]

---

[1] Противоположную позицию занял «Гражданин». Фон Шмерц в статье «Из Москвы» писал: «Правду, видно, сказал Ф. М. Достоевский в „Дневнике писателя", что война сближает, сплачивает разъединившиеся слишком взгляды, стремления и проч., вырабатывающиеся обыкновенно в течение долгого мира. Война еще не с нами — собратьями нашими только, а и то уже пошло вдоль и поперек матушки России дружное, братское стремление помогать общими силами» (*Гр*, 1876, 1 августа, № 27).

[2] «Гражданин» свое сочувствие язвительному разбору в «Дневнике» речи Утина подчеркнул пространными выписками наиболее резких мест из него (*Гр*, 1876, 6 июня, № 19). К оценке «Гражданина» присоединился К. П. Победоносцев; он писал (3 июня 1876 г.) Достоевскому: «Последний ваш номер очень удовлетворил меня. Не смущайтесь, если вас ругать станут. Надо не кланяться идолам, а повергать их во прах» (*ЛН*, т. 15, стр. 131). Большое впечатление произвел, однако, майский номер «Дневника» и на людей совсем другого образа мыслей, например Алчевскую, но привлек он

Отзыв Венгерова был последней в 1876 г. благоприятной оценкой «Дневника писателя» на страницах либеральной и народнической прессы. Уже упомянутый майский выпуск «Дневника» послужил поводом для Г. А. Лароша более четко определить свое отношение и к Достоевскому, и к его оригинальному изданию. Открыв свою статью Ларош комплиментами: «Этот майский выпуск, по литературному достоинству, едва ли не выше четырех предыдущих. Вообще г-н Достоевский начал свой журнал необыкновенно счастливо: в каждом нумере было хоть что-нибудь оригинальное, умное и интересное, а нередко мелькали и настоящие художественные страницы. Энергия и живучесть автора <. . .> уже сами по себе приятно изумляют . . .» (*Г*, 1876, 3 июня, № 152). Страницы, посвященные Кашровскому делу, Ларош назвал безукоризненными, талантливыми; критик, однако, восхищался лишь «чистой формой», а не содержанием. Отдал должное Ларош и «уму» Достоевского: «. . . сильный, самобытный, чрезвычайно блестящий, но ум софиста, который раз в жизни обманул себя и теперь, что ни творит, все творит под воздействием этого обмана». Высказав эту весьма сомнительную похвалу «уму» Достоевского, Ларош далее отлучил Достоевского от демократического лагеря и даже вообще от гуманистического направления: «. . . сочувствие г-на Достоевского, — писал Ларош, предвосхищая во многом последующие сходные суждения Михайловского, — давно уже покинуло наковальню и перешло на сторону молота <. . .> консерватор, давно сидевший на дне знаменитого писателя, до того разросся и раскинул свои загребистые ветви, что сбил в уголок, прижал и почти задушил филантропа». Выводы, к которым пришел Ларош, резко контрастируют со спокойно-комплиментарным началом статьи. Заканчивая ее, критик «Голоса» обратился к Достоевскому со словами, в которых сквозило плохо сдерживаемое раздражение: «Главное: не стесняйтесь и не конфузьтесь. Говорите прямо, что у вас на душе. Пишите оды милитаризму, требуйте увеличения постоянных армий и возвышения налогов <. . .> требуйте усиления прокурорских строгостей, кассации оправдательных приговоров, а буде и это не поможет — уничтожения гласного суда; но не забудьте, что новое слово налагает на вас и новые обязанности. Проповедуя его, вы уже не можете, между прочим, облекать свои члены в тот покойный, мягкий и теплый халат сердобольного человеколюбия, который украшал вас до сих пор, но который у ваших новых товарищей считается распущенностью и даже легким признаком неблагонамеренности. . .» (там же). Сравнивая смех Достоевского со смехом Мольера, Свифта и Гоголя, рецензент «Голоса» приходил к выводу, что «такой веселости у автора „Мертвого дома“ нет, но злого сарказма много» (там же). «Исключительность, — заявлял он же несколько раньше, — нисколько не мешает г-ну Достоевскому быть превосходным фельетонистом» (там же, 19 мая, № 138). Тезис Лароша поддержал С. И. Сычевский, рецензент «Одесского вестника»: «Вообще говоря, его не любили, — замечает он о Достоевском. — Но с того времени, как он стал ежемесячно издавать „Дневник писателя“, симпатии публики были ему завоеваны» (*ОВ*, 1876, 15 июля, № 155). «Там, где французский фельетонист рассказывает и отчасти балагурит, русский рассуждает, возбуждает и разрешает довольно серьезные вопросы, — хотя по временам тоже балагурит» (там же, 23 сентября, № 208).

Но и Сычевский, подобно Ларошу, признавая литературно-художественные достоинства «Дневника писателя», акцентировал свое неприятие общественно-политической позиции Достоевского: «В своем „Дневнике“ он явля-

---

ее внимание не выпадами против либерализма, как Победоносцева и редакцию «Гражданина», а гуманистическими идеями, эмоциональной напряженностью, глубокой искренностью. Алчевская писала А. Г. Достоевской 1 июня 1876 г.: «Прочла. Плакала над Кашровой, плакала над Писаревой, плакала над воспитательным домом — удивительно, как может один человек вмещать в себе столько теплоты и чувства, что стало бы, кажется, на тысячу» (*ЛН*, т. 86, стр. 447).

ется обыкновенным, — но очень умным, — фельетонистом славянофильского пошиба. Признаюсь откровенно, — этот тип мне несимпатичен, как несимпатична мне вообще манера Достоевского ставить вопросы и решать их <. . .> он очень умен; но в его уме недостает одной черты, которую я считаю весьма существенною: точности. Правда, взамен этого у него есть наблюдательность, яркое и весьма часто очень меткое слово, искренность, чувство. . . Да, чувство. Достоевский особенно силен так называемой логикой чувства. Она часто подкупает до такой степени, что не замечаешь ни логических скачков, ни парадоксов, ни противоречий. . .» (там же, 29 мая, № 116). Направление «Дневника» в том виде, в каком оно прояснилось к середине 1876 г., Сычевский отвергал в столь же резкой форме, как Скабичевский и Ларош: «Та же затхлая хомяковщина и аксаковщина, под тем же кислым соусом! <. . .> у г-на Достоевского совсем нет никаких убеждений относительно „национальных" вопросов» (там же).

Высказывания Достоевского по Восточному вопросу были вполне сочувственно приняты лишь консервативной и умеренно-либеральной печатью. «Санкт-Петербургские ведомости» передовую статью от 9 июля 1876 г. открыли цитатой из июльского выпуска «Дневника»: «И не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и к человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации». Редакция газеты целиком соглашается с такой позицией Достоевского: «Такими словами „Дневник писателя" очерчивает наше отношение к так называемому восточному вопросу и к вопросу единения славян. Сколько правды лежит в этих словах! Сколько человеколюбия, сколько любви высказано в этих прямых, но ясных словах писателя!» (*СПбВед*, 1876, 10 июля, № 188).[1] Критик «Одесского вестника» писал об «искренности и задушевности, согревающих все те места, где говорится о геройской борьбе славян на Балканском полуострове». Но он же решительно осудил полемику Достоевского с «Вестником Европы», как и его мечты о будущей роли Константинополя как символа объединения славянства под эгидой царя, придя к заключению, что писатель «немного злоупотребляет восточным вопросом» (*ОВ*, 1876, 10 октября, № 222).

Критические возражения либеральных публицистов были вызваны парадоксальными суждениями, прекраснодушными апелляциями Достоевского к самодержавию и его реакционными проектами. Сменивший Г. К. Градовского в «Голосе» фельетонист (подписывавшийся «Мыслете») остро иронизировал над содержанием статьи «Халаты и мыло» (§ 4 первой главы сентябрьского выпуска), равно как и над приемами полемики Достоевского с «Вестником Европы» и с лордом Дизраэли (*Г*, 1876, 3 октября, № 273). Ему возражал «Гражданин», утверждавший, что Мыслете «изуродовал смысл главы „Халаты и мыло"» (*Гр*, 1876, 11 октября, № 30—31). Консервативная пресса — что весьма характерно — с понятным пристрастием зачастую цитировала сочувственно самые уязвимые и парадоксальные высказывания Достоевского.[2] Сторонник сословного строя и сильной власти К. Н. Леонтьев, противопоставив «больного» художника Достоевского «здоровому» политику, так рассказывал позднее о своем восприятии статей «Дневника писателя» по Восточному вопросу: «Я помню то наслаждение, которое я испытывал,

---

[1] Аналогичной была и реакция Вс. С. Соловьева: «В другое время, при других обстоятельствах, пожалуй, нашлись бы люди-охотники, чтоб посмеяться над его горячим и вдохновенным словом, над его мечтами. Но теперь из русских вряд ли найдутся такие люди. Наш проницательный писатель откровенно сказал то, что у каждого из нас в мыслях и в сердце. Все мы так мечтали, все мы желаем верить в его утопию» (*РМ*, 1876, 18 июля, № 196).

[2] См. например: *Гр*, 1876, 4 октября, № 28—29; 8 ноября, № 38—40.

читая в 70-х годах его „Дневник писателя“, особенно во время борьбы христиан против Турции и во время нашей с ней войны. Его патриотизм, столь искренний и умный, его монархическое чувство <. . .> этот местами столь милый юмор (например: «За границей уверяют, что наши офицеры, которые сражаются в Сербии, под начальством Черняева, — социалисты. Что за вздор, — говорит Достоевский, — выпить лишнее — это правда, русский человек слаб; ну, а социализм — это неправда»)» (К. Леонтьев. Собрание сочинений, т. VII. СПб., 1913, стр. 444).

Последний абзац статьи «Piccola bestia» (сентябрьский выпуск; см. наст. изд., т. XXIII) — возражение Достоевского на речь Дизраэли — понравился не одному Леонтьеву: с удовольствием он был перепечатан «Гражданином» (1876, 4 октября, № 28—29) и «Русским миром» (1876, 17 октября, № 254. Вс. С<оловье>в. Литературные и общественные заметки). Такое совпадение в оценках сентябрьского выпуска консервативными публицистами различных оттенков ярко свидетельствует об идейных заблуждениях и срывах автора «Дневника».

В дальнейшем неизменно положительно и сочувственно относились к изданию Достоевского, пожалуй, только «Русский мир» в лице Вс. С. Соловьева, «Гражданин» Мещерского и «Новое время» Суворина. Другие же консервативные органы печати — и притом наиболее влиятельные: газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник» М. Н. Каткова — продолжали настороженно относиться к «Дневнику». Закономерно, что, как мы видели выше, именно в «Русском вестнике» появилась враждебная статья В. Г. Авсеенко с нападками на «народнические» идеи «Дневника». Либеральные публицисты «Голоса», «Биржевых ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Нового времени», напротив, недвусмысленно высказали свои симпатии именно «народническим» идеалам Достоевского, особенно ярко выраженным в четырех первых выпусках «Дневника», и приветствовали его «разрыв» с московскими консерваторами. В этой связи любопытно суждение С. А. Венгерова, который, обращаясь к московским «спасителям отечества» (т. е. Каткову) и призывая их «прикусить язычок», иронически писал: «Вот и Достоевский ушел от вас. Да и как ушел! Даже не признал противников воюющей стороной <. . .> И это высказал автор „Бесов“. Как хотите, но тут следует видеть сильное знамение времени. . .» (*НВр*, 1876, 17 июня, № 107).

Оценки «Дневника писателя» либеральной прессой колебались в зависимости от содержания очередного выпуска журнала Достоевского. Противоречивость и сложность идеологической позиции автора «Дневника» сбивала с толку журналистов различных направлений, то и дело менявших свое отношение к изданию. Оппоненты Достоевского оказались бессильными разобраться в противоречиях идеологической позиции «Дневника писателя». Особенно примечательна замысловатая кривая отзывов о «Дневнике» Скабичевского, чаще всех, кстати, писавшего об издании. Начал Скабичевский со сдержанных комплиментов, перешедших вскоре почти в восторженное славословие, которое вдруг и резко сменила самая неумеренная, эмоциональная критика майского номера издания. Следующий выпуск «Дневника» вызвал новый поворот, другое отношение критика: Скабичевский сочувственно цитировал статью-некролог Достоевского о Жорж Санд, противопоставляя его взгляд мнению Э. Золя, которое произвело на критика «неприятное впечатление»[1] (*БВ*, 1876, 9 июля, № 187). Удивившись, наконец, противоречивости собственных оценок о противоречивом авторе «Дневника», Скабичевский, для того чтобы объяснить колебания в своих литературных фельетонах, прибегнул к концепции о присутствии в Достоевском двух двойников как

---

[1] Аналогично Скабичевскому решал этот вопрос, сопоставляя суждения о французской писательнице, и Вс. Соловьев (*РМ*, 1876, 11 июля, № 189; см. также письмо его к Достоевскому от 3 июля 1876 г. — *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 182). С. И. Сычевский отмечал, что Достоевский «прекрасно охарактеризовал влияние Жорж Санд в России между тридцатыми и сороковыми годами» (*ОВ*, 1876, 15 июля, № 155).

спасительному последнему доводу: «Мне скажут, что я сам себе противоречу, — объяснял Скабичевский себе и читателям. — Что не сам ли я в начале нынешнего года превозносил г-на Достоевского, говоря о первых выпусках его „Дневника", причем заявлял, что при всех кажущихся разногласиях мы сходимся в некоторых основных взглядах и можем протянуть руку г-ну Достоевскому, как союзнику в наших заветных стремлениях. Да, я говорил это и не отрекаюсь от своих слов. <...> я не раз уже высказывал в своих фельетонах, что в г-не Достоевском сидят два двойника совершенно противоречивых свойств. И чем же виноват я, что светлого двойника хватило не более как на два, на три выпуска „Дневника", да и то с грехом пополам, а в дальнейших выпусках его заменил мрачный двойник и с каждым новым нумером все более и более воцаряется в рассуждениях г-на Достоевского» (*БВ*, 1876, 5 ноября, № 306). Очередной «новый нумер» с повестью «Кроткая» заставил Скабичевского прибегнуть к другой, уже ставшей традиционной критической схеме — лобовому противопоставлению художника и публициста: «Если бы г-н Достоевский <. . .> не поместил бы в своем „Дневнике" ни одного из своих прямо-криво-косо-линейных рассуждений, читатель остался бы вдвойне доволен: к концу года вместо тома плохого мыслителя у него образовался бы том талантливого художника, и читатель был бы таким образом в полном барыше» (*БВ*, 1876, 10 декабря, № 346).[1]

Регулярность выхода номеров издания создавала особенно благоприятную возможность для Достоевского реагировать на критические отзывы быстро и своевременно. Достоевский блестяще использовал эту возможность, о чем убедительно свидетельствуют его ответы не только В. Г. Авсеенко, но и критику Энпе из «Развлечения» (см. наст. изд., т. XXIV). Достоевский внимательнейшим образом прочитывал буквально все критические мнения о «Дневнике писателя», регистрировал выписки и цитаты из него в газетах, ревниво фиксируя случаи, позволявшие заподозрить возможность плагиата.[2] Критические суждения были жизненно необходимы автору «Дневника писателя»: они являлись неоспоримым свидетельством интереса к журналу общественности. Постоянная полемика с критическими откликами и суждениями рецензентов — враждебными и дружескими — помогала Достоевскому иначе определить свою идеологическую позицию, способствуя постепенной выработке направления «Дневника».[3]

8

Одним из важных, примечательных для автора последствий, к которым привело издание «Дневника писателя», было возникновение в 1876—1877 гг. обширной читательской корреспонденции в адрес издателя «Дневника». Многочисленные весьма различные по социальному положению и характеру

---

[1] Следует отметить, что Достоевского молчание о «Дневнике» задевало не меньше нападок. Он с обидой писал (16 июля 1876 г.) В. С. Соловьеву о реакции печати на июньский выпуск: «Даже дружественные мне газеты и издания сейчас же закричали, что у меня парадокс на парадоксе, а прочие журналы даже и внимания не обратили, тогда как, мне кажется, я затронул самый важнейший вопрос».

[2] Например, он отмечал в записной тетради 1876—1877 гг.: «„Современные известия" воруют у меня, только пишут глупо»; «„Новое время". Четверг, 10 июня, № 100. Приведена в политическом обозрении моя фраза о „налоге в шкатулке у кн<язя> Бисмарка", но так, как будто это сказал не я, а кто-то другой. Иметь в виду» (см. наст. изд., т. XXIV).

[3] Об отношении русской периодической печати к «Дневнику писателя» см. также статью: И. Л. Волгин. Достоевский и русское общество. 1. О направлении «Дневника писателя». «Дневник» и русская пресса. — *РЛ*, 1976, № 3, стр. 123—132.

своих умственных запросов читатели со всех концов России писали автору, требуя от него совета или сообщая ему свои вопросы и недоумения. В письмах к ним и на страницах самого «Дневника» Достоевский беседовал с ними, спорил, разъяснял и отстаивал свою точку зрения.

«К концу первого года издания „Дневника“, — вспоминает Александров, — между Федором Михайловичем и его читателями возникло, а во втором году достигло больших размеров общение, беспримерное у нас на Руси: его засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности за доставление прекрасной моральной пищи в виде „Дневника писателя“. Некоторые говорили, что они читают его „Дневник“ с благоговением, как священное писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула, и просили его разрешить их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 240—241).

По подсчетам историка И. Л. Волгина до нас дошли 92 письма читателей «Дневника» к Достоевскому за 1876 г. и 100 писем за 1877—1878 гг.; в том числе подписанных писем — 168, анонимных или подписанных инициалами — 24; по месту отправления эти письма распределяются следующим образом: из Петербурга — 56, из Москвы — 14, из провинции — 122 (И. Л. Волгин. Редакционный архив «Дневника писателя». — *РЛ*, 1974, № 1, стр. 154). Но подсчеты эти неполны, так как не все письма читателей сохранились.[1]

М. А. Александров отмечает: «Контингент читателей „Дневника писателя“ составлялся главным образом из интеллигентной части общества, а затем из любителей серьезного чтения всех слоев русского общества» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 240).

«Была какая-то часть молодой интеллигенции, и немалая, — верно заметил А. С. Долинин, — которая, несмотря на всю его „реакционность“, чувствовала в нем — именно чувствовала, скорее, чем осознавала, — что мерка реакционности для него слишком узка, что идеология его далеко еще не закончена, он весь в движении, в исканиях и какой-то стороной своей, отнюдь не второстепенной, он с ней, с этой смятенной, колеблющейся, кидающейся из стороны в сторону, демократически настроенной молодежью» (*Д*, *Письма*, т. IV, стр. 360).

Характерно признание харьковской литераторши Х. Д. Алчевской: «Достоевский всегда был одним из моих любимых писателей. Его рассказы, повести и романы производили на меня глубокое впечатление. Но когда появился в свет его „Дневник писателя“, он вдруг сделался как-то особенно близок и дорог мне. Кроме даровитого автора художественных произведений, передо мною вырос человек с чутким сердцем, с отзывчивой душой, человек, горячо откликавшийся на злобы дня» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 281). Письма Алчевской к автору «Дневника писателя» неизменно эмоционально приподняты. Они позволяют понять, что именно в этом издании привлекало демократически настроенную часть читателей.

«Когда я в первый раз прочла объявление о „Дневнике“, — писала Достоевскому 19 апреля 1876 г. та же Алчевская, — я никак не могла представить, что именно это будет ‹. . .› Когда получен был первый номер, мне показалось, что именно таким он и должен быть и другим быть не может. . .» (там же, стр. 286—287).

«Февральский №, — сообщала она 10 марта 1876 г., — понравился нашему кружку еще более первого, особенно „дело Кронеберга“». И читательница «Дневника» спешит сообщить автору, что рассказы «Мальчик у Христа

---

[1] Публикацию писем читателей «Дневника» к Достоевскому см.: «Каторга и ссылка», 1927, № 4, стр. 85—86; *Д*, *Письма*, т. III, стр. 362—363; 377—383; 385—387; 389—390; *Письма читателей*, стр. 173—196; *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 196—223; *Достоевский и его время*, стр. 250—280; *Материалы и исследования*, т. II, стр. 297—323. Ср. статью: И. Л. Волгин. Достоевский и русское общество. 2. «Дневник писателя» и его корреспонденты. — *РЛ*, 1976, № 3, стр. 132—143.

на елке» и «Мужик Марей» она, по общему мнению, «прочла с большим пониманием и увлечением на наших литературных вечерах» (*ЛН*, т. 86, стр. 448). Алчевской приходилось вступать и в спор с Достоевским: хотя по ее словам автор «Дневника» был ее «кумиром», она в своих воспоминаниях пишет о нетерпимости Достоевского «в споре», приводя в доказательство ряд его устных высказываний по национальному вопросу и о романе «Анна Каренина», вызвавших ее несогласие (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 293—295).

Среди корреспондентов Достоевского следует выделить давних его знакомых, в том числе бывших сотрудников журналов «Время» и «Эпоха». Некоторые из них предлагали издателю «Дневника» свои услуги, — например публицист и историк М. И. Семевский, переславший ему 8 ноября 1876 г. два документа для «Дневника писателя» с просьбой не называть «лицо, их сообщившее» (*ГБЛ*, ф. 93/11, оп. 8, ед. хр. 88).[1] Другие просто выражали свои симпатии публицистической деятельности Достоевского, — например поэт Я. П. Полонский, тепло отозвавшийся 4 февраля о первом выпуске «Дневника» (см.: Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., ГИЗ, 1923, стр. 75—77).

Н. Н. Бекетов, известный ученый-химик, товарищ юности Достоевского, писал 23 февраля 1877 г.: «. . .пользуюсь правом, данным вами всякому читателю „Дневника“, сказать несколько слов. . . Чтение ваших произведений — это беседа с собственной совестью — до того они имеют общечеловеческий, всеобъемлющий смысл. Прекрасная явилась у Вас мысль делиться с публикою своим душевным сознанием всего творящегося вокруг нас» (*РЛ*, 1976, № 3, стр. 134—135).

Друг Н. В. Гоголя в 1840-х гг., в конце жизни финансист и железнодорожный деятель, Ф. В. Чижов (1811—1877) писал 4 марта 1876 г. Г. П. Галагану, что он прочитывает «Дневник», «чтобы видеть, как один человек сладит с годовым изданием». В февральском номере «Дневника» особое внимание Чижова привлекли рассуждения о современном юношестве, которое «ищет подвигов и жертв» (стр. 41). Эти рассуждения автора «Дневника» вырвали и у престарелого Чижова горячие слова в защиту революционной молодежи 1870-х гг., которая в отличие от своих отцов, во времена которых «не было и помину об идеалах общественных», «идет в ссылку единственно потому, что стремится осуществить свой общественный идеал» (*ЛН*, т. 86, стр. 446).

Сочувственно отнесся к «Дневнику писателя» И. С. Аксаков, посоветовавший Ю. Ф. Самарину предпринять издание такого же типа (в письме от 10 марта 1876 г.): «Достоевский стал издавать нечто под заглавием „Дневник писателя“. Это беседа его с публикою о чем попало, о книге, о событии, о случайном происшествии. ‹. . .› Я прочел один выпуск: многое очень недурно, все дышит искренностью беседы; это не журнал с известным знаменем, тут нет и сотрудников. Нечто в этом роде можно было бы издавать под названием „Критические беседы“, ибо критика составляет насущную потребность в нашем обществе, а ее не существует вовсе. Полемическая же форма всего привычнее твоему дарованию» (*ИРЛИ*, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48).

7 июня 1876 г. историк литературы и беллетрист П. Н. Полевой (сын Н. А. Полевого) писал автору, что он «постоянно» читает «Дневник» «с большим удовольствием» (*ЛН*, т. 86, стр. 449).

Но основной контингент корреспондентов Достоевского составляли рядовые современники писателя, иногда даже плохо знакомые с его художественными произведениями. Их порою наивные, но подкупающие искренностью чувства письма — это своего рода общественное мнение о «Дневнике писателя», пестрое и многоликое, где, по удачному определению И. Л. Волгина, «отклики на события мирового значения соседствуют с интимными признаниями юной гимназистки, филиппики крайних консерваторов уживаются с восторгами молодых людей, настроенных весьма радикально, исповеди

---

[1] Статьи и выписки из книг присылали Достоевскому также Н. П. Петерсон (6 марта 1876 г.) и К. П. Победоносцев (7 марта).

самоубийц и откровения нераскаявшихся авантюристов чередуются с наставительными сентенциями почтенных отцов семейств» (*РЛ*, 1974, № 1, стр. 152). Во многих письмах содержались обращенные к писателю просьбы самого различного рода: помочь в устройстве на работу, оказать материальную поддержку, осветить тот или иной общественный вопрос в «Дневнике».[1] Посылали Достоевскому свои произведения на суд начинающие писатели и графоманы. Чаще всего читатели делились с Достоевским чувствами, какие в них вызвал «Дневник».

«Читая Вашего „Подростка“, я заливался горячими слезами. „Мальчик у Христа на елке“ породил во мне истерические припадки. Есть у нас общество покровительства животным, но нет общества для помощи людям, голодающим по целым суткам, как я например», — писал автору «Дневника», взывая к нему с просьбой о помощи, 21 октября 1876 г. подросток-сирота К. Новицкий (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 313).

«Много, очень много подростков прочтут январский номер „Дневника“ и так же отзовутся, как я теперь, на Ваши слова, — чувствуя их правду, честность, им захочется высказаться, но они ничего не скажут; не скажут ничего, так как не могут сказать, потому что они только „порыв к делу, а не самое дело“», — обращался еще раньше, 2 февраля 1876 г., к Достоевскому другой юный читатель, движимый потребностью написать автору взволновавшего его произведения. «Для чего я вам пишу, — признавался подросток, — я не знаю, — меня тянет как-то безотчетно Вам написать, и бывает всякий раз, как прочитаю Ваш „Дневник“, — я чувствую Вас как бы родным, но высказать свои мысли — не умею» (*Письма читателей*, стр. 189).

Одна из безвестных почитательниц «Дневника» так выражала свои чувства, вызванные заступничеством писателя за подвергающихся незаслуженным мучениям детей: «Если бы можно было сейчас, сию минуту очутиться возле Вас, с какой радостью я обняла бы Вас, Федор Михайлович, за Ваш февральский „Дневник“. Я так славно поплакала над ним и, кончив, пришла в такое праздничное настроение, что спасибо Вам. Мать» (письмо от 1 марта 1876 г. — *Письма читателей*, стр. 181).[2]

«Я обращаюсь к Вам как к любимому автору и прошу Вас назначить день и час, когда Вы будете свободны, чтобы принять меня», — умоляла Достоевского С. Е. Лурье (письмо от 25 апреля. — *Письма читателей*, стр. 181). Между молодой девушкой, просившей автора «Дневника» стать ее «руководителем», и Достоевским завязались дружеские отношения. Сохранилось 9 писем Лурье к Достоевскому и три его ответа. Достоевский писал в «Дневнике» о Лурье в связи с женским вопросом (июньский выпуск; «Опять о женщинах», наст. изд., т. XXIII). Позднее, в мартовской книжке «Дневника» за 1877 г., он цитировал отрывки из письма той же С. Е. Лурье.

Недоумение и протест у многих читателей «Дневника» вызвали слова Достоевского в апрельском выпуске: «. . . наш демос доволен, и чем далее,

---

[1] Так, педагог и общественный деятель В. П. Острогорский в письме от 6 января 1877 г. просил Достоевского ответить в «Дневнике» на статью Е. Маркова «Критические беседы. — Тургенев», в которой «высказываются ‹. . .› некоторые крайне странные и оскорбительные для всякого, кто задумывался серьезно над личностями русских литературных типов сороковых годов, мнения о бедном страдальце мысли и горячей любви к людям Рудине» (*ГБЛ*, ф. 93, оп. II, ед. хр. 7.61).

[2] Ср. другой читательский отзыв о январском и февральском выпусках: «Читали ли Вы ‹. . .› „Дневник“? Не правда ли, как хорошо! Какая прелесть „Мальчик у Христа на елке“, „Мужик Марей“. А как хороша одна из первых глав в февральском номере, где он ‹Достоевский, — *ред.*› говорит о своем взгляде на народ. Мне кажется, я его понимаю во всей глубине его чувств и взглядов в этом отношении и потому чувствую к нему самое искреннее братское расположение. . .» (письмо К. В. Лаврского к матери от 21 марта 1876 г. — *РЛ*, 1976, № 3, стр. 135).

тем более будет удовлетворен . . .» (стр. 122). О «всеобщем протесте», который вызвало заявление Достоевского, сообщила писателю Алчевская. «„А много ли этих протестующих господ?“ — спросил он. „Очень много!“ — отвечала я. „Скажите же им, — продолжал Достоевский, — что они именно и служат мне порукой за будущее нашего народа. У нас так велико это сочувствие, что, действительно, невозможно ему не радоваться и не надеяться“» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 292). Те же мысли высказал Достоевский, отвечая своим «оппонентам», в майском выпуске «Дневника»: «. . . если б этого общего настроения или, лучше, согласия не было даже в самих моих оппонентах, то они пропустили бы мои слова без возражения. И потому настроение это несомненно существует, несомненно демократическое и несомненно бескорыстное» (наст. изд., т. XXIII).

Достоевский дорожил критическими отзывами своих корреспондентов в такой же степени, как и сочувственными. Он мягко выговаривал Анне Григорьевне в письме от 21 июля 1876 г.: «Напрасно, милочка, не прислала мне письмо того провинциала, который ругается. Мне это очень нужно для „Дневника“. Там будет отдел: „Ответ на письма, которые я получил“». Такого специального отдела Достоевский в «Дневнике» не завел, хотя в массе восторженных и сочувственных корреспонденций к нему встречаются и противоположные — критические, а порою и враждебные.

Один из наиболее любопытных откликов на «Дневник» — письмо к Достоевскому киевского библиотекаря Гребцова от 8 июня 1876 г. В нем отражены и то восторженное отношение к «Дневнику», и те серьезные недоумения и упреки по его адресу, которые возникали у многих читателей.

«Ваша мысль гениальна — издавать „Дневник“, — пишет Гребцов. — Все его любят, именно любят. Любят за то, что Вы просто, без всяких литературных форм приличий и обряда пишете как бы письма к знакомым. Вы пишете то, что думаете, — это-то и редкость, это-то и хорошо ‹. . .› За Вашими строками видно Вас самих: Вас словно узнаешь, знакомишься с Вами, читая „Дневник“. А другое то, что Вы просто и без ученой физиономии — подходите к самым глубокомысленным вопросам, к тому, что у всякого наболело, и затрагиваете эти вопросы прямо, откровенно, без тени аффектации или „научности“ ‹. . .› Вот, напр‹имер›, какие чудные строки, когда Вы говорите о папстве или о ненависти к народу Авсеенки с компанией» (*Достоевский и его время*, стр. 272—273).

Но тут же читатель резко упрекает автора: «. . .Вы не доводите до конца ‹. . .› Вы часто тратите слова на очень неинтересный сюжет ‹. . .› Вы слишком благодушны: Вы словно игнорируете всю тьму и неурядицу‹. . .› громите же и зло, называйте его прямо, грубо» (там же, стр. 273).

И Гребцов призывает Достоевского: «Истинное назначение Вашего „Дневника“ — дать постепенно нелицеприятный и строгий анализ нашей современной жизни, не в одних внешних проявлениях, но и в той лжи и грехе, а также благих и честных задатках, которые кроются часто глубоко-глубоко, неузнаваемо за этими внешними фактами. Обоймите же русскую жизнь глубоко, гляньте же на нее всю, как она есть, разнообразная и сложная. . .» (там же).

Вс. Соловьев сообщал 3 июля 1876 г. Достоевскому о благоприятной реакции общественности на содержание июньского выпуска «Дневника»: «. . .сейчас прочел июньский „Дневник“ и совершенно нахожусь под его впечатлением. Сравниваю Ваш взгляд на Жорж Занд с только что напечатанными в „Вестнике Европы“ рассуждениями о ней Эмиля Золя. Сравниваю то, что Вы называете „Вашим парадоксом“, со всем, что слышал, читал и о чем думал в последнее время по поводу восточных событий. Сравниваю Ваш рассказ об этой милой девочке и Ваше к ней отношение с тем, о чем много и горячо думал, — и Вы не поверите, как мне дорог июньский „Дневник“. Прочтя его один раз, я уже, кажется, помню наизусть каждое Ваше слово, мне хотелось бы просто съесть эту дорогую тетрадку» (*Письма читателей*, стр. 182).

В письме от 21 июля Соловьев повторил ту же высокую оценку июньского номера и в особенности статей Достоевского по Восточному вопросу: «Июньский „Дневник“ (я это наверное знаю) производит сильное впечатление. Если еще не дурацкая пресса, то, во всяком случае, общество начинает желать

откровенности и ценить ее — а это ведь самое главное. Я замечаю (и это не мечта моя) большую перемену в воздухе ‹. . .› Восточный вопрос помогает снимать душные маски ‹. . .› Еще раз повторяю, что июньский „Дневник" делает свое дело — я каждый день слышу о нем самые восторженные отзывы» (там же, стр. 183—184).

Свидетельство Соловьева подтверждается обращением к Достоевскому неизвестной читательницы, подписавшейся: «Сельская учительница». В письме к автору «Дневника» от 10 июля 1876 г. она писала: «. . . не могу удержаться, чтобы не выразить Вам ‹. . .› того чувства, которое вызвала во мне Ваша статья о смерти Жорж Санд. Та сила симпатичности, с которою Вы отозвались о Жорж Санд и ее святых произведениях, подействовала на меня электрически: к несчастью, я так мало встречала людей, которые могли бы так глубоко понимать личность и умели бы так честно оценивать ее деяния» (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 301).

Иначе отнесся к июньскому номеру «Дневника» другой неизвестный нам читатель, принадлежавший, как видно из его письма, к демократическим кругам общества и скрывшийся под псевдонимом «Человек, желающий быть им». 3 августа 1876 г. он писал Достоевскому: «. . . Вы человек слишком впечатлительный, слишком восприимчивый и непосредственный для того, чтобы Вы могли устоять против волшебного действия ослепительной и потрясающей декорации восточной войны, и Вы действительно не устояли, как я в том убедился из чтения июньской книжки Вашего „Дневника"; Ваше умозрение пришло в положение неустойчивого равновесия; Вам неудобно, неловко в том положении, и Вы тщетно балансируете для приобретения вновь устойчивости. Постарайтесь же отвести на некоторое время умственное око от событий на Балканском полуострове, быть может, удастся вновь прозреть ‹. . .› я всей душой сочувствую славянам на Балканском полуострове, — сочувствую ‹. . .› потому, что они не захотели помириться с рабством и поставили все на карту для завоевания себе свободы ‹. . .› Но мое сочувствие ‹. . .› должно значительно притупиться при виде тех призраков, которые русскою печатью вызваны из мрака давно прошедших времен, — призраков крестовых походов, Священного союза и религиозных гонений. Что проку в том, что сербы сражаются за независимость славян и открывают новое окно для света цивилизации, если рядом с этим русская печать ‹. . .› вызывает к жизни все силы мрака, все грубые инстинкты и направляет их к одной цели — к воскрешению средних веков» (*Письма читателей*, стр. 184—185).

Отклики большинства читателей на страницы «Дневника», посвященные событиям русско-турецкой войны 1876—1877 гг., отличались от мнения этого корреспондента, скрывшего свое имя.

20 ноября 1876 г. к Достоевскому обратился с письмом по поводу освещения этих событий в сентябрьском и октябрьском выпусках «Дневника писателя» читатель А. Арсеньев: «Я хотел лично выразить Вам, — писал он, — мою глубокую признательность за то утешение, которое доставило мне чтение Ваших статей, помещенных в сентябрьской и октябрьской книжке „Дневника писателя" по поводу нашего народного, славянского движения. Людям, которые верят в славянское дело, которым удалось принять хоть маленькое участие в неравной борьбе славян с турками, тяжело встречать повсюду одно только холодное резонерство окружающего их общества ‹. . .› При подобных обстоятельствах статьи Ваши, полные энергии, веры и задушевности, доставили мне, верующему в славянское дело и имевшему счастье быть в нем действующим лицом, хотя и совершенно незаметным, истинное утешение и отраду. . .» (*Материалы и исследования,* т. II, стр. 314).

Последнее письмо, полученное Достоевским в 1876 г. и также посвященное сербо-черногоро-турецкой войне и вопросу о будущем южного славянства после освобождения от турецкого ига, — письмо студента-добровольца А. П. Хитрова из Белграда от 26 декабря 1876 г. (там же, стр. 320—323). Хитров жаловался в этом письме на враждебность и равнодушное отношение официального русского общества к Сербии и высказывал опасение о возможном сохранении по мирному договору вассальной зависимости Сербии от Тур-

ции. Достоевский отозвался на письмо Хитрова в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 2).

Преклонение Достоевского перед народом, его выступления с поддержкой южных славян вызвали сочувственное обращение к нему также украинского демократа, политического эмигранта М. П. Драгоманова, который, посылая автору «Дневника» две свои брошюры, в письме к нему от 26 сентября 1876 г. охарактеризовал его как человека, который «в основе идей и чувств» — «наш, хлопоман», то есть демократ-народолюбец (*Д, Материалы и исследования*, стр. 53).

«Я скажу прямо, что я жду от Вас помощи, — писала Достоевскому 9 ноября 1876 г. революционерка-народница А. П. Корба, — не имея на то права, разве только право страждущего от боли; а у меня в течение долгих лет наболела душа, и если теперь я решаюсь беспокоить Вас стонами, то потому, что знаю, что лучшего врача не найду». Разделяя убеждение Достоевского, что восточная война открыла новый период в истории России и что русская «интеллигенция объединилась с простым народом в едином порыве сочувствия и сострадания к истекающим кровью южным славянам», Корба писала в духе автора «Дневника»: «Настоящее движение доказало нам, что мы шли с народом не по различным направлениям ‹. . .› Наш класс, отдалявшийся от народа, потому что не знал его или переставал его знать, воссоединяется с ним ‹. . .› Плача, мы протягиваем народу руки, моля принять нас вновь в лоно великой семьи русской» (там же, стр. 52). В 1877 г. Корба уехала в качестве сестры милосердия в Болгарию.

Приятель Белинского М. А. Языков откликнулся в письме от 3 октября 1876 г. (из Новгорода) на сентябрьский выпуск «Дневника»: «Что за прелесть Piccola bestia, да и вся тетрадь чрезвычайно удачно составлена — помогай Вам бог и да избавит он нас от червонных валетов» (*ГБЛ*, ф. 93. II. 10.21).

«Признаюсь, что я узнал о Вашем „Дневнике“ только в августе и с тех пор не могу оторваться от него: лучшего ничего не читал. По-моему, Вы в „Дневнике“ сразу возвысились над всеми читателями нашими, а может быть, и заграничными, — читаем мы в письме к Достоевскому от 13 ноября 1876 г. М. М. Данилевского из местечка Богач Полтавской губернии. — Пусть же не перестанет Ваше перо просвещать нас тою горячею любовью к России, которая чувствуется в каждом слове Вашего „Дневника“» (*РЛ*, 1976, № 3, стр. 133). Другой читатель из местечка Гадяч Полтавской губернии А. И. Дейниковский пишет 6 декабря: «Я хочу прочесть *теплое* задушевное слово, а такое-то слово я нашел *только* (да, почти только) в Вашем „Дневнике“» (там же).

Некоторых читателей «Дневника» не удовлетворяло то, что, сообщая в нем большое число трагических фактов русской жизни, Достоевский не указывал читателю выхода из этого лабиринта. Об этом писала Достоевскому 17 декабря 1876 г. из Твери Л. Ф. Суражевская: «Ведь все время Вы бьете одну и ту же ноту, во всем все то же настроение: мне кажется, недовольство жизнью, тягота жизни, потребность другой, лучшей? ‹. . .› Вот Вы письмо самоубийцы напечатали,[1] „Кроткую“, о детях тоже много говорили, я все это знаю, все это давно живет во мне, сказать только не умела, да и некому было, а вот Вы сказали, а ответить я не умела и Вы тоже не ответили ‹. . .› счастливы ли Вы, есть ли у Вас цель в жизни, знаете ли Вы, зачем Вы живете и для чего? Не надо мне знать, в чем именно счастье или несчастье, а только есть ли то или другое?» (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 316—317).

«Я получаю очень много писем с изложением фактов самоубийств и с вопросами: как и что я об этих самоубийствах думаю и чем их объясняю?» — выделял сам Достоевский в декабрьском выпуске «Дневника» специфическую и большую группу корреспонденций. Первое письмо, затронувшее эту больную тему, Достоевский получил в 1876 г. от некоего Ст. Ярошевского. «Два года тому назад я случайно услышал рассказ о смерти одного киевского

---

[1] См. «Дневник писателя» 1876, октябрь, § 3.

студента, который лишил себя жизни потому только, что не смог сделаться идеально честным. В таком смысле он по крайней мере оставил записку. Находясь сам в настроении, близко подходящем к настроению этого несчастного студента, я решился логически последовательно разобрать подобное душевное состояние и таким путем добраться до какого-нибудь результата, ввести какое-нибудь заключение. Это мне было легко сделать, потому что, как сказал, я был точно так же настроен. . .», — исповедовался Достоевскому Ярошевский (письмо от 6 января 1876 г.). В том же письме Ярошевский полемизировал с автором «Подростка», противопоставляя идею человеколюбия идее о бессмертии души: «Разве эта идея не выше идеи о бессмертии души, не реальнее, не доступнее для каждого смертного, разве она одна не достаточна для того, чтобы наполнить мир гармонией? ‹. . .› гораздо естественнее и целесообразнее объяснить эпидемические самоубийства развивающеюся идеею человеколюбия, чем отжившею и едва ли когда-нибудь понятною идеею о бессмертии души» (*ИРЛИ*, ф. 101. № 29919. CCXIб.14). «В нашем самоубийце даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется *я* и есть существо бессмертное», — откликнется Достоевский на эпидемию самоубийств и письмо Ярошевского в январском выпуске «Дневника» (стр. 6).

Взволновала читателей «Дневника» главка «Одна несоответствующая идея» (майский выпуск). С недоуменными вопросами и критикой обратились к писателю солист оркестра Мариинского театра В. А. Алексеев (3 июня) и юнкер Михайловского артиллерийского училища П. П. Потоцкий (7 июня). Ответ Достоевского Алексееву — знаменитое письмо от 7 июня о «камнях и хлебах» — зерно «Легенды о Великом инквизиторе». На нервное и сумбурное послание Потоцкого и его юношеские вопросы («Послушайте, отчего это Вы так нападаете, отчего так сожалеете Писареву, сожалеете не просто, а кажется как-то особенно ‹. . .› Отчего тут же Вы не направите Ваших строк на причину, а не на следствие?») Достоевский отвечал (10 июня) мягко и педагогично: «А Вам совет: бойтесь относиться к такому, например, делу, как дело с Писаревой, так поверхностно. Лучше думать, и тогда, может быть, Вам понятно будет, что если сказать человеку: нет великодушия, а есть стихийная борьба за существование (эгоизм) — то это значит отнимать у человека личность и *свободу*. А это человек отдаст всегда с трудом и отчаянием. Мне, впрочем, нравится, что Вы мне написали».

Глава «Одна несоответствующая идея» майского номера «Дневника» вызвала возражение и одного анонимного корреспондента, отстаивавшего свое право на самоубийство. «Поветрие самоубийства может быть лишь между гимназистами, жалкими, слабыми девушками да еще между мучениками-пролетариями, — но самоубийство — результат всестороннего обсуждения всех шансов, самого смысла жизни и своего собственного я — это не преступление и даже не ошибка — это право», — писал 9 июня 1876 г. Достоевскому потенциальный самоубийца (*ИРЛИ*, ф. 101. № 2995. CCXIб.15). Достоевский в статье «Приговор» (октябрьский выпуск) создаст рассуждение «материалиста», «всесторонне» аргументирующего свое право на самоубийство.[1] В том же выпуске (статья «Два самоубийства») Достоевский воспользовался фактами, которые сообщил ему К. П. Победоносцев в письме от 3 июня 1876 г. Статья «Два самоубийства» побудила обратиться 16 декабря 1876 г. с письмом к Достоевскому Л. П. Блюммера (романиста, литературного критика, издателя, адвоката). Блюммер сообщал Достоевскому о двух фактах самоубийств — офицера Муренко и крестьянина Сачнова, которые, по его мнению, не подтверждают рассуждений и выводов писателя. Блюммеру, издававшему в 1860-х гг. за границей журналы «Свободное слово» и «Европеец», показалось малоубедительным и тенденциозным сопоставление Достоевским двух само-

---

[1] А. Г. Ковнер в письме от 26 января 1877 г., видимо, согласился с доводами самоубийцы «Приговора»: «Что касается моего profession de foi, то я *вполне* разделяю *все* мысли, высказанные (в вашем «Дневнике» за октябрь) самоубийцей, и все проистекающие от них выводы. . .» (Л. Гроссман. Исповедь одного еврея. Л., 1924, стр. 109).

убийц — дочери Герцена и швеи Марьи Борисовой: «Скажу по совести: Вашего вывода из противуположения этих двух смертей я не понял; в чем тут простота и в чем упрощенность? Кто, в самом деле, больше мучился на земле? — все это остается покрыто туманом и после Ваших размышлений, как было и до них. . .» (*ИРЛИ*, ф. 101. № 29646. CCXIб.2).

10 декабря обратился к Достоевскому Ф. М. Плюснин также с аналогичной просьбой «сказать» свое слово в «Дневнике» о нескольких поразивших его случаях самоубийств (*ИРЛИ*, ф. 100. № 29814. CCXIб.9).

Особое место среди читательских откликов на «Дневник писателя» занимают письма К. И. Масленникова и М. А., связанные с данным Достоевским в октябрьском и декабрьском номерах «Дневника» анализом дела Е. П. Корниловой и с пересмотром этого дела, закончившимся 22 апреля 1877 г. оправданием подсудимой (*Письма читателей*, стр. 193—196; *Достоевский и его время*, стр. 276—277). Краткое изложение содержания этих писем дается в связи с характеристикой дела Корниловой (наст. изд., т. XXIII).

Д. В. Карташов 10 мая 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29737. CCXIб.7), К. И. Масленников 31 октября 1876 г. (*Письма читателей*, стр. 193—194), М. А. Юркевич 11 ноября 1876 г. (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29911. CCXIб.14) обратили внимание Достоевского в своих письмах на факты, которыми он воспользовался в «Дневнике» впоследствии. Такое же взаимодействие между читательскими откликами и мыслью автора «Дневника» продолжалось и в 1877 г.[1]

Достоевский высоко ценил открывшуюся перед ним в результате издания «Дневника» возможность непосредственного, личного и письменного общения с читателем. 3 марта 1876 г. он писал Х. Д. Алчевской о своем отношении к читательским письмам: «Писателю всегда милее и важнее услыщать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, — как бы более правды, как бы более *в самом деле*».

О значении, которое он придавал контакту и постоянному диалогу с читателем, Достоевский несколько раз говорил и в самом «Дневнике»: «. . . за все время издания моего „Дневника“, — читаем мы в выпуске его за май—июнь 1877 г., — я получил и продолжаю получать много писем, поддерживавших меня в труде моем, столь для меня лестных и столь одобрявших и поддерживавщих меня в труде моем, что, прямо скажу, я никогда не рассчитывал на такое всеобщее сочувствие и никогда не считал себя достойным того. Эти письма я сберегу как драгоценность и — что тут приторного, если я заявляю об этом печатно? Неужто дурно, что я ценю и дорожу общим вниманием? ‹. . .› Из нескольких сот писем, полученных мною за эти полтора года издания „Дневника“, по крайней мере сотня (но наверно больше) была анонимных, но из этих ста анонимных писем лишь два были абсолютно враждебных» (*ДП*, 1877, май—июнь, глава первая, § 2).

17 декабря 1877 г., собираясь прервать издание «Дневника» и отдаться работе над будущими «Карамазовыми», Достоевский повторял в письме к Л. А. Ожигиной: «. . хоть эти два года я и устал с „Дневником“ (а потому и хочу год отдохнуть), но зато и много доставил мне этот „Дневник“ счастливых минут, именно тем, как сочувствует общество моей деятельности. Я получил сотни писем изо всех концов России и научился многому, чего прежде не знал. Никогда и предположить не мог я прежде, что в нашем обществе такое множество лиц, сочувствующих вполне всему тому, во что я верю. Во всех этих письмах, если и хвалили меня, то всего более за искренность и прямоту».

Постоянное общение с читателями повлияло на самую литературную форму и стиль «Дневника писателя»: автор не раз цитирует в нем письма

---

[1] Анализ критических отзывов о «Дневнике писателя» за 1877, 1880 и 1881 гг. и откликов читателей на них см. в комментарии к «Дневнику» за соответствующие годы (наст. изд., тт. XXV—XXVII).

читателей, анализирует и оценивает их, спорит с читателями и т. д. Все это сообщает многим страницам «Дневника» характер живого, непосредственного диалога автора с его аудиторией: и писатель и читатель присутствуют здесь, их голоса то звучат согласно, то расходятся, их оценки одних и тех же явлений дополняют и корректируют друг друга. Достоевский имел поэтому полное право сказать о своих читателях-корреспондентах в «Дневнике»: «Я <. . .> считаю многочисленных корреспондентов моих моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которою все обращались ко мне» (*ДП*, 1877, декабрь, глава вторая, § V).

А за несколько месяцев до этого автор «Дневника» замечал, что на основании писем его корреспондентов «можно сделать несколько особых отметок <. . .> о нашем русском умственном теперешнем настроении, о том, чем интересуются и куда клонят наши непраздные умы, причем выдаются любопытные черты по возрастам, по полу, по сословиям и даже по местностям России» (*ДП*, 1877, март, глава третья, § I).

Так, вместе с читателями «Дневника», в постоянном творческом общении и споре с ними рос и сам писатель, испытывались и корректировались его идеи и художественный метод.

Стр. 5. . . .*Хлестаков, по крайней мере, врал ∾ врут с полным спокойствием.* — Оценка нигилистических настроений и поведения молодежи как разновидности хлестаковщины сложилась у Достоевского еще в период работы над «Бесами». См.: Н. Ф. Буданова. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 174; наст. изд., т. XII, стр. 174, 203—204.

В «Дневнике писателя» Достоевский неоднократно упоминает в нарицательном смысле гоголевские образы: Чичикова («Мертвые души»), Сквозника-Дмухановского, Держиморду («Ревизор»). См. стр. 11 и июльско-августовский выпуск за 1876 г., гл. I, § 3 «Самое последнее слово цивилизации» (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 5. . . .*мне двадцать три года, а я еще ничего не сделал. . .* — Неточно цитируемые слова дона Карлоса из пьесы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант Испанский» (1787; д. II, явл. 2), ставшие крылатым выражением:

Двадцать третий год —
И ничего не сделать для потомства!

(*Пер. М. М. Достоевского*)

Об отношении Достоевского к этой трагедии см. наст. изд., т. XV, стр. 463.

Стр. 5. . . .«*Для чего-де и жить, как не для гордости?*» — Ср. наст. изд., т. XV, стр. 212, 610—611.

Стр. 5. *Уверяют печатно ∾ где наметил*». — Полемическое замечание по адресу М. Е. Салтыкова-Щедрина, который в рассказе «Непочтительный Коронат» (*ОЗ*, 1875, № 11), говоря о стремительности решений передовой молодежи 70-х гг., писал: «Или скажет: „Прощайте! я на днях туда нырну, откуда одна дорога: в то место, где Макар телят не гонял!“. Опять думаешь, что он пошутил, — не тут-то было! сказал, что нырну, и нырнул; а через несколько месяцев, слышу, вынырнул, и именно в том месте, где Макар телят не гонял <. . .> Я сначала полагал, что это у них *так* делается: ни с того ни с сего, взял да и удрал или нырнул; но потом убедился, что в них это мало-помалу накапливается <. . .> Накопится, назреет, и вдруг бац! — удеру, нырну, исчезну. . . И как скажет, так и сделает» (*Салтыков-Щедрин*, т. XI, стр. 377). Это место из рассказа Достоевский вспомнил еще раз в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 «Анекдот из детской жизни» (наст. изд., т. XXIV).

Прочитав рассказ, Достоевский, очевидно, предполагал дать о нем отзыв в «Дневнике писателя». Название «Непочтительный Коронат» дважды стоит отдельным пунктом в первоначальных набросках плана январского выпуска, записанных в середине декабря 1875—первых числах января 1876 г. В этот же

период Достоевский сделал в тетради несколько полемических записей об этом рассказе (наст. изд., т. XXIV). См. подробно: *Борщевский*, стр. 288—293.

С т р. 6. *Но страх, что будет там...* — Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого (д. III, явл. 1, монолог «Быть или не быть...»). Гамлет произносит эти слова, обдумывая возможность самоубийства. Ср. наст. изд., т. XV, стр. 124, 144—145, 599.

С т р. 6. *Вспомните страстную веру Дидро, Вольтера... У наших — полное tabula rasa...* — Говоря о «страстной вере» Дидро и Вольтера, Достоевский имеет в виду антиклерикальные, просветительские взгляды и ту горячность, с которой они отстаивали свои убеждения и веру в общественный прогресс. Об отношении Достоевского к Вольтеру и Дидро см.: наст. изд., т. V, стр. 380, 384; т. VII, стр. 405; т. IX, стр. 448; т. XV, стр. 409—410; А. Л. Г р и г о р ь е в. Достоевский и Дидро (к постановке проблемы). — *РЛ*, 1966, № 4, стр. 88—102; В. Я. К и р п о т и н. Лебедев и племянник Рамо. — *ВЛ*, 1974, № 7, стр. 146—184.

Выражение «страстная вера» было одним из любимых выражений Достоевского. Ср.: «Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль ‹...› и это совершится в какое-нибудь столетие — вот моя страстная вера» (письмо к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868). «Социалисты — страстная вера» (подготовительные материалы к «Бесам»: наст. изд., т. XI, стр. 145; т. XII, стр. 344). В близких выражениях Достоевский писал и о Белинском в очерке «Старые люди»: «Я застал его страстным социалистом ‹...› При такой теплой вере в свою идею, это был, разумеется, самый счастливейший из людей» (наст. изд., т. XXI, стр. 10—11). О Версилове в «Подростке» (ч. I, гл. IV, 2) рассказывается, что, находясь за границей, он проповедовал «что-то страстное», «был в религиозном настроении высшего смысла» (наст. изд., т. XIII, стр. 57). Ср. т. XVI, стр. 285.

Tabula rasa. — Ставшее крылатым выражение, которым английский философ Джон Локк (1632—1704) в латинском переводе своего трактата «Опыт о человеческом разуме» (первое изд. на англ. яз. 1690) определил состояние разума («души») человека до того, как он приобретет «идеи» через ощущения. Достоевский неоднократно употреблял это выражение. См.: «Зимние заметки о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 59, 366); «Иностранные события» в «Гражданине», 1873, № 45 (наст. изд., т. XXI, стр. 225).

С т р. 6. *Самоубийца Вертер ∾ Гете!* — Достоевский имеет в виду следующие строки из предсмертного письма Вертера: «Я подхожу к окну, дорогая, смотрю и вижу сквозь грозные, стремительно несущиеся облака одиночные светила вечных небес! О нет! вы не упадете, Предвечный хранит в своем лоне и вас и меня. Я увидел звезды Большой Медведицы, самого милого из всех созвездий. Когда я по вечерам уходил от тебя, оно сияло прямо над твоими воротами. В каком упоении смотрел я, бывало, на него! Часто я простирал к нему руки, видя в нем знамение и священный символ своего блаженства!» (И. В. Г е т е. Избранные произведения. Сост., предисл. и коммент. Н. Н. Вильмонта. М., 1950, стр. 531). «Страдания юного Вертера» были написаны весною 1774 г., когда Гете было 24 года.

С т р. 7. *...всем известный Незнакомец ∾ всё обошлось достаточно либерально.* — В фельетоне А. С. Суворина (псевдоним — Незнакомец) «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1876, 4 января, № 3) говорилось: «Во всех, решительно во всех газетах царствует какой-то сплошной либерализм, точно все нарочно сговорились, точно редакторы и издатели имели предварительное совещание, на котором протоколом постановлено — ничем не отличаться друг от друга. Бывало, встретишь какую-нибудь шипящую статейку, услышишь консервативный вой, который заставит встрепенуться, который кольнет прямо в сердце и поднимет нервы. Нынче — ничего подобного. Все ровно, все гладко, все достаточно либерально и достаточно бесплодно». Единственным лицом, которое стремится «выпрыгнуть» из этого согласного «хора», Суворин назвал Достоевского. Извещая читателей газеты о предполагаемом издании «Дневника писателя», он писал: «Публика должна поддержать это предприятие, если она ценит искреннюю мысль талантливого писателя, ко-

торый пробует выбиться из-под издательских застав ‹. . .› *Я от всей души* желаю Ф. М. Достоевскому успеха».

Стр. 7. *Квиетизм* (франц. quiétisme) — успокоенное, пассивно-созерцательное отношение к жизни. Ср. наст. изд., т. IX, стр. 432.

Стр. 7. «*Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content*». . . — Перефразированная цитата из романа В. Гюго «Отверженные» (ч. I, кн. V, гл. 3). Слова взяты из характеристики героя романа Жана Вальжана того периода его жизни, когда под именем господина Мадлена он был мэром городка Монрейль-Приморский: «Voilà un homme heureux qui n'a pas l'air content» (V. Hugo. Les misérables, t. 2. Ed. 8. Paris, 1862, p. 51) («Вот счастливец, а с виду невеселый» — *Гюго*, т. VI, стр. 195). Об отношении Достоевского к «Отверженным» см.: наст. изд., т. VII, стр. 404—405; т. XIII, стр. 382; т. XVII, стр. 390; т. XV, стр. 463; а также: G. Fridlender. Les notes de Dostoievski sur Victor Hugo. — In: Dostoievski. Dir. par Jacques Catteau. Paris, 1973, p. 288—295; Е. И. Кийко. Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков). — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 125—129. «Отверженных» Достоевский перечитал в марте 1874 г. (см. примеч. к стр. 52—53).

Стр. 7. . . .«*случайное семейство*». — Термин, который Достоевский употреблял для обозначения семьи, в которой распались внутренние связи и которая находится в состоянии «хаоса» и «беспорядка». Подобные семьи, по мнению писателя, были типичным явлением русской пореформенной жизни и отражали в себе ее «хаос» и «беспорядок». Первоначально этот термин Достоевский употребил в заключительных строках романа «Подросток» (наст. изд., т. XIII, стр. 455). Названием «Опять „случайное семейство"» писатель связывает настоящую главку «Дневника писателя» с «Подростком», подчеркивая типичность данного явления для пореформенной России 70-х гг. Подробно о «случайных семействах» будет говориться в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877, гл. I, § 2.

Стр. 7. *В клубе художников была елка и детский бал, и я отправился посмотреть на детей.* — Праздник состоялся 26 декабря 1875 г. Петербургские газеты известили о нем накануне (например: *Г*, 1875, 25 декабря, № 356; *БВ*, 1875, 25 декабря, № 355). Заметка в «Голосе» объясняет интерес Достоевского к празднику: «26 декабря, в пятницу, в петербургском собрании художников, назначен большой детский праздник „елка" с бесплатными подарками для детей, акробатами, фокусниками, двумя оркестрами музыки, горами, электрическим освещением и проч. и проч. Елки петербургского собрания художников много уже лет славятся своим прекрасным устройством. По всей вероятности, и нынешняя елка не будет хуже прежних и доставит своим маленьким посетителям немало удовольствия. Не худо заблаговременно запастись входными билетами». Клуб художников (осн. 1865), бывший в то время излюбленным местом встреч петербургской творческой интеллигенции, находился в Троицком переулке (ныне Дом народного творчества по ул. Рубинштейна, 13). См.: *Саруханян*, стр. 234.

Стр. 7. *Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении.* — Замысел романа об «отцах и детях» возник у Достоевского в начале 70-х годов. Уже в черновой записи к задуманному роману «Детство», датированной «31 июля ‹1869›. Флоренция», намечена тема «дети и отцы» (наст. изд., т. IX, стр. 125), которая получила развитие в неосуществленном «Житии великого грешника» (там же, стр. 510), а затем была поднята в «Бесах» (Н. Ф. Буданова. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 164—188; наст. изд., т. XII, стр. 173—178). Частичным осуществлением своего замысла, как явствует из следующего абзаца данной главки «Дневника писателя», Достоевский считал роман «Подросток» (о теме «отцов и детей» в этом романе см.: наст. изд., т. XVII, стр. 274, 281—292, 302—303). В первой половине марта 1876 г. Достоевский сделает в черновой тетради заметки к роману «Отцы и дети» (наст. изд., т. XVII, стр. 6—8, 430—434), в основу которого наряду с другими событиями будет положен в сильно измененном виде также ряд фактов

русской общественной жизни и судебной хроники, о которых говорится в «Дневнике писателя». Роман не был написан, но тема «отцов и детей» отразилась позднее в «Братьях Карамазовых» в отношениях Федора Павловича Карамазова с сыновьями (*Розенблюм*, стр. 69—74; наст. изд., т. XV, стр. 406—407).

С т р. 7. *Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста.* — Словом «поэма» Достоевский обозначал первую стадию творческого процесса писателя, связанную с уяснением общей поэтической «идеи» произведения, его замысла. Например, в письме к А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. он писал: «. . .поэма, по-моему, является как самородный драгоценный камень, алмаз, в душе поэта, совсем готовый, во всей своей сущности, и вот это первое дело поэта, как *создателя и творца*, первая часть его творения. Если хотите, так даже не он и творец, а жизнь, могучая сущность жизни, бог живой и сущий, совокупляющий свою силу ‹. . .› в великом сердце и в сильном поэте ‹. . .› Затем уж следует *второе* дело поэта, уже не так глубокое и таинственное, а только как художника: Это, получив алмаз, обделать и оправить его. Тут поэт, почти что ювелир». Ср. другие случаи употребления Достоевским слова «поэма» в близком значении: «Одна мысль (поэма). Тема под названием „Император“» (наст. изд., т. IX, стр. 113); подготовительные материалы к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 10, 175); письмо к С. А. Ивановой от 6 февраля (25 января) 1869 г.; письмо к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. См. о специфическом толковании Достоевским слова «поэма»: Г. М. Ф р и д л е н д е р. Эстетика Достоевского. — *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 141—142; В. И. Э т о в. О художественном своеобразии социально-философского романа Достоевского. — Там же, стр. 324—325; В. Я. К и р п о т и н. Достоевский — художник. Этюды и исследования. М., 1972, стр. 141—142; *Розенблюм*, стр. 72; Л. П. Г р о с с м а н. Достоевский — художник. — *Творчество Достоевского*, стр. 336.

С т р. 7. *Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для «Отечественных записок»*. . . — Об обстоятельствах опубликования в «Отечественных записках» романа «Подросток» см. наст. изд., т. XVII, стр. 258—259.

С т р. 8. *В газетах все недавно прочли об убийстве мещанки Перовой и об самоубийстве ее убийцы.* — Авдотья Ивановна Перова была убита своим сожителем Гаврилою Константиновичем Щербаковым, мастером типографии, в Петербурге, в ночь на 14 января 1876 г. (*Г*, 1876, 15 января, № 15; *СПбВед*, 1876, 15 января, № 15; *ПГ*, 1876, 15 января, № 10). Это происшествие, возможно, нашло отражение в черновом плане романа «Отцы и дети» (*Розенблюм*, стр. 69—70).

С т р. 8. *Газета «Голос» взывает к публике о помощи «несчастным сиротам»*. . . — В редакционной заметке газета писала: «Обращаем внимание общественной благотворительности на несчастных детей, оставшихся вчера круглыми сиротами, вследствие убиения их матери, Перовой ‹. . .› Старший из сирот, Александр, 12-ти лет, обучается в 5-й петербургской гимназии и, по отзывам всех, отличается кротким нравом, хорошими способностями и прилежанием; младший, 9-ти лет, воспитывался дома. В настоящее время оба несчастные мальчика, оставшиеся круглыми сиротами, нуждаются в попечении о них добрых людей, которые могли бы своими материальными средствами облегчить тяжелую судьбу, их ожидающую, и хотя сколько-нибудь заменить им заботливость матери, при таких страшных обстоятельствах ими потерянную. . .» (*Г*, 1876, 16 января, № 16).

С т р. 8. . . .*когда нам новы // Все впечатленья бытия*. . . — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Демон» (1823), перефразированная Достоевским. У Пушкина:

> В те дни, когда мне были новы
> Все впечатленья бытия. . .

С т р. 8. *Старший, говорят, не оставит ∾ забудут про них?* — Александр Перов был принят на благотворительных началах в частный пансион А. Р. Розе; купец П. И. Лихачев обязался выплачивать ежегодно 100 руб. ему

«на белье и платье»; а общество вспоможествования нуждающимся ученикам при 5-й гимназии внесло за него плату за обучение за второе полугодие и зачислило его первым кандидатом на получение аналогичного пособия в течение всего следующего года, пообещав также обеспечивать его учебными пособиями. Владимир был взят на воспитание полковником К. У. Араповым. Денежные пожертвования составили 70 руб. 65 коп. (*Г*, 1876, 18 и 19 января, №№ 18—19).

Стр. 9. *Елку и танцы в клубе художников я, конечно, не стану подробно описывать; всё это было уже давно и в свое время описано. . .* — Елку в клубе художников описал А. С. Суворин в фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1876, 18 января, № 17) и П. Д. Боборыкин в «Воскресном фельетоне» (*СПбВед*, 1876, 18 января, № 18). В этих очерках, однако, говорилось о повторном костюмированном бале, состоявшемся в клубе художников 15 января (см. сообщение в *БВ*, 1876, 17 января, № 16). Набросок описания елки 26 декабря, не включенный Достоевским в «Дневник писателя», см. стр. 180.

Стр. 9. *. . .слишком давно перед тем нигде не был, ни в одном собрании, и долго жил уединенно.* — В декабре 1875—начале января 1876 г. дети Достоевских болели скарлатиною. Была больна в это время и Анна Григорьевна. См. письма к Н. П. Вагнеру от 21 декабря 1875 и 2 января 1876 г.; Вс. С. Соловьеву от 28 декабря 1875 и 11 января 1876 г.

Стр. 9. *Любопытно проследить, как самые сложные понятия прививаются к ребенку совсем незаметно, и он, еще не умея связать двух мыслей, великолепно иногда понимает самые глубокие жизненные вещи.* —Ср. в «Идиоте» (ч. I, гл. 6) слова князя Мышкина: «И как хорошо сами дети подмечают, что отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, тогда как они все понимают. Большие не знают, что ребенок даже в самом трудном деле может дать чрезвычайно важный совет» (наст. изд., т. VIII, стр. 58; т. IX, стр. 433). Эту же мысль Достоевский повторит в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 (см. наст. изд., т. XXIII).

Стр. 9. *Что устрицы, пришли? О радость! // Летит обжорливая младость // Глотать. . .* — Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («Отрывки из путешествия Онегина»).

Стр. 10. *Я взял на днях один номер «Петербургской газеты» ∾ в маскараде и проч.* — В корреспонденции из Москвы от 4 января, напечатанной в разделе «По России», сообщалось: «За три дня до Нового года, при выходе из Дворянского собрания, купец Медынцев напал на купца Ивана Емельянова и нанес ему несколько ударов. Полиция забрала их в контору квартала, записала их фамилии — тем дело и кончилось». В артистическом кружке капитан Е-в, приехавший из Туркестана с театра военных действий, «разгуливая по зрительной зале, в которой шли танцы, неистово аплодировал танцующим женщинам и, подойдя к жене бывшего студента Смирнова, сказал ей какую-то дерзость; жена обратилась к своему мужу, а тот, взявши туркестанца за руку, хотел представить его к старшине кружка, но капитан со всего размаха дал ему пощечину, которая разнеслась по всей зале и возбудила общее негодование присутствующих в зале. Свалка была изрядная». Капитан хотел просить прощения у Смирнова, но «раздраженные купцы» удовлетворились лишь тогда, когда был вызван плац-адъютант, который препроводил капитана на гауптвахту (*ПГ*, 1876, 8 января, № 5). Об этих скандалах писал также А. П. Лукин (псевдоним — А. Л.) в фельетоне «Московские письма» (*БВ*, 1876, 10 января, № 9).

Стр. 11. *. . .бал высшего общества, об котором слыхали от Хлестакова. . .* — Н. В. Гоголь. «Ревизор», д. III, явл. 6.

Стр. 11. *Хлестаков, например, полагал, что этот культ заключается в том арбузе в сто рублей, который подают на балах высшего общества.* — В указанной сцене подвыпивший Хлестаков хвастливо заявляет: «На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. . .».

Стр. 11. *Лицемерие есть та самая дань, которую порок обязан платить добродетели. . .* — Изречение французского писателя Франсуа де Ларош-

фуко (1613—1680) из его книги «Размышления или нравоучительные изречения и максимы» («Réflexions ou sentences et maximes morales», 1665). Современный русский перевод: «Лицемерие — это дань уважения, которую порок платит добродетели» (Ф. де Ларошфуко. Мемуары. Максимы. Л., 1971, стр. 167).

Стр. 12. . . *.гаркнувший среди залы в Москве капитан. . .* — Речь идет, несомненно, о капитане Е-ве (см. выше). Достоевский имеет в виду свою же собственную фразу о том, что «чрезвычайно приятно <. . .> встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии» (см. стр. 11).

Стр. 12. *Золотой век в кармане.* — В сознании Достоевского неизменно присутствовала и нашла отражение в его романах и публицистике мысль о «золотом веке» человечества, воспринятая им еще в 1840-е гг. из учения французских социалистов-утопистов, но трансформировавшаяся в процессе эволюции его мировоззрения. См.: подготовительные материалы к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 106; т. XII, стр. 340); главу «У Тихона» (наст. изд., т. XI, стр. 21—22; т. XII, стр. 320—321); «Подросток» (наст. изд., т. XIII, стр. 375, 378—379; т. XVII, стр. 312—313, 389); «Сон смешного человека» (наст. изд., т. XXV). Будущий «золотой век», по представлению Достоевского, потенциально заложен в современных людях (см. подробно: *Фридлендер*, стр. 34—43). Эта мысль, иллюстрируемая в настоящей главе, была сформулирована еще во второй (пространной) рукописной редакции «Преступления и наказания» (наст. изд., т. VII, стр. 91, 408). В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Парадоксалист говорит: «Золотой век еще весь впереди» (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 12. . . *.какими-то саккадами. . .* — Saccade (франц.) — рывок, сильный толчок.

Стр. 12. *Алкивиад* (451—404 до н. э.) — афинский политик и полководец; отличаясь необыкновенной красотой и талантами, он обладал искусством завоевывать любовь окружавших его людей. Ср. наст. изд., т. V, стр. 77, 370.

Лукреция — добродетельная красавица-жена римлянина Коллатина. Обесчещенная сыном царя Секстом Тарквинием, Лукреция рассказала о своем позоре мужу, родственникам и друзьям и на их глазах закололась кинжалом. История Лукреции, рассказанная Титом Ливием, послужила сюжетом многих литературных произведений и картин.

Джульетта — героиня трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (ок. 1595).

Беатриче — веселая, жизнерадостная, остроумная героиня комедии Шекспира «Много шуму из ничего» (1598—1599). Достоевский вспоминал о ней в рассказе «Маленький герой» (наст. изд., т. II, стр. 280, 507—508), в очерке «Среда» (наст. изд., т. XXI, стр. 21, 389).

Стр. 13. . . *.пироновское, так сказать, остроумие. . .* — Французский поэт Алексис Пирон (1689—1773) прославился как автор едких эпиграмм и как человек, скорый на остроумные реплики. Знаменитую эпитафию, которую он написал самому себе, Достоевский привел в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 382, ср. стр. 124; т. XV, стр. 577). Пирон упоминается также в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 74).

Стр. 14. . . *.и в рот мне водку скверную // Безжалостно вливал. . .* — Неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Детство» (1844), которое является одной из редакций стихотворения «Отрывок» («Родился я в губернии. . .», 1844). При жизни Некрасова и Достоевского «Детство» не было опубликовано. Существует предположение, что в 1840-е гг., в период близости с Достоевским, Некрасов читал ему сам или дал прочесть в рукописи это стихотворение, а Достоевский его запомнил и процитировал спустя почти тридцать лет по памяти; однако никаких свидетельств на этот счет не имеется. Тем не менее вся сцена спаивания малолетнего мальчика в «Дневнике писателя» перекликается со следующим отрывком из «Детства»:

От матери украдкою
Меня к себе сажал

И в рот мне водку гадкую
По капле наливал:
«Ну, заправляйся смолоду,
Дурашка, подрастешь,
Не околеешь с голоду,
Рубашку не пропьешь!» —
Так говорил — и бешено
С друзьями хохотал,
Когда я, как помешанный,
И падал, и кричал. . .

(*Некрасов*, т. 1, стр. 405—406; Б. Я. Бухштаб. Начальный период сатирической поэзии Некрасова. 1840—1845. — «Некрасовский сборник», вып. 2. М.—Л., 1956, стр. 115—116; *Холшевников*, стр. 137—138).

МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ

(Стр. 14)

Источники текста

ЧЗ — Черновые заметки к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. в записной тетради 1875—1876 гг. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.16, лл. 28, 32 (см. наст. изд., т. XXIV). Опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 397, 401.

$П_1$ — План январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2. 11/1, лл. 1—1 об. (см. стр. 137); см.: *Описание*, стр. 61.

$П_2$ — То же. *ГБЛ*, ф. 93.I.2. 11/2, л. 1 (см. стр. 140).

$П_3$ — То же. *ГБЛ*, ф. 93.I.2. 11/3, л. 2 об. (см. стр. 144); см.: *Описание*, стр. 61.

НР — Наборная рукопись. Рукой А. Г. Достоевской с исправлениями Ф. М. Достоевского. 10 стр. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29463. ССХб. 11, лл. 13—16 об. (см. стр. 244—245).

$ДП_1$ — Дневник писателя за 1876 г. Январь. СПб., 1876 (цензурное разрешение 30 января 1876), стр. 9—12.

$ДП_2$ — То же. Второе издание. СПб., 1879 (цензурное разрешение 5 октября 1879), стр. 9—12.

П — Пометы Ф. М. Достоевского на экземпляре $ДП_2$ для публичного чтения на литературном вечере в Петербурге 3 апреля 1879 г. (см.: *Достоевская, А. Музей памяти Ф. М. Достоевского*, стр. 9; *1928*, т. XI, стр. 508). Местонахождение этого экземпляра в данное время не установлено. Впервые напечатано: $ДП_1$, Январь. Глава вторая, II. В собрание сочинений впервые включено в издании: *1882*, т. XI, стр. 14—19. Печатается по $ДП_2$ с устранением явных опечаток.

26 декабря 1875 г. Достоевский с дочерью посетил рождественскую елку и детский бал в С.-Петербургском клубе художников; на следующий день, 27 декабря, он в обществе А. Ф. Кони побывал в колонии для малолетних преступников (на окраине Петербурга, на Охте, за Пороховыми заводами). И в те же дни, «перед елкой и в самую елку перед рождеством», он несколько раз встретил на улице привлекшего его внимание нищего мальчика, ходившего «с ручкой», т. е. просившего милостыню. Все эти впечатления, многократно отраженные в записной тетради Достоевского в декабре 1875—январе 1876 г., получили художественно-публицистическое воплощение на страницах январского выпуска «Дневника писателя» (см.: *Фридлендер*, *Святочный рассказ*, стр. 373—376). Подготовляя его, автор в начале января писал, что намерен сказать в первом номере возобновленного «Дневника» «кое-что о детях —

о детях вообще, о детях с отцами, о детях без отцов в особенности, о детях на елках, без елок, о детях преступниках. . .» (письмо к Вс. С. Соловьеву от 11 января 1876 г.). С размышлениями писателя «о русских теперешних детях» (стр. 7), составляющими стержень двух первых глав январского выпуска «Дневника» и придающими им внутреннее идейно-художественное единство, органически связан и «святочный рассказ» «Мальчик у Христа на елке». В нем тема «теперешних русских детей», выступающих в обрамляющих главках «Дневника» в реальном жизненном обличье, переводится автором в более обобщенный план. Этому способствует традиционная, условная форма фантастического рождественского рассказа, жанр которого и многие детали непосредственно восходят к классическим образцам этого жанра: «Девочке с серными спичками» Г. Х. Андерсена и «Рождественским рассказам» Ч. Диккенса.

Первая заметка в записной тетради, непосредственно относящаяся к будущему рассказу «Мальчик у Христа на елке», сделана автором 30 декабря 1875 г. Она гласит: «Елка. Ребенок у Рюккерта. Христос, спросить Владимира Рафаиловича Зотова». Среди дальнейших черновых записей на отдельных листах, относящихся к январскому выпуску «Дневника», ряд заметок подчеркивает внутреннюю связь входящих в него рассказов о детях — «фантастических» и реальных: «Елка у Христа. Бал. Колония». «Ребенок у Христа. На другой день, если б этот ребенок выздоровел, то во что бы он обратился? С ручкой». «Елка у Христа. На елке у детей (описание). С ручкой» (стр. 144; ср. наст. изд., т. XXIV).

Указание записной тетради: «Ребенок у Рюккерта» позволило Г. М. Фридлендеру установить тот литературный источник, который дал Достоевскому готовую рамку для задуманного святочного рассказа. Источником этим было популярное «рождественское» стихотворение немецкого поэта Фридриха Рюккерта (1788—1866) «Елка сироты» («Des fremden Kindes heiliger Christ»), опубликованное впервые в 1816 г. и с тех пор многократно перепечатывавшееся в составе различных сборников сочинений Рюккерта и хрестоматий для детского чтения. Как свидетельствует продолжение заметки Достоевского («. . .спросить Владимира Рафаиловича Зотова»), писатель, скорее всего, либо запомнил стихотворение Рюккерта с детства, либо слышал его где-то в детском чтении в те рождественские дни 1875 г., когда создавался рассказ, — во всяком случае, чтобы разыскать текст баллады Рюккерта (она не была переведена на русский язык, и Достоевскому нужен был немецкий оригинал), писатель собирался обратиться к специалисту — переводчику и знатоку всеобщей литературы, бывшему петрашевцу В. Р. Зотову (см. о нем стр. 339—340).

Вот текст стихотворения Рюккерта в русском переводе:

Елка сироты

В вечер накануне рождества дитя-сирота бегает по улицам города, чтобы полюбоваться на зажженные свечи.

Оно стоит подолгу перед каждым домом, заглядывает в освещенные комнаты, которые смотрятся в окно, видит украшенные свечами елки,и на сердце ребенка становится невыносимо тяжко.

Дитя, рыдая, говорит: «У каждого ребенка есть сегодня своя елка, свои свечи, они доставляют ему радость, только у меня, бедного, ее нет.

Прежде, когда дома я жил с братьями и сестрами, и для меня сиял свет рождества; ныне же, на чужбине, я всеми забыт.

Неужели никто не позовет меня к себе и не даст мне ничего, неужели во всех этих рядах домов нет для меня — пусть самого маленького — уголка?

Неужели никто не пустит меня внутрь? Мне ведь ничего не надо для себя, мне хочется лишь насладиться блеском рождественских подарков, которые предназначены другим!»

Дитя стучится в двери и в ворота, в окна и в витрины, но никто не выходит, чтобы позвать его с собой; все внутри глухи к его мольбам.

Каждый отец занят своими детьми; о них же думает и одаряет их мать; до чужого ребенка никому нет дела.

«О дорогой Христос-покровитель! Нет у меня ни отца, ни матери, кроме тебя. Будь же ты моим утешителем, раз все обо мне забыли!»

Дитя своим дыханием пытается согреть замерзшую руку, оно глубже прячется в одежду и, полное ожидания, замирает посреди улицы.

Но вот через улицу к нему приближается другое дитя в белом одеянии. В руке его светоч, и как чудно звучит его голос!

«Я — Христос, день рождения которого празднуют сегодня, я был некогда ребенком, — таким, как ты. И я не забуду о тебе, даже если все остальные позабыли.

Мое слово принадлежит одинаково всем. Я одаряю своими сокровищами здесь, на улицах, так же, как там, в комнатах.

Я заставлю твою елку сиять здесь, на открытом воздухе, такими яркими огнями, какими не сияет ни одна там, внутри».

Ребенок-Христос указал рукой на небо — там стояла елка, сверкающая звездами на бесчисленных ветвях.

О, как сверкали свечи, такие далекие и в то же время близкие! И как забилось сердце ребенка-сироты, увидевшего свою елку!

Он почувствовал себя как во сне, тогда с елки спустились ангелочки и увлекли его с собою наверх, к свету.

Ныне дитя-сирота вернулось к себе на родину, на елку к Христу. И то, что было уготовано ему на земле, оно легко там позабудет.[1]

Как показывает сопоставление рождественского стихотворения Рюккерта и рассказа Достоевского, они идейно и художественно несоизмеримы: воспользовавшись довольно традиционным «святочным» сюжетом баллады Рюккерта как канвой для собственного рассказа, Достоевский создал оригинальное художественное произведение, глубоко национальное, «петербургское» по содержанию и притом очень далекое от стихотворения Рюккерта по тону и колориту, стилю и языку.

Писатель максимально, насколько это допускалось каноном святочного рассказа, постарался сохранить очевидный для читателя с первых строк «петербургский» колорит. Он создается благодаря присутствию в рассказе ряда типичных для русской жизни фигур («хозяйка углов», «халатник», «блюститель порядка», «барыня», «дворники»), благодаря контрастной характеристике уголка русской провинции, откуда приехал герой («деревянные низенькие домики» со ставнями, темнота, собаки и т. д.), и столицы, описание которой близко описанию Петербурга с его фантастическими, миражными огнями в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя. У Христа на елке в рассказе Достоевского собраны дети, замерзшие у дверей «петербургских чиновников», умершие «у чухонок», «во время самарского голода», «в вагонах третьего класса» (стр. 17). Благодаря всему этому безликое «дитя» Рюккерта становится у Достоевского родным братом петербургского «мальчика с ручкой».

Как и большинство других детей в произведениях Достоевского, мальчик-герой рассказа — дитя петербургской нищеты, одетый в «халатик» и «картузишко», и притом, несмотря на его шесть лет, ему свойственно чувство социальных различий: продавщицы в кондитерской для него «барыни», а покупатели — «господа». И замерзающего, во сне, его не покидают мысли о матери и о других, таких же как он, страдающих мальчиках и девочках.

Очевидны нити, протягивающиеся от рассказа «Мальчик у Христа на елке», с одной стороны, назад — к таким произведениям 1840-х годов, как «Бедные люди» и «Елка и свадьба» (см. наст. изд., т. I) или к образу Нелли в «Униженных и оскорбленных» (т. III), а с другой — к широкому, философско-символическому освещению темы незаслуженных и не подлежащих оправданию, безвинных страданий ребенка в «Братьях Карамазовых». Так же,

---

[1] Fr. Rückert. Gedichte. Neue Auflage. Frankfurt am Main, 1843, S. 273—276; ср.: *Фридлендер*, *Святочный рассказ*, стр. 384—386. Там же — об истории переводов Рюккерта в России и знакомстве русского читателя с его произведениями, стр. 379—381; ср.: *Фридлендер*, стр. 297—307.

как в «Идиоте», и в ряде последующих главок «Дневника писателя» о процессах Кронеберга и Джунковских, и в «Карамазовых», образы невинного, страдающего ребенка и Христа в рассказе сопряжены воедино, между ними установлено сложное идейно-художественное единство.

У Рюккерта дитя, обретши блаженство на небе, успокоилось и забыло о своих земных страданиях. Стихотворение призывает надеяться на будущее и уповать на божественную справедливость. У Достоевского же картина нищеты и страданий ребенка написана слишком резкими и яркими красками, чтобы эти страдания могли быть прощены, могли бесследно изгладиться из памяти читателя. Своим рассказом он не зовет надеяться терпеливо на божественное искупление на небесах, но призывает не забывать здесь, на земле, о реальных, земных детях и их страданиях, стремиться помочь их нужде и горю.

В *ДП*$_1$ непосредственная связь рассказа «Мальчик у Христа на елке» с обрамлением его раскрывалась более прямо: о герое здесь говорилось, что это был «мальчик, еще не такой, которого можно высылать с ручкой, но такой, которого <. . .> через год <. . .> непременно вышлют». Кроме того, мать мальчика здесь оставалась жива, а потому в конце рассказа отсутствовали слова об их загробном свидании (см. стр. 17, и варианты, стр. 140, 258). Для *ДП*$_2$ автор пересмотрел текст и исправил соответствующие места.

Критика положительно отнеслась к рассказу. Даже особенно враждебно настроенная к издателю «Дневника писателя» «Петербургская газета» перепечатала рассказ целиком в отделе «Фельетон» (*ПГ*, 1876, 4 февраля, № 24). В том же номере автор передовой статьи «Кабинетные моралисты. (По поводу «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского)» писал, что в этом рассказе «сказалась вся могучесть дарования психолога-романиста, вся теплота чувств, которою такой мастер играть автор „Преступления и наказания“». Особо выделил рассказ «Мальчик у Христа на елке» из фрагментов январского номера «Дневника» и обозреватель «С.-Петербургских ведомостей» В. В. Марков (В. М. Литературная летопись. — *СПбВед*, 1876, 7 февраля, № 38). Дошли до нас также сочувственные читательские отзывы о рассказе: «Какая прелесть „Мальчик у Христа на елке“, „Мужик Марей“» (письмо писателя-публициста К. В. Лаврского к матери от 21 марта 1876 г. — *РЛ*, 1976, № 3, стр. 135); «Что <. . .> касается лично до меня, <. . .> остаюсь верна рассказу „Мальчик у Христа на елке“ и признаю это chef d'oeuvr'om „Дневника писателя“» (письмо Х. Д. Алчевской к Достоевскому от 10 марта 1876 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 448).

По свидетельству А. Г. Достоевской, «Мальчик у Христа на елке» принадлежал (наряду со «Столетней» и «Мужиком Мареем») к числу тех художественных произведений, напечатанных в «Дневнике писателя», которые в конце жизни писатель больше всего ценил (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 315).

3 апреля 1879 г. Достоевский публично читал «Мальчика у Христа на елке» в пасхальные дни на литературном чтении для детей в пользу Фребелевского общества в Петербурге, в Соляном городке. На чтение писатель взял с собою сына и дочь. «Прием <. . .> был восторженный, и группа маленьких слушателей поднесла чтецу букет цветов» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 333). 16 декабря 1879 г. Достоевский снова прочел рассказ на литературном утре в пользу общества вспоможествования нуждающимся ученикам Ларинской гимназии (там же, стр. 340). По свидетельству А. Г. Достоевской, в Гос. историческом музее хранился экземпляр второго издания январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (*ДП*$_2$) с пометами автора, сделанными для этих чтений, на тех страницах (9—12), где помещен «Мальчик у Христа на елке». Местонахождение этого экземпляра в настоящее время не установлено (см. стр. 321).

О чтении Достоевским рассказа «Мальчик у Христа на елке» на литературном вечере в 1880 (?) г. см. рукописные мемуары А. П. и В. П. Шнейдер «Несколько памятных слов о Достоевском» (*ЦГАЛИ*, ф. 909).

После смерти Достоевского рассказ «Мальчик у Христа на елке» с 1883 г. выходил в сборниках, а с 1885 г. многократно печатался отдельными изда-

ним, для детского чтения.[1] В связи с подготовкой отдельного издания рассказа «Мальчик у Христа на елке» в 1885 г. цензор И. П. Хрущов дал о нем отрицательное заключение, подчеркнув социально-обличительный характер рассказа: «Достоевский мог любить детей, но менее подходящего к детскому возрасту писателя не существует <. . .> Нужно ли это сопоставление <богатства> и неприкрытой бедности, отчаянное положение искусанного морозом и замерзшего за дровами мальчика и утехи и радости столичных детей на елке. По мнению моему, рассказ этот не для детей, и никак уж не для низших училищ».

Особый отдел Ученого совета тогдашнего Министерства народного просвещения вынес по докладу цензора определение: «Согласиться с мнением Хрущова, о чем и представить на благоусмотрение его сиятельства г-на товарища министра народного просвещения». — *Д, Материалы и исследования*, т. IV, стр. 195. Тем не менее уже в 1901 г. в Петербурге вышло двадцать второе отдельное издание с четырьмя рисунками и с портретом автора. Рассказ получил в переводах широкое распространение во всем мире. Первые иностранные переводы — немецкий (1882, 1886), французский (1885, 1891).

Рассказ иллюстрировался рядом русских и зарубежных художников-иллюстраторов (*Достоевская, А. Музей памяти Ф. М. Достоевского*, стр. 277—279, 301—302).

Стр. 16. . . .*и присел за дровами: «Тут не сыщут, да и темно».* — Ср. аналогичную сцену в «Двойнике», гл. XIII (наст. изд., т. I, стр. 219).

Стр. 17. . . .*другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении. . .* — Воспитательными домами назывались приюты для подкидышей и беспризорных младенцев. В Петербурге воспитательный дом был открыт в 1770 г. Внимание Достоевского было привлечено к Петербургскому воспитательному дому еще в 1873 г. заметкой в «Голосе» (1873, 9 марта, № 68), в которой излагалось напечатанное в «Петербургском листке» (1873, 7 марта, № 47) письмо священника Иоанна Никольского о большой смертности среди питомцев этого заведения, розданных крестьянкам его прихода в Царскосельском уезде. В письме указывалось, что крестьянки берут детей для того, чтобы получить за них белье и деньги, а о младенцах не заботятся; в свою очередь доктора, выдающие документы на право взять ребенка, проявляют полное равнодушие и безразличие к тому, в чьи руки попадут дети. Об этой заметке Достоевский сделал запись в тетради (наст. изд., т. XXI, стр. 260).

В майском выпуске «Дневника писателя», рассказывая о посещении воспитательного дома, Достоевский упомянет о своем намерении «съездить в деревни, к чухонкам, которым розданы на воспитание младенцы» (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 17. . . .*во время самарского голода. . .* — В 1871—1873 гг. Самарскую губернию постигли катастрофические неурожаи, вызвавшие сильнейший голод.

Стр. 17. . . .*четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду. . .* — «Московские ведомости» (1876, 6 января, № 5), со ссылкой на газету «Дон», приводили запись из жалобной книги на станции Воронеж о том, что в поезде, в вагоне третьего класса, угорели мальчик и девочка и что состояние последней безнадежно. «Причина — смрад в вагоне, от которого бежали даже взрослые пассажиры».

Стр. 17. *Я был в колонии малолетних преступников ∾ вызвались всё показать.* — Колония для малолетних преступников была основана в 1871 г.

---

[1] Сохранилось письмо издательницы детского журнала «Игрушечка» А. Н. Пешковой-Толиверовой к Достоевскому от 8 февраля 1878 г. с просьбой разрешить издание рассказа отдельной книжкой (*ГБЛ*, ф. 93, 7.79). Автор отвечал ей: «К большому сожалению, не могу Вам дать перепечатать „Мальчика у Христа на елке“ — потому что сам намерен издать (и это в скором времени) мои маленькие рассказы».

С.-Петербургским обществом земледельческих колоний и ремесленных приютов, возникшим в 1870 г. в соответствии с указом от 5 декабря 1866 г. о создании исправительных учреждений для детей. Колония находилась на территории бывшей Охтенской лесной дачи, в восьми верстах от берега Невы по Пороховскому шоссе, на берегу р. Лупы. Желание посетить колонию родилось у Достоевского при чтении отчета о деятельности Общества за октябрь 1875 г. (*Г*, 1875, 9 ноября, № 310). За содействием писатель обратился к А. Ф. Кони и 26 декабря получил от него приглашение заехать к нему в Министерство юстиции и затем вместе с ним и основателем колонии, сенатором М. Е. Ковалевским (1829—1884), поехать в колонию (*Кони*, т. VIII, стр. 38—39; *Письма читателей*, стр. 178—179). Достоевский пробыл в колонии весь день 27 декабря (*Гроссман*, *Жизнь и труды*, стр. 239). В своих воспоминаниях о Достоевском А. Ф. Кони ошибочно отнес эту поездку к лету 1877 г. (*Кони*, т. VI, стр. 435—438).

Стр. 18. *Семья — это группа мальчиков* ∾ *как, кажется, хороши бы и воздух и содержание детей!* — Рассказывая о колонии, Достоевский опирается на собственные впечатления от ее посещения и на факты, которые он узнал из беседы с официальными лицами, а также почерпнул из отчета, напечатанного в «Голосе».

«Семейная» организация колонии была введена по образцу уже существовавших на Западе аналогичных учреждений. Она была подробно описана позднее в статье директора колонии П. А. Ровинского (см. ниже) «С.-Петербургская земледельческая колония» («Журнал гражданского и уголовного права», 1877, № 4, стр. 151—226; № 5, стр. 59—94; № 6, стр. 63—130). На 1 января 1876 г. в колонии находилось 52 воспитанника («Голос» сообщал, что «число воспитанников ‹. . .› простиралось лишь до 48, хотя и положено иметь их 70»). Бюджет колонии складывался из ассигнований, поступавших от различных официальных учреждений, членских взносов «Общества» и пожертвований. Последние составляли до 50% и более общей суммы. В 1875 г. на содержание одного воспитанника было затрачено 406 руб., а в 1876 г. — 350 руб. (*Кистяковский*, стр. 127—128). И хотя общие расходы за первые пять лет (1871—1875 гг.) составили 161 955 руб. (там же, стр. 114), они были явно недостаточны, учитывая огромные затраты на освоение территории. Впоследствии указывалось, что «колония иногда прямо нищенствовала» («Земледельческая колония малолетних преступников в С.-Петербурге». — «Нива», 1906, № 42, стр. 667). «Голос» писал, что «состояние здоровья ‹воспитанников› было очень неудовлетворительное». О большом числе больных в 1875 г. говорилось и в отчете врача колонии с указанием таких причин, как плохое отопление и неудовлетворительная вентиляция помещений, некрашеные полы, легко впитывавшие влагу, и др. (*Отчет за 1875 г.*, стр. 89—92). Если в 1875 г. врач все же называл условия местности удовлетворительными, то в 1877 г. в своей статье П. А. Ровинский писал о том, что сырая, болотистая местность служила причиной большого числа простудных заболеваний.

Павел Аполлонович Ровинский (1831—1916) — этнограф, славяновед, путешественник, публицист. Ровинский был активным членом общества «Земля и воля», поддерживал связи с польскими повстанцами (1863), предпринял неудачную попытку освободить Н. Г. Чернышевского из ссылки (1870). Директором колонии был в 1875—1877 гг. В 1874 г. Ровинский написал статью «По поводу чтений О. Миллера», в которой, как он писал в письме к А. А. Краевскому от 28 марта того же года, обращалось внимание «на ту реальную, имеющую практическое значение сторону сочинений Достоевского, которая лучше всего выражается в „Записках из Мертвого дома“ и которая профессором совершенно игнорирована». Статья была послана в газету «Голос», но не напечатана (*ЛН*, т. 86, стр. 436—437). Ряд статей Ровинского, написанных по материалам его путешествий по Монголии и Сербии, был напечатан в первой половине 70-х гг. в «Вестнике Европы».

Стр. 19. *. . .из бывшего отделения малолетних преступников еще в Литовском замке, теперь там уничтоженного.* — Отделение малолетних преступников, существовавшее в Литовском тюремном замке в Петербурге с 1871 г., было в декабре 1875 г. преобразовано в самостоятельное исправительное

учреждение. До этой реорганизации оно практически ничем не отличалось от обыкновенной уголовной тюрьмы; малолетние преступники свободно общались со взрослыми, учеба и воспитательная работа не были налажены, среди подростков процветали порочные привычки (*Кистяковский*, стр. 134—135). В отчете П. А. Ровинского отмечалось, что дурная привычка, о которой говорит Достоевский, «становится слабее с тех пор, как стали поступать мальчики прямо с воли, а не из Литовского замка» (*Отчет за 1875 г.*, стр. 78).

Достоевский еще в 1874 г. намеревался посетить отделение малолетних преступников в Литовском замке, находившееся в здании у Крюкова канала, где ранее располагался Литовский армейский полк. 7 мая 1874 г. он получил от А. Ф. Кони приглашение поехать на следующий день с ним в тюрьму; ответное письмо Достоевского неизвестно (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 226; *Кони*, т. VIII, стр. 38). См. запись в тетради 1874—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 272, 526; ср. также: т. XVII, стр. 266—267).

Стр. 20. *...цифра, однако, не маленькая).* — К концу 1875 г. рецидивисты составляли 18% от общего числа (45) выпущенных из колонии (*Отчет за 1875 г.*, стр. 47), а впоследствии и больше (25.5%). Цитируя эти слова Достоевского и полемизируя с ним и другими лицами, придерживавшимися аналогичного мнения, П. А. Ровинский на основании сравнения с деятельностью подобных учреждений в странах Западной Европы утверждал, что «результаты, данные петербургскою колониею с первого же раза, слишком хороши» (П. А. Ровинский. С.-Петербургская земледельческая колония. — «Журнал гражданского и уголовного права», 1877, № 5, стр. 93).

Стр. 20. *Прежде паспорты, выдаваемые от колонии, им очень вредили.* — Удостоверение, которое получал воспитанник при выходе из колонии, было действительно лишь краткий срок и не давало практически возможности приписаться к определенному сословию, получить прописку и поступить на постоянную работу. Неустроенность в жизни вследствие этих факторов П. А. Ровинский называл одной из основных причин возникновения рецидивов среди бывших воспитанников колонии. Администрация колонии старалась исправить это положение, договариваясь с различными местными управами о выдаче удостоверений от их имени, но часто наталкивалась на бюрократические рогатки (*Отчет за 1875 г.*, стр. 39—42).

Стр. 20. *Петропавловка.* — Называвшийся так в обиходе (по аналогии с тюрьмой, находившейся в Петропавловской крепости в Петербурге), этот карцер официально именовался «отделенный домик» (*Отчет за 1875 г.*, стр. 63, 75).

Стр. 21. *Кстати, вверну сюда одно странное нотабене ∾ вешаются или застреливаются».* — Отмена телесных наказаний предусматривалась «Проектом устава общеобразовательных учебных заведений» (1862); розги объявлялись самым дурным средством воспитания. В окончательный текст «Устава гимназий и прогимназий ведомства Министерства просвещения», принятый 19 ноября 1864 г., соответствующая статья не вошла; § 64 этого устава определял, что «правила о взысканиях с учеников гимназий и прогимназий составляются местными педагогическими советами» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. 39, отд. 2. 1864. СПб., 1867, стр. 173). В ходе осуществления школьной реформы 1864 г. телесные наказания повсеместно вышли из употребления, однако рецидивы жестокого обращения с учащимися все же время от времени случались. Так, летом 1875 г. состоялся суд над смотрителем училища при Троицко-Сергиевской лавре иеромонахом Гавриилом, который до смерти засек десятилетнего ученика; истязатель был оправдан, что вызвало возмущение в печати.

Вопрос об отмене телесных наказаний был в свое время предметом острых разногласий между передовой частью общества и консервативно настроенными людьми и вызвал резкую полемику в печати. Отзвуки этой полемики не прекращались и в последующие годы, и одним из них было мнение, приводимое Достоевским. Это мнение он, согласно записи в черновой тетради (наст. изд., т. XXIV), услышал 19 января 1876 г. от Василия Васильевича Григорьева (1816—1881), востоковеда, профессора С.-Петербургского университета, монархиста-консерватора по убеждениям, бывшего редактора газеты «Правительственный вестник» (1869—1870), начальника Главного управления по

делам печати (1874—1880). Еще в период работы над «Бесами» некоторое влияние на Достоевского имела статья В. В. Григорьева о Т. Н. Грановском (см. наст. изд., т. XII, стр. 276—277, 279). 16 февраля 1872 г. писатель лично познакомился с В. В. Григорьевым (*ЛН*, т. 86, стр. 418) и, по воспоминаниям А. Г. Достоевской, «с особенным удовольствием беседовал» с ним (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 219; ср. письмо Достоевского к М. И. Владиславлеву от 6 ноября 1872 г.). Через В. В. Григорьева проходили и находили у него поддержку прошения Достоевского о разрешении издавать «Дневник писателя» и позднее об освобождении от предварительной цензуры (И. Л. Волгин. Достоевский и царская цензура. К истории издания «Дневника писателя». — *РЛ*, 1970, № 4, стр. 106—108, 117—118). С В. В. Григорьевым Достоевский предполагал в ходе издания «Дневника писателя» обсудить вопросы «о провинциальной печати и об наших восточных окраинах» (наст. изд., т. XXIV). Беседы с В. В. Григорьевым оказали, очевидно, влияние на главы «Дневника», посвященные Восточному вопросу и Т. Н. Грановскому (*Д, Письма*, т. III, стр. 298).

Замечание В. В. Григорьева, приведенное Достоевским, вызвало ряд полемических реплик. Г. К. Градовский в своем «Листке» отнес этот абзац к числу «совершенно излишних мест» в «Дневнике писателя» и привел стихотворный отклик на него, присланный в редакцию «Голоса». Это стихотворение, переведенное в 1862 г. из польского букваря, напечатанное в газете «День», а оттуда перепечатанное в журнале «Время» (1862, № 4, отд. III, стр. 53), кончалось словами:

Да милость господня к тому низойдет,
Кто деток порядком за дело сечет,
И благостью вечной те рощи, леса,
Где розга растет, — да хранят небеса!

«Вот новый и могущественный довод к сохранению и разведению лесов!» — заканчивал саркастически свою статью Г. К. Градовский (*Г*, 1876, 8 февраля, № 39). Ср.: ‹И. А. Вашков.› Беседы мичмана Жевакина с публикой. — «Развлечение. Юмористический журнал с карикатурами», 1876, 5 марта, № 10, стр. 157—158.

Самоубийства, для которых поводом служили неприятности в гимназии, были не редкими. Так, в ноябре 1875 г. в Екатеринославе лишил себя жизни ученик 7-го класса гимназии, имевший плохие оценки по греческому языку (*Г*, 1875, 18 ноября, № 319). См. также: А. С. Долинин. В творческой лаборатории Достоевского. [Л.], 1947, стр. 97—98; наст. изд., т. XVI, стр. 179; т. XVII, стр. 414.

Нотабене. — В употреблении Достоевского это слово часто означало отступление или род пояснения в скобках, содержащее важную, примечательную мысль. Ср. июльско-августовский выпуск, гл. I, § 2 «О воинственности немцев»; сентябрьский выпуск, гл. II, § 3 «Продолжение предыдущего» (наст. изд., т. XXIII); декабрьский выпуск, гл. II, § 1 «Анекдот из детской жизни» (наст. изд., т. XXIV). Достоевский очень часто употреблял это слово и в художественных, и в публицистических произведениях (например: наст. изд., т. X, стр. 511; т. XIII, стр. 108, 286, 306, 440—441; т. XXI, стр. 246; т. XXV, «Дневник писателя» за 1877 г., май—июнь, гл. II, § 2 «Дипломатия перед мировыми вопросами»). В черновой тетради заметка о разговоре с В. В. Григорьевым помечена значком NB.

Стр. 22. . . .*бывшие питомцы воспитательного дома*. . . — См. примеч. к стр. 17.

Стр. 22. *Мне говорили, что дети очень любят читать*. . . — П. А. Ровинский в своем отчете отмечал любовь воспитанников к чтению и сильное впечатление, которое оно на них оказывало (*Отчет за 1875 г.*, стр. 64—66).

Стр. 23. *Ни Пушкин ∾ непонятны совсем народу*. — Достоевский повторяет здесь мысль, которую он подробно обосновал и развил в статье «Книжность и грамотность» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 6, 15—16, 42).

Стр. 23. . . .*без сомнения, преподавание закона божия в школах ∾ не может быть поручено никому другому, кроме священника*. — Отклик на дис-

куссию о предоставлении учителям права преподавать закон божий (по существовавшим правилам этим правом обладали лишь священники и лица, получившие образование в духовной семинарии). «Голос» (1876, 30 декабря, № 359) сообщал, например, что Петербургское губернское земское собрание «оказалось вынужденным ходатайствовать о предоставлении учителям, в известных случаях, права преподавать закон божий или, по крайней мере, обучать молитвам в начальных училищах». Далее газета писала: «Судя по прежним примерам, надо полагать, что это ходатайство едва ли будет удовлетворено», хотя учителю «и без того открыт доступ для всякого на них ‹учеников› влияния».

С т р. 23. . . .*рассказывая лишь об утке и «чем она покрыта».* — Иронический намек на метод наглядного обучения в том виде, как его пропагандировали и насаждали в школе в 70-е гг. XIX в. некоторые деятели народного образования, опиравшиеся на опыт немецких педагогов. К 1876 г. Достоевский, несомненно, был знаком с нашумевшей статьей Л. Н. Толстого «О народном образовании» (*ОЗ*, 1874, № 9), в которой этот метод был подвергнут резкой критике. Об этой статье он вспомнит позднее, делая черновые записи к «Братьям Карамазовым» (наст. изд., т. XV, с. 199, 607). Полемизируя с одним из рьяных сторонников наглядного обучения известным педагогом Н. Ф. Бунаковым, Толстой приводил его методические рекомендации, в частности следующие вопросы, которые Бунаков предлагал задавать ученикам: «Чем покрыты суслик, и сорока, и кошка, и какие части их тела? ‹. . .› Рассматривая новый предмет, дети возвращаются при каждом удобном случае к предметам, уже рассмотренным. Так, когда они заметили, что сорока покрыта перьями, учитель спрашивает: „а суслик тоже покрыт перьями? Чем он покрыт? а курица чем покрыта? а лошадь? а ящерица?“» (*Толстой*, т. XVII, стр. 83—84). В одном из методических пособий по наглядному обучению содержался «План урока о необходимости птицам иметь перья при их образе жизни и их нуждах», включавший следующий пункт: «III. Утка. Прежде всего у детей выспрашивают всё, что они знают об образе жизни и пище утки. Затем обращают внимание на прохладительное и размягчающее свойство воды, для того чтобы дети пришли сами к заключению, что утке необходимы перья, которые сопротивлялись бы действию воды, и заставляют их сравнивать, какое действие производит дождь на перья уток и на перья кур. При этом дети объясняют, что для того, чтобы предмет мог противостоять воде, всегда употребляют масло. Затем, рассматривая перья утки, делают вопросы: для чего они толсты и нижняя часть пушиста? — Для того, чтобы не пропускали сквозь себя теплоту тела, — а верхние гладки для того, чтобы не пропускали сырости», и т. д. (Предметные уроки по Шельдону. Перевод с XIV-го американского издания. М., 1874, с. 111—112).

С т р. 23—24. *Публиковались пренеприятные факты ∾ Газеты наши берут сторону ноющих. . .* — В корреспонденции «Священники не хотят учить закону божию в народных школах», напечатанной за подписью «Сумец» (В. П. Мещерский) (*Гр*, 1875, 16 ноября, № 46), сообщалось о «более 10 священниках, формально отказавшихся в Харьковской губернии от обучения закону божию в школах». В «Голосе» (1875, 30 декабря, № 359) обращалось внимание на «печальное состояние преподавания в народных училищах ‹Петербургской› губернии закона божия» и указывалось, что вину за это нельзя «взваливать на наше совершенно необеспеченное и бедствующее сельское духовенство».

С т р. 24. . . .*«трудящийся достоин платы». . .* — Перефразированные слова из Библии: «трудящийся достоин пропитания» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 10) и «трудящийся достоин награды за труды свои» (Евангелие от Луки, гл. 10, ст. 7). Ср.: Второзаконие, гл. 25, ст. 4; Первое послание к Тимофею св. апостола Павла, гл. 5, ст. 18. Это евангельское выражение Достоевский ранее привел в статье «Книжность и грамотность» (наст. изд., т. XIX, стр. 51).

С т р. 25. . . .*все-таки можно бы, кажется, нашим Потугиным быть подобрее к России и не бросать в нее за всё про всё грязью».* — Созонт Иванович Потугин — персонаж романа И. С. Тургенева «Дым» (1867), представляв-

ший, по словам самого Тургенева, «совершенного западника» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX. стр. 526) и высказывавший мысли, близкие автору. Отношение Достоевского к этому роману и, в частности, к Потугину было резко отрицательным (см. подробно: наст. изд., т. XII, стр. 167—168, 225—226). Среди черновых записей, сделанных в ноябре 1875—январе 1876 г., имеется большое число полемических заметок о Тургеневе и Потугине, предназначавшихся для неосуществленной статьи, которую Достоевский предполагал написать для январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIV).

С т р. 26. *В № 359 «Голоса» мне случилось прочесть ∾ ждущие света!* — Российское общество покровительства животным было основано 4 октября 1865 г. Бессменным его председателем в течение первого десятилетия его существования был кн. А. А. Суворов-Рымникский (1804—1882), внук полководца, петербургский военный генерал-губернатор в 1861—1866 гг. Юбилейное заседание общества, имевшего к тому времени филиалы в ряде городов страны, состоялось 28 декабря 1875 г. в здании Петербургской городской думы. Отчет о заседании был напечатан в «Голосе» (1875, 30 декабря, № 359) в отделе «Внутренние известия». В приводимой Достоевским цитате из вступительной речи А. А. Суворова излагается основной тезис, который выдвигало Общество в обоснование своего существования и который его члены на протяжении всего десятилетия защищали в полемике с людьми, сомневавшимися в целесообразности и необходимости деятельности подобного рода. См., например: Главнейший недостаток общечеловеческого воспитания. — «Вестник Российского общества покровительства животным», 1869, 1 марта, № 5, стр. 37; Ф. В. Д р а г и л е в. Люди в отношении к подвластным им животным. — Там же, 15 апреля, № 8. Особое значение придавалось развитию чувства сострадания к животным как важному элементу воспитания детей (см.: И. Э т л и н г е р. Мысли о нашем воспитании и об его недостаточности в нравственном отношении. — Там же, 1 мая, № 9, стр. 66—70; Ю. М и к ш е в и ч. Записка о воспитательном значении кроткого обращения с животными и мерах к распространению его между учащимся юношеством, составленная по поручению Казанского отдела Российского общества покровительства животным. — Там же, 1870, № 11, стр. 86—88; и др.).

Ранее в произведениях Достоевского имеется лишь одно ироническое замечание об Обществе. В «Бесах» капитан Лебядкин упоминает его как «клуб человеколюбия к крупным скотам в Петербурге при высшем обществе» (наст. изд.. т. X. стр. 106; т. XII, стр. 292—293). Но еще задолго до «Бесов» журнал «Время» (1861, № 6) писал о жестоком обращении простого народа с животными и о создании общества покровительства животным.

С т р. 26. . . *.которого надо образить. . .* — Еще ранее Достоевский употребил то же слово «образить» в романе «Идиот». Настасья Филипповна обращается здесь к Рогожину: «Ты бы образил себя хоть бы чем, хоть бы „Русскую историю“ Соловьева прочел, ничего-то ведь ты не знаешь» (наст. изд., т. VIII, стр. 179; т. IX, стр. 441). Ср. т. XIII, с. 314; т. XVI, стр. 178.

С т р. 26. *Наши дети воспитываются ∾ не доехав до бойни.* — Сцену истязания лошади Достоевский описал в «Преступлении и наказании» (наст. изд., т. VI, стр. 46—49; т. VII, стр. 368—369). О безжалостном обращении с лошадьми будет говорить Иван Карамазов (наст. изд., т. XIV, стр. 219; т. XV, стр. 553).

В докладе гласного С.-Петербургской общей городской думы П. В. Жуковского, представленном Думе 12 марта 1864 г., говорилось: «Нельзя не упомянуть также о способе перевозки телят и других животных, напичканных кое-как в телегу или сани и крепко-накрепко прикрученных веревками. Головы, повисшие из повозки, болтаются в течение нескольких часов, и разумеется, что живой товар этот, перевозимый таким безжалостным образом, сбывается покупателям в полуживом состоянии, а может случиться, что поступает на бойни или шпарни уже дохлым» (*Зосимский*, стр. 7). В докладе В. Иверсена, прочитанном на юбилейном заседании, указывалось, что Обществу, несмотря на все его старания, не удалось изменить варварского способа перевозки телят (*Г*, 1875, 30 декабря, № 359).

С т р. 27. . . .*на почтенное «Общество» были и нападки* ∾ *такие нежные заботы о собачках несколько как бы режут ухо.* — В 1866—1871 гг. предельный штраф за дурное обращение с животными составлял 15 руб., а в ноябре 1871 г. был снижен до 10 руб. Эта мера наказания применялась сравнительно редко. Однако в 1871 г., о котором говорит Достоевский, были оштрафованы на 15 руб. шесть человек. Вопрос о наименее мучительном способе убоя собак неоднократно поднимался Обществом; особенно оживленно он дискутировался в 1874 г. (*Зосимский*, стр. 32, 36, 191—197; В. И в е р с е н. Первое десятилетие Российского общества покровительства животным. Исторический очерк его деятельности в 1865—1875 гг. СПб., 1875, стр. 126—127). В юбилейном докладе В. Иверсена говорилось о намерении Общества открыть приют для бездомных собак (*Г*, 1875, 30 декабря, № 359).

В изданиях Общества часты жалобы на то, что его деятельность не встречала ни поддержки, ни сочувствия. См., например: Ф. В. Д р а г и л е в. Взгляд на дело покровительства. — «Вестник Российского общества покровительства животным», 1871, № 6, стр. 46; ‹А н о н и м›. Способствует ли сострадание к животному любви к человеку? — Там же, 1869, 1 февраля, № 3, стр. 20; ‹А н о н и м›. Вопрос о защите животных. — Там же, 1870, 15 января, № 2, стр. 7. Упомянув в своей речи о предубеждении общественного мнения, А. А. Суворов отметил, однако, постепенный поворот в лучшую сторону: с годами, по его словам, печать стала относиться «с полным уважением» к деятельности Общества, а публика «несравненно серьезнее» воспринимать случаи жестокого обращения с животными (*Г*, 1875, 30 декабря, № 359).

С т р. 27—28. *Анекдот этот* ∾ *«смотрела и видела»*. . . — Этот эпизод Достоевский вспоминал, работая над «Преступлением и наказанием», о чем имеется запись в подготовительных материалах второй рукописной редакции романа: «Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь» (наст. изд., т. VII, стр. 138; предположение о возможном месте происшествия см. там же, стр. 91, 407).

С т р. 27. . . .*обо всем «прекрасном и высоком»*. . . — См. наст. изд., т. XVII, стр. 371—372; ср. т. V, стр. 102, 109, 129, 132; т. XIV, стр. 290; т. XV, стр. 76, 81, 569, 591.

С т р. 27. . . .*я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни.* — Увлечение Италией, в частности Венецией, родилось у Достоевского еще в детстве под влиянием романов английской писательницы Анны Радклиф, пьес Шекспира, книг о путешествиях. Об этом Достоевский писал Я. П. Полонскому в письме от 31 июля 1861 г. и в первой главе «Зимних заметок о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 46, 361). Позднее это увлечение укрепили «Венецианские повести» Жорж Санд и произведения Гофмана (ср. наст. изд., тт. XXIII—XXIV, примеч. к июньскому и декабрьскому выпускам «Дневника писателя» за 1876 г.). Высказывалось предположение, что уже этот роман, о котором здесь говорится, Достоевский сочинял под влиянием Жорж Санд (Б. Г. Р е и з о в. «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского и проблемы зарубежной литературы. — *РЛ*, 1972, № 2, стр. 71). Однако сам Достоевский вспоминал, что первой повестью Жорж Санд, которую он прочитал, был «Ускок», напечатанный впервые через год после описываемой здесь поездки («Revue des deux Mondes», 1838, 15 mai—1 juillet) и несколько позже переведенный на русский язык (*БдЧт*, 1838, ч. 29). Ср.: *Гроссман, Биография*, стр. 27.

С т р. 27. *Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин*. . . — Достоевский допускает неточность: Пушкин умер 29 января (10 февраля) 1837 г.

С т р. 29. *В конце сороковых годов, в эпоху моих самых беззаветных и страстных мечтаний*. . . — Достоевский говорит о своем увлечении идеями утопического социализма и участии в кружках петрашевцев.

С т р. 29. . . .*народ уже сам себя бьет, удержав розги на своем суде.* — См. наст. изд., т. XV, стр. 545—546.

С т р. 29. . . .*зато есть «зелено-вино»*. — Широкое распространение в народе пьянства было острой проблемой пореформенного времени, которой уделялось большое внимание как в публицистике, так и в художественной

литературе. Ср. наст. изд., т. XIV, стр. 286; т. XV, стр. 567; т. XXI, стр. 94—95, 437, 440.

Стр. 29. *Пьяный муж пришел к жене* ∾ *ее будут судить.* — За конец 1875—январь 1876 г. в газетах, которые регулярно читал Достоевский, появилось два сообщения о происшествиях, похожих на описываемый случай. Возможно, они контаминировались в памяти писателя. «Отставной писарь Прохор Сорокин, проживающий в доме № 23-й, по Самсониевскому проспекту, на Выборгской стороне, 14 декабря поссорился с своею женой, Анной. Ссора превратилась в драку, в которой жена Сорокина нанесла ему в левый бок опасную рану, причем себе обрезала пальцы. Сорокин отправлен в больницу» (*Г*, 1875, 16 декабря, № 347; ср. более подробные отчеты, в которых также нет деталей, упоминаемых Достоевским: *БВ*, 1875, 16 декабря, № 346; *СПбВед*, 1875, 16 декабря, № 338). В обзоре «о числе случаев и приключений» в Москве за ноябрь 1875 г. говорилось: «Нанесения ран один случай (отставной кондуктор Петров, 50 лет, придя в пьяном виде к жене своей, 38 лет, потребовал денег на водку, но жена схватила молоток и нанесла Петрову несколько ударов в голову, с повреждением кости)» (*БВ*, 1875, 22 декабря, № 352).

Стр. 30. . . . *это недавнее крушение поезда на Одесской железной дороге с царскими новобранцами, где убили их более ста человек.* . . — 24 декабря 1875 г. близ станции Борщи, между Елисаветградом (ныне Кировоград) и Одессой, потерпел крушение поезд, в котором везли 419 новобранцев. «Крушение произошло вследствие того, что по распоряжению дорожного мастера и его помощника на полотне дороги были сняты четыре рельса для замены их новыми; машинист не остановил вовремя поезда, который упал с насыпи и сгорел дотла. Из числа новобранцев пострадали 120 человек; в том числе: 3 убитых, 63 сгорели и 54 ранены»[1] (*Г*, 1876, 1 января, № 1). Расследование выявило большие упущения и злоупотребления со стороны администрации дороги. Это крушение получило широкую огласку и всколыхнуло дискуссию о порядках на железных дорогах, которая уже несколько лет периодически возникала в русской печати. «Голос» возвращался к этому случаю 4, 8, 9, 10, 13, 15—17, 22, 25—27 января (№№ 4, 8—10, 13, 15—17, 22, 25—27), а также и позднее, помещая краткие сообщения о проводившемся следствии. Большое внимание уделили этому происшествию и другие газеты.

Стр. 30. *Пропагатор* (франц. propagateur) — распространитель. Ср. наст. изд., т. V, стр. 73.

Стр. 30. *Недавно один начальник станции* ∾ *находится от него в бегах.* . . — Этот случай произошел 26 декабря 1875 г. на ст. Альма Лозово-Севастопольской ж.-д. «Каким-то господином» был один из служащих станции (*Г*, 1876, 9 января, № 9).

Стр. 30. *Я прежде осуждал было г-на Суворина за случай его с г-ном Голубевым.* — См. наст. изд., т. XXI, стр. 163—164, 474.

Стр. 30—31. . . .*который свирепствует на всех линиях* ∾ *вредит целым городам, губерниям, царству.* . . — В январе 1876 г. в ходе упоминавшейся выше дискуссии о порядках на железных дорогах в прессе появилось большое число статей и заметок, в которых осуждался произвол, царивший на железных дорогах, их погоня за прибылью любой ценой и стремление к установлению своего экономического господства любыми средствами. Так, Г. К. Градовский в «Листке», напечатанном в «Голосе» (1876, 11 января, № 11) под псевдонимом «Гамма», перечислив некоторые факты произвола на железных дорогах, сообщил о том, что на Варшавской ж.-д. был насильно вынесен из вагона пассажир, оказавшийся важным лицом. Этот акт насилия над коллежским советником Михаилом Григорьевичем фон-Дервизом, братом владельца одной из железных дорог, оживленно комментировался в газетах (Незнакомец ‹А. С. Суворин›. Недельные очерки и картинки. — *БВ*, 1876, 11 января, № 10; А. Л. ‹А. П. Лукин›. Московские письма. — Там же, 17 января, № 16; *МВед*, 1876, 12 января, № 10; *СПбВед*, 1876, 10 января, № 10; 29 января, № 29; *ПГ*, 1876, 11 января, № 7) и рассматривался

---

[1] Цифры в разных сообщениях менялись.

как повторение случая с В. Ф. Голубевым. Разбирательство дела у мирового судьи состоялось в марте 1876 г.

«Листок» Г. К. Градовского был отмечен Достоевским в черновой тетради (наст. изд., т. XXIV) и нашел отражение в комментируемом отрывке.

Стр. 31. *В Петербурге, две-три недели тому ∾ как ножичек очутился в руках».* — Об этом происшествии, случившемся в ночь на 5 января 1876 г., писали все петербургские газеты. См.: *Г*, 1876, 7 января, № 7; *БВ*, 1876, 7 января, № 6; *ПГ*, 1876, 7 января, № 4; *СПбВед*, 1876, 7 января, № 7. Согласно записи в черновой тетради (наст. изд., т. XXIV), Достоевский лично видел преступника.

Стр. 31. *Вот тут так именно среда.* — В 60—70-е гг. Достоевский последовательно и резко полемизировал с теорией, оправдывавшей преступника тяжелыми жизненными условиями, воздействием на человека окружающей среды. По убеждению писателя, теория «среды» вела к фатализму, к отрицанию нравственной ответственности человека за совершаемые поступки, к моральному оправданию преступления. Полемике с теорией «среды» посвящен очерк «Среда» (наст. изд., т. XXI); ср.: «Преступление и наказание» (ч. III, гл. 5; наст. изд., т. VI, стр. 196—197; т. VII, стр. 380), подготовительные материалы к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 149, 234, 287; т. XII, стр. 345), подготовительные материалы к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 159—160; т. XVII, стр. 412); «Братья Карамазовы» (наст. изд., т. XIV, стр. 69; т. XV, стр. 538). В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский будет с нею полемизировать ниже в этом (см. стр. 33—34) и майском (наст. изд., т. XXIII) выпусках. Однако, критикуя теорию «среды», призывавшую видеть в любом преступнике жертву социальных условий, Достоевский не отрицал связи между характером преступления и окраской всего строя общественной жизни, объективными условиями жизни человека (*Фридлендер*, стр. 204—206).

Стр. 31. *Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие. . .* — В «Бесах» Шигалев проповедует «разделение человечества на две неравные части», при котором «одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми» (наст. изд., т. X, стр. 312; т. XII, стр. 305). В «Подростке» Версилов относит к избранной части «высший культурный тип»: «Нас, может быть, всего только тысяча человек ‹. . .› но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу» (наст. изд., т. XIII, стр. 376).

Стр. 32. *. . .я хотел было поговорить ∾ и еще на пятнадцать тем по крайней мере.* — Позднее, в письме Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г., Достоевский писал: «Я еще не успел уяснить себе форму „Дневника", да и не знаю, налажу ли это когда-нибудь, так что „Дневник" хоть и два года, например, будет продолжаться, а все будет вещью неудавшейся. Например: у меня 10—15 тем, когда сажусь писать (не меньше). Но темы, которые я излюбил больше, я поневоле откладываю: места займут много, жару много возьмут ‹. . .›, номеру повредят, будет неразнообразно, мало статей, и вот пишешь не то, что хотел». Почти для каждого выпуска «Дневника» в записных тетрадях имеется несколько вариантов плана, отражающих процесс отбора тем и поиски композиционной логичности, стройности, равновесия. См., например, планы к январскому выпуску 1876 г. (наст. изд., т. XXIV) и др. Некоторые темы переходили в планах из номера в номер, но так и не были осуществлены.

Стр. 32. *Кстати, словечко о декабристах ∾ есть и еще в живых.* — Слово «журнал» употреблено здесь Достоевским в значении «газета» (под влиянием франц. journal — газета). В начале января 1876 г. петербургские газеты, ссылаясь на «Московские ведомости» (1876, 4 января, № 3), сообщили о том, что «20 августа скончался в Москве Е. Е. Лачинов, один из последних декабристов» (*СПбВед*, 1876, 6 января. № 6; *Г*, 1876, 7 января, № 7; ср. позднее: *Гр*, 1876, 25 января, № 4, стр. 104).

Лачинов Евдоким Емельянович (1799—1876) — член Южного общества.

Анненков Иван Александрович (1802—1878) — член Южного общества; по истечении срока каторги жил на поселении сначала в Иркутском округе,

а затем в Тобольской губернии, где с 1841 г. служил в губернском правлении. Достоевский был лично знаком с его женою — Прасковьей Егоровной Анненковой (урожд. Полиной Гебль, 1800—1876) (см. наст. изд., т. XXI, стр. 385), а также с их дочерью Ольгой Ивановной Ивановой, у которой он и С. Ф. Дуров прожили почти месяц по выходе из каторги. Роман Александра Дюма-отца «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге» («Mémoires d'un maître d'armes, ou dix-huit mois à Saint-Pétersbourg», 1840) пользовался в России большою известностью, хотя и был запрещен цензурою. В основу его легли рассказы бывшего учителя фехтования в Москве Гризье, у которого брал уроки И. А. Анненков. История декабриста Анненкова (в романе: «граф Алексис Ванинков»), от которого отвернулась вся богатая родня и которому осталась верна лишь его любовница-модистка, пробившаяся к нему в Сибирь и ставшая его женою, в романе сильно идеализирована и смягчена. Сам Анненков превращен автором в «кающегося» заговорщика, не верившего в успех восстания, но принявшего в нем участие единственно ради того, чтобы его не признали трусом (Воспоминания Полины Анненковой. С прилож. воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой и материалов из архива Анненковых. Под ред. С. Гессена и Ан. Предтеченского. М., 1929, стр. 56, 86, 269—270; С. Дурылин. Александр Дюма-отец и Россия. — *ЛН*, т. 31—32, стр. 512—517; А. Дюма. Учитель фехтования. Роман из времен декабристов. Пер. с франц. Б. И. Гордон. Вступ. статья и примеч. С. Орлова. Горький, 1957, стр. 9—11; М. Трескунов. Александр Дюма о декабристах. — «Звезда», 1975, № 12, стр. 207—210).

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886) — член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества; старший брат С. И. Муравьева-Апостола — одного из пяти казненных руководителей движения декабристов.

Свистунов Петр Николаевич (1803—1889) — член Северного и Южного обществ; в 1850-е гг. — деятель по крестьянскому вопросу; автор статей в «Русском архиве» (1870—1871).

Назимов Михаил Александрович (1801—1888) — член Северного общества.

Стр. 32. *Есть одна такая смешная тема* ∾ *о спиритизме*. — Спиритизм стал распространяться в России с начала 1870-х гг. Его пропагандистами были А. Н. Аксаков (1832—1903), А. М. Бутлеров (1828—1886) и Н. П. Вагнер (1829—1907). Организованные ими в 1874 г. в Петербурге выступления медиума Бредифа послужили началом ожесточенной полемики.

На заседании Физического общества при С.-Петербургском университете 6 мая 1875 г. Д. И. Менделеев выступил с заявлением о необходимости научной проверки так называемых спиритических (медиумических) явлений с целью разоблачения спиритизма и противодействия его распространению, которое к этому времени приняло в России широкие масштабы. По предложению Менделеева была организована Комиссия для исследования медиумических явлений. На организационных заседаниях 7 и 9 мая 1875 г. Комиссия договорилась со сторонниками спиритизма о приглашении медиумов и проведении сеансов в период с сентября 1875 по май 1876 г. В октябре Аксаков привез из Англии знаменитых медиумов братьев Петти, с которыми в течение ноября Комиссия провела несколько сеансов и убедилась в мошенничестве. 15 декабря 1875 г. Менделеев прочел в Петербурге свою первую публичную лекцию о спиритизме, в которой познакомил слушателей с результатами ноябрьских опытов. С 11 января 1876 г. начались сеансы с другим медиумом — англичанкой Клайр, приехавшей в Петербург по приглашению А. Н. Аксакова 7 января.

В библиотеке Достоевского были книги, относящиеся к раннему периоду русского спиритизма: Р. Гер. Опытные исследования о спиритуализме. Пер. с англ. Лейпциг, 1866; А. Н. Аксаков. Спиритуализм и наука. СПб., 1871 (*Библиотека*, стр. 153; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 42—43). В «Бесах» содержится упоминание о спиритизме в Америке (см. наст. изд., т. X, стр. 112; т. XII, стр. 293). 9 марта 1875 г. Достоевский записал в тетради план, который озаглавил «Странные сказки (сумасшедшего)». Третьим пунктом в нем значилось: «Чудеса в Париже (длинная рука)» (наст. изд.,

т. XXI, стр. 263).[1] В июне 1875 г. Достоевский обратил внимание на материалы в прессе о процессе парижского фотографа-спирита Ж. Бюге (см. ниже, примеч. к стр. 35—36). В это же время он, очевидно, читал статью С. А. Рачинского «По поводу спиритических сообщений г-на Вагнера» (*РВ*, 1875, № 5) (см. ниже, примеч. к стр. 130). Позднее, летом 1875 г., Достоевский лично познакомился в Старой Руссе с Н. П. Вагнером, который искал его знакомства еще в июне, когда писатель находился за границей на лечении. Сообщая о его визите, А. Г. Достоевская упоминала как хорошо ей известную (и, следовательно, очевидно, и Достоевскому) его статью о спиритизме в «Русском вестнике» 1875 г. № 4 (письмо от 27 июня 1875 г. — *Переписка*, стр. 207). В беседах с Н. П. Вагнером, по-видимому, затрагивался вопрос о спиритизме и об опытном его исследовании, проводившемся Комиссией Физического общества, за работой которой Достоевский несомненно следил по прессе. Тема спиритизма была иронически обыграна на страницах «Подростка» (ч. III, гл. XI, 2), напечатанных в декабре 1875 г. (наст. изд., т. XIII, стр. 424—425; ср. т. XVI, стр. 366). 21 декабря 1875 г. Достоевский писал Вагнеру: «Что у Аксакова? Будут ли наконец сеансы? Я готов обратиться к нему сам <. . .>, не допустит ли он меня к себе хоть на один сеанс? Я прочел статью Бутлерова,[2] и она меня раздражила еще более. Я решительно не могу, наконец, к спиритизму относиться хладнокровно». Несколькими днями позже его заинтересовало сообщение Вагнера об ожидавшемся приезде Клайр, и он просил известить его о прибытии медиума, предполагая побывать на сеансе (письмо к Н. П. Вагнеру от 2 января 1876 г.). Вагнер пригласил Достоевского к себе на спиритический сеанс 2 февраля 1876 г., и Достоевский согласился присутствовать (*ЛН*, т. 86, стр. 444). Неизвестно, был ли он у Вагнера именно в этот день, но на одном из сеансов он у него, кажется, присутствовал, о чем свидетельствует запись в тетради, сделанная в апреле 1876 г.: «Я сам у Вагнера семь раз, нет, я не отбивал сам, не налегал пальцем» (наст. изд., т. XXIV). Позднее Достоевский был на спиритическом сеансе у А. Н. Аксакова (см. примеч. к стр. 126).

Стр. 32. *. . .пишут мне, например, что молодой человек садится на кресло, поджав ноги, и кресло начинает скакать по комнате, — и это в Петербурге, в столице!* — Об этом писал Достоевскому 17 января 1876 г. Вс. С. Соловьев: «У меня завелся медиум в лице 16-тилетнего брата жены моей, который, будучи учеником реформатской школы, где начальство читает мальчикам в классе Дарвина, сначала очень храбро смеялся надо всем, что с ним творилось; но теперь сделался самым убежденным спиритом. Я его свел к Вагнеру, и теперь у нас там еженедельные сеансы. Я иногда дохожу до крайнего изумления — кругом меня столы и стулья положительно бесятся; но этого мало: на днях мой юный шурин был сильно оттолкнут от стола, и стул с ним поехал по комнате. Тогда мы заставили его сесть на стул с ногами, по-турецки — и стул продолжал кататься, не имея даже при этом колесиков» (ГБЛ, ф. 93.II.8.122).

Стр. 32. *Уверяют, что у одной дамы, где-то в губернии, в ее доме столько чертей, что и половины их нет столько даже в хижине дядей Эдди.* — Братья Горацио и Вильям Эдди из американской фермерской семьи, жившей в деревушке Читтенден (штат Вермонт), приобрели в 70-е гг. широкую известность, выступая в качестве медиумов. Обстоятельное описание спиритических сеансов в их доме Достоевский мог прочесть в статье Н. П. Вагнера «Медиумизм» (*РВ*, 1875, № 10). Братья Эдди упоминались и в многочисленных газетных откликах на эту статью.

В конце комментируемого предложения иронически перефразировано заглавие романа американской писательницы Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), который был хорошо известен русскому читателю как по переводу, так и по отзывам и упоминаниям в печати.

---

[1] О «длинной руке» Достоевский вспомнит еще дважды, делая заметки к мартовскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIV).

[2] А. М. Бутлеров. Медиумические явления. — *РВ*, 1875, № 11.

С т р. 32. *Гоголь пишет в Москву с того света. . .* — «Диктовка» духами умерших людей различных писем, завещаний и даже литературных произведений была одним из обычных медиумических трюков. В январе 1876 г., например, в петербургских газетах появились иронические сообщения о московском спирите, которому дух Гоголя диктовал второй том «Мертвых душ» по сожженной рукописи (*Г*, 1876, 6 января, № 6; *БВ*, 1876, 17 января, № 16).

С т р. 32. *Подымаются голоса пастырей, и те даже самой науке советуют не связываться с волшебством, не исследовать «волшебство сие».* — О научных исследованиях спиритических явлений шла речь в «Слове на 12-е января 1876 года, говоренном в церкви имп. Московского университета профессором богословия, протоиереем Н. А. Сергиевским» (*МВед*, 1876, 14 января, № 12): «Знаем, что некоторые ныне желают смотреть на оные явления просто как на произведения открывающейся, неизвестной доныне, силы в природе, и на этом предположении спокойно думают основать для себя законное право продолжать над этою силой свои исследования, в целях познания не обаятельного, но положительного. Опасно и такое направление мысли, — оно может казаться благовидным и вследствие этого, к несчастью, соблазнительным для многих, которые без сего оборота дела не увеличили бы собою число прельщаемых ‹. . .› Опыт же показывает, что не положительное знание подчиняет себе оные обаятельные явления, но сии последние увлекают в свой плен самое знание».

С т р. 33. *Во-первых, пишут, что духи глупы. . .* — Высмеивая спиритов, А. С. Суворин писал: «Я того мнения, что лучше веровать в будущую жизнь по христианскому учению, чем по учению спиритов, ибо те духи, которые вызываются медиумами, обнаруживают столь большую глупость, даже младенчество, что нет никакого желания после смерти уподобиться этим глупцам» (Н е з н а к о м е ц ‹А. С. С у в о р и н›. Недельные очерки и картинки. — *БВ*, 1875, 28 декабря, № 357).

С т р. 33—34. *Ну что вышло бы, например, если б черти сразу показали свое могущество и подавили бы человека открытиями? ∾ И провалится царство чертей!* — Рассуждения о «царстве чертей» — другой вариант той картины жизни человеческого общества «без бога», какую в «Подростке» рисует Версилов в своей исповеди (наст. изд., т. XIII, стр. 378—379; т. XVII, стр. 334—336, 390). К той же теме в разных ее аспектах Достоевский будет не раз возвращаться по различным поводам: в «Дневнике писателя» за март 1876 г. (гл. I, § 4 «Мечты о Европе» и гл. II, § 1 «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки „начала конца“») и за апрель 1877 г. (гл. II, «Сон смешного человека»), а позднее в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XV, стр. 83—84, 595).

С т р. 33. *Вдруг бы, например, открыли электрический телеграф. . .* — Электромагнитный телеграф был изобретен Павлом Львовичем Шиллингом (1786—1837), который уже к 1828 г. нашел основные принципиальные решения, относящиеся к этому изобретению, а в 1832 г. демонстрировал сконструированный им аппарат.

С т р. 33. *. . .извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы. . .* — Отклик на достижения химии в XIX в. и на их оценку у современников. Большие надежды, в частности, связывались в эпоху Достоевского с агрохимией, которую разрабатывал немецкий ученый Юстус фон Либих (Liebig, 1803—1873), чьи труды систематически переводились и были широко известны в России. В 1828 г. немецкий химик Фридрих Вёлер (Wöhler, 1800—1882) получил искусственным путем мочевину, французский ученый Пьер Эжен Бертло (Berthelot, 1827—1907) в 1854 г. осуществил синтез жиров, в 1861 г. А. М. Бутлеров синтезировал углеводы. Это позволяло надеяться на успех настойчивых попыток химиков синтезировать белок, что, по предвидению Н. Г. Чернышевского, должно было произвести «полный переворот всего вопроса о пище, всей жизни человечества» и стать наравне с открытиями Ньютона (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Что делать? Л., 1975 (серия «Литературные памятники»), стр. 185).

С т р. 33. . . .*говядины хватило бы по три фунта на человека, как мечтают наши русские социалисты*. . . — По-видимому, иронический намек на книгу В. В. Берви-Флеровского (псевдоним — Н. Флеровский) «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869), с содержанием которой Достоевский познакомился еще в 1870 г., в период работы над «Бесами», по рецензии Д. Апфовского ‹Ф. Н. Берга› «Скорое наступление золотого века» («Заря», 1870, № 1, стр. 142—177) (см. наст. изд., т. XII, стр. 340).

Говоря о том, как Флеровский представлял себе «идеальное положение рабочего», автор рецензии приводил то место из его книги, где утверждалось, что «необходимым содержанием следует признать для каждого человека в семействе в год двадцать пудов хлеба, десять пудов мяса ‹. . .›» («Заря», 1870, № 1, стр. 167). Переведя зерно в печеный хлеб, Берг подсчитал, что, по Флеровскому, выходило в день на человека 3 1/3 фунта хлеба, в то время как, указывалось в рецензии, при нормальном питании человек съедает его лишь 1—1 1/2 фунта. Столь же «далеко несостоятельным» Берг считал и количество мяса, указанное Флеровским (немного более фунта в день).

С т р. 34. «*Кто подобен зверю сему? Хвала ему, он сводит нам огонь с небеси!*» — Цитата составлена из двух различных стихов тринадцатой главы Апокалипсиса. Здесь рассказывается о двух чудовищах, явившихся из моря и земли. Увидев первое чудовище, люди «поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» (Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 13, ст. 4). Второе чудовище «творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми» (там же, ст. 13). В «Братьях Карамазовых» та же цитата повторена в рассуждениях Великого инквизитора (наст. изд., т. XIV, стр. 230).

С т р. 34. *И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках*. . . — Образ, заимствованный из Апокалипсиса: «И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева божия на землю. Пошел первый ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его. ‹. . .› Пятый ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания» (Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 16, ст. 1—2, 10).

С т р. 34. . . .«*камни, обращенные в хлебы*». — Образ, заимствованный из евангельской притчи об искушении Христа дьяволом в пустыне (Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 3—4; ср. Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 3—4).

Символический образ «камней, обращенных в хлебы», использован Достоевским в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 173) и «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 230—232). О значении этого символа см. письмо к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г., а также наст. изд., т. XV, стр. 407—409; т. XVII, стр. 283—284.

К этой же притче восходит употребленное Достоевским далее крылатое выражение «не единым хлебом жив человек».

С т р. 34. . . .*счастье не в счастье, а лишь в его достижении*. — В черновой тетради это изречение ошибочно приписано Достоевским Козьме Пруткову (наст. изд., т. XXIV). Источник афоризма не установлен. Ср. в «Письме о пользе желаний» И. А. Крылова (конец 1790-х гг.):

Не тот счастлив, кто счастьем обладает:
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает.

С т р. 34—35. *Им известно, например, что если стоят секты Европы* ∾ *до самого папы добирались*. — В 70-е гг. Достоевский неоднократно развивал мысль о том, что своим существованием протестантство обязано католицизму (как его антитезис) и что со временем западное протестантство переродится в «гуманный атеизм». См.: подготовительные материалы к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 177—179; т. XII, стр. 350—351); «Иностранные события» в «Гражданине», 1874, № 1 (наст. изд., т. XXI, стр. 243); «Дневник писателя» за 1876 г., март, гл. II, § 1 (наст. том. стр. 95—97); «Дневник

писателя» за 1877 г., январь, гл. I, § 1 «Три идеи»; май—июнь, гл. III, § 1 «Германский мировой вопрос. Германия страна протестующая» (наст. изд., т. XXV). Говоря о том, что протестанты «прошлого года <. . .> до самого папы добирались», Достоевский имеет в виду эпизоды борьбы, происходившей в 70-е гг. в Германии между правительством и католической церковью и получившей название «культурной борьбы» (Kulturkampf) (см. ниже, стр. 360—361). В ответ на антикатолические законы канцлера О. Бисмарка, принятые в 1872—1874 гг. и ставившие католическую церковь в полную зависимость от государства, папа в своей энциклике от 5 февраля 1875 г. объявил их недействительными и грозил отлучением от церкви всякому, кто примет церковную должность из рук светской власти. В свою очередь правительство приняло несколько новых законов, направленных против независимости, на которую претендовала католическая церковь. В частности, апрельским (1875) законом епископы, отказавшиеся письменно подтвердить свое подчинение этим законам, лишались государственного содержания. Русские газеты сообщали о том, что после издания энциклики Германия потребовала от Италии принять меры «против злоупотребления Римскою куриею своим правом свободного пребывания, коим она пользуется на итальянской территории», и подняла вопрос об отмене гарантий независимости, «коими обставлена Римская курия в Италии и благодаря которым она безнаказанно издает революционные воззвания против дружественной державы» (*МВед*, 1875, 4 марта, № 56).

С т р. 35. *Divide et impera.* — Ставшая крылатым выражением формула, которой руководствовался древнеримский сенат по отношению к побежденным народам.

С т р. 35—36. *В Париже, прошлым летом, судили одного фотографа за спиритские плутни ∾ но сущность верна.* — Суд над парижским фотографом Жаном Бюге (Buguet), занимавшимся «фотографированием» духов, состоялся в июне 1875 г. Несмотря на то что Бюге был изобличен в мошенничестве, многие свидетели настаивали на том, что фотографии, полученные ими от него, действительно были схожи с их покойными родственниками. Отец, о котором рассказывает Достоевский, в числе свидетелей на процессе не фигурировал (Procès de spirites. Éd. par madame P. G. Leymarie. 3-e éd. Paris, 1875). Во время спиритического сеанса 2 февраля 1876 г., на который Н. П. Вагнер приглашал Достоевского, предполагалось фотографировать какие-то «световые явления» (*ЛН*, т. 86, стр. 444).

С т р. 36. *. . .как уловили в свое время Крукса и Олькота. . .* — Видный английский химик Вильям Крукс (Crookes, 1832—1919), первоначально относившийся к спиритизму скептически, провел с целью его разоблачения серию опытов со знаменитыми в то время медиумами, но, не сумев уличить последних в мошенничестве, пришел к убеждению о существовании особой «психической силы», позволяющей творить спиритические «чудеса». Имя Крукса, в связи с его опытами, часто упоминалось в статьях о спиритизме в русской печати. В частности, его опыты были подробно описаны в статье Н. П. Вагнера «Медиумизм» и книге А. Н. Аксакова «Спиритуализм и наука» (см. выше, стр. 334—335).

Генри Стил Олкот (Olcott, 1832—1907) — американец, специалист по сельскому хозяйству, юрист, журналист и одно время секретарь военного министерства, активный поборник спиритизма. Один из основателей и первый председатель Теософического общества (осн. в 1875 г.). В 1874 г. вел длительные наблюдения за братьями Эдди и опубликовал в газете «Daily Graphic» свои отчеты, которые потом издал отдельной книгой (People from the Other World. Hartford, Conn., 1875). Этой книгой пользовался Н. П. Вагнер в упомянутой выше статье.

С т р. 36. *. . .верит же он Иванам Филипповичам. . .* — Контаминация имен двух «богов» хлыстовской секты: Ивана Тимофеевича Суслова («Христос») и Данилы Филипповича («Саваоф») (см. наст. изд., т. IX, стр. 517, 521). Это имя упоминает в «Бесах» Петр Верховенский (т. X, стр. 326; т. XII, стр. 307). Имя «Иван Филиппович» могло напомнить читателям «Дневника писателя» и московского юродивого-провидца Ивана Яковлевича Корейшу (1780—1861).

которого иногда вспоминали в дискуссии о спиритизме (например: А. Л. ‹А. П. Л у к и н›. Московские письма. — *БВ*, 1875, 20 декабря, № 350). Достоевский упомянул Корейшу в «Селе Степанчикове» (наст. изд., т. III, стр. 8, 507), во «Введении» к журналу «Время» (наст. изд., т. XVIII, стр. 64, 267) и изобразил в «Бесах» под именем Семена Яковлевича (наст. изд., т. XII, стр. 234—235).

С т р. 36. *Тюльери* (правильно: Тюильри) — дворец в Париже; был сожжен, а затем взорван 24 мая 1871 г. в ходе боев между коммунарами и версальцами. В сожжении Тюильри Достоевский видел символ возмездия старому миру, проявление разрушительных сил, свойственных социальной революции, подготовлявшейся в Западной Европе. См.: письмо к Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г., подготовительные материалы к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 287; т. XII, стр. 362), «Подросток» (наст. изд., т. XIII, стр. 375; т. XVII, стр. 389), запись в тетради между 17 и 20 декабря 1875 г. (наст. изд., т. XXIV) и первоначальный план февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (там же). Ср. запись на стр. 138 и примеч. к ней.

С т р. 36. *. . .поумнее Мефистофеля, прославившего Гете, по уверению Якова Петровича Полонского.* — Имеются в виду следующие строки из стихотворения Я. П. Полонского «Старые и новые духи» («Неделя», 1875, 26 декабря, № 52):

Как был остер неугомонно,
Как был язвительно умен
Тот дух, что так нецеремонно
Вторгался в нравственный закон
И колебал его основы!
Как для рутины были новы
Его слова! Недаром он
Слыл Мефистофелем на свете,
Недаром Фаусту служил;
Печать он времени носил
И обессмертил имя Гете.

Этот отрывок цитировал А. С. Суворин в фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1875, 28 декабря, № 357), на который Достоевский ссылался ранее (см. выше, стр. 336).

В письме от 4 февраля 1876 г. Я. П. Полонский указал Достоевскому на то, что тот неправильно понял его стихотворение и что он не имел в виду, будто именно Мефистофель прославил Гете. «Если бы я вздумал кого-нибудь в этом уверять, — писал Полонский, — мне бы никто не поверил. В стихах моих я только подтвердил то, в чем уверяли меня все доступные мне авторитеты в европейской критике, без Фауста о Гете сами немцы скоро бы забыли — и Фауст немыслим без Мефистофеля, который, конечно, умнее разных Джон Кингов и Кетти Кингов»[1] (Из архива Достоевского. Письма русских писателей. Ред. и вступл. Н. К. Пиксанова. М.—Пг., 1923, стр. 76).

С т р. 37—38. *Одно слово по поводу моей биографии.* — Достоевский полемизирует со статьей о нем: В. З‹о т о в›. Достоевский, Федор Михайлович. Достоевский, Михаил Михайлович. — В кн.: Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. Отдел II, т. 1, Д—Ж. СПб., 1874—[1875], стр. 475. Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896) — писатель, журналист, историк литературы, компилятор; редактор еженедельника «Иллюстрация» (1858—1863) и «Иллюстрированной газеты» (1863—1878); сын романиста и драматурга Р. В. Зотова; товарищ Петрашевского по лицею, привлекавшийся по делу петрашевцев (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 166, 355), был знаком с Достоевским с конца 1840-х гг. Как видно из черновых записей (наст. изд., т. XXIV), содержащих очень резкие личные выпады по адресу В. Р. Зотова, Достоевский был оскорблен отзывами о своих произведениях, данными в статье. «Бедные люди», по оценке Зотова, «удивили читателей простотою, задушевностью, искренним чувством,

[1] Имена «духов», якобы являвшихся медиумам.

хотя в то же время была замечена излишняя растянутость романа». Последующие рассказы и повести 40-х гг. Зотов считал «значительно слабее». Рассказы «Крокодил», «Скверный анекдот» и «Слабое сердце» он называл «слабыми», указывая, что они полны «натянутого юмора». Роман «Униженные и оскорбленные», по его характеристике, «напомнил дарование юного автора, хотя в целом был не выдержан и растянут». Резкая оценка дана в статье творчеству Достоевского, начиная с «Преступления и наказания»: «В нем <«Преступлении и наказании»>, наряду с мастерскими картинами, явились уже странности в психическом анализе характеров, превратившиеся в какую-то болезненную аномалию в его последних романах „Бесы" и „Идиот". В них талантливый беллетрист очевидно вступил на ложный путь. Еще больше уронил он себя на поприще фельетониста и публициста, несродном его дарованию, приняв на себя редакцию газеты „Русский мир" <т. е. «Гражданина»>». Наконец, в статье о М. М. Достоевском мимоходом говорилось: «Не обладая талантом брата, он не впадал, подобно ему, в крайности».

В февральском, а затем мартовском выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский предполагал полемизировать с Зотовым по поводу отзыва о «Подростке» в «Иллюстрированной газете», 1876, № 3 (см. записи в черновой тетради — наст. изд., т. XXIV).

Стр. 37. *. . .могут подумать, что я сослан был за грабеж. . .* — Достоевский имел основание для подобных опасений, так как уже существовал слух, будто бы он был сослан за убийство жены. См. стр. 47 и примеч. к ней.

Стр. 38. *Одна турецкая пословица.* — Приводимую в этом разделе турецкую пословицу Достоевский услышал, очевидно, от В. В. Григорьева в той же беседе, когда последний высказал свое мнение об отмене телесных наказаний в школе (см. примеч. к стр. 21). В черновой тетради обе записи расположены рядом (см. наст. изд., т. XXIV).

Стр. 39. *Сходство русского общества с маршалом Мак-Магоном.* — Маршал Мари Эдм Патрис Морис де Мак-Магон герцог Маджентский (1808—1893) руководил в 1871 г. подавлением Парижской коммуны, был избран в 1873 г. президентом Франции, монархист по убеждениям. Достоевский внимательно следил за его политической деятельностью с момента его избрания президентом республики и дал ему характеристику в статьях «Иностранные события», напечатанных в «Гражданине» в сентябре—декабре 1873 г. (наст. изд., т. XXI). Ср. наст. изд., т. XVI, стр. 39.

Стр. 39. *Первый № «Дневника писателя» был принят приветливо ∾ «Мальчик у Христа на елке». . .* — Об откликах читателей и прессы на первый выпуск «Дневника» см. стр. 291—297.

Стр. 40. *Да и сам-то Печорин убил Грушницкого ∾ в глазах дамского пола.* — В «Герое нашего времени» оснований для подобной оценки нет. Высказано предположение, что Достоевский мог читать в рукописи «Княгиню Лиговскую» (опубл. 1882), где говорится: «На балах Печорин с своею невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален, или слишком зол, потому что самолюбие его страдало» (*Лермонтов*, т. VI, стр. 131; А. П. Валагин. Читал ли Достоевский «Княгиню Лиговскую»? — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 205—209). За отсутствием убедительных свидетельств в поддержку этой догадки более убедительной представляется выдвинутая тем же исследователем и им же самим отвергнутая гипотеза, согласно которой в данном случае, как это вообще типично для Достоевского, образ Печорина контаминируется с представлением писателя о самом Лермонтове. В декабре 1875 г. Достоевский записал в тетрадь несколько заметок, в которых особенности творчества Лермонтова и Байрона объяснялись их физическими недостатками; например: «Направление Лермонтова — причина: урод, кочергу ломал» (наст. изд., т. XXIV). В этой и в других аналогичных черновых записях суммировались, очевидно, прочитанные Достоевским отзывы разных лиц, знавших Лермонтова, о невыгодной наружности поэта. Об этом писала, в частности, Е. А. Хвостова, утверждавшая, что «смолоду его грызла мысль, что он дурен, нескладен» (*ВЕ*, 1869, № 8, стр. 739; ср. там же, стр. 725). В ее воспоминаниях Достоевскому мог запомниться следующий разговор с Лермонтовым при встрече на балу в Петербурге после долгой разлуки: «Меня

только на днях произвели в офицеры, — сказал он; — я поспешил похвастаться перед вами моим гусарским мундиром и моими эполетами; они дают мне право танцевать с вами мазурку; <. . .> в юнкерском мундире я избегал случая встречать вас; помню, как жестоко вы обращались со мной, когда я носил студенческую курточку» (*BE*, 1869, № 9, стр. 310). В. П. Бурнашев вспоминал, что Лермонтов был «маленько кривоног <. . .>, сутуловат и неуклюж» (*PA*, 1872, № 9, стр. 1778). Товарищ Лермонтова по юнкерской школе А. М. Меринский рассказывал, что «Лермонтов был довольно силен, в особенности имел большую силу в руках и любил состязаться в том с юнкером Карачинским, который известен был по всей школе как замечательный силач — он гнул шомполы и делал узлы, как из веревок» (*PM*, 1872, 10 августа, № 205). Возможно, именно этот рассказ преломился по памяти в записанной Достоевским фразе «кочергу ломал». Меринский ошибочно утверждал, что в школе Лермонтов получил кличку от персонажа романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» Маё (имеется в виду Квазимодо), который «изображен <. . .>уродом, горбатым». Правда, Меринский оговаривал, что «к Лермонтову не шло это прозвище, и он всегда от души смеялся над ним», но в памяти Достоевского могло отложиться именно сравнение Лермонтова с Квазимодо. Во вступительной статье к «Сочинениям» Лермонтова (изд. 3-е, т. 1. СПб., 1873, стр. LXVI; это издание имелось в библиотеке Достоевского — *Библиотека, новые материалы*, стр. 261) А. Н. Пыпин привел еще один рассказ Меринского на ту же тему: «Лермонтов был далеко не красив собою и, в первой юности, даже неуклюж. Он очень хорошо знал это и знал, что наружность много значит при впечатлении, делаемом на женщин в обществе. С его чрезмерным самолюбием, с его желанием везде и во всем первенствовать и быть замеченным, не думаю, чтобы он хладнокровно смотрел на этот небольшой свой недостаток».

Стр. 40. *Но теперь с уничтожением крепостного права закончилась реформа Петра. . .* — Очерк «Влас» Достоевский закончил словами: «. . . девятнадцатым февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории . . .» (наст. изд., т. XXI, стр. 41). Ср. запись в тетради 1872—1875 гг.: «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противуположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, н<а>прим<ер>, прямая противуположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на матерьял, платящий подати, деньгами и повинностями, и не более. ∾ Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербургского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских рамках)» (наст. изд., т. XXI, стр. 268, 523). Важнейшим следствием крестьянской реформы 1861 г. было, как считал Достоевский, создание условий для сближения с народом образованных классов, которые были с ним разъединены реформами Петра I. Эту свою мысль, сложившуюся в период издания журнала «Время» (см. наст. изд., т. XVIII, с. 36, 236; т. XIX, с. 8), Достоевский повторит в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 4 «Меттернихи и Дон-Кихоты»): «. . . полуторавековым порядком вся интеллигенция наша только и делала, что отвыкала от России, и кончила тем, что раззнакомилась с ней окончательно и сносилась с нею только через канцелярию. С реформами нынешнего царствования начался новый век. Дело пошло и остановиться не может» (наст. изд., т. XXV).

Стр. 40. *. . .все мы, за двухсотлетней отвычкой от всякого дела, оказались совершенно неспособными даже на малейшее дело. . .* (ср. далее на стр. 45: *. . .тут двухсотлетняя отвычка от всякого дела. . .*). — Эта мысль неоднократно повторяется в произведениях Достоевского и черновых материалах к ним: в «Преступлении и наказании» и наброске «Пьяненькие» (наст. изд., т. VI, стр. 115; т. VII, стр. 5, 374), подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 157; т. XII, стр. 346); в записной тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 256, 267) и несколько раз в записных тетрадях 1875—1876 и 1876—1877 гг. (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 42. *«J'y suis et j'y reste!»* — Неточная цитата из первого действия оперы французского композитора Д.-Ф.-Э. Обера (1782—1871) «Озеро Фей» (1839) по либретто О.-Э. Скриба (1791—1861). В этом виде фраза приобрела

известность и стала крылатым выражением как изречение Мак-Магона, которое нередко цитировалось в русской печати (см., например: *РВ*, 1875, № 4, стр. 645; *ОЗ*, 1875, № 11, отд. II, Современное обозрение, стр. 58; *Гр*, 1876, 12 января, № 2, стр. 61). Согласно одной версии, Мак-Магон ответил этими словами 8 сентября 1855 г. на предупреждение высшего командования о том, что русские намерены взорвать занятые им укрепления на Малаховом кургане. По другой версии, во время дебатов в Национальном собрании 18 ноября 1873 г. по вопросу о продлении полномочий Мак-Магона как президента республики этими словами охарактеризовал Мак-Магона (и приписал их ему) в своей речи маркиз А.-Б. де Кастеллане (1844—1917), которому это выражение было подсказано его женою (*Ашукин*, стр. 250—251). См., например, в русском переводе указанной речи Кастеллане: «Он первый вступил на Малахов курган и написал оттуда своему начальству: „Я здесь и здесь останусь“» (*Г*, 1873, 11 ноября, № 312).

Стр. 42. *. . .я только что прочел в «Братской помочи» ∾ давно уже просвещен и «образован».* — Статья славянофила К. С. Аксакова «О современном человеке», посмертно опубликованная в сборнике: «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Издание Петербургского отдела Славянского комитета. СПб., 1876, стр. 241—288. (Достоевский был членом комиссии по изданию этого сборника). Идеальной формой объединения людей К. С. Аксаков считал «общество», имея в виду «такой акт, в котором каждая личность отказывается от своего эгоистического обособления не из взаимной своей выгоды, ‹. . .› а из того общего начала, которое лежит в душе человека, из той любви, из того братского чувства, которое одно может созидать истинное общество» (стр. 255). Развивая это положение, он писал: «Так как общество, в своем высоком, настоящем смысле, не есть натуральное, прирожденное явление человека, то для понимания и признания общества как начала нужен уже подвиг духовный. По отношению человека к великому вопросу общества можно судить о степени образования человека, принимая слово образование в смысле духовной высоты. Русский народ понял общество важно и строго; оно явилось у него с незапамятных времен, во всей истине своего значения и получило свое русское многознаменательное наименование: мир. Вот почему так высоко стоит по образованию своему русский крестьянин, весь проникнутый доселе своим древним началом общества, мира» (стр. 256—257).

Стр. 42. *Славянский комитет.* — Московский славянский благотворительный комитет был основан в 1858 г. с целью оказания помощи школам, библиотекам, церквам в славянских землях и славянам, учившимся в России. Позднее были организованы отделения комитета в других городах (Петербургское — в 1868 г.).

Стр. 43. *В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. ∾ Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать.* — Судя по записи в тетради («О выборах в Париже. Мерило народа не то, каков он есть, а то, ‹что› считает прекрасным и истинным, по чем воздыхает и т. д.» — наст. изд., т. XXIV), мысль, послужившая зародышем этого и последующих рассуждений о народе, возникла у Достоевского при чтении газеты. Побудительным толчком для нее могла быть, в частности, рецензия Г. А. Лароша в «Голосе» (1876, 12 февраля, № 43) на статью К. С. Аксакова «О современном человеке». В рецензии говорилось: «Пишущий эти строки последний решится бросить камнем обвинения в русского мужика, тяжкий труд и нередко горькие лишения которого, во всяком случае, должны упрочить ему и уважение, и симпатию наблюдателя, неокончательно утратившего чувства справедливости и человечности. Но, когда нам рекомендуют этого мужика как образец свободы от тлетворной цивилизации, когда нас учат преклоняться перед тем самым невежеством, от которого он теперь стремится отделаться ценой тяжких, едва посильных материальных жертв, тогда невольно начинаешь глядеть скептически на цельность и гармонию крестьянского быта и искать пятен в ярко-сияющем славянофильском солнце». Развивая эту мысль, Г. А. Ларош далее противопоставлял «славянофильскому» взгляду на народ картины жестокого и уродливого кре-

стьянского быта в изображении А. А. Потехина («Хворая») и В. А. Инсарского («Половодье»).

Стр. 43. *Сергий* — Сергий Радонежский (в миру: Варфоломей Кириллович, ок. 1315 или 1319—1392) — основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря вблизи г. Радонежа (около современного г. Загорска Московской области), святой русской православной церкви. Сергий Радонежский был видным церковным и политическим деятелем, сторонником укрепления великокняжеской власти. Он активно содействовал объединению русских князей перед Куликовской битвой.

Стр. 43. *Феодосий Печерский* (ум. 1074) — основатель и игумен Киево-Печерского монастыря, святой русской православной церкви. Об отношении к нему Достоевского см.: наст. изд., т. XII, стр. 364.

Стр. 43. *Тихон Задонский* (в миру: Тимофей Савельевич Соколов, 1724—1783) — епископ воронежский и елецкий, святой русской православной церкви. Об отношении к нему Достоевского см.: наст. изд., т. IX, стр. 511—513; т. XV, стр. 457.

Стр. 43. *. . .обращусь лучше к нашей литературе: всё, что есть в ней истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным. У нас всё ведь от Пушкина.* — Точка зрения, согласно которой образ Белкина знаменовал поворот Пушкина к народу, сложилась у Достоевского в начале 60-х гг. под влиянием Ап. Григорьева, развивавшего сходную концепцию («Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», 1859; «И. С. Тургенев и его деятельность. (По поводу романа «Дворянское гнездо»)», 1859 и др.). «А Пушкин был русский человек и отыскал Белкина», — записал, например, Достоевский в тетради 1863—1864 гг. (наст. изд., т. XX, стр. 177, 366). Ср. позднейшую запись в тетради 1872—1875 гг.: «. . . Пушкин (обожатель Петра) был в сущности отрицатель Петра любовью к русскому старому народному духу («Капитанская дочка», Белкин и проч.). Это начало и начальник славянофилов» (наст. изд., т. XXI, стр. 269, 524). В 60-е гг. сложилось у Достоевского и представление о Пушкине как предтече всех последующих исканий и всего дальнейшего развития русской литературы и общественной мысли. Так, в статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве» говорилось: «. . . мы к современным вопросам пришли через Пушкина; ‹. . .› для нас он был началом всего, что теперь есть у нас» (наст. изд., т. XVIII, стр. 103). Ср. в июльско-августовском «Дневнике писателя» за 1877 г., гл. II, § 3 «„Анна Каренина“ как факт особого значения»: «С него ‹Пушкина› только начался у нас настоящий сознательный поворот к народу, немыслимый еще до него с самой реформы Петра. Вся теперешняя *плеяда* наша работала лишь по его указаниям, *нового* после Пушкина ничего не сказала. Все зачатки ее были в нем, указаны им» (наст. изд., т. XXVI). Обобщающую оценку Пушкина Достоевский дал в 1880 г. в речи о Пушкине (*ДП*, 1880).

Стр. 45. *. . .преклониться пред правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи.* — Четьи-Минеи — сборники духовно-учительной литературы, в которых материал для чтения распределен по месяцам и числам. В XIX в. преимущественное распространение имели «Четьи-Минеи» Димитрия Ростовского (Даниил Савич Туптало, 1651—1709), составленные в конце XVII в. из житий святых. В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. III, § 3) Достоевский отмечал, что «по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Минеи ‹. . .› распространен дух ее по крайней мере . . .» (наст. изд., т. XXVI). В библиотеке Достоевского имелось одиннадцать выпусков одного из многочисленных изданий собрания: «Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих-Миней». Вып. 1—12. Сентябрь—август; составительница — А. Н. Бахметьева (1825—1901) (*Библиотека*, стр. 154; *Гроссман, Семинарий*, стр. 43; ср. наст. изд., т. XXI, стр. 259, 515). В числе «книг необходимых» Достоевский записал в тетради 1872—1875 гг. «Великие Четьи-Минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием» (издание Археографической комиссии; с 1868 по 1874 г. вышли выпуски 1—2, 4—5).

С т р. 45. *Предсказывают, например, что цивилизация испортит народ* ∾ (*Я думаю, никто ведь не заспорит, что мы начали нашу цивилизацию прямо с разврата?*) — В черновых записях к этому месту (см. наст. изд., т. XXIV) трижды упоминается К. С. Аксаков. Очевидно, эти мысли Достоевского связаны с впечатлением от статьи «О современном человеке», в которой неоднократно говорилось о развращающем влиянии на русское общество со времени петровских реформ западной цивилизации. Ее растлевающее воздействие, указывал К. С. Аксаков, проникает и в народную среду, хотя в массе народ сохраняет еще «свои древние основы быта и жизни», «свои начала» (Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876, стр. 252—253, 273—274).

Для фразы «мы начали нашу цивилизацию прямо с разврата» в тетради есть, среди прочих, и следующее соответствие: «. . . мы приняли благодеяния света в виде разврата». В статье К. С. Аксакова несколько страниц посвящено «губительной силе» «света» и, в частности, говорится: «Уже полтораста лет русское общество приняло (мы говорим об отделившихся от народа верхних классах) образ света со всеми принадлежностями и последствиями и со всем его гибельным вредом для каждого человека как лица, и даже для всего народа <. . .>. Вместе с появлением света в России началась приятная безнравственность» (там же, стр. 273—274).

В газете «Сын отечества» от 20 декабря 1875 г. сообщалось о том, что сборник «Братская помочь» «оканчивается печатанием» и «в самом непродолжительном времени» поступит в продажу. Первое замечание, связанное со статьею Аксакова («Прав ли Аксаков? Аксаков бесспорно прав. Идеал в любви» — наст изд., т. XXIV), примыкает в черновой тетради Достоевского к записям, датируемым 21 декабря 1875 г. Первая запись, аналогичная комментируемой фразе, была сделана в тетради 7 января 1876 г.: «У нас цивилизация началась с разврата» (там же). Появилась в продаже «Братская помочь» лишь 9 января. Следовательно, Достоевский как член комиссии по изданию сборника получил экземпляр книги до передачи тиража в магазины и сразу прочел статью Аксакова.

С т р. 46—50. *Мужик Марей.* — Рассказ этот внутренне соотнесен с основной темой февральского выпуска «Дневника» («О любви к народу. Необходимый контракт с народом»). По принципу музыкального контрапункта в нем соединены два эпизода из воспоминаний писателя. Первый — встреча с Мареем — относится к августу 1831 г., когда Достоевскому было 9 лет, а второй — разговор с ссыльным польским революционером А. Мирецким — ко времени пребывания Достоевского на каторге в Омске в 1850 г.

Так же, как начальные главы «Былого и дум» Герцена и «Детства» Л. Толстого, рассказ «Мужик Марей» — свидетельство того огромного нравственного воздействия, которое имели на большинство русских писателей XIX в. в их детские годы люди из народа, крестьянской среды, навсегда поразившие их силой и величием духа.

А. М. Достоевский, вспоминая о любви крепостных крестьян к нему и его братьям в их детские годы, писал: «Сцена, с таким талантом описанная впоследствии братом Федором Михайловичем в „Дневнике писателя" с крестьянином Мареем, достаточно рисует эту любовь! Кстати о Марее (вероятно, Марке); это лицо не вымышленное, а действительно существовавшее. Это был красивый мужик, выше средних лет, брюнет с солидною черною бородою, в которую прибавилась уже седина. Он считался в деревне большим знатоком рогатого скота, и когда приходилось покупать на ярмарках коров, то никогда не обходилось без Марея» (*Достоевский, А. М.*, стр. 58—59; *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 70—71). На основании указаний в тексте эпизод датируется 1831 г. (*Гроссман, Биография*, стр. 19). Марей — просторечная форма имени Марий (Н. А. П е т р о в с к и й. Словарь русских личных имен. М., 1966, стр. 151; ср. : *Салтыков-Щедрин*, т. XVII, стр. 434). Среди крепостных, принадлежавших Достоевским, крестьянина по имени Марий не было. По указанию А. М. Достоевского и по устным рассказам, записанным в 1925 г. от крестьян бывшего поместья Достоевских, прототипом Марея можно считать крестьянина

села Дарового Марка Ефремова, которому в 1835 г. было 48 лет (В. С. Н е ч а е в а. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939, стр. 67).

К тому же эпизоду из жизни Достоевского восходит в «Подростке» одна сцена из младенческих лет Софьи Андреевны, сохранившаяся в памяти Макара Ивановича Долгорукого: «А то раз волка испугалась, бросилась ко мне, вся трепещет, а и никакого волка не было» (наст. изд., т. XIII, стр. 330; т. XVII, стр. 386).

Рассказ был сочувственно принят демократически настроенными читателями «Дневника» и неоднократно читался современниками на литературных вечерах (см. об этом и об авторском отношении к рассказу стр. 324). После смерти Достоевского «Мужик Марей» с 1885 г. печатался вместе с рассказом «Столетняя» и отдельно. С 1883 г. входил в хрестоматии для детей и для народного чтения. Оценивая рассказ в 1885 г., цензор Н. П. Хрущов отозвался о нем положительно, но упрекнул автора в том, что он «как бы особенно умиляется» нежности крепостного мужика к барчонку. Между тем, по мнению цензора, в эпоху крепостного права «никого так не любили искренно крестьяне, как детей своих господ» (И. Л. В о л г и н. Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881—1917). — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 193—194).

С т р. 46. *. . .когда мне было двадцать девять лет от роду.* — 29 лет Достоевскому исполнилось 30 октября 1850 г. Следовательно, если воспоминания писателя точны, то описываемые далее события второго дня «светлого праздника», т. е. пасхи, произошли 9 апреля 1851 г.

С т р. 46. *Майдан* (воровской жаргон) — игорный дом или карточная игра. Достоевский описал майданы каторжного острога в «Записках из Мертвого дома» (ч. I, гл. 4): «Кучка гуляк засела в углу на корточках перед разостланным ковром за карты. Почти в каждой казарме был такой арестант, который держал у себя аршинный худенький коврик, свечку и до невероятности засаленные, жирные карты. Все это вместе называлось: майдан» (наст. изд., т. IV, стр. 48—49, 303).

С т р. 46. *Да и никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула. . .* — Примечание А. Г. Достоевской: «Федор Михайлович чувствовал себя истинно несчастным, когда вечером в праздники встречал на улице много пьяных. Его тяжелое настроение не проходило весь вечер» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 63). Ср. в очерке «Маленькие картинки»: «Гуляки из рабочего люда мне не мешают, и я к ним, оставшись теперь в Петербурге, совсем привык, хотя прежде терпеть не мог, даже до ненависти» (наст. изд., т. XXI, стр. 108).

С т р. 46. *. . .поляк М-цкий. . .* — Александр Мирецкий (см. наст. изд., т. IV, стр. 288). Достоевский неоднократно упоминает о нем в «Записках из Мертвого дома» и, в частности, пишет: «Между тем М-кий с годами всё как-то становится грустнее и мрачнее. Тоска одолевала его. ‹. . .› Озлобление росло в нем более и более. „Je haïs ces brigands“, — повторял он мне часто, с ненавистью смотря на каторжных, которых я уже успел узнать ближе, и никакие доводы мои в их пользу на него не действовали. Он не понимал, что я говорю; иногда, впрочем, рассеянно соглашался; но назавтра же опять повторял: „Je haïs ces brigands“» (там же, стр. 216).

С т р. 46. *. . .шесть человек здоровых мужиков бросились, все разом, на пьяного татарина Газина ∾ помрет человек».* — О Газине Достоевский писал в «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV, стр. 32, 40—42, 283).

С т р. 47. *. . .про меня очень многие думают и утверждают даже и теперь, что я сослан был за убийство жены моей.* — Примечание А. Г. Достоевской: «Я до замужества с Федором Михайловичем тоже слышала, что „Достоевский убил свою жену“, хотя знала от моего отца, что он был сослан за политическое преступление. Этот нелепый слух очень держался среди русской колонии в Дрездене во время житья нашего там в 1869—1871 годах» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 63). Ср. запись в дневнике А. Г. Достоевской: «У Сниткиных я много разговаривала про него ‹Ф. М. Достоевского›, про его разговоры и рассказы, и они очень интересовались узнать о нем. Тогда я еще не знала, за

что он был сослан, а Снитккны начали меня уверять, что он сослан был за убийство кого-то, а кажется, что за убийство своей жены» (*ЛН*, т. 86, стр. 229). Существование подобных слухов накладывало отпечаток на манеру Достоевского держаться с незнакомыми или малознакомыми людьми. Интересные наблюдения по этому поводу содержатся в воспоминаниях М. А. Александрова, метранпажа типографий, в которых печатался «Гражданин» и «Дневник писателя» (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 220).

Стр. 48. *Не знаю, есть ли такое имя. . .* — См. примеч. к стр. 46—50.

Стр. 50. *По поводу дела Кронеберга.* — Дело Станислава Леопольдовича Кроненберга (род. 1845), обвинявшегося в истязании своей семилетней дочери Марии (род. 1868), слушалось 23—24 января 1876 г. в первом отделении С.-Петербургского окружного суда. Процесс вызвал большой резонанс. «Дело Кронеберга не могло не возбудить общественного внимания, — писал, например, Г. К. Градовский. — Одни, без сомнения, встревожились этим процессом, опасаясь иметь в нем опасный прецедент для вторжения государственной власти в область семейных отношений; другие, наоборот, желали видеть в этом случае первый пример обуздания тех возмутительных злоупотреблений родительской властью, которые еще не редкость встретить в наше время» (Гамма ‹Г. К. Градовский›. Жизнь и закон. — *Г*, 1876, 31 января, № 31). Дело Кроненберга широко освещалось в прессе. Достоевский читал подробные отчеты в газете «Голос» (1876, 24—29 января, №№ 24—29), а также фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31). Подробные отчеты опубликовали также: *БВ*, 1876, 24—30 января, №№ 23—29; *СПбВед*, 1876, 24—28 января, №№ 24—28. Известность, которую приобрел этот процесс, очевидно, послужила толчком для возбуждения в разных городах еще нескольких подобных дел (*Г*, 1876, 3 февраля, № 34; 25 февраля, № 56; 28 февраля, № 59; 3 марта, № 63; *СПбВед*, 1876, 2 февраля, № 33; 3 марта, № 62; *БВ*, 1876, 2 февраля, № 32; *НВр*, 1876, 5 марта, № 6; 14 апреля, № 44).

Фамилия подсудимого в подлинном судебном деле пишется «Кроненберг» (*Письма читателей*, стр. 181); так она печаталась и в первом отчете в газете «Голос» (1876, 24 января, № 24) и в других газетах. Но в следующих номерах «Голоса» употребляется форма «Кронеберг». В тетради Достоевский сначала выписал первую форму, а затем заменил ее второй.

Дело Кроненберга отразилось в замысле ненаписанного романа «Отцы и дети» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 7, 434) и упомянуто в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 219—220; т. XV, стр. 553—554).

Во всех цитатах из отчета курсив введен Достоевским. Фразы в круглых скобках — его замечания. В ряде случаев цитаты не точные.

Стр. 50. *Розги же, по свидетельству одного эксперта, оказались не розгами, а «шпицрутенами». . .* — Розги представляли собою пук из «девяти толстых рябиновых прутьев с изломанными и растрепанными от употребления концами» (*Г*, 1876, 24 января, № 24; 28 января, № 28). Экспертом, назвавшим их «шпицрутенами», был врач В. М. Флоринский (1833—1899), акушер и гинеколог, адъюнкт-профессор Петербургской медико-хирургической академии, позднее профессор Казанского университета (1877—1885).

Стр. 50. *Спасович* Владимир Данилович (1829—1906) — юрист, профессор Петербургского университета (1857—1861), литературовед и публицист, постоянный сотрудник журнала «Вестник Европы». На процессе Кроненберга он выступал защитником.

Еще в декабре 1875 г. распространились слухи о том, что ни один адвокат не взялся защищать Кроненберга (*БВ*, 1875, 22 декабря, № 352). По этому поводу Кроненберг заявил в печати, что он ни к кому из адвокатов с просьбою не обращался (*БВ*, 1875, 24 декабря, № 354). Спасовича назначил защитником Кроненберга суд.

Спасович пользовался репутацией человека передовых убеждений, особенно после того как в 1861 г. он в числе других профессоров Петербургского университета подал в отставку в знак протеста против репрессий в отношении студентов. Посвящая данную главу «Дневника писателя» разбору его речи в защиту отца-истязателя, Достоевский ставил себе целью не только критику

адвокатской казуистики, но и дискредитацию его как либерала, а в его лице и либерализма в целом. Ср. запись в тетради в связи с защитой Спасовичем интересов страхового общества на процессе С. Т. Овсянникова (наст. изд., т. XXIV).

Спасович стал одним из прототипов адвоката Фетюковича в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XV, стр. 586—587, 597).

Речь Спасовича в защиту С. Кроненберга вызвала оживленную дискуссию. В демократических кругах она была принята отрицательно. Публицист журнала «Дело» рассказывал со слов очевидцев: «. . . на студенческом обеде 8 февраля, в честь основания здешнего ‹Петербургского› университета, профессор гражданского права Пахман предложил тост за здоровье г-на Спасовича; но этот тост был встречен свистом и криком: „почему не выпить, после этого, и за здоровье Кроненберга?“ Г-н Спасович, говорят, немедленно стушевался из залы — и умно сделал» (Н. Мизантропов ‹А. П. Пятковский›. Калейдоскоп. — *Д*, 1876, № 3, стр. 478). Позднее, 25 февраля, студент Петербургского университета И. К. Земацкий, сообщая своему виленскому приятелю о спорах, возникших вокруг вопроса о приглашении почетных гостей на студенческий бал, писал: «Спасовича сначала выбрали тоже большинством голосов, но после защиты им Кронеберга, нанесшего безмилосердно побои тринадцатилетней ‹!› своей дочери, он всех нас вооружил против себя, так что никто и слышать о нем не хотел» (*ЛН*, т. 86, стр. 445). Возмущались речью Спасовича «Отечественные записки» (1876, № 2, отд. II, стр. 277—281). М. Е. Салтыков-Щедрин посвятил процессу Кроненберга статью «Отрезанный ломоть» (*ОЗ*, 1876, № 3), включенную впоследствии пятой главой в сборник «Недоконченные беседы» («Между делом») (СПб., 1885). В речи Спасовича он усмотрел проявление углублявшегося разрыва адвокатуры с передовыми общественными идеалами и один из примеров распространившегося в Европе «поветрия на компромиссы и сделки» (*Салтыков-Щедрин*, т. XV, кн. 2, стр. 351—353).

П. Д. Боборыкин («Воскресный фельетон». — *СПбВед*, 1876, 1 февраля, № 32) возмущался тем, что Спасович, по его мнению, отрицал «печальную суть» проступка Кроненберга, признав его отцовский гнев справедливым и не усмотрев в наказании, которому подверглась девочка, мучительного истязания. «Петербургская газета» в статье «Дело г-на Кроненберга и его защитник» (1876, 25 января, № 17) резко порицала Спасовича за то, что, будучи назначенным защищать подсудимого, он счел себя обязанным «кривить душою и торжественно выдавать за истину то, что есть вопиющая ложь и чему он сам не может верить». Газета приходила к выводу, что институт адвокатуры нуждается в преобразовании. Позднее в «Петербургской газете» были напечатаны под псевдонимом «Об. Др.» сатирическое стихотворение Д. Д. Минаева «Адвокатская логика. (Подражание г-ну Спасовичу)» (1876, 4 февраля, № 24) и его же эпиграмма «В суде» (1876, 5 февраля, № 25).

Достоевский цитирует речь Спасовича по тексту газеты «Голос», 1876, 29 января, № 29.

Стр. 50—51. *Помню, какое первое впечатление произвел на меня номер «Голоса», в котором я прочел начало дела ∾ Я был в негодовании на суд, на присяжных, на адвоката.* — В этом отрывке рассказывается о событиях 24 января 1876 г. В этот день «Голос» (№ 24) в разделе «Судебная хроника» известил о начавшемся накануне процессе Кроненберга и напечатал лишь изложение обвинительного акта. Лицом, к которому отправился Достоевский, был, очевидно, А. С. Суворин (см. запись в черновой тетради, наст. изд., т. XXIV: «О том, что ходил к Суворину»), хотя А. Г. Достоевская указывает (по-видимому, ошибочно), что писатель ходил к А. Ф. Кони (*Гроссман, Семинарий*, стр. 63). Процесс закончился, как и предполагал Достоевский, поздно вечером 24 января, а сообщение об оправдательном приговоре было напечатано на следующий день (*Г*, 1876, 25 января, № 25).

Стр. 51. *Теперь возьмите еще черту ∾ Что-то уж прикоснулось к ней теперь, на этом суде, гадкое, нехорошее, навеки и оставило след. ∾ «Ты еще ребенком в уголовном суде фигурировала».* (Ср. стр. 71: *К чему брызнуло на нее столько грязи и оставило след свой навеки?*) — Достоевский развивает

мысль, высказанную ему К. П. Победоносцевым. См. в черновой тетради: «Мысль Поб‹е›д‹о›н‹осцева›: осрамлена навек» (наст. изд., т. XXIV).

О характере допроса девочки на суде может дать представление, например, следующий отрывок из стенографического отчета:

«Председатель: Больше вы ничего не можете сказать?

Свидетельница: Могу говорить еще о пороках своих.

Председатель: Что желаете, то и скажите.

Свидетельница: Я была грязная, потом воровала вещи и меня наказывали» (*Г*, 1876, 25 января, № 25).

О пороках девочки очень откровенно и беспощадно говорила в своих показаниях на суде врач Н. П. Суслова-Эрисман, которую Достоевский знал лично. Весь этот эпизод произвел на Достоевского большое впечатление, и он предполагал воспользоваться им для романа «Отцы и дети» (наст. изд., т. XVII, стр. 7, 434). Об Н. П. Сусловой см.: наст. изд., т. XVII, стр. 403—404.

О возможных последствиях процесса для девочки в будущем писал в своем фельетоне и А. С. Суворин, который, однако, приходил к другому выводу: «Но успокойся, милый ребенок, все это делалось не ради тебя, не ради отца твоего, а ради того общественного гуманизма, который стоит выше святости семьи, который смягчает, уравнивает и исправляет взаимные отношения между членами семьи, и ты, маленькая девочка, не что иное в этом случае, как ступенька лестницы, по которой идут к усовершенствованию целые поколения» (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31).

Отца ее не сослали и оправдали, хорошо сделали. . . — Решение присяжных вызвало разноречивые оценки. П. Д. Боборыкин («Воскресный фельетон» — *СПбВед*, 1876, 1 февраля, № 32) писал, что «оправдательный приговор неприятно подействовал на мыслящее петербургское общество». Отмечая новизну подобного процесса для России, он указывал, что родительской власти не следует придавать столь преувеличенного значения, какое определил оправдательный вердикт заседателей. По его мнению, процесс выявил глубокое различие между отношением к детям людей, воспитанных в правилах западноевропейской, французской морали (Кроненберг, его любовница Аделина Жезинг, гувернантка-француженка, женевский пастор Э. де Комба и его жена), и «простонародного русского элемента» — горничной Кроненберга Аграфены Алексеевны Титовой и дворничихи Ульяны Бибиной, не стерпевших издевательства над девочкой и своими показаниями в участке давших толчок к возбуждению дела. Ф. Устрялов («Юридическая летопись» — *СПбВед*, 1876, 17 февраля, № 47) указал на сходство дела Кроненберга с получившим известность во всей Европе процессом гувернантки Селестины Дуде, которая в 1855 г. во Франции была обвинена в истязании своих малолетних воспитанниц. Он упрекнул присяжных заседателей в том, что они оправдали Кроненберга, в то время как Дуде была осуждена, несмотря на отсутствие прямых улик и несмотря на то, что она себя виновной не признала. А. С. Суворин, напротив, одобрил приговор присяжных, указав, что Кроненберга нельзя считать ни злодеем, ни нравственным уродом (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31).

. . .Je suis voleuse, menteuse. — По-видимому, Достоевский воспроизводит слова девочки или по устному рассказу А. С. Суворина, или по его фельетону, содержавшему следующее описание сцены в суде: «А эта крошка, дочь его, перебирая ручками свой передник, ‹. . .› бойко говорила по-французски: „я лгунья“, „я воровка“, „папа меня долго сек“ ‹. . .› „я лгала, я воровала“ . . .» (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31).

Mais il en reste toujours quelque chose . . . — Слегка перефразированная вторая половина крылатого выражения «Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose» («Клевещите, клевещите, что-нибудь да останется»), которое по традиции ошибочно приписывалось Бомарше или Вольтеру (*Ашукин*, стр. 319). В полном виде это выражение Достоевский употребил в очерке «Нечто личное» (наст. изд., т. XXI, стр. 28). Ср. «Подросток» (наст. изд., т. XIII, стр. 297).

Стр. 52—53. *Но все-таки чрезвычайно приятно иметь адвоката. Я сам испытал это ощущение ∽ кое с кем и с чем познакомился.* — Достоевский был

привлечен к ответственности за опубликование в «Гражданине» (1873, 29 января, № 5) без разрешения дворцовой цензуры статьи «Киргизские депутаты в С.-Петербурге», в которой шла речь о приеме делегации киргизов в Зимнем дворце и приводились слова царя (об этом см.: наст. изд., т. XXI, стр. 363—364). Суд состоялся 11 июня 1873 г. Достоевского защищал присяжный поверенный В. П. Гаевский (1826—1888). А. Г. Достоевская ошибочно указывает, что защитником Достоевского «был назначен от суда присяжный поверенный Вильгельм Осипович Люстих» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64; о Люстихе см.: наст. изд., т. XXIV, коммент. к *ДП* 1876, декабрь, гл. I, § 1 «Опять о простом, но мудреном деле»). О тактике защиты дает представление отчет о судебном заседании: «Подсудимый не отрицал факта напечатания слов государя и начала речи депутата без разрешения министра двора, но виновным себя не признал. Защитник, присяжный поверенный Гаевский, доказывал, что в приведенных словах не выражается высочайшая воля, а это есть восклицание и скорее привет, ласковое обращение; между тем закон требует разрешение министра двора для напечатания лишь таких слов государя, в которых выражается его воля, и что настоящее дело неправильно возбуждено Цензурным комитетом, так как, по мнению защиты, оно могло быть начато только по почину министра двора» (*Г*, 1873, 13 июня, № 162; ср.: *СПбВед*, 1873, 13 июня, № 160).

Юрист и литератор Виктор Павлович Гаевский был одним из основателей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) и активным его членом. В течение многих лет (1862—1888) он неизменно состоял в Комитете Общества, занимая различные должности. В феврале 1863—начале 1865 г. членом Комитета был и Достоевский. 12 февраля 1863 г. он принял у Гаевского обязанности секретаря, а через год секретарем снова стал Гаевский (Р. Б. З а б о р о в а. Ф. М. Достоевский и Литературный фонд. По архивным документам. — *РЛ*, 1975, № 3, стр. 158—170; XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, стр. 43, 51, 57).

Двухдневный арест Достоевский отбывал на гауптвахте на Сенной площади (ныне площадь Мира) с 11 часов утра 21 марта до 11 часов утра 23 марта 1874 г. А. Г. Достоевская рассказывает: «Вернулся из-под ареста Федор Михайлович очень веселый и говорил, что превосходно провел два дня! Его сожитель по камере, какой-то ремесленник, целыми часами спал, а мужу удалось без помехи перечитать „Les Misérables“ ‹«Отверженные»› Виктора Гюго, произведение, которое он высоко ценил.

— Вот и хорошо, что меня засадили, — весело говорил он, — а то разве у меня нашлось бы когда-нибудь время, чтобы возобновить давнишние чудесные впечатления от этого великого произведения» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 257—259).

Об этом эпизоде из жизни Достоевского писали также в своих воспоминаниях В. В. Тимофеева (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 178—179) и Вс. С. Соловьев (там же, стр. 198—201).

По поводу своего ареста Достоевский познакомился с А. Ф. Кони, занимавшим в то время пост председателя С.-Петербургского окружного суда. По свидетельству А. Г. Достоевской, Кони «сделал все возможное, чтобы арест мужа произошел в наиболее удобное для него время» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 253).

Комментируемый отрывок привлек к себе внимание и перепечатывался в газетах: Б у к в а ‹И. Ф. В а с и л е в с к и й›. Наброски и недомолвки. — *БВ*, 1876, 7 марта, № 65; *НВр*, 1876, 8 марта, № 9.

С т р. 53. *. . .слышится народное словцо: «адвокат — нанятая совесть». . .* — Ср. в «Подростке»: «. . . Макар Иванович выразился: „А солдат известно что: солдат — «*мужик порченый*»“. Говоря потом об адвокате, чуть не выигравшем дело, он тоже выразился: „А адвокат известно что: адвокат — «*нанятая совесть*»“» (наст. изд., т. XIII, стр. 310). Ср. т. XIV, стр. 220; т. XVI, стр. 177, 288.

С т р. 54. *. . .talent oblige* — Перефразированное крылатое выражение noblesse oblige (положение обязывает), принадлежащее французскому писа-

телю П.-М.-Г. де Леви (P.-M.-G. de Levis, 1755—1830. «Maximes et réflexions sur divers sujets», 1808, № 41) (*Бабкин и Шендецов*, т. II, стр. 929). Ср. в рассказе «Вечный муж» (наст. изд., т. IX, стр. 47).

Стр. 54. *У Гоголя где-то ∾ сказать правду.* — Достоевский по памяти приводит эпизод из «Мертвых душ» (ч. I, гл. 10), в котором чиновники расспрашивают Ноздрева о Чичикове: «На вопрос, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку и правда ли, что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, что помогал и что если бы не он, то не вышло бы ничего, — тут он и спохватился было, видя, что солгал вовсе напрасно и мог таким образом накликать на себя беду, но языка уже никак не мог придержать. Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться . . .».

Стр. 54. *Романист Теккерей ∾ приберегал самую лучшую выходку или остроту к концу.* — Речь идет о персонаже романа «История Пенденниса» (1850) литераторе Уэгге. О нем в тридцать четвертой главе («Обед на Патерностер-Роу») говорится: «Он любил входить в гостиную с смехом и, уходя откуда-нибудь, оставлял за собою взрыв смеха. Каковы бы ни были его горести, мысль об обеде всегда ободряла его великий дух; а когда он встречался с лордом, всегда приветствовал его каким-нибудь каламбуром». В беседе Уэгг сыпал именами аристократов «для назидания всего общества, которое он рад был уведомить, что посещает джентльменов в их поместьях и живет на короткой ноге с знатью» (У. Теккерей. История Пенденниса, его приключений и бедствий, его друзей и величайшего врага, ч. 2. СПб., 1874, стр. 350; ранее переводы на русский язык выходили в 1851—1852 гг.).

Стр. 54. *. . .для красного словца не пожалеешь матери и отца.* — Русская пословица. Ср.: «Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца», «Ради красного словца не пожалеет родного отца» (В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 412).

Стр. 55. *Ревет ли зверь в лесу глухом. . .* — Первая строка стихотворения А. С. Пушкина «Эхо» (1831).

Стр. 55. *Эту излишнюю «отзывчивость» Белинский, в одном разговоре со мной, сравнил, так сказать, с «блудодействием таланта» и презирал ее очень. . .* — Достоевский вспоминает эпизод своего знакомства с Белинским, имевший место, очевидно, в период их активного общения (июнь 1845—1846 гг.). Об отношениях между Белинским и Достоевским см. очерки «Старые люди» (наст. изд., т. XXI, стр. 8—12), «Старые воспоминания» (*ДП* 1877, январь, гл. II, § 3) и «История глагола стушеваться» (*ДП* 1877, ноябрь, гл. I, § 2) (наст. изд., т. XXV—XXVI).

Стр. 55. *Ламартин* Альфонс Мари Луи де (1790—1869) — французский поэт-романтик и либеральный политический деятель. В период с февраля по декабрь 1848 г. был главою Временного правительства и, относясь резко отрицательно к социалистическим идеям, призывал к устранению социальных противоречий мирным путем. «. . . эолова арфа Ламартина напевала нежные филантропические мотивы, в тексте которых говорилось о „fraternité“, о братстве членов общества и целых народов» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 158). Бездействие Ламартина способствовало поражению демократической оппозиции. По характеристике Энгельса, Ламартин был «классическим героем этой эпохи, когда под поэтическими цветами и риторической мишурой скрывалась измена народу» (там же, стр. 289).

Стр. 55. *Кипсек* (англ. keepsake) — подарочное иллюстрированное издание, обычно выпускавшееся в виде ежегодного альманаха.

Стр. 55. *. . .рождаются с соплей на носу. . .* — Ср. в подготовительных материалах к «Подростку»: «Рождающиеся с соплей на носу (говорит Версилов)» (наст. изд., т. XVI, стр. 421); а также запись в тетради 1872—1875 гг.: «Человек, так сказать, с беспрерывной соплей на носу» (наст. изд., т. XXI, стр. 263).

Стр. 55. *«Harmonies poétiques et religieuses»* (1830) — сборник стихотворений философско-религиозного содержания.

С т р. 56. «*История жирондистов*» («Histoire des Girondins», 1847). — «Жиронда» — одна из политических партий эпохи французской буржуазной революции XVIII в. (ее ядро составляли представители от департамента Жиронда). Отражавшие интересы крупной буржуазии, жирондисты выступали за изменение феодальных порядков, но были противниками радикальных преобразований. В восьмитомной «Истории жирондистов» Ламартин представил Великую французскую революцию как борьбу двух «религий» — веры в святое дело свободы и веры в священные права короля. Поэтому в его изображении Людовик XVI, Мария Антуанетта и роялисты представлены мучениками, равно как революционеры — героями. Реабилитация Ламартином революции, в которой реакционная мысль видела лишь проявление насилия и кровопролитие, имела важное общественное значение в эпоху надвигавшейся февральской революции 1848 г. и доставила Ламартину огромную популярность. Этой популярности содействовали и литературно-художественные достоинства «Истории» (блестящие характеристики деятелей эпохи, мастерски написанные сцены и т. п.). В русском переводе «История» вышла в 1871—1872 гг. В библиотеке Достоевского имелось французское издание «Истории» (*Библиотека*, стр. 148; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 39).

С т р. 56. «*Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre!*» — Эти слова Достоевский записал в тетради между 10 и 14 ноября 1875 г. (наст. изд., т. XXIV). Источником для него явилось, без сомнения, следующее место из пересказа второй части «Мемуаров Одилона Барро»: [1] «О Ламартине можно было бы сказать то, что было говорено о другом поэте: „Это не человек, а лира“» (*МВед*, 1875, 10 ноября, № 287). В сознании Достоевского эти слова, возможно, ассоциировались со словами, которые выкрикнули по адресу Ламартина, когда он обратился с речью к толпе рабочих, ворвавшейся 15 мая 1848 г. в Национальное собрание: «Assez de lyre comme ça!» («Хватит этой лиры!»). О событиях этого дня Достоевский писал также в очерке «Одна из современных фальшей» (наст. изд., т. XXI, стр. 130, 456).

С т р. 56. . . .*что случилось с одним московским купчиком* ∾ *маменьку потянули в яму*. — По-видимому, Достоевский воспроизводит услышанный им разговор. Черновая запись к этому месту начинается словами: «Разговор тогда же записанный» (наст. изд., т. XXIV).

С т р. 56. *Я читал когда-то, что во Франции, давно уже, один адвокат* ∾ *молча сел на свое место*. — Достоевский читал в газетах о похожем случае из русской судебной практики (см. наст. изд., т. XVI, с. 159—160; т. XVII, с. 412). Присяжный поверенный Л. А. Куперник, назначенный судом защищать крестьянина Василия Прокофьева, зверски убившего с сообщником четырех человек, отказался от произнесения защитительной речи, выдвинув в качестве мотива несомненность преступления и невозможность по нравственным соображениям поддерживать ложные показания подзащитного (*МВед*, 1874, 12 сентября, № 228). Поступок Куперника оживленно обсуждался в прессе, и в связи с ним приводились аналогичные случаи из судебной практики других стран (например: *МВед*, 1874, 1 октября. № 244; *Г*, 1874, 6 октября, № 276).

С т р. 57. «*Всякие средства хороши, если ведут к прекрасной цели*». — Существующее в различных вариантах крылатое выражение, восходящее к формулировке основного принципа морали иезуитов, выдвинутой в XVII в. (*Ашукин*, стр. 714—715). Ср. в «Подростке»: «Ничего коль с грязнотцой, если цель великолепна!» (наст. изд., т. XIII, стр. 363).

С т р. 57. . . .*не обвинения прокурора . . . я боюсь отвлеченной идеи*. . . — После слова «прокурора» Достоевский сделал купюру: «которое хотя весьма серьезно и, вместе с тем, и сдержанно».

С т р. 59. . . .*потом опять в Варшаве, где в 1867 году кончил курс в главной школе со степенью магистра прав*. — Варшавская главная школа, основан-

---

[1] Барро Камилл Гиасинт Одилон (Barrot Camille-Hyacinthe-Odilon, 1791—1873) — французский государственный деятель. Его «Мемуары» были изданы посмертно в 4-х томах в 1875—1876 гг.

ная в 1862 г., была высшим учебным заведением университетского типа; в 1869 г. преобразована в Варшавский университет. Магистр — младшая ученая степень, которую присваивали всем выпускникам Главной школы.

Стр. 59. *В франко-прусскую войну он вступил в ряды французской армии. . .* — Франко-прусская война 1870—1871 гг.

Стр. 59. *Тут г-н Спасович произносит* ∾ *имеющая свои особые законы».* — Законодательство Российской империи не допускало ни при каких обстоятельствах признания незаконнорожденного ребенка и лишало его всех прав на наследство. На основании Кодекса 1825 г., действовавшего на территории Царства Польского, родитель мог в любой момент признать незаконнорожденного ребенка своим, беря на себя тем самым обязанности его воспитывать, содержать и устроить в жизни; такой ребенок имел право участвовать в наследстве. Согласно закону 1836 г., семейные отношения жителей Царства Польского, переселившихся в другие места Российской империи, регулировались также Кодексом 1825 г.

А. С. Суворин в своем фельетоне одобрительно оценил это рассуждение Спасовича, назвав это место в его речи «примечательным» (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31).

Стр. 59. *Так прошли годы 72, 73 и 74 до начала 1875 года. . .* — Фраза из речи Спасовича.

Стр. 61. *Лесное* — загородная местность под Петербургом, получившая название от находившегося в ней Лесного института (ныне Лесотехническая академия им. С. М. Кирова). Дача, которую снимал Кроненберг, была расположена между станциями Удельная и Парголово.

Стр. 63. *Г-ну Спасовичу уже заметили в печати* ∾ *посылали в Женеву, к де-Комба.* — Достоевский имеет в виду, очевидно, следующее место из фельетона А. С. Суворина: «Чуть не целый час он ‹В. Д. Спасович› возился с знаками от наказания и доказывал, насколько глубоки были рубцы, на сколько линий розги пробивали или не пробивали кожи. Быть может, нужно было это говорить, но я убежден, что ни присяжные, ни публика нимало не изменили своего мнения относительно жестокости наказания. Этот факт остался неприкосновенным, хотя г-н Спасович потратил много жару на изучение тех следов, которые оставляют после себя розги» (*БВ*, 1876, 1 февраля, № 31).

В Женеву посылался запрос относительно происхождения знаков на лице девочки. По этому поводу Спасович в своей речи сказал: «Доктора, осматривавшие девочку 11 августа, предполагали, что розовые знаки на носу и щеках возникли недавно, между тем впоследствии узнано от супругов де-Комба ‹. . .›, что каждому из всех этих знаков, не исключая рубцов на носу и щеках, три или четыре года». В письмах пастора Э. де Комба к Кроненбергу, которые зачитывались в суде, перечислялся едва ли не каждый знак на теле девочки и обосновывалось его происхождение.

Стр. 64. *При всей неблагоприятности для Кронеберга мнения г-на Лансберга. . .* — Врач М. Ландсберг (Адресный список практикующих врачей в С.-Петербурге. Сост. и изд. А. Берггольцем. Изд. 3-е. СПб., 1876—1877, стр. 25), который заявил на суде, что «не может смотреть на такое наказание, которое было нанесено девочке, как на домашнее исправительное наказание, и что если бы такое наказание продолжалось, то оно отозвалось бы весьма вредно на здоровье ребенка». По его заключению, Кроненберг наносил девочке удары, куда попало. При этом, однако, Ландсберг признал повреждения тяжкими «по отношению наказания, а не по отношению нанесенных ударов» (*Г*, 1876, 27 января, № 27).

Стр. 64. *. . .при осматривании девочки профессором Флоринским. . .* — См. выше, стр. 346.

Стр. 64—65. *Наказание шпицрутенами* ∾ *никто не выдержит.* — Ср. «Записки из Мертвого дома», ч. 2, гл. 3 (наст. изд., т. IV, стр. 154).

Стр. 66. *Я видел пятилетнего мальчика* ∾ *«Хоть погляжу на них».* — Примечание А. Г. Достоевской: «Федор Михайлович вспоминает слова своего сына Феди ‹1871—1921›, который был болен скарлатиной со многими осложнениями в декабре 1875 г.» (*Гроссман*, *Семинарий*, стр. 64).

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница наборной рукописи первой главы январского выпуска.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

Стр. 66. *25 июля ∾ они были длиннее.* — Цитата из обвинительного акта (*Г*, 1876, 24 января, № 24).

Стр. 67. «*Они говорят. . .* — т. е. врачи-эксперты.

Стр. 68. *Геркулесовы столпы.* — Древнее название скал, расположенных на противоположных берегах Гибралтарского пролива при выходе в Атлантический океан. Согласно мифу, Геракл, пройдя через всю Европу и Ливию (Африку) и достигнув края света, поставил эти столпы в память своих странствий. Крылатое выражение «дойти до Геркулесовых столпов» означает «дойти до предела».

Стр. 68. «*Налагают бремена тяжкие и неудобоносимые*». . . — Неточно цитируемые из Евангелия слова Христа о книжниках и фарисеях (фанатичных ревнителях религиозных правил), которые «связывают бремена тяжелые и неудобоносимые, и возлагают на плеча людям; а сами не хотят и перстом двинуть их» (Евангелие от Матфея, гл. 23, ст. 4). Ср.: «Но он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 46). В «Братьях Карамазовых» это евангельское изречение перефразирует Алеша Карамазов, говоря Дмитрию: «Не всем бремена тяжкие, для иных они невозможны» (наст. изд., т. XV, стр. 185, 604).

Стр. 70. *Я вам расскажу маленький анекдот ∾ принеси домой.* — Достоевский передает разговор с дочерью Лилей (Любовью Федоровной, 1869—1926), называя ее именем другой дочери — Сони, умершей в возрасте трех месяцев (февраль—май 1868) (*Гроссман*, *Семинарий*, стр. 64). В ряде изданий вместо «Соня» печаталось «Лиля» (см. стр. 208). Достоевский любил разговоры детей. 6 июля (24 июня) 1874 г. он писал жене из Эмса: «Благодарю тебя за известие о детях и об их словечках и поступках. Это меня ужасно радует, занимает и веселит». Ср. письма к ней же от 18 и 19 декабря 1874 г. В следующем году он ей советовал: «Непременно заведи такую книжечку и слова их записывай» (письмо от 15 (27) июня 1875).

Стр. 72. *. . .хотя и прожили уже тысячу лет. . .* — Тысячелетие России праздновалось в 1862 г.

Стр. 74. *В «Листке» г-на Гаммы («Голос» № 67). . .* — Гамма ‹Г. К. Градовский›. Листок. — *Г*, 1876, 7 марта, № 67.

Стр. 74. *. . .ад вымощен добрыми намерениями. . .* — (Англ.: The hell is paved with good intentions). Крылатое выражение, смысл которого «от доброго намерения далеко до доброго дела». Автором его был английский писатель Сэмюэль Джонсон (1709—1784), перефразировавший, возможно, старинную пословицу «ад полон добрыми намерениями и желаниями» (the hell is full of good meanings and wishings), которая встречается уже в сочинениях английского писателя Джорджа Герберта (1593—1633) (*Ашукин*, стр. 51—52). Ср.: наст. изд., т. XI, стр. 284; т. XII, стр. 361.

Стр. 74. *. . .«вера без дел мертва».* — Выражение, восходящее к Евангелию: «Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Соборное послание св. апостола Иакова, гл. 2, ст. 17); «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (там же, ст. 20; ср. ст. 26). Ср. наст. изд., т. XI, стр. 195; т. XII, стр. 355.

Стр. 74. *. . .«они немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут».* — Цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты» (1808).

Стр. 75. *В последнее время раздалось несколько голосов в том смысле, что у нас не может быть ничего охранительного, потому что у нас «нечего охранять».* — Публицист-народник П. П. Червинский писал о консервативной дворянской партии: «Спрашивается, что они, собственно, охраняют? ‹. . .› Охранять несуществующее, — где на всем земном шаре, кроме России, возможна подобная странность?» (П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? — «Неделя», 1875, 2 ноября, № 44, стр. 1427). На это заявление откликнулся Н. К. Михайловский: «В „Отечественных записках“ было много раз доказано, что ‹. . .› европейский консерватизм есть у нас совершенная бессмыслица, потому что нашим консерваторам нечего консервировать. . .» (Записки профана. XVIII. Разные разности. — *ОЗ*, 1875, № 12, отд. II. Современное обозрение, стр. 294; Достоевский читал эту статью, см. записи в чер-

новой тетради между 17 и 20 декабря 1875 г. — наст. изд., т. XXIV). Эту мысль повторил П. Д. Боборыкин в рецензии на книгу кн. В. П. Мещерского «Речи консерватора» (1876): «Консерватор — значит *хранитель*. Так называются даже чиновники ученого ведомства, присматривающие за разными музеями и хранилищами. Но что у нас следует охранять, и к каким людям сводится у нас класс „охранителей"? Неужели мне нужно развивать эту тему после того, как разные русские публицисты достаточно доказали, что консервировать в западном смысле нам нечего, что мы общество — без традиций, и в этом наша сила и будущность? Охранять что-то у нас желают только *баре*, находящиеся „во временной оппозиции" и толкующие, что когда-то *бояре* сидели в думе, а стало, и им нужно сидеть где-то» («Воскресный фельетон». — *СПбВед*, 1876, 25 января, № 25). В несколько ином аспекте эту же мысль Боборыкин развил и позже: «Что ни говори, а, должно быть, теперь гораздо труднее предпринимателям, вроде издателей покойной „Вести" и теперешнего „Гражданина", поддерживать так называемые „охранительные" принципы... С чего бы ни начала газета, если она окончательно не слиняет, она должна в Петербурге кончить прогрессивным направлением какого бы то ни было оттенка...» («Воскресный фельетон». — *СПбВед*, 1876, 29 февраля, № 59).

Полемизируя с Боборыкиным, «Московские ведомости» (1876, 14 марта, № 66) указали основные пункты программы русского консервативного направления. «Новое время» (1876, 16 марта, № 17) в отделе «Среди газет и журналов» иронически назвало ее «программой умеренного либерализма», так как «речь в ней идет только о реформах, хотя и скромных, *ни слова же нет ни о каком охранении*, без чего идея консервативной партии является абсурдом». «Новому времени» отвечал «Гражданин» (1876, 21 марта, № 12, стр. 323—324), выступивший в поддержку «Московских ведомостей» в отделе «Областное обозрение» и озаглавивший соответствующий его раздел «Есть ли нам что охранять?».

Стр. 75—79. *Столетняя*. — А. Г. Достоевская замечает: «Рассказ „Столетняя" основан на действительном случае, со мной происшедшем» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64). Первая запись в тетради, относящаяся к рассказу, сделана 9 марта 1876 г. (наст. изд., т. XXIV).

Рассказ относится к жанру согретого теплым юмором «физиологического» очерка из столичной жизни и по манере близок к более ранним «Маленьким картинкам» (см. т. XXI, стр. 105—112). В 1883 г. вместе с «Мальчиком у Христа на елке» и «Мужиком Мареем» вошел в изданную О. Ф. Миллером книгу «Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883). С 1885 г. выходил (вместе с «Мужиком Мареем») отдельной книжкой, в 1900 г. — тринадцатым изданием.

Цензор И. П. Хрущов, одобрив рассказ в 1885 г. для отдельного издания (см.: И. Л. Волгин. Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881—1917). — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 192—194), охарактеризовал его вместе с тем как «этюд мещанской сцены», который для восприятия «простонародного» читателя утратит «всю тонкость намеков», а потому едва ли будет для него занимателен.

Стр. 75. *Николаевская улица*. — Ныне ул. Марата. На Николаевской ул., д. № 8, находилась контора типографии кн. Оболенского (в этой типографии печатался «Дневник писателя») (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64).

Стр. 76. *...заказаны для Сони ботинки...* — Имеется в виду дочь Достоевского Лиля. Ср. примеч. к стр. 70.

Стр. 80. *«Обособление»*. — Этим словом, которое было подсказано Достоевскому, очевидно, статьей К. С. Аксакова «О современном человеке» (см. выше, стр. 342), обозначается явление, представлявшееся писателю характерным и типичным для России второй половины 70-х годов: отсутствие в обществе духовно-нравственного единства, распад его на разномыслящие группы.

Стр. 80. *...я пишу «о виденном, слышанном и прочитанном». Хорошо еще, что не стеснил себя обещанием писать обо всем «виденном, слышанном и прочитанном»*. — Автоцитата: в прошении, поданном в Главное управление по делам печати, Достоевский писал, что в «Дневнике писателя» он будет

«помещать отчет о всех действительно выжитых впечатлениях моих как русского писателя, отчет о всем виденном, слышанном и прочитанном». В печатном объявлении об издании «Дневника писателя» слово «все» было изъято: «Это будет дневник в буквальном смысле слова <. . .> отчет о виденном, слышанном и прочитанном» (см. выше, стр. 136). Ту же формулу Достоевский повторил в письме к Вс. С. Соловьеву от 11 января 1876 г.

Стр. 81—83. *Кстати, приведу несколько мыслей о наших корпорациях и ассоциациях ∾ наступившем вдруг в наше время.* — Достоевский приводит выдержку из статьи Н. П. Петерсона, которую автор, живший в то время в г. Керенске Пензенской губ., послал ему письмом (написано 6, отправлено 12 и получено 16 марта 1876 г. — *ИРЛИ*, ф. 100, № 29806, CCXIб. 9; начало письма, содержавшее приводимую в «Дневнике писателя» цитату, утрачено).

Николай Павлович Петерсон (1844—1919) — участник революционного движения 60-х гг., исключенный в 1861 г. из Московского университета, привлекавшийся по делу Каракозова и приговоренный в мае 1866 г. к шестимесячному заключению. В 1862 г. некоторое время был учителем в школе, основанной Л. Н. Толстым в дер. Плеханове, близ Ясной Поляны. В Керенске Петерсон служил секретарем съезда мировых судей.

Во втором номере «Справочного листка района Моршанско-Сызранской железной дороги» за 1875 г. была напечатана статья о распространении пьянства, в которой в качестве меры борьбы с ним предлагалось дать «возможность равномерного образования для всех и <. . .> способ для крестьянина или ремесленника перенести место их клубных собраний из кабаков в иную обстановку, где они не были бы вынуждены забываться от гнетущей бедности и от подавляющей скуки и где они не были бы поставлены в необходимость за минуты душевного отдыха платить выше своих средств». С этим мнением полемизировал Н. П. Петерсон в статье (без заглавия), напечатанной в той же газете (1876, 25 января, № 20) за подписью К-в. Причиной пьянства он считал постепенное ослабление в народе общественных связей, приводившее, по его мнению, к тому, что не находило удовлетворения естественное для человека «желание единения с своими ближними», которому в его трактовке придавалась религиозная окраска. Редакция сопроводила статью Петерсона примечанием, в котором подтвердила свою точку зрения, указав, что «единственный источник спасения от пьянства и других наших недугов» следует видеть в «чисто человеческой потребности» общения, «естественной потребности каждого человека жить в обществе себе подобных», на которой «основывались раньше и приобретают с каждым годом все более и более значения наши русские рабочие артели, немецкие корпорации, французские ассоциации, английские и американские кооперации, разные торговые, промышленные, научные и технические товарищества и общества». Петерсон послал пространное возражение на это примечание, но редакция отказалась его напечатать, усмотрев в нем «характер проповеди, которая могла бы быть помещена только в духовном журнале или газете». Тогда Петерсон послал рукопись Достоевскому, предложив ему, в соответствии с объявлением об издании «Дневника писателя», отразить на страницах этого издания «впечатление» о ней (т. е. о «прочитанном»). В сохранившейся части статьи развивается мысль о том, что основой общественного устройства должен быть не принцип пользы, а «чувство общения», «взаимная любовь», «всеобщее единение», которые призвана воспитывать церковь, не справлявшаяся, однако, по мнению автора, с этою своею обязанностью. Много места в статье уделено критике священнослужителей с этих позиций.

Переписка между Н. П. Петерсоном и Достоевским продолжилась в 1877—1878 гг. по поводу учения религиозного мыслителя-утописта Н. Ф. Федорова (1824—1903), с которым Петерсон служил в Чертковской библиотеке в Москве (1868—1869) и чьим последователем он стал.

Стр. 82. *. . .всё дело у нас теперь в первом шаге. . .* (Ср. стр. 84: *. . . страна эта — есть страна всегдашнего первого шага. . .*). — Употребление здесь выражения «первый шаг» было, возможно, подсказано Достоевскому названием сборника, который. по его словам в майском выпуске «Дневника писателя» (гл. I, § 2 «Областное новое слово» — наст. изд., т. XXIII),

в это время лежал на его столе: «Первый шаг» (Казань, 1876). В черновой тетради запись об этом сборнике была сделана между 20 и 23 марта 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIV).

Стр. 83. . . .*наше русское интеллигентное общество* ∽ *разнесет первый ветер*. — Эту широко распространенную притчу Достоевский знал по басне Эзопа «Крестьянин и его сыновья» (Басни Эзопа. Пер., статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968, стр. 79, № 53), о чем свидетельствует запись в первоначальном плане мартовского выпуска «Дневника писателя»: «13. ‹. . .› пучок Езопов . . .». Несколькими днями раньше Достоевский вспомнил другую басню Эзопа в связи с предполагавшимся рассуждением о войне (см. наст. изд., т. XXIV).

Стр. 84. *Кстати, у нас все теперь говорят о мире.* ∽ *в шкатулке у князя Бисмарка?).* — В марте 1876 г. «Московские ведомости» с удовлетворением обращали внимание на то, что английская печать «не грезит русскими в Константинополе и не страшится вторжения русских войск в Индию», а потому реальной угрозы миру нет. Газета отмечала также, что «в современной Европе никакого антагонизма между Россией и Германией не предусматривается» (*МВед*, 1876, 4 марта, № 56). «Голос» регулярно печатал статьи, в которых говорилось о реальной возможности обеспечить мир в Европе (например: *Г*, 1876, 2 марта, № 62; 16 марта, № 76; 19 марта, № 79; 29 марта, № 89).

Большое внимание русская пресса уделяла победе республиканцев на выборах в Палату депутатов Франции, состоявшихся 20 (8) февраля и 5 марта (22 февраля) 1876 г. Газеты подробно освещали ход предвыборной кампании и борьбу, развернувшуюся в Палате сразу после выборов. Достоевский отметил в черновой тетради (см. наст. изд., т. XXIV) передовую статью «Голоса» от 15 марта (№ 75), в которой говорилось: «Упрочение ныне устроившегося образа правления во Франции, республиканского только по форме, но с учреждениями, возможными в любой монархии, — это вопрос об обеспечении спокойствия не только самой французской нации, но и всей Европы. . .». «Новое время» желало после выборов «тихого, ободряющего отдыха французскому народу» и приводило мнение французской газеты «République française» о том, что Франция вступает «в новую эру национального примирения» (*НВр*, 1876, 2 марта, № 3).

Особое значение газеты придавали франко-германским отношениям. Центральным был вопрос о том, примирится ли республиканское правительство с поражением в войне 1870—1871 гг. и откажется ли от мысли о «войне возмездия» с целью реванша и возвращения Эльзаса и Лотарингии. Сообщая о миролюбивых заявлениях политических деятелей республиканской партии, пресса одновременно указывала на то, что в Германии высказывали удовлетворение победой республиканцев, видя в ней свидетельство искреннего желания Франции поддерживать мир. См., например: *Г*, 1876, 27 февраля, № 58; *МВед*, 1876, 10 марта, № 62; *БВ*, 1876, 27 февраля, № 56; *СПбВед*, 1876, 17 февраля, № 47 и др. Возражая автору анонимной брошюры «Европа и война» («L'Europe et la guerre». Paris, [1876]), предсказывавшему, что вслед за установлением республики во Франции «эта форма правления будет воспроизведена в большей части европейских стран, начиная с Англии», «Московские ведомости» писали, что в значительной степени «Французская республика есть плод искусственного насаждения, которому не чужды и посторонние садоводы, как князь Бисмарк» (*МВед*, 1876, 4 марта, № 56). О том, что Бисмарк будет поддерживать во Франции республиканский строй, Достоевский писал еще до окончания франко-прусской войны (письмо к А. Н. Майкову от 25 февраля (9 марта) 1871 г.).

Положение в Герцеговине, где продолжалось вспыхнувшее летом 1875 г. восстание против турецкого владычества, было одной из ведущих тем русских газет. 31 (19) января 1876 г. Турции от имени Австрии, России, Германии, Франции, Англии, Италии была вручена нота, составленная министром иностранных дел Австро-Венгерской монархии графом Г. Андраши (1823—1890). Союзные державы предлагали Турции осуществить ряд реформ, которые облегчили бы положение христианского населения Герцеговины и Бос-

нии. Турция согласилась принять эти требования при условии полной капитуляции восставших, обещая на словах им амнистию и материальную помощь. Восставшие, со своей стороны, отказывались сложить оружие, не доверяя, не без основания, обещаниям турецкого правительства. Оказывая нажим на восставших с целью принудить их согласиться на условия Турции, Австрия предприняла такие меры, как запрет доставлять оружие и продовольствие через свою территорию, арест одного из вождей восстания М. Любибратича и др. В то же время наместнику Далмации Гавро Родичу (1812—1890; германизированная форма: Габриэль фон Родич) было поручено вести переговоры с герцеговинцами и убедить их прекратить военные действия, согласившись на условия, предъявленные Турции в ноте Андраши. Встреча состоялась 6—7 апреля (25—26 марта) 1876 г.

Мнения русской прессы о путях урегулирования конфликта разделились. Либеральные газеты «Голос» и «Биржевые ведомости» считали возможным мирное решение и призывали настойчиво его искать (например: *Г*, 1876, 26 февраля, № 57; 28 марта, № 88; *БВ*, 1876, 24 февраля, № 53; 30 марта, № 88). Эти оптимистические надежды не разделяли другие газеты, которые регулярно читал Достоевский. Так, суворинское «Новое время» на протяжении марта неоднократно писало, что надежд на успех дипломатических акций мало, и указывало на неспособность разваливающейся Турции провести обещанные реформы. Газета критиковала политику европейских держав, указывая, что она играет на руку Турции и что примирение, если его и удастся достигнуть, будет лишь временной мерой, так как «все равно восстание скоро вновь вспыхнет опять» (например: *НВр*, 1876, 29 февраля, № 1; 5 марта, № 6; 7 марта, № 8; 10 марта, № 11; 12 марта, № 13 и др.). Катковские «Московские ведомости» полагали, что Восточный вопрос может быть решен только при условии вывода турецких войск со славянских территорий и постепенного предоставления им самоуправления (*МВед*, 1876, 4 февраля, № 32). Эту мысль газета повторяла и тогда, когда, с ее точки зрения, стало ясно, что дипломатическое вмешательство не дало результатов (*МВед*, 1876, 13 марта, № 65; ср.: 17 марта, № 69).

Свою мысль о том, что ключ к герцеговинскому вопросу «очутился тоже в Берлине и тоже в шкатулке у князя Бисмарка», Достоевский кратко обосновал в черновых записях (наст. изд., т. XXIV), которые нашли отражение в замечаниях по поводу речи Родича в апрельском выпуске «Дневника писателя» (см. стр. 120—121). Эта мысль из «Дневника» была приведена без указания источника в «Ежедневном обозрении» газеты «Новое время» (1876, 10 июня, № 100): «В начале герцеговинского восстания все только и говорили, что „ключ к решению Восточного вопроса лежит в шкатулке у железного князя“». В записи, сделанной по этому поводу в тетради, Достоевский отметил, что фраза принадлежит именно ему (см. наст. изд., т. XXIV). Сама же мысль высказывалась в печати и до Достоевского. Так, «Голос» (1875, 15 ноября, № 316) писал в передовой статье: «Существует мнение, и едва ли не разделяется оно всеми политическими людьми в Европе, что все нынешние замешательства па Балканском полуострове и с ними вопрос о мире или войне будут окончательно и безапелляционно решены канцлером Германской Империи».

С т р. 84. *Начало конца.* — Выражение, родившееся и ставшее крылатым во Франции в преддверии окончательного разгрома Наполеона I и падения его Империи (*Ашукин*, стр. 431—432).

С т р. 84. *. . .из всех еще недавно претендовавших на Францию правительств. . .* — Основными политическими партиями во Франции были: республиканская, монархическая и бонапартистская.

С т р. 85. *. . .мечтателей позитивистов, выставляющих вперед науку и ждущих от нее всего, то есть нового единения людей и новых начал общественного организма, уже математически твердых и незыблемых.* — В письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г. Достоевский определил позитивизм как «мечту пересоздать вновь мир разумом и опытом», указав при этом, что «нравственное основание человечества (взятое из позитивизма) не только не дает результатов, но и не может само определить себя, путается в жела-

нпях и в идеалах». Ср. запись в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 144; т. XII, стр. 343—344). Подробнее о позитивизме и отношении к нему Достоевского см.: наст. изд., т. IX, стр. 513—515. Ср. выше, стр. 33—34, а также наст. изд., т. XIV, стр. 275; т. XV, стр. 250, 614.

Стр. 86. *Ote toi de là que je m'y mette.* — Ставшая крылатым выражением фраза, которую употребил для характеристики принципа «естественного права» французский историк и публицист А.-Э.-Н. Фантен Дезодоар (Fantin Des Odoards, 1738—1820) в «Философской истории Французской революции» («Histoire philosophique de la Révolution française depuis la convocation des notables par Louis XVI, jusqu'à la séparation de la Convention nationale», 1796) (*Бабкин и Шендецов*, т. II, стр. 972).

Стр. 86. *Бонапарты тем и держались ∾ выбрали республику.* — Политика бонапартизма, сложившаяся при Наполеоне I и в своей законченной форме осуществлявшаяся Наполеоном III в период Второй империи (1852—1870), была политикой мелких подачек, демагогических обещаний, лавирования между классами в условиях обострения классовой борьбы. «Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 83).

После драматических событий 1870—1871 гг. (поражение во франко-прусской войне, крушение Второй империи, Парижская коммуна) среди пролетариата, трудящихся, мелкой и средней буржуазии возобладали республиканские настроения, с которыми невозможно было не считаться. Поэтому не могла добиться сколько-нибудь значительного успеха возродившаяся бонапартистская партия, а также кончались неудачей предпринимавшиеся попытки реставрировать во Франции монархию.

Правительство́ королей (старшей линии) — династия Бурбонов, свергнутая июльской революцией 1830 г. Ее представителем, претендовавшим в 70-е гг. на престол, был граф Шамбор (см. ниже, стр. 364). Монархическая партия пользовалась поддержкой католической церкви и делала широкие уступки клерикализму, в то время как республиканская партия считала борьбу с ним одной из основных своих задач.

Орлеанская династия в лице Луи-Филиппа находилась у власти в период после июльской революции 1830 г. до февральской революции 1848 г. Июльская монархия была периодом господства финансовой аристократии, ущемлявшей интересы промышленной и мелкой буржуазии, которая составила сильную оппозицию режиму и, опираясь на народные массы, свергла его в феврале 1848 г. Во время Второй империи Орлеанская династия находилась в изгнании, а ее имущество во Франции было конфисковано. В политической борьбе 70-х гг. «орлеанисты» составляли многочисленную и влиятельную партию монархической ориентации.

Стр. 87. *. . .пусть будет «Мак-Магония». . .* — Ироническое название правительства Франции, введенное в оборот А. С. Сувориным сразу после отставки 24 мая (н. ст.) 1873 г. республиканского правительства Тьера и избрания на пост президента республики маршала Мак-Магона, монархиста по убеждению. По этому поводу очередной воскресный фельетон Суворина «Недельные очерки и картинки» начинался словами: «Во Франции началась „макмагония“. . .» (*СПбВед*, 1873, 20 мая, № 137). Ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина в главе «Поехали» цикла «Культурные люди» (*ОЗ*, 1876, № 1): «А я Францию люблю. Люблю, несмотря даже на то, что она теперь не Франция, а Мак-Магония» (*Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 322). Позднее, вспоминая в книге «За рубежом» свое посещение Франции осенью 1875 г., М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Многие в то время не без оснований называли Францию Макмагонией, то есть страною капралов, стоящих на страже престол-отечества в ожидании Бурбона» (там же, т. XIV, стр. 116—117).

Стр. 87. *. . .слишком по-немецки надеется на кровь и железо. Но что тут сделаешь кровью и железом?* — Имеется в виду ставшая крылатым выражением фраза О. Бисмарка, произнесенная им в прусском парламенте 30 сентября 1862 г.: «Не речами и постановлениями большинства решаются великие современные вопросы ‹. . .›, а железом и кровью». В сходных выраже-

ниях Бисмарк характеризовал свою политику неоднократно. Ср. наст. изд., т. XVII, стр. 413.

Стр. 88. *А папа? Ведь он сегодня-завтра умрет и — что тогда будет? ∾ О, никогда оно так не жаждало жить как теперь!* — Папе Пию IX в то время было почти 84 года (род. 13 V 1792—ум. 7 II 1878 н. ст.).

Вопросы, которым посвящена настоящая глава: о борьбе католической церкви во главе с папой за светскую власть и «земные владения», а также о будущем католицизма в связи с ожидаемой смертью папы, привлекали обостренное внимание Достоевского еще с 60-х гг. К ним неоднократно обращались журналы «Время» и «Эпоха» (*Нечаева*, *Эпоха*, стр. 86—87, 89—92). Они нашли отражение в подготовительных материалах к первой (краткой) редакции «Преступления и наказания» (наст. изд., т. VII, стр. 79, 405), в набросках статей «Папская власть падет» и «Социализм и христианство» (наст. изд., т. XX, стр. 189—194), в рассуждениях о католицизме князя Мышкина в «Идиоте» (наст. изд., т. VIII, стр. 450—451; т. IX, стр. 457) и Шатова в «Бесах» (наст. изд., т. X, стр. 197—199), в письмах (например, Н. Н. Страхову от 18 (30 мая) 1871 г.). События, связанные с борьбой между папой и европейскими правительствами, освещались и комментировались в «Гражданине» (1873); суммарную их оценку, в основных положениях совпадающую с данной главой, Достоевский дал в статье «Иностранные события» (*Гр*, 1874, № 1; наст. изд., т. XXI).

К обсуждению вопросов, поднятых в настоящей главе, Достоевский возвратится в «Дневнике писателя» за 1877 год и в «Братьях Карамазовых» (ч. II, кн. 5, гл. 5 «Великий инквизитор»).

Об отношении Достоевского к католицизму см.: Ф. Евнин. Достоевский и воинствующий католицизм 1860—1870-х годов. (К генезису «Легенды о Великом инквизиторе»). — *РЛ*, 1967, № 1, стр. 29—41.

Стр. 88. *Впрочем, наши пророки разве могут не смеяться над папой? Вопрос о папе у нас даже и не ставится вовсе и обращен ни во что.* — Об этом Достоевский писал еще в «Бесах». Рассказывая о «русской веселенькой либеральной болтовне» в кружке, в который входил Степан Трофимович Верховенский, хроникер говорит: «Папе давным-давно предсказали мы роль простого митрополита в объединенной Италии и были совершенно убеждены, что весь этот тысячелетний вопрос, в наш век гуманности, промышленности и железных дорог, одно только плевое дело» (наст. изд., т. X, стр. 30).

Стр. 88. *До сих пор оно блудодействовало лишь с сильными земли. . .* — В этой фразе обыгрываются слова из Апокалипсиса о «великой блуднице»: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 17, ст. 2). Сравнение католической церкви с блудницей встречается ранее в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 178; т. XII, стр. 350), а позднее его разовьет в «Братьях Карамазовых» Великий инквизитор (наст. изд., т. XIV, стр. 235; т. XV, стр. 562).

Стр. 88. *. . .римское католичество несомненно бросит властителей земных, которые, впрочем, сами ему изменили и давно уже в Европе затеяли на него всеобщую травлю, а теперь, в наши дни, уже окончательно организовавшуюся.* — В 70-е гг. в ряде европейских стран правительства вели борьбу с католической церковью с целью ограничить ее влияние и поставить ее в зависимость от государства. Непосредственным поводом к этой борьбе служили притязания Пия IX на светскую власть, наиболее полно выразившиеся в принятии догмата о непогрешимости папы (см. ниже, примеч. к стр. 88—89). В то же время в каждой стране действовали свои политические причины, побуждавшие правительство проводить мероприятия против католической церкви.

В Германии оппозиционная политика католической партии Центра отражала сепаратистские, антипрусские настроения высшего духовенства, помещиков, чиновников, буржуазии мелких и средних западных и юго-западных немецких государств. Проводя политику объединения Германии, правительство канцлера Бисмарка начиная с 1872 г. осуществило ряд антикатолических мероприятий, получивших название «культурной борьбы» (Kultur-

kampf): изгнание иезуитов (1872), контроль государства над церковью (1873), введение обязательного гражданского брака (1875), роспуск всех католических орденов (1875) и др.

Во Франции после победы на выборах республиканцев также ожидалась упорная борьба с «ультрамонтанами» (приверженцами доктрины абсолютной власти папы над всеми церквами) — оплотом бонапартистов и роялистов. Борьба с клерикалами шла также в Италии, Швейцарии, Австрии.

Перипетии «культурной борьбы» в Германии в 1873 г. подробно освещались в «Гражданине», выходившем под редакцией Достоевского. О ней шла речь, в частности, в статьях К. П. Победоносцева «Борьба государства с церковью в Германии» (*Гр*, 1873, 20 августа, № 34) и «Церковь и государство в Германии» (там же, 1 октября, № 40), причем Достоевский приглашал читателей обратить на них особое внимание (там же; наст. изд., т. XXI, стр. 191, 490). В письме к Достоевскому от 13 августа 1873 г. Победоносцев охарактеризовал «культурную борьбу» как «важнейшее событие» того времени (*ЛН*, т. 15, стр. 125). Сам Достоевский также часто писал о «культурной борьбе» в статьях «Иностранные события» (*Гр*, 1873, №№ 40—42, 46; 1874, № 1; наст. изд., т. XXI). Ср. стр. 35 и примеч. к ней.

В русских газетах в месяцы, предшествовавшие выходу мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., появилось большое число статей, заметок и сообщений, отражавших ход антикатолической борьбы в разных странах, преимущественно в Германии и Франции (например: *МВед*, 1876, 19 февраля, № 44; 6 марта, № 58; 10 марта, № 62, и др.).

О «культурной борьбе» в Германии Достоевский будет неоднократно писать в «Дневнике писателя» за 1877 г. (май—июнь, гл. III, § 1—4; сентябрь, гл. I, § 3; ноябрь, гл. III, § 2; наст. изд., тт. XXV—XXVI).

Стр. 88. *Папская область*. — Самостоятельное государство в Средней Италии, существовавшее с 756 по 1870 г.; владения папы. Границы Папской области неоднократно менялись. С 1860 г. Папскую область составлял лишь Рим с его ближайшими окрестностями. После включения Рима в состав Итальянского королевства (1870) под властью папы остались лишь Ватиканский и Латеранский дворцы.

Стр. 88—89. *И вот, в самое последнее мгновение* ∾ *я всемирно объявляю это теперь в догмате моей непогрешимости».* — На заседании Вселенского Ватиканского собора в Риме 18 июля 1870 г. был принят догмат, согласно которому «папа, когда он говорит ex cathedra ‹с амвона, *лат.*›, т. е. при отправлении своих обязанностей пастыря и учителя всех христиан, и ‹. . .› определяет учение, касающееся веры или нравственности, ‹. . .› обладает непогрешимостью, которую божественный искупитель даровал своей церкви». Принятием этого догмата католическая церковь и лично Пий IX претендовали на главенствующее положение над светской властью, освобождая верующих от подчинения последней, если папа не одобрил ее действий. Провозглашение догмата о непогрешимости папы было одной из решающих акций католической церкви в попытке сохранить и укрепить свое влияние. 20 сентября 1870 г. в Рим вступили отряды гарибальдийцев, а за ними и королевские войска, Рим был присоединен к Италии и в следующем году стал столицею.

Ср. запись о Вселенском соборе в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 146; т. XII, стр. 344).

Стр. 89. *. . .это Рим Юлиана Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа. . .* — Флавий Клавдий Юлиан (331—363)— римский император в 361—363 гг. Воспитанный в христианской вере, он в то же время получил прекрасное образование в философских школах Афин. Будучи последователем неоплатонизма, он, став императором, попытался вернуть язычеству его прежнее значение, издав эдикт о веротерпимости, возвратив из ссылки жрецов, вернув храмам конфискованное имущество, лишив христианских священнослужителей всех льгот, запретив христианам преподавать в школах и занимать государственные должности. После его смерти христианство быстро вернуло свое положение.

Стр. 89. *Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу.* — Возможность «демократизации» католической церкви, обраще-

ния ее к массам с целью опереться на них в борьбе со светской властью часто обсуждалась в эти годы в печати. Так, газета «Женевская корреспонденция» писала: «Если государи не посодействуют папству в восстановлении всех его прав, то оно отречется от них и прямо обратится к сердцам народов» (цит. по кн.: История христианской церкви в XIX веке. Изд. А. П. Лопухина, т. 1. Пг., 1900, стр. 257). В «Московских ведомостях» (1873, 20 июня, № 153) Достоевский обратил внимание на заметку, в которой пересказывалась статья римского корреспондента газеты «Times» и, в частности, говорилось: «Вообще, по словам корреспондента, папа и Ватикан теперь весьма мало расположены рассчитывать на помощь государей, и гораздо вероятнее, что они постараются войти в союз с демократией. „Так как теперь дело решает число, — говорят клерикалы, — то мы должны стать во главе невежественных масс и показать либералам, что и мы сами умеем играть в эту игру“». Эту заметку Достоевский отметил в записной тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 262, 510) и вспомнил о ней, делая черновые записи к настоящему выпуску: «Эту идею я высказал прежде всех в романе „Бесы“, потом я встречал ее в „Теймсе“ у нас» (наст. изд., т. XXIV). Из аналогичных материалов в поле зрения Достоевского могло попасть, например, мнение немецкой газеты «Provinzial Correspondenz» об энциклике от 5 февраля 1875 г. (см. выше, стр. 338): «Послание папы есть воззвание и подстрекательство к революционным страстям; слова папского нунция ‹. . .›, что католическая церковь в случае надобности должна опираться на революцию, находят себе теперь в образе действий папы фактическое подтверждение» (*Г*, 1875, 17 февраля, № 48). Достоевский мог также заметить напечатанное в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, 7 февраля, № 38) изложение статьи из газеты «Osservatoro romano». Автор статьи призывал католическую церковь укрепить свое влияние в массах через общины, воспитание юношества, благотворительные заведения и т. п., используя для этого капитал и агитацию.

О будущей «демократизации» католической церкви (которую начал в конце XIX в. широко осуществлять преемник Пия IX, папа Лев XIII) Достоевский ранее говорил в «Бесах» (см. примеч. к стр. 90), в статьях «Иностранные события» (*Гр*, 1873, №№ 41, 46; 1874, № 1; наст. изд., т. XXI, стр. 202—203, 229—230, 243, 493), а впоследствии в «Дневнике писателя» за 1877 г. (май—июнь, гл. III, § 3; ноябрь, гл. III, § 3; наст. изд., тт. XXV—XXVI).

Стр. 89. *. . .у папы есть ключи святого Петра. . .* — Согласно Евангелию, Иисус вручил апостолу Петру ключи от царства небесного, наделив его неограниченной властью (Евангелие от Матфея, гл. 16, ст. 19; Евангелие от Луки, гл. 22, ст. 32; Евангелие от Иоанна, гл. 21, ст. 15—17). Католическое вероучение признает папу преемником и наместником на земле апостола Петра.

Стр. 89. «*Fraternité ou la mort*». — Часть лозунга времен Французской буржуазной революции XVIII в.: «Liberté, égalité, fraternité ou la mort» («Свобода, равенство, братство или смерть»). Достоевский многократно пользовался этой формулой в полемике с современными ему социалистическими учениями; см.: «Зимние заметки о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 81), «Идиот» (наст. изд., т. VIII, стр. 451; т. IX, стр. 458), «Бесы» (наст. изд., т. X, стр. 473; т. XII, стр. 319). В «Дневнике писателя» за 1880 г. (гл. III, § 3) она служит также и для иронической характеристики буржуазной демократии. Ср. «Братья Карамазовы» — наст. изд., т. XIV, стр. 76; т. XV, стр. 539.

Стр. 90. *Я уже раз говорил обо всем этом, но говорил мельком в романе.* — Достоевский имеет в виду следующие слова Петра Верховенского в «Бесах»: «. . . я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни: „Вот, дескать, до чего меня довели!“ — и всё повалит за ним, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами шигалевщина. Надо только, чтобы с папой Internationale согласилась; так и будет. А старикашка согласится мигом. Да другого ему выхода и нет . . .» (наст. изд., т. X, стр. 323; т. XII, стр. 360).

Стр. 91. *Дон Карлос и сэр Уаткин.* — О доне Карлосе Младшем (1848—1909), претендовавшем на испанский престол под именем Карла VII, см. подробно наст. изд., т. XXI, стр. 486—487. В феврале 1876 г., после окончательного поражения, которым закончилась вторая карлистская война (1872—1876), дон Карлос бежал во Францию с группой сторонников, называвшихся «батальоном непримиримых». Французское республиканское правительство запретило ему оставаться в стране, и 4 марта (н. ст.) он отплыл из г. Булони на берегу пролива Ла-Манш в английский город Фокстон, куда прибыл в тот же день. Русские газеты напечатали отчеты о приеме, оказанном ему в Англии. Достоевский опирался на статью «Переезд Дон-Карлоса в Англию» в «Московских ведомостях» (1876, 6 марта, № 58).

Уоткин Эдуард Уильям (Watkin, 1819—1901) — член парламента, видный деятель железнодорожного дела в Англии.

Стр. 91. *. . .что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? ∾ Иного даже вовсе и не выдумать никакой фантазии.* — Мысль, что действительность по богатству своего объективного содержания бесконечно превосходит самую щедрую фантазию, являлась коренным эстетическим убеждением Достоевского, и он декларировал ее неоднократно в своих художественных произведениях, статьях и письмах. В «Идиоте» ее высказывает Лебедев: «. . . всякая почти действительность хотя и имеет непреложные законы свои, но почти всегда невероятна и неправдоподобна. И чем даже действительнее, тем иногда и неправдоподобнее» (наст. изд., т. VIII, стр. 313; т. IX, стр. 412, 449). Ср. слова генерала Иволгина: «Весьма часто правда кажется невозможною» (наст. изд., т. VIII, стр. 412), а также реплику князя Мышкина: «Я знаю одно истинное убийство за часы, оно уже теперь в газетах. Пусть бы выдумал это сочинитель, — знатоки народной жизни и критики тотчас же крикнули бы, что это невероятно; а прочтя в газетах как факт, вы чувствуете, что из-за таких-то именно фактов поучаетесь русской действительности» (там же, стр. 412—413). В подготовительных материалах к «Идиоту» также есть запись о «фантастической» действительности (наст. изд., т. IX, стр. 276). В этом плане Достоевский писал А. Н. Майкову 11 (23) декабря 1868 г. и Н. Н. Страхову 26 февраля (10 марта) 1869 г. В «Бесах» аналогичную мысль высказывает Степан Трофимович Верховенский: «. . . настоящая правда всегда неправдоподобна < . .> Чтобы сделать правду правдоподобнее, нужно непременно подмешать к ней лжи» (наст. изд., т. X, стр. 172). Позднее в «Дневнике писателя» за 1873 г., в статье «Ряженый» (*Гр*, 1873, № 18) Достоевский, полемизируя с Н. С. Лесковым, писал: «Знаете ли вы <. . .>, что истинные происшествия, описанные со всею исключительностию их случайности, — почти всегда носят на себе характер фантастический, почти невероятный?» (наст. изд., т. XXI, стр. 82). С мыслью о «фантастической» действительности, возможно, связан и план, озаглавленный «Странные сказки (сумасшедшего)», который Достоевский записал в тетради 9 марта 1875 г. (наст. изд., т. XXI, стр. 263). Подросток считает «петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на всем земном шаре, — чуть ли не самым фантастическим в мире» (наст. изд., т. XIII, стр. 113); он же декларирует мысль, что «реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп» (там же, стр. 115; т. XVII, стр. 373). В начальном варианте плана первого выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. было записано: «Я начинаю с рассказов неестественных и фантастических» (см. наст. изд., т. XXIV). О «фантастической» действительности будет говориться в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 3 «Два самоубийства» (наст. изд., т. XXIII) и майско-июньском выпуске за 1877 г., гл. I, § 1 «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года» (наст. изд., т. XXV). См.: Г. М. Фридлендер. Эстетика Достоевского. — В кн.: *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 122—125.

Стр. 91. *Попробуйте, сочините в романе эпизод, хоть с присяжным поверенным Куперником. . .* — Куперник Лев Абрамович (1845—1905) — адвокат, защитник во многих ритуальных и политических процессах (в том числе в нечаевском процессе и «процессе 63-х»), публицист, общественный

деятель. Возвращаясь 5 февраля в Москву, он заявил смотрителю черниговской почтовой станции, что если лошади не будут скоро готовы, то он разорит станцию; а затем, выехав, стрелял несколько раз в ямщиков из револьвера для ускорения езды. Против Куперника было возбуждено дело, его поведение получило широкую огласку в прессе, но сам он упорно опровергал в печати все появлявшиеся в разных газетах сообщения об этом инциденте. См., например: *Г*, 1876, 29 февраля, № 60; 7 марта, № 67; 10 марта, № 70; 11 марта, № 71, и др.

Стр. 92. *Кстати, помните ли вы эпизод, два года назад, с графом Шамбором (Генрих V)? ∾ почти Дон-Кихот. . .* — О перипетиях борьбы графа Шамбора (1820—1883) за французский престол Достоевский подробно писал в статьях «Иностранные события» (*Гр*, 1873; наст. изд., т. XXI). В частности, об окончательном отказе графа Шамбора от престола говорилось в «Гражданине», 1873, № 44; в связи с этим его решением Достоевский назвал его «великодушным человеком» (наст. изд., т. XXI, стр. 219), хотя и высказал сомнение в искренности его поступка.

Граф Шамбор и дон Карлос оба принадлежали к королевской династии Бурбонов. Знамя французских Бурбонов было белого цвета, республиканское — трехцветное. Признание последнего национальным флагом страны было одним из основных требований, предъявлявшихся графу Шамбору как условие «призвания» его на престол.

Стр. 92. *Какая разница с недавним Наполеоном, пройдохой и пролетарием, обещавшим всё, отдававшим всё и надувшим всех, только чтоб достигнуть власти.* — Луи Бонапарт (1808—1873), племянник Наполеона I, французский император Наполеон III (1852—1870), жил до революции 1848 г. в изгнании и неоднократно пускался в различные авантюры, в том числе дважды пытался с горстью приверженцев захватить власть во Франции, спекулируя на славе Наполеона и республиканско-демократических идеях. Во Францию Луи Бонапарт вернулся в 1848 г., промотав к этому времени все свое состояние и сделав огромные долги. Его кандидатура была выдвинута на пост президента республики; его предвыборная программа включала требования, выдвинутые самыми различными партиями. Став президентом республики, Луи Бонапарт совершил 2 декабря 1851 г. государственный переворот, установив систему личного правления; а 1 декабря 1852 г. в результате плебисцита был провозглашен императором под именем Наполеона III. Осуществляя диктатуру в интересах крупной буржуазии, Наполеон III проводил политику лавирования между боровшимися классами путем мелких подачек и демагогических обещаний. Ср. примеч. к стр. 86. См. характеристику Наполеона III и установленного им во Франции режима в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 82—83, 86—87), а также сравнение с ним Нечаева в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 263; т. XII, стр. 358).

Стр. 92. *Я сейчас приравнял графа Шамбора к Дон-Кихоту ∾ цирюльник Самсон Караско.* — В шестнадцатой главе четвертой части «Путевых картин» (1831) Г. Гейне писал: «„Жизнь и подвиги остроумного рыцаря Дон-Кихота Ламанчского, описанные Мигелем Сервантесом де Сааведра“, были первой книгой, прочитанной мной в ту пору, когда я вступил уже в разумный детский возраст и до известной степени постиг грамоту. <. . .> Я был ребенок, и мне неведома была ирония, которую бог вдохнул в мир, а великий поэт отразил в своем печатном мирке, и я проливал горькие слезы, когда благородному рыцарю за все его благородство платили только неблагодарностью и побоями <. . .>.

Сердце мое готово было разорваться, когда я читал о том, как благородный рыцарь, оглушенный и весь смятый, лежал на земле и, не поднимая забрала, словно из могилы, говорил победителю слабым, умирающим голосом: „Дульсинея — прекраснейшая женщина в мире, и я — несчастнейший рыцарь на земле, но не годится, чтобы слабость моя отвергла эту истину, — вонзайте копье, рыцарь!“

Ах! Этот светозарный рыцарь Серебряного Месяца, победивший храбрейшего и благороднейшего в мире человека, был переодетый цирюльник!»

(Г. Гейне. Собрание сочинений, т. 4. [Л.], 1957, стр. 357—359). Отрывок из «Путевых картин», посвященный роману Сервантеса, Гейне включил позднее полностью в предисловие к «Дон-Кихоту», написанное им для штутгартского издания 1837 г. (там же, т. 7, стр. 136—137). Это предисловие переводилось на русский язык: Г. Гейне. Предисловие к великолепному изданию «Дон-Кихота». Пер. В. Лицкого. — *БдЧт*, 1860, т. 162, ноябрь, отд. II, стр. 1—18.

Достоевский повторил ошибку Гейне, в чьей памяти контаминировались два разных эпизода из романа Сервантеса: побеждает Дон-Кихота в конце романа и приказывает ему на год удалиться в свое имение бакалавр Самсон Карраско, переодетый Рыцарем Белой Луны (ч. 2, гл. 64); но ранее цирюльник маэсе Николас со священником помещает связанного во сне Дон-Кихота в клетку, произнося при этом страшным голосом «пророчество» (ч. 1, гл. 46).

Свое мнение относительно романа Сервантеса Достоевский наиболее полно изложит в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 1; наст. изд., т. XXVI), но оно сложилось у него много раньше и нашло отражение в философской концепции образа князя Мышкина (см. наст. изд., т. IX, стр. 400—402, 468). Как возвышенный персонаж Дон-Кихот несколько раз упоминается в подготовительных материалах к «Бесам» (наст. изд., т. XI, стр. 54—55, 95, 306).

К отрывку: «*Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения.* ∾ *Я не утверждаю, что человек был бы прав, сказав это, но. . .*» — А. Г. Достоевская сделала примечание: «Эти мысли по поводу Дон-Кихота Федор Михайлович высказывал много раз» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64).

Стр. 93. *. . .ad majorem gloriam Dei. . .* — девиз ордена иезуитов; ср.: наст. изд., т. XIV, стр. 226; т. XV, стр. 558.

Стр. 93. *Ему тоже, как и графу Шамбору, делали предложения* ∾ *воевал до самого последнего вершка земли.* — В начале 1874 г. карлисты осадили Бильбао, главный город провинции Бискайя, являвшийся стратегическим пунктом. Взять город им не удалось; осада, длившаяся несколько месяцев, завершилась пятидневным сражением (28 апреля—2 мая), в котором республиканская армия под командованием генерала дона Мануэля де ла Конча (1808—1874) заставила карлистов отступить. В последующие два месяца Конча, преследуя карлистов, панес им ряд поражений, но сам погиб в сражении 27 июня. Его смерть деморализовала ряды республиканцев, и вследствие этого карлистам удалось в дальнейшем добиться значительных успехов. В манифесте, обнародованном в июле 1874 г., дон Карлос, приближаясь к Мадриду, объявил о своей твердой решимости подавить «восстание» пушками. Постепенно республиканцы выправили положение, а 30 декабря совершился военный переворот и королем был провозглашен Альфонс XII.

Стр. 93. *Теперь он, уезжая из Франции в Англию, объявил* ∾ *не могли бы собрать ему столько миллионов.* — Письмо дона Карлоса было напечатано в «Gazette de France»; русский перевод — в статье «Переезд Дон-Карлоса в Англию» (*МВед*, 1876, 6 марта, № 58). Слова, взятые Достоевским в кавычки, цитатой не являются. В русской печати сообщалось, что за период войны французские легитимисты (сторонники династии Бурбонов) пожертвовали в казну дона Карлоса от 40 до 50 млн франков (*Г*, 1876, 2 марта, № 62). Карлисты пользовались поддержкой ультраправых католических кругов.

Стр. 94. *. . .в числе которых был и депутат от департамента Па-де-Кале. . .* — Адан Эркюль-Шарль-Атиль (Adam, 1829—1887), депутат Национального собрания. Булонь входила в состав департамента Па-де Кале — административного района на севере Франции.

Стр. 94. *. . .сам это описал в газете. . .* — Письмо Э. У. Уоткина было напечатано в газете «Times» (1876, March 7).

Стр. 94. *Odd Fellows.* — Благотворительное общество.

Стр. 95. *Кстати, вспомнился мне теперь один премилый анекдот, который я прочел недавно, где и у кого не запомню, о маршале Себастьяни и об одном англичанине. . .* — Этот анекдот приводился в статье «Отношения рус-

ского общества к славянам» (*НВр*, 1876, 12 марта, № 13). Из черновых записей видно, что Достоевский первоначально предполагал его использовать в полемической статье о Потугине, которую не оставлял мысли написать (ср. примеч. к стр. 25). Себастиани Франсуа Орас Бастьен (1772—1851) — наполеоновский генерал, участник похода в Россию 1812 г., дипломат, министр иностранных дел Франции (1830—1832), с 1840 г. маршал.

Стр. 95. *Вот что говорит Сидней Доббель в недавней статье своей «Мысли об искусстве, философии и религии»*. . . — Добелл Сидни Томпсон (Dobell, 1824—1874) — английский поэт. Выписку из его посмертно изданной книги «Thoughts on Art, Philosophy and Religion» (London, 1876) прислал Достоевскому 7 марта 1876 г. К. П Победоносцев (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 245).

Стр. 96. *«Бога нет, разумеется ∾ без нее его не сдержать»*. — Имеется в виду Вольтер и его концепция бога как идеи, связывающей и дисциплинирующей человеческую совесть. В «Братьях Карамазовых» дважды приведено знаменитое изречение Вольтера из послания «К автору книги о трех обманщиках» (1769): «Если бы бог не существовал, его нужно было бы изобрести» (наст. изд., т. XIV, стр. 213—214, 499; XV, стр. 551).

Стр. 96. . . .*«ничего в волнах не видно»*. . . — Цитата из сатирического перечня статей «Для следующих номеров „Свистка". . .» Салтыкова-Щедрина («Свисток», 1863, № 9). В перечне так называется «рассуждение» по поводу шовинистической статьи «Московских ведомостей» (*Салтыков-Щедрин*, т. V, стр. 304, 626).

Стр. 96. *Вот что, например, передавал мне один наблюдатель*. . . — В черновых записях указано, что этим «наблюдателем» был К. П. Победоносцев (см. наст. изд., т. XXIV).

Стр. 97—98. *«Я представляю себе ∾ любовь и грусть*. . .» — Цитата из «исповеди» Версилова (наст. изд., т. XIII, стр. 378—379). В цитате опущено упоминание о картине Клода Лоррена «Асис и Галатея».

Стр. 98. *Говорят, в эту минуту у нас в Петербурге лорд Редсток ∾ слышать в одной «зале»*. . . — Редсток Гренвил Валдигрев (1831—1913) — английский проповедник-евангелист. Согласно его учению, человек, в силу тяготеющего над ним первородного греха, может заслужить прощение и спастись исключительно верою в Христа-искупителя; раскаявшись и уверовав в Христа, он силою веры начинает творить добрые дела.

Редсток появился в Петербурге первый раз в 1874 г. По приглашению Ю. Д. Засецкой (ум. 1882), дочери поэта и партизана Д. В. Давыдова, писательницы и переводчицы, Достоевский слушал у нее проповеди Редстока и спорил с нею по религиозным вопросам (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64; *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 255, 357). Вторично Редсток приехал в Россию в 1876 г. В двадцатых числах марта газеты сообщили о его кратковременной остановке в Петербурге на пути в Москву (*Гр*, 1876, 21 марта, № 12, стр. 312; *НВр*, 1876, 23 марта, № 24). Его проповеди в Москве успеха не имели (*Г*, 1876, 4 мая, № 123; *НВр*, 1876, 17 апреля, № 47), и он вернулся в Петербург, где пользовался большой популярностью у аристократии. Баронесса Ю. П. Вревская писала И. С. Тургеневу 3 апреля 1876 г.: «Лорд Редсток, несмотря на гонение, обретает сердца нескладными и некрасноречивыми проповедями» (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. I, стр. 555). Редстоку была посвящена пространная передовая статья в «Голосе» (1876, 27 апреля, № 117), в которой его успех среди столичной аристократии рассматривался как эпидемическая психическая болезнь, подобная массовым психозам в средние века.

Последователи Редстока в России составляли секту «пашковцев», называвшуюся так по фамилии одного из ее руководителей, отставного гвардии полковника В. А. Пашкова (позднее «пашковцы» стали именовать себя «евангельскими христианами»). В 1876 г. эта секта основала «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», которое издавало брошюры религиозного содержания, главным образом переводные. Подобные брошюры, но в подлиннике, читает в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» редстокистка графиня Лидия Ивановна (ч. VII, гл. 22).

Популярность Редстока интересовала Достоевского как одна из форм «обособления», «шатания» в обществе. Записи в черновой тетради в апреле и следующие месяцы 1876 г. (наст. изд., т. XXIV) показывают, что писатель следил за отзывами прессы о Редстоке. К теме «редстокизма» он вернется в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 1 «Миражи. Штунда и Редстокисты»).

С т р. 98—99. *Секты ∾ не перечтешь.* — Перечисляемые Достоевским секты были объединены в его представлении общностью обряда моления, предполагавшего достижение экстаза, выражающегося скачками, прыжками, кружением, танцем, судорогами и другими подобными движениями, выполняемыми в убыстряющемся темпе до изнеможения. Секта скакунов появилась в России в 1820-е гг. среди крестьян Петербургской губернии; скачки входили в обряд моления некоторых английских сект. Существовала в России и секта трясунов, но Достоевский, возможно, имеет в виду основанную в XVIII в. в Англии и затем распространившуюся в США секту «шейкеров» (англ. shakers от shake — трястись), об американской ветви которой появился в 1875—1876 гг. ряд сообщений в русской печати (например: «Сын отечества», 1875, 26 августа, № 195; *СПбВед*, 1875, 20 ноября, № 312; *Гр*, 1876, 8 марта, № 10, стр. 276). Конвульсионеры — секта французских янсенистов, существовавшая в XVIII в. Протестантская секта квакеров, возникшая в Англии в период буржуазной революции XVII в., получила, согласно одной из версий, свое название потому, что ее члены во время молений доводили себя до судорог и припадков (англ. quaker от quake — трястись, дрожать). Миллениум — тысячелетнее «царство божие на земле», которое должно установиться со «вторым пришествием Христа» и предшествовать концу мира. Этого учения придерживались в разные эпохи различные секты; Достоевский говорит, по-видимому, о секте адвентистов, основанной в США в 1830-е гг. О хлыстах см.: наст. изд., т. IX, стр. 515—517; т. XV, стр. 540.

С т р. 99. *По преданию, у Татариновой, в Михайловском замке ∾ крепостные слуги Татариновой. . .* — Екатерина Филипповна Татаринова (урожд. Буксгевден, 1783—1856) основала в конце 1810-х гг. «духовный союз», родственный хлыстам и скопцам, а в 1825 г. сектантскую колонию под Петербургом. В 1837 г. Николай I колонию закрыл, а саму Татаринову сослал в монастырь. До 1822 г. радения «духовного союза» происходили на квартире Татариновой в Михайловском (с 1819 г. — Инженерном) замке (А. И. С а в е л ь е в. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — В кн.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 102). Аналогичные рассказы слышал также Ф. Ф. Вигель (1786—1856), отразивший их в своих «Записках» (см.: Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, т. 2. М., 1928, стр. 171). Устные «предания», ставшие известными Достоевскому в годы его юношества, дополнились, очевидно, впоследствии сведениями из литературы о хлыстах, которая могла попасть в поле зрения писателя (см. наст. изд., т. IX, стр. 515—516). В частности, в очерке П. И. Мельникова (Печерского) «Белые голуби» (*РВ*, 1869, №№ 3, 5) среди «многих лиц петербургского образованного общества» и высшего света, принимавших участие в радениях «божьих людей» у Татариновой, назывался князь А. Н. Голицын (1773—1844), обер-прокурор Синода, министр духовных дел и народного просвещения в 1816—1824 гг. В том же очерке, а также в очерке П. И. Мельникова «Тайные секты» (*РВ*, 1868, № 5) приводились примеры, говоря словами Достоевского, «единения верующих», т. е. радения помещиков вместе со своими крепостными (ср. наст. изд., т. IX, стр. 516, примеч. 1). Ср.: И. П. Л и п р а н д и. О секте Татариновой. М., 1869 (отд. оттиск из «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1868, кн. 4).

С т р. 99. *И Тамплиеры тоже вертелись и пророчествовали ∾ перед первой революцией). . .* — Тамплиеры (франц. templiers от temple — храм) — средневековый католический рыцарско-духовный орден, основанный в начале XII в. и ставший крупнейшим феодальным владетелем. Осенью 1307 г. он был разгромлен французским королем Филиппом IV Красивым, который, проводя политику укрепления королевской власти, преследовал цель уничто-

жить ее могущественного соперника и захватить его огромные богатства. Все тамплиеры во Франции были арестованы, подвергнуты жестоким пыткам, «уличены» в ереси, в том числе в исполнении обрядов мистических восточных культов, и в 1310 г. сожжены. В 1312 г. Вселенский собор упразднил орден, а 11 марта 1314 г. в Париже был сожжен его магистр Жак де Моле. Тамплиеров считали своими предшественниками масоны, к числу которых принадлежал ряд видных писателей, философов и политических деятелей эпохи Просвещения и которых реакционная историография объявила тайною движущею силою Французской революции 1789—1794 гг.

Стр. 99. . . .*у лорда «Христос в кармане»*. . . — Острота, обыгрывающая то обстоятельство, что Редсток всегда носил в кармане Евангелие.

Стр. 99. *О том же, что бросаются в подушки* ∾ *не поддакивал его проповеди*. — Извещая о пребывании лорда Редстока в Петербурге (проездом в Москву), газеты писали: «Опять начались собрания у разных дам большого света; опять иные стали кидаться в подушки диванов и, задыхаясь там, искать в них наития Христова духа; опять другие стали бить себя в грудь и восклицать: осанна! опять пошли в ход евангелия и апокалипсисы, опять стали литься слезы умиления» (*Гр*, 1876, 21 марта, № 12, стр. 312; перепечатано: *НВр*, 1876, 23 марта, № 24).

Стр. 100. *И каково же было мое разочарование, когда я прочел наконец в «Голосе» отчет известной комиссии*. . . — Отчет о работе комиссии (см. выше, стр. 334) за подписью ее членов был прислан в газету Д. И. Менделеевым и напечатан под заглавием «От комиссии для исследования медиумических явлений» (*Г*, 1876, 25 марта, № 85).

Еще в феврале распространился слух, что комиссия прекратила заседания, но готова их продолжать, имея наготове все необходимые приборы (*БВ*, 1876, 7 февраля, № 37; 21 февраля, № 50). В середине марта в газетах появились сообщения о том, что приглашенная из Англии А. Н. Аксаковым медиум г-жа Клайр потерпела на сеансах, которые проводились под наблюдением комиссии, неудачу и внезапно уехала на родину. Одновременно сообщалось, что «комиссия ученых высказалась большинством голосов за прекращение дальнейших исследований спиритических явлений» («Молва», 1876, 7 марта, № 10; *НВр*, 1876, 8 марта, № 9; *Г*, 1876, 10 марта, № 70). В другой заметке о работе комиссии говорилось: «Спиритизм не выдержал трезвого взгляда науки, — от так называемых „медиумических явлений“ не осталось ничего, кроме простого фокусничества» (*Г*, 1876, 11 марта, № 71; ср.: Гамма ‹Г. К. Градовский›. Листок. — *Г*, 1876, 14 марта, № 74). Опровергая эти сообщения, А. Н. Аксаков утверждал, что Клайр уехала не вследствие неудач, а по другим причинам, которые он, однако, не объяснил (*НВр*, 1876, 12 марта, № 13; *Г*, 1876, 13 марта, № 73); спириты опубликовали протест против действий комиссии, обвиняя ее в распространении ложных сведений (*Г*, 1876, 15 марта, № 75). Много писало о спиритизме суворинское «Новое время» (*НВр*, 1876, 1 марта, № 2; 7 марта, № 8; 8 марта, № 9, и др.). Сообщение «Голоса» (1876, 11 марта, № 71) о предстоявших лекциях Д. И. Менделеева о работе комиссии вызвало у «Нового времени» сомнение в том, что они смогут ослабить «праздный интерес общества к медиумическим явлениям». «К сожалению, — говорилось в редакционной заметке, — дело заключается вовсе не в ученых доказательствах, как бы они ни были вески. Оно лежит гораздо глубже и охватывает современного человека, который ни на чем еще не установился окончательно, который еще шатается во всех направлениях и потому падок на всякие увлечения, особенно если последние находят поддержку в ученых» (*НВр*, 1876, 12 марта, № 13). Достоевский счел это объяснение недостаточным. В тетради он записал: «Тут искание нравственного успокоения при потере религии — и вот *где настоящая глубина*. А успокоиться и не шататься не так-то скоро можно. В чем лучшее и что лучшее, вот вопрос» (см. наст. изд., т. XXIV).

В полемике приняли участие и другие газеты. В своем еженедельном фельетоне «Наброски и недомолвки» П. Ф. Василевский положительно отозвался о действиях комиссии (*БВ*, 1876, 14 марта, № 72). Прочитав этот фель-

етон, Достоевский записал в тетради: «Большой разлад в спиритизме. Сомнения нет, что скоро прочтем в газетах взаимные обвинения» (см. наст. изд., т. XXIV).

Большое число антиспиритических статей и заметок появилось в «С.-Петербургских ведомостях». Во второй половине марта газета напечатала пространную статью о спиритизме своего постоянного сотрудника П. Д. Боборыкина (*СПбВед*, 1876, 16 марта, № 75; 23 марта, № 82; 30 марта, № 89). Ее заглавие: «Ни взад — ни вперед» — выражало оценку деятельности комиссии, которая, как считал Боборыкин, вела себя неправильно, приступив к работе с предвзятым убеждением, что медиумы — это шарлатаны, и потому занявшись «полицейскою, а не научною ловлею медиумов». В результате, заключал Боборыкин, масса остается при своих «грубых ощущениях» и не разубежденная.

Опубликованный в этой обстановке борьбы мнений отчет комиссии отличался подчеркнутой протокольной краткостью и объективностью. Изложив историю своей деятельности, комиссия отмечала, что «медиумические явления» не наблюдались ни разу, если движения медиумов контролировались приборами. Указывалось, что спириты добивались создания неконтролируемых условий и что только в такой обстановке медиумы достигали успеха. Общий вывод гласил: «Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие».

Отчет, как и указывал Достоевский, не успокоил спорящих. Почти немедленно А. Н. Аксаков, А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер выступили с заявлениями, повторявшими обвинение в предубежденном отношении комиссии к спиритизму, и опубликовали протокол якобы успешного сеанса, проведенного с применением приборов в отсутствие членов комиссии (*Г*, 1876, 29 марта, № 89; 12 апреля, № 101). Появились сообщения о намерении создать новую комиссию из членов одного из медицинских обществ (*БВ*, 1876, 31 марта, № 89; *НВр*, 1876, 11 апреля, № 41). «Новое время» не напечатало отчета комиссии. В последней части статьи «Ни взад — ни вперед» Боборыкин писал, что выводы комиссии не представляются убедительными, так как изловить медиумов ей не удалось, а многих явлений она вообще не наблюдала; в отчете, указывал он, нет результатов фактических исследований, а заключение сводится к общим рассуждениям. «Отечественные записки», считавшие спиритизм шарлатанством и приветствовавшие комиссию, когда она начинала работу (*ОЗ*, 1876, № 1, отд. II, Современное обозрение, стр. 117—126), остались также не удовлетворенными ее исследованиями и выводами, указав, что «в общем, они абсолютно верны, но все это — не более, как общие места, в которых нет никакого определенного, прочно обоснованного содержания» (*ОЗ*, 1876, № 4, отд. II, Современное обозрение, стр. 260).

С т р. 101. *Рядом с рассказами о нескольких несчастных молодых людях, «идущих в народ»*. . . — В сентябре 1875 г. Достоевский обратил внимание на «двуличную», по его определению, статью публициста «Голоса» Е. Л. Маркова «Упразднители современного общества», посвященную «хождению в народ» молодежи (см. наст. изд., т. XXI, стр. 265). Эта тема затрагивалась также в одном из писем, полученных Достоевским в апреле 1876 г.; это письмо значится отдельным пунктом в первоначальном плане майского выпуска «Дневника писателя» (см. наст. изд., т. XXIV).

С т р. 101. . . .*в котором они ухитрились разглядеть лишь право на бесчестье.* — См. наст. изд., т. XII, стр. 304. Ср. т. XIII, стр. 454; т. XVI, стр. 15, 16, 276.

С т р. 101. *И чего тогда не говорилось ∾ честная идея попала на улицу.*— В близких выражениях эту мысль Достоевский неоднократно высказывал в разных произведениях. См. наст. изд., т. XII, стр. 285.

С т р. 102. *О Юрие Самарине.* — Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — славянофил, публицист, общественный деятель, принимавший активное участие в разработке и проведении крестьянской реформы. После его смерти, последовавшей 19 марта 1876 г., в прессе было опубликовано большое число статей и заметок, посвященных его памяти. Достоевский пересказывает

заметку, напечатанную в «Новом времени» (1876, 23 марта, № 24) в отделе «Листок».

Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878), князь — участник Кавказской (1842—1844) и Крымской (1853—1856) войн, генерал-адъютант, управляющий военным министерством (1858—1860), автор работ по сельскому хозяйству, в том числе статьи «Чернозем и его будущность» (*ОЗ*, 1876, № 2).

Стр. 103. *В мартовском № «Русского вестника» сего года помещена на меня «критика», г-на А., т. е. г-на Авсеенко.* — А ‹В. Г. Авсеенко›. Опять о народности и о культурных типах. *Рассказы* Андрея Печерского (П. И. Мельникова). Москва, 1876. — *РВ*, 1876, т. 122, № 3, стр. 362—387. Авсеенко Василий Григорьевич (1842—1913) — писатель-беллетрист и критик. В указанной статье, как и в упоминаемом далее романе «Млечный путь», В. Г. Авсеенко принял участие в полемике о роли дворянства в общественной жизни пореформенной России. Полемика приобрела особую остроту после царского рескрипта от 25 декабря 1873 г., содержавшего призыв дворянству «стать на страже народной школы», возглавив дело народного образования; в этом часть дворянства усмотрела шаг к восстановлению своих сословных привилегий и «начало обновлению полного учреждения о дворянстве» (см. подробно: наст. изд., т. XVII, стр. 262—264, 401—402; А. С. Долинин. В творческой лаборатории Достоевского. Л., 1947, стр. 115—119). Выражая взгляды консервативно-дворянской партии, Авсеенко признавал дворянство ведущей общественной силой, носителем национальной культуры и руководителем невежественного, по его убеждению, народа, не приученного к самостоятельной общественной жизни. «До сих пор дворянство наиболее образованное у нас сословие, в нем сосредоточена вся приобретенная нашею страной европейская культура», — писал он в статье «Опять о народности и о культурных типах» (стр. 364). В выступлениях печати против сословных притязаний дворянства он усматривал «вышучивание культуры», и его отталкивала «старая песня о том, что спасение придет к нам из народа» (там же). В этом «крике» он видел «сознание полной умственной и нравственной беспомощности, к которому инстинктивно пришла известная часть интеллигенции». «Разочаровавшись в старых идеалах, — писал он, — и не умея создать взамен их что-либо, но чувствуя потребность хоть до чего-нибудь договориться и указать на какой-нибудь выход из своего бестолкового кружения, журналистика ткнула пальцем в *народ*» (стр. 365). С этих позиций Авсеенко резко критиковал рассуждения Достоевского о народе в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 103. *. . .народ должен просветиться от нас, культурных людей, и усвоить нашу мысль и наш образ.* — В указанной статье Авсеенко говорилось: «Пора, кажется, убедиться, что перед новыми потребностями, созданными реформами последнего времени, народ наш находится в состоянии беспомощности. Образованное сословие обязано прийти на выручку этой беспомощности, и, вместо того чтобы ждать от народа „мысли и образа“, должно само дать ему и мысль, и образ» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 386). Это был ответ на слова Достоевского из февральского выпуска «Дневника писателя» о том, что «. . . мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа» (см. выше, стр. 45).

Стр. 103. *«На его плечах ∾ живую струю нашей литературы. . .»* — Слова в скобках — разъяснительная вставка Достоевского.

После слов «живую струю нашей литературы» в статье следует: «хотя, повторяем, эта литература в своих лучших представителях вовсе не стремилась „идти за народом“, а только всасывала в себя его здоровые соки, вместе с более острыми соками европейской цивилизации» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 370). Цитата взята из той части статьи, в которой Авсеенко полемизировал с утверждением Достоевского в февральском выпуске «Дневника писателя», что «за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции. заметьте себе это, преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» (см. выше, стр. 44). Авсеенко придерживался

точки зрения, согласно которой «ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь не преклонялись перед народом, а только любили народ и понимали то, что в нем есть прекрасного» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 366). Основной задачей русской литературы, считал Авсеенко, было «усвоение идеалов западноевропейских, идеалов общих, идей цивилизации, права, законности, гуманности», и «только в интересе этих идей литература и занималась народом». Она ставила себе целью приобщить русский народ к «европейским формам гражданственности», а для этого «должна была уяснить обществу все прекрасное заключающееся в народе и свидетельствующее о том, что он достоин свободы» (там же, стр. 366—367).

Стр. 104. . . .«*имеете дар одно худое видеть*». . . — Цитата из басни И. А. Крылова «Свинья» (опубл. 1811):

Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

Ср.: «Книжность и грамотность», статья вторая (наст. изд., т. XIX, стр. 27).

Стр. 104. . . .*по учению генерала Фадеева*. . . — Отставной генерал Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883), публицист дворянского консервативного лагеря, напечатал в 1874 г. в газете «Русский мир» ряд статей, изданных затем отдельной книгой «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (СПб., 1874), которая имелась в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 152; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 42). По мнению Фадеева, дворянство составляло единственную общественную ценность, созданную со времени и в результате реформ Петра I «дорогою ценою — приостановкою общественного развития на полтора века» (ук. соч., стр. 61). Он считал, что только в дворянстве заключается «вся умственная сила России, вся наша способность к созданию сознательной общественной деятельности» и что «современное положение России объясняется всё, без остатка, внутренним содержанием, степенью зрелости нашего культурного слоя» (там же). Отрицая в связи с этим «всякую мысль о всесословности в современной России как вопиющую, сочиненную и опасную ложь против русской действительности» (там же, стр. 91), Фадеев предлагал сосредоточить в руках дворянства органы власти в стране — земское самоуправление, административные посты, суд и офицерский корпус армии (там же, стр. 131).

Достоевский полемизировал с Р. А. Фадеевым в «Подростке» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 264, 333); полемические записи содержатся также в тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 265—266, 271) и в черновых материалах к «Дневнику писателя» (наст. изд., т. XXIV). Отзвуки этой полемики позже прослеживаются в главах «Дневника», посвященных проблеме «лучших людей» (1876, октябрь, гл. II, §§ 3—4).

Стр. 105. *Г-н Авсеенко давно пишет критики*. . . — Критические статьи В. Г. Авсеенко о «Бесах» и «Подростке» вызвали сильное неудовольствие Достоевского (см. наст. изд., т. XII, стр. 261—262, 271; т. XVII, стр. 346—347, 350, 355). На этой почве, в частности, сложилось убеждение Достоевского в том, что, как критик, Авсеенко не понимает русской литературы; и этим же в известной степени объясняется резкий тон полемики в настоящем выпуске «Дневника писателя».

Стр. 105. . . .*до октябрьского № «Русского вестника» 1874 года ∾ бедна внутренним содержанием (!)*». — А. ‹В. Г. Авсеенко›. Комедия общественных нравов. *Комедии, драмы и трагедии*. А. Писемского. В двух частях. Москва, 1874. — *РВ*, 1874, № 10, стр. 883—922. Цитата: стр. 888. Курсив в цитате — Достоевского.

Выступая в этой статье противником демократизации литературы и театра, В. Г. Авсеенко сетовал на то, что в русской драме, начиная с комедий Гоголя, «были оставлены в стороне» интересы «интеллигенции», «культурного слоя», «так называемого *общества*». Понимая под «интеллигенцией» и «культурным слоем» образованное дворянство и тяготевшие к нему круги, он утверждал, что русская «драматическая литература устремилась исключи-

тельно в сферу чуждую ходу нашего образования, нашей цивилизации» (там же, стр. 891) и что на сцене не нашла отражения «внутренняя жизнь образованного общества, испытанные им разочарования и волновавшие его интересы» (там же, стр. 892). Если русский роман 40—50-х гг., по его словам, «не оставался, вопреки гоголевскому влиянию, совершенно чуждым жизни и интересам интеллигентного общества» (там же, стр. 892), то в театре, где «показывали только ломающихся самодуров, пьяных приказных и необузданно завирающихся свах и странниц», оно «должно было чувствовать себя до известной степени чужим» (там же, стр. 893).

В свете этих узкосословных представлений о миссии литературы Авсеенко трактовал понятия «внутреннее содержание литературы» и «художественность». Произведения, богатые внутренним содержанием, может создать, по его мнению, лишь «ум художественный, направленный к наблюдению над людьми, над действительностью, над жизнью в широком смысле, ум, способный подняться до идеала и творить в той области, которую можно назвать философией жизни» (там же, стр. 889—890). К таким произведениям он относил романы английского писателя Э. Булвера-Литтона (1803—1873), в которых, по его словам, «ума, анализа, философии жизни несравненно более, чем непосредственного художественного творчества, создающего объективные типы и образы» (там же, стр. 890). Русская литература после Гоголя, утверждал Авсеенко, не сумела подняться до подобного интеллектуального уровня, так как она якобы развивалась в соответствии с точкой зрения, согласно которой «сила и глубина мысли, тонкость анализа не только излишни в беллетристике, но даже могут вредить произведению» (там же, стр. 889). В ней возобладала «художественность» — «живое и образное изображение типов, преимущественно комических или оригинальных» (там же, стр. 888—889), взятых «не в той среде, к которой принадлежала образованная театральная публика, а в закоулках и задворках жизни» (там же, стр. 893).

Слово «беллетристика» в статье Авсеенко подразумевает не только повествовательную художественную литературу в прозе (романы, повести и др.), но также и драматические произведения, прозаические и стихотворные. Ср. франц. belles lettres — изящная словесность.

Свое понимание «художественности» Достоевский подробно обосновал в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве», см. наст. изд., т. XVIII, стр. 70—103.

Стр. 105. *Это та самая литература* ∾ *дала нам, наконец, Островского. . .* — Первое собрание сочинений Н. В. Гоголя в четырех томах вышло фактически в начале 1843 г. (несмотря на указанный в выходных данных 1842 г.); следующее, подготовку которого начал автор, было издано после его смерти Н. П. Трушковским (тт. 1—6, М., 1855—1856); «Женитьба» была напечатана впервые в четвертом томе собрания сочинений 1842 г. «Мертвые души» вышли раньше: 21 мая 1842 г.

«Записки охотника» И. С. Тургенева печатались отдельными рассказами в «Современнике» с января 1847 по март 1851 г., первое отдельное издание вышло в 1852 г.

«Сон Обломова» И. А. Гончарова был напечатан в «Литературном сборнике с иллюстрациями», вышедшем 26 марта 1849 г. в качестве приложения к журналу «Современник». С. Д. Яновский в «Воспоминаниях о Достоевском», говоря о его литературных интересах в 40-е гг., писал: «. . . Лермонтова и Тургенева он тоже ставил очень высоко; из произведений последнего в особенности хвалил „Записки охотника“. Чрезвычайно положительно отзывался о всех произведениях, хотя по числу в то время незначительных, И. А. Гончарова, которого отдельно напечатанный „Сон Обломова“ (весь роман в то время напечатан еще не был) цитировал с увлечением» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 163). Работая над «Преступлением и наказанием», Достоевский намечал главу «Христос» по образцу «Сна Обломова» (см. наст. изд., т. VII, стр. 166, 411). Об этом неосуществленном замысле он вспомнил 16 (28) февраля 1870 г., делая набросок «Великолепная мысль» (наст. изд., т. XII, стр. 5, 357). «Сон Обломова» упоминается также в «Плане для рассказа (в «Зарю»)» (наст. изд., т. IX, стр. 117). Утверждение Достоевского, что Гон-

чаров закончил роман еще в 40-е гг., неточно. Полностью «Обломов» был напечатан в «Отечественных записках», 1859, №№ 1—4.

А. Н. Островский в 40-е гг. написал лишь две свои первые комедии: «Картина семейного счастья» («Московский городской листок», 1847, 14—15 марта, №№ 60—61; впоследствии: «Семейная картина» — *С*, 1856, № 4) и «Свои люди — сочтемся» (соч. 1849 г., напеч.: «Москвитянин», 1850, № 6; первоначальный набросок под заглавием «Несостоятельный должник» в «Московском городском листке», 1847, № 7, 9 января).

Стр. 106. *Апраксинское купечество* — купцы, торговавшие в бывшем Апраксином дворе на Садовой улице в Петербурге.

Стр. 106. *Бурмистр* — назначенный помещиком управляющий из крепостных крестьян.

Стр. 106. *Причетник* — младший член церковного причта (духовенства какой-либо церкви), например дьячок, псаломщик.

Стр. 106. *Питерщик* — крестьянин, уходивший на заработки в Петербург (Питер) и работавший там в течение некоторого времени.

Стр. 106. . . .*воцарился жанр*. . . — Имеется в виду бытовая драматургия.

Стр. 106. . . .*это водевильчик-то: один залез под стол, а другой вытащил его за ногу?* — Неточная цитата из «Театрального разъезда» Н. В. Гоголя, где говорится: «. . . поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пиесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его за ногу» (*Гоголь*, т. V, стр. 154). Отрицательную оценку французской драмы середины XIX в. Достоевский дал в восьмой главе «Зимних заметок о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 95—98, 374). Точка зрения Авсеенко была прямо противоположной; он писал: «Надо отдать справедливость французскому театру, что при всех своих недостатках он всегда жил одною жизнью и одними интересами с образованным обществом и отражал на себе каждое общественное движение, каждую новую идею, возникавшую в мире интеллигенции. Пример этот тем более поучителен для наших драматургов, что во Франции театр есть более народное учреждение, чем где-либо, и посещается решительно всеми классами населения, а между тем у французов совсем нет пиес того простонародного характера, который у нас считается за что-то почти обязательное» (*РВ*, 1874, № 10, стр. 893—894).

Стр. 106. . . .*образованное общество, видите ли, ездило тогда в Михайловский театр*. . . — Михайловский театр (открыт 2 ноября 1833 г.; ныне Ленинградский государственный академический Малый театр оперы и балета), был излюбленным театром высшего света и проживавших в Петербурге иностранцев. На его сцене давали спектакли иностранные труппы. Репертуар французской драматической труппы составляли новинки парижской сцены. Ср. наст. изд., т. IX, стр. 428.

Стр. 106. *Любим Торцов*. — Персонаж комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» (1853).

Стр. 106. . . .*«он душою чист»*. . . — Перефразированные слова Любима Торцова: «Я не чисто одет, так у меня на совести чисто» (д. III, явл. 12).

Стр. 106. . . .*Гоголь в своей «Переписке» слаб* ∾ *А г-н Авсеенко кричит, что в «Мертвых душах» нет внутреннего содержания!* — Достоевский полемизирует со следующими словами Авсеенко: «Талант исключительно художественный и притом юмористический, он <Гоголь> искал только живых типов и комических положений, оставляя умственные потребности зрителя весьма часто неудовлетворенными. Известно, что никто так мало не обращал внимания на идею произведения, как Гоголь: идея обыкновенно заключалась для него в характере действующего лица, в его комизме. Когда в „Мертвых душах“ он захотел выразить во что бы то ни стало глубокую общественную идею, из попытки этой ничего не вышло. Отдельные мысли, рассеянные им в первой части „Мертвых душ“, часто здравы и метки, но полет их не возвышается над средним уровнем. Гоголь без своего громадного художественного таланта не мог бы написать ничего замечательного, тогда как Грибоедов или Лермонтов были бы очень хорошими писателями, если б и не были поэтами» (*РВ*, 1874, № 10, стр. 888).

4

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница чернового автографа второй главы мартовского выпуска.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

С т р. 106. *Но вот вам «Горе от ума» ∾ из чистого вздора.* — Авсеенко противопоставлял комедию А. С. Грибоедова «гоголевскому» направлению в русской драматургии. Он писал: «„Горе от ума“ до сих пор, несмотря на протекшие полвека, сохраняет совершенно уединенное положение в нашей литературе. Это и поныне единственная пиеса, в которой изображено наше интеллигентное общество, наше, если угодно, *лучшее* общество, и в которой сам автор обнаружил гораздо более ума, чем его было во всей тогдашней русской интеллигенции ‹. . .› „Горе от ума“ осталось единственною в нашем репертуаре пиесой, в которой мысль автора стоит на высшем уровне образованности своей эпохи и в которой выведен героем представитель интеллигенции и ее передовых идей (передовых, конечно, не в том смысле, какой придают этому слову нынешние александринские драматурги) ‹. . .› Грибоедов дал нам превосходный образчик комедии, которая, будучи чисто русскою и даже специально московскою комедией, в то же время представляла образчик сценического произведения в европейском смысле и значении. В этой комедии в первый и, к сожалению, в последний раз наше образованное общество, наша интеллигенция вынесла на сцену свои стремления и чаяния, свои заботы и недуги» (*РВ*, 1874, № 10, стр. 888—890, 892). Ср. замечание о Чацком в июльско-августовском выпуске за 1876 г., гл. IV, § 3 «Детские секреты» (наст. изд., т. XXIII).

С т р. 107. *. . .он вдруг начал печатать в начале зимы свой роман «Млечный путь». (И зачем этот роман перестал печататься!)* — «Млечный путь» печатался в журнале «Русский вестник» в октябре—декабре 1875 г., а затем после трехмесячного перерыва — в апреле—июле 1876 г.

Роман вызвал большое число отрицательных отзывов: L. ‹Г. А. Л а р о ш›. Литература и жизнь. — *Г*, 1875, 20 ноября, № 321; Н. М. ‹Н. К. М и х а й л о в с к и й›. Записки профана. XVIII. Разные разности. — *ОЗ*, 1875, № 12, отд. II, Современное обозрение, стр. 278—282; В. М. ‹В. В. М а р к о в›. Литературная летопись. — *СПбВед*, 1876, 24 января, № 24; Б. Заметки о плодах ума и таланта. II. Плод таланта г. Авсеенки. — *Д*, 1876, № 2, отд. «Современное обозрение», стр. 125—138; Ф а у с т Щ и г р о в с к о г о у е з д а ‹С. А. В е н г е р о в›. Литературные очерки. Невыполненные претензии. — *НВр*, 1876, 2 сентября, № 184.

И. Ф. Василевский (псевдоним — Буква) в статье «Наброски и недомолвки» (*БВ*, 1876, 16 мая, № 134) перепечатал отрывок из «Дневника писателя», содержащий отзыв о романе Авсеенко, и сопроводил его словами: «Все это очень зло и совершенно справедливо». Отзыв Достоевского об Авсеенко перепечатало также «Новое время» (1876, 8 мая, № 68) в отделе «Среди газет и журналов».

С т р. 107. *Там, например, молодой герой ∾ Вы плачете?»* — «Млечный путь», кн. I, гл. 11. Пересказывая эту сцену, Достоевский значительно ее утрирует. См.: *РВ*, 1875, № 10, стр. 799—800.

С т р. 107. *. . .он пал ниц и обожает перчатки, кареты, духи, помаду, шелковые платья (особенно тот момент, когда дама садится в кресло, а платье зашумит около ее ног и стана) и, наконец, лакеев, встречающих барыню, когда она возвращается из итальянской оперы.* — Достоевский имеет в виду сцены, в которых действует красавица-княгиня Бахтиарова. Например: «Раиса Михайловна подошла к барьеру ложи и, мягко волнуя тяжелые складки платья, опустилась на свое обычное место. Облитая перчаткой рука ее поправила скользившие по плечу локоны и подняла бинокль . . .» («Млечный путь», кн. I, гл. 11; *РВ*, 1875, № 10, стр. 799). Ср.: кн. I, гл. 9 (там же, стр. 786); кн. II, гл. 1 (там же, № 11, стр. 204—205).

С т р. 107. *Я слышал ∾ слишком объективно отнесся к высшему свету в своей «Анне Карениной». . .* — Возможно, это мнение Достоевский услышал от Н. Н. Страхова (Э. Г. Б а б а е в. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1978, стр. 156), который высказал сходную мысль в письме к Л. Н. Толстому от 5 февраля 1876 г.: «Вам подражают, не понимая Вас; взгляд слишком высок, мысль почти недоступна для большинства — и Вам подражают только с внешней стороны — и очень меня сердят. У Авсеенка есть уже описание прелюбодеяния — посмотрите, как он Вас *поправил*!»

(Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1914, стр. 76). С отзывом Достоевского о «Млечном пути» созвучна также оценка этого романа в письме Страхова к Толстому от 16—23 ноября 1875 г.: «. . . „Млечный путь“ — явное подражание Вашей „Анне Карениной“. Из него Вы можете видеть, как понимает Вас Авсеенко. ‹. . .› Он сочиняет — не описывает, а *сочиняет* большой свет с такою сластью, с таким животным смаком рассказывает любовные похождения, что очевидно понял Вас совершенно навыворот. И вот что он разумел под *культурою и культурными интересами*!» (там же, стр. 68). К тому времени, когда начал печататься «Млечный путь», были опубликованы первые две и начало третьей части «Анны Карениной». В рецензиях на «Млечный путь» отмечалась его зависимость от романа Толстого; об этом писали, например, Вс. С. Соловьев (*РМ*, 1875, 15 ноября, № 223) и В. В. Марков (*СПбВед*, 1876, 24 января, № 24).

С т р. 107—108. *. . .«коленкоровых манишек беспощадные ювеналы». . .* — Цитата из третьей строфы стихотворения Н. Ф. Щербины «Физиология „Нового поэта“. Фельетон в стихах» (1853):

С той поры чернил излишек
Он для правды расточал,
Коленкоровых манишек
Беспощадный Ювенал.

Новый поэт — псевдоним И. И. Панаева (1812—1862), который в ряде своих произведений подверг критике и сатирически изобразил аристократическое общество.

С т р. 108. *Карета высшего света едет, например, в театр ∾ этому надобно сострадать!* — «Лошади быстро несли по подмороженному снегу; свет от уличных фонарей врывался в карету скользящими пятнами, на мгновение озаряя лицо княгини, до половины закрытое соболями. Ее глаза, задумчиво обращенные на Юхотского, как бы вспыхивали при этом перемежающемся освещении, неопределенно и радостно волнуя его» («Млечный путь», кн. I, гл. 11; *РВ*, 1875, № 10, стр. 798).

С т р. 108. *. . .с его устрицами и сторублевыми арбузами на балах. . .* — См. примеч. к стр. 9 и 11.

С т р. 108. *. . .что он не напомажен и не причесан у парикмахера из Большой Морской.* — Большая Морская ул. (ныне ул. Герцена) находилась в аристократическом районе Петербурга.

С т р. 108. *Кстати, припоминаю теперь один случай, бывший со мною два с половиною года назад. Я ехал в вагоне в Москву. . .* — Примечание А. Г. Достоевской: «Этот разговор с неизвестным спутником Федор Михайлович передал мне по приезде в Москву. Федор Михайлович иногда не прочь был побеседовать в дороге с незнакомыми ему лицами, не называя, конечно, своего имени» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64). С разговора в вагоне начинается знакомство князя Мышкина и Рогожина («Идиот», ч. I, гл. 1; наст. изд., т. VIII, стр. 5—13); дорожные разговоры и сцены описываются в очерке «Маленькие картинки. (В дороге)» (наст. изд., т. XXI, стр. 159—176); беседы с попутчиками Достоевский пересказывает в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 (наст. изд., т. XXIII) и июльско-августовском выпуске 1877 г., гл. I, § 2 (наст. изд., т. XXVI).

С т р. 109. *. . .до недавних еще господ, провозгласивших, что у нас и сохранять совсем нечего.* — См. примеч. к стр. 75.

С т р. 110. *Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское прибрежье. . .* — Ливонская война (1558—1583), которую Россия вела против Ливонии, Польско-Литовского государства, Швеции и Дании и которая, после первоначальных успехов, закончилась безрезультатно.

С т р. 110. *Наши Потугины бесчестят народ наш насмешками, что русские изобрели один самовар. . .* — В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (гл. 1), рассказывая о новом мосте в Кельне, Достоевский писал: «Черт возьми, — думал я, — мы тоже изобрели самовар. . .» (наст. изд.,

т. V, стр. 49, 362). Возможно, именно эти слова имел в виду И. С. Тургенев, вкладывая в уста Потугина («Дым», гл. 14) полемическое замечание о том, что «даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 233). Ср. в «Дворянском гнезде» (гл. 33) слова Паншина: «Сам Х‹омяков› признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали» (там же, т. VII, стр. 231, 512). В «Бесах» аналогичную «западническую» мысль высказывает Степан Трофимович Верховенский: «Русская деревня, за всю тысячу лет, дала нам лишь одного камаринского» (наст. изд., т. X, стр. 31; т. XII, стр. 287).

Стр. 111. *«Европа, дескать, деятельнее и остроумнее пассивных русских ∾ в этом нам далеко уступят.* — Ср. письмо к А. Н. Майкову из Женевы от 12 января 1868 (31 декабря 1867): «У нас даже Ник. Ник. Страхов, человек ума высокого, — и тот не хочет понять правды: „Немцы, говорит, порох выдумали". Да их жизнь так устроилась! А мы в это время великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, *сумели* перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее, наконец, немцев перенесли, и все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противоречащим себе самому лютеранством». Аналогичные мысли Достоевский записал в подготовительных материалах к «Бесам», полемизируя с А. П. Щаповым (наст. изд., т. XI, стр. 193; т. XII, стр. 354—355).

Стр. 111. *. . .всю тысячу лет. . .* — См. примеч. к стр. 72.

Стр. 111. *Может быть, немцы ∾ тогда у них еще не было Германской империи. . .* — Объединение разрозненных немецких государств вокруг Пруссии было осуществлено Бисмарком в 1864—1871 гг. Образование Германской империи было провозглашено 18 января 1871 г., императором стал прусский король Вильгельм I.

В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 3 января, № 2) говорилось: «Обозревая события минувшего года в Германии, немецкие газеты справедливо указывают, что дело германского единства подвинулось в этом году во многих отношениях». Достоевский, возможно, читал эту статью, так как ее продолжение, напечатанное в следующем номере, он особенно отметил в тетради за полноту изложения фактов (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 112. *Мне было всего еще девять лет ∾ обошлись и без того.* — Достоевский относит это событие к 1831 г., а его брат — к 1833 г. (*Достоевский, А. М.*, стр. 59—60). В действительности имение было куплено летом 1831 г., а пожар случился весною 1832 г. (В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939, стр. 39—40). Этим происшествием навеян в «Идиоте» эпизод из детства Настасьи Филипповны (наст. изд., т. VIII, стр. 35; т. IX, стр. 431).

Стр. 112. *И вот вдруг подходит к ней наша няня, Алена Фроловна. . .* — Примечание А. Г. Достоевской: «О своей няне Алене Фроловне часто любил вспоминать Федор Михайлович с благодарным чувством и рассказывал о ней своим детям» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64). В «Бесах» Аленой Фроловной зовут няню Лизы Тушиной (наст. изд., т. X, стр. 87; т. XII, стр. 292).

Стр. 113. *Не помните ли вы, как в «Семейной хронике» Аксакова ∾ сделали всё из-за слез матери и для Христа бога нашего.* — Этот эпизод содержится в «Воспоминаниях» С. Т. Аксакова, в главе «Гимназия. Период первый» (С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в четырех томах, т. 2. М., 1955, стр. 36—37). «Воспоминания» печатались в одной книге с «Семейной хроникой» («Семейная хроника и Воспоминания». М., 1856; Изд. 4-е. М., 1870), отсюда — неточное указание Достоевского, отмеченное впервые в статье: R. Belknap. The origins of Alëša Karamazov. — «American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists», vol. 2. Ed. by W. E. Harkins. [The Hague], 1968, p. 10 (Preprint).

Стр. 113. *. . .он поклоняется доске. . .* — Мнение об иконе как о доске Достоевский считал «барским» убеждением, характерным как для славянофилов, так и для западников. О нем он будет писать в майско-июньском

выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. IV, § 1 «Любители турок»). Ср. наст. изд., т. XI, стр. 64; т. XII, стр. 331—332.

С т р. 113. . . *.лепечет какой-то вздор про святую пятницу и про Фрола и Лавра.* — Как день, в который, по евангельской легенде, Христос принимал муки на кресте, пятница с древних времен была связана в религиозном сознании народа с различными табу, за нарушение которых, по поверию, следовало в загробной жизни наказание, как за грехи. Отсюда развилось суеверное представление о пятнице как о дне, в который нельзя ничего предпринимать. С пятницей же был связан культ святой Параскевы, которую суеверие наделяло многими чудесными функциями. В народе было популярно апокрифическое сказание «О двенадцати пятницах». См., например: Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Вып. 6. М., 1864, стр. 120—174. *Флор и Лавр* (II век) — братья-каменщики, святые православной церкви.

С т р. 113. *Мы о вере народа и о православии его имеем всего десятка два либеральных и блудных анекдотов и услаждаемся глумительными рассказами о том, как поп исповедует старуху или как мужик молится пятнице.* — Ср. в «Бесах» рассказ Хроникера о «русской веселенькой либеральной болтовне» в кружке, группировавшемся вокруг Степана Трофимовича Верховенского: «. . . надобно же было с кем-нибудь выпить шампанского и обменяться за вином известного сорта веселенькими мыслями о России и „русском духе", о боге вообще и о „русском боге" в особенности; повторить в сотый раз всем известные и всеми натверженные русские скандалезные анекдотцы» (наст. изд., т. X, стр. 30; т. XII, стр. 286).

С т р. 114. *Швейцар* — швейцарец.

С т р. 115. *Что до меня, я уже давно заявил, что мы начали нашу европейскую культуру с разврата.* — См. стр. 45 и примеч. к ней.

С т р. 116. . . *.И просвещение несущий всем швейцар.* — Достоевский, по-видимому, ошибся, указав автором цитируемого стихотворения Д. И. Хвостова.

С т р. 116—117. *У Тургенева в «Дворянском гнезде» великолепно выведен мельком один портрет тогдашнего окультурившегося в Европе дворянчика. . .* — Иван Петрович Лаврецкий, о котором рассказывается в главах VIII—XI романа.

С т р. 117. . . *.они рыдали, читая «Антона Горемыку». . .* — Повесть Д. В. Григоровича (*С*, 1847, № 11), поразившая современников изображением тяжелой участи крепостного крестьянина. В подобном же ироническом контексте Достоевский неоднократно упоминал «Антона Горемыку» и ранее, характеризуя отношение к мужику «окультурившихся помещиков». В «Бесах» Липутин, соглашаясь со Степаном Трофимовичем Верховенским в том, что русская литература надевала «лавровые венки на вшивые головы» крестьян, высказывает мнение, что «покривить душой и похвалить мужичков все-таки было тогда необходимо для направления; что даже дамы высшего общества заливались слезами, читая „Антона Горемыку", а некоторые из них так даже из Парижа написали в Россию своим управляющим, чтоб от сей поры обращаться с крестьянами как можно гуманнее» (наст. изд., т. X, стр. 32; т. XII, стр. 288). В «Подростке» о Версилове саркастически говорится, что он «приехал с „Антоном Горемыкой", разрушать, на основании помещичьего права, святость брака <. . .> своего дворового . . .» (наст. изд., т. XIII, стр. 10—11).

С т р. 117. *Рассмотрели, впрочем, потом ∾ относящегося до народных начал.* — Достоевский неоднократно иронизировал над нелепыми и невежественными, с его точки зрения, суждениями о русских крестьянах, свидетельствовавшими, как он считал, о полном отрыве от народа как помещиков-крепостников, так и либералов-западников. В «Селе Степанчикове» упоминается, что после смерти Фомы Фомича Опискина в его бумагах было найдено «бессмысленное рассуждение о значении и свойстве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться» (наст. изд., т. III, стр. 130, 514). В «Бесах» носителем невежественных суждений о народе оказывается Степан Трофимович Верховенский, высказавший после реформы 1861 г. «несколько замеча-

тельных мыслей о характере русского человека вообще и русского мужичка в особенности» (наст. изд., т. X, стр. 31—32; т. XII, стр. 287—288). В статье «Книжность и грамотность» (II) Достоевский призывал отказаться от представления о «неискушенной душе» народа, советуя «посмотреть на нее поближе <. . .> и не судить о ней по карамзинским повестям и по фарфоровым пейзанчикам» (наст. изд. т. XIX, стр. 40). О «личном чувстве гадливости к мужику» «русских скорбящих скитальцев», которых «заедала» «отвлеченная скорбь о рабстве в человечестве», Достоевский будет писать, отвечая А. Д. Градовскому, в «Дневнике писателя» за 1880 г. (гл. III, § 2 «Алеко и Держиморда. Страдания Алеко по крепостному мужику. Анекдоты»). С дворянским отношением к мужику неоднократно полемизировало «Время» (см.: *Нечаева*, *Время*, стр. 71—92).

Стр. 118. *Почему в Европе ∾ огнем и мечом и реками крови?* — Мысль о насилии как о движущей силе западноевропейской цивилизации и ее имманентном признаке, отличающем ее, в частности, от России, Достоевский воспринял у славянофилов, у которых подобное представление о западноевропейской истории составилось под влиянием французской романтической историографии (Ф. Гизо, О. Тьерри). См. подробно: А. Л. Основат. Достоевский и раннее славянофильство. — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 175—181.

Стр. 118. *Вот в Остзейском крае точь-в-точь ведь так освобожден был народ. . .* — Остзейский (позднее Прибалтийский) край, включавший три губернии: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, — находился на территории, входящей ныне в Эстонскую и Латвийскую ССР. Освобождение крестьян в Остзейском крае было осуществлено в 1816—1819 гг. Крестьянам была предоставлена личная свобода; земля оставалась во владении помещиков, у которых крестьяне брали ее в аренду или работали по найму.

Стр. 118. *Гизо* (Guizot) Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский историк и политический деятель, министр иностранных дел и фактический глава правительства (1840—1847), проводивший консервативную политику «неподвижности»; его политическая деятельность закончилась 23 февраля 1848 г., когда нараставшие революционные события заставили его уйти в отставку.

Стр. 118. *. . .сознали в себе русских людей ∾ обратившийся к народным началам.* — Имеются в виду заключительные строки стихотворения А. С. Пушкина «Деревня» (1819):

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Ср. подготовительные материалы (стр. 143).

Выражение «помещик Пушкин» представляет реминисценцию заметки, перепечатанной в «Гражданине» (1873, 17 сентября, № 38, стр. 1035) из земской либеральной газеты «Еженедельник» (1873, 9 сентября, № 36, стр. 78). Псковский корреспондент «Еженедельника» рассказывал о том, как послушник Святогорского монастыря в ответ на просьбу провести «на могилу поэта А. С. Пушкина» «наотрез отказал <. . .> в этом, так как он не знает могилы какого-то поэта Пушкина. „У нас, правда, есть могила Пушкина, — прибавил он, — но не поэта, а какого-то помещика. Если хотите, так я сведу“». «Этот грустный рассказ» о «могиле помещика Пушкина» упоминается в обозрении «Привычки» (*Гр*, 1873, 24 сентября, № 39, стр. 1042), которое В. В. Виноградов приписал Достоевскому. См.: В. В. Виноградов. Из анонимного фельетонного наследия Достоевского. — В кн.: Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972, стр. 192—194.

Фраза «проклявший <. . .> свое европейское воспитание» имеет в виду следующие слова из письма к Л. С. Пушкину (Михайловское, первая половина ноября 1824 г.): «Знаешь ли <мои> занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; пос<ле> об<еда> езжу верьхом, вечером слушаю сказки —

и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания» (*Пушкин*, т. XIII, стр. 121).

Об обращении Пушкина к «народным началам» ср. выше, стр. 343.

С т р. 119. *Утверждать, например, как г-н Авсеенко* ∾ *вовсе не знать народа*. (Ср. ниже: *Если же я и сказал, что «народ загадка»*. . .). — В февральском выпуске «Дневника писателя» Достоевский писал: «. . . народ для нас всех — все еще теория и продолжает стоять загадкой» (стр. 44). Авсеенко по-своему истолковал эти слова. Он считал, что с отменою крепостного права закончился период в истории народа, характеризовавшийся «стоячими, стихийными идеалами», «пассивным бытовым существованием», и начался новый, который будет отличаться приобщением народа к просвещению и активной общественной деятельности. Далее в статье говорилось: «Вот ввиду этой-то неизбежности подъема с места и вступления в новый фазис существования народ наш и представляется не чем иным, как загадкой. Что станется с ним? как пойдет он? что сохранит он из своей прежней стихийной природы и что приобретет нового ввиду новых условий существования? в каком, одним словом, виде явится он нашим глазам, пройдя через самоуправление и школу? Все это вопросы, на которые в настоящее время никто не может дать положительного ответа. И вдруг нам говорят, что мы должны идти за этим странником, который сам еще не выбрал дороги, что мы должны ждать мысли и образа от этой загадки, от этого сфинкса, не нашедшего еще для себя самого ни мысли, ни образа! Разве это не ирония?» (*РВ*, 1876, т. 122, № 3, стр. 371).

С т р. 120. *«Что, будет война или нет?»* ∾ *брякнул о бессилии России вздор*. — С конца марта оценки международного положения становятся в русской прессе все более мрачными. «Если не в политическом мире, то в европейской печати господствует ныне величайшая тревога и ожесточение», — констатировал «Голос» (1876, 10 апреля, № 99), отмечая, что начинаются разговоры о расколе союза России, Австрии и Германии. В газетах появилось сообщение о том, что Г. Родич (см. стр. 358), уговаривая вождей герцеговинского восстания сложить оружие, будто бы заявил 6 апреля (25 марта), что Россия слишком слаба и не может оказать им помощи, а потому им следует полагаться лишь на Австрию. Это заявление, опровергнутое полуофициально газетой «Journal de St.-Pétersbourg» (1876, № 87, avril 1) и отсутствующее в напечатанном позднее тексте его речи и стенографической записи беседы, вызвало в газетах бурю возмущения (см., например: *НВр*, 1876, 27 марта, № 28; 28 марта, № 29; 29 марта, № 30; 30 марта, № 31; 1 апреля, № 33; 2 апреля, № 34; 3 апреля, № 35; 6 апреля, № 36; 8 апреля, № 38, и др.). В газетах появилось большое число статей о бескорыстии России в Восточном вопросе и коварной политике Австрии, играющей на руку Турции. Предводители восстания согласились сложить оружие при условии, если им будут даны гарантии осуществления реформ, сформулированные ими в нескольких пунктах; но Турция эти условия отвергла. Русская пресса писала о бессилии дипломатии решить Восточный вопрос, о неспособности Турции провести обещанные реформы и обуздать мусульманский фанатизм.

Газеты внимательно следили за волнениями в Боснии и особенно за приготовлениями Сербии к войне. В начале апреля распространился слух о том, что Турция готовится занять Черногорию; тревожные настроения достигли такого накала, что правительство опубликовало официальное заявление о том, что «соглашение великих держав поддерживается твердо в видах умиротворения Востока» («Правительственный вестник», 1876, 13 апреля, № 80). После нескольких дней относительного спокойствия стали говорить о намерении Австрии занять Боснию и Герцеговину; продолжали поступать известия о военных приготовлениях Сербии, куда, получив обманным путем заграничный паспорт, прибыл в двадцатых числах апреля с согласия сербского правительства русский генерал-лейтенант в отставке, участник завоевательных походов в Средней Азии, редактор-издатель консервативной газеты «Русский мир» Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898), принявший впоследствии командование одной из сербских армий. Приходят сообщения о восстании в Болгарии, об убийстве в Салониках 6 мая (24 апреля) фанатичной толпой мусульман французского и германского консулов.

Дипломатический мир в это время готовится к «совещанию трех канцлеров» — А. М. Горчакова, Андраши и Бисмарка, которое планируется провести в Берлине во время остановки там Александра II на пути в Эмс. Печать оживленно обсуждает возможные итоги совещания, выражая надежду, что оно приведет к успокоению положения. Совещание состоялось 29 апреля—1 мая (11—13 мая).

В записной тетради 1875—1876 гг. Достоевский в конце марта отметил: «Читал (кратко). <. . .> Война» (наст. изд., т. XXIV). В тетради 1876—1877 гг. он сделал несколько черновых заметок в связи с речью Г. Родича, которые развил в настоящей главе «Дневника писателя». Других выписок о политических событиях в апреле нет; это, очевидно, может служить подтверждением слов писателя о том, что он «даже и вопроса не ставил» о неизбежности войны.

Стр. 121. *. . .если б мы победили, например, в Крымскую кампанию. . .* — Крымская война 1853—1856 гг., закончившаяся поражением России, против которой в союзе выступали Турция, Англия, Франция и Сардиния.

Стр. 121. *63-й год, например, не обошелся бы нам тогда одним обменом едких дипломатических нот. . .* — Вокруг польского освободительного восстания 1863—1864 гг. правительства Франции и Англии вели сложную дипломатическую игру, преследуя свои интересы и стремясь ослабить международные позиции России. В течение 1863 г. Англия и Франция трижды — в апреле, июне и августе — обращались к царскому правительству с резкими угрожающими нотами, в которых требовали перенести польский вопрос на европейский конгресс и ставили условия относительно реформ в Польше. В Петербурге понимали, что ни Англия, ни тем более Франция, связанная в то время войной в Мексике, не намеревались воевать с Россией ради Польши; все ноты были отклонены.

Стр. 121. *Нас точно так же спасла уже раз судьба, в начале столетия, когда мы свергли с Европы иго Наполеона I, — спасла именно тем, что дала нам тогда в союзники Пруссию и Австрию.* — Пруссия заключила союз с Россией 28 февраля 1813 г. и через месяц вступила в войну с Францией; позже к антинаполеоновской коалиции примкнула Австрия, объявив Франции войну 12 августа 1813 г.

Стр. 122. *Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить» ∾ успокоиться не могут.* — Завоевание Кавказа, длившееся несколько десятилетий, завершилось 21 мая 1864 г. Далее Достоевский имеет в виду русско-турецкую войну 1828—1829 гг., которая велась при Николае I.

Подавление царизмом («разделка» — от глагола «разделаться») польского освободительного восстания 1830—1831 гг., вспыхнувшего под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции и пользовавшегося симпатиями и поддержкой радикальных кругов Европы, вызвало в течение декабря 1830—января 1831 г. в Париже общественные манифестации в поддержку Польши. Эти манифестации повторились 16—18 сентября 1831 г. после того, как министр иностранных дел Франции Себастиани (см. примеч. к стр. 95) заявил по поводу взятия Варшавы 8 сентября русскими войсками: «Порядок царствует в Варшаве». Официальной поддержки со стороны Франции, Англии и Австрии польские повстанцы практически не получили.

В феврале 1876 г. было завершено присоединение к России Кокандского ханства в Средней Азии. Манифестом 19 февраля 1876 г. было объявлено об этом и об образовании Ферганской области. Русская пресса внимательно следила за реакцией Англии на эти события. В газетах отмечалась тревога англичан в связи с выходом России к границам английских колоний в Азии, но особое внимание, естественно, обращалось на те статьи английской и вообще европейской прессы, в которых говорилось о том, что русские завоевания в Средней Азии не угрожают интересам Англии. Эту точку зрения настойчиво проводили все русские газеты. См., например: *Г*, 1876, 9 марта, № 69; 10 марта, № 70; 11 марта, № 71; *НВр*, 1876, 9 марта, № 10.

5 мая (23 апреля) в Палате общин английского парламента проходили прения по запросу одного из депутатов относительно положения в Средней Азии. Русские газеты обратили внимание на заявление премьер-министра,

который, как передавали, например, «Московские ведомости», сказал: «Завоевания России в Средней Азии так же выгодны для тамошнего населения, как и завоевания Англии в Индии для населения этой последней. Россия имеет столько же права на завоевания в Средней Азии, как и Англия на завоевания в Индии» (*МВед*, 1876, 25 апреля, № 101).

С т р. 124. . . .*если только оно не будет так эффектно, как, например, открытие планеты Нептун.* — Нептун был открыт в 1846 г. О его существовании высказывались предположения сразу после открытия Урана (1781). Элементы орбиты неизвестной планеты были рассчитаны математически по возмущениям движения Урана английским астрономом Джоном Каучем Адамсом (1819—1892) и французским астрономом Урбеном Жаном Жозефом Леверье (Leverrier, 1811—1877), которые работали независимо друг от друга. Немецкий астроном Иоганн Готфрид Галле (1812—1910) открыл планету в точке, находившейся всего в 52 секундах от места, определенного расчетами Леверье.

Достоевский несомненно читал статьи, в которых говорилось об этом открытии, например: ‹А. С. К о м а р о в?›. Несколько слов о г-не Леверье. — *С*, 1847, № 1; ‹он же?›. Первая лекция небесной механики Леверрье в Парижском университете. — *С*, 1847, № 2; А. Н. С а в и ч. Опыт общепонятного исторического рассказа о том, как открыта новая планета Нептун. — *С*, 1847, № 3. О Леверье писал и В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (*Белинский*, т. X, стр. 35). Об открытии Нептуна кратко рассказывалось в книге, имевшейся в библиотеке Достоевского: К. Ф л а м м а р и о н. Небесные светила. М., 1875, стр. 207 (*Библиотека*, стр. 161; *Гроссман, Семинарий*, стр. 48).

С т р. 124. *Гораций Корнеля.* — Сюжет трагедии «Гораций» (1639) французского драматурга Пьера Корнеля — поединок братьев Горациев с братьями Куриациями, который должен решить вопрос о том, какой город будет главенствовать в союзе Рима и Альбы-Лонги. Ср. наст. изд., т. XIII, стр. 174; т. XV, стр. 343, 618; т. XVII, стр. 379.

С т р. 124. *Аполлон Бельведерский, поражающий чудовище. . .* — Достоевский следует широко распространенному в XIX в. толкованию, предложенному знаменитым немецким историком античного искусства И. И. Винкельманом (1717—1768), согласно которому статуя изображает Аполлона в тот момент, когда он нагнал и поразил из лука стрелою дракона Пифона.

С т р. 124. *Мадонны.* — Достоевский, по свидетельству его жены, «признавал за высочайшее проявление человеческого гения» Сикстинскую мадонну Рафаэля (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 148—150; ср. там же, стр. 355—356). Эта картина часто упоминается в разном контексте в его произведениях, черновых материалах, письмах: в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 63); «Преступлении и наказании» (наст. изд., т. VI, стр. 224, 369) и подготовительных материалах к нему (наст. изд., т. VII, с. 158, 202); «Бесах» (наст. изд., т. X, стр. 235, 264—265); «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 82) и подготовительных материалах к нему (наст. изд., т. XVI, стр. 15). В письмах Достоевского, а также в воспоминаниях и дневнике Анны Григорьевны упоминаются и другие картины, изображающие мадонн: «Мадонна в кресле» Рафаэля, от которой он «приходил в восторг», мадонны Гольбейна и Мурильо (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 150, 184; письмо к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868).

С т р. 124. *Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не прейдет до кончины мира. . .* — Достоевский имеет в виду, очевидно, следующие слова из евангелия: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 34).

С т р. 124. *Я сам первый возрадуюсь, когда раскуют мечи на орала.* — Парадоксалист цитирует библейское предсказание о времени, когда люди «перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Книга пророка Исаии, гл. 2, ст. 4).

С т р. 125. . . .*как делала нам Европа в 63-м году. . .* — См. примеч. к стр. 121.

Стр. 126. *Пальятивное* (франц. palliatif) — временно облегчающее, но не излечивающее болезнь.

Стр. 126. *. . .я был еще в феврале на этом спиритском сеансе. . .* — 13 февраля 1876 г. (эта дата дважды указана в записной тетради — наст. изд., т. XXIV) Достоевский присутствовал на спиритическом сеансе у А. Н. Аксакова, где демонстрировала свои «медиумические способности» Клайр. Кроме Достоевского и супругов Аксаковых на сеансе присутствовали А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер, Н. С. Лесков, П. Д. Боборыкин. Н. С. Лесков описал сеанс в статье «Письмо в редакцию. Медиумический сеанс 13-го февраля» (*Гр*, 1876, 29 февраля, № 9, стр. 254—256), а П. Д. Боборыкин в статье «Ни взад—ни вперед» (*СПбВед*, 1876, 16 марта, № 75; 23 марта, № 82; 30 марта, № 89). В письме к Достоевскому от 12 февраля 1876 г. Н. П. Вагнер передал ему приглашение Аксакова «на сеанс в субботу (14 февр‹аля›) в 8 часов» (*ГБЛ*, ф. 93.II.2.2); очевидно, назначенный сначала на это число сеанс был затем перенесен.

Стр. 127. *. . .один человек, суждением которого я глубоко дорожу. . .* — К. П. Победоносцев (*Гроссман*, *Семинарий*, стр. 65; см. также апрельские черновые записи: наст. изд., т. XXIV).

Стр. 127. *Г-н Менделеев, читающий в самую сию минуту, как я пишу это, свою лекцию в Соляном городке. . .* — Лекция Д. И. Менделеева о спиритизме состоялась 24 апреля 1876 г. в Большой аудитории Русского технического общества в Соляном городке. На лекции присутствовали как противники спиритизма, так и его приверженцы. Когда Менделеев рассказывал о неудачных сеансах Клайр, А. Н. Аксаков сделал попытку вступить с ним в прения, но «слушатели остановили г. Аксакова громкими шиканьями». Заключительные слова Менделеева: «Одного спириты не могут сказать — что их боится наука» — «были покрыты громкими аплодисментами». Спириты в это время свистели и шикали, Аксаков вышел на трибуну, намереваясь ответить Менделееву, но распорядитель не дал ему слова (*Г*, 1876, 27 апреля, № 116).

Соляной городок — здание в Петербурге на набережной р. Фонтанки, построенное в 1870 г. для Всероссийской промышленной выставки на территории, ранее занятой амбарами для соли и вина и называвшейся Соляным городком.

Стр. 128. *. . .«мелькнувшими в темноте кринолинными пружинками» никого у нас не разуверишь. . .* — По-видимому, подразумевается следующее заявление Д. И. Менделеева в изложении Н. П. Вагнера: «Когда я сидел подле г-жи Клайер, я обводил своею ногой под столом, желая предупредить возможность подброса стола ногой из-под низу стола, например, ударом под столешницу. При этом раз моя нога встретила *нечто упругое и длинное*, подобное, сколько могу судить по моментальному впечатлению, кринолинной пружине, идущей от полу, со стороны медиума. Желая убедиться, духовный или железный характер носит на себе это впечатление (?!), я тотчас затем посмотрел на пол, и хотя там было темновато, я успел видеть *нечто белое*, как бы конец пружины, скользнувшей под юбку г-жи К‹лайр›» (Н. Вагнер. Ответ на приговор спиритической комиссии университетского физического общества, помещенный в № 85-м «Голоса». — *Г*, 1876, 12 апреля, № 101; отрывок, содержащий заявление Менделеева, был перепечатан: *НВр*, 1876, 14 апреля, № 44).

Стр. 128. *. . .а у медиума, сверх того, какая-то машинка, щелкающая между ног (об этой хитрой догадке комиссии сообщил потом печатно Н. П. Вагнер).* — Н. П. Вагнер заявил об этом в указанной выше статье.

Стр. 129. *Вот сейчас я прочитал в «Новом времени» отчет о первой лекции г-на Менделеева в Соляном городке. . .* — Н. Летанин. Первая лекция г. Менделеева о спиритизме. — *НВр*, 1876, 26 апреля, № 56. В преамбуле отчета в ироническом тоне говорится о попытках спиритов помешать работе комиссии и перечисляются случаи разоблаченного шарлатанства медиумов на Западе. Затем, пересказав слова Менделеева о спиритических явлениях со столами (это место цитируется Достоевским), автор перечисляет все шесть гипотез, о которых говорил Менделеев, после чего кратко излагает его рассказ об опытах с Клайр. После лекции автор выслушал возражения А. Н. Акса-

кова, но пришел к выводу, что нет оснований не доверять Менделееву. В заключение выражается пожелание, чтобы документы комиссии были опубликованы с целью окончательно выбить почву из-под ног у спиритов.

Позднее Д. И. Менделеев опубликовал протоколы комиссии и свои лекции в кн.: Д. И. М е н д е л е е в. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876. А. Н. Аксаков ответил много лет спустя книгами: «Разоблачения. История медиумической комиссии Физического общества при С.-Петербургском университете с приложением всех протоколов и прочих документов» (СПб., 1883) и «Памятник научного предубеждения. Заключение медиумической комиссии Физического общества при С.-Петербургском университете. С прим. А. Аксакова» (СПб., 1883).

С т р. 130. . . .*крючочки в рубашечных рукавчиках устроены* (*это*, *впрочем*, *предположение г-на Рачинского*) . . . — В статье «По поводу спиритических сообщений г-на Вагнера» (*РВ*, 1875, № 5, стр. 380—399) С. А. Рачинский писал: «. . . я утверждаю, и г-н Вагнер, конечно, согласится со мною, что мыслимо немало механических объяснений этого явления ‹висящих в воздухе столов›, разумеется при некоторой подготовке, возможность которой никогда вполне не устранена в присутствии профессионального медиума. Предлагаю, для примера, на усмотрение гг. профессиональных медиумов следующее простое и дешевое приспособление, требующее лишь присутствия в обществе столовращателей одного помощника. Это два железные браслета, надеваемые на руки под рукава рубашки. На каждом браслете висит небольшой, но крепкий железный крючок. Поместив своего помощника против себя, нет ничего легче, как в данный момент пропустить в прорезь рукава крючки, захватить ими снизу верхнюю доску стола, продолжая держать кисти рук на его поверхности, и поднять весь стол на любую вышину» (стр. 397). Этот номер «Русского вестника» Достоевский, очевидно, читал в июне 1875 г. в Эмсе (см. письмо к А. Г. Достоевской от 10 (22) июня 1875 г.). С предположением С. А. Рачинского полемизировал А. М. Бутлеров в статье «Медиумические явления» (*РВ*, 1875, № 11, стр. 337), которую также читал Достоевский (ср. стр. 335).

Рачинский Сергей Александрович (1833—1902) — ученый-ботаник, деятель народного образования. В «Гражданине» (1873, № 29) Достоевский опубликовал рецензию Н. Н. Страхова на третье издание переведенной С. А. Рачинским книги Ч. Дарвина «О происхождении видов».

С т р. 131. *Сейчас прочел отчет и о второй лекции г-на Менделеева* ∾ *тут „отчет“*». — Вторая лекция Д. И. Менделеева состоялась также в Соляном городке 25 апреля 1876 г. Касаясь отношения писателей к спиритизму, он, в передаче корреспондента «Нового времени», сказал: «. . . по произнесении комиссией своего приговора, все наши литераторы прямо и открыто высказались против спиритов и их учения. В этом можно убедиться, сравнивая отзывы г-на Суворина о спиритизме, сперва в № 72-м „С.-Петерб. вед.“, затем в „Новом времени“ от 1 марта и, наконец, в той же газете от 13 апреля, где уже прямо высказано, что исследовать нужно не спиритические явления, а спиритов. То же замечает у г-на Достоевского по сравнении январского „Дневника писателя“ с мартовским, где спиритизм без обиняков называется в р е д н ы м обособлением. То же движение наблюдается у г-на Боборыкина (ср. его фельетон от 21 декабря 1875 г. и заключительные слова его статьи „Ни взад — ни вперед“)» (*НВр*, 1876, 27 апреля, № 57).

Под первым отзывом А. С. Суворина Менделеев имел в виду его фельетон в «С.-Петербургских ведомостях» (1872, 26 февраля, № 57); этот фельетон Достоевский, наверное, читал, если не в газете, то во всяком случае в имевшейся у него книге «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина)» (кн. 2. СПб., 1875, стр. 245—255 второй пагинации) (*Библиотека*, стр. 132; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 26). 1 марта 1876 г. в суворинском «Новом времени» (№ 2) была напечатана статья «Спиритические подвиги», в которой описывались якобы успешные опыты Клайр во время сеанса 21 февраля 1876 г. на квартире А. Н. Аксакова. В примечании редакция оговорила, что оставляет за собою «полную свободу мнения о спиритизме», объяснив его распространение «отсутствием в обществе более живых и серьезных интересов». По поводу протеста Н. П. Вагнера (см. стр. 369)

«Новое время» писало: «Прочитав письмо г-на Вагнера, мы все-таки остаемся при убеждении, что исследовать нужно не медиумические явления, а тех, кому эти явления представляются, и в особенности тех, кому они кажутся мировыми вопросами» (*НВр*, 1876, 13 апреля, № 43). В «Воскресном фельетоне» (*СПбВед*, 1875, 21 декабря, № 343), посвященном декабрьской лекции Д. И. Менделеева, П. Д. Боборыкин, не примыкая к сторонникам спиритизма, выражал недовольство действиями Комиссии, отмечая ее предвзятость и личные нападки; не понравилась ему во многих отношениях и сама лекция. О статье П. Д. Боборыкина «Ни взад — ни вперед» см. стр. 369. Хотя Боборыкин и не был удовлетворен отчетом Комиссии, спиритизма он не признал. Статья заканчивалась словами: «Комиссия *ни мало не доказала нам*, <. . .> что спиритическое учение есть суеверие. Мы это и без нее знали».

Стр. 132. *«Честь и слава спиритам* ∾ *не боясь предрассудков!»* — Корреспондент «Нового времени» писал: «В заключение г-н Менделеев упомянул и о хороших сторонах спиритизма. Честь и слава спиритам, сказал он, что они вышли честными и смелыми борцами того, что им казалось истиною, не боясь предрассудков. Честь им и слава, что они показали, что наше общество не погрязло в грубом материализме и способно увлекаться интересами науки, вопросом о душе и психической деятельности <. . .> Нужно радоваться тому, что общество наше способно увлекаться; увлечение, хотя бы ложью, все-таки свидетельствует об умственной деятельности и жизни и несравненно благотворнее неподвижности и застоя» (*НВр*, 1876, 27 апреля, № 57). Иное изложение слов Менделеева Достоевский мог прочесть в «Голосе»: «В заключение г-н Менделеев указал и на одну несомненно хорошую сторону всей истории спиритизма, заключавшуюся в стремлении ученых-спиритов к истине. Пусть спорят открыто, говорят, полемизируют: столкновения различных мнений, быть может, приведут в будущем к открытию правды и покажут, что́ следует разуметь под спиритизмом. Наука, с своей стороны, обнаружит ложную подкладку спиритического вопроса и постарается этим путем спасти от заблуждения увлекающихся суеверных людей» (*Г*, 1876, 28 апреля, № 117). И в том, и в другом случае мысль Менделеева передана достаточно точно. См.: Д. И. Менделеев. Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876, стр. 375—381.

Стр. 132. *С тяжелым чувством прочел я в «Новом времени» перепечатанный этою газетою из журнала «Дело» анекдот, позорный для памяти моего брата Михаила Михайловича. . .* — Некролог А. П. Щапова, написанный С. С. Шашковым, был напечатан в журнале «Дело», 1876, № 4, стр. 149—160 (второй пагинации). Приводимый Достоевским «анекдот» был перепечатан в «Новом времени», 1876, 25 апреля, № 55, в отделе «Среди газет и журналов». А. Г. Достоевская свидетельствует: «Помню, с каким негодованием прочел мне Федор Михайлович выписку из „Нового времени“ и с каким пламенным чувством говорил о своем брате и опровергал взведенные на него обвинения. Федор Михайлович вспоминал всегда о Михайле Михайловиче с самым нежным чувством. Он любил его более, чем кого другого из своих кровных родных, может быть, потому, что вырос вместе с ним и делил мысли в юности» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 64—65).

Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876) — историк и публицист-демократ, профессор русской истории в Казанском университете (1860—1861). В 1861 г. был отстранен от преподавания и арестован за участие в панихиде по крестьянам, убитым во время волнений в с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии. В декабре 1862 г. был привлечен по обвинению в сношениях с Герценом, Огаревым и Бакуниным, а весной 1864 г. «как человек неблагонамеренный» был выслан в Сибирь и проживал в Иркутске до дня смерти (27 февраля 1876 г.).

Стр. 132. *В 1862 году* ∾ *отдал своих «Бегунов» во «Время».* — Статья А. П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны» (*Вр*, 1862, октябрь—ноябрь) была продолжением его статьи «Земство и раскол», напечатанной в «Отечественных записках» (1861, № 12), которые в те годы, до того как их арендовал в 1868 г. Н. А. Некрасов, находились на умеренных позициях и вели борьбу с революционными течениями. Выступление Щапова на панихиде сделало

его имя широко известным в передовых кругах России. В хлопотах по смягчению его участи горячее участие принял Н. Г. Чернышевский, а весною 1862 г. состоялась беседа Щапова с Чернышевским, во время которой в процессе острых споров выявились не только расхождения во взглядах, но и совпадающие воззрения. Результатом встречи явилось то, что Щапов начал готовить статьи для «Современника» (М. В. Нечкина. А. П. Щапов в годы революционной ситуации. — *ЛН*, т. 67, стр. 654, 667). Однако опубликовать статьи в «Современнике» Щапов не успел: в июне 1862 г. журнал был приостановлен на восемь месяцев за «вредное направление». Одновременно на такой же срок был запрещен журнал «Русское слово».

Стр. 133. . . .*мне совершенно известно* ∾ *весьма значительные суммы вперед сотрудникам.* — Согласно приходно-расходной книге, которую вел М. М. Достоевский, у журнала в 1861 г. было приблизительно 1600 подписчиков, в 1862 г. — свыше 4000, за четыре месяца 1863 г. — около 3500 (*Нечаева, Время*, стр. 42). Н. Н. Страхов указывает более высокие цифры (соответственно 2300, 4302, около 4000); по его свидетельству, «„Время“ быстро поднялось в глазах читателей, и в то время, как старые журналы — „Отечественные записки“, „Библиотека для чтения“ и т. п. падали, „Время“ процветало и стало почти соперничать с „Современником“, по крайней мере имело право по своему успеху мечтать о таком соперничестве» (*Биография*, стр. 221—222; *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 285—286). Гонорарная книга журнала подтверждает слова Достоевского о выдаче писателям авансов. Среди лиц, их получавших, значится А. П. Щапов (*Нечаева, Время*, стр. 47).

Стр. 133—134. *Один из постоянных сотрудников* ∾ *самые точные сведения.* — По предположению В. А. Туниманова (*РЛ*, 1976, № 2, стр. 202—203), этим сотрудником был Алексей Егорович Разин (1823—1875). О нем см.: *Нечаева, Время.* Эта гипотеза подтверждается письмом П. А. Исаева (пасынка Ф. М. Достоевского) от 31 мая 1868 г., в котором сообщалось о Э. Ф. Достоевской и ее детях: «Разин удрал с ними славную штуку: уплатил в продолжение прошлого года около 150 р. и потом водил своими обещаниями за нос полгода. Когда же Федя написал ему письмо, в котором объяснил, что обещанные сроки давно прошли и что просит его к такому-то сроку приготовить деньги, в противном случае принуждены будут взыскать с него Мировым Судом. А он на это письмо отвечал, что никогда не был должен покойному Михаил Михайловичу, а что если и давал деньги, то в подмогу, в пособие *бедному, нуждающемуся* семейству. Слова эти передаю Вам буквально; они были так написаны в его письме. Федя, прежде чем посылать ему решительное письмо, успел, зная его не совсем-то честным человеком, поддеть на хитрость. Он подослал к нему совершенно постороннего человека, которому Разин и проговорился, что действительно состоит должным, и еще добавил: „Считаю священным долгом сделать уплату своего долга в скорейшем времени!“. При этом разговоре присутствовал еще другой свидетель. На всё это они сильно рассчитывают как на доказательство. Конечно, они долг свой получат через Мирового, но это будет месяца через два, не раньше» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 402).

Стр. 134. . . .*пересыпая свою речь слово-ер-сами.* — Прибавляя к концу слов звук «с» (в дореволюционной орфографии «съ»). «Слово» — название буквы «с».

Стр. 134. . . .*даровитый литератор, знаток европейских литератур, поэт и известный переводчик Шиллера и Гете.* — О творчестве М. М. Достоевского см. статью Ф. М. Достоевского «Несколько слов о М. М. Достоевском» и комментарий к ней (наст. изд., т. XX, стр. 121—124, 330—332).

Стр. 134. *В сорок девятом году он был арестован по делу Петрашевского* ∾ *со страстью изучал Фурье.* — М. М. Достоевский был арестован в ночь на 6 мая 1849 г. и выпущен на свободу 25 июня. Он был противником того радикального направления, к которому примкнул Федор Михайлович. Между братьями на этой почве возникли разногласия, особенно после сближения Федора Михайловича осенью 1848 г. с Н. А. Спешневым (1821—1882), одним из наиболее революционно настроенных петрашевцев, атеистом, утопическим коммунистом. С. Д. Яновский вспоминает: «. . . прежде, когда, бывало, Федор Михайлович разговаривает со своим братом Михаилом Михай-

ловичем, то они бывали постоянно согласны в своих положениях и выводах, но после визита Федора Михайловича к Спешневу Федор Михайлович часто говорил брату: „Это не так; почитал бы ты ту книгу, которую я вчера тебе принес (это было какое-то сочинение Луи-Блана), заговорил бы ты другое“. Михаил же Михайлович на это отвечал Федору Михайловичу: „Я, кроме Фурье, никого и ничего не хочу знать, да, правду сказать, и его-то кажется скоро брошу; все это не для нас писано“» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 173).

Кружок С. Ф. Дурова (1816—1869), бывший одним из ответвлений общества петрашевцев, М. М. Достоевский посещал в марте 1849 г., пока собрания на первых порах носили характер литературно-музыкальных вечеров. Он перестал их посещать, когда обнаружилось их политическое направление. При обсуждении вопроса об устройстве литографии для печатания нелегальных сочинений М. М. Достоевский высказался против этого предприятия. Следственная комиссия установила невиновность М. М. Достоевского; тем не менее он был отдан под тайный надзор полиции, продолжавшийся вплоть до его смерти. См. подробно: Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца. — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 254—265.

Стр. 135. . . .*я узнал тогда же от князя Гагарина, ведшего всё следствие по делу Петрашевского.* — Гагарин Павел Павлович (1789—1872) — сенатор, член Государственного совета, член Следственной комиссии по делу петрашевцев. Председатель Комиссии, генерал-адъютант И. А. Набоков (1787—1852), бывший в то время комендантом Петропавловской крепости, оказался неспособным вести следствие и доверил руководство допросами П. П. Гагарину.

Стр. 135. . . .*из каземата в комендантский дом.* . . — Достоевский был помещен в камеру № 9, а позднее переведен в камеру № 7 «Секретного дома» внутри Алексеевского равелина Петропавловской крепости (*Бельчиков*, стр. 241; *Саруханян*, стр. 105). В Комендантском доме проводились допросы петрашевцев.

Стр. 135. . . .*он не дал никаких показаний, которые бы могли компрометировать других.* . . — При освобождении М. М. Достоевского ему, в связи с бедственным положением его семьи, было выдано пособие в сумме 200 руб. серебром (*Достоевский, А. М.*, стр. 209). Это обстоятельство послужило исследователям основанием заподозрить М. М. Достоевского в предательстве. Архивные материалы это подозрение опровергают. См. подробно: Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца. — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 256.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

(Стр. 137)

Подготовительные материалы составляют планы, наброски и многочисленные отрывочные заметки, сделанные Достоевским в процессе работы над выпусками «Дневника писателя». Намеки и реалии, содержащиеся в тех записях, которые нашли отражение в «Дневнике», объяснены выше в примечаниях к основному тексту. Многие подготовительные материалы основываются на заметках в записных тетрадях; в примечаниях к последним (т. XXIV) находятся необходимые пояснения к большинству тех записей, которые остались не реализованными в окончательном тексте. Ниже комментируются только те места в подготовительных материалах, соотнесение которых с «Дневником» и с записными тетрадями вызывает трудности, а также заметки, которые нигде, кроме подготовительных материалов, никак не представлены.

Стр. 137. *Рассказцы.* . . — Из намеченных далее «рассказов» многие в окончательный текст январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. не вошли, но все они представлены заметками и набросками в записной тет-

ради (наст. изд., т. XXIV). Записи неоднократно повторяются далее среди материалов к январскому выпуску.

Стр. 137. *Кони. Ваши дочери.* — Во время поездки с А. Ф. Кони и М. Е. Ковалевским в колонию для малолетних преступников 27 декабря 1875 г. Достоевский слышал от них, согласно сделанной на следующий день записи в тетради, рассказы «об обидах от околоточных».

Стр. 137. *Медицинский студент.* — Имеется в виду встреча Достоевского со студентом Медико-хирургической академии, просившим милостыню.

Стр. 137. *Мужик и волк.* — Тема рассказа «Мужик Марей», вошедшего в февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 3).

Стр. 137. *Сведенборг* Эммануэль (1688—1772) — шведский ученый и теософ-мистик. В библиотеке Достоевского имелась его книга «О небесах, о мире духов и об аде, как то слышал и видел Э. Сведенборг» (пер. с лат. А. Н. Аксаков. Лейпциг, 1863), а также два сочинения о нем А. Н. Аксакова (*Библиотека*, стр. 153; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 42). В записной тетради Сведенборг упоминается в связи с мыслью о том, что Достоевский «никогда не мог представить себе сатаны».

Стр. 137. *Потугин.* — Запись относится к неосуществленной статье, направленной против Тургенева, для которой в тетради сделано большое число заметок. В статье Достоевский предполагал полемизировать, в частности, со словами Потугина в «Дыме», о том, что «. . .мы не одним только знанием, искусством, правом обязаны цивилизации, но что даже чувство красоты и поэзии развивается и входит в силу под влиянием той же цивилизации и что так называемое народное, наивное, бессознательное творчество есть нелепость и чепуха» (*Тургенев*, *Сочинения*, т. IX, стр. 236).

Стр. 137. *Александр и Карамзин.* — В полемике с Потугиным Достоевский предполагал разобрать ошибочные представления о прекрасном и в качестве примера привести памятник Н. М. Карамзину в Симбирске, выполненный в классическом стиле (1845, скульптор С. И. Гальберг). Речь должна была идти о левом барельефе постамента, который изображает Карамзина в тоге и со свитком в руках, читающего свою «Историю государства российского» Александру I. «Оба в древних костюмах, т. е. голые, по крайней мере на $^9/_{10}$», — записано по этому поводу в тетради.

Стр. 137. *Об американской дуэли.* — Американская дуэль — самоубийство, определяемое по вынужденному жребию. Этой темой Достоевский заинтересовался еще в начале 1873 г., о чем свидетельствует запись «дуэль самоубийц» в тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 253). В плане романа «Отцы и дети» есть запись об американской дуэли двух гимназистов, которые таким образом решали спор о Льве Толстом (наст. изд., т. XVII, стр. 7, 434).

Стр. 137. *Березин ∾ направление. Я либеральнее вас.* — Эта мысль, представленная рядом заметок в тетради 1875—1876 гг., не получила развития в окончательном тексте раздела «Одно слово по поводу моей биографии» январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 3.

Стр. 137. *Война парадокс.* — Этот замысел, сложившийся в общих чертах у Достоевского, судя по первым записям в тетради, еще в ноябре—начале декабря 1875 г., осуществлен в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 2 «Парадоксалист»).

Стр. 137. *Китай. Микадо.* — Тема подсказана передовой статьей «Голоса» (1875, 14 декабря, № 345), в которой со ссылкой на газету «Сибирь» (1875, 30 ноября, № 23) обращалось внимание на «значительные успехи в культурном отношении, которые сделаны в Китае и Японии», и выражалась тревога тем обстоятельством, что можно «противопоставить в параллель с ними только упадок, застой, бездействие и страшную апатию» в Сибири, «обреченной служить местом для отбывания уголовного наказания, которая искусственно снабжается всякими подонками восьмидесятимиллионного населения страны, управляемой на старых, давно отживших и осужденных нами самими основаниях». В создавшемся положении, делал вывод «Голос», нельзя считать обеспеченными восточные окраины России. Ср. подготовитель-

ные материалы к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 170, 385; т. XVII, стр. 413—414).

Стр. 137. *«Московские ведомости» за превосходную статью по делу Овсянникова.* — Дело петербургского купца-миллионера С. Т. Овсянникова, обвинявшегося в умышленном поджоге арендованной им паровой мельницы, слушалось в Петербургском окружном суде с 25 ноября по 6 декабря 1875 г. Процесс привлек широкий общественный интерес и подробно освещался и комментировался в периодической печати. В полемике, которую вызвало это дело, важное место занимали, кроме самого преступления, вопросы о скандальном поведении защиты, которая всеми средствами выгораживала подсудимых, и о роли печати в освещении процесса. Достоевский обратил внимание на передовую статью «Московских ведомостей» (1875, 24 декабря, № 328), в которой о значении дела Овсянникова говорилось следующее: «Оно ярко осветило некоторые стороны нашего быта; оно показало в подробностях систему наших интендантских порядков; оно еще раз раскрыло перед публикой деятельность наших банков; процесс вызвал некоторые вопросы об адвокатуре и возбуждает некоторые вопросы о печати; он показал в блистательном виде нашу „юстицию"». См. подробно примеч. к соответствующей записи в тетради 1875—1876 гг. (наст. изд., т. XXIV).

Стр. 137. *Павлуша. . .* — «Голос» (1875, 25 декабря, № 356) со ссылкой на «Киевский телеграф» (1875, 19 декабря, № 151) сообщил о грабеже в Умани, один из участников которого, Павлуша, бывший ученик училища садоводства, раскроил ломом голову узнавшей его кухарке, а затем был тем же ломом убит соучастниками преступления.

Стр. 137. *. . .Мерещились.* — В «Голосе» (1876, 4 января, № 4) в корреспонденции из г. Семенова Нижегородской губернии сообщалось о слушавшемся в окружном суде деле по убиению с целью ограбления двух старух-келейниц. Один из подсудимых, Христофорка, «корча из себя человека уже бывалого в судах, ‹. . .› держал себя чрезвычайно нахально и рассказывал о том, как он резал женщин, с таким видом, который показывал, что для него это ремесло очень обыкновенное». По его показанию, «убитых уложили честно, накрыли, посыпали пеплом, пропели „Святый боже", чтоб не мерещились, и стали искать, что надо. Все разломали, взяли вещи и денег 18 тысяч рублей». Согласно заметке в тетради, этого убийцу «из народа», человека озверевшего, но притом не утратившего веры, Достоевский противопоставлял «Павлуше, которому не померещится». Сравнивая эти два типа преступников, он записал: «Я люблю тех, которым мерещится».

Стр. 137. *Пятна на солнце.* — Тема была подсказана сообщением «Московских ведомостей» (1875, 30 декабря, № 332) со ссылкой на английскую газету «Times» о «наблюдениях над Солнцем, из которых видно, что в настоящую минуту на нем нет никаких пятен», и о «совпадении отсутствия солнечных пятен с понижением температуры на поверхности земли».

Стр. 137. *Реклама. Стечкина.* — В июльской книжке «Русского вестника» за 1875 г. был напечатан с сокращениями, не согласованными с автором, рассказ «Первая гроза», принадлежавший перу Л. Я. Стечкиной (1851—1900), в то время начинающей писательницы. Стечкина заявила в газетах (Русские ведомости, 1875, 22 августа, № 182; *Г*, 1875, 24 августа, № 233 и др.) протест, на который редакция журнала ответила в сентябре заметкой «Литературный курьез». В свою очередь Стечкина опубликовала в виде специального приложения к «Голосу» (1875, 13 декабря, № 344) размером в $3^1/_2$ газетной полосы статью «Восстановление права литературной собственности», воспринятую Достоевским как самореклама.

Стр. 137. *Рубаха на 3-х.* — 28 ноября 1875 г. Достоевский записал в тетради сочиненный им стишок:

Трем из них одна рубаха,
Остальных спасает бог.
Что ж возможно кроме аха
Здесь воскликнуть, — разве ох!

С т р. 137. *Оправдание коммунаров. . .* — В январе 1876 г. в русской прессе появились сообщения о том, что французские республиканцы — «радикалы», баллотировавшиеся в Сенат, включили одним из пунктов своей программы амнистию коммунарам. Этот пункт содержался, например, в предвыборном обращении В. Гюго, которое было пересказано «Московскими ведомостями» (1876, 15 января, № 13). В конце месяца та же газета, информируя о том, что на выборах в Сенат «радикалы» одерживают верх («во главе их знаменитый фразер Виктор Гюго»), с тревогою писала: «. . .куда они клонят, об этом можно судить из того, что в Париже главным пунктом кандидатской программы было требование амнистии сосланным коммуникам» (*МВед*, 1876, 21 января, № 19). Ср. ниже, стр. 399.

С т р. 137. *О попах, монастырях, всё.* — Имеются в виду, очевидно, сообщения об убийствах среди монахов (*МВед*, 1875, 16 декабря, № 95), о самоубийстве священника Ивана Андриевского (*Г*, 1875, 29 декабря, № 358), об отказе священников учить в школах закону божию (см. примеч. к стр. 23—24). Ср. примечания к соответствующим записям в тетради 1875—1876 гг. (наст. изд., т. XXIV).

С т р. 137. *Идея о попе, требнике и проповеднике.* — В статье Г. З. Елисеева «Внутреннее обозрение» (*ОЗ*, 1875, № 12) предлагался ряд мер для предотвращения ухода семинаристов из семинарий в университеты и лицеи. Считая одной из причин этого явления «невозможность соединить свои идеалы с званием священника», автор обозрения как «единственное средство возвысить ‹. . .› духовенство» рекомендовал «ввести в нем разделение труда, предназначив одну часть духовенства для исправления треб, другую — исключительно для просветительской деятельности».

С т р. 138. *Сабуров и Андреянова.* — По предположению Р. Г. Назирова (*Материалы и исследования*, т. I, стр. 202—203), Достоевский имеет в виду директора императорских театров Александра Михайловича Гедеонова (1790—1867), казнокрада, с которым состояла в связи балерина Елена Ивановна Андреянова (1816?—1857). По ошибке, вместо Гедеонова, Достоевский, как полагает Р. Г. Назиров, записал фамилию А. И. Сабурова (1797—1866), который стал директором императорских театров в 1858 г.

С т р. 138. *Подписка в «Голосе» на Пушкина. . .* — Достоевский намеревался предложить газетам, в частности «Голосу», объявить подписку на памятник Пушкину. Набросок соответствующего текста содержится в тетради среди заметок, записанных после 30 декабря 1875 г.

С т р. 138. *. . .имя у Лермонтова.* — Имеется в виду фамилия статского советника, пожертвовавшего на памятник Лермонтову одну копейку. Этот факт, о котором сообщили газеты (Современные известия, 1875, 17 июня, № 164; Сын отечества, 1875, 4 июля, № 150, и др.), не называя имени чиновника, Достоевский упомянул в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 3 — наст. изд., т. XXIII).

С т р. 138. *Vibulenus.* — Достоевский имеет в виду рассказ Тацита («Анналы», кн. I, гл. 22—23) о воине Вибулене, который раздувал мятеж римских легионов в Паннонии в 14 г. н. э., громогласно требуя вернуть ему брата, убитого якобы тайно по приказу трибуна Юния Блеза Младшего: «Свою речь он подкреплял громким плачем, ударяя себя в грудь и в лицо; затем, оттолкнув тех, кто поддерживал его на своих плечах, он спрыгнул наземь и, припадая к ногам то того, то другого, возбудил к себе такое сочувствие и такую ненависть к Блезу, что часть воинов бросилась вязать гладиаторов, находившихся у него на службе, часть — прочих его рабов, тогда как все остальные устремились на поиски трупа. И если бы вскоре не стало известно, что никакого трупа не найдено, что подвергнутые пыткам рабы решительно отрицают убийство и что у Вибулена никогда не было брата, они бы не замедлили расправиться с легатом» (К о р н е л и й Т а ц и т. Сочинения в двух томах, т. 1. Л., 1969, стр. 18). В записной тетради 1875—1876 гг. многие записи о Вибулене связаны с В. Д. Спасовичем, чью защиту С. Кроненберга, обвинявшегося в истязании малолетней дочери, Достоевский считал такой же искусной актерской игрой, как и притворство римского воина.

С т р. 138. (*? x, y. z?*). — Возможно, имеется в виду криптоним «x, y, z», которым критик В. В. Чуйко (1839—1899) подписывал в 1875 г. в «Голосе» (до № 300, 30 октября) еженедельное обозрение «Очерки литературы».

С т р. 138. *Орлов. . .* — Каторжник, описанный в «Записках из Мертвого дома», т. I, гл. IV «Первые впечатления» (наст. изд., т. IV, стр. 46—48).

С т р. 138. *Женщина — жена.* — Очевидно, имеется в виду тема «замужняя женщина и танцы», намеченная в записной тетради 1875—1876 гг.

С т р. 138. *Зверские инженеры.* — В описании детского праздника в Клубе художников говорится о «зверски вертящихся офицерах» (см. стр. 12).

С т р. 138. *Чтение о Тюильри. . .* — Судя по пространной заметке в черновой тетради, эта запись предполагала полемику с мнением Н. К. Михайловского относительно сожжения Тюильри во время Парижской коммуны. В тетради на полях рядом с соответствующей заметкой стоит помета: «Читал „От‹ечественные› зап‹иски›“», а сама заметка находится непосредственно после записи, относящейся к проекту Г. З. Елисеева о «попе, требнике и проповеднике», т. е. должна была быть сделана, казалось бы, по следам чтения декабрьского номера «Отечественных записок» за 1875 г. Однако ни в напечатанной там восемнадцатой главе «Записок профана» Н. К. Михайловского, ни в других статьях ничего не говорится о сожжении Тюильри. По предположению Г. М. Фридлендера (*ЛН*, т. 83, стр. 480—481), эта запись связана с личными встречами Достоевского и Михайловского в редакции журнала, которые могли иметь место в 1875 г., в период печатания в «Отечественных записках» романа «Подросток». Именно в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 375—376; т. XVII, стр. 389) Версилов в разговоре с Аркадием упоминает о сожжении Тюильри во время Парижской коммуны, причем это событие толкуется Достоевским в символическом плане (см. выше, стр. 339).

С т р. 139. *. . .петролей и здание.* — Ср. выше, стр. 36.

С т р. 139. *. . .status in statu.* — Часто употребляемое Достоевским крылатое выражение, возникшее, по-видимому, в эпоху революционных войн во Франции и впервые встречающееся у французского писателя Агриппы д'Обинье (1552—1630). — (*Ашукин*, стр. 170).

С т р. 139. *. . .ждали нового поколения из наших классических гимназий.* — Речь идет о реформе среднего образования, проведенной в 1871—1872 гг. с целью заглушить революционные настроения среди учащейся молодежи и ограничить доступ в университеты выходцам из низших сословий. Реформа предоставляла право поступления в университеты только выпускникам классических гимназий, в которых основными предметами были древнегреческий язык, латынь и математика.

С т р. 140. *Наполеону III-му.* — Смысл этой записи, по-видимому, тот же, что и следующей заметки в тетради 1875—1876 гг.: «. . .вечно суждено быть тому во Франции, что каждое правительство прежде всего должно заботиться о своем водворении и укоренении и, стало быть, лишь $^1/_2$ сил своих может употребить на Францию, а остальное всё на себя. Тут пример Наполеона III-го» (наст. изд., т. XXIV).

С т р. 140. *Матерей Гракхов.* — В записной тетради Достоевский связывает это выражение с фразеологией Великой французской революции. Тиберий (162—133 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.) Гракхи — политические деятели Древнего Рима; выбранные народными трибунами, проводили демократические реформы с целью приостановить разорение крестьянства. Тиберий был убит в результате заговора знати; Гай погиб, возглавляя вооруженное восстание. В последующей традиции братья Гракхи стали символом борьбы за свободу и защиты прав простых людей.

Стр. 140. *Дети с отцами и без отцов в особенности.* — Запись, очевидно, подразумевает замысел романа об отцах и детях, который Достоевский упомянул в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. стр. 7).

С т р. 140. *Слышанное и прочитанное.* — Ср. стр. 80, 136, 354—355.

С т р. 140. *Костюм, адская штука, чтоб оплевать Россию.* — Имеется в виду направленная против славянофилов полемическая тирада Потугина в «Дыме», содержащая ироническую характеристику русского народного

эстетического идеала на примере былинного героя Чурилы Пленковича: «Вот, извольте посмотреть: идет жёнь-премье; шубоньку сшил он себе кунью, по всем швам строченую, поясок семишелковый под самые мышки подведен, персты закрыты рукавчиками, ворот в шубе сделан выше головы, спереди-то не видать лица румяного, сзади-то не видать шеи беленькой, шапочка сидит на одном ухе, а на ногах сапоги сафьянные, носы шилом, пяты востры — вокруг носика-то носа яйцо кати; под пяту-пяту воробей лети-перепурхивай. И идет молодец частой, мелкой походочкой, той знаменитой „щепливой" походкой, которою наш Алкивиад, Чурило Пленкович, производил такое изумительное, почти медицинское действие в старых бабах и молодых девках, той самой походкой, которою до нынешнего дня так неподражаемо семенят наши по всем суставчикам развинченные половые, эти сливки, этот цвет русского щегольства, это nec plus ultra русского вкуса. Я это не шутя говорю: мешковатое ухарство — вот наш художественный идеал» (*Тургенев*, *Сочинения*, т. IX, стр. 237).

Стр. 141. *Петрушка.* — См. набросок «Елка в клубе художников», не вошедший в окончательный текст (стр. 180).

В этом наброске Достоевский вспоминает миниатюру актера и писателя И. Ф. Горбунова «Письмо из Эмса (XVII века)». По свидетельству Т. И. Филиппова, эта мистификация ввела в заблуждение даже специалистов-историков; П. И. Саввантов принял ее за подлинный статейный список и «долго не мог прийти в себя от удивления, вообразив, что рулетка существовала уже в XVII веке» (И. Ф. Горбунов. Сочинения. Под ред. и с предисл. А. Ф. Кони. Изд. 2-е, т. 1. СПб., 1902, стр. 119). Достоевский был неправ, говоря, что эта миниатюра «канула в вечность», так как до 1876 г. она несколько раз перепечатывалась в сборнике Горбунова «Сцены из народного быта» (изд. 5-е, 1875).

Стр. 141. *. . .заговорит лира.* — Эта ироническая фраза восходит к характеристике Ламартина в «Мемуарах» О. Барро: «Это не человек, а лира» (см. выше, стр. 351).

Стр. 141. *На Аничковском мосту 4 голых банщика. . .* — Четыре конные группы скульптора П. Клодта, изображающие сцены укрощения человеком коня; установлены на Аничковом мосту через р. Фонтанку в Петербурге.

Стр. 142. *. . .когда сыскная полиция свидетельствует девиц.* — Смотритель петербургского врачебно-полицейского комитета Н. Исаев, проходя на общественном гулянье в Екатерингофе 22 июля 1871 г. мимо двух девушек, сидевших на скамейке с братьями, «дерзко заглянул им в лицо» и бросил фразу: «Ах, какие хорошенькие девушки». Молодые люди сделали ему замечание о неуместности подобной реплики. Оскорбленный Исаев позвал полицейского и обвинил девушек в том, что они к нему приставали и осыпали его бранью. По его клеветническому заявлению девушки были направлены во врачебно-полицейский комитет, «где их освидетельствовали и оказалось, что они девственны». Дело слушалось в Петербургском окружном суде 13 марта 1875 г.; Исаев был приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и к ссылке в Тобольскую губернию (*Г*, 1875, 16 марта, № 75). Достоевский, очевидно, читал посвященный этому случаю фельетон А. С. Суворина «Бродячие женщины» в книге «Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина)» (кн. 2. СПб., 1875, стр. 66—71 второй пагинации). Эта книга имелась в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 132; *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 26). В фельетоне, в частности, говорилось: «В публике не раз ходили слухи о произволе так называемых смотрителей врачебно-полицейского комитета, попросту сыщиков развратных, или иначе „бродячих" женщин. . .» (стр. 67).

Стр. 142. *Глубокая тишина царствовала в Европе. . .* — Фраза из учебника истории И. К. Кайданова: «Пред кончиною Фридриха Великого царствовала во всей Европе тишина; но она была обманчива, потому что внутреннее состояние европейских государств и дух времени, противный тогдашнему порядку вещей, предвещали Европе скорый и грозный переворот» (И. К. Кайданов. Учебная книга всеобщей истории, ч. 3. СПб., 1841,

стр. 315). Достоевский привел эту фразу в майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., гл. II, § 3 «Никогда Россия не была столь могущественною, как теперь, — решение недипломатическое» (наст. изд., т. XXV).

Стр. 142. *Прочитать о диме Куторги.* — Имеется в виду статья М. С. Куторги «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках пред персидскими войнами» (*РВ*, 1875, № 11). Судя по предшествующей записи о Франции, Достоевского в данном случае интересовало изложение в статье земельной реформы Солона, которую он в пространной заметке, внесенной в черновую тетрадь в двадцатых числах декабря 1875 г., сопоставил с земельным законодательством Конвента. Эта заметка (частично дословно) вошла в мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. (см. выше, стр. 85).

Стр. 143. *А Пушкин писал: «по манию царя» еще до декабристов и понимал, в чем дело.* — Имеются в виду заключительные строки стихотворения «Деревня» (1819) (см. выше, стр. 380).

Стр. 143. *. . .наши западники суть отрицатели Запада. . .* — Эту мысль Достоевский разовьет в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 «Мой парадокс» (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 144. *. . .под престолом.* — 8 декабря 1875 г. рядовой Рождественской части Петербургской пожарной команды Н. В. Филимонов похитил после вечерни, пользуясь темнотой, три креста из алтаря Спасо-сенновской церкви. Услышав, что в церковь вошел сторож, он спрятался под престолом в алтаре и пробыл там без пищи до 12 декабря, когда его обнаружили и арестовали. Дело слушалось 1 марта 1876 г. (*Г*, 1876, 2 марта, № 62).

Стр. 144. *О Елисееве. . .* — Имеется в виду проект попа-требника и попа-проповедника.

Стр. 144. *Незнакомец о спиритизме. . .* — Имеется в виду фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» в «Биржевых ведомостях» (1875, 28 декабря, № 357; см. выше, стр. 336).

Стр. 145. *О пашущем мужике.* — Имеется в виду мужик Марей.

Стр. 145. *Страх перед провинциальною печатью. . .* — См. комментарий к разделу «Областное новое слово» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 145. *Белинский в каторге.* — Речь идет об отношении Достоевского к Белинскому в период нахождения на каторге. В тетради 1875—1876 гг. по этому поводу записано: «Белинский в каторге, — я благоговел».

Стр. 145. *Жан Вальжан* — герой романа В. Гюго «Отверженные», отбывавший каторгу за кражу хлеба.

Стр. 146. *Дневник писателя. IV. NB. Сюжеты для романов.* — Недатированные наброски главы для «Дневника писателя», расположенные на двух отдельных листах: 1. Начало связного (чернового) текста главки и 2. Подготовительные материалы к ней, по большей части в черновом автографе не реализованные.

Возможно, наброски относятся к предполагаемой IV подглавке второй главы январского выпуска. Темы, развитые в них, перекликаются с темами первой и особенно второй главы. Окончание третьей подглавки второй главы: «Герои, — вы, господа романисты, все ищете героев ∾ Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу . . .» (см. выше, стр. 25) может рассматриваться как рудимент неосуществленного замысла главки о героях, достойных изображения романиста.

«Сюжеты для романов» не могли предназначаться для «Дневника писателя» за 1873 г., так как в разбираемых набросках использованы материалы, опубликованные позднее января 1873 г. (см. ниже) (а IV очерк «Дневника» за 1873 г. был опубликован в январе). Кроме того, бумага, на которой сделаны записи, та же, что и бумага, служившая для других набросков «Дневника писателя» за 1876 г. Для рукописей же к «Дневнику писателя» за 1877 г. писатель пользовался бумагой иного формата и качества.

Стр. 146. *Фребель* Фридрих Вильгельм Август (1782—1852) — немецкий педагог, занимавшийся проблемами воспитания детей дошкольного возраста. Фребель и фребелевские методы воспитания упоминаются Достоевским в незавершенном замысле романа «Отцы и дети» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 7) и в черновых набросках к «Братьям Карамазовым» (наст. изд., т. XV, стр. 199).

Редактируемый Достоевским «Гражданин» поместил статью о детских садах: рецензия на книгу Octavie Masson «L'École Froebel», Paris, 1872 (*Гр*, 1873, 5 февраля, № 6, стр. 185), где отмечается плохое состояние детских садов в России.

Стр. 146. *Песталоцци* Иоганн Генрих (1746—1827) — знаменитый швейцарский педагог. Имя Песталоцци упоминается Достоевским в набросках к «Братьям Карамазовым» (см. наст. изд., т. XV, стр. 199).

Стр. 146. *Если б мать родила совсем взрослого.* — Ср. любимую Достоевским мысль: «Готовым человеком никто не родится» (наст. изд., т. XVI, стр. 276; т. XVII, стр. 420).

Стр. 146. *Я уверен, что детский сад дрянь, но у самого Фребеля это не дрянь.* — Ср. характеристику детских садов как одного «из самых безобразных порождений новой педагогии» в статье Л. Толстого «О народном образовании» (*Толстой*, т. XVII, стр. 93).

Стр. 146. *Анекдот из воспитания ∾ а он справился.* — В статье В. П. Мещерского «Из мира нашей педагогики» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 252—255) рассказан случай, как 12-летний мальчик, исключенный из двух учебных заведений «под влиянием ясного сознания опасности порока ‹. . .›, овладевшего мальчиком, для 40 остальных его товарищей», через год совершенно исправился, оставил свой порок и был готов поступить в гимназию. Это произошло благодаря тому, что с ним занимался двадцатилетний молодой человек, готовившийся в университет, живший в той семье, где мать мальчика служила кухаркой. Автор статьи прибавляет: «Вероятно, этот юноша был в душе педагогом, и в тайнике ее скрывался тот чудный, великий дар всматриваться в душу, познать ее, полюбить, заставить себя полюбить, и затем воспитывать!» (там же, стр. 253).

Стр. 147. *Это прилично швейцарцу, немцу — ну, так и выписать его, а я генерал.* — Об обычае русских дворян поручать воспитание подрастающего поколения выписанным из Западной Европы, в частности из Швейцарии, учителям, тем самым отрывая это воспитание от народных начал, см. также стр. 116—118.

Стр. 147. *Конечно, нельзя же, но чтобы дух-то этот пролился.* — Ср. эту запись со словами старого князя в *ПМ* к «Подростку»: «Ну, если он (бог) есть, персонально (а не в виде разлитого там духа какого-то, что ли ‹. . .› Разлитый? Ну что же это, вода, что ли, такая?» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 26). См. также т. XVII, стр. 6.

Стр. 147. *Цербет, директор.* — Возможно, описка Достоевского. Следовало бы: Цейдлер или Цедлер. Цейдлер Петр Михайлович (1821—1873) — литератор и педагог. С 1849 г. старший надзиратель и преподаватель русского языка в Гатчинском сиротском институте, с 1864 г. — директор Дома воспитания в Петербурге, в конце жизни основал в селе Поливанове Московской губ. школу для народных учителей.

Достоевский, видимо, был знаком с Цейдлером в 1840-е гг. через Майковых. 21 сентября 1859 г. М. М. Достоевский упоминает Цейдлера в письме к брату в Тверь как старого знакомого, который вместе с Майковым собирается посетить ссыльного писателя. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 515 и 560). После смерти Цейдлера редактируемый Достоевским «Гражданин» поместил о нем статью Мещерского и некролог, подписанный: «Товарищи Цейдлера: А. Порецкий, А. Майков» (см.: *Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 252—258).

Стр. 148. *Исаков.* — Вероятно, имеется в виду Николай Васильевич Исаков (1821—1891), генерал, участник Кавказской войны и обороны Севастополя. С 1859 г. попечитель московского учебного округа, с 1863 г. —

главный начальник военно-учебных заведений. По его инициативе состоялось полное преобразование этих заведений, возникли новые учреждения для подготовки учителей, образованы педагогические музеи и библиотеки. Некоторые из основанных Исаковым учреждений имели общекультурное значение, как, например, педагогический музей (с 1864 г.) или музей прикладных знаний.

С т р. 148. *Ротшильд сидел за прилавком.* — Основатель банкирской фирмы Ротшильдов Мейер Ансельм (1743—1812), выходец из бедной еврейской семьи, сын антикварного торговца, юношей работал и в лавочке отца, и в банкирских конторах.

С т р. 148. *. . .порешили циркулярами. Циркулярами порешать легко. ∾ средине легко.* — Мысль эта перекликается с высказанным Л. Толстым в статье «О народном образовании» осуждением регламентации сверху дела народного образования: «С тех пор, как в заведование школьного дела стали вливать более и более чиновники министерства и члены земства ‹. . .›, запрещено открывать новые школы низшего разбора. ‹. . .› Это значит то, что на основании циркуляра министерства просвещения о том, чтобы не допускать учителей ненадежных (что, вероятно, относилось к нигилистам), училищный совет наложил запрещение на мелкие школы ‹. . .›, которые крестьяне сами открывали и которые, вероятно, не подходят под мысль циркуляра» (*Толстой*, т. XVII, стр. 115).

С т р. 148. *. . .если гимназист выключен, то не принимают нигде?* — При Александре II существовало положение, по которому исключение из учебного заведения сопровождалось «запрещением быть принятым по всей России в какое бы то ни было учебное заведение ведомства министерства народного просвещения». Против этого положения была, в частности, направлена статья В. П. Мещерского «Из мира нашей педагогики» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 252—255).

С т р. 148. *Прошиб голову. Лев Толстой. Исключить.* — В. П. Мещерский в статье «Из мира нашей педагогики» приводит случай, как «недавно одного мальчика выгнали из одной гимназии за то, что он прошиб голову другому мальчику, и, несмотря на то что ушиб был не опасен, мальчик был все-таки исключен» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 254). Л. Толстой упомянут в этом контексте, возможно, потому, что случаи, рассказанные Мещерским о наказании провинившихся гимназистов, вызывали ассоциации с теми эпизодами «Отрочества», где говорится о наказании Николеньки Иртеньева и переживаниях мальчика. Эта тема была позднее развита в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., в гл. «Именинник». Ср. в «Житии великого грешника»: «Пробитая голова (pantalons en haut), болен» (см. наст. изд., т. IX, стр. 130).

С т р. 148. *Вот другой еще случай: бежал.* — В той же статье Мещерского приводится такой случай: «. . .мальчика привозят в гимназию из глуши провинции; он убегает из семинарии, томимый тоскою по дому; его возвращают и исключают» (*Гр*, 1873, 26 февраля, № 9, стр. 254).

С т р. 148. *Маркизовы острова. Стокгольм.* — Запись эта — отсылка к статье Достоевского «Одна из современных фальшей» («Дневник писателя» за 1873 г.). В связи с газетным сообщением о трех гимназистах, собравшихся бежать в Америку, Достоевский здесь писал: «Помните вы рассказ у Кельсиева о бедном офицерике, бежавшем *пешком* через Торнео и Стокгольм, к Герцену в Лондон, где тот определил его в свою типографию наборщиком? Помните рассказ самого Герцена о том *кадете*, который отправился, кажется, на Филиппинские острова заводить коммуну и оставил ему 20 000 франков на будущих эмигрантов?» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 135 и 458). «*Кадет*, который отправился ‹. . .› на Филиппинские острова», — саратовский помещик П. А. Бахметев (1828—?), который, продав свое имение, эмигрировал за границу с тем, чтобы отправиться на Маркизские острова и основать там коммуну. Бахметев послужил прототипом Рахметова в романе Чернышевского «Что делать?». О нем см.: «Былое и думы», часть VII, глава III, «Молодая эмиграция» (*Герцен*, т. XI, стр. 344—348); Н. Я. Э й д е л ь м а н. Павел Александрович Бахметев. (Одна из загадок русского революционного

движения). — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, стр. 387—398; С. А. Рейсер. Комментарий к роману Чернышевского «Что делать?». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975, стр. 848—849. Возможно также, что Достоевскому припомнилась Стокгольмская экспедиция М. А. Бакунина, организованная во время польского восстания 1863 г. для покупки оружия, но окончившаяся неудачей. О ней см.: *Герцен.* Былое и думы, ч. 7 (*Герцен*, т. XI, стр. 372—374 и 378—390), а также: В. Полонский. Жизнь Михаила Бакунина. Л., «Прибой», 1926, стр. 83—86.

Стр. 148. *Наша военная школа: репцы, репец.* — Возможно, имеется в виду тяжелое положение младших воспитанников военных училищ, всячески унижаемых воспитанниками старших курсов. Д. В. Григорович писал об этом, вспоминая об Инженерном училище, где находился одновременно с Достоевским. «С первого дня поступления ‹в училище, — *ред.*› новички получали прозвище *рябцов*, — слово, производимое, вероятно, от рябчика, которым тогда военные называли штатских. Смотреть на рябцов как на парий было в обычае. Считалось особенной доблестью подвергать их всевозможным испытаниям и унижениям» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М.—Л., 1961, стр. 37—38).

Стр. 148. *. . .классы в 50 минут.* — Имеются в виду классные занятия (уроки), продолжавшиеся в то время 50 минут.

Стр. 151. *Да и всё общество в его целом, сняв с себя старую кожу ∾ а надеть-то и нечего.* — Здесь заметна перекличка Достоевского с Герценом, который в седьмой части «Былого и дум» резко отрицательно и в сходных выражениях характеризует представителей «молодой эмиграции»: «Сбрасывая с себя ‹. . .› все покровы, самые отчаянные стали щеголять в костюме гоголевского Петуха ‹т. е. нагишом, — *ред.*›, и притом не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что их систематическая неотесанность, их грубая и дерзкая речь не имеет ничего общего с неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много с приемами подьяческого круга, торгового прилавка и лакейской помещичьего дома» (*Герцен*, т. XI, стр. 351). «Снимая всё до последнего клочка, наши enfants terribles ‹ужасные дети — *франц.*› гордо являлись как *мать родила* а родила-то она их плохо . . .» (там же, стр. 350).

Стр. 152. *Происходят всякие уродства, бегут в Америку. . .* — Бегство оппозиционно настроенной молодежи в Америку, довольно распространенное явление в 60—70-х гг. Оно не раз привлекало внимание Достоевского. См. наст. изд., т. X, стр. 111—112; т. XII, стр. 293—294; т. XIII, стр. 42; т. XVII, стр. 365; т. XXI, стр. 135. Ср. также: *Долинин*, стр. 159—162.

Стр. 152. *Петербургские вед‹омости›.* — Имеется в виду, очевидно, «Петербургская газета» (1876, 4 февраля, № 24), чей отзыв о январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский упоминает в первом разделе первой главы февральского выпуска в контексте, соответствующем настоящим записям в подготовительных материалах. Однако «С.-Петербургские ведомости» тоже откликнулись на январский выпуск (1876, 7 февраля, № 38); см. стр. 291, 296.

Стр. 153. *Вот, наприм‹ер›, «Биржевые ‹ведомости›».* — Достоевский намеревался полемизировать со следующими словами А. М. Скабичевского, отмечавшего его непоследовательность в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «„Дневник“ весь пропитан ‹. . .› прекрасными идеями; каждая строка дышит в нем такою высокою гуманностью, такою горячею верою в необъятную мощь народа, таким искренним и неподдельным сочувствием к его страданиям. И что всего страннее, что рядом тут же перед вами — мизантроп, которому повсюду мерещится разврат и растление. На одной странице ‹. . .› г-н Достоевский воображает, что разврат проникает в массы народа, а на другой он обращается к пошлым танцорам Художественного клуба и восторженно восклицает: [цитируется отрывок «Ну что если бы все эти милые и почтенные гости захотели ∾ Да что Шекспир! тут явилось бы такое, что и не снилось нашим мудрецам». — См. стр. 12]. Как вам понравится это неожиданное превознесение публики Художествен-

ного клуба рядом с сетованиями о всеобщем разврате. . .» (*БВ*, 1876, 6 февраля, № 36).

Стр. 153. . . .*Илья*. . . — Илья Муромец.

Стр. 153. . . .*Каратаев*. . . — персонаж романа «Война и мир».

Стр. 153. . . .*Макар Иванов*. . . — Макар Иванович Долгорукий, персонаж «Подростка», который в романе неоднократно именуется Макар Иванов (например, наст. изд., т. XIII, стр. 8. 9, 13).

Стр. 153. *Помилуй народ без земли и без бунта*‹?› — Речь идет о крестьянской реформе 1861 г. Эта мысль развита в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. выше, стр. 117—118).

Стр. 156. «*И меж детей ничтожных мира*». . . — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827):

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Стр. 156. *Я бы удивился* ∾ *благословение детей*. — Имеется в виду следующий евангельский рассказ: «Тогда приведены были к нему дети, чтобы он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне; ибо таковых есть царство небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда» (Евангелие от Матфея, гл. 19, стр. 13—15.)

Стр. 157. *Обварила ручку*. — Об этом случае, который Достоевский часто упоминал (наст. изд., т. XI, стр. 275; т. XII, стр. 361; т. XVI, стр. 346; т. XVII, стр. 422—423; т. XXI, стр. 22), он будет в очередной раз говорить в разделе «Нечто об одном здании. Соответственные мысли» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 161. *Иванище*. — Калика Иванище, персонаж былины «Илья Муромец и Идолище», которую Достоевский мог прочесть в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Придя паломником в Царьград, Иванище видит повсюду поругание христианской веры, но не вступается за нее, а, совершив скрупулезно все обряды, приличествующие паломникам, возвращается домой. Повстречавшийся ему Илья Муромец, выслушав его рассказ, хвалит его за набожность, но горько укоряет за равнодушие к святому делу. В нарицательном смысле Иванище неоднократно упоминается в тетради 1875—1876 гг.

Стр. 161. *О плюсовой литературе*. — Достоевский обратил внимание на статью Фауста Щигровского уезда (псевдоним С. А. Венгерова) «Литературные очерки (Общий взгляд на современную литературу)» (*НВр*, 1876, 11 марта, № 12). Признавая справедливыми по отношению к современной ему художественной литературе «все упреки в вялости, безжизненности, несоответствии своему назначению, повторении задов и указывании на прошлое», автор утверждал, что она уже не является орудием общественной борьбы, а «служит только барометром и больше ничего»; лишь сатиру он считал не бездарной. Бледность положительных идеалов и положительных героев художественной литературы он объяснял тем, что политическая жизнь не дала для них нового источника, а «типы Рудиных, Лаврецких, Базаровых уже надоели и никого не увлекают». Между тем, утверждалось в статье, видеть «цель в самом факте отрицания и борьбы со старыми понятиями» уже нельзя, поскольку «теперь всё это истрепалось», «одним отрицанием не проживешь, нужно что-нибудь плюсовое». Вопрос о «плюсовой» литературе, поднятый С. А. Венгеровым, представлялся Достоевскому очень важным, и он неоднократно к нему возвращался в своих заметках в тетради 1875—1876 гг.

Стр. 161. *У нас Дадьян*. . . — Князь Дадиан, командир Эриванского гренадерского полка, «за лихоимство и употребление солдат в работы вместо крестьян» подвергся лишению чинов и дворянства, трехлетнему заточению в каземате и ссылке в Вятку. Во время церемониального марша в Тифлисе Николай I вызвал его к себе и в присутствии генералов, штаб- и обер-офице-

ров снял с него звание флигель-адъютанта. Об этих фактах Достоевский узнал из газеты «Новое время» (1876, 4 марта, № 5), где в отделе «Среди газет и журналов» были приведены выдержки из статьи П. К. Мартьянова «Князь Дадиан, флигель-адъютант императора Николая I» («Древняя и новая Россия», 1876, № 3).

Стр. 161. *Распаль подает ‹?› об освобождении.* — Франсуа Венсен Распайль (1794—1878) — французский врач и публицист, участник революций 1830 и 1848 гг., левый республиканец; в 1864 г. был выслан из Франции, вернулся в 1869 г. В 1876 г. Распайль был избран в Палату депутатов. 21 марта (н. ст.) 1876 г. В. Гюго в Сенате и Распайль в Палате депутатов одновременно внесли законопроект о всеобщей амнистии коммунаров. Русская пресса, следившая еще за подготовкой этого законопроекта (см., например: *Г*, 1876, 24 февраля, № 55; 3 марта, № 63; 5 марта, № 65; 6 марта, № 66), напечатала сообщения об этих заседаниях Сената и Палаты депутатов (например: *Г*, 1876, 11 марта, № 71), стенографические отчеты (*Г*, 1876, 15 марта, № 75) и свои комментарии (*Г*, 1876, 16 марта, № 76). Ср. выше, стр. 391.

Стр. 162. *У нас же даже об одеждах священников. . .* — Имеется в виду передовая статья «С.-Петербургских ведомостей» (1876, 13 марта, № 72) «Об улучшении быта духовенства». Выступая за сохранение традиционной одежды священников, газета писала: «. . .если эта „особая одежда“ не представляет особенных удобств и красоты и слишком заметно выделяет пастыря в обществе (что многим, по той или другой причине, режет глаза), то заключает в себе то великое преимущество, что не меняется в условиях того или другого слоя общества с требованиями моды и одинакова как для сел, так и для самих центров».

Стр. 162. *Сир Laurens. . .* — Сохраняем авторское написание. Достоевский по ошибке назвал так сэра Э. Уоткина (см. выше, стр. 363).

Стр. 162. *Премилейший анекдот.* — Анекдот о маршале Себастиани (см. выше, стр. 95 и примеч. к ней).

Стр. 162. *Слышал о Малькове.* — Неустановленное лицо.

Стр. 163. *Пучок фактов.* — По-видимому, имеются в виду сообщения об убийствах, грабежах и самоубийствах, а также скандальная хроника в «Голосе» (1876, 14 марта, № 74). По поводу этого номера газеты Достоевский записал в тетради: «Монстрюозность сообщений».

Стр. 163. *Факир.* — «Новое время» (1876, 11 марта, № 12) пересказало корреспонденцию из Индии, напечатанную в английской газете «Times» о представлении, показанном одним индийским факиром принцу Уэльскому: «Общее удивление возбудил опыт, известный под техническим названием végétation spontanée (произвольное возбуждение растительности). Семя мангиферы (дерево) было посажено в землю, предварительно освидетельствованную присутствующими. По прошествии некоторого времени факир снял грязное покрывало, которым закрыта была эта земля, и показал присутствующим росток в 18 дюймов». Эту заметку Достоевский вспомнил в апреле 1876 г., обдумывая для очередного выпуска «Дневника писателя» свой полемический ответ на статью В. Г. Авсеенко «Опять о народности и культурных типах» (*РВ*, 1876, № 3). В черновой тетради он записал: «Вам, как факиру, — росток в 18 дюймов в 20 минут». Это позволяет предположить, что корреспонденция о факире в переосмысленном виде отразилась в следующих фразах апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.: «. . . не скудоумие, не низость способностей русского народа и не позорная лень причиною того, что мы так мало произвели в науке и в промышленности. Такое-то дерево вырастает в столько-то лет, а другое вдвое позже его»; «. . . насмешки над тем, зачем сосна не выросла в семь лет, а требует всемеро больше для росту лет, — еще до того обыденны и обыкновенны, что не редкость их услышать не от одних Потугиных» (см. стр. 110—111).

Стр. 163. *. . .Гамбетте. . .* — Леон Мишель Гамбетта (1838—1882) в период Второй империи принадлежал к левому крылу буржуазно-республиканской оппозиции; в 1870-е гг., первое десятилетие Третьей республики, был

лидером буржуазных республиканцев, руководил борьбой против клерикализма и попыток реставрации монархии, но постепенно отошел от программы социальных и демократических реформ. В связи с победою республиканцев на выборах в Палату депутатов 20 (8) февраля 1876 г. (см. стр. 357) и избранием Гамбетты русская пресса уделяла большое внимание прогнозам относительно его будущей политики. С одной стороны, подчеркивался его отход от «крайних» убеждений прошлых лет, с другой — указывалось, что одним из первых мероприятий его правительства ожидается принятие закона об амнистии коммунарам (см., например: *Г*, 1876, 15 февраля, № 46; 16 февраля, № 47; 18 февраля, № 49, и др.).

С т р. 164. . . .*кража у австрийск‹ого› посланника*. — «В ночь с 10-го на 11-е марта в квартире австрийского посланника, генерала барона Лангенау, был задержан вор. В городе говорят, что он был найден под кроватью посланника и что при злоумышленнике был заряженный револьвер. Звание задержанного, нестарого, весьма прилично одетого человека, еще не разъяснено. Дело уже передано на распоряжение судебного ведомства» (*Г*, 1876, 13 марта, № 73).

С т р. 164. *Мещерский. Центральное общество добродетели*. — Имеется в виду статья В. П. Мещерского «Центральное общество нравственности» (*Гр*, 1876, 14 марта, № 11, стр. 287—290), в которой выдвигался проект «учредить для действия повсеместно в России общество издания и распространения нравственных книг — для борьбы с подпольными распространителями безнравственных и революционных изданий». Предлагая основать подобное общество, Мещерский предвидел опасность того, что оно может попасть под влияние революционеров, которые получили бы тем самым более широкие возможности вести свою агитацию. Для предотвращения этого он считал необходимою связь общества с церковью: «Агентами нравственности должны быть прежде всего агенты церкви. Без этого первыми ‹. . .› агентами будут нечаевцы».

С т р. 165. . . .*где лучшие люди?* — Проблема «лучших людей», поднятая Достоевским в «Подростке», неизменно присутствовала в его сознании в течение всего издания «Дневника писателя». Она представлена многочисленными записями в тетрадях 1875—1876 и 1876—1877 гг., косвенно затронута в рассуждениях Парадоксалиста в апрельском выпуске «Дневника» за 1876 г. (гл. II, § 2) и подробно рассмотрена в октябрьском выпуске того же года, гл. II, § 3—4 (наст. изд., т. XXIII).

С т р. 166. *Изворотливая робость*. — Выражение из книги П. О. Бобровского «Юнкерские училища. Обучение и военное воспитание юнкеров» (т. 2, СПб., 1873, стр. 531), где говорилось: «Отсутствие сознания собственного достоинства, недостаток самолюбия, изворотливая робость, неоткровенность, разного рода плутовские проделки и готовность пользоваться плохо положенным — вот те выдающиеся черты, доказывающие отсутствие хороших нравственных задатков и неотчетливое понимание нравственной нормы, которые замечаются из частных и официальных отзывов о среде обучающихся последнего, ближайшего к нам времени». Эту цитату Достоевский прочел в передовой статье «Русского мира» (1876, 21 марта, № 79), в которой разбирался вопрос о падении нравов в офицерской среде.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1876 года

Источники текста

*ЧР*₁ — Черновая редакция объявления среди набросков к мартовскому выпуску *ДП* за 1876 г. (см. стр. 167). Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2. 11/7, л. 1; см.: *Описание*, стр. 280. Публикуется впервые.

ЧР$_2$ — Черновая редакция (см. стр. 167—168). Хранится: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.19; см.: *Описание*, стр. 280. Публикуется впервые.

Г — «Голос», 1875, 21 декабря, № 352.

Черновые редакции объявлений и текст, помещенный в «Голосе», имеют небольшие разночтения. В конце январского номера было помещено аналогичное объявление со следующим изменением: вместо «В будущем 1876 году»— «В 1876 году».

В конце каждого последующего выпуска давалось объявление о подписке на следующие месяцы.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Ашукин — Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966.
Бабкин и Шендецов — А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Кн. 1—2. «Наука», М.—Л., 1966.
БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд-во АН СССР, М., 1953—1959.
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. «Наука», М., 1971.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Библиотека, новые материалы — Л. П. Десяткина, Г. М. Фридлендер. Библиотека Достоевского. (Новые материалы). — В кн.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, т. IV. «Наука», Л., 1980, стр. 253—271.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Вр — «Время» (журнал).
Г — «Голос» (газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд-во АН СССР—«Наука», М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд-во АН СССР, М., 1937—1952.

Гр — «Гражданин» (газета).

Гроссман, Биография — Л. П. Гроссман. Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. «Молодая гвардия», М., 1965.

Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд-во «Academia», М.—Л., 1935.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Гюго — В. Гюго. Собрание сочинений в пятнадцати томах, тт. I—XV. «Художественная литература», М., 1953—1956.

Д — «Дело» (журнал).

Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд-во АН СССР, Л., 1935.

Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. «Советский писатель», М.—Л., 1963.

Достоевская, А. Музей памяти Ф. М. Достоевского — Музей памяти Федора Михайловича Достоевского в имп. Российском историческом музее в Москве. (1846—1903 гг.). Сост. А. Достоевская. СПб., 1906.

Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. Изд-во писателей в Ленинграде, 1930.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература», М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука», Л., 1971.

Достоевский — художник и мыслитель — Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. «Художественная литература», М., 1972.

ДП — «Дневник писателя».

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia» —Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Зосимский — З. Зосимский. Исторический очерк деятельности Российского общества покровительства животным со дня его основания 4 октября 1865 г. по 1891 г., или за 25 лет его существования. СПб., 1890.

ИГ — «Иллюстрированная газета».

Кистяковский — А. Ф. Кистяковский. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозначением русских учреждений. Киев, 1878.

Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. «Юридическая литература», М., 1966—1969.

Лермонтов — М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в шести томах, тт. I—VI. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1954—1957.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—92. Изд-во АН СССР—«Наука», М., 1931—1981. Издание продолжается.

Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—IV. «Наука», Л., 1974—1980.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

Н — «Новости» (газета).

НВр — «Новое время» (газета).

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.

Нечаева, Время — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861—1863. «Наука», М., 1972.

Нечаева, Эпоха — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864—1865. «Наука», М., 1975.

ОВ — «Одесский вестник» (газета).

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. гос.

архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы АН СССР).
Отчет за 1875 г. — Отчет о деятельности С.-Петербургского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для малолетних преступников за 1875 год. СПб., 1876.
ПГ — «Петербургская газета».
Переписка — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. «Наука», М., 1979.
Письма читателей — Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. Вступ. статья, публикация и коммент. И. Волгина. — «Вопросы литературы», 1971, № 9, с. 173—196.
ПО — «Православное обозрение» (журнал).
Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1937—1959.
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русский мир» (газета).
Розенблюм — Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. — В кн.: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. «Наука», М., 1971, с. 9—92 (Литературное наследство, т. 83).
РС — «Русская старина» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. «Художественная литература», М., 1965—1977.
Саруханян — Е. П. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Лениздат, Л., 1972.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд-во «Мысль», Л.—М., 1924.
Славянский сборник — Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. М., 1948 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Труды Отдела рукописей).
СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд-во АН СССР, М., 1959.
Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. I—XC. ГИЗ—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1959.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд-во АН СССР—«Наука», М.—Л., 1961—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд-во АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.
Фельетоны — Фельетоны сороковых годов. Изд. «Academia», М.—Л., 1930.
Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. «Наука», М.—Л., 1964.
Фридлендер, Святочный рассказ — Г. М. Фридлендер. Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта. — В кн.: Международные связи русской литературы. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 370—390.
Холшевников — В. Е. Холшевников. О литературных цитатах у Достоевского. — «Вестник ЛГУ», 1960, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2.
Эп — «Эпоха» (журнал).
1882 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. XI. СПб., 1882.
1883 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1883.
1928 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госиздат, М.—Л., 1926—1930.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Редакционная коллегия:

В. Г. БАЗАНОВ (*главный редактор*),
В. В. ВИНОГРАДОВ, *Ф. Я. ПРИЙМА*,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (*заместитель главного редактора*),
М. Б. ХРАПЧЕНКО

Тексты подготовили и примечания составили:

А. В. АРХИПОВА, Н. Ф. БУДАНОВА, Е. И. КИЙКО,
Е. А. КОСТЮЧЕНОК, В. Д. РАК, Г. В. СТЕПАНОВА,
В. А. ТУНИМАНОВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР, И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редакторы XXII тома

Е. И. КИЙКО, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ,
Том XXII

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *А. И. Кац*, *Э. Н. Липпа* и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 03.09.80. Подписано к печати 19.05.81. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $25^{1}/_{2}$ + 1 вкл. ($^{1}/_{8}$ печ. л.)=25.62 усл.печ. л. Уч.-изд. л. 33.37. Тираж 55 000. Изд. № 7758. Тип. зак. 1752.
Цена 3 р. 70 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12